Я избираю простоту… схиархимандрит Авраам (Рейдман)

АУДИО

Аннотация

Аннотация

В новой книге схиархимандрита Авраама (Рейдмана) представлены беседы, проведенные с прихожанами в Екатеринбурге. Как бороться со страстями? Как приобрести добродетели? Как научиться жить по заповедям? Ответы на эти и многие другие вопросы читатель найдет в настоящем сборнике. В беседах раскрываются основные аспекты святоотеческого учения о молитве, борьбе со страстями, главных христианских добродетелях. Цель бесед – в том, чтобы не только познакомить читателя с основами духовной жизни и тонкостями духовной борьбы, но и сделать Евангелие повседневным жизненным ориентиром. Мы от всей души надеемся, что эта книга станет для читателя не просто интересным чтением, но и практическим руководством в различных жизненных обстоятельствах.

«Егда око твое просто будет…»

Я избираю простоту
И знанье, чуждое дробленья,
Евангельское изумленье
И внутреннюю красоту…
Схиархимандрит Авраам

Кто-то может спросить: почему в названии столь обширного сборника бесед о духовной жизни упомянута лишь одна добродетель – простота? Ответ на это можно найти в писаниях святых отцов, в частности, преподобного Амвросия Оптинского: «Господь почивает в простых сердцах». Сердце, очищенное от страстей, становится простым – той прекрасной простотой, о которой сказал Сам Спаситель: «Егда око твое просто будет, все тело твое светло будет»[1]. Евангельская простота, как синоним чистоты ума, становится, таким образом, всеобъемлющей добродетелью, вмещающей в себя и смирение, и незлобие, и любовь, и все прочие добродетели.

Стяжанию этой чистоты ума и посвящены все беседы схиархимандрита Авраама, включенные в этот сборник. Они были сказаны в разное время и на разные темы, но в книге ради удобства читателей объединены в несколько тематических рубрик: о смысле жизни, вере и неверии; о внутреннем христианстве; об евангельских добродетелях, о борьбе со страстями и, наконец, о молитвенном делании. Такое деление на рубрики позволит читателю легче ориентироваться в книге. Каждая рубрика предваряется выдержками из сборника стихотворений отца Авраама «Теологические сонеты».

Беседы в основном рассчитаны на тех, кто только начал воцерковляться и нуждается в том, чтобы получить целостное, системное видение духовной жизни и знание основных ее законов. Впрочем, мы надеемся, что книга понравится и тем, кто в Церкви уже не один десяток лет, ибо из богатого фактического материала бесед (опытное духовное знание плюс примеры из церковной истории и святых отцов) можно извлечь много пользы всякому. Отец Авраам говорит о том, что для всех

и всегда актуально: как правильно молиться, как бороться с унынием или тщеславием, как любить ближнего, не впадая в человекоугодие, как поститься разумно и т. д.

Особенность большей части этих бесед в том, что в их основе лежит толкование евангельских заповедей. В своих толкованиях отец Авраам опирается прежде всего на русских духовных писателей, живших в близкое к нам время, в частности, на сочинения святителя Игнатия (Брянчанинова). Цель бесед – в том, чтобы не только познакомить читателя с основами духовной жизни и тонкостями духовной борьбы, но и сделать Евангелие повседневным жизненным руководством. Ответы на вопросы слушателей, помещенные в конце каждой беседы, помогут глубже проникнуть в тему и, возможно, прояснят для читателя те моменты, о которых он сам хотел бы спросить.

Говоря о книге схиархимандрита Авраама «Я избираю простоту…», нельзя не сказать и о других книгах этого автора. Духовник Александро-Невского Ново-Тихвинского женского монастыря и Свято-Косьминской мужской пустыни, отец Авраам в свое время провел с монашествующими много аскетических бесед, которые легли в основу трехтомника «Благая часть». Впрочем, туда вошли далеко не все беседы: значительная часть бесед еще ждет своей публикации. Широко известны в церковных кругах «Евангельские поучения» и «Апостольские поучения» – сборники толкований отца Авраама на воскресные евангельские и апостольские чтения. Любители поэзии знают «Теологические сонеты» схиархимандрита Авраама, куда вошли стихотворения разных лет. Не так давно вышли в свет сборник «Беседы о кончине мира» и десять бесед-толкований на Евангелие «Размышления над Нагорной проповедью». Наконец, отец Авраам является составителем известных сборников о молитве – «Ключ разумения» и «Трезвомыслие», а также святоотеческих свидетельств о загробном пути человека – «Посмертный путь души».

Мы от всей души надеемся, что эта книга станет для читателя не просто интересным чтением, но практическим

руководством к обретению блаженной чистоты и простоты сердца, при которых человек становится способным зреть Бога.

Тайна уединения

Многим может показаться удивительным, почему в век, когда широкому читателю стали доступны сокровища христианской святоотеческой книжности, в пасомых, а прежде всего, в пастырях, так заметно скудеет духовное ведение… Кажется, все должно быть как раз наоборот: люди имеют возможность встречаться друг с другом, беседовать без утайки, не опасаясь никаких прещений; всюду слышны призывы возрождать духовность… А результат – едва ли не противоположный. В чем же разрешение этой печальной загадки? Не в том ли, что мы сегодня так редко бываем наедине с самими собой… Шумный, пронырливый мир с его страстями, домыслами и помыслами действует на душу, как сибирская мошка – на тело: мгновенно пробирается в сердце и ум, едва лишь приоткроешь маленькую щелочку – полюбопытствуешь, где что творится, кто и что говорит по определенному поводу и «без онаго»…

Уединение… Большинству из нас незнакомая роскошь… Уединение – та земная награда, которую иночествующие сознательно избирают, возлагая на себя этот никогда не увядающий лавровый венец. «Пребывай в келье своей – и она тебя всему научит», – говаривали древние подвижники. На малое время оставив круг своих друзей и неизбежное многоречие, войдем и мы, дорогие читатели, в сокровенное пространство собственного сердца… Там, если хорошо поищем, по малом времени найдем «горницу велию, устланную…» Уединившись в ней, душа обретает возможность «единой с единым Богом» беседовать… Нет большего счастья на земле (кроме соборно совершаемой Божественной литургии), чем беседовать со Отцом Небесным, Который с благоволением принимает младенческий лепет наших молитв, воссылаемых Ему из глубины сокрушенного сердца!

В уединении христианин обретает светлость ума и сердечный покой, которых ему никогда не стяжать в мирской суете.

Искусство находить в течение дня (или ночи) хотя бы полчаса, чтобы «спрятаться» в «клети сердечной», имеет удивительные последствия… Какие? Познание собственной греховной немощи, соединенное с упованием на помощь Бога Живого, и внутреннее желание поскорее примириться с обидчиками, недоброжелателями, вражда с которыми вовсе лишает человека общения с нашим Милосердным Спасителем…

Уединение меняет строй души, напечатлевая в ней начатки Христовых добродетелей – тихость, кротость, смирение, рассудительность…

Уединение преображает даже внешний облик человека, возвращая ему ясность очей и размеренность движений…

Пусть же эта книга, поможет читателям прикоснуться к тайне, на которую я намекнул в кратком предисловии…

Правильно читает духовное сочинение тот, кто, углубившись в мысль автора, затем отлагает его труд в сторону и устремит сердечный взор горе…

Посредством молитвы Господь дарует Своему ученику ведение его бессмертной души и всего сущего в мире; а усердных и смиренных молельщиков приобщает непостижимым путям Промысла, истоки которого сокрыты в области Света неприступного…

Протоиерей Артемий Владимиров

О смысле жизни

Понимание смысла жизни зависит от действия благодати. – О сотворении человека и последствиях грехопадения. – Смысл жизни состоит в единении с Богом. – Неописуемое блаженство богообщения. – Человек предназначен для бесконечного блаженства. – Возвышенные истины понятны человеку, живущему по евангельским заповедям. – О страхе вечных мук, комплексе неполноценности и смирении. – Можно ли вымолить неверующих родственников.

Сегодня я постараюсь на основании творений святых отцов изложить православное учение о смысле человеческой жизни. Но вначале скажу несколько слов о том, чтó люди неверующие обычно называют поиском смысла жизни.

Отчего у человека возникает вопрос о смысле жизни? От внутренней пустоты, от того, что человек лишился благодати. Этим вопросом может задаваться как человек неверующий, то есть лишенный действия благодати, так и верующий, но по какой-то причине – из-за грехов, из-за суетности – опустошившийся. Тогда в нем воскресает сомнение; словно из небытия возникает то, что будто бы уже окончательно ушло из его души, то, что в минуты блаженства казалось ему забытым. Так было с апостолом Петром: во время преображения Спасителя на Фаворе он ни о чем земном не помышлял, но прошло какое-то время, начались искушения, в особенности во время Гефсиманской ночи, и он даже трижды отрекся от Господа.

Получается, что человек понимает смысл жизни или перестает его понимать в зависимости от того, присутствует ли благодать в душе человека или по каким-то причинам уходит. Когда благодать действует в душе человека, в его уме, то ему кажется, что он все понял и может это объяснить, все для него становится ясным, четким, определенным. Но благодать человека оставляет – и у него опять недоумение, все путается, прежние убедительные доводы кажутся теперь совершенно неубедительными, какими-то легкомысленными. Человек

пытается найти новые аргументы, но он их не найдет, пока в его душе снова не начнет действовать благодать: тогда, может быть, первоначальные доводы вновь покажутся вескими или же в его уме появятся новые рассуждения, новые доказательства. Не от собственных усилий, подчеркиваю, а от действия благодати. Мы знаем, что святые отцы, писавшие на догматические и нравственные темы или вступавшие в полемику с язычниками и безбожниками, приводили множество всевозможных доводов, с помощью которых убеждали людей в истинности православного вероучения, необходимости нравственной жизни. Находить эти аргументы им удавалось не только потому, что они были чрезвычайно умными людьми, но и потому, что благодать Божия их вразумляла, придавала им особенное вдохновение, как бы окрыляла их ум.

Когда человек с Богом, у него не может возникнуть вопроса «для чего Бог меня создал?», потому что этот вопрос выражает сомнение в благости Божией, сомнение в том, что существование человека осмысленно, что он имеет какое-то особенное предназначение. И можно было бы обойтись этим моим объяснением и даже больше ничего не говорить. Просто сказать: «Нужно молиться, каяться, и когда душа ваша будет очищаться и соединяться с Богом, тогда вы будете чувствовать, что, по словам Спасителя, Господь в вас и вы в Господе». Святые отцы, объяснявшие, зачем Бог сотворил человека, прежде сами соединились с Богом. Они почерпнули это знание отнюдь не из каких-то отвлеченных рассуждений, они не задавали сами себе вопросы и не мучились душой. Общаясь с Богом, они понимали, для чего существуют они, для чего существуют все люди. Понимали потому, что на своем опыте это пережили.

Когда человек соединен с Богом, у него нет никакой необходимости рассуждать о чем-либо, тем более о смысле жизни. А при полном единении с Богом человек вообще теряет способность рассуждать о земных предметах так, как о них рассуждают обычно, пытаясь собственным разумом понять их смысл и соотношение между ними. Он смотрит на предметы

так, как внушает ему Дух Святой, понимает их так, как ему открыто свыше.

Преподобный Симеон Новый Богослов, говоря о познании Бога, предлагает прекрасный образ: человек стоит на берегу и взирает на огромный, безграничный океан, столь великий, что он не может окинуть его взором. Но все-таки он что-то видит: видит поверхность воды, сливающуюся с горизонтом бесконечность. Таково познание человеком Бога, когда он еще не соединился с Ним. Человек стоит и в благоговейном ужасе созерцает величие Бога, Его всебесконечное совершенство. Когда же человек погружается в океан, то есть соединяется с Божеством, тогда уже не видит всей этой безграничности: он уже в океане, он в каком-то смысле (конечно, не теряя при этом своего самосознания) сливается с этим океаном. И тогда он испытывает полное блаженство богообщения, неописуемое для не испытавших этого. То же самое можно сказать и о познании смысла жизни. Когда человек рассуждает о том, в чем состоит смысл жизни, он смотрит на предмет своих рассуждений как бы со стороны, но когда он на самом деле это понял, тогда он уже, может быть, даже и не способен размышлять на эту тему, да и не нуждается в этом.

Наверное, никто из апостолов или пророков о смысле жизни не думал. Если они и говорили на эту тему, то не потому, что сами нуждались в таких рассуждениях, а потому, что желали объяснить это другим из любви к ближним. А те подвижники, жизнь которых проходила в подвиге уединения и служение которых не заключалось в обращении людей к истине, даже и не пытались размышлять о смысле человеческой жизни и вообще избегали общения с людьми. Таким был, например, преподобный Арсений Великий. Многие люди, пытаясь вступить с ним в беседу, испытывали огорчение, потому что он чуждался всяких, даже самых кратких, разговоров. Монахи приходили к нему за наставлением, преодолев много километров пути. Преподобный Арсений их приветствовал, они садились у него в келии, а он занимался рукоделием и ни слова им не говорил. Посидев несколько часов, братья уходили, так и не получив наставления. Почему он так поступал? Потому что он искал

прежде всего единения с Богом и следовал полученному им от Бога откровению: «Арсений, бегай людей, безмолвствуй и спасешься».

А ведь до того, как уйти в пустыню, Арсений Великий был учителем царских детей, был приближенным императора, владыки всего цивилизованного мира того времени. Будучи одним из самых образованных людей Римской империи, он хорошо знал философские учения, существовавшие в то время. А философы всегда пытались дать ответ на вопрос о смысле человеческого бытия. Однако всем этим он пренебрег, ради того чтобы на опыте познать то, о чем всего лишь рассуждали люди, не знавшие ответа на этот важный, достойный размышления вопрос: в чем смысл человеческой жизни?

Однажды Арсений Великий беседовал с египетскими подвижниками. Почти все они происходили из простых крестьян, были людьми безграмотными, невежественными, порой не знали и греческого языка, который в то время был языком всех культурных людей мира и считался международным, может быть, даже в большей степени, чем сейчас английский. И некто, присутствовавший на беседе, спросил Арсения: «Как ты, человек образованный, можешь беседовать с этими египтянами, людьми невежественными?» Преподобный ответил ему: «Да, я человек образованный, но азбуку этих египтян я еще не выучил». Под азбукой он имел в виду те духовные познания, которые египетские монахи уже приобрели своим подвигом и которые преподобный Арсений пытался у них позаимствовать. Этот человек по-настоящему искал смысл жизни. Он оставил столицу мира, Константинополь, называемый греками мегалополисом, то есть «великим городом», а русскими впоследствии – Царьградом, и ушел к самым невежественным, некультурным людям того времени, безграмотным египтянам, коптам – учиться у них духовной грамоте. Не для того, чтобы читать аскетические книги, запоминать отдельные изречения и потом искусно рассуждать на ту или иную тему, как это часто делаем мы, а для того, чтобы учиться самому́ этому духовному деланию.

Пример Арсения Великого показывает нам, каким образом нужно искать смысл жизни. Искать его нужно не в книгах, а в самой жизни. Ты можешь прочитать гору книг, но остаться полным невеждой, совершенно безграмотным, ни к чему не способным. Представьте себе человека, который, сидя дома, читает книги о путешествиях. Но сам он не имеет никаких навыков для того, чтобы совершать путешествие: не знает, как ориентироваться на местности, как поставить палатку, как разжечь огонь. Если такой человек и отправится в путь, то в первый же день увидит полную несостоятельность своих мечтаний, которые он лелеял, читая книги в своей уютной комнате. Итак, мы должны, выражаясь просто, смысл жизни не понять, а пережить.

А теперь перейдем к теоретическому объяснению смысла человеческой жизни, основанному на Священном Писании. Святые отцы, истолковывая Писание, рассказывают нам о том, для чего был сотворен человек, что с ним произошло потом и как было восстановлено и возвращено человеку то, что он потерял в результате грехопадения. Может быть, это слишком возвышенные предметы, о которых мы недостойны говорить, и лучше было бы на этом остановиться: не мудрствовать высоко, а попытаться приобрести познания на опыте – но поскольку такой вопрос возник, то я постараюсь на него ответить.

Бог есть Существо совершенное и всеблаженное, вседовольное, ни в ком и ни в чем не нуждающееся. Пребывая в Самом Себе, Он мог бы и не творить видимого и невидимого мира. Творение мира произошло не потому, что в этом была какая-то необходимость или это было некой потребностью Божества. Еще прежде создания мира Бог наслаждался благостью Своего существования, которая для нас непостижима. Сколько времени это длилось, мы не можем сказать, поскольку понятие времени к бытию Божию неприложимо. Мы допускаем некоторую условность, когда говорим, что Бог существовал вечно, то есть употребляем глагол в прошедшем времени. Итак, пребывая во всеблаженном состоянии, наслаждаясь Собственными совершенствами, Собственной благостью и желая излить ее на кого-то, Бог

помыслил создать мир видимый и невидимый. Все эти слова надо понимать, как выражаются святые отцы, богоприлично – настолько, насколько они приложимы к Божеству. Слово «помыслил» также нужно понимать условно, поскольку в Боге нет никакого движения, то есть Он не изменяется. Если человек сначала чего-то не хотел, а потом захотел, то это значит, что в нем произошла перемена. В Боге же, конечно, никакой перемены быть не может, поэтому все знания, которые в Нем есть, пребывали от века, в том числе и представление о сотворении мира. Почему Бог решил сотворить мир в какой-то определенный момент, а не сделал этого раньше или позже, останется для нас непостижимым.

Сначала Бог создал существа, близкие к Нему по природе, «вторые светы», как называет их святитель Григорий Богослов, то есть ангелов, и излил на них Свою благость. Потом сотворил существа, противоположные Ему по природе, – видимый, или, как мы его сейчас называем, материальный мир. И наконец создал человека, имеющего смешанную природу, в чем-то подобного ангелам, а в чем-то – материальному миру. Каждое существо по мере возможности принимает в себя благость Божию. Да и само существование каждой твари уже есть проявление благости Божией. Даже демоны – ангелы, восставшие против Бога и отпавшие от Него, – волей-неволей прославляют Его самим фактом своего существования. Они благие, поскольку существуют, и злые, поскольку противятся воле Божией, идут против собственного естества.

О людях, даже самых страшных грешниках, можно сказать то же самое: поскольку они существуют, то они благие. Зло само по себе, как нечто самостоятельное, не существует, это искажение природы, уклонение разумного существа от своего предназначения. Добро есть следование своей природе, но не такой, какой мы ее сейчас себе представляем. Все мы являемся людьми падшими, греховность стала нашим естественным состоянием, а поскольку все мы в этом смысле одинаковы, то имеем понятие о природе человека как о падшей. Мы же должны следовать природе человека в том ее состоянии, в каком она находилась до грехопадения и в каком она

изображена в Библии. Сейчас же в нас существует и доброе, то, что сотворено Богом, и злое, то, что привнесено извне, что разрушает нашу природу, наше естество.

Человек должен был бесконечно наслаждаться безграничной, всеобъемлющей, глубочайшей благостью Божией. Может быть, кому-то кажется это скучным, однообразным, однако такое впечатление возникает оттого, что человек не понимает, в чем эта благость состоит. Когда человек в чем-то не разбирается, то ему это кажется непонятным и ненужным. Например, людям, у которых музыкальный вкус не развит, музыка кажется бессмысленным набором звуков. Грубую, примитивную музыку они еще воспринимают, а если нужно напрячь слух, то для них это почти невозможно. А люди с развитым музыкальным вкусом различают не только качество произведений, но и более или менее удачное их исполнение, уровень мастерства того или иного музыканта. Человеку, не знающему математики, удивительно, как люди месяцами, годами сидят над решением задач, делают открытия. Ему это кажется нелепым и ненужным. Но люди, разбирающиеся в математике, не только видят в ней пользу, но и занимаются этой наукой с наслаждением.

Тем более это утверждение верно в отношении богопознания: впечатление однообразия бывает у того, кто далек от Бога и не понимает, что переживания от общения с Ним столь многообразны, утешительны для человека, что могут заменить для него все. Эти переживания не только по своей силе, но и, подчеркиваю, по разнообразию намного превосходят все земное и оказываются могущественнее, чем любые земные впечатления. Читая описания благодатных состояний, в которых пребывали подвижники в земной жизни, еще только предвкушая блаженство Царства Небесного, мы видим, что ощущения их были весьма и весьма разнообразны. Вспомните описание того, как благодать Духа Святого осенила Серафима Саровского и его собеседника, помещика Мотовилова. Вспомните описания высоких духовных переживаний преподобного старца Силуана Афонского и схиархимандрита Софрония (Сахарова), гимны преподобного Симеона Нового Богослова, поучения Исаака

Сирина, Макария Великого – людей, живших в разные времена. Эти подвижники не могли насытиться общением с Богом, оно влекло их все больше и больше. Возвращаясь к обычной земной жизни с ее как будто интересным многообразием, они часто испытывали глубочайшую тоску. Об этом прекрасно пишет преподобный старец Силуан Афонский.

Нам, ничего подобного не испытавшим, все духовное кажется скучным, однообразным, мы с трудом понуждаем себя к молитве. Наши ощущения чрезвычайно примитивны – не потому, что в молитве мы соприкасаемся своими духовными чувствами с чем-то примитивным, а потому, что мы еще слишком мало познали. Мы как подслеповатые: ничего разглядеть не можем и нам все кажется сливающимся в некую серую массу. Так евангельский слепец, когда Господь его исцелял, сначала видел людей смутно, словно деревья. Не различал ни черт лица, ни чего-либо другого, видел только фигуры, похожие на стволы деревьев. Вот так и мы смотрим на духовные предметы. Только потом, когда Господь вновь прикоснется к нам, – если это, конечно, произойдет, – мы начнем видеть все ясно.

Итак, человек изначально был предназначен для блаженства. Ему не было сказано: *Не убий, не прелюбодействуй.* Он не нуждался в этих заповедях, потому что все добродетели пребывали в нем естественно. Мы и сейчас на примере некоторых преуспевших подвижников видим, что их наполняет любовь к Богу и ближнему, что они без всякого напоминания, свободно, естественно исполняют заповеди Божии, делают то, что велит им их сердце, исполненное благодати. Тем более так было у наших прародителей, Адама и Евы: они не нуждались в наставлениях, кроме одной простейшей заповеди – не вкушать от древа познания добра и зла. Заповедь была дана им для того, чтобы они знали: они – существа изменчивые, способные перемениться как в лучшую, так и в худшую сторону, и чтобы, исполнив эту заповедь, они преуспели еще больше, достигли большего богопознания и единения с Господом.

В книге Бытия описывается, как диавол через змея, воспользовавшись им как своим орудием, соблазнил Адама и Еву, отчего произошла страшная катастрофа, коснувшаяся всего мироздания. Для видимого мира Адам и Ева были некими богами, через которых благодать изливалась на неодушевленную материю, на растения и животных. Через наших прародителей все должно было быть облагодатствовано, весь мир должен был превратиться в райский сад. Что касается размножения человеческого рода, то и оно должно было происходить, но не так, как сейчас, а иначе – возможно, подобно тому, как Ева была взята из Адама. Как и ангелы, первые два человека были сотворены Богом: Адам взят из земли, Ева взята из Адама. Господь мог бы размножить человеческий род каким угодно способом. Бог дал Адаму заповедь: *Делай и храни*[2], что означало: «Возделывай, превращай всю землю в райский сад и сохраняй то, что ты сделал». Если бы он исполнил эту заповедь, вся земля превратилась бы в Эдем. Вероятно (мы можем об этом только догадываться, поскольку этого не произошло), по мере превращения земли в райский сад, она наполнялась бы вновь сотворенными людьми.

Однако Адам и Ева преслушались Бога и, как было предсказано, тотчас умерли. Хотя они прожили в теле еще более девятисот лет, но душой они умерли в тот же день. По объяснению преподобного Симеона Нового Богослова и других подвижников благочестия, как для тела смертью является разлучение его с душой, так для души смертью является разлучение ее с Духом Святым. В Священном Писании сказано, что Господь, сотворив человека, *вдунул в лице его дыхание жизни*[3]. Некоторые понимают это превратно, вне контекста Священного Предания Православной Церкви: душу человека считают частью Божества. Это не так. Очень правильно и точно говорит об этом преподобный Серафим Саровский: слова *вдунул в лице его дыхание жизни* означают, что душа человека была изначально соединена с Божией благодатью. В этом и заключалась его естественная жизнь. Как глаза созданы для того, чтобы созерцать свет, – если нет света, то и глаза не

нужны, – так и душа всегда должна пребывать в общении, в благодатном единении с Богом.

В Священном Писании говорится, что человек был нагим, но это не означает, что он в буквальном смысле слова был наг. Сказано так потому, что первые слушатели Божественного откровения, древние евреи, не могли вместить всей полноты истины. На самом деле наши прародители не были нагими. Да, Адам и Ева не имели одежды в том смысле, что не покрывали своих тел никакими тканями, но благодать изливалась на них так обильно, что они всегда были облечены в одеяние Божественного света и в самом точном смысле слова не видели своей наготы. Причем они были в этом одеянии света всегда, а не время от времени, как было, например, у преподобного Серафима Саровского: в один момент его лик просиял, потом благодать умалилась и преподобный принял свой обычный облик.

Адам и Ева не углублялись в рассматривание своей телесной природы, поскольку ум их был устремлен горé, то есть к Богу. Это естественное единение ума с Богом было неким окном, через которое мощным потоком вливался свет Божественной благодати, озаряя их душу и тело и даже, я думаю, все, что их окружало. Адам и Ева были двумя совершенными, блаженными существами, и понять это блаженство сейчас уже никто не может. Может быть, познали его подвижники, достигшие совершенства, – и то лишь в некоторой степени. Преподобный Макарий Великий говорит, что есть двенадцать ступеней совершенства, и человек, восшедший на высшую, двенадцатую ступень, не в состоянии всегда на ней пребывать, потому что не смог бы тогда ни есть, ни пить, ни общаться с кем-либо. Господь низводит таких людей на низшие ступени, лишая полноты благодати ради того, чтобы они служили братии. Именно такие подвижники – я думаю, к ним принадлежали и Макарий Великий, и старец Силуан Афонский, и Симеон Новый Богослов – смогли описать состояние Адама. Все постигается не иначе, как опытом, и они на своем опыте смогли хотя бы в какой-то степени проникнуть в то состояние, в котором пребывал первый человек, и познали те чувства,

которые он испытал после того, как благодать Божия его оставила.

В единении с Богом, в этом бесконечном блаженстве и состоит смысл жизни, для этого и был создан человек. И Господь не переменил Своего намерения. Бывает, что мы, начав дело, не учитываем какого-то важного момента, отчего все наше предприятие расстраивается, и мы понимаем, что потерпели неудачу. Но Бог ошибиться не мог. Он знал, что произойдет падение и ангелов и людей. Некоторые наивные люди спрашивают: «Почему же Он этого не предотвратил?» Господь знал о том, что будет, и Он учел это. Это был, как выражаются некоторые богословы, Божественный риск. Любовь действует неограниченно, она не может одному преподать свое благо, а другому – нет. Любовь Божия выражается в том, что Он дал бытие не только тем существам – людям и ангелам, – которые остались Ему преданы и верны, но и тем, которые впоследствии от Него отпали. Он ни в чем их не обделил, не лишил их существования, и в этом заключается непостижимая для человека Божественная благость.

Бог сделал причастниками непостижимого для нас блаженства и Божественной славы всех сотворенных существ в той мере, в какой каждый мог их воспринять, – будь то ангелы, люди, животные или неодушевленная материя, ибо все они приобщились к благости Божией через бытие. Он учел и то, что произойдет после их падения, и устроил все таким образом, чтобы впоследствии вернуть человеку утерянное им блаженство, утерянную благодать. Это было совершено через пришествие в мир, страдания и воскресение Спасителя. Благодать вновь нам возвращена, вернее, возможность обрести ее. Каждый из нас, если будет усердно трудиться (для этого ему совсем необязательно нести такие же подвиги, какие нес Антоний Великий, но обязательно трудиться над тем, что предоставляет ему Промысл Божий, над тем, что для него полезно), сможет вернуть себе утерянное блаженство, конечно, не полноту его, но залог.

Так происходило со многими подвижниками благочестия, известными и неизвестными. Некоторые из них написали об

этом книги, а некоторые, переживая это в себе, не умели описать свои ощущения, а может быть, даже избегали рассказывать о своем внутреннем состоянии. Например, Арсений Великий при всей своей исключительной образованности ничего не написал, оставил только некоторые изречения. Из «Отечника» мы знаем, что он испытывал обильное действие Божественной благодати: некоторые монахи видели, что он весь был словно огненным, тело его становилось светоносным, наподобие того как светились тела наших прародителей в раю до грехопадения.

Вот в этом, повторю, и состоит смысл жизни – мы должны прийти к единению с Богом. Остальное второстепенно. Допустим, кто-то видит смысл своей жизни в том, чтобы самому построить храм, кто-то – в том, чтобы изучать богословские науки и преподавать их другим, кто-то – в том, чтобы писать иконы, кто-то – в отшельничестве, кто-то – в подаянии милостыни. Но все это лишь средство прийти к богообщению, для которого человек и создан. Именно так нужно понимать беседу преподобного Серафима Саровского с Мотовиловым о стяжании благодати: не только в том узком смысле, что мы должны все делать для того, чтобы стяжать благодать, но и в том смысле, что цель нашей жизни – единение с Господом. В этом наше предназначение. До тех пор пока мы этого единения не найдем, мы не успокоимся, никто не сможет нам ничего объяснить, как бы мудро он ни рассуждал. Только в единении с Богом как образованный, утонченно мыслящий человек, так и самый простой, может быть малограмотный, одинаково найдут покой для ума и души.

Когда каждый видит смысл жизни в чем-то своем, то выходит нелепость: один живет для того, чтобы, допустим, проектировать дома, другой – штукатурить… А для чего вообще существует человек, непонятно. Получается, что каждый существует для своей профессии. Герберт Уэллс (хотя он был, к сожалению, безбожником), пытаясь критически осмыслить современное ему общество, написал роман «Первые люди на Луне». В нем он описывает расу населявших Луну селенитов (от греческого «Селена» – Луна), похожих на гигантских муравьев. У

них существовал свой общественный строй. Каждый селенит был приспособлен к какому-либо делу: селениты с большими головами были инженерами, техническими работниками, у других были развиты руки для какой-то определенной работы. Если в какой-то отрасли возникала безработица, то ненужных селенитов усыпляли. Потом, когда они вновь требовались для производства, их приводили в состояние бодрствования. Нечто подобное получается и у нас: каждый видит собственное предназначение в чем-то своем, забывая о том, что все мы являемся носителями одной человеческой природы.

Но смысл жизни у всех людей один – это единение с Богом. Разница только в том, что каждый из нас пытается приобрести это единение своим способом. Существует нечто общее, важное и необходимое для всех, – прежде всего молитва. Есть и отличия: у всех людей разные способности, один способнее к одному послушанию (в смысле труда), другой – к другому. Есть вещи, которые, можно сказать, не имеют никакого отношения к этому главному, великому делу. Допустим, кто-то занимается светским искусством, скажем музицирует, играет на фортепиано, – в лучшем случае, это нейтрально, за счет этого человек ничего не приобретет и к Богу не приблизится. Есть вещи, которые отдаляют человека от Бога. Обычно это то, что противоречит заповедям. Занятие чем-либо нейтральным может как приблизить человека к Богу, так и удалить от Него. Например, если человек занимается накоплением богатства, то само по себе это едва ли приблизит его к Богу, может быть даже и удалит, в особенности, если это вынуждает человека кривить душой. Но если он от своего богатства начнет подавать милостыню, это может послужить его приобщению к Богу – именно милостыня, а не само богатство.

Таким образом, все, чем мы занимаемся, – это лишь средство для того, чтобы приобщиться к Богу и почувствовать действие благодати, которая нас успокаивает и не только дает нам ответ на вопрос, для чего мы существуем, но и сам вопрос изгоняет из нашего сердца, поскольку все для нас становится ясно и определенно. Когда человек уклоняется от своего предназначения, от своего естества (именно в библейском

понимании), тогда у него возникает вопрос «в чем состоит смысл жизни?». Если подходить к этому вопросу с богословской точки зрения, то можно сформулировать его иначе: «Что представляет собой наше естественное состояние?» Многие, наверное, скажут, что жить надо так, как живут все: состоять в браке, воспитывать детей, стараться обеспечить им хорошее будущее. Самим быть счастливыми и дать возможность испытать это счастье своим детям. И вообще, к людям относиться по принципу «живи сам и давай жить другим». Это и есть, по мнению многих, наше естественное состояние. Но если любого человека, живущего в таком «естественном состоянии», из этой суеты на минутку удалить и спросить, для чего он живет, то он начнет ссылаться на другого. А другой тоже ничего сказать не сможет и будет ссылаться еще на кого-то. И получается, что жить как все – значит вообще не знать, для чего мы живем.

Смысл жизни – в стремлении к Царствию Небесному или, если хотите, к возвращению в Эдем, в райский сад. Иоанн Креститель и Господь наш Иисус Христос начали свою проповедь одними и теми же словами: *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное*[4]. Наша борьба с собой, покаянные слезы или умиленная молитва – все это в широком смысле слова покаяние, то есть изменение, приводящее нас к Царствию Небесному. Господь разными притчами пытался объяснить, чтó есть Царствие Небесное, а иногда говорил откровенно. Но понятнее всего это становится из описания события, которое Сам Спаситель назвал *Царствием Божиим, пришедшим в силе*. Вскоре после того, как апостол Петр исповедал Христа Сыном Бога Живого, Господь сказал: *Есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе*[5], а потом возвел троих Своих учеников на гору Фавор. Мне кажется, Он возвел их на гору не только потому, что хотел, чтобы никто более не видел Его преобразившимся (да и самих апостолов во время этого созерцания), но и потому, что это восхождение было как бы возвращением в рай. Как из рая человек был низвержен на землю, так, восходя на гору, он возвращался в Эдем. На Фаворе, среди первозданной природы, где не было

людей, апостолы Петр, Иаков и Иоанн созерцали, подобно нашим прародителям Адаму и Еве, славу Божию, там они познали *Царствие Божие, пришедшее в силе*. Переживание апостолами этого события было настолько глубоким, что в тот момент они забыли обо всем земном, а потом на протяжении многих лет постоянно вспоминали о случившемся. Апостол Петр в своем послании свидетельствовал о преображении Господнем в доказательство познанной им истины, говоря: *Мы видели славу Его на горе́*[6]. Хотя ученики видели и воскресение Христово, тем не менее именно в преображении Его они познали, что́ есть Бог, что́ есть слава Божия, что́ есть Царствие Божие. Познали, по крайней мере, впервые. Может быть, впоследствии они и переживали нечто подобное, но ви́дение славы Спасителя на Фаворе было для них первым впечатлением такого рода, а потому самым сильным и незабываемым.

Возможно, некоторые думают, что я излагаю какие-то сложные вещи, но я лишь пересказываю то, что прочитал у святых отцов. Не все могут постичь умом, в чем состоит смысл жизни, но каждый человек, даже неразвитой, глуповатый, ленивый и грешный, может пережить это в своем сердце. А пережить – это и значит постичь по-настоящему.

Я расскажу о себе. Когда я только обратился к вере (мне было тогда двадцать один-двадцать два года), мне в руки попала книга «Отечник». И когда я читал в ней изречения святых отцов, то все это было мне неинтересно, я не видел в этом никакого смысла. Единственное, что у меня вызывало любопытство, – это описание различных случаев из жизни подвижников благочестия. А вот изречения этих самых подвижников, собранные святителем Игнатием (Брянчаниновым), – слова, которые на самом деле чрезвычайно важны, имеют большой смысл и должны приносить читающим большую пользу, – были для меня непонятны, поскольку я не имел никакого представления о духовной жизни. Таким образом, можно сделать вывод: кто хочет понять возвышенные истины, казалось бы, отвлеченные, не имеющие к нам отношения, тот должен стремиться жить по-евангельски, следовать

аскетическому учению святых отцов. Тогда он рано или поздно начнет понимать (хотя бы как-то смутно ощущать) смысл и значение этих истин. Раскрытые в возвышенных поучениях святых отцов, например Григория Богослова, догматы о Пресвятой Троице, предвечном бытии Божием, сотворении мира и прочие постигаются как нечто реальное, а не как философское рассуждение только тогда, когда человек начинает самостоятельно входить в духовную жизнь, то есть прикасается к догматам своим опытом. Сам Спаситель сказал: *Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим*[7].

* * *

Есть такое мнение, что человек умирает тогда, когда уже подготовлен к смерти. Что вы думаете по этому поводу?

Так происходит отнюдь не со всеми людьми. Разве Иуда Искариотский был подготовлен к смерти и поэтому повесился? Ирод был заживо изъеден червями. Разве это значит, что он был подготовлен к смерти? Господь дает время подготовиться к смерти только тем людям, которые трудятся над этим и сознательно готовятся к переходу в вечность. Им Промысл Божий предоставляет такую возможность. Да и то не всегда это происходит так, как они себе представляют. Человеку кажется, что он может еще многое сделать, а Господь его забирает.

В Одессе в 50-х годах XX века был архиепископ Никон (Петин), выдающийся архипастырь – молитвенник, милостынник, проповедник. Он за одну службу говорил три-четыре проповеди: после Евангелия, после Херувимской и в конце литургии. Люди его очень любили. Одной женщине как-то приснился сон, будто на стене Никольского храма висит виноградная лоза. И она слышит во сне слова: «Виноград уже созрел». Женщина в недоумении: что за виноград созрел? Через некоторое время владыка Никон попал в аварию. Эту аварию, вероятнее всего, подстроили коммунисты, для которых владыка был очень неудобным человеком: он был очень активный, ни в чем не уступал, всегда отстаивал интересы Церкви. После аварии он некоторое время проболел, но не

оправился и умер. Похоронили его, по благословению патриарха Алексия I, в Никольском храме – именно на том месте, где женщине привиделась виноградная лоза. И тогда она поняла, что значат слова «виноград уже созрел», и рассказала о своем сне другим.

Владыке тогда было всего пятьдесят три года, он был полон энергии, сил. Умный, деятельный человек, он добивался всего, чего хотел, и имел реальные шансы стать следующим патриархом. Его очень любил патриарх Алексий I, а в то время патриаршество практически наследовалось. Патриарх Сергий как бы завещал престол патриарху Алексию I, а тот мог завещать кому-нибудь другому – тогда советская власть не разрешала избирать патриарха путем свободных выборов. Но Господь владыку Никона забрал. Почему так произошло, мы можем только догадываться; наверное, этот человек действительно «уже созрел» – хотя он и сам этого не понимал. Но сказать «уже созрел» можно только о человеке, который всю жизнь посвятил Богу, а не вообще обо всех людях. Как сказал апостол Павел, те, которые согрешают вне закона, вне закона и погибнут. А согрешающие против закона, законом осудятся. Поэтому и верующие, и неверующие, если они живут нечестиво, умирают отнюдь не в тот момент, когда они наиболее угодили Богу, а скорее тогда, когда видно, что им уже ничто не поможет.

Меня мучает постоянный страх, что я не спасусь. Это происходит от малодушия или от неверия?

Страх страху рознь. Если мы действительно верим в вечную жизнь и желаем спасти свою душу, то страх для нас естественен. Его не может не быть, пока мы не уверены в том, что спасены, – а в этом, наверное, никто не может быть полностью и окончательно уверен. Поэтому нам, конечно, нужно страшиться, и этот страх должен нас воодушевлять. Но бывает, что страх приводит нас в уныние, расслабляет. Тогда человеку, по его немощи, лучше не испытывать никакого страха, чем такой, который ввергает его в отчаяние и делает беспомощным, не способным ни к какому доброму делу. Поэтому нужно всегда советоваться с духовником, чтобы распознать: или это страх

искренний, от благоговения, от веры, или же его наводят демоны для того, чтобы привести нас в уныние.

Можно ли во всех событиях своей жизни: встречах, удачах, неудачах – видеть действие Промысла Божия? Или это прелесть и мнительность?

Мнительность в этом, конечно, есть. Если я проспал, не успел на автобус и опоздал на работу, начальник меня отругал и лишил премии, а я говорю, что это Промысл Божий, то это глупо. У меня был один знакомый, который делал все, что ему вздумается. Мог опоздать, не прийти на работу, полениться что-то сделать, и, когда у него бывали какие-то неприятности, – а мелкие неприятности случаются каждый день – он говорил: «На все воля Божия». И бывал абсолютно спокоен. Всех подводил и при этом сохранял незыблемое спокойствие. Правда, кончил он плохо, в конце концов лишился рассудка, потому что все это происходило у него от прелести.

Конечно, все в нашей жизни происходит по Промыслу или попущению Божию, но пытаться угадать, увидеть во всем какой-то смысл не нужно. Если ты считаешь, что на все воля Божия и не прилагаешь никаких усилий к тому, чтобы исправить свою жизнь или даже просто аккуратно исполнять возложенные на тебя обязанности, то это весьма легкомысленно и глупо. Мне кажется, даже фаталисты и то прикладывают какие-то усилия для достижения той или иной цели. А тут прямо какой-то «фатализм лодыря»: человек ничего не делает, а потом говорит, что у него нет денег, потому что на то воля Божия.

Батюшка, меня уже шесть лет мучает боязливость, я боюсь всего: помыслов, людей. Постоянно проявляю маловерие и малодушие. Как с этим бороться?

Надо молиться. Если мы не станем бороться со своими страстями, – не только с этой страстью, но и с любой другой, – то будем мучиться не шесть, а шестьдесят шесть лет. Поэтому нужно, повторю, усиленно молиться, стараться не собеседовать с помыслами боязни. Конечно же, во всем необходим совет духовника. А если мы словно продираемся сквозь темный лес в безлунную ночь, без всякого руководства, без осознания того,

что, как и в какой последовательности нужно делать, то ничего никогда не достигнем.

Почему комплекс неполноценности и смирение не одно и то же?

Когда нужно исполнить какое-то сложное дело, то человек с комплексом неполноценности теряет уверенность в себе (по крайней мере, иногда так бывает), а человек смиренный, не думая о том, получится ли или не получится, полагается на волю Божию и делает все, что необходимо. Смиренный не боится опозориться, а тот, у кого так называемый комплекс неполноценности, все время страшится показать себя перед другими людьми в дурном свете. Можно сказать, что это скрытая гордость. Вообще, «комплекс неполноценности» – термин нехристианский, и потому мы можем забыть об этом понятии.

Как далеко отстоит природная доброта от евангельской любви к ближнему?

Наверное, природную доброту можно претворить в евангельскую. А как далеко она отстоит?.. Иногда «природная доброта» – это просто человекоугодие: жалость к человеку в тех случаях, когда нужно проявить твердость. Евангельская доброта чиста от примеси человекоугодия, она всегда ищет спасения человека.

Кроме того, природная доброта имеет некоторые границы: человек до какой-то степени может быть добрым к посторонним, а потом начинает думать о себе или, скажем, о своей семье, о близких ему людях. Эта доброта ограничивается определенным кругом людей и дальше не простирается, она ставит человека перед выбором – сделать добро близкому человеку или постороннему, другу или врагу. Евангельская доброта не имеет границ.

Что значат ваши слова о том, что в будущем веке Бог будет открываться людям?

Это значит, что люди будут приближаться к Богу и познавать Его. В этой жизни многие исполняют свой христианский долг как бы нехотя. Они ходят в церковь, исповедуются, причащаются и уже рады этому малому, о богообщении они едва-едва думают.

(Хотя на самом деле это неправильно, и преподобный Серафим Саровский в беседе с Мотовиловым как раз об этом говорит: люди забыли, что истинное предназначение христианина – в приобретении благодати.) А в вечной жизни люди, помилованные Богом, будут все больше и больше приобщаться к славе Божией, – конечно, соразмерно тому, кто как подвизался в этой жизни. Кто подвизался более усердно, тот в будущей жизни будет познавать Бога и приближаться к Нему в большей степени, чем тот, кто был нерадивым.

Батюшка, я больше боюсь не прогневать Бога, а попасть на том свете к демонам. Получается, что у меня не страх Божий, а страх демонов. Или это не так?

Авва Дорофей пишет, что есть два страха: один первоначальный – страх вечных мук, а другой совершенный – боязнь отпасть от сладости общения с Богом. То, о чем сказано в записке, – это страх вечных мук. Хотя это не самое высшее состояние христианина, но если такой страх по-настоящему живет в душе человека и мобилизует его на дела покаяния, то это уже хорошо.

За несколько дней до смерти одного моего родственника (он крещеный, но неверующий, в церковь не ходил) над его кроватью потемнела Казанская икона Божией Матери: через всю икону, наискось, прошла темная полоса шириной в два сантиметра. Он скончался внезапно: пришел из гостей, лег и умер. Родители у меня спрашивают: нужно расценить это как знамение, предупреждение или просто не обращать на это внимания?

Я думаю, что это действительно знамение, и даже, скорее, не для него самого, а для его родственников. Он-то этого предупреждения не понял, не воспользовался им и умер внезапной смертью, без покаяния. А родственники должны понять, чтó произошло, и сделать выводы. Это им вразумление для того, чтобы с ними не случилось подобного.

Батюшка, мне жаль своих неверующих родственников, которые умерли без покаяния. Можно ли вымолить для таких людей помилование?

Молиться даже за живых людей трудно, потому что они часто живут по своей воле, отнюдь не думают о том, чтобы исполнить волю Божию, – а за умерших еще труднее, потому что они уже не способны ни к каким переменам.

Ты знаешь, сколько у тебя умерших родственников? Миллионы людей, чьих имен ты даже не ведаешь. Твои прародители – Адам и Ева, так? Значит, все люди – это твои братья и сестры. Ты знаешь по именам своих ближайших родственников и их жалеешь, а почему ты не жалеешь всех остальных? Чем они хуже?

Вымолить своих родственников, которые, может быть, умерли без покаяния, – это очень тяжелая задача. Одно дело, если родственник – человек верующий, воцерковленный, за такого родственника помолиться можно. А если он даже и в Бога не верил?

Вы говорили о том, что свобода выбора дана человеку после падения. Как это может быть, ведь человек изначально создан свободным?

Одно дело свобода, а другое – свобода выбора. Свобода выбора появляется тогда, когда человек погружается в неведение, не знает, что хорошо, а что плохо. Свобода вообще – это совсем другое. Представим себе, что человек постоянно следует воле Божией, его воля словно соединилась с волей Божией – получается, этот человек не свободен, он Божий раб: ничего своего не делает. Но это не так. Это человек истинно свободный, потому что живет согласно своей природе и его природа, как сотворенная Богом, постоянно обогащается, просвещается, совершенствуется, то есть, по терминологии святых отцов, обóживается (по-русски можно сказать «обожествляется»). А если человек имеет свободу выбора, то он не знает, что выбрать: то или другое. Иногда и тот и другой поступок противоречат воле Божией, а бывает, что какое-то намерение человека согласно с волей Божией, а другое противно ей, и человек колеблется, как же ему поступить. Свобода выбора, повторю, появилась тогда, когда появился грех, когда человек перестал точно и ясно понимать волю Божию.

Вера и неверие

Откуда в нас вера. – «Я не могу во что-то верить, если не видел этого собственными глазами». – Даже непосредственный опыт не убедит человека, если в его душе нет Божественной благодати. – Феномен неверия. – Как возрастить в себе живую веру? – По-настоящему верующий человек ясно ощущает реальность духовного мира. – Вера с горчичное зерно творит настоящие чудеса. – Были ли у апостолов тайны, которые они никому не открыли? – Можно ли заблуждаться совершенно искренне?

Что такое вера? Казалось бы, слово это совершенно понятное, но все не так просто и однозначно. Православная вера – это не одно лишь доверие сведениям, переданным нам через Евангелие или через Церковное Предание. Если бы это было так, тогда поверить не составило бы никакого труда: события изложены в Священном Писании, в особенности в Новом Завете, столь непосредственно, что, несмотря на свою необычайность, достойны человеческого доверия. Сам слог, сама манера их изложения подкупает. Но эти совершенно искренние, безыскусные слова, которые для человека непредубежденного исключают всякую мысль о выдумке, принимаются лишь малой частью человечества. Во Христа верует меньшая часть человечества; и если из людей, верующих во Христа, выделить тех, кто верит правильно, то их опять же будет меньшая часть. И в итоге православных остается лишь горстка, тем более в наше время, которое, по предсказаниям, есть время отступления. Поэтому Спаситель и обращается к Своим последователям: *Не бойся, малое стадо!*[8]

Можно по самим себе судить о том, что за явление – вера. Мы видим: иногда у нас это чувство усиливается, иногда, как нам кажется, без всякой причины ослабевает. Порой в нас действует вера такая, что мы убеждены в истинах православия, будто видели все евангельские события своими глазами, а через некоторое время она так слабеет, что мы пугаемся самих себя и едва ли не отождествляем себя с людьми неверующими.

Это свидетельство того, что вера не зависит от одного только желания человека. Господь Иисус Христос сказал: *Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня*[9] – и этим ясно показал, что вера есть действие Божественное. Святитель Григорий Палама, рассуждая о Божественных энергиях, или, по-русски, Божественных действованиях, говорит, что одним из важнейших действований по отношению к человеку является вера. Вера – это не просто изменение человеком своих убеждений, а действие Божества в человеческой душе. Когда это действие в нас усиливается, иначе говоря, когда в нас обильно действует благодать, тогда предмет веры становится для нас ясно зримым. А когда мы согрешаем, то сила благодати от нас отступает, и мы вдруг оказываемся как бы обнаженными от убеждения в том, что несколько дней или несколько минут назад казалось нам само собой разумеющимся.

Иногда люди говорят: «Как я могу во что-то поверить, если я не видел этого собственными глазами? Вот если бы я видел, тогда другое дело». Но возьмем один известный евангельский факт. Даже в то время, когда произошло воскресение из мертвых Господа нашего Иисуса Христа, иные этому поверили и приняли это чудо всем сердцем, а иные – пренебрегли очевидными фактами и предпочли получить деньги. Евангелист Матфей так повествует о явлении ангела женам-мироносицам у гроба Господня по воскресении Спасителя: *Отвалил камень от двери гроба и сидел на нем; вид его был, как молния*[10]*.* Стражники, охранявшие гроб, были, если можно так выразиться, промыслительными свидетелями этого явления и, по словам евангелистов, стали от трепета как мертвые. Но ангел обратился именно к женам, видимо, он знал, что стражники будут свидетелями неблагодарными. И когда он сказал женам-мироносицам о том, что Христос воскрес, то они, хотя и не видели воскресшего Спасителя, от этой необыкновенной вести исполнились великой радости и благоговейного трепета.

Стражники, казалось бы, должны были одними из первых увериться в действительности воскресения Христова. Они пошли к иудейским первосвященникам и сказали о том, что

видели. И что же? Первосвященники предложили стражникам деньги, чтобы они распустили в народе слух о том, что тело Господа украли, когда они спали, – и воины согласились! Хотя то, что римский воин мог уснуть на посту, просто невероятно: дисциплина в римской армии того времени была необыкновенно жесткая. Если воин на посту засыпал, его тут же наказывали, например избивали камнями и палками. С другой стороны, все прекрасно понимали, что никто из учеников не посмел бы нарушить на гробе печати римского чиновника, тем более наместника императора, каким был в этой стране Понтий Пилат. Ведь тогда было бы произведено самое тщательное расследование, преступников нашли бы и немедленно наказали. Но сила денег была известна иудеям, они подкупили стражников и, понимая, какая ответственность ждет воинов за то, что во время их службы якобы было совершено такое преступление, сказали им: «Если это станет известно Понтию Пилату, то мы постараемся вас выручить»[11].

Вот мы видим, что даже непосредственный опыт: видеть собственными глазами и слышать собственными ушами – оказывается бесполезным, если в душе человека нет благодати. В той ситуации Божественная благодать действовала, конечно, не только по отношению к женам-мироносицам, но и по отношению к воинам, но первые ее приняли, а вторые отвергли. В этом тайна человеческой свободы: несмотря на самую глубокую, откровенную очевидность того или иного явления, человек свободен его принять или не принять. И если в то время даже свидетели столь необыкновенного явления могли его отвергнуть, то в наше время у лукавых людей гораздо больше поводов к тому, чтобы оправдывать свое неверие разными «объективными» причинами, например, они могут настаивать на неизвестности, недостоверности событий, описанных в Священном Писании.

Неверие – это произвольное отвержение человеком Божественной благодати, Божественной милости, противодействие Божественному действию. Человек – разумное, свободное существо. Наличие разума предполагает свободу: зачем нужно размышление там, где нет свободы

поступить так или иначе? Свобода воли – это одно из самых ярких проявлений сущности человека. И когда Бог Своим произволением, Своей любовью пытается воздействовать на человека, тогда человек имеет возможность принять это или воспротивиться. По сравнению с Богом человек совершенно немощное существо, и по сравнению со всемогуществом Божиим человеческая сила ничтожна, но в отношении самого себя человек имеет власть отвергнуть эту Божественную силу. Бог не насилует человека. Если человек принял Его, то Он милует и спасает его. Если человек Его отверг, то Он, может быть, будет делать к спасению этого человека новые попытки, но спасти человека насильно невозможно. В этом состоит человеческая свобода. Если бы Бог проявлял по отношению к человеку насилие и человек был бы в этом отношении несвободен, то он не был бы уже и разумным существом.

Как известно, и до пришествия в мир Спасителя также были люди, отличавшиеся необыкновенной силой веры: например, праведный Ной, который поверил, что будет всемирный потоп и стал строить ковчег, тогда как над ним смеялось всё человечество. Только что я сравнивал воинов и жен-мироносиц, а теперь сравню воинов и праведного Авраама. Воины, даже видя чудеса, связанные с воскресением Господа, не поверили в это воскресение. А Авраам жил примерно за две тысячи лет до того, как произошло воплощение и явление Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа, и верил в Его пришествие. Поэтому мы, по времени удаленные от явления в мир Спасителя почти на такое же время, как и праведный Авраам, не должны себя оправдывать тем, что мы этого не видели, и потому имеем право быть маловерами или неверами.

Итак, повторю вывод: для того чтобы приобрести искреннюю, полную веру, совсем необязательно иметь непосредственный опыт, такой как у жен-мироносиц. Если у нас есть такой опыт, но нет самого главного – мы не приняли в душу свою действия благодати, то мы не имеем никакого преимущества перед теми, у кого такого опыта нет. Потому что вера рождается, с одной стороны, по действию Божества, с

другой – в результате содействия этому нашей воли, внутреннего согласия.

Давайте разберем, отчего вера в нас появляется или исчезает, отчего эта сила от нас отступает или иногда начинает действовать могущественно. Бывает, что после длительного чтения святоотеческой книги, которая очень убедительно и тонко рассуждает о тех или иных предметах веры, мы вдруг ощущаем, что вера в нас не усилилась, а ослабела. Вместо живой веры мы обнаруживаем в себе сухость, пустоту, безразличие. А иногда бывает, что во время домашней суеты или во время работы вдруг чувствуем могучую, ясную веру. С чем же связаны такие внутренние перемены, казалось бы, в самые неподходящие моменты?

По своей неопытности, рассеянности мы не замечаем тех многочисленных изменений, которые происходят в нашей душе. Наша душа похожа на местность, где очень часто меняется погода: то светит солнце, то вдруг появляются облака, то начинается ливень, то буря, то снег. Все постоянно меняется, и мы не можем понять, что там происходит. А из-за этих душевных перемен благодать от нас отходит или является нам. И если мы хотим усилить в себе веру, то должны всячески стараться, чтобы в нас было больше благодати; нужно защищать ее, дать ей свободу. И чем сильнее будет в нас Божественное действие, тем бóльшая вера будет в нас проявляться, вплоть до апостольской веры, какую имели некоторые угодники Божии, которые, между прочим, жили спустя многие годы после пришествия в мир Спасителя: такие как преподобный Сергий Радонежский или преподобный Серафим Саровский.

Значит, для того, чтобы в нас усилилась вера, нам необходимо, выражаясь аскетическим языком, проявлять внимание – внимание к предметам духовным, молитве, тому, что происходит в душе. Если из-за каких-то грехов, допустим осуждения, нечистых помыслов или гнева, благодать оставляет нас, то, естественно, умаляется и наша вера. В особенности умаляется она от страсти самой отвратительной и страшной и в то же самое время самой незаметной для нас – гордости. Мы

постоянно поддаемся этой страсти, не замечаем, как принимаем горделивые помыслы, соглашаемся с ними, следуем им, и от этого благодать Божия нас оставляет.

Для того чтобы сохранять ту благодать, которая дарована нам через таинства: крещение, миропомазание, и в особенности через причащение Святых Христовых Таин, – нужно иметь умственный взор устремленным как бы внутрь себя, постоянно бодрствовать над собой. Нужно смотреть, что происходит «вокруг нас» в духовном смысле. Да и мысли, которые возникают в нашем уме и которые будто бы нельзя назвать событиями, внешними обстоятельствами, также «происходят» вокруг нашего духовного существа. Если мы научимся за собой следить, научимся видеть, отчего нас оставляет благодать, и отвергать эти греховные помыслы, то научимся во внутренней жизни следовать Евангелию, а без этого невозможно исполнить его в поступках. Так мы станем христианами не номинально только, а в действительности. Тогда благодать будет действовать в нас свободно, беспрепятственно, вера наша будет усиливаться, и если мы и не сотворим чудес, то по крайней мере будем иметь твердую, ясную веру во все то, о чем повествует Евангелие: в чудо воскресения из мертвых Господа нашего Иисуса Христа, во все обетования Божии относительно этой и будущей жизни. И от страха, трепета, живого ощущения всех этих духовных истин и грядущих событий мы даже и нехотя будем менять свою жизнь.

Существует мнение, что всякий грех происходит от неверия. Если понимать веру именно как живое предощущение всех обетований Божиих, и совершившихся, и тех, которые еще должны совершиться в будущей жизни, то с этим изречением можно согласиться.

В Евангелии от Иоанна есть такие слова: *Кто любит Меня, тот заповеди Мои соблюдет, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам*[12]*.* Когда мы не имеем духовного опыта, то видим в этих словах просто образное выражение, чуть ли не притчу. На самом же деле человек, который понуждает себя к исполнению евангельских заповедей, внутри самого себя обретает Христа. Он видит Его явление самым ясным образом, пусть чаще всего

и не чувственными глазами, но он ощущает в своей душе присутствующего там Христа. И человек верит уже со всей силой чувства. Можно сказать, что эта вера является уже не верой, а знанием. По мнению святителя Григория Паламы, даже и такая вера, которая бывает у нас, обыкновенных христиан, – это тоже знание, хотя и малое. Кроме телесных чувств: зрения, обоняния, слуха и прочих, – в человеке есть столь же реально действующие духовные чувства. И когда эти чувства осязают какие-то духовные предметы, то мы должны обращать на это внимание не меньшее, чем на впечатления, получаемые нами через зрение или слух. Другое дело, что не всегда можно сразу понять, чтó мы ощущаем духовными чувствами, возможны и неправильные выводы – здесь необходимо некоторое размышление. Тем не менее прислушиваться к чувствам души необходимо. Не нужно думать, что если я чего-то не вижу глазами, а только чувствую сердцем, то это недостойно доверия в такой же степени, как то, что познано телесными чувствами.

Когда истинный христианин постепенно приходит в такое состояние, при котором духовным чувством он осязает духовные предметы яснее, чем чувствами телесными – предметы материального мира, то в таком человеке, действительно, сила веры больше, чем сила здравого смысла. И такой человек может, например, ходить по воде. Вспомним один эпизод из Евангелия. Когда апостол Петр увидел Господа Иисуса Христа идущим по волнам бурного озера, то захотел прийти к Нему по воде. И пошел, но потом, увидев сильный ветер и высоко поднимающиеся волны, очень испугался. Своим глазам он поверил больше, чем своему сердцу. Увиденное показалось ему неоспоримым: ну как же – такие большие волны! И как только вера телесному чувству возобладала в нем над верой чувству духовному, он тут же стал тонуть. Это его состояние Господь назвал сомнением и маловерием: *Маловерный! Зачем ты усомнился?*[13] Он подал Петру руку, восставил его, и тот пошел по воде.

Здесь я хочу сделать оговорку, касающуюся нас, людей самых заурядных во всех отношениях, и в духовном также. А то, возможно, найдутся простодушные люди, которые начнут так

усиливать в себе чувство сердца, так что будут переходить дорогу на красный свет, говоря при этом: «Нам это все нипочем: нас отец Авраам учил не верить телесным чувствам». Надо знать свою меру. Мы всё же, как правило, основываем свой здравый смысл на опыте наших чувств и не имеем достаточной веры. А люди духовные имеют еще и здравый смысл духовный, основанный на опыте духовной, евангельской жизни. У нас его, конечно, очень мало. И мы не можем ходить по воде или воскрешать мертвых. Скорее всего, этого никогда не будет, да, наверное, и не нужно. Существует такое мнение, что в последние времена чудотворений почти не будет. Для нас главное – иметь веру в самом основном: верить обетованиям Божиим, верить тому, что мы еще в этой жизни должны стяжать благодать Святого Духа и вкусить Царствия Небесного. Верить тому, что мы имеем силы, несмотря ни на что, исполнить заповеди. Это действительно возможно для нас, обыкновенных людей. Не надо сразу ставить на себе крест и, относясь к себе скептически, пребывать в нерадении. В этом нет смирения, а теплохладность и маловерие. Мы должны иметь веру в то, что все добродетели: смирение, любовь к ближнему, кротость, целомудрие, надежда на вечную жизнь, преуспеяние в молитве – для нас реально достижимы. То, что мы не будем ходить по воде, не так важно. Все-таки великих чудотворцев в истории Церкви было не очень много, и творить чудеса – это совсем необязательно. Были великие угодники Божии, которые при жизни не творили никаких чудес, но они достойно прославлены во всей Церкви. Например, святитель Иоанн Златоуст никаких чудес не творил. Чудом была сама его жизнь, в которой он на деле исполнял Евангелие, и чудом была его проповедь, которая обращала к вере многие тысячи людей.

Поэтому когда я говорю о том, что сила духовных чувств должна преобладать над силой чувств телесных, то я только для примера привожу эпизод с хождением апостола Петра по воде. На самом же деле я хочу доказать то, что духовные ощущения выше, важнее, а иногда в духовных людях они действуют сильнее, чем телесные. Духовные ощущения для них реальнее. Для таких людей этот мир становится призрачным,

как дым, который вот-вот развеется. Так оно и есть на самом деле: жизнь человека весьма и весьма коротка, почти мгновенна. Апостол Иаков говорит: *Что такое жизнь ваша? Пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий*[14]. Как пар, выходящий из уст человека в холодную погоду, быстро рассеивается, исчезает, так и человеческая жизнь. Вот так истинно духовные люди смотрят на земную жизнь. А духовное для них является вечным: *видимое временно, а невидимое вечно*[15]. Вот в чем прежде всего должна проявляться сила веры, а не в чудесах, которые совершаем мы или которые совершаются с нами.

Были люди, которые чудесным образом исцелялись от болезней, но гораздо больше было людей, которые терпели болезни и страдания ради Христа. Чудеса происходят с нами не потому, что они необходимы, но потому, что через них укрепляется вера. Если бы Богу было угодно облегчить нашу жизнь, то Он мог бы сделать так, чтобы все в одно мгновение избавились от скорбей. Но не делает этого, потому что это неполезно для нас. Нам нужно иметь не такую веру, которая избавляла бы нас от скорбей, а такую, которая делала бы нас терпеливыми в отношении неизбежных на земле страданий.

Но вернемся к главному предмету нашей речи, поговорим о том, как мы можем усилить в себе живую веру. Очень хорошее средство для укрепления веры – это чтение Божественного Евангелия. Когда мы постоянно читаем о евангельских событиях и живо их воспринимаем, то ум наш приходит в состояние борьбы: согласиться или не согласиться, допустим, с чудом превращения воды в вино? Мы соглашаемся, повинуясь своей совести, и вера в большей или меньшей степени усиливается. При чтении Евангелия наш ум постоянно сталкивается с такими событиями или поучениями, которые он не хочет принимать. Но в этой борьбе, если мы являемся союзниками своей совести, искренне желаем верить, постоянно происходит победа Евангелия над нашим эгоистическим, себялюбивым здравым смыслом, и вера укрепляется.

Вера усиливается и от внимательной молитвы, и при этом также происходит борьба. Диавол отвлекает ум от молитвы и

представляет нам в мечтах земную действительность более ясно по сравнению с действительностью духовной. И яркими житейскими впечатлениями он старается затуманить, сделать более тусклыми впечатления духовные. В особенности это бывает явно, когда мы молимся молитвой Иисусовой: повторяя эту краткую молитву, мы видим, как наш ум колеблется между реальностью земной и духовной. Но если мы будем понуждать себя к вниманию, то духовный мир будет становиться для нас все более ощутимым, мы все более будем убеждаться в бессмертии души, бытии Божием, близости к нам Господа нашего Иисуса Христа и во всем духовном, благодатном, сверхъестественном.

Когда мы участвуем в святых таинствах, прежде всего в таинстве Божественной евхаристии, в нас также усиливается вера. Когда мы причащаемся Тела и Крови Христовых, то вновь испытываем борьбу. Что происходит, если мы, смиряя свой ум, понуждаем себя принять эту невероятную, но сказанную Господом Иисусом Христом и поэтому достойную всякой веры истину: хлеб и вино становятся в таинстве Его Телом и Кровью? Вера в нас усугубляется, Божественное действие от Святых Даров усиливается и может производить в нашей душе совершенно необыкновенные перемены, как это было, например, у святого праведного Иоанна Кронштадтского. Почему я говорю именно о нем? Не потому, что у других угодников Божиих этого не было, а потому, что он жил в близкое к нам время и были свидетели той перемены, которую производило в нем причащение. Он вел изнурительный образ жизни: постоянно был среди людей, служил молебны, беседовал, молился о больных, домой приходил в два, три часа ночи, а в пять часов утра он уже должен был служить утреню. И когда он причащался на литургии, то его лицо, усталое, несколько осунувшееся, вдруг изменялось: становилось радостным, светлым, появлялся румянец, – отец Иоанн укреплялся не только духовно, но и телесно. Потому что он всем своим существом верил в силу, действительность этого таинства, верил в то, что он вкушает истинное Тело и истинную Кровь Христову.

Не нужно думать, что если мы понуждаем себя к вниманию во время молитвы, во время чтения Евангелия и понуждаем себя к правильному восприятию святых таинств, то мы таким образом лицемерим. Лицемер хочет показаться добрым, искренним, смиренным перед другими людьми. А человек, который себя понуждает, делает это ради себя самого, хочет быть таким перед своей собственной совестью, то есть на самом деле. Не нужно понуждение считать лицемерием, а нерадение – искренностью. Если я думаю: ничего не буду делать, пока Сам Господь меня каким-нибудь образом не посетит и во мне, без всякого с моей стороны усилия, не произойдет перемена, – в этом нет искренности. Такое иногда бывает, но это все-таки исключение. Чаще всего перемены происходят после значительных усилий со стороны человека. И эти усилия как раз и являются проявлением на деле искреннего желания человека приобрести ту или иную добродетель. Вот если я, например, говорю, что я хочу есть, но в то же время ленюсь встать с дивана и сесть за стол, значит, на самом деле я есть не хочу – это всем понятно. Также в отношении добродетелей: если я говорю, что хочу приобрести веру, но не понуждаю себя к этому, значит, на самом деле я не желаю ее иметь. Итак, нерадение – это признак нашей неискренности, а понуждение себя – признак искренности. Если человек по видимости заурядный, не имеющий ни умственных, ни нравственных преимуществ, ни хорошего воспитания или образования, не имеющий, как ему кажется, и удобного положения в обществе для духовной жизни, – если такой человек будет себя понуждать, то сможет приобрести столь искреннюю, сильную и полную веру в обетования Божии, что она будет не меньше, чем у святых отцов.

Я часто об этом говорю и повторю сейчас: не нужно ставить на себе крест и говорить: нам обрести такую веру невозможно, мы очень грешны. Наши грехи – это не препятствие к приобретению живой веры, столь необходимой для нашего спасения. Разбойник на кресте имел необыкновенно сильную веру в то время, когда ее потеряли даже ученики Христовы, апостолы. Ведь нельзя же было, не имея веры, сказать

умирающему рядом с тобой человеку: *Помяни меня, Господи, когда приидешь во Царствие Твое!*[16] Что же мешает нам стать настоящими верующими, или, как говорилось в старину, верными? Когда преподобного Серафима Саровского спросили, что отличает нас от древних подвижников, он сказал: «Только отсутствие решимости». Мы должны приобрести решимость не к тому, чтобы изнурять себя необыкновенно строгим постом, совершать всенощные бдения в буквальном смысле слова или нести особые телесные подвиги. Такие подвиги видимы и потому напрашиваются сами собой, представляясь нам легким путем: не ешь или молись всю ночь – и все будет хорошо. Действительная решимость и мужество нужны для исполнения душевных добродетелей: смирения, покаяния, непрестанной молитвы. И это доступно современному человеку; это всегда в нашей власти и в меньшей степени угрожает нам впадением в гордость, чем добродетели телесные. Промысл Божий оставил для нашего времени более добродетели душевные, вот их и нужно совершать. И тогда духовное станет для нас если не более реальным, чем земное, то по крайней мере хоть сколько-нибудь реальным, исполнит нас страха Божия, и мы хотя несколько переменим свою жизнь.

* * *

Мои знакомые, люди крещеные, но невоцерковленные, увлекаются книгами о карме и перевоплощении и утверждают, что находят там много полезного. Они считают, что все это вполне совместимо с христианством. Когда я им советую читать святых отцов, они только морщатся. Как объяснить человеку невоцерковленному, что нужно доверять духовному опыту святых отцов больше, чем разным сомнительным авторам?

Это на самом деле очень трудно, и никто не знает, будут ли ваши попытки иметь успех. Потому что на самом деле все зависит от самих этих людей. Они могут действительно искать истину – и тогда, конечно, ее найдут, а могут искать просто душевного комфорта.

Еще апостол Павел предсказывал, что в последние времена *будут избирать себе учителей, которые льстили бы*

слуху[17]. По-славянски говорится: *Будут избирать учителей чешеми слухом*, то есть выбор учителей будет связан с удовольствием, подобным тому, которое получает, допустим, собака, которой чешут за ухом. Людям, которые ищут душевного комфорта, такое учение подходит. Им все равно, правдиво оно или нет, им хорошо и все. Они не ищут истины, которая могла бы в каком-то смысле причинить им и страдания, а ищут того, что успокоило бы их в любом случае.

Ведь для того чтобы стать православным, человеку в действительности нужно мужество. Православие – это религия покаяния. Оно прежде всего открывает каждому великое множество его грехов и предъявляет к нему строжайшие требования. Но представьте себе современного человека, который думает только об удовольствиях разного рода, считая, что они составляют цель жизни, – и вдруг ему нужно от них отказаться, потому что ничего самоугодливого ему делать нельзя. Некоторые люди даже упрекают православных, говоря: «Прямо как при советской власти: у них ничего нельзя было и у вас ничего нельзя. А где ж свобода? Разве можно так к людям относиться!» Но это только с их точки зрения «у нас ничего нельзя», а на самом деле все можно. А чего нельзя, так этого, может быть, и не нужно. Истинный христианин чувствует полную свободу, и все, что он хочет, ему можно. А то, что ему нельзя, на самом деле отвратительно, и ему этого не хочется.

В общем, некоторые люди ищут покоя, душевного комфорта и хотят при своем более или менее приличном, но, конечно же, не православном, не строго христианском образе жизни, кроме удовольствий телесных, иметь еще и душевный покой: чтобы и грешить, и чтобы на душе было спокойно. Большого успеха в этом достигли, конечно, американцы, особенно в связи с книгами врача Реймонда Моуди о посмертном опыте людей, в которых описывается, как все до одного умирающие попадают в рай. Верит ли человек в Бога или не верит, верит ли правильно или неправильно, верит ли в того бога или в другого – все равно попадает в рай. Получается здорово: ты и на земле живешь, как хочешь, и в рай обязательно попадешь! Как же в рай не

попасть, Бог ведь добрый! А если допустить, что блудник, вор или убийца не попадет в рай, то Бог, значит, злой.

Поэтому и создается такая иллюзия: любовь понимается в смысле всепрощения, совершенного приятия существующего. И человек принимает такую религию или такое учение, которое позволяет ему свободно удовлетворять свои страсти, иногда самые низменные, и в то же время сохранять душевное спокойствие, потому что Бог, конечно же, его обязательно простит, если Он есть. Вот и все.

Правда, и безбожие – явление очень распространенное. Современный подвижник благочестия архимандрит Софроний (Сахаров) высказывает очень остроумную (в том смысле, что тонкую) мысль. Он считает, что безбожие, неверие – следствие страсти отчаяния. Человек настолько отчаивается в своем спасении, настолько считает его невозможным из-за своей греховности, безволия и безразличия к Богу, что отрицает вообще возможность Его существования. Те же люди, у которых еще что-то в душе живо, но у которых не хватает мужества искать истину, ищут просто внутреннего успокоения.

В Православной Церкви тоже есть такие люди. Они приходят к духовнику и хотят от него не обличения, не наставления, а только лишь доброго к себе отношения. Иногда между ними совершается даже немой сговор – батюшка безразличен, а человеку это подходит: я ему ничего не говорю и он меня ни о чем не спрашивает. Поэтому не нужно думать, что если мы находимся в Православной Церкви, то мы уже совершенно исцелились от стремления искать льстящих слуху учителей.

Возвращаясь к заданному вопросу, могу сказать, что надо, конечно, попытаться этим людям помочь, но не нужно оказывать на них чересчур сильное давление. Помогать нужно мягко, может быть, надо дать им какие-нибудь книги с учетом того, что их соблазняет и интересует. Сейчас книг, которые убеждают в истинах православия, слава Богу, сравнительно много. Иногда человек, особенно если он любознательный и любит читать, находится в таком состоянии, что ему можно дать для прочтения все что угодно, лишь бы только это были

православные книги. Ему все принесет пользу. У него душа как целина, все равно, с какого края начать распахивать. Поэтому, я думаю, главное – заинтересовать таких людей чтением православной литературы.

Были ли у апостолов и святых отцов тайны, которые они никому не открыли?

Думаю, что тайн, которые относятся к нашему спасению, не было. Тайнами Царства Небесного называется не то, что буквально скрыто, как преподносят это различные эзотерические учения. Говорят, что апостолы, мол, тайно передали кому-то какие-то знания и они через некие тайные общества дошли до наших дней. Это все выдумка и фикция, для того чтобы фантазиям разных еретиков и самозванцев придать авторитет апостольской проповеди. На самом деле ничего этого не было. Можно допустить, что апостолы утаили нечто о своих личных подвигах, духовных или каких-либо других переживаниях. Но что касается тайн, которые были открыты им Богом для нашего спасения, они, конечно же, не утаили ничего. Что-то они изложили в Священном Писании, что-то передали устно своим ученикам. В последующие столетия устное апостольское предание постепенно было записано, и сейчас фактически все оно заключено в святоотеческом учении. Его уже сейчас и устным не назовешь. Конечно, авторитет Священного Писания выше авторитета святоотеческих творений, он, так сказать, безусловен, а у святых отцов можно встретить нечто человеческое. Тем не менее, в писаниях святых отцов содержится православное предание. Если у большинства отцов мы находим по тому или иному предмету одно мнение – то это и есть соборное мнение Церкви, это и есть апостольское предание.

Знакомые атеисты говорят мне, что раз Бог знал, что Адам и Ева все равно согрешат, значит, Он создал мир несовершенным. Спрашивают: зачем было создавать такой мир, где есть место злу? Что им ответить?

Мир был создан совершенным – в том смысле, что в нем не было никакого изъяна, греха, никакой наклонности ко злу, но он был несовершенен как подверженный изменениям. Он должен

был изменяться, то есть все более и более совершенствоваться, все более приобщаться к Богу и становиться от этого все более прекрасным, и прежде всего через людей. Собственно, главное в этом мире – люди. Если не будет человека, то видеть, воспринимать, осознавать этот мир будет некому. Итак, этот мир должен был становиться лучшим, а счастье человека должно было состоять в том, чтобы он бесконечно приобщался к Богу. Это и произойдет с теми, кто окажется Богом помилован.

Мы, как существа ограниченные, конечно, несовершенны. Как существа изменяющиеся, мы тоже несовершенны. Поскольку мы получили бытие через изменение – нас не было, а потом мы появились, – то условием нашего существования также является изменение. Когда изменения прекращаются, то сотворенное существо погибает, мы можем видеть это на примере любого живого организма, допустим растения. Но если в растении это только органические процессы, то в человеке еще и разумная жизнь. Дух человека также изменяется. Вот эта изменчивость человека и послужила поводом к тому, чтобы человек пал. Заповедь, запрещающая ему вкушать от дерева познания добра и зла, должна была заставить его изменяться к лучшему и, так сказать, возвыситься над собой. Но эта же заповедь и эта изменчивость содержали в себе опасность: человек мог изменяться в разных направлениях. Эту способность изменяться нельзя назвать злом и несовершенством, она не означает, что человек – существо ущербное, что он создан как-то неправильно.

Зло – это некое состояние разумного существа. Допустим, мы говорим «злая собака», но она ведь на самом деле просто соответствует своей природе. Она не злая и не добрая, она просто собака. Или говорим о каком-то другом животном, что оно, например, ленивое. А оно не ленивое, это его естественное свойство. Некоторые называют верблюда злопамятным: мол, если его кто-то когда-то обидел, то он потом на него плюнет. Но мы просто переносим человеческие пороки и добродетели на другие существа, как бы очеловечиваем их, и поэтому говорим про животных, что они злые, ленивые или

злопамятные. А на самом деле зло – это грех, то есть состояние человеческого духа, человеческого ума. Зло – это уклонение от естественного порядка к противоестественному. Зло не есть нечто положительное, оно всего лишь искажение, своего рода паразит, болезнь. Болезни самой по себе не существует, она есть состояние человеческого организма. Может, кто-нибудь скажет, что зато болезнетворные микробы существуют сами по себе и заражают человека, но это поверхностный взгляд на вещи. Микробы ведь не больные, они живут, как говорится, в свое удовольствие, но когда они поселяются в человеке, тогда естественное состояние его тела ухудшается. То есть грех, зло – это болезнь, это наше состояние. Зла как такового не существует, и когда говорят о том, что Бог создал мир злым или наклонным к злу, то это неправильно, это упрощенное человеческое понимание явлений возвышенных.

Итак, если человек создан существом свободным и способным изменяться, то он может воспользоваться этим по-разному. Вопрос о том, почему Бог создал зло или дал возможность появиться злу, – это на самом деле ропот, нежелание подчинить себя воле Божией, попытка оправдать себя: мол, это Бог виноват в том, что люди злые и я в том числе.

Вообще, на этот вопрос: «Зачем нужен такой мир, где есть место злу?» – можно ответить коротко: «Зла нет, есть злые люди. А если ты хочешь, чтобы в мире не было места злу, так перестань быть злым».

Имеет ли значение, какой священник причащает или благословляет? Можно ли предполагать, что в зависимости от этого передается бóльшая или меньшая благодать? Например, люди мечтали причащаться у святителя Иоанна Златоуста или у других святых людей.

Все зависит от веры того, кто принимает таинство. Если у человека есть достодолжная вера, тогда он и от недостойного священника получит благословение. А если он маловер, то и причастившись у святого человека, ничего не почувствует.

Впрочем, разница между священником обыкновенным и благодатным все же есть. Когда люди причащались у святого

праведного Иоанна Кронштадтского, то они исцелялись – хотя причащались как будто бы тех же самых Тела и Крови Христовых, что и у себя на приходах. В литургии Василия Великого есть такие слова: «Да не моих ради грехов возбраниши благодати Святаго Твоего Духа от предлежащих Даров». То есть из-за грехов священника благодать от Святых Таин может действовать меньше. Но ведь тут два полюса: один – священник, совершивший таинство и причащающий, другой — сам причащающийся. Мы должны делать то, что от нас зависит. Как говорит русская пословица, каждый сверчок должен знать свой шесток. Ты заботься о своем нравственном состоянии – и тогда благодать обильно изольется в твою душу даже через недостойного священнослужителя.

Как Церковь относится к таким наукам, как философия и психология?

Философия, в переводе с греческого, означает любовь к мудрости, а психология – учение о душе. И философия и психология пытаются заменить церковное, святоотеческое учение о мироздании, бытии Божием, человеке своим учением, идущим от падшего человеческого разума.

Для древних святых отцов философия не являлась особой светской дисциплиной, она рассматривалась как часть богословия. Иногда отцы и учители Церкви пользовались философской логикой для доказательства некоторых богословских истин. Например, преподобный Иоанн Дамаскин в «Точном изложении православной веры» обширно привлекал аристотелевскую логику.

А если говорить о современной философии и современной психологии… Любая наука, если она согласуется с учением Церкви, с учением Священного Писания, достойна внимания. Абсолютным критерием на все времена является Богооткровенное учение Православной Церкви. Если какая-либо научная дисциплина согласна с учением Церкви, значит, она правильна, не согласна – неправильна. Иначе мы должны были бы многократно, на протяжении столетий тысячелетий менять учение Церкви в зависимости от так называемых научных открытий.

Как соотносятся вера и знание?

Смотря о каком знании идет речь. Если человек хорошо знает предание Православной Церкви, начитан в святоотеческих книгах, знает Священное Писание, правильно понимает его, то такое знание есть та же самая вера. Просто он более полно знает содержание своей веры, но нельзя отождествлять само чувство веры или действие веры с ее содержанием. Человек может содержание веры знать – допустим, какой-нибудь ученый изучает византийскую письменность и таким образом знает всех святых отцов, да еще и на греческом языке – а самого действия веры не иметь. И наоборот, у человека действие веры есть, а знания очень мало (как и у многих из нас). Но все равно без знания человек верить не может. Апостол Павел говорит, что *вера от слышания*[18]. Минимальное знание у человека должно быть, а вслед за ним уже идет вера. Есть предмет веры и действие веры по отношению к этому предмету. В этом смысле знание усугубляет веру.

Святые отцы и писали свои труды для укрепления нас в вере. Надо сказать, что и Священное Писание написано для того, чтобы мы утвердились в вере. Апостол Лука, начиная Евангелие, в обращении к Феофилу говорит: *Да разумееши, о нихже научился еси словесех, утверждение*[19], то есть утвердишься в том, что ты уже слышал. Поэтому все многообразие сведений о вере необходимо нам для того, чтобы мы утвердились в вере. В этом смысле вера и знание – это одно и то же.

Святитель Григорий Палама в своем труде «Триады в защиту священнобезмолвствующих» говорит, что внешнее знание ничего не значит для Церкви. В его время некий философ Варлаам утверждал, что знание философское имеет такое же значение, что и знание духовное. Варлаам проповедовал их равнозначность, а фактически бóльшую значимость философского знания. Святитель Григорий Палама полемизировал с ним и доказал, что философское знание ничего не значит.

С XIV столетия до нашего времени в этом отношении ничего не изменилось. От того, что мы пользуемся электрической лампочкой и ездим на троллейбусе, мы умнее не стали. Анатомия человека не изменилась, разве что в худшую сторону – мы подряхлели, стали немощными и больными. Человек остался таким же, каким и был. Но тенденция, выразителем которой явился Варлаам, получила развитие. Люди все свои силы стали отдавать на изучение внешнего мира и достигли в этом успеха, как, впрочем, и несчастий вместе с ним. За пользой, которую научные открытия приносят людям, следует, может быть, еще больший вред. Я не буду говорить про страшное оружие уничтожения, от которого мы все пребываем в страхе. Сама цивилизация, приносящая нам многие блага, отравляет и уничтожает природу.

Скорее, нужно говорить о том, как примирить веру в человеческое знание с верой во Христа. Вера в знания есть у всех, даже у самых простых людей. Человек может никакого образования не иметь, но убежденно говорить: наука доказала, что Бога нет. А спроси его – какая наука? Он ничего больше сказать не сможет. Потому что он не имеет знания, но он имеет веру в знания.

Что такое вера в знания? Это разновидность веры в человека. Я, например, в человека не верю – я верю в Бога. Почему я должен ученым верить больше, чем пророку Моисею, повествующему о творении мира, об истории первого человечества? Пророк Моисей беседовал с Богом на глазах у миллиона человек! (Когда он восходил на гору, израильский народ состоял приблизительно из миллиона человек: там было шестьсот тысяч только носящих оружие.) Все они видели, как Моисей поднимался на гору, и были громы, молнии, дым. Почему это нужно считать выдумкой, когда это видело столько людей?

Не стоит ли вера с горчичное зерно всех прочитанных книг?

Если бы у нас была такая вера, как у преподобной Марии Египетской, то, может быть, и стоила бы. Но так как у нас ее нет, то не нужно чересчур надеяться на себя и приписывать себе

такую веру. Желание иметь веру с горчичное зерно еще не значит, что мы ее имеем. Я тоже хотел бы иметь такую веру и вместо того, чтобы объяснять и доказывать ее истинность, подойти к какой-нибудь больной женщине, возложить на нее руки и исцелить ее. Тогда я сказал бы: «Вот видите, православная вера правильная!» Но я этого сделать не могу, и не всем это дано.

Из истории Церкви мы знаем, что святые отцы доказывали истинность православия по-разному: одни через чудеса, и другие – силой слова, убеждения. Макарий Великий, чтобы опровергнуть арианина, воскресил мертвеца. Святитель Афанасий Великий чудес не совершал, но как церковный деятель писал, проповедовал, боролся с еретиками и защищал таким образом православие. Поэтому не нужно, так сказать, всех стричь под одну гребенку. Один пусть будет чудотворцем, другой – проповедником, третий – духовником и так далее. Дар рассуждения, дар проповеди – это тоже дары свыше.

Известно, что святитель Иоанн Златоуст толковал Священное Писание по внушению апостола Павла. Его ученик, святой Прокл, видел, что когда Иоанн Златоуст ночью писал толкования, то за спиной у него стоял какой-то человек и что-то ему на ухо говорил. И когда Прокл спросил святителя, кто к нему приходил, тот отвечал: «У меня никого не было». Тут ученик случайно взглянул на икону апостола Павла и узнал в нем того, кто стоял над ухом святителя. И своей проповедью святитель Иоанн многих и многих людей в Константинополе – теплохладных, безразличных – обратил к вере, к истинной христианской жизни. Он проповедовал восемь лет. И за это время столичные жители, приверженные ко всяким удовольствиям, зрелищам и рассеянности, стали истинными христианами. Разве этого мало? Разве это не чудо? А мог ли он это сделать, если бы не изучал Священное Писание и не владел Священным Преданием? Конечно же, нет.

Между прочим, Иоанн Златоуст имел еще и светское образование. Он обучался у знаменитого ритора, учителя ораторского искусства, Ливания. Златоуст имел необыкновенную силу убеждения. И это не меньше, чем вера с

горчичное зерно. Послушать проповедь Иоанна Златоуста приезжали пустынники из Египта. Знаменитый аскетический писатель и подвижник Иоанн Кассиан Римлянин, услышав о том, что Иоанн Златоуст проповедует в Константинополе, специально поехал туда, чтобы послушать его проповедь.

Могут ли спастись люди некрещеные? Ведь бывают люди, которые искренне верят в Бога и делают много доброго, но по каким-то причинам не находятся внутри Православной Церкви?

Спасают человека не его добрые дела и не искренность его убеждений – спасает человека Христос. Не вера во Христа, а именно Христос. Можно верить во Христа искренне, но неправильно. Допустим, среди католиков или лютеран есть очень искренние, верующие люди, но если они не находятся в действительном общении с Христом, то Он их спасти не может. Если бы человека спасали дела, если всякий мог бы спастись в своей вере, то тогда Христу не нужно было бы и приходить. Если бы было возможно спасение вне Церкви, то зачем было апостолам странствовать по всему миру, проповедовать Христа? Зачем им было умирать в муках ради распространения истины христианства?

Спастись можно только находясь в лоне Православной Церкви. Это, конечно, не значит, что все там находящиеся и, так сказать, номинально числящиеся православными спасаются. Мы можем и внутри Церкви потерять это единство со Христом и тогда потеряем возможность спасения.

Допустимо ли для нас проповедовать неверующим людям, убеждать их креститься?

Если мы это делаем умно, так что люди получают пользу, то можно. Но бывает и другое. Есть у нас друг некрещеный, и мы ему говорим:

– Слушай, Вася, пойди покрестись, что же ты некрещеный?

А он говорит:

– Да у меня времени нет.

– Найди время, давай завтра пойдем, я договорюсь.

– Ну хорошо, пойди договорись.

Пошли, Васю окрестили, а он как жил, так и живет. Тогда я не знаю, имело ли смысл его крестить. Пожалуй, еще отвечать будешь за этого Васю. А если ты действительно привлек его к вере, так что он обратился и изменил свою жизнь, то это, конечно, хорошо. В особенности тут необходим пример личный. Не то чтобы на его глазах совершить какой-нибудь подвиг: например, ребенка выхватить из-под колес автомобиля и сказать: «Вот видишь, какой я хороший», а просто жить по-христиански. Тогда и твое самое простое слово, самое примитивное увещание воспримется. А если ты ведешь себя соблазнительно и в то же время уговариваешь человека обратиться к вере, то он скажет: «Зачем мне обращаться? Чтобы таким, как ты, стать? Мне и так хорошо. Ты говоришь, что ты верующий, а сам ругаешься, материшься и пьешь. А Петя из соседней квартиры в церковь не ходит, зато не курит и не пьет». Вот и все.

Привлекать людей к вере хорошо. Но если мы будем привлекать только ко крещению любой ценой, если будем думать, что это само по себе человека спасет, то лучше этого не делать. Если не умеешь привлекать к вере, тогда лучше заботься о своей душе.

Один батюшка сказал мне, что в последние времена бесы не будут бояться святой воды и крестного знамения. Чем же тогда защищаться?

Я думаю, святая вода или крестное знамение не потеряют силу, но бесы не будут бояться их из-за нашего маловерия. Расскажу такой эпизод. В Глинской пустыни (это было уже в наше время, в пятидесятых годах) знахарка тайно подсунула одному неопытному монаху заколдованное молоко. Старец, его сосед по келье, прозрел это, пришел к нему и сказал: «Ты это молоко не пей». Монах спрашивает: «Почему же?» Старец ему объяснил, какова причина, а тот говорит: «Я ведь его перекрестил». «Нет, – возразил старец, – этого мало». Потом он сам перекрестил молоко и сказал: «Теперь можешь пить». Понятно, что крестное знамение само по себе никогда свою силу не утрачивает, но решающее значение имеет вера человека и благодать, которая зависит от этой веры.

Чем защищаться в последние времена? Крестным знамением, молитвой, святой водой и всем, что нам предлагает Святая Церковь. А если мы оставим крестное знамение под предлогом того, что бесы его уже не боятся, то, пожалуй, придется идти в баптисты…

У меня есть на работе один сотрудник, по вере мусульманин, который иногда просит у меня святой воды. Говорит, что пьет ее, когда плохо себя чувствует, и ему становится лучше. Я даю, но всегда смущаюсь, можно ли ему давать воду, ведь он же не православный?

Думаю, что можно, если он проявляет такую веру. Если святой водой окропляют автомобиль при освящении, если ее дают даже скотине, когда она заболевает, то почему же нельзя дать ее человеку, пусть и иноверцу? Кто знает, может, Бог этого мусульманина таким образом призывает к истинной вере.

Нередко бывает, что иноверцы, молясь у чудотворных икон или у мощей святых, получали исцеление. Почему мы должны препятствовать этим людям получить просимое по их вере? Пусть полученная помощь Божия будет для них свидетельством того, что Господь призывает их к спасению, к покаянию.

Известен такой случай. Одна еврейка, заболев, попросила святой воды у своей соседки-христианки. Та подумала: «Ну как я дам святой воды еврейке?», но отказать было неудобно, и она налила воды из-под крана и принесла ей как святую. Еврейка выпила ее и исцелилась. Господь подал ей по ее вере, а заодно постыдил православную, которая ее обманула.

Вот еще один случай. Это произошло в прошлом веке. В одном из районов Москвы случился пожар, огонь распространялся быстро – дома там были сплошь деревянные. Все бегали, тушили. Только одна старушка-еврейка не бегала, а на коленях молилась святителю Николаю. И что же? У всех православных дома сгорели, а у еврейки дом остался невредимым.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский, когда к нему обращались мусульмане, молился за них и исцелял их. Некоторые татары-купцы даже нарочно старались встретить его и взять у него благословление: замечали, что если он

благословлял, то дела в этот день шли хорошо. Так что нельзя относиться ко всему, так сказать, арифметически просто.

Почему мы говорим, что инославные не имеют настоящей веры? Ведь, допустим, протестанты, которые исповедуют Иисуса Христа Господом, хотя и заблуждаются, но они очень искренне убеждены в своей вере. Разве эта искренность не может служить для них оправданием? Кроме того, их вера обусловлена тем, что они родились в определенной стране, живут в определенных обстоятельствах…

Искренность искренности рознь. Я не сомневаюсь в том, что большинство иноверцев искренне убеждены в своем учении. Есть много людей, которые за свои, пусть неправильные, убеждения готовы жизнь положить. Но есть искренность, если можно так выразиться, обыкновенная, поверхностная, а есть искренность глубинная. Соответственно и лукавство тоже есть поверхностное, а есть глубинное. Поверхностное лукавство – это когда я изображаю из себя что-то перед людьми, а глубинное – когда я изображаю из себя что-то перед самим собой.

У нас еще в советскую эпоху, когда любая искренность противопоставлялась официальному лицемерию, сложилось представление, что есть приспособленцы, а есть люди искренние. И мы сейчас считаем искренним всякого человека, который открыто исповедует свои взгляды. Но, повторю, не нужно путать искренность внешнюю и искренность внутреннюю, глубинную, так сказать онтологическую. Допустим, человек в чем-то искренне убежден и выбирает не православие, а что-то другое. Но почему он принимает именно эти убеждения? Он, может, и не понимает этого, но его страсти мешают ему пойти до конца и действительно познать истину. На самом деле он не хочет быть искренним до самой глубины души. И в этом смысле я, конечно, отрицаю искренность за всеми вообще заблуждающимися людьми: протестантами, католиками, буддистами, баптистами, коммунистами и так далее. За всеми, кроме православных христиан.

Господь наш Иисус Христос сказал: *Всякий кто от истины, послушает голоса Моего*[20]. Если человек по-настоящему искренен, если он бескомпромиссно ищет истину, то он обязательно придет к православию. И мы знаем, что люди обращались к православию, находясь в самых неблагоприятных условиях. Сергей Нилус рассказывал такой случай. Однажды он увидел в Троице-Сергиевой лавре молящегося человека явно восточной внешности. Он подошел к нему. Оказалось, что это перс, обратившийся в православие у себя на родине, в Персии. А вы знаете, что у мусульман с такими «отступниками» разговор короткий: убивают и всё, даже и родного сына. Этот молодой человек пришел в русскую церковь и попросил его крестить, а священник ему сказал: «Знаешь, если ты крестишься, то и меня и тебя казнят, ты лучше поезжай в Россию и там крестись». Тот так и сделал, хитростью уехал. Подошел к отцу: «Коня себе хочу купить». Тот дал денег – как папа не даст сыну на коня! – а сын уехал в Россию и там крестился. Родные прислали письмо, в котором проклинали его и обещали убить. Мама тоже его ругала, а в конце написала: «Сыночек, ни в коем случае не приезжай, потому что тебя убьют». И он остался в России.

В Оптиной пустыни был такой монах, Николай Турка, то есть турок. Его тоже чуть не убили на родине, фактически он был мученик, но только остался жив, потом как-то перебрался в Россию и в конце концов попал в Оптину пустынь.

Да даже взять здесь находящихся. Наверняка среди нас много людей, обратившихся к вере уже в зрелом возрасте и не имевших религиозного воспитания, которых никто православию не учил. Значит, мы тоже сознательно, самостоятельно стали изучать православие более или менее глубоко. Значит, мы тоже пошли против течения. А мы говорим: вот, мол, если бы мы жили в мусульманской стране, то все были бы мусульманами. Да мы жили еще хуже, чем в мусульманской стране – мы жили в атеистическом государстве. Это еще более страшное заблуждение, да еще навязывали его жестко. Такого идеологического тоталитаризма не было ни в одной мусульманской стране. Так что не нужно думать, что человек не в силах выйти за пределы своей среды. Христине есть и среди

мусульман, и среди буддистов, и среди кого угодно. Когда я был на Святой Земле, то встретил священника – кубинца по происхождению. При мне рукополагали в иеродиаконы одного аргентинца.

Сейчас идет такое активное взаимопроникновение культур, что можно в глухой русской деревне найти кришнаита, а в каком-нибудь индийском поселении – христианина. Почему-то многие думают, что люди, живущие в Африке, ничего не знают. Да как же они ничего не знают? Разве у них нет телевизора, радио, разве они не могут купить книг, не могут поехать куда угодно? Конечно, можно предположить, что есть где-то неизвестное племя, люди, совершенно изолированные от цивилизации, не знающие, что существуют самолеты, и поклоняющиеся деревьям и каким-нибудь жукам. Но я думаю, что если бы в этом племени нашелся человек, пусть даже ничего не знающий и совершенно дикий, но искренне стремящийся к познанию истины, то Господь обязательно привел бы его к православию. А то у нас получается, будто Господь бессилен привести человека к Себе, когда обстоятельства не позволяют: вот культура благоприятная – тогда Он может обратить человека, а если неблагоприятная – уже всё, ничего не сделаешь. Это же не так! Это просто неверие в Промысл Божий.

О мудрости и простоте

Мудрость и простота не противоречат друг другу. – Мешает ли христианину образование? – Мудрость и безумство с точки зрения вечности. – По-настоящему мудр тот, кто живет по заповедям. – О простоте и непостижимости Евангелия. – Кто не заботится об очищении своей души, тот помрачает свой ум. – Евангельская мудрость не принимается миром. – Какое место в духовной жизни занимает чтение.

Некоторые люди почему-то считают, что добродетель мудрости, разумности не присуща христианству, даже как будто мешает ему и вообще не нужна. Они всячески искусственно стремятся к простоте, считая простоту и рассуждение взаимоисключающими. Да, есть такая добродетель – душевная простота, но она отнюдь не противоречит мудрости, а естественно с ней сочетается. О том, что мудрость, рассуждение необходимы в духовной жизни, говорит одна из наиважнейших заповедей Божиих, данная еще Моисею: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею*[21]. И хотя под словами: *Возлюби… всем разумением* – некоторые преподобные отцы понимают внимательную умную молитву, но это толкование не исключает другого. Можно подразумевать здесь одновременно и необходимость рассуждения.

Само Евангелие – это книга, преисполненная духовного разумения. Можно сказать, что она есть руководство к рассуждению, она дает нам правильные духовные ориентиры. Ведь если мы что-то правильно понимаем, то правильно и делаем, а если понимаем неправильно, то, естественно, и делаем так же.

Замечательные слова сказал апостол Павел: *Не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни*[22]. И Господь наш Иисус Христос дает заповедь: *Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби*[23]. Мы видим,

что одновременно возможно и то, и другое: душевная простота и мудрость никак друг другу не противоречат. Одно дело та мудрость, которая отвлекает нас от понимания Бога: та, при которой мы надеемся на свой разум или используем свои умственные способности для удовлетворения страстей; и другое дело – мудрость, при помощи которой мы постигаем волю Божию.

В словах: *Будьте мудры, как змии* – подразумевается вовсе не хитрость или лукавство. Некоторые святые отцы толкуют эту заповедь так: змей, проползая через тесные места, снимает с себя ветхую кожу и остается в обновленной. Так же и мы должны терпеть всякие тесноты, скорби ради того, чтобы обновить свое естество.

Следующие слова Спасителя могут показаться нам противоречащими тому, что необходимо быть мудрыми: *Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам; ей, Отче! ибо таково было Твое благоволение*[24]. Но здесь нет никакого противоречия. Под словами: *Утаил сие от мудрых и разумных* – имеется в виду не вообще всякий разум, а разум тех людей, которые гордятся, превозносятся, считают, что истину можно познать собственными усилиями, без помощи Божией, без Откровения Божия. Такие люди обычно остаются в неведении, от них утаивается Божественная мудрость, касается ли то вообще спасения, веры во все Божественное Откровение или тех или иных отдельных вопросов христианской жизни.

Господь наш Иисус Христос часто порицает книжников. Отсюда также многие делают превратный вывод, будто книжники – это люди, заведомо обреченные на погибель. Но это не так. Книжники – это люди, читающие книги, сейчас мы сказали бы «интеллигентные». Конечно, под книжниками того времени нужно подразумевать тех, кто изучал Священное Писание Ветхого Завета. Книжники были и среди учеников Спасителя. Апостол Павел, как сам он говорит, *воспитан при ногах Гамалиила*[25]. Гамалиил – знаменитый учитель того времени, по-еврейски «раввин», который славился своей праведностью, мудростью. И апостол Павел был воспитан им в

книжной мудрости. Известно также, что апостол отчасти знал и языческую литературу: он цитировал языческих поэтов, например, когда обращался к афинянам[26] и когда говорил о жителях Крита[27].

Апостол Лука, как язычник по происхождению, также был хорошо знаком с языческой культурой. Священное Писание говорит, что он был по профессии врач, то есть выделялся среди других особыми знаниями. Известно, что он был первым или одним из первых иконописцев. Конечно, он писал по внушению свыше, но в то же время, видимо, знал и теорию искусства, и законы живописи того времени. Его Евангелие написано наиболее литературным языком. Сам он говорит, что писал Евангелие *по тщательном исследовании всего*[28], то есть, в отличие от прочих евангелистов, он использовал исторический подход. Отсюда мы видим, что это был человек культурный, образованный.

Значит, Спаситель не порицал образования вообще: хоть иудейского характера, хоть языческого. Значит, оно не делает человека неспособным к восприятию истины. Господь порицал гордость, осуждал то, что люди надеялись на свой разум, считали образование некоторым преимуществом в деле спасения. О таких людях Он сказал: *Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли, и входящим воспрепятствовали*[29]. То есть: «Вы и сами не имеете ключа к пониманию истины Священного Писания, и другим своими неправильными толкованиями препятствуете встать на путь спасения и войти в Царствие Небесное».

Евангелист Лука, повествуя о детстве Господа Иисуса Христа, говорит, между прочим, и о Его разуме: *Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости, и благодать Божия была на Нем*[30]. А когда двенадцатилетний Господь остался в храме и беседовал с учителями, то *все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его*[31]. Итак, разум здесь восхваляется, он является одним из свойств Господа. Мудростью, проявившейся уже в двенадцатилетнем возрасте, доказывается Его Божественность: Его Божество действовало через еще незрелые человеческие умственные способности.

Итак, Евангелие никак не умаляет значения разума, рассудительности и, когда они соседствуют с другими добродетелями, признаёт их признаками праведности. Глава об отрочестве Господа Иисуса Христа заканчивается такими словами: *Иисус же преуспевал в премудрости и в возрасте и в любви у Бога и человеков*[32].

Итак, мудрость является добродетелью, необходимой для христианина, тогда как некоторые считают ее излишней и требуют от христианина одного только младенческого состояния. Теперь я хотел бы поговорить о том, в чем же состоит собственно христианская мудрость. Чтобы нам лучше это уяснить, обозначим пороки, противоположные правильному рассуждению.

Мы уже вспоминали слова, которые Господь сказал апостолам: *Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби*. Здесь преподаны и главные добродетели, которые должны сочетаться, и одновременно есть намек на противоположные им пороки: безумие и лукавство. Лукавый человек по-своему мудр, но не так, как заповедует Спаситель. В словах *утаил сие от мудрых и разумных* под мудростью и разумом, от которых утаена истина, имеется в виду именно лукавство.

Рассмотрим поучения Спасителя о том, что такое мудрость и безумие. *Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое*[33]. Итак, мудрость, по учению Спасителя, состоит в том, чтобы человек принимал Его слова не только со вниманием, которое естественно и при любопытстве, но принимал бы их для того, чтобы исполнять. Чтобы на заповедях, как на камне, построить свою жизнь, чтобы основывать на заповеди каждое свое дело. Мотивом и, так

сказать, силой всякого дела должна быть заповедь – и тогда человек действительно будет благоразумный, или мудрый.

Если же человек решит основать свою жизнь на собственных представлениях о добре и зле, об истине и лжи, о том, что необходимо и что не нужно, если он будет полагаться на свое суетное размышление, которое подобно песку, – тогда, естественно, вся его жизнь и каждый его поступок разрушится и он падет *падением великим*. Он полностью разочаруется во всем и ощутит в душе совершенную пустоту, ощутит бессмысленность своего существования. Когда человек живет собственным умом, когда он слышит слова Евангелия, но не пытается их исполнять, когда мотивом всех его поступков является не Евангелие, а какие-то человеческие представления, заимствованные у других людей, полученные через чтение книг или неправильное воспитание, тогда его поведение, безусловно, можно назвать безумным. Итак, если мудрость состоит в исполнении заповедей, то безумие соответственно состоит в том, что мы ими пренебрегаем. Слушающий и исполняющий – мудр, а слушающий, но не исполняющий – безумен.

Некоторым людям кажется, что даже Евангелие самой своей простотой доказывает, что христианину необязательно быть мудрым. Но Евангелие нельзя назвать учением примитивным: *Царица южная восстанет на суд с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона*[34]. Мудрость того или иного учения состоит не в том, чтобы оно излагалось витиеватыми словами, трудными для понимания. Можно мудрые вещи говорить просто и можно простые вещи говорить крайне витиевато. Да, Господь говорил очень просто – так, чтобы Его слово мог принять всякий человек, даже совершенно неподготовленный, не имеющий никакого образования. Но за этой внешней простотой скрывалась полнота знания, полнота истины. И поэтому многие очень мудрые, возвышенного ума люди, размышляя над евангельскими притчами, будто бы простыми, толковали их великолепным языком и делали из них тонкие выводы,

например, в отношении догматического учения Церкви. За простотой изложения они видели, действительно, великую, непостижимую, сверхчеловеческую мудрость, которая *больше Соломоновой*. Не было человека на земле мудрее Соломона, а мудрость Господа Иисуса Христа – это мудрость Божественная.

Кого еще Евангелие именует безумным? Спаситель, обличая фарисеев, сказал: *Горе вам, вожди слепые, которые говорите: «если кто поклянется храмом, то ничего, а если кто поклянется золотом храма, то повинен». Безумные и слепые! что больше: золото, или храм, освящающий золото? Также: «если кто поклянется жертвенником, то ничего, если же кто поклянется даром, который на нем, то повинен». Безумные и слепые! что больше: дар, или жертвенник, освящающий дар?*[35]. Итак, человек внешне благочестивый и ревностный, но не понимающий истинного соотношения предметов поклонения, не понимающий, что является освящаемым и что – освящающим, также может быть назван безумным. Неправильное богопочитание – исключительно внешнее благочестие – является свойством, противоположным мудрости.

Далее Господь говорит: *Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие!*[36]. Отсюда мы можем сделать вывод, что те, кто старается соблюдать мелочные предписания закона, то есть его обрядовую сторону, но пренебрегает собственно заповедями, например любовью к ближнему, милосердием, – также безумны.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их[37]. Выходит, неразумным человеком можно назвать и такого, который думает, что нужно следить только за своим внешним поведением и что можно не обращать внимания на свое внутреннее состояние. А тот, кто следит за своей душой, кто очищает помыслы, есть мудрый.

Господь сказал, что *исходящее из человека оскверняет человека. Ибо извнутрь, из сердца человеческого, исходят*

злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость и наконец *безумство*[38]. Венец всему этому – безумство, хотя каждый лукавый помысел в каком-то смысле можно назвать безумством, потому что он уводит от истинного, евангельского понимания вещей. И кто не радеет об очищении своей души, об очищении своего сердца, тот оскверняется всеми этими лукавыми помыслами, тот безумствует и в конечном счете завершает все это полным безумием.

Евангелие прямо говорит, что безумство исходит изнутри, из сердца человека и человека оскверняет. Ибо тогда разум помутняется, и человек ведет себя неправильно, говорит неправильно и под предлогом исполнения воли Божией может совершать самые дикие и страшные преступления. Так и Спаситель предсказал ученикам, что наступит время, когда всякий убивающий последователей Господа будет думать, что этим служит Богу. Такое случалось в истории человечества многократно.

В Евангелии от Луки люди, не очищающие своей души, своего внутреннего состояния, прямо называются неразумными: *Ныне вы, фарисеи, внешность чаши и блюда очищаете, а внутренность ваша исполнена хищения и лукавства. Неразумные! не Тот же ли, Кто сотворил внешнее, сотворил и внутреннее?*[39]. По-славянски сказано более прямо: *Безумнии, не Иже ли сотвори внешнее, и внутреннее сотворил есть?* Итак, здесь упомянуты сразу два порока: лукавство и неразумие, или безумие. Можно было бы очистить свое сердце и от лукавства, но человек, пренебрегая внутренней жизнью, делает это для себя невозможным, и душа его пребывает неисправимой. Он следит за своими поступками, хочет делать все тщательно, правильно, но вновь и вновь погрешает и падает. И никогда не придет к настоящему доброму поведению по той причине, что все начинается изнутри. Внешняя жизнь основана на внутренней, как будто бы невидимой, подобно тому как стены дома основаны на фундаменте. Фундамент зарыт в

землю, его не видно, но, если он положен неправильно, тогда и стены будут кривыми, дадут трещину или рухнут.

Господь сказал: *Род сей лукав, он ищет знамения, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка*[40]. Итак, когда человек ищет чудес и желает отсутствием чудес оправдать свое неверие – это также лукавство, отступление от Бога, это порок, в определенном отношении противоположный мудрости. Отсюда можно сделать вывод, что мудрый человек не нуждается в знамениях и чудесах для подтверждения истины, но прислушивается более к своей совести: если она принимает учение, то человек соглашается с ним. А безумный оправдывает свое неверие отсутствием чудес, и такому человеку чудеса не дадутся по той причине, что он все равно их не примет, он попытается объяснить их каким угодно образом. В наше время, например, атеисты пытаются библейские чудеса объяснить тем, что они будто бы согласны с некими законами природы, еще не известными науке, а что-то приписывают гипнозу и так далее.

А вот еще один пример безумия, неправильного поведения человека. *Смотрите, берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения. И сказал им притчу: у одного богатого человека был хороший урожай в поле; и он рассуждал сам с собою: «Что мне делать? некуда мне собрать плодов моих». И сказал: «Вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и всё добро мое, и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы; покойся, ешь, пей, веселись». Но Бог сказал ему: «Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет*[41]. Итак, безумным является и тот, кто копит богатство. Он не имеет здравого смысла, рассудительности: он устраивает свою жизнь так, что в итоге остается ни с чем. Если человек все силы употребляет на стяжание имения, не творит никакой милостыни ради Царствия Небесного, то во мгновение ока он лишится всего: и земное оставит, и в будущей жизни останется без всякого духовного сокровища, без благодатной помощи. А мудрым окажется тот,

кто ради Бога отрекается от привязанности ко всему земному. Отречение от мира может быть двояким: буквальным, как совершают его монашествующие, и скрытым, как совершают его ревностные миряне. Монахи как бы заранее от всего отказываются, чтобы не соблазняться, миряне же пользуются мирскими благами, но, когда перед ними встает вопрос: «Что предпочесть: мирские блага или спасение?» – они отрекаются от того, что мешает им исполнять заповеди. Так в течение своей жизни они совершают более или менее значительные отречения.

В отречении от мира тоже можно оказаться мудрым или безумным. Вспомним такое поучение Спасителя. *Ибо кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он, что нужно для совершения ее, дабы, когда положит основание и не возможет совершить, все видящие не стали смеяться над ним, говоря: этот человек начал строить и не мог окончить?*[42]. Господь уподобляет спасение построению башни, а отречение от мира – точному, спокойному расчету. Мы должны хорошо подумать: сможем ли мы построить ту крепость, которая оградит нас от всех искушений, от всех бед, скорбей и напастей, которые хочет воздвигнуть на нас мир? Мы должны прежде сесть и рассчитать свои силы, вычислить все издержки – тогда мы придем к выводу, что необходимо отказаться от привязанности к миру, даже к собственным родным. Иначе *все видящие станут смеяться* над нами: мы станем посмешищем демонов, которые желают нашего позора, нашей гибели, и всегда радуются, если у нас не получается то, что ведет к нашему спасению.

Далее читаем: *Или какой царь, идя на войну против другого царя, не сядет и не посоветуется прежде, силен ли он с десятью тысячами противостать идущему на него с двадцатью тысячами? Иначе, пока тот еще далеко, он пошлет к нему посольство просить о мире. Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником*[43]. Некоторые неправильно понимают эти евангельские тексты и думают, что если нет средств, то башню можно не строить, и если нет сил, то можно примириться с

напавшим царем. Но это не так. Башню мы должны построить и обязаны пойти на сражение с царем, который, по моему мнению, есть диавол, превосходящий нас силами. Иначе мы вынуждены будем заключить с ним мир, покориться ему, даже не вступив в войну. Что может быть позорнее? А принять такое решение: «У меня нет сил, поэтому я не буду это исполнять» – все равно что сказать: «У меня нет сил, поэтому я буду молча тонуть, спокойно пойду ко дну».

Под отречением от мира, скажу еще раз, не всегда нужно понимать монашеский уход из мира. Это такой духовный настрой, который позволил бы нам в случае необходимости отречься от тех или иных земных благ и даже от родных, если они мешают нам исполнять заповеди. Что значит «отречься»? Если я, допустим, не потакаю желанию своих близких, которое заставляет меня идти против моей христианской совести, то это уже есть некое малое отречение. Мирянин сталкивается с этим, может быть, не раз в течение дня. И к таким отречениям нужно быть готовым. Иначе, поддаваясь человекоугодию, уступая людям, которые нам дороги, мы бесконечно будем погрешать против Евангелия и в таком случае не станем учениками Спасителя. Ибо ученик Спасителя не тот, кто числится таковым и по видимости за Ним следует, а тот, кто у Него действительно чему-то научился. Как мы можем назвать себя учениками Господа, если мы не исполняем ничего из того, чему Он нас учил?

Итак, суммируем наши рассуждения. Кто такой мудрый человек? Мудрый человек тот, который строит свою жизнь на исполнении евангельских заповедей. Мудрый человек тот, который считает, что евангельское учение выше всех земных учений. Мудрый человек тот, который имеет правильное благочестие, не оправдывает себя исполнением внешнего, а ищет чистоты внутренней, сердечной. Мудрый человек тот, который не надеется на земное богатство, а собирает себе сокровище на небесах. Мудрый человек готов отречься от всего, что мешает ему исполнять заповеди Божии. Мы видим, что евангельская мудрость действительно является *безумием для мира*[44]. Как ясно, остро, жизненно говорит апостол Павел! Это

его изречение всегда ново и, если так можно выразиться, свежо, необходимо для людей всех времен. Наша христианская мудрость – безумие для мира, а мудрость мира – безумие для нас.

Во время Тайной вечери Спаситель беседовал со своими учениками, апостолами и сказал им: *Когда Я посылал вас без мешка и без сумы и без обуви, имели ли вы в чем недостаток? Они отвечали: ни в чем. Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч*[45]. Конечно, это сказано не в буквальном смысле, будто нужно продать одежду и купить меч, то есть, попросту говоря, стать разбойником – это противоречило бы и духу и букве Евангелия. Дальше Спаситель поясняет: *Ибо сказываю вам, что должно исполниться на Мне и сему написанному: «и к злодеям причтен». Ибо то, что о Мне, приходит к концу*[46]. Здесь речь идет о том, как будут воспринимать истинных христиан окружающие: на них будут смотреть как на разбойников. То есть Спаситель как бы говорит апостолам: «Меня распнут среди злодеев, как уголовного преступника. Подобно этому и все вы, истинные ученики Мои, будете выглядеть в глазах людей, чуждых Евангелию, как разбойники». Так оно и было. Если бы мы вели себя как истинные христиане, то, пожалуй, многие и многие люди смотрели бы на нас как на разбойников. Впрочем, иные на монашествующих так и смотрят. Думают: «Вот, они всё оставили, родителей своих огорчили, всем досадили, никому никакого добра не делают, никому не помогают. Что это такое?! Это тунеядцы, это почти что разбойники!» Смотрят на них с недоумением, с презрением, а ведь именно монашествующие стремятся к тому, чтобы безо всяких оговорок исполнить Евангелие. Пусть не всё исполняют, но, по крайней мере, стремятся. Да и всякий христианин – и вы с этим сталкивались, – ведущий себя вежливо, мягко, не отвечающий злом на зло, прощающий обиды, кроткий, терпеливый, целомудренный у людей неверующих вызывает раздражение.

Например, целомудрие – прямо ненавистная добродетель для неверующих людей, они не могут ее терпеть. Сейчас все

разговоры ведутся только «об одном». Человек, может быть, ничего «такого» не делает, но как будто обязан сказать какую-нибудь скабрезность. Если кто-то избегает таких разговоров, то выглядит в глазах других уродом. А он просто не хочет говорить ненужные, глупые, гадкие вещи.

Вроде бы теоретически все понимают, что добро есть добро, а зло – зло, но в действительности по делам, поступкам, словам большинства людей, по тому, что составляет всю их жизнь, получается так, что христианство в их глазах – это зло. Быть честным – зло, целомудренным быть – зло. Не сквернословить – зло, не отвечать на оскорбление таким же образом – зло. И вот, истинный христианин презираем и ненавидим всеми. И сам он чувствует себя неловко среди таких людей, и они как-то не терпят его: может быть, сами того не понимая, всячески стараются ему досадить, унизить его, в лучшем случае посмеяться над ним. Даже дети верующих, если родители действительно воспитывают их в благочестии, не находят, с кем им дружить среди детей неверующих людей. Ребенок, которого с детства учат добру, не знает, как себя вести с детьми, которых родители учили, что нужно всегда отстаивать свое желание, и гордость вменяли им в добродетель.

Евангельская мудрость не принимается миром. Часто евангельское учение одобряется людьми только из лицемерия, только для того, чтобы прикрыть свою греховность. Отнюдь не потому, что люди, знакомые с евангельским учением, согласны с ним по-настоящему: просто им стыдно признаться, что такую очевидную истину, такое очевидное учение о добре они отвергают. Они лицемерно признают его хорошим, добрым, но делами своими показывают, что совершенно его не принимают.

В Евангелии есть еще одно изречение, которое прямо не содержит слов «мудрость» или «безумие», но на самом деле непосредственно относится к нашей теме. Господь Иисус Христос сказал: *Смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма?*[47]. Конечно, здесь идет речь о свете разума. Мы должны проверять свой взгляд на всё: на свою внутреннюю жизнь, на свои поступки и слова, на людей, даже на окружающие предметы – по Евангелию. Должны следить, чтобы свет,

который в нас, – разум, понимание, не оказался бы тьмой. Нужно постоянно себя контролировать, ибо мы можем сказать о себе, что мы *ходим в свете*[48], только в том случае, если мы живем по Евангелию. Само Евангелие учит нас правильно, по-христиански относиться ко всему, даже к мелочам. В этом нет фарисейства: фарисейство чрезвычайно внимательно относится к мелочам во внешнем делании, а о внутреннем небрежет, мы же начинаем с внутреннего, воспитываем в себе изнутри правильную духовную жизнь, правильное устроение и изнутри как бы выходим наружу: от внутреннего строим правильное отношение ко всему внешнему. Только так, *очистив прежде внутреннее,* мы можем действительно *очистить внешнее стклянницы и блюда*[49].

Мы должны постоянно следить за тем, руководствуемся ли мы Евангелием. Это не всегда могут быть сами евангельские заповеди (впрочем, конечно, было бы хорошо, если бы мы понимали Евангелие до такой степени, чтобы могли постоянно применять его в своей жизни), но это могут быть и святоотеческие советы. Все они взяты святыми отцами из Евангелия, не с помощью теоретического рассуждения, а через опыт исполнения заповедей. Если мы наполним свой ум Евангелием, нравственным и аскетическим святоотеческим учением, то как раз и будем *ходить в свете*, как раз и приобретем ту самую мудрость, которая чрезвычайно необходима для того, чтобы жить по заповедям. Без мудрости, без рассуждения, без понимания того, что с нами происходит, никто никогда не исполнит Евангелие нечаянно, как бы вдруг.

Само Евангелие, вся полнота учения Спасителя есть мудрость, как Он Сам сказал: *здесь мудрость больше Соломоновой*. Поэтому необходимо чрезвычайное напряжение ума для того, чтоб постигнуть это учение так, чтобы можно было исполнить его в каждом конкретном случае. Действительно, это трудно. Недаром святые отцы говорят, что мудрость, или духовное рассуждение, есть высочайшая из добродетелей, без нее невозможно совершить никакую другую. И никто из нас, каким бы мудрым ни казался он себе или другим, не имеет права переменить ни одного слова из Евангелия, ибо это слова

не человека, а Сына Божия и Бога. Господь сказал: *Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби*. И оберегаться мы должны двух крайностей: с одной стороны, неразумия, с другой – лукавства. Посередине и лежит путь евангельский, путь истинной мудрости.

* * *

Бывает, нужно принять решение, а ты не знаешь, как поступить, и нет возможности посоветоваться со священником. Можно ли в этом случае бросить жребий: две записочки – «да» и «нет», – прочитать Серафимово правило и таким образом принять решение?

Я думаю, что этого делать ни в коем случае нельзя. Да, апостолы бросали жребий, чтобы избрать двенадцатого апостола вместо Иуды, но это был особенный случай, и они при этом усиленно молились. Если так будем узнавать волю Божию мы, заурядные люди, то обязательно прельстимся. Нужно думать самому, конечно, согласно Священному Писанию и святым отцам. Бог дал человеку разум для того, чтобы он исследовал волю Божию и узнавал, как ему поступить. Не всегда у нас есть возможность посоветоваться со священником, но жить по-христиански мы должны всегда. Для того мы и читаем Священное Писание, для того мы и читаем святых отцов, чтобы научиться распознавать волю Божию в обыкновенных житейских обстоятельствах. Так что никаких жребиев не надо.

Прощает ли Господь несоблюдение каких-либо заповедей во имя Бога? Если да, означает ли это, что все остальные заповеди, кроме первой, не статичны?

Заповеди – это воля Божия. Из-за нашей неопытности воля Божия в иных случаях может показаться нам противоречащей той или иной конкретной заповеди. Например, неопытный человек воспринимает воинскую службу как противоречащую заповеди о любви к ближнему. А Церковь говорит: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих*[50]. Тот, кто сражается за родину, исполняет эту заповедь: он ведь не только убивает, но и своей жизнью рискует, собой жертвует. Церковь видит в этом наивысшую любовь. Поэтому нельзя

сказать, что заповеди «не статичны». Но применить заповеди к той или иной ситуации и знать, какая заповедь в данном случае уместна, не всякому удается, поэтому нам, по нашей неопытности, нужно ориентироваться не на собственное понимание Евангелия, а на понимание святых отцов, объясняющих евангельское учение. Тогда мы не запутаемся.

Исаак Сирин говорит, что скорбь ума заменяет телесное делание. Что это означает и что такое скорбь ума?

Скорбь ума – это борьба с греховными помыслами, сокрушение сердечное, память смертная. Это ведь всё добродетели душевные, а не телесные. И они заменяют телесное делание, они гораздо важнее его, потому что, как говорят святые отцы, умное делание – это плоды, а телесное делание – это только листья.

Какое место в духовной жизни должно занимать чтение? Сейчас издается столько православной литературы, как выбирать книги?

Духовное чтение – это очень важно. Для человека только пришедшего в Церковь чтение, пожалуй, даже важнее молитвы. Не потому, что молитва сама по себе меньше, чем чтение, а потому, что сориентироваться, научиться правильно ко всему относиться в наше время легче при помощи чтения. В глубокой древности было много живых учителей праведности. Многие из монашествующих даже читать не умели, но, приходя в те или иные обители или к тем или иным подвижникам, они непосредственно от них, изустно, обучались церковному преданию – и в отношении вероучения, и в отношении праведного образа жизни. Но впоследствии, когда живая преемственность начала оскудевать, святые отцы, предчувствуя (а может быть, им было открыто свыше), что наступят такие времена, когда богоносных наставников будет очень мало, стали писать книги, в которых излагали свое учение.

Черпая в книгах святых отцов догматическое и нравственно-аскетическое учение Церкви, мы возобновляем в себе веру святоотеческую, веру апостольскую. И если бы мы правильно избирали источники, то все было бы прекрасно: мы получали бы пользу за пользой. Но литературы сейчас,

действительно, великое море, и в ней очень трудно сориентироваться. И даже находясь в лоне Православной Церкви и приступая к чтению именно православной литературы, мы все равно нуждаемся в правильной ориентации, иначе вместо пользы можем получить вред и даже погибнуть.

Какие книги читать? Во-первых, нужно отделить книги православные от явно неправославных. Во-вторых, нужно отделить из православных книг те, в которых учение Церкви содержится в чистоте, от тех, где есть некоторая примесь постороннего влияния. В-третьих, из православных книг, чистых в отношении вероучения, нужно выбрать те, которые нам подходят, которые для нас своевременны. А для этого нужно ясно понимать, что подходит мирянам, что – монашествующим, что подходит людям в том или ином духовном возрасте, что подходит человеку умственно развитому, а что – малообразованному и простому.

Сначала надо прочесть несомненно православные книги, утвердиться в правильном понимании православия, а потом уже человек сможет читать и другие книги духовного содержания, сам определяя, насколько они чисты в смысле вероучения.

С чего начинать изучение нравственно-аскетической литературы?

Я бы советовал начать с книг святителя Игнатия (Брянчанинова), а вслед за ними читать творения других русских подвижников благочестия, близких нам по времени, поскольку их поучения нам понятны. Это записки праведного Иоанна Кронштадтского, письма и дневники оптинских старцев, в особенности мне нравятся письма преподобного Амвросия Оптинского. Очень хороша книга писем игумена Никона (Воробьева). Интересны нравственно-аскетические книги святителя Феофана Затворника. Есть прекрасный писатель XVIII века, святитель Тихон Задонский. Всё, что им сказано, просто, полезно и подходит всем: и монахам и мирянам.

Но для того чтобы разобраться в море аскетической литературы, я рекомендую начать все-таки со святителя Игнатия, потому что он расставляет все точки над «і». Читая тех

или иных отцов после святителя Игнатия, мы сможем правильно сориентироваться, понять, что нам подходит, чему мы можем следовать, а от чего должны отвратиться или к чему отнестись, по крайней мере, с некоторой осторожностью. Святитель Игнатий по масштабу своего мышления, можно сказать, величайший святой отец XIX века. В начале XX века оптинский старец Варсонофий говорил, что без творений святителя Игнатия мы даже не поняли бы, что такое монашество. И это было сказано тогда, когда еще сохранялась живая монашеская традиция! А в наше время эти слова трижды правильны. Сейчас мы, можно сказать, живем его творениями.

Но надо понимать, что нельзя ограничиться одной только аскетической литературой. К чтению нужно относиться с большой ответственностью: от него зависит не только наше умственное развитие, но и вообще дело нашего спасения. Если не читать ничего, кроме аскетики, то это, мне кажется, будет неразумная ревность. Так можно остаться невеждой в остальных вопросах. Такой аскет, такой аскет, что даже не знает, в какого Бога он верит!.. В истории Церкви бывало, что ревностные подвижники впадали в ересь именно из-за своего невежества. Поэтому нужно хотя бы в малой степени знать и догматическое богословие, и историю Церкви. Желательно знать учение православной Церкви в сравнении с другими христианскими вероисповеданиями – хотя бы для самих себя. Пусть мы не сможем обратить какого-нибудь сектанта в православие, пусть не сумеем в какой-то ситуации возразить другим, но мы должны понимать, что правильно и что неправильно. Необходимо по крайней мере самому правильно судить о том, чем отличается христианская аскетическая практика от практик индуизма или буддизма, чем отличается православная духовность от прелести индийского йогина. Мы должны ориентироваться в этом хотя бы для самих себя, потому что мы не живем сейчас в таком обществе, где православные люди изолированы от вредных умственных влияний.

В нас самих должна быть цензура. С одной стороны, мы должны ограничивать себя в чтении, с другой – читать тех

православных авторов, которые имели мужество, мудрость и благословение Божие разобраться во многих заблуждениях и разъяснить их другим. Одним из таких выдающихся авторов, близких к нам по времени, является ныне очень популярный (и справедливо!) приснопамятный иеромонах Серафим (Роуз). Его взгляды на те или иные духовные явления, те или иные проблемы современного православия весьма и весьма основательны и соответствуют учению Церкви.

А какие книги вы посоветуете читать о борьбе со страстями?

Это опять же аскетическая литература. Из сочинений святителя Игнатия лучше всего вначале прочитать книгу «Приношение современному монашеству». Она названа так, будто относится только к монахам, но на самом деле она полезна всем: в ней систематически изложено нравственное учение Церкви. Эта книга как бы некое предисловие к чтению святоотеческой литературы. Сам святитель Игнатий о ней говорит, что она подходит всем, кто желает в миру жить особенно внимательно, то есть ревностным православным христианам.

Еще можно порекомендовать небольшую, но полезную книгу преподобного Нила Сорского «Предание ученикам о житии скитском». Эта книга написана действительно для монахов, более того – для скитян, но и миряне могут из нее почерпнуть много нужного. После святителя Игнатия и русских подвижников благочестия уже можно читать древних отцов. В первую очередь «Поучения» аввы Дорофея, «Лествицу» преподобного Иоанна, затем «Ответы» Варсонофия Великого и Иоанна Пророка. И только потом, когда человек будет основательно подготовлен, можно читать «Добротолюбие» и преподобного Исаака Сирина.

Читая аскетическую литературу, важно не запутаться. С одной стороны, не нужно думать, что такие книги вовсе не подходят для людей, живущих в миру, с другой – нельзя все, что пишут святые отцы-аскеты, прилагать к мирянам. Миряне должны усваивать себе универсальные истины, а то, что касается особенностей сугубо монашеской жизни, откладывать как невыполнимое. Уединение, строгий пост, чрезвычайные

подвиги – это для мирян невозможно. А советы о молитве, смирении, любви должны стараться исполнять все. Нужно иметь рассуждение, чтобы научиться отличать то, что к нам применимо, от того, что в нашей жизни неуместно.

По каким книгам лучше знакомиться с догматическим учением Церкви?

Я советовал бы начать с книги преподобного Иоанна Дамаскина «Источник знания» или, по крайней мере, с третьей ее части – «Точного изложения православной веры». Хотя эта книга может показаться несколько сложной, но надо потрудиться. В ней очень ясно излагается догматическое учение Церкви. Причем она так написана, что твое знание догматов будет насыщено чувством глубокого благоговения и веры. Если кому-то книга преподобного Иоанна все же покажется трудной, пусть прочтет хотя бы «Катехизис» святителя Филарета (Дроздова).

Какие толкования на Евангелие лучше читать?

Нужно сначала прочитать самый авторитетный источник – толкование блаженного Феофилакта Болгарского. Он истолковал не только Четвероевангелие, но и вообще весь Новый Завет, кроме Апокалипсиса. (Апокалипсис, к слову сказать, объяснен святителем Андреем Кесарийским, и его труд тоже желательно прочитать, чтобы не участвовать в разных кривотолках, происходящих от невежества.) Можно прочитать толкование на Евангелие святителя Иоанна Златоуста, но он истолковал только два Евангелия: от Матфея и от Иоанна. Феофилакт Болгарский брал свое толкование в основном из Иоанна Златоуста, но дополнял его толкованиями других, более поздних отцов. Его книга – это высочайшего уровня компиляция. Прочитав толкование блаженного Феофилакта, мы можем читать размышления других авторов над Евангелием, и брать оттуда что-то полезное. Если мы интересуемся Евангелием и хотим хорошо в нем разбираться, то это, конечно, весьма похвально.

Я плохо запоминаю прочитанное: то, что не очень важно – я запоминаю, а то, что нужно бы запомнить – не получается. Как быть?

Дело в том, что духовная литература похожа скорее на научную, чем на развлекательную, художественную, за исключением, может быть, житий святых. Поскольку мы привыкли читать ради удовольствия и в этом смысле, можно сказать, развращены, то мы и запоминаем второстепенное, а важное не усваиваем. Я считаю, что самый лучший способ запоминать – это тот, который выражен в русской пословице: «Повторение – мать учения». Преподобный Иоанн Дамаскин фактически подтверждает смысл этой пословицы: он советует попросту перечитывать и Священное Писание, и святоотеческую литературу для того, чтобы усвоить их. По крайней мере, я другого способа не знаю.

Вы однажды говорили, что книги нужно выбирать в соответствии со своим умственным и духовным развитием. Что это значит?

Люди действительно отличаются по уровню своего умственного развития. Я не хочу этим никого унизить и совсем не презираю людей простых. Умственная простота отнюдь не препятствует спасению и даже достижению духовного совершенства. Среди святых известны люди весьма и весьма простые: например, Павел, которого так и называли «Препростый» и который, однако же, был великим чудотворцем. И наоборот, были люди необыкновенно умные, гениальные, такие как Ориген, но проклятые Церковью.

Теперь о том, какие книги считать сложными, а какие – простыми. Есть такие книги, от чтения которых, что называется, мозги скрипят. Допустим, преподобный Максим Исповедник – очень сложный писатель, святитель Григорий Палама порой также весьма сложен. А вот слог святителя Иоанна Златоуста вполне доступен. Но надо иметь в виду, что простота изложения не всегда связана с предметом речи. Иногда предмет довольно-таки сложный, но один о нем пишет просто, другой – весьма сложно. Авва Дорофей, например, будучи человеком весьма образованным, писал просто, потому что желал быть понятным, или, может быть, поступал так по смирению. Да, он пишет простым слогом, но исполнить то, о чем он пишет, очень тяжело. Тут нельзя соблазняться видимой простотой.

Почему разным людям нужно читать разную литературу? Допустим, я всем вам посоветую читать Григория Паламу. А вдруг некоторые из здесь сидящих не смогут его осилить – бросят и скажут: «Мы лучше вообще ничего читать не будем!» Я же и буду виноват. Поэтому книги нужно избирать в том числе и по своим способностям, своему образованию. Надо подходить к этому дифференцированно, нельзя стричь всех под одну гребенку, не могут все быть, например, богословами.

Тем не менее, это не значит, что надо искать для себя литературу, которую можно читать без всякого напряжения. Может быть, что-то воспринимать нам будет и трудновато, придется преодолевать некоторую скуку, понуждать себя, однако это делать необходимо. Читать нужно то, что для тебя актуально. Актуально не значит интересно. Мы читаем не для развлечения, ищем книгу не такую, чтобы читать ее не отрываясь. Какой у нас интерес? Мы желаем найти в читаемом ответы на жизненные вопросы. Тогда духовная литература будет нам интересна, полезна и мы будем ее усваивать. Поэтому каждый пусть ищет ту литературу, которая для него актуальна и своевременна. Конечно, в этом трудно разобраться самостоятельно, здесь необходим совет.

А что значит «читать в соответствии со своим духовным развитием»? Бывает такая ошибка: человек читает творения подвижников благочестия, описывающих высшие духовные состояния, и впадает в мечтательность. Такие книги в особенности любят люди интеллигентные и вообще те, у кого развито воображение. Вот они прочтут книгу Симеона Нового Богослова или, скажем, Исаака Сирина, или Макария Великого – и начинают витать в облаках: им кажется, они уже переживают то, о чем прочитали. Наверное, нужно знать и о высших духовных состояниях, но в то же время необходимо понимать, до какой степени это применимо к нам. Может, нам эти книги надо читать только для того, чтобы знать, что мы таких состояний не имеем и поэтому мы – ничто. Преподобноисповедник Никон Оптинский о книге Исаака Сирина говорит, что в наше время ее едва ли можно практически применить, разве только возбудить в себе ревность к подвигу.

Какие книги нужно перечитывать?

Если ты понимаешь, что книга тебе нужна, значит, перечитай ее.

– Обязательно?

– Да, обязательно. Я считаю, что второй раз нужно читать не только то, что интересно, но и то, что действительно трудно читать. К чтению нужно относиться очень добросовестно: как к труду, а не как к развлечению.

Некоторые оптинские подвижники каждый год перечитывали важные святоотеческие книги, возобновляли их в памяти. Нужно всегда иметь в уме святоотеческое учение не для того, чтобы выглядеть образованными, блеснуть какими-то цитатами, зачастую неуместно, а для того, чтобы применять его в собственной внутренней жизни.

Я недавно в Церкви, и мне больше по душе «легкие» книги, которые рассказывают о жизни современных христиан, о том, как люди приходят к вере, о проблемах, которые для меня близки и понятны. Очень люблю читать о чудесах. Вы скажете, что я мелко плаваю?

Во-первых, все мы с чего-то начинали. А во-вторых, те же повествования о чудесах интересно читать всем: и людям, только что пришедшим в Церковь, и глубоко верующим, потому что это укрепляет веру и в этом нет ничего постыдного. Вот я, например, недавно с удовольствием прочитал книгу митрополита Вениамина (Федченкова), в которой он пытается опровергнуть неверие и утвердить веру. И получил большую пользу. Митрополит Вениамин, на мой взгляд, замечательный писатель: он пишет очень интересно, просто и мудро. Причем не только от ума, но под действием благодати. Все его книги можно прочитать и от всех получить пользу.

Между прочим, он говорит о том, что люди больше всего верят чудесам. Какие бы доводы в защиту веры мы не приводили, но самым сильным доказательством всегда являются чудеса. Поэтому я не думаю, что люди, которые любят читать о чудесах, мелко плавают. Если книга не противоречит учению Церкви, значит, мы можем ее читать и получать пользу.

Мне нравится читать книги возвышенных писателей, например Исаака Сирина, а вот святитель Игнатий (Брянчанинов) скучен и неинтересен. Почему так?

Здесь все очевидно. Исаак Сирин был учителем даже не пустынножителей, а отшельников, то есть тех, кто годами вообще не видел людей. И если человек говорит, что ему больше всего нравится читать Исаака Сирина, то пусть взглянет на себя трезво. Исаак Сирин, например, дает такой совет: «Кто хочет преуспеть в безмолвии, пусть преуспеет в нищете». Как это понять? Это значит, что человек, чтобы ему ни от кого не зависеть, должен привыкнуть к совершенно нищенскому образу жизни, обходиться почти что ничем. Ну и как нам это исполнить? Исаак Сирин говорит, что верить нужно так, чтобы переходить реку как посуху. Как нам исполнить и это? Он говорит о необыкновенной, возвышеннейшей любви, о том, что должно любить и пресмыкающихся, и даже демонов. Кто из нас любит даже не демонов, а хотя бы пресмыкающихся? Да и просто каких-нибудь неприятных животных, скажем мышей?

Святитель Игнатий (Брянчанинов) скучен нам потому, что он нас обличает. Нам скучно, потому что подобная литература требует исполнения. А Исаак Сирин, хотя для некоторых высокопреуспевших людей он и был учителем практическим, так далек от нас, что написанное им для нас просто мечта. Мечта, потому мы его и любим. Я не говорю, что это писатель совершенно ненужный и нам надо про него забыть – это было бы кощунством. Но читать такие книги следует с большой осторожностью. Если мы захотим перенять у преподобного Исаака какой-то практический совет, то можем очень повредиться. В то же время у святителя Игнатия, который читал, конечно же, и Исаака Сирина, извлечено из его творений, как и из творений прочих древних отцов все, что нам необходимо. Святитель Игнатий переработал всю святоотеческую литературу, притом не теоретически только, а испытав советы святых отцов на деле. Вообще, если определять какой-то минимум чтения, то для нашего спасения было бы достаточно и одного святителя Игнатия. Хотя это,

конечно, не значит, что нужно на самом деле ограничиться им одним.

В школе преподают по учебникам, в которых многое противоречит православному учению. Что делать?

Во многих учебниках есть то, что противоречит христианству, это несомненно. Альтернативных учебников нет. В редких школах учителя преподают, например, по биологии вместе с теорией эволюции креационную теорию, то есть учение о сотворении мира. А в большинстве школ, даже при том, что у нас уже нет советской власти, преподают исключительно теорию эволюции, преподают извращенную мировую историю, извращенную историю России, литературу и таким образом сеют яд неверия. Навязывают если не советский, то, по крайней мере, атеистический взгляд на вещи. Это очень опасное явление. Расскажу, кстати, такую интересную историю. Блаженный Августин как-то сказал: если бы мы не знали, что мартышки и прочие обезьяны – это животные, то некоторые историки могли бы нам представить их как людей. И действительно, спустя полторы тысячи лет появился Чарльз Дарвин, который нашел череп обезьяны и стал говорить: «Это человек!» Все радостно согласились. А на самом деле это все мечта Чарльза Дарвина.

Я бы советовал детей дома обучать альтернативно. Допустим, ребенку в школе преподают теорию эволюции, а мы ему дома – креационную теорию; его учат, что Лев Толстой – гениальный писатель, а мы ему говорим, что он был отлучен от Церкви. Ему рассказывают о том, каким хорошим преобразователем был Петр Первый, а мы ребенку сообщаем, что он патриаршество отменил.

Если преподают то, что противоречит действительности, то это не подлинное знание. Поэтому нужно стараться своих детей защищать и учить самостоятельно, особенно по таким сомнительным предметам, как история, биология и литература. Для этого надо советоваться с более или менее образованным священником.

Объясните такой святоотеческий совет: «Не будь умом дитя, но злобою младенствуй».

Это слова апостола Павла. *На злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни*[51]. А у нас все наоборот: на злое мы разумны, лукавы и мудры, как змеи, а на доброе мы как дети – не знаем, как добро сделать. А нам на зло надо быть детьми, то есть не уметь делать зла, как не умеют этого младенцы, а на доброе быть разумными, то есть иметь рассуждение о том, как сделать добро, как поступить в том или ином случае. Это весьма и весьма непросто.

Что такое обыкновенный житейский опыт? Я сейчас обращаюсь в особенности к людям преклонного возраста, которые часто гордятся своим опытом. По большей части это опыт делать именно зло. А люди, которые отреклись от мира – я хочу похвалить монашествующих, – не имеют никакого житейского опыта, потому что почти не жили мирской жизнью, они в этом отношении как дети. Но в духовном отношении, в совершении добродетелей они весьма искусны.

Это с точностью соответствует – правда, не всегда буквально так бывает – словам апостола Павла: *На злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни*. Опыт христианской жизни, опыт исполнения заповедей – весьма редкая вещь.

Почему мы ездим в разные места к духовникам и старцам? Потому что предполагаем, что они накопили опыт христианской жизни, который весьма и весьма редок. А людей, которые умеют делать зло и выкручиваться из разных неприятностей, на самом деле очень много. Это и есть так называемый житейский опыт, который часто соответствует тому, чтобы быть мудрым на делание зла.

Последняя настоятельница Ново-Тихвинского монастыря (перед его закрытием, в начале XX века), схииигумения Магдалина (Досманова), когда к ней приходили миряне с какими-либо житейскими вопросами, говорила: «Не спрашивайте меня об этом, этого я не знаю». А на духовные вопросы она отвечала и всем помогала. У нее житейского опыта не было – она находилась в монастыре с двенадцати лет, ее отдали в монастырь родители – благочестивые купцы.

В одной книге встретилось выражение «бесовская мудрость». Что оно значит?

Если это сказано о людях, то это не та мудрость, которая ведет к спасению, не та, которую человек приобретает из опыта жизни по Евангелию, не та, которую мы называем духовным рассуждением, а та, которая связана с преуспеянием в чем-то земном: допустим, житейская хитрость, умение пользоваться человеческими слабостями для достижения своих целей.

Конечно же, не всякая мудрость богоугодна. Апостол Иаков говорит, что есть *мудрость бесовская, душевная*[52]. Такой мудрости нужно избегать и искать мудрости христианской. В чем она? В том, чтобы при самых неблагоприятных обстоятельствах исполнять заповеди. А бесовская мудрость ищет способа, как, несмотря на превратности жизни, наслаждаться ею; как, несмотря на свою греховность, не потерпеть заслуженного наказания от Бога и так далее.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет, что духовный подвиг должен быть как можно менее сложным. Он подчеркивает, что и в умном делании, и в самом покаянии нужно избегать чрезмерности, а надо все делать с великой тихостью.

Говорят: «Где просто, там ангелов со сто, где мудрено – там ни одного». То есть надо ничего не выдумывать, не надеяться на себя, не изобретать, а непрестанно молиться с покаянием. А от всех этих изобретений и изощренных размышлений ничего в твоей душе не изменится, только одна сумятица будет. Поэтому святитель Игнатий говорит, что человека, тонкоразборчивого в помыслах, нужно приучить к простоте.

В умном делании действительно нужно избегать чрезмерности: не выдавливать из себя покаяние, а понимать, что покаяние – это действие благодати. Нужно знать, в чем необходимо понуждение, а в чем – терпеливое ожидание. Если я, например, буду понуждать себя любить врагов, то у меня ничего не выйдет, а вот если я буду понуждать себя к покаянной молитве, то постепенно у меня появится и любовь к врагам естественным образом, от действия благодати. То есть я должен себя удерживать в каких-то рамках, но в то же время

знать, что одним усилием приобрести в сердце возвышенные добродетели невозможно, здесь нужно действие благодати. Таким образом, основной добродетелью, к которой я должен себя понуждать, является непрестанная покаянная молитва. Уж проще этого, то есть яснее, ничего быть не может.

А сидеть изобретать, вычислять, сопоставлять цитаты и находить в них противоречия, менять слова и составлять некую «таблицу умножения» о духовной жизни – это ни у кого не получится. Если и нужно составлять какие-то таблицы, то они уже составлены. Мы живем в конце XX столетия по рождестве Христовом. Уже есть и «Лествица», уже есть учение о восьми главных страстях… Уже есть настолько много всего, что трудно все это прочитать. Поэтому не нужно составлять никаких своих систем, тем паче, что мы не Лествичники и не Нилы Сорские. В чем для нас состоит простота духовного подвига? Читай Иисусову молитву, кайся – вот и будет тебе простота.

Почему древние писатели воспринимаются как-то по-разному? Исаак Сирин при всей своей сложности понятен, а вот Марка Подвижника и Исаию Отшельника понять трудно. Может быть, это вина переводчиков?

Может быть, отчасти вина переводчиков, отчасти – слог этих писателей. Считается, что у Марка Подвижника очень витиеватый слог. А, например, авва Дорофей по стилю пишет чрезвычайно просто, и создается впечатление, что он очень понятен. На самом же деле он не больше понятен, чем Иоанн Лествичник, который по стилю более сложен. Слог простой, а вещи, о которых пишет авва Дорофей, так же сложны, как и у Иоанна Лествичника.

Но тут может быть и нечто другое. Исаак Сирин, как я уже говорил выше, – это учитель отшельников. И поэтому человек, который говорит, что ему Исаак Сирин совершенно понятен, вызывает у меня некоторое подозрение: уж не отшельник ли этот человек? Или, по крайней мере, не собирается ли он в ближайшее время уйти куда-нибудь в глубокую пустыню? Может, он просто прельщается возвышенностью вещей, о которых говорит Исаак Сирин, а конкретными предметами, о которых говорят Марк Подвижник и Исаия Отшельник, пренебрегает. Вот

ему Исаак Сирин и понятен: он говорит то, что для данного человека является совершенной абстракцией. И эта абстракция ему подходит, потому что ни к чему его не обязывает. А Марк Подвижник и Исаия Отшельник говорят конкретно – и это человеку не подходит, потому что это нужно исполнять. Исаия Отшельник, например, говорит: «Горе мне, у меня такие и такие грехи. Я подобен вьючному животному, на которое сначала сел один, потом другой». И мне это «непонятно», ведь иначе мне придется признать, что и я такой же: то один грех на мне катается, то другой. А вот когда Исаак Сирин говорит, что нужно иметь такую веру, чтобы по воде ходить, – это мне понятно, это мне нравится. Читая писания некоторых святых отцов, мы от их возвышенного духа сами как бы возвышаемся, хотя исполнить того, о чем они говорят, мы не можем. Мы думаем, что это у нас духовное состояние, а это просто впечатление. Нам это нравится: вот какие мы возвышенные, читаем себе Исаака Сирина, и нам все понятно.

Что значит быть христианином по духу, или о христианстве внешнем и внутреннем

Нормы духовной жизни как средство к исполнению возвышенных евангельских заповедей. – Всякий христианин обязан непрестанно молиться. – Общение может принести не только пользу, но и вред. – Как вести себя в дни церковных праздников. – Принцип правильной духовной жизни: *верный в малом и во многом верен*. – Быть крепким духом в наше время – значит быть ревностным. – О порче, колдовстве и других бесовских наваждениях. – Режим дня важно соблюдать сообразно обстоятельствам жизни. – Как правильно подготовиться к Причастию и как не потерять божественную благодать. – Добрые дела нужно делать ради спасения своей души. – Как не навредить своей духовной жизни. – Нужно ли бороться со смехом?

Сегодняшняя беседа будет общего характера, и ее название может стать обобщающим для следующих бесед.

Очевидно, что в самом названии заключено противопоставление христианства внутреннего и внешнего. Под внешним христианством я подразумеваю поверхностное или, в худшем случае, даже фарисейское соблюдение предписаний Церкви, например о посте, посещении храма и других, вообще-то жизненно важных предписаний. Господь Иисус Христос сказал Своим ученикам, святым апостолам: *Берегитесь закваски фарисейской и саддукейской*[53]. Если такое предостережение получили святые апостолы, то мы, их последователи, тем более обязаны отнестись к нему внимательно. Если мы будем формально читать молитвенное правило, аккуратно приходить в храм и отстаивать службы, молясь при этом рассеянно, соблюдать посты, не понимая их значения, то эти христианские обязанности превратятся для нас лишь в некие внешние занятия.

Внутренним же христианством я хочу назвать правильно проводимую христианскую жизнь. Может быть, для обозначения

правильного христианского образа жизни нам более привычны слова «духовная жизнь». Но в широком смысле духовной жизнью живет всякий человек, хочет он того или нет, – ибо имеет не только телесную природу, но и духовную. Его дух всегда находится в соприкосновении с духовным миром, он реагирует как на внешние обстоятельства, так и на изменения в невидимом мире. Человек может не принимать во внимание бытия Божия, закрыв глаза на свидетельства в его пользу; может не верить в существование темных сил – демонов, но дух его живет в невидимом мире. Сам того не понимая, человек часто вступает в общение с темными силами, принимает их внушения, иногда становится их слепым орудием.

Если человек не думает о том, свежим он дышит воздухом или угарным, это не значит, что качество воздуха не отразится на его здоровье. Нечто подобное происходит и с духовным здоровьем человека. Не учитывая законов духовной жизни, пренебрегая ими, мы тем самым не делаем их несуществующими и бездейственными. Они влияют на нас так же, как законы физические. Знаем мы или не знаем о законе всемирного тяготения или законах электричества, но они действуют. И если мы коснемся оголенного провода, то почувствуем удар тока, даже не понимая того, как это произошло. Если мы нарушаем какие-то физические законы, за этим обязательно следуют негативные явления, и мы учитываем это в своем житейском опыте. Нечто подобное должно быть и в духовной жизни. Поэтому духовные законы нам знать необходимо.

Откуда мы узнаём эти законы? Конечно, из Евангелия и творений святых отцов. Хотя отцы пользуются своеобразной терминологией, выработанной на протяжении столетий, это не значит, что их учение является новым по отношению к Евангелию. Святые отцы, желая четко, ясно и последовательно изложить евангельское учение для своих современников, вынуждены были прибегать к языку философов. Они перенимали язык древних философских школ: платоников, последователей Аристотеля, стоиков с их учением о

нравственности, конечно раскрывая понятия с христианской точки зрения, не искажая изначального апостольского предания.

Кроме того, нужно иметь в виду, что святые отцы, особенно когда они вели речь о нравственном учении, говорили из собственного опыта исполнения Евангелия. Поэтому, хотя их учение внешней стороной и отличается от евангельского, а иногда даже не содержит ссылок на Евангелие и цитат из него, по сути своей является опытным евангельским учением. Христианские подвижники излагали свой опыт так, чтобы он был понятен другим, часто в систематической форме. Например, преподобный Иоанн Лествичник придал своему учению систематическую форму. В упорядоченной форме учение о страстях, выделив восемь главных из них, изложил святой Григорий Синаит, а у нас в России – преподобный Нил Сорский. Созданные ими системы условны, термины этих святых тоже условны, но суть их учений остается прежней и неизменной – это святое Евангелие.

Человек, который не хочет следовать духовным законам, изложенным в святоотеческом учении, и пренебрегает ими, – по сути, пренебрегает Евангелием. Может быть, он думает, что поймет Евангелие сам, без помощи этих опытных наставников. Такая самонадеянность, как правило, приводит к тому, что человек запутывается и обязательно ошибается. Мы люди немощные и далеко отстоим от первохристианских времен, от золотого века монашества – расцвета духовной жизни, поэтому мы поступаем самонадеянно и гордо, когда пытаемся пройти этот путь заново, пренебрегая опытом предыдущих поколений. Уже от одной гордости мы можем запутаться и неправильно понять Евангелие.

Итак, в широком смысле слова, духовная жизнь – это жизнь всякого человека, как духовного существа, названная так в противоположность жизни по телу. В узком смысле, духовная жизнь – это подлинное христианство, в отличие от того, которое имеет только видимость христианства, его внешнюю сторону. Чтобы быть истинными христианами, мы обязаны быть христианами по духу. А поскольку считается, что дух человека

живет внутри его тела, то мы и говорим о внутреннем христианстве.

Христиане, живущие в миру, если они благоразумны, не должны пренебрегать духовной жизнью под тем предлогом, что для них духовные законы не имеют принципиального значения: будто бы только люди, живущие в монастыре, обязаны следовать им, а миряне могут более снисходительно к себе относиться и извинять себе некоторое нерадение и расслабленность. Некоторые считают, что полноценная духовная жизнь в миру невозможна. Но такое предположение означает, что в миру человек может совершенно пренебречь одной из важнейших составляющих своего существа – своим духом: о теле он заботиться должен, – ведь никто и не перестанет заботиться о нем! – а о душе нет. Ярким примером этого является неправильное отношение к воспитанию детей.

Мы заботимся о том, чтобы наши дети хорошо учились в школе, имели приличные манеры, и понимаем, что если дети будут плохо воспитаны, необразованны, не приобретут некоторых житейских навыков, то с ними может произойти какая-нибудь беда, просто даже на улице, не говоря уже о том, как это отразится на их будущем. А в духовной жизни мы предоставляем им свободу: человек, мол, должен сам выбирать, к чему стремиться. При этом никто из нас не говорит, что ребенок должен сам выбирать, ходить ему в школу или нет, питаться правильно или только лакомиться, переходить дорогу на красный свет или на зеленый. Тут мы не допускаем никакого произвола, потому что знаем, что это может плохо кончиться.

Нечто подобное происходит и в отношении нашей собственной жизни. Мы придаем чрезвычайное значение житейским вещам, заботе о теле, о благополучии своем и своих близких, а когда дело касается духовной жизни, то мы мыслим иначе. Мы, например, думаем: «Помолюсь, если время будет», а о внимании в молитве даже не вспоминаем. Не будет времени – не помолимся: «Ничего не поделаешь, я живу в миру, у меня такие обстоятельства», и так мы извиняем себе нарушение элементарных норм христианской жизни. Конечно, исполнение утреннего и вечернего правила – еще не сама духовная жизнь,

но некая основа, без которой эта жизнь невозможна; это ступень, на которую обязательно нужно встать, чтобы взойти на следующую. Да, может быть, у человека действительно мало свободного времени, – например, он имеет многодетную семью или утомительную работу, – но все же он должен исполнять свой христианский долг ради своей души.

Как тело нуждается в еде, так и душа нуждается в сродной ей пище: в чтении слова Божия, молитве, богослужении, и особенно в причащении Святых Христовых Таин. Если лишать душу этой пищи, она ослабевает, хиреет и оказывается неспособной к нравственной жизни. Когда христианин незаметно оставляет духовные занятия: внимательную молитву, чтение Священного Писания и творений святых отцов, не заботится о собранности, – то, постепенно расслабляясь, теряет благодать Божию и в случае искушения подвергается грубым падениям. Дело может закончиться – и часто, к сожалению, заканчивается – такими страшными грехами, как блуд, пьянство, гнев в крайней своей степени, приводящий к драке и даже убийству. Нередко человек впадает в уныние, доходящее до отчаяния, до мыслей о том, чтобы лишить себя жизни. И все это – плод пренебрежения нормами духовной жизни, якобы необязательными для мирянина.

Какие это нормы? Я их кратко перечислю. Они, может быть, покажутся вам прозаическими, обыкновенными, но с них, собственно, и начинается внутренняя жизнь всякого христианина. Это режим дня, воздержание в пище, пост, домашние молитвы, правильное общение с близкими людьми, посильное уединение, посещение богослужения, – все эти обыденные действия являются обязательным средством к исполнению возвышенных евангельских заповедей.

Если человек считает себя настоящим христианином, то не может пренебрегать евангельскими заповедями. Как же мирянину исполнить возвышенные заповеди о любви к Богу и ближнему? Их исполнение в повседневной жизни и проявляется через, казалось бы, обыкновенные вещи, например келейное правило: ведь любовь к Богу в молитве проявляется самым непосредственным образом. Молитва – это важнейшая

добродетель, потому что от нее происходят все остальные добродетели. Всякий христианин обязан непрестанно молиться. Об этом говорит апостол Павел, об этом сказано и в Евангелии. Сам Господь Иисус Христос говорил: *Бодрствуйте на всякое время молясь*[54]. И мы не имеем права делать для себя исключение. Правда, непрестанная молитва требует теоретической подготовки: необходимо читать книги святых отцов и знать, как приступить к этому многополезному и одновременно многотрудному духовному занятию. И если мы будем стараться, по силе своей, молиться непрестанно, то покажем, что стремимся исполнить возвышенную заповедь о любви к Богу.

В соблюдении режима дня также проявляется готовность к исполнению заповедей. Пренебрегая режимом, мы теряем душевную собранность, бодрость ума и духа и становимся неспособными сопротивляться искушениям, бывающим в течение дня. Если человек слишком предается телесному покою, не воздерживается в отдыхе, то это может плохо для него кончиться: в нем может развиться блудная страсть или гнев, который также является плотской страстью. Кроме того, навыкнув такому нерадивому образу жизни, человек приобретает одну из самых страшных страстей – страсть уныния. Преподобный Григорий Синаит для наименования страсти уныния употребляет слово «лень», желая яснее показать, что так называемое уныние – это следствие лени, вкравшейся в нашу душу и овладевшей нами. Как есть лень по отношению к занятиям телесным, так есть и лень по отношению к занятиям духовным: это уныние, при котором у нас расслабляются душевные силы к исполнению заповедей. Преподобный Иоанн Лествичник называет уныние «всепоражающей смертью», потому что от уныния человек перестает быть способным вообще ко всякой добродетели.

Лень – это очень опасная страсть. Мы недооцениваем ее значения и того страшного урона, какой она может нам нанести, если мы ей поддадимся. Человек думает: «Что плохого я сделаю, если посплю на часик больше, у меня же сегодня есть время?» Некоторые до такой степени поддаются этой страсти,

что считают извинительным не пойти на воскресное богослужение и подольше поспать в выходной, если целую неделю им приходилось вставать рано. «Ну, пропущу какую-то службу: я устал». И таким образом доходят до грубого пренебрежения богослужением. А между прочим, есть древнее церковное правило, гласящее, что если человек три воскресенья подряд без причины пропустил богослужение, то он должен быть отлучен от Церкви; если же этот человек – священник или даже епископ, то должен быть лишен сана. Так строго в древности относились к посещению богослужения.

Наоборот, строгое соблюдение режима делает человека обязательным. Всем известно такое явление, как привычка. Человек привык, допустим, обедать в определенное время, пришло время обеда – он чувствует голод. Мы считаем это нормальным явлением. Но почему бы нам не выработать такой же навык по отношению к молитве? Пришло время молитвы – мы чувствуем голод душевный и обязательно должны его удовлетворить, иначе на душе будет скверно и пусто.

Правда, бывает, что человек привыкает к неразумному, неправильному образу жизни до такой степени, что душа его совершенно опустошается и он не чувствует вообще никаких перемен внутри себя. Ему показались бы странными мои упреки. Он скажет: «У меня все нормально, всегда все ровно», а ровно у него все по той простой причине, что терять ему нечего. Благодать ушла, в душе пусто, никаких изменений нет. Он опустился до самого низкого уровня, до нуля. У человека, живущего духовной жизнью, обязательно в душе должны происходить изменения. К сожалению, мы люди немощные и согрешаем, при этом мы чувствуем умаление благодати; а смиряясь, чувствуем, что благодать увеличивается в сердце. Тот, кто этого не ощущает, на самом деле не имеет представления о том, что такое духовная жизнь, попросту говоря, не понимает, что происходит с его душой.

Святые отцы говорят, что как птица не пропустит восхода солнца, так и монах не должен его проспать. Хотя к мирянину здесь нужно проявить некоторое снисхождение, тем не менее и в его жизни действует тот же самый принцип. Если ты утром не

встал на молитву вовремя, если встал очень поздно, твоя молитва уже не будет столь ревностной, столь искренней, как прежде, потому что Богу нужно принести в жертву начатки дня. Мы должны приносить в жертву Богу первые мысли, первые движения души, это и совершается при посредстве утренних молитв. В вечерних молитвах мы каемся, просим прощения за неправильные поступки, совершенные в течение прожитого дня, и просим благословения на ночь, чтобы провести безгрешно то время, когда мы, погружаясь в сон, находимся в состоянии бесконтрольном.

Наверное, не надо объяснять, как важен в жизни христианина пост, помогающий человеку держать свою плоть в подчинении духу. Человек должен опасаться того, что, если он не будет поститься и вообще воздерживаться в пище, в нем будут действовать не только такие грубые страсти, как блудная страсть, но и гнев, и даже уныние. Воздержание в пище выражается и в сохранении себя от пресыщения в те дни, когда нет поста и мы вкушаем скоромную пищу.

Я кратко сказал о режиме, о правиле, о воздержании в пище – нужно обсудить еще тему общения. От общения можно получить как большую пользу, так и очень большой вред. Есть русская пословица: «С кем поведешься, от того и наберешься». Пророк Давид сказал: *С преподобным преподобен будеши, с нечестивым развратишися*[55]. Святитель Тихон Задонский, великий русский учитель Церкви, назвал признаком истинного благочестия то, что человек общается с людьми благочестивыми и избегает людей нечестивых. Общаясь с людьми верующими, мы поддерживаем, ободряем друг друга, может быть, обмениваемся книгами, произведшими на нас впечатление, рассказываем о каких-то своих переживаниях. Кто-то может позволить себе вразумить своего близкого друга, если тот в чем-то ошибся, согрешил. Конечно, делать замечание нужно с любовью, с сочувствием, а не высокомерно. Вообще, сейчас, к сожалению, по причине гордости мало кто может вытерпеть вразумление.

Вместе с тем общение даже с близкими по духу людьми бывает вредным, когда мы им злоупотребляем: начинаем, как

говорится, за здравие, а заканчиваем за упокой. Начинаем с общения на духовные темы, а заканчиваем пустословием, а где пустословие, там и осуждение, и другие страсти. Своим языком человек может совершить всякий грех: то, чего он не сделает в жизни, не совершит в поступках, обязательно «исполнит» языком. Языком можно даже блуд сотворить. Когда нет возможности сотворить грех или человек не хочет дойти до греха на деле, он начинает заниматься так называемым словоблудием. Сейчас это выражение чаще всего употребляют в переносном смысле – как пустословие. На самом деле оно имеет прямой смысл: словоблудие – это скабрезные разговоры, очень модные в наше время среди неверующих людей. Люди совсем потеряли чувство приличия, говорят подобное вслух и шутят об этом, чем оскверняют свой язык и наш слух, если мы нечаянно при этом присутствуем.

Словом можно даже убить ближнего: сказать такую грубость, сделать такое язвительное замечание, что это ранит человека, может быть, на многие годы. Потом будем удивляться: почему он на меня обиделся, я хотя и согрешил, но ведь и прощения попросил? Просто мы не знаем о последствиях наших слов. Можно было бы найти многие другие примеры того, как человек согрешает языком и считает, что ничего особенного он не делает. Поэтому общение наше должно быть контролируемым. Не нужно думать, что если мы находимся в обществе близких людей, то можем позволить себе свободу говорить что угодно и как угодно. Нам только кажется, что все это будет понято правильно и что мы никому не причиним вреда. Так рассуждать – легкомысленно.

Общения с нечестивыми людьми нужно избегать. Это не значит, что мы при встрече с неверующим человеком должны его боязливо сторониться или проклинать. Это уже неразумная ревность. Мы должны проявлять ко всем людям любовь и терпение. Но вступать с нечестивыми людьми в близкое общение опасно. Мы часто предполагаем, что можем помочь неверующему человеку, вразумить его, обратить к вере, но забываем о том, что мы сами немощные и, вместо того чтобы научить этого человека нравственному образу жизни, можем

заразиться от него безнравственностью. Пытаясь кого-то обратить, мы можем сами по слабости своей веры усомниться в каких-нибудь основах нашей религии. Поэтому нам нужно быть чрезвычайно осторожными, знать свою меру и избегать общения с людьми, которые могут причинить нам вред.

Если кому-то придется приступить к миссионерской деятельности, то делать это нужно по благословению, советуясь с более опытными людьми, следуя определенным принципам, зная, как нужно проповедовать христианство среди людей неверующих или маловерующих. В данном случае можно взять пример с сектантов. Они никогда не идут проповедовать поодиночке – всегда по двое или по трое: само присутствие единомышленника поддерживает, когда общаешься с теми, кто имеет другие убеждения. В такой ситуации нужна психологическая или, если хотите, духовная поддержка – молитва или просто опора на неком незримом уровне, когда ты чувствуешь, что рядом кто-то есть. А когда ты один на один встречаешься с кем-либо, может случиться, что тот человек, пусть даже и знающий меньше тебя, окажется сильнее тебя духом. И эта невидимая духовная борьба окончится не в твою пользу.

Вокруг нас много неверующих людей, и, близко общаясь с ними, мы можем раз за разом преступать основные установления христианской жизни, попирать свой христианский долг. Например, общаясь с маловерующими родными, под предлогом любви станем нарушать посты. Или на работе, во время празднования какого-нибудь Восьмого марта или дня святого Валентина, станем в шутку целоваться или выпивать и не заметим, как выпьем больше меры. А у нас, к сожалению, многие люди обоего пола склонны злоупотреблять спиртным и меры не знают. Таким образом, под предлогом смирения и любви мы можем скатиться до грубых пороков, совершить в состоянии опьянения какой-нибудь страшный грех, а потом нам будет очень трудно восстать и покаяться. Я уже не говорю о том, что мы этим оскорбляем Господа.

Поэтому, повторю, в общении с людьми нужно быть очень осторожными, это еще один, казалось бы, прозаический, но

очень важный момент в духовной жизни.

Многие считают, что необходимым условием духовной жизни является уединение: без него духовная жизнь как будто бы невозможна. Таким людям кажется, что, находясь в миру, в суете, они свою потребность в духовной жизни удовлетворить не могут по независимой от них причине – обстоятельства не позволяют. Вместе с тем почти у каждого из нас есть возможность уединиться в день на час, два или три. Однако когда наступает этот час, мы им пренебрегаем. Пришло время молитвы, появилась возможность почитать Священное Писание или святоотеческую книгу – и мы тотчас вспоминаем, что нужно кому-то позвонить; тут же появляется какое-то срочное дело; или нам становится скучно – и мы включаем телевизор, смотрим бесконечный сериал, который неизвестно чем начался и чем закончится. Находим любые благовидные и неблаговидные предлоги для того, чтобы скрасить скучное для нас уединение.

Но если мы не можем провести в уединении даже час или два, то как смогли бы прожить вдали от людей всю свою жизнь, как это делали пустынники? Это чрезвычайно сложно, это наука из наук и искусство из искусств. Даже среди монашествующих к уединению способны весьма немногие. А мечтающие о нем миряне такими пустыми мечтами просто оправдывают свою бездеятельность. Такие люди, если у них и есть свободный час в день, тратят его не на молитву, а на чтение житий святых. При этом они мечтают о том, как им было бы хорошо молиться, живя в дупле или стоя на столпе целый год на одной ноге, как Симеон Столпник: «Я, может быть, встал бы на столп и молился, но нужно на работу бежать. Поэтому я на нем и не стою». И такими мечтаниями и глупыми рассуждениями человек себя оправдывает, не делая того немногого, что должен был бы делать.

Господь Иисус Христос сказал: *Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом*[56]. Кто в малом оказался неверен, то есть в данном случае тот, кто малое время, которое у него есть, не использовал для спасения своей души, – конечно, был бы неверен и во многом, если бы

ему предоставилось больше времени и более благоприятные обстоятельства для духовной жизни.

Мы знаем из житий святых, что многие подвижники благочестия с юности стремились к духовной жизни, искали возможности уединиться, почитать книги, пообщаться с опытными духовными людьми. Случаи, когда святые поначалу предавались суете, а потом неожиданно меняли свою жизнь, очень редки: Господь внезапно касался их душ, и они каялись, как это было, например, с преподобной Марией Египетской. Но общее правило такое: склонность и стремление к духовной жизни постепенно развиваются именно у верующих людей и реализуется это стремление в тех условиях, которые предоставляет будущим подвижникам их жизнь. Поэтому если мы пренебрегаем теми возможностями, которые у нас есть, то должны сделать трезвый вывод: будь у нас бóльшие возможности, мы бы ими в еще большей степени пренебрегли. Если мы утром и вечером не становимся на молитву, значит, мы тем более не молились бы многие часы, как молились подвижники, уединившиеся в пустыне.

То же, между прочим, можно сказать и о посте, и о всех прочих добродетелях. Если мы под разными предлогами не соблюдаем предписаний Церкви в отношении поста, то как мы могли бы подвизаться в строгом посте, которого придерживались древние отцы, питавшиеся, например, сухарями с водой лишь несколько раз в неделю? Поэтому не будем отбрасывать эти будто бы малые установления, потому что они, собственно, и формируют нашу духовную жизнь. Только при условии исполнения их наш дух будет жить правильно.

Скажу несколько слов и о посещении богослужений. Не надо думать, что это маловажная вещь. Богослужения в праздники и воскресные дни создают в жизни христианина определенный ритм, и этот ритм организует человека. Деление года на месяцы и недели имеет библейское происхождение. И ветхозаветное богослужение уже было связано с временны́ми циклами. Оно интерпретировано святыми отцами Церкви и в таком виде дошло до наших дней. Пренебрегая этим порядком, мы делаем свою жизнь хаотичной и, главное, ослабеваем в

вере, а следуя ему – укрепляемся в вере. Еженедельно в среду мы вспоминаем о предательстве Иуды, в пятницу – о распятии Спасителя, в воскресенье – о Его воскресении из мертвых; на протяжении всего года мы вспоминаем разные события из жизни Господа Иисуса Христа, Божией Матери, апостолов, события церковной истории.

К тому же Господь посылает нам в праздники бóльшую благодать, как говорят об этом некоторые подвижники. Она посылается нам в связи с тем, что в этот день мы вспоминаем какое-либо важное событие. Церковь через чтение священных ветхозаветных текстов в храме, через чтение Евангелия, проповедь священника предлагает всякому христианину размышление о том или ином важном для жизни и спасения человека событии. Пренебрегая этим, считая это чем-то малым и скучным, мы, сами того не замечая, лишаемся многого: вера наша постепенно ослабевает и в душу приходит холодность.

Желательно в дни праздника, чтобы не зависеть от того, удачно ли священник произнес проповедь или, может быть, совсем ничего не сказал, почитать из Четьих Миней или из книг святых отцов какое-либо наставление, касающееся этого праздника, или прочесть Евангелие этого дня, лучше с толкованием. Это также принесет душе большую пользу. Было бы полезно, в особенности семейным людям, сделать такое чтение обязательным элементом праздничного обеда.

Часто застолье, то есть внешняя сторона праздника, затмевает его духовную сторону. Бедная хозяйка уже за несколько дней до праздника углубляется в заботы и думает уже не о нем, а о том, как бы все было выстирано, выглажено, куплено, сварено, нажарено и, наконец, накрыто. Мужчины чаще заняты работой, им, может быть, в связи с этим легче: в сам праздник они действительно отдыхают. Когда начинается праздник, мужчины включаются в него в полной мере и… вместо того чтобы вспомнить о его религиозном значении, думают о том, как бы побольше и повкуснее поесть и, конечно же, выпить. Нам даже непонятно, как можно праздновать без спиртного. На любом празднике обязательно кто-нибудь слишком много выпьет, у нас как-то не бывает без этого. Я,

кажется, еще не видел человека, который бы никогда не выпил лишнего. Наверное, таких людей и не существует, по крайней мере в России. Конечно, я не против вина вообще, а то боюсь, что скажут, будто я сухой закон проповедую. Хотя есть такие люди, которые должны были бы о себе здраво рассудить и, может быть, в виде исключения ввести для себя сухой закон. Если человек не знает меры, то лучше ему спиртного совсем не употреблять.

Посмотрите, как празднование устроено в монастырях. Есть даже предписание в Типиконе: «Творим братии утешение велие». Под «утешением велиим» имеется в виду праздничный обед. В то же время за трапезой – хотя люди, может быть, и более оживленно работают вилкой и ложкой, потому что пища приготовлена более вкусная, чем в будни, – читается поучение, касающееся праздника. И монашествующие, насыщая тело, не оставляют и душу совсем голодной. Я не упоминаю о том, что само собой разумеется: они перед этим были на богослужении и, если все у них в порядке, причастились.

А как ощутить в душе праздник человеку, который приходит в храм к середине службы, уходит до отпуста, чтобы побыстрее попасть домой, за праздничный стол? Но пусть он даже был на службе от начала и до конца. Вот он провел в церкви два-три часа, а придя домой и севши за стол, наконец, в полной мере «попраздновал» часа четыре или пять, в особенности если это выходной день, – ведь делать больше нечего. Если этот человек даже причастился, почувствовал некоторую благодать, утешение в душе, то за время такого застолья он все это растеряет из-за пустословия (а где пустословие, там бывает и осуждение), злоупотребления пищей и, в особенности, вином. Поэтому правильному проведению праздника тоже нужно учиться. Может быть, действительно нужно заимствовать обычай из монастырской жизни: когда все едят, кто-нибудь может читать, допустим, житие святого, память которого совершается в этот день, или толкование смысла праздничного события. И тогда присутствующие получат некоторое назидание. Сейчас книг много, и можно заранее подготовиться.

Я еще раз повторю: общение нам необходимо, мы не можем обойтись без общения с людьми, близкими нам по духу. Не многие способны отказаться от него, это очень тяжело. Но общение должно быть построено разумно, тем более что оно занимает в нашей жизни очень много места: посчитайте, сколько праздников в году, да еще воскресных дней! И во все эти дни мы, встречаясь с близкими людьми и праздно проводя время, получаем вред. Как правило, это бывает именно в те дни, когда мы причащаемся, – значит, это не маловажно.

Итак, для мирянина вполне возможна насыщенная духовная жизнь. В нашей власти использовать свое время и распределить его так, чтобы найти возможность для духовных занятий, которые необходимы христианину: для чтения Священного Писания, чтения святых отцов, посещения богослужений, домашней молитвы, в частности молитвы Иисусовой, – некоторые так в ней преуспевают, что Иисусовой молитвой заменяют все другие. Собранность в таких, как нам кажется, внешних действиях постепенно собирает человека внутрь себя. И мы видим, что всякий христианин имеет возможность жить духовной жизнью и способен к ней. Если же мы не живем духовной жизнью, то вина в этом только наша. Нужно заботиться о своем «внутреннем человеке», стремиться стать христианами внутри себя, печься о духовных плодах.

Я говорю это не для того, чтобы мы загрустили и покаялись в уме, а для того, чтобы мы поняли следующее: поскольку все зависит от нас, то в нашей власти свою жизнь изменить и организовать таким образом, чтобы она стала духовной и плодоносной. Иначе получится, что мы от удовольствий, которые неверующие люди себе позволяют, отказываемся, а тех радостей, духовных утешений и пользы, которые должен чувствовать христианин, не приобретаем. Мы и грешить не грешим, и добродетелей не совершаем. Есть на этот счет грубая пословица – я, чтобы не ругаться вслух, только половину ее скажу, а вторую половину все сами знают. «Ни Богу свечка, ни…» и так далее. Чтобы нам подобными не быть, нужно сделать некоторое усилие над собой. И начав исполнять малое, незаметное, будто бы обыденное и неважное дело, мы придем

наконец к тому, что начнем чувствовать в душе некоторую благодать. Господь Своею благодатью будет просвещать, вразумлять нас, как совершать добродетели, и постепенно в нас произойдут более серьезные и глубокие изменения.

Эта беседа скорее только введение в разговор о том, что такое духовная жизнь. Это всего лишь элементарные сведения, прописные истины, без которых невозможно двигаться дальше – не в рассуждении, а в изменении самой жизни. Зачем нам говорить о духовной жизни, если такой разговор – одно развлечение? Я говорю не для развлечения, а для того, чтобы люди могли изменили свою жизнь так, чтобы действительно стать христианами: не только знать, что они христиане, а чувствовать это своим сердцем.

* * *

Кто такие назореи?

Назореи – это люди, посвященные Богу. Назорейство могло быть временным или постоянным. Некоторые назореи были посвящены Богу даже от чрева матери, например Самсон, Иоанн Креститель. Их, конечно, было немного. А временное назорейство было явлением довольно частым. Человек, по какой-либо причине давший обет назорейства, не стриг волосы, не пил вина и даже не вкушал виноградных ягод; были и другие ограничения. Когда время обета заканчивалось, священник постригал назорею волосы и сжигал их на алтаре. Это была жертва Богу.

Можно сказать, что в новозаветное время, этот обет стал чрезвычайно распространенным: многие люди на всю жизнь посвящают себя Богу, обрекают себя на особенно строгую жизнь ради того, чтобы больше угодить Богу, и, более всего, ради того, чтобы удобнее спастись. Называется сейчас это, конечно, не назорейством, а монашеством.

Святые отцы первых веков были крепки телом и духом. Что значит быть крепким духом в наше время?

Я думаю, быть крепким духом – значит быть ревностным. Даже если у нас нет совершенно никакой телесной крепости, никакой силы для совершения телесных подвигов, то мы должны напрягаться духовно, внутренне, для того чтобы

совершать самое главное – бороться с помыслами, со страстями, преуспевать в молитве. Преподобный Нил Сорский говорит, что даже лежащие на одре болезни не должны оставлять умного делания, трезвения. Вот что значит быть крепким духом в наше время.

Благодать Божия может самого слабого, падшего человека восставить и укрепить. У Бога хватит сил восполнить нашу немощь. Поэтому я особенно не рассуждал бы о крепости духовной, а лучше, наоборот, исповедовал бы свою немощь и изо всех сил просил Бога о помощи.

Одна моя знакомая считает, что на нее навели порчу. Это в самом деле может быть?

Колдовство, конечно, существует, этого нельзя отрицать. В наше страшное время распространяется учение о черной и белой магии, книги продаются совершенно свободно – каждый может купить «Черную магию».

Я в этом, честно скажу, практически не разбираюсь. Отличить порчу от обыкновенной болезни, кроме самых очевидных случаев беснования, я не могу. Для этого надо ехать к духовным старцам и спрашивать у них. Но очень часто о порче говорят люди, которые хотят всё списать на других. Свалить с больной головы на здоровую. Человек не думает о том, что у него есть грехи, что он плохо молится, что он плохо исповедуется, недостойно причащается. Он ни в чем не хочет видеть своей вины, а все списывает на порчу. «Почему ты плохо молишься?» – «Меня заколдовали». «Почему ты не постишься?» – «Я заколдованный». «Почему ты куришь?» – «Заколдовали меня!» Смотришь – ну заколдовали человека, ни в чем он не виноват. Что можно сделать? Надо его отчитать. А отчитать некому, вот он и ходит такой заколдованный.

Даже для того, чтобы определить, что это порча, надо прежде самому проявить усердие в духовном отношении, и тогда обнаружится, что действует посторонняя сила. Кроме того, порчу можно изгнать и без старцев – своими усилиями, то есть молитвой, постом или исповедью, причащением. Надо прибегать к самым обычным церковным средствам. В первую очередь, к таинствам, молебнам.

Меня во сне часто тревожат умершие родственники. Как к этому относиться?

Я думаю, что это бесовское наваждение. Не нужно думать, что души умерших людей, где бы они ни находились – в раю или в преисподней, могут покидать свои места и являться, когда и кому они захотят. Бывают редчайшие случаи явления умерших. Но при этом есть и соответствующие признаки, которые делают это явление достоверным и убедительным.

Бесы часто принимают вид наших умерших родственников и устрашают нас во сне, чтобы запутать. Верить таким снам, как и вообще снам, не нужно. Блаженный Диадох сказал, что не верить никаким снам есть великая добродетель.

Можно ли в период постов причащаться чаще, чем обычно в непостный период?

Я думаю, да, но делать это нужно по благословению. Если семейный человек все необходимое для этого исполняет: посты соблюдает, утренние, вечерние и иные молитвы читает, Иисусовой молитвой молится, Священное Писание и святых отцов читает, удовольствий и рассеянности себе не позволяет (я говорю об удовольствиях нехристианских, допустим о смотрении телевизора день и ночь), – то такой человек, конечно, может позволить себе причащаться еженедельно. Одиноким людям и монашествующим это тем более прилично.

Правда, древние отцы учили очень частому причащению, даже ежедневному. Но это прилично лишь людям, живущим подвижнически, да и среди них не всем, а только особенно ревностным и благодатным. Это далеко не для каждого допустимо. Но причащаться раз в неделю, а в исключительных случаях, если, например, праздник какой-нибудь среди недели выпадет, и чаще, – мне кажется, уместно.

Мне на работе приходится много общаться. Как в суете сохранять внутреннее спокойствие и молиться?

Некоторые люди считают, что они должны безмолвствовать так же, как Павел Фивейский или какой-нибудь другой затворник. И поскольку у них это не получается, им кажется, что они впали в необыкновенное многословие, несмотря на то что сказали в течение дня всего несколько фраз.

И в Евангелии нигде не говорится, что нужно молчать, а сказано, что за всякое праздное слово человек ответит и что оскверняет человека то, что выходит из его уст. То есть важно не говорить ничего плохого, а не просто молчать. Кто-то может целый день говорить, и в этом не будет никакого греха, а кто-то несколько слов скажет, но это будет пустословие.

Мы живем в обществе и не можем непрерывно молчать. Не говори ничего обидного, не говори ничего напрасного и пустого. А если говоришь нужное по работе, то это не пустословие.

Можно ли считать, что колдун, воздействующий на другого человека, думает, что он действует собственными усилиями и не подозревает, что эти ощущения внушены ему демоном?

Да, это совершенно справедливо. Человек сам по себе не может иметь таких способностей, через него действует посторонняя сила. И конечно же, не божественная, а демоническая.

Можно ли причащаться человеку, который все время нарушает заповедь: *Седьмой день отдай Богу*[57]*?*

Если человек по воскресеньям часто не приходит в храм без всякой на то причины, то, как я сказал, он не только не имеет права причащаться, но и отлучается от Церкви: он должен быть отлучен по церковному канону. Сейчас никто не следит, ходит человек в храм или нет, и эти каноны в дисциплинарном отношении не соблюдаются, то есть никто официально отлучения не объявляет. Но с человеком происходит нечто худшее: благодать Божия оставляет его, а он этого не осознаёт.

Бывают особые причины: допустим, у человека скользящий график работы и рабочие дни выпадают так, что в некоторые воскресенья он пропускает богослужение. Конечно, к такому человеку претензий быть не может. На этот счет также есть правило: если бедный человек по особенным обстоятельствам вынужден трудиться в воскресные дни, то греха в этом нет. Но о каком «бедном человеке» идет здесь речь? Если «бедный человек» пять дней в неделю работает на производстве, потом «по бедности» едет на огород, где опять регулярно работает в

субботу и воскресенье, то это несерьезно и не это имеется в виду. Это обстоятельство находится в его власти, тем более что на бензин этот «бедный человек» нередко тратит больше денег, чем получает со своих овощей. Прибыли почти никакой нет. Скорее человек делает это для отдыха, для смены занятий. Если же причина серьезная, тут ничего не поделаешь.

– А если человек специально на такую работу устроился, чтобы не ходить в храм в субботу и воскресенье?

– Есть пословица: «Насильно в рай не загонишь». Если бы у меня была возможность загнать какого-то человека в рай, то я, честно вам говорю, не пренебрег бы ею: взял бы палку и загнал бы его. Но это невозможно. Люди так сильно не хотят в рай, что, даже если их палкой будешь бить, они туда не пойдут. А в какое-нибудь соблазнительное место и палкой гнать не нужно: сами бегут.

Некоторые люди совершают такую ошибку, они говорят: «В воскресенье и в праздники много людей в церкви, исповедоваться тяжело: очереди большие, – поэтому я лучше в будний день причащусь, а в воскресенье в церковь не пойду». Можно, конечно, и в будний день причащаться. Действительно, если человеку по душе причащаться, скажем, в субботу, когда мало людей, то можно так делать. Но нужно прийти в храм не вместо воскресенья, а дополнительно к воскресенью. В воскресенье всякий обязан быть в храме так же, как и в праздник, если для отсутствия в храме нет какой-то особенной причины, допустим тяжелой болезни или работы, график которой нельзя изменить.

Есть благочестивые христиане, много лет посещающие храм, которые если из-за болезни пропустили службу в воскресенье, то чувствуют большой ущерб, им как будто чего-то не хватает. Это естественное состояние всякого благочестивого человека.

Есть люди, которые не могут, даже по болезни, нарушить пост. Человек так привык соблюдать пост, что, когда необходимо его ослабить или нарушить по настоянию врачей, он не может себе этого позволить, никак не может с этим согласиться. В моей священнической практике был такой случай: одна

женщина очень тяжело заболела во время Петрова поста и, несмотря на это, пыталась соблюдать пост. А ей необходимо было что-то особенное поесть, потому что она совсем обессилела. Мне пришлось просто заставить ее поесть мяса. Она ко мне относилась с уважением и послушалась меня против своей воли. После этого она немножко оживилась. Для нее самой нарушить пост казалось невозможным, ей нужно было, чтобы священник об этом особо сказал.

А у других людей происходит прямо противоположное. Их нужно заставлять есть постную пищу, а мясо вырывать из рук вместе с вилкой. И таких людей, к сожалению, большинство.

Скажите, пожалуйста, что-нибудь относительно режима для тех, кто имеет маленьких детей. Пока после работы ребенка уложишь, укачаешь – на правило встаешь и уже спишь.

Я думаю, относительно женщин все понятно: говорить матери, которая кормит грудного младенца, о том, чтобы она вставала вовремя и читала молитвы, если она и так за ночь по нескольку раз встает, было бы, мягко говоря, несерьезно.

А что делать, если жена днем настолько устает с ребенком, что вечером необходимо ее сменить?

Ну не полностью же ты ее заменяешь? Помочь усыпить ребенка – да, надо, но я думаю, можно как-то приспособиться, найти время для молитв. Потому что всегда будет так: то ребенок, то работа, то еще что-нибудь… Кормящая мать, конечно, на особом положении. Но все равно и ей можно приспосабливаться: не получается у нее, скажем, прочитать утренние молитвы в шесть или семь часов утра, пусть прочитает их позже, когда встанет, или ночью, когда придется встать. И то время, которое ребенок не дает ей спать, она может, по крайней мере, молиться Иисусовой молитвой, можно и вслух. Я думаю, ребенок не будет против.

Так можно поступать и в прочих затруднительных ситуациях. Бывает, что человек не может распоряжаться своим временем, скажем работает во вторую или в ночную смену или очень далеко живет и приезжает с работы так поздно, что молиться уже некогда, потому что утром рано вставать. Как тут быть? Не

получается у тебя выполнить правило или почитать книги в положенный час – найди другое время. Если у тебя в середине дня есть время – почитай и помолись в середине дня. Лишь бы только не было пренебрежения тем временем, которое тебе предоставляет Промысл Божий.

Скажите, какая норма сна должна быть у молодых людей?

Вопрос, может быть, и простой, но очень разумный и полезный. Преподобный Паисий (Величковский), наш знаменитый подвижник, считает, что новоначальный должен спать семь часов, как он выражается, «в нощеденствии», то есть в сутки. Если человек ночью спит шесть часов, то он может еще днем час поспать. Другой подвижник XX века, написавший прекрасную книгу об Иисусовой молитве, архиепископ Антоний (Голынский-Михайловский), говорит, что занимающемуся Иисусовой молитвой нужно спать семь часов в сутки. А тот, кто преуспел, как правило, спит меньше, потому что молитва, если начинает действовать в сердце человека, иногда спать не дает. Но благодать Божия укрепляет человека, и он способен выдержать воздержание во сне.

Нужно понимать, что ограничение во сне влечет иногда слабость при умственной деятельности и вообще ослабление телесных сил человека. Поэтому уменьшение сна должно быть очень благоразумным. Древние подвижники спали очень мало: три-четыре часа. Арсений Великий говорит, что монаху, если он подвижник, достаточно спать один час. Но если бы мы столько спали, то уже через несколько суток, наверное, у нас с головой что-то случилось бы. О преподобном Иоанне Лествичнике пишут, что он спал очень мало: лишь столько, сколько необходимо, чтобы не лишиться рассудка. Это очень серьезно, и тут нужно быть благоразумным.

Наш русский подвижник преподобный Силуан Афонский спал сидя на табуретке, урывками по пятнадцать-двадцать минут, всего в течение дня – два или два с половиной часа. Мы так спать, конечно, не можем. Я считаю, что нормальный сон – семь-восемь часов, больше нежелательно. Притом не нужно вести такой барский образ жизни, как это часто сейчас бывает:

допоздна чем-нибудь заниматься, пусть даже чтением душеполезной литературы, а потом утром спать. Нужно приучить себя вставать утром вовремя, самое позднее в семь часов, а лучше раньше. Не только ограничение во сне, но и режим имеет большое значение. Если мы в семь часов встаем, значит, сохраняем бодрость, нам хочется и молиться, и трудиться. Если мы спим много, то чувствуем вялость умственную, а часто и телесную. Если спим мало, то же самое. Днем миряне, наверное, не имеют возможности спать, поэтому нужно рассчитывать только на ночное время.

Первые два года после крещения я мог молиться, читать полтора-два часа, в основном, вечером и ночью. Но с каждым годом становится все труднее молиться, даже прочитать вечернее правило. Что я делаю неправильно?

Если человек, написавший записку, не стар и не болен, то ответ будет один. Если же спрашивает об этом человек немощный, старый или больной, то ответ будет другим.

Человеку больному или ослабевшему от старости нужно учитывать свои немощи: допустим, молиться не стоя, а сидя. Возможно, он думает, что молиться можно только стоя перед иконами, а он этого уже не может. Если ты больной, то будет лучше, если ты помолишься сидя или даже лежа, чем совсем оставишь молитву. Богу нужно предстоять прежде всего умом.

Если же человек сравнительно здоров и крепок, то ему может быть тяжело молиться по следующей причине. Часто мы после своего обращения к вере обретаем некоторую ревность, горим духом, а потом возвращаемся к обыденности, суетности и постепенно теряем благодать Божию. То, что раньше нас удивляло, вызывало в нас некий восторг, особенные приливы ревности, теперь кажется нам совершенно обычным. Раньше, приходя в храм, мы чувствовали страх Божий, особенное благоговение, а сейчас приходим как к себе домой. Мы всё знаем: кто где стоит, когда кто придет на службу, кто на десять минут опоздает, кто на пятнадцать, кто будет служить, какой священник какую проповедь скажет: этот – хорошую, этот – похуже; знаем, кто как исповедует… И эта привычность, с одной стороны, хороша, потому что человек действительно должен

чувствовать себя в храме, как в родном доме, но, с другой стороны, нужно при этом чувстве сохранить прежнее благоговение, страх Божий и соответственно ревность, отсюда проистекающую.

Если мы не сохранили этого первоначального чувства, значит, нужно стараться вернуть его при помощи тех добродетелей, которыми мы пренебрегли. Когда теряется ревность, надо восполнить ее понуждением себя. Если мы знаем, в чем мы погрешили и из-за чего охладела наша душа, то надо в этом исправиться и восстановить в себе прежнее рвение.

Кроме того, вспомогательными средствами являются: чтение святых отцов, которое не только вразумляет нас, но и возбуждает в нас ревность; чтение житий святых; общение с более ревностными, может быть более благочестивыми, христианами.

Нужно иметь в виду, что человек – существо переменчивое. Он не может быть всегда одинаковым. Он должен либо становиться лучше, либо поневоле становится хуже. Господь Иисус Христос сказал: *Кто не приобретает со Мной, тот расточает*[58] – и мы должны постоянно приобретать. Если исполнять хотя бы то, о чем я говорил сейчас в беседе, – ввести в свою духовную жизнь некие обязательные принципы, – тогда все встанет на свои места. А когда мы живем стихийно, то не развиваемся духовно, а наоборот, идем назад. Хочется нам – мы молимся, не хочется – телевизор смотрим и думаем при этом: «Если сейчас молиться, это будет неискренне. Когда у меня появится желание, тогда я опять буду молиться». А как оно появится, если ты телевизор смотришь? Это желание будет все меньше и меньше. К молитве себя необходимо понуждать.

Одна моя знакомая очень хочет знать свое будущее. Внимательно слушает, что ей говорят разные «прозорливые» бабушки, чуть ли не гадалки, и мечтает встретить какого-нибудь святого старца, который откроет волю Божию о ней. Как к этому относиться?

А зачем нам узнавать будущее? Я вам без гадания скажу, что будущее нам всем известно: все мы умрем. Может быть, тут

есть кто-то, кто этого не знает? Вот к этому будущему мы и должны готовиться.

Праведный Иоанн Кронштадтский говорит, что мы должны больше думать о том, как мы появились в мир, и о том, как мы уйдем из мира, а всему остальному не надо придавать особого значения, оно когда-нибудь пройдет. Мы должны помнить о том, как мы появились в мир, чтобы понимать, что наше бытие – это чудо, и быть благодарными за него Богу. Мы должны думать и о том, какими мы уйдем в духовный мир и куда попадем: в Царствие Небесное или в геенну огненную.

Все остальное, повторю, не очень важно. Заболеем мы или выздоровеем, приедем домой на автобусе или на троллейбусе и тому подобное – все нам приходится переживать: и горькое, и приятное. Жизнь прожить – не поле перейти. Но обращать на это излишнее внимание – значит пренебрегать главным: вечной жизнью. Желание узнать будущее связано с тем, что человек не верит в Промысл Божий, не полагается на волю Божию и хочет быть удачливым в каких-то мелких вопросах, не обращая внимания на самое важное.

Конечно, есть люди, обладающие даром прозорливости, но, во-первых, таких людей в наше время мало. Во-вторых, мы не особенно нуждаемся в том, чтобы нам открыли волю Божию относительно каких-то житейских вопросов. Не так важно знать, будет ли у нас квартира в этом районе или в другом, будем ли мы работать в этой фирме или в другой. Важно то, будем ли мы людьми нравственными, будем ли православными, будем ли исполнять свой христианский долг. И именно в этом, а не в житейских вещах мы должны искать волю Божию.

Что делать, когда от какого-то церковного праздника, даже большого, не чувствуешь радости?

Не нужно себя к этой радости принуждать. Радость от праздника чувствуешь тогда, когда ты осознаёшь, что этот праздник означает, и когда в душе действует благодать. Поэтому желательно в праздники причащаться, естественно подготовившись к причастию, прежде всего, молитвенно. Второе, нужно осознать смысл праздника: почитать что-нибудь о нем накануне или в сам праздничный день.

Если и не ощущается в душе праздник, то что поделаешь? Надо это перетерпеть. Не всегда человек бывают в одинаковом состоянии, с ним случается много перемен, и к этому нужно относиться проще.

Что должен испытывать человек после причастия?

Конечно, он должен испытывать некоторые духовные ощущения. Но, повторю, нельзя искусственно себя к ним принуждать, искать их и слишком себя укорять, если их нет. Последствия причастия могут проявиться не очень ярко, не так очевидно, как мы ожидаем. После причастия у человека усиливается вера, желание молиться, в его душе появляются мир, некая тишина – это как минимум. Кто-то после причастия может испытывать любовь к ближнему и другие благодатные духовные ощущения. Однако бывает так, что человек не чувствует этого сразу же после причащения, например от усталости, но придет домой, отдохнет, поест – и вечером вдруг испытывает в душе какое-то необыкновенное чувство, не понимая, что оно связано с причастием. Часто какая-либо телесная немощь подавляет наши духовные ощущения. Наша природа состоит из двух составляющих: телесной и душевной. Душевная жизнь влияет на телесную, и телесная – на душевную. Поэтому мы можем столкнуться с описанным явлением, то есть не сразу ощутить благодатные изменения.

Какое правильное ощущение страха перед причастием? Почему иногда его совсем не чувствуешь?

Не всегда все бывает одинаково. Конечно, надо иметь благоговейный страх, происходящий от осознания того, что причащаешься истинного Тела и истинной Крови Христовых. Если ты чувствуешь, что приближаешься к Самому Христу и, причащаясь, словно пьешь живительную Кровь из Его прободенного ребра, то, конечно, ты не можешь не испытывать страха. Но, к сожалению, не всегда бывает такое благоговейное чувство. Поэтому нужно подходить к чаше с благоговением, но не смущаться от того, что не всегда испытываешь всю глубину, силу чувства.

Перед причащением стараешься думать, что приобщаешься Самого Тела и Крови Господней, но страха

Божия все равно нет, в душе сухость. Что делать, если такое чувство бывает очень часто?

Что делать? Заставлять себя молиться. Постепенно все придет – надо неустанно трудиться, не нужно ожидать легких результатов. К стяжанию страха Божия стремиться необходимо, но даже если его нет, хотя ты и делаешь все, что велит совесть, – то можно причащаться не смущаясь. Иное дело, когда наступает полное безразличие и ты совершенно ничего не чувствуешь ни умом, ни душой – тогда это, наверное, состояние плохое. А если хотя бы умом что-то понимаешь, то можно смело причащаться. И опять же необходимо, чтобы все это было с благословения и по рассуждению духовника.

Можно ли мыться или стирать после причастия, особенно если это воскресный день? И вообще, можно ли заниматься обычными хозяйственными делами в дни церковных праздников, особенно на Рождество, Пасху? Или это все же грех и этого нужно всеми силами избегать?

В церковные праздники, в первую очередь в великие, да и в воскресные дни, даже если ты не причащался, лучше избегать лишней суеты, чтобы не осквернить ею праздник, а посвятить этот день Богу: во-первых, посещением праздничного богослужения, во-вторых, молитвой, чтением Священного Писания, святоотеческих книг – вообще духовным времяпрепровождением. И конечно же, должно так провести день на Рождество и на Пасху.

Но если случилась надобность сделать какую-то домашнюю работу: сварить еду, или произвести маленькую уборку (всякое может в доме случиться), или что-то срочно постирать, если, например, в семье есть маленькие дети, – то, конечно, по необходимости такие вещи делать позволительно. Мы же не иудеи, которые так стараются соблюсти покой субботы, что доходят в этом до абсурда. У религиозных иудеев считается, что в субботу ничего вообще нельзя делать. Но в то же самое время жизнь заставляет их совершать какие-то мелкие дела. И вот для этого у них есть так называемый «субботний гой». Они нанимают любого человека, не еврея, платят ему деньги – и он выполняет такие дела. Допустим, что-то у иудея порвалось,

зашить нельзя – вызывают «гоя», и он зашивает порванную одежду. И получается у иудеев так, что сами они как будто бы не грешат, а этот «гой», по их мнению, человек все равно пропащий, пусть грешит.

Как сохранить в душе благодать, которую ощущаешь после причастия, после хорошей молитвы или даже без всякой внешней причины? Или сохранить данную нам благодать не в нашей власти?

Почему же? Это в нашей власти. Бывает, конечно, и попустительное оставление благодати: или ради смирения, или ради того, чтобы человек был более строг, более внимателен к себе, тщательно следил за всеми своими душевными движениями. Но в основном оставление нас благодатью – это наша вина: мы оскверняем душу грехами, отгоняем от себя благодать и, наоборот, привлекаем греховные помыслы, возбуждаем в себе страсти. Поэтому сохранить благодать можно через внимание к себе, или, как иначе называют это святые отцы, трезвение: нужен трезвый, внимательный внутренний взгляд не только на свои дела, но даже и на мысли, то есть тщательное о них рассуждение. Если же мы будем нерадивы и не станем обращать внимания на свои мысли (я уже не говорю о словах и поступках), то благодать Божия будет нас постепенно оставлять. Иногда даже за какой-нибудь один грех может сразу оставить, в особенности за гнев. Гнев мгновенно опустошает душу человека. Иоанн Лествичник уподобляет его пожару, вмиг уничтожающему многие труды. Крайне оскверняет и опустошает человека блудная страсть, когда он поддается ей и не борется с нею. Подобное действие производят и прочие страсти: осуждение, тщеславие, гордость, а в некоторых людях, особенно в тех, кто крепок телосложением, – чревоугодие; но обычно не само чревоугодие, а его последствия, то есть лень, вялость. Объелся – и уже хочется не молиться, а поспать, или поболтать, или, в лучшем случае, в окно поглядеть. Все это, в большей или меньшей степени, опустошает человека, лишает его благодати.

Для сохранения благодати крайне важно стараться молчать, без нужды ничего не говорить. Почему мы теряем

благодать через разговор? По простой причине. Спаситель сказал: *Не то оскверняет человека, что входит в уста, но то, что исходит из уст*, *ибо из сердца человека исходят помышления злая*[59]. То есть из сердца человеческого исходят помышления, которые потом выходят в виде слов. Поскольку в нашем сердце присутствуют все страсти, то, даже когда на деле мы не совершаем явных греховных поступков, страсти наши находят себе место в словах. Через уста, как я сказал, мы можем согрешать любым грехом. Конечно же, от этого оскверняется весь человек – и душа и тело – и благодать Божия оставляет его. Поэтому по возможности надо стараться вообще молчать, особенно после причащения. Я часто напоминаю о том, что день после причастия нужно проводить благоговейно, лучше в уединении. Когда я еще был мирянином, по неопытности любил ходить в гости к своим друзьям – людям, конечно же, верующим. Мы часто посещали одну и ту же церковь и после службы шли в гости. Друзья были женатые; естественно, что жены их готовили обед, в это время приходили еще другие наши знакомые верующие. Так и получалось: пока обед приготовят – два часа, пока все соберутся и сядут за стол – еще час-полтора… А что в это время делать? Говорить. И вот женщины готовят, а мужчины разговаривают. Говоришь-говоришь, так наговоришься, что даже дурно становится. Какая уж тут благодать? Такое от этого испытываешь опустошение, что, кажется, ничего в душе нет. Казалось бы, все мы были верующими людьми, на службе причащались, разговоров у нас никаких мерзких, особенно греховных не было, разве только пустословием или осуждением согрешали или на духовные темы иногда беседовали слишком много, а в конечном счете благодать меня оставляла. Но наконец я понял, что сам себе приношу вред. Стал уходить из церкви немного раньше окончания службы, чтобы сбежать от своих друзей. Правда, они меня ловили, обижались, заставляли идти в гости… В общем, я старался лишнего общения избегать. И в то время, когда я был мирянином и независимым человеком (сейчас, поскольку я священник и обязан думать не только о себе, но и о своей пастве, я такой возможности не имею), взял себе за правило:

день перед причастием и в день причастия ни с кем не общаться. День перед приобщением я проводил в молчании, чтобы подготовиться не только постом, но и уединением. И после того, как приступал к таинству, тоже шел домой, стараясь ни с кем не видеться. Во все праздники, даже в такие большие, как Пасха, Рождество, когда все, естественно, ходили друг к другу с поздравлениями, я старался в гости не ходить; так как в эти дни причащался. А друзей навещал в другое время.

Моя знакомая крещеная, но в церковь не ходила. Она хочет причаститься, как ей подготовиться к причастию?

Для крещеного человека, который в первый раз пришел в церковь, очень важно исповедоваться. Для него важна подробная, как говорится генеральная, исповедь. Хотя «генеральная» – это не совсем подходящее для исповеди слово. На ней человек рассказывает все свои грехи, насколько позволяет ему память, и, конечно же, не просто признается в проступках, но имеет решимость исправиться – и в том, что находится в его власти, сразу меняет жизнь. Допустим, если человек пьянствовал – он перестает пить, если он работал в заведении, в котором ему приходилось поступать против совести, то он, может быть, и работу меняет. Мало ли что в жизни бывает. Но в некоторых вещах необходима постепенность. Скажем, избавиться от страсти гнева, блудной страсти в одно мгновение невозможно. Одно дело – не блудить на деле, другое – бороться с нечистыми помыслами. Итак, человек то, что возможно, исправляет сразу, а остальное имеет решимость исправлять постепенно. Это самое первое, главное и обязательное.

Второе – это, конечно, молитвенная подготовка. Правило ко причащению должно настроить нас на нужный лад: вызвать в нас благоговейный страх перед этим великим таинством и одновременно желание принять в себя Святые Тайны. Все это содержится в прекрасных молитвах святых отцов.

Скажите, какой праздник женщин существует в православии в противовес празднику Восьмое марта?

Праздника женщин в Православной Церкви не существует вообще. У нас нет ни праздника женщин, ни праздника мужчин,

ни праздника детей. У нас есть религиозные праздники. Существует обычай чествовать женщин, которые служат в церкви, в день жен-мироносиц – в одно из воскресений пасхального цикла. Но это, повторю, относится не ко всем женщинам, а только к тем, которые работают в храме, поскольку они в некотором смысле уподобляются женам-мироносицам. Тем более что в наши дни в храмах работает много женщин, на которых, можно сказать, все и держится. Но обычай этот возник лишь в последние годы, может быть, в последние десятилетия. А говорить о празднике, который был бы альтернативой женскому дню, нельзя. У нас есть изречение апостола Павла, что *во Христе Иисусе нет ни эллина, ни иудея, ни скифа, ни мужского пола, ни женского, но новое творение*[60]. Праздник жен-мироносиц – это праздник и женщин, и мужчин, и людей всех национальностей, потому что все люди во Христе равны.

Если родители разной веры, а ребенок в пятнадцать лет хочет окреститься, то можно ему это сделать?

Если даже один из родителей не христианин, то пусть молодой человек крестится, но это надо сделать мирно и разумно.

А то некоторые решают!.. Одна женщина вышла замуж за армянина. Это хотя и христианское вероисповедание, но оно существенно отличается от православия. Армяне считаются монофизитами, еретиками. Однако армяне к русским традиционно относятся по-дружески, поскольку русские часто защищали этот народ от притеснений мусульман. Женщина, о которой я рассказываю, вышла замуж за армянина, и в одно воскресенье они посещали армянскую церковь, а в другое – русскую. Ребенка крестили в армянской Церкви, теперь хотят крестить еще и в русской. Это, конечно, никуда не годится. По сути, не надо было и вступать в этот брак. Если же такой брак уже существует и нет серьезных причин для его расторжения, значит, нужно предоставить ребенку возможность сделать самостоятельный выбор. Понятно, что каждый из родителей будет тянуть его в свою сторону. Если он в пятнадцать лет хочет креститься и пришел к этому сознательно, потому что убежден в

истине, а не просто ради обычая, то, конечно, пусть крестится. А папа или мама пусть смиряются с его решением и терпят.

Если в храме, куда я ходила всегда, я начала чувствовать пустоту, а в другом храме могу нормально молиться, то это связано со мной или с храмом и нужно ли его менять?

Я думаю, может быть и то и другое. Некоторые любят молиться в монастырских храмах, потому что там истовое богослужение, которое совершается без сокращений. Другим нравится бывать в приходских храмах, потому что там короче служба, она более доступная, а, может быть, священник более общительный и этим привлекает. Разные могут быть причины.

Отец Иоанн Кронштадтский был мирским священником, но неужели из-за этого в его храме было меньше благодати, чем в каком-нибудь монастырском? Поэтому судить о храме примитивно, опираясь только на поверхностный взгляд, нельзя. Отношение к храму может быть связано и с душевным состоянием человека. Допустим, священник сказал ему что-то неприятное или замечание сделал – в результате этот человек в храме благодати больше не чувствует: он пойдет в другой храм, где к нему будут ласковее относиться.

Не думаю, чтобы обычный человек мог судить о том, была ли раньше в этом храме благодать и не пропала ли теперь, или мог утверждать, что в другом храме ее раньше не было, а теперь она появилась. Не думаю, что вы обладаете таким ясным чувством, что можете определить подобное на глаз. Для этого нужно быть человеком действительно духовным. Вообще в таких вопросах нужно быть весьма и весьма благоразумным и осмотрительным.

Может ли крестная мать благословлять крестника при выходе из дома, на долгое расставание и в других случаях? Если да, то как?

Я считаю, что это очень хороший обычай, когда родители или крестные благословляют своих крестников или родных детей. Благословлять нужно так, как миряне обычно благословляют пищу или какой-нибудь другой предмет – то есть обычным крестным знамением.

Очень уместно было бы при этом, если это, конечно, будет делаться искренне, от всей души, чтобы дети целовали руку у своих родителей. Мне очень нравится такой обычай. В старину он был распространен, в особенности у крестьян, вообще в простых сословиях. Это, мне кажется, вызывает почтение и благоговение. Наверное, благодаря такой вере и благодать действует более свободно и приносит больше пользы. Это благословение имеет большую силу.

Как уживался в древних подвижниках мир Христов и плач, ведь будучи совершенны, они имели и то и другое?

Ну а почему это невозможно? От плача как раз и приходит покой. И сам плач может быть разный: слезы из глаз текут одни и те же, не знаю, меняется ли их химический состав, думаю, что нет. И все-таки они разтличаются. Как смех может быть злорадный, безобидный, радостный и какой угодно, так и слезы могут быть и от злобы, и от покаяния, и от радости и умиления.

Кроме того, человек, достигший покоя в отношении себя, мог приобрести плач о других людях: каяться, просить Бога и плакать о них. Таким образом в подвижниках уживался и покой и плач. К тому же не думайте, что совершенные люди всегда имели одно и то же духовное настроение: либо всегда плакали, либо всегда пребывали в покое. Человек – существо переменчивое. Изменения могут быть в худшую или лучшую сторону, а могут быть изменения такого характера, когда одно духовное состояние сменяется другим: допустим, иногда человек углубляется в любовь к Богу, иногда простирается к ближним, иногда ищет уединения, иногда нуждается в общении и так далее. В одном и том же человеке могут быть разные состояния, и притом не от собственного его произволения, а именно от действия благодати.

Почему после причастия Тела и Крови Христовых мои страсти живы и еще более увеличиваются? Ведь таинство так велико, почему же оно не исцеляет?

Мы удивляемся, что причастие нас не исцеляет, и забываем о том, что мы сами должны бороться. Крещение ведь тоже омывает от всех грехов – почему мы тогда не безгрешны? Почему мы не исцеляем больных? Господь ведь сказал: *Именем*

Моим будут изгонять бесов, исцелять больных, говорить новыми языками[61]. Почему этого нет? Человека возмущает, почему на нем не сбываются обетования Божии, и он не думает о том, что он должен прежде сам исполнить Евангелие, а потом уже чего-то ожидать. Он все время недоумевает: «Ну что ж такое? Почему я мертвых не воскрешаю, почему по воде не хожу?» Это высокоумие просто, и все.

«Ведь таинство так велико»... Таинство-то велико, но оно может быть нам и в осуждение. Таинство мы принимаем, но мы не усваиваем благодати, которая нам в этом таинстве преподается, не приводим ее в действие, и она от нас быстро уходит. Вот поэтому страсти в нас и живут. Кроме того, мы часто сами добровольно исполняем то, что нам внушает диавол. Допустим, человек на кого-то кричит, сердится и потом говорит: «А почему Господь меня не исцеляет от гнева?» Да потому, что ты сам хочешь сердиться. Или человек нарушил пост, объелся чего-нибудь скоромного и удивляется: «Почему же Господь меня от чревоугодия не исцеляет?» Так ты сам же ешь и еще потом Бога хулишь, что Он тебя не исцеляет. Сначала воспротивься страсти, поборись с ней, понуждай себя изо всех сил, а потом уже проси, чтобы Господь тебе помог. А то ты сидишь и чего-то ждешь, думая, что только одна благодать без твоего собственного усилия тебя спасет.

Я просил духовника быть со мной построже, чтобы мне достичь преуспеяния. А сейчас испытываю такой страх на исповеди, что стал скрывать грехи. Откладываю их на другой раз. Уже и совесть не мучает, как поначалу было. Боюсь, что в этом закоснею.

Так не откладывайте на другой раз. Надо заставить себя. Нам необходимо иметь мужество, потому что нужно бояться не духовника, а Бога. Духовник, если и проявит строгость, то ради спасения вашей души. А то получается, что мы ищем смирения, хотим быть хуже всех, а когда нам в голову приходит мысль, что мы действительно хуже всех, то мы так унываем, что хотим, наоборот, быть лучше всех. И от мысли, что мы лучше всех или хотя бы лучше некоторых, сразу утешаемся и думаем: «Благодать нас посетила!»

Получается, что мы ищем такого смирения, которого не можем понести; ищем такого покаяния и строгости, которых выдержать не можем, то есть показываем этим свою необыкновенную самонадеянность.

Приведу примеры из жизни. Один человек решил спать в гробу, чтобы от этого смиряться и помнить о смерти, но спал он так крепко, так сладко, что все на свете просыпáл и нарушал режим. Гроб ему не помогал.

Другой решил молиться о том, чтобы Господь ему послал мысль, что он хуже, ничтожнее всех. И когда у него эти мысли стали появляться, он пришел от них в такое уныние, что стал думать: хорошо бы ему быть лучше обыкновенных людей или, по крайней мере, равным им. Так зачем же этот человек искал совершенного смирения? Он показал этим необыкновенную самонадеянность. Лучше бы этот человек вел себя просто и каялся бы, как все, а не искал чрезвычайных добродетелей из-за своей мечтательности. Тогда он действительно потихоньку продвигался бы в приобретении смирения и памяти смертной.

Как наши добрые дела могут послужить славе Божией?

В первую очередь надо предостеречь автора этой записки от усердного размышления о том, как он может послужить славе Божией. Я считаю, нужно стараться делать добрые дела прежде всего для своего спасения. А если мы начнем усиленно думать о том, что можем служить славе Божией, то, вероятно, поддадимся некоторой гордости.

Если самый обыкновенный человек, который не делает великих добрых дел и даже не имеет такой возможности, но который старается бороться с гневом, вести себя кротко, не обижаться, не осуждать никого, прощать обиды, жить целомудренно, скромно, то есть старается делать хотя и малые, но посильные добрые дела, – то это и послужит славе Божией. Окружающие увидят действие благодати Святого Духа, действие Евангелия на человеке, который был грешником, но стал исправляться, – и таким образом прославится Бог.

Я думаю, не следует искать каких-то особенных дел, чтобы прославить Бога, нужно относиться к себе смиренно. Если Бог поставит человека на свещницу – тогда тот будет светить

другим. Если же Богу угодно, чтобы человек находился под спудом для своего смирения, то человек и должен пребывать в этом скромном состоянии. А если каждый из нас начнет искать, как бы ему прославить Бога, то не опозорить бы нам и себя, и учение христианское. Я думаю, что нам скорее прятать надо, а не выставлять наружу свои добрые дела, которые, может быть, совсем еще и не добрые.

Праведники видели недостатки, промахи, даже грехи в самих добрых делах, например, творя милостыню, они замечали в себе тщеславие. Вообще во всех своих делах они видели некоторую скверну, сами себя осуждали и всегда были собой недовольны. Они не думали о славе Божией, а думали о спасении души. Я считаю, что нам тоже полезнее думать о спасении души.

Можно было бы ответить на этот вопрос теоретически, но я думаю, что это будет неполезно. И поэтому я чисто теоретического ответа давать не буду, а отвечу на вопрос практически – мы не должны искать славы Божией, а должны стараться делать добрые дела ради спасения своей души, как должники.

Как узнать, что Господь призывает нас на служение Себе? Как определить, что ты на той грани, за которой надо все оставить и идти за Господом?

Если речь идет о монашестве, то, конечно, тут должны быть определенные обстоятельства. Не может человек семейный сказать: «Господь меня призывает идти за Собой», уйти и оставить семью на произвол судьбы. Апостол Павел говорит: «Кто не заботится о своих близких, тот хуже неверного»[62]. Если же человек не имеет семейных связей, если это одинокая женщина или одинокий мужчина, то уже можно рассуждать: нужно идти им в монастырь или нет. Конечно, лучше посоветоваться об этом с духовником, почитать святых отцов. Но я думаю, что в какой-то момент в душе человека этот вопрос разрешается сам собой и уже не требует никакого ответа. Мне, например, хоть сто старцев сказали бы в свое время, что мне в монастырь идти не нужно, я бы никого не послушался. Для меня

было ясно как дважды два – четыре, что я должен быть монахом. Мне кажется, что так должно быть у всякого человека.

А если речь идет о пути спасения вообще, в широком смысле, то не нужно думать, что служить Господу можно только в монастыре. А то получается, что монахи – это некие аристократы, а миряне – плебеи. Это не так. И в миру можно и нужно служить Богу: добрыми делами, молитвой – и преуспевать в духовной жизни. Все зависит от произволения. У монахов более удобное положение для духовной жизни, у мирян – менее удобное, но нельзя сказать, что им невозможно спасаться или духовно совершенствоваться. Мирянам, конечно, тяжелее, но возможно. Я говорю сейчас о тех людях, которые связаны семейными узами. А то они на себе крест поставят и пойдут телевизор смотреть: мол, все равно у нас ничего не выйдет. Это неправда! «Оставить мир» – значит (это толкование подходит для каждого) прежде всего оставить свои грехи, свои страсти. Преподобный Исаак Сирин говорит, что когда мы говорим о страстях в отдельности, то можем рассуждать о сребролюбии, сластолюбии и так далее; когда же говорим о всех страстях вместе, то называем их одним словом «мир». Ведь и мы, монахи, хотя и отреклись от мира, но не улетели же на другую планету или космическую станцию, мы живем на земле, среди людей. Оставить мир – это, повторю, по сути своей оставить свои страсти, а не просто перейти из города в лес или из леса в горы.

Как бороться со смехом?

Когда приобретешь настоящее покаяние, то смех у тебя пропадет и будет радость духовная. Но одно дело – оставить смех, когда у тебя есть для этого духовная причина, и другое – когда такой причины нет. Если обыкновенный, грешный человек никогда не смеется, то это признак психической ненормальности. Когда кто-то напускает на себя усиленную чопорность, перестает смеяться и ведет себя чрезвычайно замкнуто, то либо он уже достиг величайшего покаяния, либо у него что-то произошло с психикой. С этим надо быть очень осторожным, не бороться со смехом до такой степени, чтобы это перешло в область психиатрии.

О ревности истинной и ложной

Ревность по Боге как основа духовной и нравственной жизни человека. – Примеры проявления ложной ревности: учение Ария, Нестория, Евтихия. – Ложная ревность основана на гордости, а истинная ревность в смирении и покаянии. – О превращении истинной ревности в ложную. – Как преуспеть в молитвенном делании. – О больших и малых искушениях. – Что такое духовное неофитство. – Может ли характер человека влиять на его духовную жизнь.

Сегодня я хотел бы провести беседу о важной, но трудно приобретаемой добродетели – о ревности, на которой зиждется, можно сказать, вся духовная и нравственная жизнь человека. Конечно, имеется в виду не чувство ревности одного человека к другому, а ревность по Боге, ревность в смысле рвения или, если так можно выразиться, азарта в духовной жизни.

Необходимо сказать и о ревности правильной, истинной, и о ревности ложной. В книге святителя Игнатия (Брянчанинова) «Приношение современному монашеству» есть специальная глава «О ревности душевной и духовной», в которой он кратко рассматривает этот вопрос. Святитель Игнатий, в частности, говорит, что многие люди ошибочно принимают ревность внешнюю за истинную, духовную. Ревность ложная проявляется в тщательном соблюдении всевозможных внешних постановлений, церковных обрядов или тонкостей богослужения. Ложная ревность достигает иногда такой степени, что человек сильно негодует, когда окружающие люди, как ему кажется, не соблюдают должного. И поскольку эта ревность выражается во внешнем поведении, она бывает для всех очевидна. К такой ревности многие верующие люди относятся с великим уважением, придают ей большое значение и в себе и в других. Этих «ревнителей благочестия» очень хвалят. Но часто бывает, что люди, внешне все соблюдающие и даже выдающиеся в отношении видимых добродетелей, делают это, наверное сами того не понимая, из побуждений гордости, желая выделиться тем, что они считают значительным.

Можно привести примеры ложной ревности из церковной истории. Знаменитейшие ересиархи, то есть родоначальники ересей, были ревнителями именно внешнего благочестия. Таким был пресвитер Арий, глава арианской ереси. Он был ревностным священником, проповедником. Но когда Арием, как ему казалось, пренебрегли – вопреки ожиданию его не выбрали на место умершего епископа Александрийского, духовенство и народ предпочли избрать другого, Александра, – тогда Арий из зависти и гордости стал усиленно проповедовать свою безумную ересь. Он учил, что Иисус Христос был не Сыном Божиим, но неким первым и величайшим творением Божиим.

Подобным ему был и другой знаменитейший еретик – Несторий, изобретатель ереси, которая названа по его имени несторианской. Он был пресвитером в Антиохийской Церкви и отличался строгостью жизни, необыкновенным подвижничеством, он носил простые суровые одежды, имел изможденный облик. Несторий отличался особенным благочестием, поэтому, когда нужно было избрать епископа на Константинопольскую кафедру, выбор пал на него как на самого достойного. Но, оказавшись во главе Константинопольской Церкви, он стал изрыгать учение, которое до тех пор сохранял в своей душе. Учение состояло в том, что Иисус – человек Богоносный, что по Своему достоинству Он близок к Богу Слову, но не соединен с Ним ипостасно. То есть, по его учению, Господь Иисус Христос был не одной личностью, а имел две раздельные личности: личность Бога Слова и личность человека Иисуса. Поэтому Несторий называл Деву Марию не Божией Матерью, не Богородицей, а Христородицей. Третий Вселенский собор осудил его и лишил священного сана.

Особенно выдающийся пример ложной ревности – деятельность другого знаменитого ересиарха, Евтихия, родоначальника ереси монофизитской. Он был подвижником, архимандритом одного из константинопольских монастырей, множество учеников его очень любили: в монастыре было около трехсот монахов. Во времена несторианской ереси Евтихий, как тогда казалось, выступил оплотом, защитником православия. Дело в том, что ересь несторианская и ересь монофизитская –

две противоположные крайности, два заблуждения, уводящие с царского пути в разные стороны. Если несторианская ересь разделяла во Христе Бога Слова и человека Иисуса, то монофизитская ересь, наоборот, не видела в Нем двух естеств, человеческого и Божеского: эти естества как бы сливались в одно Божеское. Таким образом, человеческое естество в Господе Иисусе Христе переставало мыслиться как самостоятельное и подобное естеству всех людей. А православие исповедует, что в одном Лице, в одной Ипостаси Бога Слова неслитно и нераздельно действуют два естества: Божеское и человеческое.

Итак, Евтихий, знаменитый не только подвижнической ревностью, но и благочестием, борьбой против несторианской ереси, оказался на деле врагом православия. И притом таким упорным и упрямым, что никаким доводам святых отцов не внимал. В конце концов он добился несправедливого низложения двух православных архиереев: святителя Флавиана Константинопольского и епископа Евсевия Дорилейского, который первым обличил его в ереси. Когда Евтихию приводили неопровержимые доводы из святых отцов в пользу православия, он говорил, что он святых отцов уважает, но если бы нашел у них что-то неправильное, то и им бы не поверил, потому что для него Священное Писание стоит выше всего. Конечно, для всех нас Священное Писание стоит выше других писаний, но кто правильно изъяснит его, если не святые отцы? Евтихий же в гордости своей думал, что он мудрее всех.

Можно было бы, наверное, и другие примеры привести, но самый яркий из них – пример Евтихия, который был до такой степени ревностным монахом-подвижником, что даже ни разу не выходил из своего монастыря вплоть до того дня, когда от него потребовали прийти на Константинопольский собор, на котором он был обличен в ереси, получившей впоследствии название монофизитской. Снова ревнитель благочестия, подвижник оказался страшнейшим еретиком. И чему тут удивляться, если мы в Евангелии можем прочесть о фарисеях, которые также были ревнителями благочестия: исполняли все обряды, охраняли правоверные обычаи от языческих, уже

начавших внедряться в ветхозаветную церковь из языческого мира. Однако же, когда пришел Господь Иисус Христос, это внешнее благочестие оказалось враждебным Его проповеди, потому что было основано на гордости.

Итак, как же нам избежать мнимого благочестия и ложной ревности, которые могут нас привести даже к вражде против Церкви? Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что истинная ревность состоит в смирении, молчании, покаянии, во внутреннем духовном умилении. Если мы опять возьмем пример из церковной истории и вспомним о знаменитом противнике и, можно сказать, победителе несторианской ереси – святителе Кирилле Александрийском, то увидим, что он обладал духовными качествами, противоположными чертам характера еретика Нестория или других ересиархов.

Будто не желая понимать учение епископа Кирилла Александрийского, антиохийские епископы, хотя и были по учению своему православными, но по ошибке, по недоразумению, по ложному чувству дружбы пытались выгородить Нестория и впали в раскол. Когда же император Феодосий с епископом Константинопольским Максимианом и прочими святителями старались примирить антиохийцев с Церковью, то обращаясь к императору, сказали, что пусть только антиохийские епископы исповедуют православие, а все обиды, которые они причинили святителю Кириллу: несправедливое лишение сана, оскорбления, признание еретиком, – он простит. То есть они заранее были уверены в смирении епископа Кирилла. И действительно, он обо всем этом умолчал, не потребовал никаких объяснений, извинений и прочего, лишь бы только они вернулись в лоно Православной Церкви. Благодаря мудрости и смирению святителя Кирилла, Антиохийская Церковь воссоединилась со всею Православной Вселенской Церковью.

Вот пример истинной ревности – ревности по благочестию, однако же, в сочетании со смирением. Кирилл Александрийский не хотел ни от чего отступать в своем учении в защиту православия, говоря, что все в этом учении правильно и никаких решений Третьего Вселенского собора отменять нельзя,

а о личных оскорблениях, обидах, о своем унижении не сказал ни слова. Потом некоторые представители антиохийцев, в особенности Феодорит Кирский, стали защитниками православия и в последующие годы уже почитали память святителя Кирилла. Они считали, что он действительно был великим защитником православия, великим учителем Церкви, и называли православную веру верой Кирилловой. Поэтому истинная ревность – касается ли она догматов, правил благочестивой жизни, нравственных правил или, скажем, чисто духовных вопросов, например молитвы, борьбы со страстями, любого аспекта христианской жизни, – будет дорожить истиной, но одновременно будет и смиренна. Для нас должна быть дорогá, значительна истина, поскольку она преподана нам святыми отцами, а в конечном счете Христом, ее мы обязаны беречь, сохранять, но когда дело касается нас самих, мы должны смиряться.

Как же применить эти исторические примеры, эти рассуждения к нашей повседневной жизни? Пусть нам редко приходится говорить о догматах, но и это может случиться. Скажем, мы столкнулись с каким-нибудь сектантом, который пытается навязать нам свое неправое учение, в котором, естественно, православные догматы искажаются. Мы обязаны заявить, что мы православные, потому что наш долг – исповедовать православное христианство, тут смиряться не нужно. Может быть, мы не имеем способностей или знаний для того, чтобы этому сектанту возразить, так сказать, по пунктам, но мы должны заявить о том, что мы с ним не согласны, что мы – православные, что наша вера – истинная, а он заблуждается. Это может и должен сделать каждый, а если кто-то может и умеет возражать, пусть попробует и возражать.

Но чаще всего – то ли потому, что мы не обладаем достаточным даром слова, то ли из-за того, что эти люди находятся в прелести, как бы под обаянием злого духа, – наша беседа оканчивается ничем. Сектант остается при своем мнении, и мы, я думаю, тоже остаёмся при своем, но в споре возникает раздражение, ненависть, вплоть до того, что мы готовы чуть ли не побить этого сектанта, вместо того чтобы

привести здравые доводы в духе кротости. Вот пример того, как, казалось бы, истинная ревность превращается в ложную, и мы под предлогом защиты истины впадаем в злую страсть. Конечно, какого-нибудь наглого сектанта можно иногда и выпроводить с территории храма или монастыря, если он искушает людей. Святые отцы употребляли порой это средство, скажем, отправляли в ссылку некоторых неисправимых ересиархов. Но я говорю о нашем личном отношении. Ведь эта встреча может произойти не только на территории храма – как вы знаете, сектанты ведут себя очень назойливо, можно сказать, нагло, – она может произойти где-нибудь в общественном месте, например в транспорте, и нам нужно проявить кротость. Кто знает, если мы сохраним христианский дух и внутреннее спокойствие, более или менее удачно возражая, то, может быть, не сейчас, но когда-нибудь семя, посеянное нами, возрастет и споривший с нами человек обратится к вере. Я знаю, что все же бывают, хотя и редко, случаи обращения сектантов в православие. Это такие же люди, как и мы, нельзя на них, как говорится, ставить крест и считать, что они уже погибли. И мы когда-то были, по крайней мере большинство из нас, людьми неверующими, чуждыми Церкви, а ведь атеизм тоже своего рода секта, весьма распространенная. И коммунизм – не просто политическое убеждение, он имеет некоторую религиозную окраску, и его также можно назвать сектой. Проявляя кротость в споре на догматические темы, мы имеем надежду действительно победить, действительно помочь человеку, поэтому нельзя спорить о христианстве в нехристианском духе.

Еще более нелепо выглядит агрессивное поведение, когда мы касаемся вопросов духовных. Допустим, если мы начинаем говорить о молитве с гневом, раздражением, осуждением. Становится особенно очевидным, что, уча христианским добродетелям, мы делаем это недобродетельно. Если человек не хочет нас слушать – зайдет ли речь о догматах в споре с сектантами, а может быть, с невежественными православными братьями и сестрами; или начнется разговор на духовно нравственную тему, – проявим смирение: уступим, предоставим

этому человеку разобраться самому. Если он в данный момент не понимает, то, кто знает, может, он поймет это завтра или через некоторое время. Может быть, жизненный опыт заставит его прийти к такому же выводу. А если мы начинаем чересчур настаивать на своем мнении, то в этом обнаруживается наше своеволие.

Мой духовный отец – он был человек очень простой, но вел высокодуховную жизнь – любил повторять такое изречение, не знаю, сам ли он его придумал или где-то прочитал: «У свободного – все свободны, а у раба – все рабы». То есть если ты духовный человек, то ты свободен, а значит, и людям, которые тебя окружают, предоставляешь свободу: хочешь – живи добродетельно, не хочешь – никто тебя не сможет заставить. Заставлять бесполезно. А если ты раб греха, ты и всех стараешься поработить своей воле. Отличие неразумной ревности от разумной состоит в настойчивости, своеволии, несмирении по отношению к людям.

Теперь коснемся ревности, которая должна проявляться по отношению к Богу, то есть ревности к молитве, к духовному совершенствованию. Здесь также бывает ревность разумная, правильная и ревность неразумная и неправильная. Разумная ревность и здесь обязательно сопровождается смирением. Можно даже сказать, что, чем больше ревности у человека, тем он смиреннее и в отношении к Богу, и в отношении к ближним. Если человек одержим неразумной ревностью, то он ожидает быстрых, чуть ли не моментальных результатов в своей духовной жизни. Он хочет по прочтении одной книги кардинальным образом измениться. Прочитав житие Антония Великого или его наставления, такой человек думает, что он уже стал почти как Антоний Великий. Но конечно же, через малое время обнаруживается его несостоятельность, он спотыкается, падает и приходит в противоположное состояние – считает себя вообще ни к чему не годным. Его неразумная, мечтательная ревность оборачивается для него величайшим огорчением, унынием, отчаянием.

Этой своей оборотной стороной – разочарованием в самом себе – неразумная ревность часто обезоруживает человека,

лишает его всякого дерзновения и усердия. Если человек, одержимый неразумной ревностью, решил предаться, скажем, подвигу поста, то он будет делать это несообразно своему здоровью, своим обязанностям, образу жизни, а главное, несообразно нужде. Ведь подвиг поста должен иметь оправдание, объяснение: для чего я должен поститься с той или иной степенью строгости? Однако человек, движимый одним горделивым желанием совершить добродетель, которая кажется ему очень легкой, часто совершенно не понимает, для чего он это делает. Он думает, что поститься просто. Молиться – это сложно: как молиться, как бороться с помыслами, как приобрести внимание в молитве, умиление и прочее… А пост кажется очень простой добродетелью: не ешь, и все. Поэтому многие неразумные ревнители прежде всего бросаются на эту, по их мнению, очень простую добродетель. Но, подвергнув себя чрезвычайно строгому посту, человек в скором времени бывает вынужден вовсе оставить пост, по крайней мере, вернуться к обычному употреблению пищи, потому что ему приходится едва ли не лечиться. А поскольку он вообразил, что именно в строгом посте и состоит спасение, то сразу же впадает в отчаяние оттого, что он якобы погибает: «Нет у меня никакой надежды, потому что я не могу выдержать пост».

То же можно отнести и к молитве, прежде всего, к правилу. Избирает человек себе какое-нибудь правило, допустим, столько-то акафистов прочесть, столько-то канонов, столько-то кафизм, а может быть, – это реже, но бывает – столько-то четок Иисусовой молитвы. Итак, выбрал он себе правило и решил, что теперь будет исполнять его каждый день. Но он забыл о том, что и настроение у него может перемениться, и здоровье может ухудшиться, и столько свободного времени может не быть, или другие какие-нибудь обстоятельства помешают. Однако этот человек берет на себя огромное молитвенное правило, а потом, сколько-то продержавшись, безусловно, понимает, что не может его соблюсти, и тоже впадает в уныние и отчаяние: «Все пропало, я не могу молиться, а если нет молитвы, значит, нет и спасения». Чаще всего такое разочарование постигает человека именно в отношении этих двух добродетелей – поста и

молитвы. Но бывают и более тонкие случаи, когда неопытный, горделивый христианин желает преуспеть в какой-нибудь иной добродетели. Допустим, поддался он гневу – это страсть очень распространенная, – испытал из-за этого огорчение, досаду и решил исправиться, сказав себе: «Все, больше никогда не буду гневаться». Как говорится, «с завтрашнего дня начинаю новую жизнь». Но страсть-то в нем осталась. Не так легко искоренить страсть в своей душе. Будет еще какой-нибудь повод, предлог, и вновь он согрешит этим же грехом раздражительности, вновь споткнется, а споткнувшись, скажет: «Раз я не могу победить гнев – я погиб, нет мне спасения». На самом же деле эта страсть, как и другие, искореняется многолетним изнурительным подвигом. И не всякий, а наоборот, редкий человек достигает полного очищения от этой страсти. Нам бы собой овладеть хоть в малой степени, чтобы не быть совершенно порабощенными страстям, чтобы уметь им противиться – и это уже является большим достижением для обыкновенного христианина. Иоанн Лествичник говорит, что не всем дано достигнуть бесстрастия, а покаяние для всех необходимо. Мы же хотим бесстрастия.

То же может произойти и в отношении качества молитвы – не количества молитв, не продолжительности правила, а в отношении внимательности, умиления, покаяния при молитве. Прочитав, скажем, о том, какой должна быть внимательная молитва, о том, что во время нее не нужно принимать никаких помыслов, неопытный христианин, не зная своей меры, своего действительного состояния и того, на что он способен на данном этапе своего развития, говорит: «Больше никогда не приму помыслов во время молитвы». Естественно, это решение он соблюсти не может и, поддавшись тем или иным помыслам, иногда сравнительно невинным, например суетным, впадает в отчаяние, уныние, опять себя осуждает и не видит больше никакой надежды.

Ситуация складывается иногда абсурдная до смешного. Несколько раз я встречался с таким явлением. Какой-нибудь христианин, например, на службе говорит себе: «Сейчас я буду молиться и ни одного помысла не приму». Он изо всех сил напрягает ум, стараясь никакого помысла не принять. Это его

воздержание от помыслов длится, может быть, пять минут (если десять – это уже чудо) и приводит к сильнейшей головной боли. Потому что совершение этой великой добродетели, молитвы, зависит не только от нашего умственного, духовного или нравственного напряжения, а прежде всего от содействия благодати Божией, которой мы еще не имеем в достаточной степени.

Один монах пришел к старцу и говорит, что ему во время молитвы мешают помыслы, старец велит ему: «Взойди на гору, распростри полы твоей рясы и удержи ветер». Монах отвечает: «Это невозможно». А старец говорит ему: «Так же новоначальному невозможно удержать помыслы». Такова наша неразумная ревность. Нам кажется, что причина всех наших ошибок – неведение и неопытность: просто нам никто не объяснил (так мы сами себя оправдываем), а если бы нам объяснили, то мы знали бы, как правильно поступить и не запутались бы. Но на самом деле причина не в том, что нам не объяснили, не неопытность, а гордость. Мы думаем о себе лучше, чем мы есть. Мы дерзаем на такую высоту добродетелей или на такие добродетели, которые нам недоступны. Именно эта гордость и делает нас несмиренными, гневливыми в споре с еретиками, а также с теми христианами, которые не желают совершать те или иные добродетели. Она заставляет нас браться за дела, которые мы заведомо не сможем совершить, и подвергает нас многим и многим падениям, даже в грубые и тяжкие грехи. Сколько бывает случаев, когда человек, не имеющий на то никакого права, дерзает проповедовать слово Божие, а приводит это не к чему иному, как к самому обыкновенному блуду, потому что он ведет себя неосторожно: проявляет любовь там, где, наоборот, нужно проявлять страх и целомудрие. Вот и заканчивается это страшным падением. Разве не бывает такого, что православный спорит о догматах, а потом сам впадает в ересь? Спорит с сектантом, а в итоге тот его обращает или, по крайней мере, приводит в смущение и заставляет поколебаться.

Во всем этом сквозит гордость. Гордость – причина ложной ревности. Не неопытность, не неведение, а именно гордость.

Если бы мы имели смиренный взгляд на самих себя, если бы мы были скромного о себе мнения, то с такой робостью приступали бы к совершению тех или иных добродетелей, что нас нужно было бы иногда и упрашивать. Так многие угодники Божии отказывались от принятия священного сана, например святитель Николай Мирликийский. Значит, от ложной ревности нас избавляет – не буду говорить смиренный – простой, хотя бы в малой степени трезвый взгляд на самого себя.

Но я не хочу охладить вас настолько, чтобы вы сидели сложа руки и боялись за что-либо взяться. Ревность все же необходима, только нужно стараться, чтобы к ревности не примешивалась гордость. Нельзя впадать в противоположное ревности состояние – безразличие к православным догматам. Сейчас многие говорят, что все равно, как верить, лишь бы жить нравственно. Это ложь. Не все равно, как верить. Тот, кто верит неправильно, вовсе не верит: вера у него человеческая, а не дарованная Небесным Богом Отцом, вера от ума, а не от Духа Святого, вера от плоти и крови, если выражаться евангельскими словами. Нужно иметь ревность по правой вере. Нужно, конечно же, иметь ревность и к добродетельной жизни, ибо как вера без дел мертва, так и дела без правой веры мертвы и бесполезны. Необходимо и то и другое, но все должно совершаться осторожно, если так можно выразиться, аккуратно. Может быть, это слово в данном контексте непривычно, но, чтобы объяснить ощущение, с которым христианин должен вести христианскую жизнь во всех ее отношениях, более всего подходит именно оно. Нужно все делать аккуратно, осторожно, по чуть-чуть, пробуя и постепенно продвигаясь. Испытав неудачу в чем-то, не унывать, не отчаиваться, а сделать из этого соответствующие выводы и рассудить, почему это произошло: либо потому, что эта добродетель выше моей меры, либо потому, что я что-то сделал неправильно.

Благодаря такому аккуратному поведению, соединенному с понуждением, мы постепенно будем духовно развиваться и совершенствоваться. Можно даже сказать (хотя и не всегда, но в большинстве случаев именно так и бывает), что признак истинной ревности – это труд, а признак ложной ревности –

порыв. Истинная ревность сопровождается постоянным, кропотливым, разумным трудом, а ложная ревность – это скорее мечтания. Она приводит к чрезвычайным усилиям, но они не имеют постоянства, не основаны на терпении. В любом деле, будь то вскапывание огорода или какое-либо ремесло, изучение наук или духовная жизнь, – везде нужно трудолюбие, нужен труд. А когда человек хочет, как говорится, взять нахрапом, то это ревность ложная.

Вот что я могу вам сказать о ревности истинной, которая необходима в духовной жизни, и о ревности ложной, которая может принести нам много неприятностей, даже несчастий. Хотя в каждом конкретном случае все равно встретятся какие-то затруднения, но я дал вам общее представление, конечно, в той мере, в какой я этот вопрос понимаю. Это не значит, что вы во всем и на всю жизнь разобрались и что думать вам уже никогда ни над чем не придется. Знаменитый старец отец Иоанн (Крестьянкин) сказал своей духовной дочери в наставление, что никакой духовник никогда не избавит ее от необходимости думать. Действительно, думать, рассуждать необходимо: для того Бог и дал нам разум, чтобы мы исследовали Его волю. Как сказал апостол Павел: *Все испытывайте, хорошего держитесь*[63]. Вот нам и нужно все исследовать и хорошего держаться во всех отношениях, в том числе и в отношении ревности. Необходимо отличать ложную ревность от истинной и сохранять истинную ревность, которая необходима для спасения.

* * *

В книге «Афонские подвижники XIX века» говорится, что в молитве не нужно искать дарований, что наше дело молиться, а Господь Сам знает что и когда подать: сейчас или в будущем веке. А ищущих духовных дарований постигает гнев Божий. Значит, преуспеяние в молитве – это тоже дар Божий и не надо скорбеть, что в ней нет продвижения, а просто молиться и бороться со страстями? Может, действительно, это гордость – скорбеть о том, что молитва совсем плоха?

Я думаю, что мы должны изо всех сил стараться всё делать правильно. А когда и что нам подаст Господь, от нас не зависит. Наше дело трудиться, а много или мало мы приобретем, это уже зависит от благословения Божия.

Как в бизнесе человек пускает какую-то сумму в оборот и в результате может стать обеспеченным, а может разориться, так бывает и в духовной жизни. С той только разницей, что в бизнесе, действительно, многое происходит случайно, а в духовной жизни все зависит от наших добродетелей. Даже когда человек что-нибудь сеет, он ожидает, что вырастет урожай, но как посеянное растет, он не понимает. Много будет плодов или мало, человек этого не может знать. Поэтому и Спаситель сказал, что *Царство Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встает ночью и днем; и как семя всходит и растет, не знает он*[64], а только охраняет его. И поскольку мы не можем осознать, когда смирение, когда гордость или та или иная страсть действуют, то наше дело – охранять.

И вообще лучше думать не о том, чтобы достигнуть в молитве преуспеяния или какого-то высокого состояния, а о том, что с нами будет в вечности. Тогда, уверяю вас, и благодати будет больше.

У моих православных знакомых в квартире устроен целый склад ненужных вещей: коробки, палки, тряпье, старая мебель – так что и пройти трудно. Когда я приезжаю к ним в гости, то ночевать мне приходится посреди всего этого. Хозяева ссылаются на отсутствие времени, говорят: «Все это неважно, главное – спасти душу» – и массу времени проводят в церкви. Правильно ли они рассуждают?

Я думаю, что они проявляют ревность не по разуму, но обижать людей обличением не нужно. Хотят – пусть живут в грязи. Может быть, со временем ревность немножко остынет, наведут порядок. Есть женщины, которые готовы в церкви дневать и ночевать, пренебрегая своими домашними обязанностями, – это неправильно. Но неправильно и то, когда

домашнему уюту придают чересчур большое значение, делают из квартиры своего рода идола. Тут нужно знать меру.

Исаак Сирин говорил: «Кто не будет иметь больших искушений, тот не будет иметь великих дарований». Но ведь мы стараемся всячески избегать искушений, значит, у нас не будет и благодатных даров?

Преподобный Исаак говорит это в утешение тем подвижникам, которые испытывали непостижимые для нас искушения – такие, которые не может вместить человеческий ум. Это относится совсем не к нам. Нам нужно бежать от искушений, бороться с помыслами, бояться греха, а не храбриться. Мы и малых искушений не можем выдержать, а хотим подражать Исааку Сирину.

Знаем ли мы, что такое большие искушения? Вот пример. Преподобный Иоанникий Великий как-то во время путешествия зашел в один женский монастырь. В этой обители жила монахиня, у которой была невыносимая блудная брань – такая, что она хотела бросить монастырь и уйти в мир. Ее старица поведала об этом Иоанникию Великому. Тогда он сказал монахине, которую одолевало искушение: «Чадо, положи свою руку на мою шею». Та положила, он помолился о том, чтобы ее блудная брань перешла на него, и почувствовал от брани такую муку, что стал искать смерти. Он не хотел покончить жизнь самоубийством, а искал того, чтобы его разорвал зверь. Нашел в пещере огромного спящего змея и стал будить его палкой, чтобы тот его проглотил. Через это прикосновение блудная брань перешла на змея, и он издох. А мы хотим больших искушений! Мы и малых-то не можем выдержать: хотя бы на муху не рассердиться, которая по комнате летает.

Это просто неразумно. Спаситель сказал в молитве «Отче наш», как относиться к искушениям: *Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого*[65]. Искушений нужно бояться и молиться, чтобы их избежать. А уж если Промысл Божий почему-либо их нам попустит, тогда, конечно, бороться. Не надо искать больших искушений и больших дарований. Вы думаете про дарования и не думаете о том, что могут быть и падения.

Лучше пусть у нас будут маленькие дарования с маленькими искушениями, чем большие искушения и большие падения.

Когда один подвижник спрашивал Варсонофия Великого, какие у того были искушения, святой старец сказал: «Твой слух этого не понесет, ты даже слышать не сможешь о том, что я выдержал». И рассказал ему только об одном: у него была такая брань, что он не мог принимать никакой пищи. Он вкушал кусочек хлеба или сухарь в день, а диавол внушал ему мысль, что он не нуждается в пище, и так устраивал, чтобы у него началась рвота и он изверг этот сухарь. Это продолжалось на протяжении многих дней. С одной стороны, немощь, истощение, с другой – как бы постоянная болезнь. Но Варсонофий Великий, тем не менее, не поддавался этому соблазну и продолжал вкушать установленную для себя норму пищи. У него было так много искушений, что даже рассказывать страшно.

Надо нам думать не о дарованиях, а о вечной жизни. А мы о ней совсем не думаем. Сама мысль о вечной жизни, о том, для чего мы живем и что нас ждет, – уже есть действие благодати. Мы еще не верим по-настоящему, а уже говорим о великих дарованиях.

Бывают люди с характерами тихими и спокойными, а бывают, напротив, с буйными и строптивыми. Сильно ли характер влияет на умное делание?

Человеку нерадивому и тихий характер не принесет пользы. А если человек с буйным характером начнет бороться с собой и понуждать себя изо всех сил, то он, поскольку приложил больше усилий к тому, чтобы победить свои страсти, может получить еще больше благодати, чем тот, кто от природы имеет спокойный нрав. Поэтому в конечном счете все зависит от произволения человека, а произволение на то и произволение, чтобы ни от чего не зависеть: ни от погоды, ни от воспитания, ни даже от характера. Бывали случаи, как мы знаем из церковной истории, когда страшные разбойники и убийцы каялись. А случалось и наоборот: люди добродетельные, воспитанные в христианских семьях, жили нерадиво и не получали от своего христианского воспитания никакой пользы.

Если добродетель дается человеку без труда, к примеру, я человек абсолютно нежадный, то она не засчитывается, так как если бы за нее пришлось много трудиться?

Да, это так, но это не значит, что нужно приучить себя к жадности и потом победить, чтобы это засчиталось. Если у тебя есть такая добродетель от природы, то и сохраняй ее, бойся ее потерять, потому что ее ведь и потерять можно. Но, конечно, больше получит человек награды, когда он борется со своими страстями. Хотя об этом думать не нужно, что больше я получу. Если я, допустим, очень страстный человек, то я же не буду превозноситься над человеком чистым, бесстрастным, потому что он от природы добрый и говорить: «Вот, ему легко, а вот я-то получу награду». Это же глупо было бы, так ведь? Мы боремся со страстями, не сравнивая себя с другими людьми.

Скажите, как проявляется духовное неофитство и что приобретается человеком, когда это проходит?

В самом понятии «неофитство» ничего плохого нет. Неофит – это новообращенный. Но в переносном, ироническом значении этого слова отражаются издержки неофитства, с которыми можно встретиться в наше время. Неофитство проявляется в том, что мы всех осуждаем, видим во всех, в священниках и окружающих нас людях, недостатки, и еще в том, что мы всё якобы знаем, то есть в нашей чрезмерной ревности. Самоуверенность – вот что такое неофитство в плохом смысле слова.

Мой духовник исцелил меня от одного из проявлений неофитства следующим образом. Я прочитал о канонических иконах, немного о них узнал, преимущественно внешнее, и везде говорил: «Вот это – каноническое, а это – не каноническое». А он был очень мирный, сдержанный человек, долго терпел всякие мои недостатки и редко меня обличал. Однажды он кормил меня у себя в келии. Открыл рыбные консервы и говорит мне: «Кушай, они канонические», хорошие, мол. И мне больше это слово не захотелось употреблять.

По какой причине перед исповедью бывает волнение, страх, неясное переживание? Ты сам не можешь понять,

почему это чувство возникает. Оно все нарастает, так что боишься и на исповедь идти, но не из-за того, что хочешь скрыть свои грехи.

Если человек не боится скрыть грехи, а просто со страхом идет на исповедь, то это, может быть, даже и хорошо. Это естественно, потому что, когда мы делаем ответственное дело, от которого зависит наша жизнь, мы переживаем. Я не вижу в этом ничего плохого. Если это волнение препятствует нам открывать грехи, а тем более вообще прибегать к исповеди, то это нехорошо. А волнение, которым сопровождается исповедь, мне кажется естественным. Естественно и волнение, которым сопровождается причащение.

Другое дело, когда волнение доходит до крайней степени: до экзальтации, до перевозбуждения. А когда все в меру и ты владеешь собой, тогда мне кажется, что это если и не что-то особенно хорошее, то просто естественное человеческое переживание события, которому мы придаем большое значение. Может быть, так волноваться отчасти и хорошо. Это признак того, что человек относится к исповеди серьезно.

О внешнем виде христианина

Из облака благодати в «кожаные ризы». – О скромности и приличии в мужском и женском внешнем виде. – О потомках Сифа и Каина. – Раздвоение между внутренним и внешним благообразием. – Христианское отношение к собственной внешности. – Внешний вид как проявление внутреннего состояния. – Внешний вид и ценности мира сего.

Сегодня мы поговорим о внешности человека. Многим, может быть, покажется, что эта тема не имеет никакого отношения к духовной жизни, но это не так. В начале приведу несколько примеров из Священного Писания и церковной истории, чтобы доказать, что наружный вид, и в частности одежда, имеет для нас большое значение.

По мнению преподобных Ефрема Сирина, Симеона Нового Богослова и других святых отцов, наши прародители, Адам и Ева, были одеты облаком благодати, подобно Спасителю, преобразившемуся на Фаворе, и были ослепительно прекрасны. Когда они лишились благодати, тогда увидели телесную, мужскую и женскую, сторону своей природы и устыдились. Когда наши прародители согрешили, то сразу почувствовали стыд и сделали себе опоясание из листьев.

По предположению некоторых богословов, Адам и Ева сделали себе опоясания из листьев именно того дерева, плод которого вкусили. (Преподобный Исидор Пелусиотский считает, что это была смоква.) Когда Господь явился Адаму и Еве после их падения, обличил их и изгнал из рая, то Он заменил сделанную ими весьма скудную одежду на другую. Ведь опоясание из смоковничных листьев – это просто нескромная набедренная повязка, как мы можем видеть, например, по документальным фильмам о некоторых современных нам диких племенах. Господь дал Адаму и Еве «кожаные ризы». Само наименование «кожаные ризы» говорит о том, что эта одежда была более скромной и прикрывала человека с бóльшим благообразием. Вот мы видим два вида одежды: изобретенную

людьми и данную Богом – и уже можем сделать некоторые выводы о том, что христианину подходит, а что нет.

В более поздние времена преподобному Пахомию Великому явился ангел в облике монаха, чтобы показать, как монахи должны одеваться. Монашеская одежда отчасти унаследована от апостольских времен, потому что апостолы, по мнению святого Дионисия Ареопагита, ученика апостола Павла, были монахами именно в том смысле, в каком мы понимаем монашество. Они уже носили некоторые одежды, дополнение к которым сделал ангел через Пахомия Великого. Кто после этого скажет, что внешность и одежда не имеют значения?

В церковных канонах также есть предписания о внешнем виде. Я зачитаю комментарий Матфея Властаря к 96-му правилу VI Вселенского собора, которое касается более всего внешнего вида мужчин: «Во Христа крещением облекшиеся дали обет подражать и во плоти житию Его и сохранять всякую невинность и целомудрие, а не прилепляться к вещественной суете и не украшать своего тела излишеством и мелочностью. Но что могло бы быть более излишним, как не то, чтобы об украшении волос на голове и бороде и красивом их расположении иметь заботу, а украшением всякой добродетелью внутреннего человека пренебрегать? Ибо апостол говорит: *Муж аще власы растит, бесчестие ему есть*[66]. И Моисей в Книге Левит говорит: *Не сотворите обстрижения кругом от влас глав ваших, ниже бриете брад ваших*[67]. Итак, правило повелевает сперва отечески наказывать делающих что-либо таковое, а упорных – отлучать. Таким же наказаниям подлежат и те, которые завивают волосы, чтобы быть кудрявыми, или красят их, или намачивают водой и сушат на солнце, чтобы сделать русыми, или делают их золотистыми, или стараются, чтобы они были густыми, или накладывают поддельные волосы, или бреют бороду, или выжигают длинные волосы на ней раскаленным черепком, или щипцами искусно вырывают некоторые волосы, устрояя сие для мнимого благоприличия, чтобы казалось, что у них едва начинает пробиваться первый пушок на бороде. Это ныне особенно, как бы некоторая зараза, распространилось между христианами»[68].

Речь идет о кокетстве, которое в то время имело место среди мужчин, но можно понимать это и более широко.

Конечно, и в этом тоже можно дойти до крайности и придавать большое значение вещам второстепенным. Вот, скажем, старообрядцы считали, что бритье бороды – это чуть ли не смертный грех. Ради того чтобы не брить бороду, они готовы были пойти на смерть. Однажды к святителю Димитрию Ростовскому подошли два христианина (известно, что в то время Петр I насильно заставлял брить бороды – так фанатично он был предан западным обычаям) и сказали, что готовы головы сложить за бороды. «Я, – говорит святитель Димитрий, – не нашелся в тот момент, что сказать из Священного Писания, и сказал им, что бороды у них еще вырастут, а головы, кроме как во Второе пришествие, не вырастут».

В первые века христианства к вере обращались многие из язычников, в частности римские воины. По обычаям своего времени они носили короткие стрижки, как это было принято у римлян, и имели бритые подбородки. Мы знаем, что святой Иоанн Воин и другие угодники Божии того времени изображены на иконах безбородыми. Почему? Потому что они не отступали от светских обычаев своего времени, но главное – скромность и приличие в одежде – сохраняли неизменным.

Апостол Павел в своих посланиях, рассуждая о том, как должны выглядеть христиане, в частности женщины, говорит: *Женщина, молящаяся или пророчествующая с непокрытой головой, постыжает свою голову*[69]. Даже женщина, которая обладает даром пророчества, то есть имеет необыкновенную благодать, о которой никто из нас и мечтать не должен, потому что это, по словам самого апостола Павла, высочайший дар, – даже такая женщина если пророчествует с непокрытой головой, то постыжает свою голову.

Апостол Петр говорит, что женщина должна украшаться не многоценными ризами, не плетением волос, но пребывать в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа[70]. В наше время весьма многие женщины, даже верующие, стригутся. А во времена апостола Павла это считалось необыкновенным позором. *Ибо, если жена не хочет покрываться, то пусть и*

стрижется; а если жене стыдно быть остриженной или обритой, пусть покрывается. Итак муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия; а жена есть слава мужа. Ибо не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа. Посему жена и должна иметь на голове своей знак власти над нею, для Ангелов[71]. Итак, видите, покрытая голова женщины – это знак для ангелов. Говорить, что это пустяк, значит спорить со Священным Писанием, спорить с апостолом Павлом.

Нужно сделать оговорку о том, что слова апостола: *Если муж растит волосы, то это бесчестье для него* – нельзя понимать буквально. Речь идет не о длинных волосах вообще, какие носят, например, современные священники и монахи. Ведь и сам апостол Павел, как говорится в Деяниях, остриг волосы в Кенхреях по обету. То есть прежде он их отрастил, дав временно обет назорейства, а потом остриг. Как знаток закона, он не мог не знать, что назорей обязан во время своего назорейства не стричься. И конечно же, он знал, что и Спаситель, и Иоанн Креститель были назореями и носили длинные волосы. Но в чем тогда апостол Павел обличает греков? В том, что они, отращивая волосы,брея подбородки или имитируя юношеский пушок, старались выглядеть женоподобно.

Тем, кто считает, что внешний вид не имеет никакого отношения к духовной жизни, я прочитаю еще один комментарий из «Алфавитной синтагмы» Матфея Властаря на 13-е правило Гангрского собора. Это правило «не оставило безнаказанными тех женщин, которые ради мнимого подвижничества вместо свойственной женщинам одежды одеваются в мужскую одежду, но подвергает сих анафеме. *Ибо кийждо*, – говорит апостол Павел, – *в звании, в нем же призван бысть, в том да пребывает*[72]. А мы знаем некоторых женщин, принявших сей вид ради истинного подвижничества, а не по лицемерию, которые совершили великие подвиги и достигли высоты добродетели»[73]. Итак, мы видим, что обычай этот – именно как обычай, а не как редчайшее исключение – осуждается.

Относительно обычая одеваться женщинам в мужскую одежду существует еще одно правило. Оно было принято в глубокой древности в связи с маскарадами, имевшими языческое происхождение. Но это не значит, что его нельзя отнести к обычаям нашего времени. «62-е правило VI Собора верным внимать эллинским обычаям почитает делом погибельным; ибо упоминает о календах, и вотах, и врумалиях и о других подобных праздниках, в которые у эллинов обыкновенно совершались обряды. … Запрещает правило и всенародные женские плясания, как возбуждающие к невоздержанию; а также мужчинам надевать женскую одежду или женщинам – одежду, свойственную мужчинам, как это делали на праздниках в честь Диониса; запрещает также надевать личины комические, употребляемые для осмеяния, или трагические, употребляемые для возбуждения сострадания и плача, или сатирические, употребляемые в честь Диониса сатирами и вакхами»[74].

Если мы снова обратимся к Адаму и Еве, то увидим, что их внешнее и внутреннее состояние до грехопадения было одинаково прекрасно. Когда же они пали и благодать от них отступила, то это соотношение изменилось. Одни люди – потомки Сифа – заботились исключительно о покаянии, о душе, и это отражалось на их внешности, хотя они и не думали о ней. Но, безусловно, внутреннее состояние обычно отражается на внешности человека, в особенности на его лице. Другие же люди старались внутреннее, нравственное свое уродство (хотя это и затасканная фраза, но очень точная) прикрыть внешним благообразием. Это были потомки Каина. Они стали заботиться о своем внешнем виде, о благоустройстве земной жизни, желая жить на земле как в раю, но без подлинного рая и без Бога (в этом их стремлении, кстати, можно увидеть корень человеческой цивилизации).

Каиниты, потомки Каина, весьма, в частности, заботились об одежде. Священное Писание сообщает о том, что сыны Божии, потомки Сифа, стали соблазняться дочерьми человеческими, потомками Каина. Почему же сыны Божии начали нарушать закон своего времени, унаследованный от

Сифа, а может быть, и от Адама, и вступать в брак с беззаконным племенем? Было бы странно предполагать, что у каинитов женщины были красивые, а у сифитов – некрасивые и неблагообразные. Я думаю, что причина этих браков была в том, что женщины из рода Каина умели себя украшать и вести себя соблазнительно. Их уловкам поддались потомки Сифа и смешались с каинитами, вступив с ними в беззаконные и запрещенные браки. Тем самым они навлекли на себя гнев Божий, потому что оставили уставы и законы своего рода и действительно из сынов Божиих стали богохульниками. Они попрали и изгнали из себя жившего в них Духа Святого и показали, как говорит Священное Писание, что *они плоть*, Духа не имущая[75].

Повторю, со времени грехопадения произошло раздвоение между внутренним и внешним благообразием. И сейчас все мы также стараемся прикрыть наше внутреннее безобразие внешним благообразием: одни хотят выглядеть соблазнительно, другие – солидно, третьи – привлекательно, то есть мы хотим произвести обманчивое впечатление. В связи с этим выработались не имеющие ничего общего с нравственностью манеры поведения, правила приличия и были созданы соответствующие виды одежды.

Часто бывает, что иные совершенно незаслуженно наследуют красивую внешность от своих родителей, но при этом не имеют нравственных, духовных наклонностей и зачастую развращаются до того, что их безнравственность отражается на лице. Правда, эти люди пытаются скрыть свое внутреннее уродство, и иногда весьма удачно. А бывает, что люди, весьма духовные, чистые или хотя бы стремящиеся к чистоте, имеют неблагообразный вид, но благодаря покаянной жизни так меняются, что их внутреннее благообразие отражается на лице. Человек будто преображается, хотя его наружность, например строение носа, остается неизменной. Преподобный старец Силуан говорит, что люди, живущие греховно, даже внешне уподобляются нашему врагу, а живущие богоугодно – уподобляются Господу.

Здесь уместно вспомнить святоотеческое толкование нескольких евангельских событий. Когда на Тайной вечери ученики причастились Тела и Крови Христовых, то, по мнению некоторых святых отцов, ученики Спасителя стали христоподобными. Черты их лиц не изменились, но единение со Христом, благодать, которая в них действовала, настолько уподобила их Христу, что люди, пришедшие арестовывать Спасителя, не могли различить, кто из них Христос. Поэтому и понадобился поцелуй Иуды. Только Иуда, который несколько лет жил рядом со Спасителем, мог отличить Его от учеников. Для других это не представлялось возможным: перед ними стояло множество Христов.

Итак, каким же образом нам надо относиться к собственной внешности? По-христиански.

Многие люди, в особенности женщины, стараются быть привлекательными. А я приведу противоположный, чисто христианский пример. Мученика Христофора изображают на иконах (правда, неканонических) со звериной головой. Поначалу такая икона казалась мне странной, чуть ли не тождественной древнеегипетским изображениям, на которых боги предстают в виде людей со звериными и птичьими головами. Но когда я прочитал житие этого святого, то понял, в чем дело. Мученик Христофор имел необыкновенно красивую внешность, которой он поневоле соблазнял лиц противоположного пола. Он помолился, чтобы Господь дал ему несоблазнительную внешность, и его облик стал звероподобным. Это произошло не потому, что изменились черты его лица, но в глазах других людей он так переменился – ведь Господь все может, – что, глядя на его человеческое лицо, они видели звериный лик. Вот к чему стремились люди, чтобы друг друга не соблазнять! Вот как они заботились не только о своей чистоте, но и о чистоте других и не хотели никому даже нечаянно нанести вред.

Некий подвижник странствовал по пустыне со своим учеником. Они пришли к пещере, в которой увидели согбенного старца. Беседуя с ним, они внезапно обнаружили, что это был не старец, а старица. Эта женщина оставила мир из-за своей необыкновенной привлекательности. Она была чтицей псалмов

в храме, кажется, святого Марка в Александрии, и многие люди обращали внимание на ее внешность. Ее очень смущало то, что она причиняет им вред, поэтому она оставила место своего служения и удалилась в пустыню, взяв с собой только горшок каши и кувшин воды. Она уединилась в пещере, и Господь устроил так, что в этом горшке никогда не иссякала каша, а в кувшине – вода. В пещере она провела около пятнадцати лет, а может быть, и больше. Пустынники, услышав эту поучительную историю, удалились. А когда они возвращались из своего странствования, то увидели, что старица уже умерла, и поняли, что перед самой смертью этой угодницы Божией им был открыт ее подвиг для того, чтобы память о ней не исчезла и чтобы они предали ее тело христианскому погребению.

Известен еще один потрясающий случай, он описан в книге Иоанна Мосха «Луг духовный». Некая монахиня жила уединенно в своем доме. По диавольскому наваждению некий юноша воспылал к ней страстью. Видеть ее он мог лишь тогда, когда она ходила в храм для молитвы, остальное время она пребывала в затворе. Юноша подстерегал ее, оказывал знаки внимания, нашептывал бесстыдные слова. Однажды монахиня призвала его к себе. Он обрадовался, подумав, что добился желаемого, и немедленно пришел. Она спросила юношу: «Что ты нашел во мне привлекательного?» Он ответил: «У тебя чудные глаза». Тогда она взяла тут же лежавший гребень и вырвала свои глаза. Это так потрясло юношу, что он оставил мир, ушел в пустыню и окончил там свои дни в покаянии.

Эта женщина, сердце которой было чисто от всякой страсти, думала не только о себе, но и о юноше, и не хотела даже поневоле послужить для него орудием диавола. Конечно, это не значит, что мы обязаны вести себя так же, как эти люди. Это исключительные случаи. Но подобный дух должен быть и в нас.

Внешность человека может в каком-то смысле послужить средством для его спасения, а может стать для него камнем преткновения, соблазном. Если кто-то смиряется со своей неприглядной внешностью, ведет себя скромно, не пытается быть красивее, чем его создал Бог, то и из весьма скромной внешности он может извлечь пользу. Если же человек не хочет

примириться с неказистой внешностью и всячески пытается изменить себя с помощью одежды, косметики, а иногда даже пластической операции, то он отгоняет от себя благодать Божию и ведет себя не по-христиански – и по духу, и по сути. Такой человек не только причиняет себе вред, но и выглядит смешным в глазах окружающих.

У святителя Игнатия (Брянчанинова) есть прекрасные рассуждения о монашеской одежде. Он говорит о том, что одежда монаха должна быть такой, чтобы она не выделялась ни роскошью, ни чрезмерной бедностью и чтобы он ни тем, ни другим не соблазнял людей, то есть не подталкивал их к осуждению за роскошь или за показную нищету своего одеяния. Нужно выбирать нечто среднее, то, что соответствует положению того или иного монастыря. Этим советом могут руководствоваться и миряне. Они должны стараться выглядеть соответственно своему положению в обществе, не уклоняясь ни в чрезмерную роскошь, ни в убожество, ибо и это может показаться людям предосудительным.

Надо стараться выглядеть по-христиански. Я сейчас не говорю о древних канонах. Конечно, если подходить строго, то все мужчины должны были бы носить бороды, а женщины иметь только длинные волосы. Но я не хочу предъявлять такие строгие требования и заставлять женщин смущаться из-за своих коротких стрижек. Да и у мужчин не всегда хватит мужества быть принципиальными в таких мелочах. Это и не очень важно, главное – в сути. А суть эта состоит в том, чтобы быть скромным, смиренным, чтобы думать о своем внутреннем состоянии и пренебрегать внешним видом в том смысле, в каком им нужно пренебрегать, и быть внимательным к нему в том смысле, в каком необходимо быть к нему внимательным. Но не лукавить. А то иные так «пренебрегают внешним видом», что совершенно не заботятся о скромности одежды. Когда упрекаешь некоторых женщин в том, что они слишком смело одеты, то они говорят, что у них нет другого платья. Однако никакая женщина не надела бы вместо платья залатанный рабочий халат и не сказала бы: «У меня нет другого наряда, поэтому я хожу в залатанном халате». А вот допустить

нескромность в одежде под предлогом, что другой одежды нет, можно. Перекос всегда именно в эту сторону получается.

Необходимо быть внимательным к одежде, не выходить за пределы скромности. Я не буду ничего говорить от себя, чтобы вы не считали меня фанатиком. Святитель Тихон Задонский, рассуждая о внешности женщин, обличает самых нескромных из них: «Ты обнажаешь руки почти до локтя и этим соблазняешь юношей». И напоминает евангельские слова: *Горе тому, кто соблазнит одного из малых сих*. Для святителя Тихона обнаженная по локоть рука была уже большим соблазном. А в наше время обнажают руки до локтя только самые скромные женщины. О том, что обнажают нескромные женщины, стыдно и смешно говорить. Времена меняются не в пользу стыдливости. Спаситель сказал: *По причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь*[76]. И она действительно охладевает – и в нас всех тоже.

Конечно же, важна не одна только внешность. Если женщина покрыла голову косынкой, то это не означает, что она уже исполнила все заповеди и не должна больше думать, например, о любви к ближнему – иначе она, как говорит Евангелие, отцеживает комара и поглощает верблюда[77]. И все-таки внешностью пренебрегать не нужно.

Внутреннее состояние обязательно отражается на внешности человека и проявляется не только в выражении его лица, но и в одежде. Тот, кто думает о духовной жизни, о спасении души, не старается выглядеть щеголевато или соблазнительно. Он стремится выглядеть так, чтобы на него по возможности никто не обращал внимания, потому что хочет быть совершенно спокойным. Человек, стремящийся к внутренней жизни, конечно же, стремится к некоторой независимости от других, свободе, а выражается это в смирении, в том, что он ищет незаметного положения. А человек, который хочет чем-то выделиться, не может нелицемерно утверждать, что он заботится о спасении своей души. Может, он и заботится, но не забывает при этом оставаться на высоте положения в самом прямом смысле, то есть привлекать к себе внимание. И если применить к такому

человеку слова Спасителя: *По плодам их узнаете их*[78], то станет видно, чтó на самом деле заботит этого человека. Такой человек пусть не дерзает утверждать, что главное для него – внутреннее состояние, а внешний вид не имеет никакого значения.

Внешний вид, за редчайшим исключением, хотим мы этого или не хотим, – это непроизвольное проявление внутреннего состояния человека, если, конечно, мы не Христа ради юродивые, которые напускали на себя вид безумия, некоторые даже ходили нагими, но это был вызов. А мы не имеем на это никакого права и никакой духовной силы.

* * *

Многие святые отцы пишут о том, что наше внутреннее состояние зависит от внешнего поведения. Что это значит?

Если человек ведет себя развязно, резко, то это отражается и на его душе, и на молитве. И наоборот, если он ведет себя собранно, сосредоточенно, то это тоже отразится не только на его лице, но даже и в жестах. Он не будет совершать резких движений, не будет безудержно смеяться. Если не сразу, то, может быть, постепенно внутреннее состояние переменит его манеры.

Можно действовать и наоборот, то есть заставить себя внешне вести себя скромно, и постепенно, конечно при понуждении себя к молитве, это отразится и на внутреннем состоянии.

Взирая на пример подвижников, научимся вести себя прилично, научимся выглядеть скромно, будем следить за этим, и вдруг незаметно, глядишь, и появится умиление в молитве, ревность, внимание. Мы даже и не поймем от чего. А это просто оттого, что мы не кричим, не машем руками, не стараемся привлечь к себе внимание особенной одеждой. И ради этого наш ум собирается внутри самого себя. Внешнее, повторю, связано с внутренним. И наоборот, внутреннее проявляется вовне.

Какова роль золота и позолоты в убранстве церкви? Золото кажется ценностью мира сего, не более.

Золото, конечно, ценность мира сего, но в то же время оно имеет некоторую эстетическую ценность. Золото по внешнему виду напоминает свет. И в иконах, и в церковном убранстве оно символизирует Божественный свет, присутствие Божественной благодати.

Одно дело, когда мы земное благолепие употребляем для того, чтобы украсить самих себя, как сказано в псалмах: *Дщери их преукрашены яко подобие храма*[79]. Украшать своих дочерей, как будто бы это храм, конечно же, нехорошо. Но другое дело, когда мы земную роскошь употребляем на убранство церкви и создаем для людей немощных – а мы все немощные – ощущение великолепия, Божественного присутствия. Это помогает людям сосредоточиться, собраться и почувствовать, что они пришли в особенное место – в место, где является слава Божия.

Конечно, некоторые древние подвижники столь любили смирение, нищету, убожество, что даже и храмы у них имели очень скромное убранство. Это были так называемые исихасты, пустынники. Они хотели, чтобы ничто не напоминало им о роскоши, чтобы ничто не отвлекало их от внутреннего, сосредоточенного состояния. Но разве мы такие? Если нас ничто не будет отвлекать от внутреннего состояния, то мы начнем мечтать о чем-то постороннем. А церковное великолепие привлекает наше внимание, заставляет забыть о том, что было вне храма, и молиться, внимать службе. Все, что происходит в церкви, заставляет человека отвлечься от земного. В том числе и богатое убранство.

Когда император Юстиниан Великий построил потрясающий по сей день своим великолепием храм Святой Софии в Константинополе, то воскликнул: «Я превзошел тебя, Соломон!» Соломон, как вы знаете, построил знаменитый храм в Иерусалиме; и когда священники должны были войти в него, то слава Божия в виде облака переполнила храм и они не могли зайти внутрь. Явно, что это великолепие было угодно Богу. А если нам кажется, что золото не нужно тратить на храм, а лучше его употребить на служение бедным, то не напоминаем ли мы учеников Спасителя, которые, видя, что женщина возлила Ему

на голову миро, говорили: *К чему сия трата мира? Ибо можно было бы продать его более, нежели за триста динариев, и раздать нищим*[80]*?* Спаситель сказал им, что не следует укорять эту женщину и что во всем мире будет возвещено о том, что она сделала. И поэтому люди, которые украшают храмы и как будто бы напрасно тратят средства, подобны той женщине и на самом деле служат Самому Господу, Самому Спасителю.

Иногда человек говорит сердито, а глаза у него добрые. Я думаю, что через глаза можно увидеть внутреннее состояние человека. Так ли это?

Я думаю, что по глазам человека можно судить, в лучшем случае, о его здоровье. Есть такой метод распознавания болезней – иридодиагностика. Я, например, ни по глазам, ни по выражению лица ничего определить не могу. Но я знаю, что чужая душа – потемки и что, пока с человеком пуд соли не съешь, ты его не узнаешь.

У моего духовника, Царство ему Небесное, глаза были желтые, мутные. Тот, кто его не знал, мог подумать, что он выпивал. А это был преисполненный любви, добрый и очень смиренный человек, молитвенник. Настоящий монах, каких сейчас весьма немного, воспитанник Глинской пустыни. А у других людей могут быть светлые, прекрасные глаза, но это говорит только о том, что у них красивые глаза, и больше ни о чем.

Иногда посмотришь, и кажется, что перед тобой самый простодушный человек, а на деле он лукавый. Вот у человека глаза добрые – а он злодей с добрыми глазами. Если нос крючком, скажут: «Он злой», если картошкой, скажут: «Какой он добрый, простой!» Это же несерьезно. Мы детских сказок насмотрелись – у бабы-яги нос крючком, значит, она злая. У Иванушки-дурачка нос картошкой, значит, он добрый.

Если замужним женщинам грех ходить с непокрытой головой, то девушкам грех ли так делать?

Скромность украшает человека. И если девушка будет ходить с покрытой головой, то ей хуже не будет. В храме, по крайней мере, обязательно нужно быть с покрытой головой. А вне храма можно предоставить себе свободу (сейчас такие

обычаи, что иногда на работе или в каком-то обществе это не всегда уместно). Конечно, ревность похвальна, но должно быть и рассуждение. Если у человека хватает мужества, невзирая ни на кого и ни на что, вести себя как подобает христианину и в великом и в малом, то это прекрасно. А если по какой-то причине он считает для себя извинительным отступление от строгих внешних требований, то, я думаю, не нужно особенно строго его судить.

С каких пор священники вне храма стали ходить в мирской одежде?

При советской власти священникам в рясе просто запрещали ходить, кроме того, подвергали всякому осмеянию, могли быть неприятности по службе и даже запрещение в священнослужении. Поэтому, чтобы не вызывать на себя лишние нападки из-за такого, в общем-то, не самого важного дела, священники стали носить мирскую одежду.

Стремление похудеть или, наоборот, поправиться – греховно?

Если оно связано со здоровьем, имеет какие-то разумные пределы и не противоречит церковным правилам, то оно извинительно. А если человек так хочет поправиться, что нарушает посты или просто предается чревоугодию, то это, конечно, грешно.

Многое зависит от цели. Если девушка ради фигуры готова и похудеть, и поправиться, и принимать любые лекарства, и заболеть любой болезнью, – например, многие от неразумной диеты приобретают болезни печени, – то это явный грех, ибо цель этого – быть соблазнительной.

Не предосудительно ли носить черные очки?

В этом обычае нет ничего явно греховного. В разные времена люди использовали разные виды одежды и то, что сейчас для нас совершенно невозможно, в древности считалось само собой разумеющимся. Например, если бы мы сейчас увидели мужчину в юбке, то сказали бы, что он ходит в женской одежде. А в античности мужская одежда от женской отличалась не штанами – штаны стали носить довольно поздно, заимствовав их от варваров-скифов. Тем не менее мужская

одежда отличалась от женской. Сейчас суть дела осталась: мужчина должен носить одежду мужскую, а женщины – женскую, как это сказано в Ветхом Завете и подтверждено церковными правилами, а внешнее ее выражение поменялось. Вот, например, в Китае, насколько мне известно, женщины традиционно ходят в брюках. Там уже как-то иначе это нужно применять. Не все так арифметически просто. И поэтому думаю, что черные очки не имеют в себе ничего предосудительного.

Я работаю в центре пластической хирургии, ухаживаю за больными. В мои обязанности входит поддерживать их морально, отвечать на бесконечные вопросы: «А как бы еще лучше себя изменить?» Хотя мне жалко этих людей, но часто «мутит» от их рассуждений, а молчать я не могу. Начальник уже делает мне замечания, что я не люблю больных, не поддерживаю их. Как правильно себя вести в этом случае?

Мы часто работаем в подобных местах, чтобы заработать кусок хлеба. Редко кто находит такую работу, которая еще и для души полезна, приходится с этим смиряться. Найти такой род деятельности, при котором человек имел бы совершенно чистую совесть, очень трудно. Лишь бы не пришлось участвовать в чем-то страшном.

Я думаю, что для медсестры сказать больному: «Все будет хорошо», даже если он делает глупость, решаясь на пластическую операцию, большого греха нет. Просто помочь человеку, который, скажем так, травмирован – пусть даже по своей вине. Не надо его убеждать: «Зачем ты меняешь свою внешность? Это все глупо и не нужно». Иначе начальство будет тебя ругать, что ты клиентов отгоняешь.

Так что здесь приходится идти на какой-то компромисс. Если бы я относился к этому чересчур строго, что бы вышло? Я бы, допустим, сейчас потребовал от вас: «Все увольняйтесь со своих предприятий», а потом вы пришли бы ко мне и сказали: «Отец Авраам, дайте нам работу или кормите наши семьи». И что бы я ответил? «А я ничего не знаю. Мое дело сказать, что вы плохо поступаете, а что вам делать дальше, меня не интересует». Но ведь если я беру на себя такую моральную

ответственность, значит, я должен потом сказать людям, что же им делать: где им найти такую работу, чтобы они могли жить по совести и одновременно кормить свои семьи. Я этого сделать не могу. Поэтому я, давая советы, вынужден сохранять какой-то здравый смысл и не предъявлять чересчур жестких требований там, где их невозможно исполнить.

И в данном случае тоже надо пойти на компромисс: проявить к больным просто человеческое сочувствие, – а о том, где им что прирастить, а где отрезать, можно, я думаю, не рассуждать.

Иногда после причастия или в других случаях кажется, что лицо у некоторых людей словно просветляется, становится более приятным или, наоборот, кажется мрачным, отталкивающим. Значит, действие благодати отражается и на внешности человека?

Я бы не советовал слишком вглядываться в лица, потому что это опасно – можно ошибиться. Ты думаешь о человеке с мрачным лицом, что у него благодати нет, а у него просто печень болит, или, может быть, его бессонница всю ночь мучила, или ревматизм, или еще что-нибудь, и он еле-еле службу выстоял.

Хотя бывает, конечно, что лицо причастившегося человека просветляется, становится приятным и так далее. Но лучше нам в такие явления не вникать. Пусть для нас все лица будут приятными, прекрасными, и мы не будем делать различия между людьми. Иначе можно впасть в мнительность и начать судить людей не только по явным признакам и поступкам, но выдумать еще и дополнительные признаки. Это уже чересчур! Нужно в этом отношении быть очень осторожным.

Если у человека лицо часто меняется от чувств и мыслей, это плохо или нет?

Когда человек не умеет скрывать свои мысли и чувства – это признак простоты. Простота – это и не хорошо, и не плохо. Она хороша тогда, когда у человека чистая и светлая душа, когда он добродетельный, тогда его добродетель благодаря простоте обнаруживается сразу. А когда человек злой, то простота делает его невыносимым: только придет ему в голову

какая-нибудь плохая мысль о ближнем – он тут же ее высказывает, разозлится на кого-нибудь – тут же его выругает. Такие люди невыносимы, с ними почти невозможно общаться.

Кроме того, такой человек может быть просто неуравновешенным. Наверное, не очень хорошо, когда человек то смеется, то плачет, то ругается, то умиляется – это подозрительно.

Если облик человека изменился вследствие полученной травмы – рубцы, искривления, не причиняющие физической боли, в этом случае тоже погрешительно прибегнуть к пластической операции?

Я думаю, что в данном случае сделать операцию можно. Не у всякого человека хватит смирения ходить с изуродованной внешностью. К тому же наружность в результате травмы может оказаться такой страшной, что людям будет тяжело видеть настолько изуродованного человека. Если есть возможность, то в данном случае, конечно, можно свою внешность исправить или посоветовать такому человеку, чтобы он занялся этим.

Некоторые женщины, как повествуют жития святых, постригались и уходили в мужской монастырь. Они не постыжали свою голову?

Это особенные случаи, исключительные. У святых жен этому поступку были причины: они скрывались от людей, желавших извлечь их из монастыря. Стремясь к монашеству, они вынуждены были подвизаться в мужском облике.

Так поступили преподобная Феодора, преподобная Марина, скрывавшаяся под мужским именем Ма́рин… Таких женщин было не очень много. Была еще преподобная Досифея, которая благословила Серафима Саровского на иночество. Она была девицей дворянского звания, но подвизалась в мужском облике под Киевом. При Екатерине II все пустынножители были запрещены, и ей пришлось переселиться в монастырь. А поскольку все видели ее достойную жизнь, то решили рукоположить ее в иеродиаконы, хотя она была уже в преклонном возрасте. Но это было невозможно. Тогда она стала юродствовать, притворяться безумной – и рукоположение отложили.

Допустимо ли для церковного чтеца выражать свои чувства голосом и интонацией?

Я думаю, что для рядового чтеца это недопустимо. Одно дело, когда отец Иоанн Кронштадтский позволял себе при чтении выражать свои духовные чувства, и другое – когда рядовой чтец начинает навязывать свои малодуховные чувства всем присутствующим, читая еще и с ошибками. Он так выражает сочувствие чему-нибудь, что даже переделает все! Я думаю, что с этим нужно быть очень осторожным.

Есть два церковных обычая. Один из них в настоящее время принят у нас почти повсюду – читать ровно на одной ноте. Другой обычай, более древний, но вышедший сейчас из употребления, – это чтение с какой-то простой мелодией, погласица. Погласица – это то настроение, с которым Устав церковный допускает читать те или иные богослужебные тексты. А навязывать личное не нужно.

Бросаю взгляд на человека и обсуждаю в помыслах его внешность. Смущаюсь от этого, как мне себя вести?

Лучше всего молиться с той целью, чтобы не рассматривать человека, сохранять воздержание глаз. Тогда не будет повода и оценивать то, как он выглядит – красивый он или некрасивый, умное у него выражение лица или глупое. Нужно молиться, чтобы хранить глаза, научиться смотреть в землю, отводить глаза от всего соблазнительного.

Преподобный Зосима (Верховский), например, такую имел ревность в этом отношении, что когда он был в Петербурге по делам монастыря и его соблазнял вид красивых дам, то он так скашивал глаза, что у него мутнело в них и он не видел, кто перед ним находится.

Нам кажется, что это выглядит глупо, мы все хотим казаться умными, бесстрастными, поэтому делаем вид, что нам все равно, лицо и глаза у нас спокойные, а внутри все кипит. Отец Зосима же не боялся явиться перед другими в смешном виде, боролся с собой и достиг на самом деле полного бесстрастия.

Почему Спаситель заповедовал Своим ученикам не носить двух одежд? Сохраняется ли действие благодати

или благословения на одежде?

В то время, когда Спаситель был с учениками и когда они проповедовали иудеям, которые были знакомы с нравственным законом и должны были заботиться о проповедниках, можно было не брать одежды и не иметь никаких денег. Апостолы были как бы среди своих. Это все равно что в наше время кто-то стал бы среди христиан проповедовать, чтобы они покаялись и вернулись к тому образу жизни, какой должны вести.

Когда же иудеи окончательно не приняли новозаветную проповедь и Спаситель вознесением Своим покинул этот мир, то апостолы уже должны были проповедовать по всему миру. Поэтому строгие предписания о том, чтобы совершенно ни о чем не заботиться, уже были неисполнимы. Так или иначе, они должны были иметь деньги, запас пищи. Хотя в конечном счете апостолы все равно ни о чем не заботились, а полагались на волю Божию. Но минимальная забота о себе и о тех, которые с ними трудились на ниве Божией, уже стала необходима. Об этом Спаситель сказал им перед Своими страданиями.

Сохраняется ли действие благодати на одежде? Конечно. Одежды святых духоносных людей становятся святыней. Люди, прикасаясь к краю одежды апостола Петра, исцелялись. Повязки от пота, которые апостол Павел носил на лбу, возлагаемые на других людей, исцеляли их. Ясно, что одежды этих апостолов сохраняли на себе благодать.

Да и мы поклоняемся сейчас одеждам Спасителя и Божией Матери и даже некоторых подвижников. Например, у нас есть празднования в честь хитона Спасителя, в честь положения честных ризы и пояса Богородицы. Есть праздник поклонения веригам апостола Петра. Это те цепи, которые чудесным образом с него спали. Сохранились вериги великомученика Георгия Победоносца, которым мы также поклоняемся, как и его мощам. Поклонялись бы и одеждам, если бы они дошли до нас. Конечно, одежды сохраняют благодать – но не мои и не ваши, а великих подвижников, изобиловавших благодатью.

Пост как основание всех добродетелей

Священное Писание о необходимости поста. – Пример постных подвигов Иоанна Крестителя и Господа нашего Иисуса Христа. – Воздержание в пище как признак истинных учеников Христа. – Воздержание есть плод духовный. – Пост и духовные добродетели. – Пост должен идти рука об руку с рассуждением. – Можно ли мирянам не есть мясное? – «Будем есть рыбу, но не будем есть рыбака». – Должны ли дети поститься?

Мы продолжаем беседы о добродетелях и сегодня поговорим о необходимости поста.

Как известно, фарисеи пренебрегали духовной жизнью и вниманием к себе, заботились только о соблюдении предписаний Моисеева закона, в частности о том, чтобы не вкушать пищу неумытыми руками. Обличая их, Спаситель сказал: *Слушайте и разумейте! не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека*[81]. Толкуя эти слова превратно, многие делают такой вывод: можно есть все, что угодно, это человека не оскверняет.

Однако далее в Евангелии этим словам дается объяснение: *Еще ли не понимаете,* – говорит Спаситель, – *что все, входящее в уста, проходит в чрево и извергается вон? а исходящее из уст – из сердца исходит – сие оскверняет человека, ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления – это оскверняет человека; а есть неумытыми руками – не оскверняет человека*[82]. Здесь говорится об обычае того времени не вкушать пищу немытыми руками. И в наше время есть такой обычай, но мы следуем ему только ради здоровья, а в древности иудеи придавали мытью рук некоторое мистическое значение: они считали, что неисполнение этого предписания оскверняет душу.

Мы знаем, что Предтеча Господа, Иоанн Креститель, *имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, а пищею его были акриды и дикий мед*[83]. Последний пророк Ветхого Завета и первый пророк Нового Завета,

величайший из всех рожденных женщинами, как сказал о нем Сам Спаситель, – был необыкновенным, строжайшим постником. Он вкушал такую пищу, которая у нас может вызывать даже отвращение: ел насекомых. (Моисеев закон разрешал употреблять в пищу саранчу.) И при этом мы нигде не видим, чтобы Спаситель упрекал Иоанна Крестителя в том, что тот подвизается чересчур строго. Наоборот, Он восхвалял его и, между прочим, говорил так: *Пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: в нем бес. Пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам*[84]. Спаситель указывал на чрезвычайный подвиг Иоанна Крестителя как на один из способов привлечь людей к покаянию, в данном случае строгостью и ревностью.

Сам Господь наш Иисус Христос, перед тем как выйти на проповедь, также необыкновенно строго постился. Сразу после крещения *Иисус возведен был Духом в пустыню для искушения от диавола и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал*[85]. Сорок дней и ночей Спаситель не только не вкушал никакой пищи, но и не пил воды. Нам это, может быть, кажется невозможным, но из церковной истории мы знаем, что некоторые подвижники, правда весьма немногие, повторили этот подвиг Господа Иисуса Христа. Например, преподобный Симеон Столпник более восьмидесяти лет провел в подвиге столпничества. Он стоял на высокой башне – именно стоял, – день и ночь молясь. Когда он в Великий пост ничего не ел и не пил, то первые двадцать дней стоял, а остальное время от изнеможения сидел, но пост не нарушил. Возле него были хлеб и вода, которые он взял, как говорится, на всякий случай, но он к ним не притронулся. Отсюда, между прочим, можно сделать вывод, что он чувствовал большую пользу от такого поста, если не оставлял его несмотря на необыкновенное телесное ослабление. При этом в обычное время, которое мы называем мясоедом, он вкушал пищу только по воскресеньям.

И если при помощи благодати Божией такой строгий подвиг возможен для людей, то тем более он был возможен для Господа Иисуса Христа. Итак, если Спаситель подготовил себя к подвигу проповеди таким строжайшим постом, то никто после

этого не может говорить, что Господь будто бы пренебрегал постом и не придавал ему никакого значения. Те, кто так думает, проповедуют ложную свободу. Апостол Павел говорит: *К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти*[86]. Господь даровал нам свободу для того, чтобы мы проявили к Нему больше любви, больше ревности, чем требовал Моисеев закон, а не для того, чтобы мы, воспользовавшись этой свободой, впали в нерадение, как часто это у нас бывает.

Господь разрешил вкушение всякой пищи, но в тоже время призвал и к посту. В Новом Завете верующим было разрешено многое из того, что было запрещено в Ветхом, но, несмотря на это, мы видим, что многие и многие подвижники христианского времени совершали необыкновенно строгие постные подвиги. Например, так называемые воски – подвижники, жившие в Сирии, – питались только растениями. Они носили при себе серпы, выкапывали ими корни, скашивали траву и этим питались на протяжении многих лет. Вот пример свободы истинно христианской, которую люди употребляют для того, чтобы усугубить подвиг, придумать новые способы угождения Богу, а не наоборот, чтобы впасть в нерадение и саможаление под предлогом того, что Бог есть любовь.

Приведу еще одно евангельское повествование: *В то время проходил Иисус в субботу засеянными полями; ученики же Его взалкали и начали срывать колосья и есть. Фарисеи, увидевши это, сказали Ему: вот, ученики Твои делают, чего не должно делать в субботу. Он же сказал им: разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? Как он вошел в дом Божий и ел хлебы предложения, которых не должно было есть ни ему, ни бывшим с ним, а только одним священникам?*[87]. Многие, желая оправдать свое нерадение в отношении поста и не понимая, какое значение имеет он для христианской жизни, пользуются этим изречением Спасителя для того, чтобы показать доброту Господа: если ты хочешь есть, то можешь нарушить пост. Однако в этом случае не было никакого нарушения поста. Поведение учеников не

считалось и воровством, потому что Моисеев закон разрешал тем, кто проходит через сады, виноградники или поля, вкушать то, что там растет, только нельзя было ничего из этого брать с собой. И в этом смысле закон Моисеев был даже более человеколюбивым, чем наши современные взгляды на этот счет. Ученики ели то, что дозволялось. А фарисеи придрались именно к нарушению субботы.

Теперь я хочу привести слова Господа о необходимости поста и о том, что воздержание в пище и пост будут признаком Его истинных учеников впоследствии, после Его вознесения. *Иисус вышел и увидел мытаря, именем Левия, сидящего у сбора пошлин, и говорит ему: следуй за Мною. И он, оставив все, встал и последовал за Ним. И сделал для Него Левий в доме своем большое угощение; и там было множество мытарей и других, которые возлежали с ними. Книжники же и фарисеи роптали и говорили ученикам Его: зачем вы едите и пьете с мытарями и грешниками? Иисус же сказал им в ответ: не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию*[88]. Рассмотрим смысл этих слов Спасителя. Он ел и пил не потому, что считал воздержание в пище неважным, а потому, что желал оказаться вместе с «больными», то есть теми людьми, которые не соблюдали заповедей. Христос делал это из любви к ближним. Однако имеем ли мы право подражать в этом Спасителю? Настолько ли мы бесстрастные, чистые, святые и, главное, действительно ли в нас есть такая любовь, что мы ради ближних могли бы нарушать общепринятые правила, в данном случае воздержание в пище? Не будет ли для нас это только предлогом, оправдывающим наше нерадение? По большей части нам совершенно безразлично спасение наших ближних, с которыми мы едим скоромное под предлогом того, что оказываем им любовь. Для нас имеет значение только одно: лишь бы они на нас не рассердились, не обиделись. Спаситель говорит: *Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию*. Когда же мы едим скоромное, допустим с нашими родственниками, чтобы они на

нас не обиделись, разве мы думаем о покаянии? Нет, мы угождаем своей плоти.

Подобно Спасителю поступали и апостолы. Когда они путешествовали и проповедовали, они вкушали все, что им предлагали. Но они были и подвижниками. Так, апостол Павел, перечисляя свои скорби, подвиги ради Христа, говорит между прочим, что он часто пребывает в посте. Если для того, чтобы войти с людьми в близкое общение и таким образом беспрепятственно проповедовать им учение о спасении и покаянии, он вкушал всякую пищу, то в другое время, когда он был свободен от этих апостольских обязанностей, он пребывал в подвигах. Мы знаем из житий других апостолов, что они также часто уединялись, предавались строгому посту и молитве и таким образом духовно отдыхали от апостольских трудов.

Христос постоянно находился среди людей, Он не пренебрегал ни богатыми, ни бедными, ни фарисеями, ни мытарями, ни людьми, которые казались праведными, ни явными грешниками. И если бы Он соблюдал строгие правила в отношении пищи, то это бы стало большим препятствием в Его служении проповедника и пророка. Вот как можно объяснить «пренебрежение» постом Господа Иисуса Христа и Его учеников в то время, когда они пребывали с Ним.

Книжники же и фарисеи роптали и говорили ученикам Его: зачем вы едите и пьете с мытарями и грешниками? Иисус же сказал им в ответ: не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию. Они же сказали Ему: почему ученики Иоанновы постятся часто и молитвы творят, также и фарисейские, а Твои едят и пьют?[89]**. Здесь звучит уже прямой упрек в нарушении поста. Мы не знаем точно, но можем предположить, что ученики Иоанна Крестителя в подражание своему учителю вкушали чрезвычайно скудную пищу. Что касается фарисеев, то известно, что они постились два раза в неделю (ревностные иудеи и сейчас соблюдают такой пост). Фарисеи вспомнили про учеников**

Иоанновых, которых на самом деле не любили, но упомянули их для того, чтобы лишний раз упрекнуть учеников Спасителя и не противопоставить одних себя открыто ученикам Спасителя.

Он сказал им: можете ли заставить сынов чертога брачного поститься, когда с ними жених?[90]**. Господь Иисус Христос здесь намекает на то, что Он есть тот самый Небесный Жених душ и сердец, которого ждет каждый человек.** *Сыны чертога брачного* – это, видимо, друзья жениха, которые не могут во время брачного пира воздерживаться в пище, потому что преисполнены необыкновенной, обильной радости. Подобно этому невозможны были воздержание в пище и прочие телесные подвиги, когда с учениками был Небесный Жених, общаясь с Которым они испытывали необыкновенную радость и утешение. Эти образные слова намекают на сильнейшее чувство любви, которое ученики испытывали к Спасителю даже как к человеку. Это мы видим, между прочим, из церковной истории в описании обычая апостолов: даже после вознесения Спасителя во время совместной трапезы они всегда оставляли часть для Господа, это были чаша с вином и хлеб, и, когда они заканчивали трапезу, поднимали их и говорили: «Иисус, помогай нам», потом разделяли все это и вкушали как святыню. О чем это говорит? О том, что они всегда помнили то необыкновенное время, когда они почти неразлучно были с Господом Иисусом Христом, и желали вновь навсегда соединиться с Ним. Как ученики Спасителя, исполненные в то время такой любви и такой духовной радости, могли думать о чем-то внешнем?

Пост – это не только выражение скорби но и, так сказать, искусственное средство для того, чтобы привести себя в состояние скорби. Поскольку мы люди в значительной степени живущие удовольствиями плоти, то, вкушая вкусную пищу, насыщаясь, мы испытываем утешение, радость. Воздерживаясь от вкусной пищи, лишая себя возможности плотно поесть, мы уже не можем испытывать таких чувств. И эта вольная скорбь, как ее называют святые отцы, доставляемая телу,

распространяется и на душу: человек испытывает душевную печаль, которая способствует покаянию.

Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни[91]**. То есть когда ученики лишатся этой радости, они естественно будут скорбеть о разлуке со своим возлюбленным Господом Иисусом Христом, и, для того чтобы приблизиться к Нему при помощи покаянной молитвы, они будут налагать на себя подвиги. Ослабляя и удручая плоть, легче высвободить дух из-под власти греха.**

При сем сказал им притчу: никто не приставляет заплаты к ветхой одежде, отодрав от новой одежды; а иначе и новую раздерет, и к старой не подойдет заплата от новой[92]**. О чем здесь идет речь? Спаситель сравнивает пост с новой заплатой. Если мы будем приступать к посту неразумно, не исправив свою жизнь во всем остальном, то будет только хуже – подобно тому, как если бы мы к ветхой одежде пришили новую заплату. Лучше было бы эту старую одежду совсем не трогать, а заменить ее новой. Так и всю нашу жизнь нужно переменить: стяжать не только один пост, но и все остальные добродетели. Это очень важно. Мы с легкостью налагаем на себя пост, думая, что это единственная существенная добродетель, потому что она видима и ясна. Иное дело, например, научиться послушанию или внимательной молитве – это очень тяжело. Также и любовь к ближним – необыкновенно трудная добродетель. А вот пост представляется нам очень простым: не ешь – и ты уже будто делаешь нечто существенное. Но это не так.**

Если мы не обновим свою жизнь, а захотим только строго поститься, то эта добродетель может причинить нам зло: породит гордость, тщеславие и в конечном счете может привести к прелести. Неразумный пост без помощи благодати Божией может крайне ослабить тело и лишить нас возможности совершать самые главные, духовные добродетели, например молитву.

Симеон Столпник, о котором мы уже упоминали, когда в первый раз Великим постом ничего не пил и не ел, то

вторую половину поста лежал, а в следующие посты в эти дни сидел. То есть потом ему как будто бы легче было нести пост. Отчего? Разве он стал крепче? Нет, человек, из года в год совершающий тяжкие телесные подвиги, стать физически крепче не может. Но благодать умножилась, и она его поддерживала.

Святой апостол Павел, перечисляя плоды духовные, говорит очень мудрые слова: *Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание*[93]. Таким образом, воздержание есть плод духовный. Вот что более всего имел в виду Спаситель, когда говорил, что нельзя новую заплату пришивать к ветхой ризе. Телесные подвиги святые отцы древности налагали на себя по мере возрастания в духовном отношении, когда у них усугублялось внимание в молитве, ревность, смирение и в особенности покаяние. И им легко было переносить их, даже если они были физически немощные. А вот здоровый, крепкий человек, если не имеет такой благодати, не может перенести более или менее строгого поста.

Итак, нужно обновить свою жизнь – не только строго поститься, но и приобрести все добродетели в совокупности, снять с себя ветхую ризу и надеть новую. Нужно понимать, что обновление жизни, обновление ризы добродетелей происходит при содействии благодати Божией. Не нужно чересчур уповать на себя и думать: что я захочу, то и сделаю.

Русская подвижница схиигумения Мария (Дохторова), жившая в середине XX века, несла сверхъестественые подвиги. У нее была благодать непрестанной молитвы и необыкновенная брань с демонами: когда она углублялась в молитву, то демоны начинали кричать, пугать ее, притом так, что люди, случайно оказавшиеся рядом, слышали их крики. Эта подвижница, чтобы, как она говорила, умилостивить Господа, наложила на себя такой подвиг: она зимой и летом носила один подрясник, ходила босиком. В то время она подвизалась в Румынии, где бывают и холода, и морозы, а послушание у нее было носить воду.

Можно себе представить: человек босой и почти нагой носит зимой воду, которая, естественно, проливается, замерзает… Она рассказывала, что ее тело боялось зимы, подобно животному. Тем не менее на протяжении многих лет она этот подвиг не оставляла. Почему? Потому что благодать Божия, с одной стороны, вызывала в ней ревность, с другой – укрепляла ее на несение невероятно жестоких подвигов. Обыкновенный человек никогда этого не выдержит.

Приведу другой пример. Один священник, попавший в советский лагерь, испытывал необычайные скорби и мучения, так что впал в отчаяние. Ему во сне явился преподобный Серафим Саровский и сказал: «То, что ты терпишь невольно, я терпел добровольно: ты носишь камни – и я носил, ты голодаешь – я постился еще строже…» О чем это говорит? О том, что этот священник не мог выдержать лишений, которые преподобный Серафим Саровский, укрепляемый благодатью Божией, переносил с радостью и любовью. Поэтому пост, конечно, необходим, но соразмерно нашему духовному преуспеянию, соразмерно обновлению ризы нашей души, чтобы, наложив на себя строгий пост, мы, будучи людьми немощными, малодуховными, нерадивыми, не нанесли себе еще больший вред, и эта новая заплата не разодрала окончательно ветхую ризу наших добродетелей.

И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие; а иначе молодое вино прорвет мехи, и само вытечет, и мехи пропадут[94]**. Внешнюю добродетель, пост, Спаситель сравнивает с заплатой, а внутреннюю добродетель, молитву – с вином, которое вливается в мехи. Напомню, что фарисеи упрекали Спасителя в том, что** *ученики Иоанновы постятся часто и молитвы творят, также и фарисейские*, значит, здесь речь должна была идти и о посте, и о молитве. И эта вторая притча о молитве. Мы не должны вливать молодого вина в мехи ветхие, потому что молодое вино может еще бродить и бурлить и старые мехи прорвутся. Итак, нужно обновить душу и сердце, сделать их способными вынести

благодать Божию. Потому что и благодать Божия, и молитва, если мы в ней будем преуспевать, пренебрегая всем остальным, может прорвать мехи: мы и благодати лишимся, и душа наша окончательно погибнет. Это страшные слова, но это так.

Впасть в гордость можно и от молитвы. Бывает, что человек будто бы преуспевает в молитве и в то же самое время совершает грубые проступки. В первое время я удивлялся: «Как же так? Человек имеет такую благодать и при этом не может справиться с собой в элементарных искушениях!» Но притча Спасителя как раз показывает, что это возможно. Известны случаи, когда подвижники, имевшие великую молитвенную благодать, впадали в смертные грехи. Например, Иаков-постник имел такую благодать, что и бесов изгонял, однако же, впал в блуд и убийство (конечно, он потом покаялся). «Как же так?!» – скажете вы. А так – человек свободен. Не было в нем окончательного, полного смирения, и потому он пал: новое вино благодати прорвало мехи его души, и он едва-едва не погиб.

Молодое вино должно вливать в мехи новые; тогда сбережется и то и другое[95]**. Не будем преждевременно стремиться стяжать молитвенную благодать, а будем стремиться обновить душу и сердце, в которое благодать должна быть влита. И Господь Сам вольет ее. Если же мы будем ревностно искать только преуспеяния в молитве, то Господь, как нелицеприятный, ради нашей ревности даст нам молитвенную благодать, но из-за нашего нерадения во всем остальном эта благодать принесет нам вред, потому что мы не будем готовы ее воспринять и сохранить.**

Кратко подводя итоги нашей беседы, напомню то, что мы должны усвоить. Прежде всего, не станем оправдывать себя тем, будто мы нарушаем пост ради любви к ближним, потому что мы не имеем совершенной христианской любви; далее, не будем говорить, что пост не имеет никакого значения и что главное – внутренние добродетели, потому что это не так: Сам Спаситель сказал, что придет время,

когда Его ученики будут поститься, и пост будет выражением их любви к Богу, выражением печали от разлуки с любимым Учителем. А тот, кто не хочет поститься, на самом деле никакой любви к Господу не имеет – вот что обличает пренебрежение к посту.

Но мы не должны думать и так, что пост – это единственная добродетель, которая сама по себе может спасти человека, сама по себе может принести ему пользу. Но надо стремиться, чтобы она действовала в нас в совокупности с другими добродетелями и соразмерно им. Подобно тому как одежда сшита из отдельных кусков материи, так и каждая добродетель составляет ту или иную часть скроенного платья. И приобретая их все, человек благопристойно облекается в ризу добродетели. Нашу разодранную греховную жизнь одной только добродетелью не залатаешь.

Одна из высших христианских добродетелей – это рассуждение. И пост, конечно же, должен идти рука об руку с рассуждением, для того чтобы он не оказался скорее вредным, чем полезным. Существуют общепринятые посты, которые все мы обязаны исполнять. Церковный устав в отношении поста довольно строгий, сформировался он в обители Саввы Освященного. В то время считалось, что это ослабленный устав для немощных монахов, но для современных людей и даже для современных монахов он довольно строг. Поэтому будем применять этот устав с рассуждением: в чем-то будем к себе снисходить и немножко его ослаблять, но в то же время постов нарушать не будем. Здесь необходимо рассуждение. Преподобный Нил Сорский говорит, что человеческие тела по своей крепости имеют такое же различие, как железо по сравнению с воском. Поэтому одному достаточно просто не есть скоромного, другому нужно воздерживаться более строго. Кому-то можно есть сколько угодно, а кому-то достаточно есть один раз в день. И все это нужно учитывать, но так или иначе даже самому немощному, самому больному человеку хоть какой-то пост

необходим. Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что видел людей, которые испытывали блудную страсть и на смертном одре, и в тяжкой болезни. Если мы из-за того, что у нас простуда, начнем есть шашлыки, то от этого простуда не пройдет, а вот страсти усилятся.

Итак, пост – добродетель необходимая, но подходить к ней нужно с осторожностью. Не предпочитать ее добродетелям духовным, а понимать, что телесные добродетели всегда следуют рядом или даже следом за добродетелями духовными: за молитвой, послушанием, покаянием, смирением, любовью к ближним.

Все вы помните, что Адаму и Еве было запрещено вкушать плоды от древа познания добра и зла. Это был слабый, нестрогий пост. Любое ограничение в пище в каком-то смысле можно назвать постом. И наши прародители согрешили через нарушение поста. Древо познания добра и зла было названо так не потому, что оно было каким-то особенным. Нет, это было обыкновенное фруктовое дерево, предположительно смоква, но вкушением плода от него Адам и Ева нарушили заповедь Господа о послушании, нарушили пост и познали отличие зла и добра. Адам и Ева говорили сами себе: «Плоды этого древа так прекрасны на вид, неужели оттого, что мы вкусим один из них, благодать Божия отступит от нас? Не может этого быть». И когда они вкусили, благодать Божия от них отошла. *И узнали они, что наги*[96], то есть телесная природа возобладала над ними, а духовная жизнь совершенно расстроилась. Так и мы сейчас, подобно Адаму и Еве, говорим себе: «Ну что страшного в том, что я в пост поем мяса? Это же не убийство и не кража». На поверхностный взгляд, ничего страшного в нарушении поста нет. Однако с людьми, нарушающими пост, не пребывает благодать Божия. Они остаются нагими от благодати, они живут только плотскими интересами, для них ничего духовного даже не существует.

Святые отцы совершенно справедливо говорят, что, как из-за нарушения поста Адам и Ева были изгнаны из рая, так и войти в рай нельзя без соблюдения поста.

* * *

Можно ли мирянам не есть мяса? И хорошо ли это?

Все нужно делать по благословению. Нет ничего плохого в том, что человек ест мясо, и нет ничего хорошего в том, что человек не ест мяса. Мясо не едят для того, чтобы ослабить свою плоть. По крайней мере, в России монахи постоянно воздерживаются от мясной пищи, для нас это только минимальное ограничение. Но для чего это делается? Человек, ограничивая себя в количестве пищи и принимая ее только в определенное время, таким образом ослабляет свою плоть и подчиняет ее духу – уму. Конечно же, не без помощи благодати Божией, потому что как бы строго подвижник ни постился, если он не будет молиться, пользы не получит. Но уповать на одну только молитву и отказываться от поста тоже нельзя. Как говорит Исаак Сирин, даже высокопреуспевшие люди если отказываются от воздержания в пище, то терпят ущерб в бесстрастии. Этот вопрос лучше решать с духовником и нужно понимать, что это делается с определенной целью. Если вы просто не будете есть мяса, то святее от этого не станете.

Трудно в конце Великого поста, глядя на красивый торт, думать: «Фу, какая гадость!» Наоборот, приходят помыслы: «Как хочется!» Значит, я уже согрешила, даже если не позволила себе съесть хотя крошку. Но ведь удержаться от таких помыслов невозможно, как же быть?

Если это единственное, что мучает человека, значит, он уже близок к бесстрастию.

Почему про торт надо думать, что он гадость? А что должна думать женщина, которая на Страстной седмице печет пасхальный кулич, она ведь тоже не может его попробовать? «Ой, какой отвратительный кулич я пеку! Ой, какой он мерзкий!» Это же глупо.

Есть разные степени бесстрастия и разные степени чревоугодия. Для нас, новоначальных христиан, прекрасно и то, что мы не нарушаем пост: пусть нам и хочется иногда съесть что-нибудь вкусное, но мы себя удерживаем и не колеблемся. А были такие подвижники, которые вкушали

пищу, как лекарство, только для поддержания тела. Были такие подвижники, которые нарочно вкушали совершенно безвкусную пищу. Некоторые перемешивали в тарелке разную пищу.

Один русский подвижник, Иордан, подвизавшийся на Кавказе в XIX веке, ел одну только кукурузную кашу, больше ничего, даже хлеба. Можно ли испытывать от такого питания какое-то удовольствие? Один раз его ученик хотел поесть ягод, которые сам собрал, но одному ему было неудобно, и он решил предложить их старцу: мол, старцу дам и сам поем. Пришел и говорит: «Отец, поешь ягод». Старец отвечает: «Хорошо, хорошо, положи, положи». Ученик положил ягоды, они так и сгнили – старец их не тронул.

Один из египетских монахов, которые постились не так строго, как сирийские, рассказывает о себе следующее. Им выдавали на год кувшин масла. И многие подвижники это масло вообще не употребляли, через год приносили нераспечатанный сосуд. Он однажды не выдержал, просверлил дырочку и попробовал немножко масла. А потом, когда все принесли свои сосуды обратно полными, чувствовал себя так, будто блуд сотворил. Вот как они подвизались. Конечно же, про торт тут не могло быть и речи. Один египетский монах на Пасху предложил своему старцу: «Отец, сейчас Пасха, давай вкусим масла». Он имел в виду, конечно, растительное масло. Обычно они ели сухари с водой; если кто-то приносил овощи, то вкушали их сырыми – у них было запрещено разводить огонь. И вот, когда ученик предложил ему поесть масла, тот ответил: «Мой Учитель вкусил уксус с желчью, а я буду есть масло? Не будет этого никогда».

Конечно, по сравнению с такими подвижниками мы чревоугодники. Но надо же здраво смотреть на вещи. Можно ли, живя в миру, питаться так, как древние отцы-пустынники? Кто это выдержит? Даже и среди подвижников выдерживали такие подвиги лишь немногие. Мы не можем мерить себя по этим людям. Лучше мы, как говорит русская

пословица, будем есть рыбу, но не будем есть рыбака. Будем есть мясо, но не будем есть мясника. Лучше мы будем есть то, что нам Бог послал, и из-за своей немощи смиряться, но не будем гневаться и осуждать ближних. Может быть, кто-нибудь когда-нибудь дойдет до такого состояния, что станет питаться одной травой и не будет вкушать масла. Но не нужно думать, что это цель. Это только средство, а цель – это исполнение евангельских заповедей. Поэтому не нужно уделять внешним подвигам, таким как пост, чрезмерно большое внимание.

Как бороться против чревоугодия при болезни желудка?

Если по болезни тебе необходима какая-то особенная еда и тебе она нравится, кажется вкусной, то это не чревоугодие. Надо просто укорять себя в том, что ты вынужден себе, так сказать, поблажать по болезни. Если будет Божие благословение, тогда и лечение поможет, а не будет благословения – не поможет.

Надо, как сказано в Священном Писании, когда заболеешь, принести жертву Богу, а потом призвать врача, ибо это ремесло от Бога. Редко так бывает, что Бог непосредственно исцеляет, в большинстве случаев надо лечиться. Конечно, прежде всего надо молиться, обращаться к Богу за благословением, а потом уже к врачам.

Если же мы совершенно отказываемся от медицины, то по большей части это происходит от самонадеянности, от чрезмерной ревности, иначе говоря от гордости.

Церковь для путешествующих разрешает послабление поста, но когда я в дороге, то никак не могу решиться нарушить пост, так как не знаю нормы и боюсь согрешить. Насколько можно без греха послабить в дороге пост?

Мне кажется, что в наше время все-таки можно соблюдать пост даже в дороге. Можно, например, купить рыбные консервы. Если уж совсем безвыходное положение, тогда можно, конечно, и нарушить, но, честно сказать, я тоже не решаюсь так делать. Правда, я по лесам, по полям не путешествую. Может, там я тоже съел бы что

под руку попадется – поймал бы какого-нибудь зайца… Но у меня такого случая не было. А если мы едем в поезде или летим на самолете, то всегда можно найти что-нибудь постное или немного потерпеть.

В Успенский пост моя восьмилетняя дочь поедет в деревню к бабушке, которая является противницей постов. Что делать? Уступить бабушке или настаивать на соблюдении поста?

Если ваша дочка каждое лето будет в деревне и не будет там соблюдать пост, значит, она из года в год будет приучаться к тому, что постом можно пренебрегать. Мне кажется, нужно либо настаивать, либо, если это невозможно, не отправлять девочку к бабушке. Она, может быть, не получит пользы для здоровья, не отдохнет на воздухе, на природе, но зато не получит и вреда для души.

Как сохранить пост, если пришлось оказаться в гостях?

А вот так и сохранить: не есть, и всё. Как его еще сохранить? А почему тебе «пришлось оказаться в гостях», когда пост? Разве ты не знал, что тебя там будут угощать скоромным? Пост можно нарушить только в том случае, если мы путешествуем и нет никакой постной пищи.

Должны ли дети поститься?

Не нужно впадать в крайность и прежде времени делать из детей подвижников. Если они захотят, то сами ими станут. Лишать скоромной пищи маленьких детей, которые в ней нуждаются, плохо. С другой стороны, нужно детей приучать и к воздержанию в пище, и к посту. Тут дело не в том, чтобы они умерщвляли плоть, им это не нужно, а в том, чтобы они приучались к порядку, чтобы для них пост стал тем, что само собой разумеется.

Как поступить, если муж очень редко ходит в храм, не постится, надо ли его убеждать измениться или проще развестись?

Расторжение брака – это сложный вопрос. Конечно, нужно стараться сохранить семью. В данном случае надо с некоторыми оговорками придерживаться слов апостола Павла: «Откуда ты знаешь, может быть, неверующий муж спасется верующей женой?»[97]. Есть вещи, которые

недопустимы. Это касается некоторых моментов супружеской близости, препятствующих деторождению.

Конечно, когда один из супругов мешает религиозному воспитанию детей, то возникают серьезные проблемы. Но и здесь принять правильное решение очень сложно. Если, допустим, мужчина верующий, а женщина неверующая и муж с ней разведется, то он тем более не сможет повлиять на воспитание детей. У нас сложилась традиция – дети, как правило, остаются с матерью, хотя из закона это не обязательно следует.

То, что муж не соблюдает поста, не ходит в церковь, не является причиной для развода. Вот если он препятствует соблюдать пост и ходить в церковь, то это можно рассматривать как причину для развода, но это еще не окончательное решение. Если же он сам не ведет церковной жизни, но и не препятствует вести ее семье, в особенности детям, то тут нужно проявить снисхождение, слишком принципиальной быть нельзя. Нужно иметь в виду, что когда женщина, даже верующая, воспитывает ребенка одна, то отсутствие мужа, мужчины, все равно отрицательно сказывается на воспитании. Так что женщине нужно очень хорошо подумать, прежде чем сделать шаг к разводу, даже если он вынужденный. А тем более не руководствоваться таким, например, мотивом: «Он мне разонравился, я его разлюбила». И принимать решение не самой, а советуясь со священником.

Еще насчет того, что супруг «не постится». Постная пища ведь может быть разной. Возможно, он против поста, потому что ему каждый день картошку в мундире дают, – и он говорит: «Я не могу больше это есть, сделай что-нибудь другое». А если ему приготовить что-нибудь вкусное, так он, может быть, и не заметит, что пост идет, и будет есть с удовольствием. Вот и все.

Когда послушание спасительно?

О ценности добродетели послушания. – Воля Божия открывается человеку в Священном Писании и Предании. – Чем христианское учение о послушании отличается от восточных практик повиновения гуру. – Послушание с рассуждением. – Каким должен быть духовный наставник. – О поисках духоносных старцев. – Если духовник кажется строгим.

Сегодняшнюю беседу я хотел бы посвятить добродетели послушания. Какое великое значение имеет для нас эта добродетель, можно понять из слов преподобного Григория Синаита: он говорит, что одной только ступенью послушания мы сразу восходим на небо. Кроме того, многие из вас слышали распространенное выражение: «Послушание выше поста и молитвы». На основании этого выражения также можно сделать вывод о том, как высоко ценится в среде православных христиан добродетель послушания. Но что под ней подразумевается, в какой степени каждому из нас, монаху, мирянину или священнослужителю, нужно ее исполнять, когда слушаться можно и когда нельзя, кого слушаться надо, а кого нет – все эти вопросы часто приводят нас в недоумение.

Апостол Павел, а вслед за ним и святые отцы, видят образец послушания, конечно же, в Самом Господе Иисусе Христе, Который был послушлив Небесному Богу Отцу даже до смерти. А образцом преслушания, если можно здесь употребить слово «образец», считают наших прародителей, Адама и Еву. С их преслушания, собственно, и началось падение человеческого рода: они преступили Божественную заповедь и таким образом ввели грех в род человеческий. Сами отпали от Божественной благодати и явились виновниками многих бедствий своих потомков. Из всего сказанного становится ясно, чтó такое послушание в самом широком смысле. Это следование Божественным заповедям, следование воле Божией.

Но каким образом человек может знать волю Божию? Адам и Ева, пребывая еще в раю, знали ее непосредственно от Самого Бога. После грехопадения люди стали удаляться от Бога

и постепенно оказались настолько чужды богообщения, что им понадобился письменный закон, который и был дан Богом через Моисея. Когда же человечество удалилось от Бога до такой степени, что этот закон уже ничего не мог сделать с человеческой греховностью, своеволием и непослушанием, тогда в мир был послан Сын Божий. Бог воспринял на себя человеческое естество и общался с людьми как человек: будучи Богом, открывал нам Свою Божественную волю при помощи обыкновенной человеческой речи. И поскольку нужно было донести это откровение до всех следующих поколений людей, то апостолы записали учение Спасителя и описали Его жизнь. Итак, нам, современным людям, воля Божия открыта в Священном Писании и Предании. Теперь никто не может сказать, что он не знает, как ему правильно жить и как спастись.

Конечно, сейчас мы, в отличие от наших прародителей, не можем узнать волю Божию непосредственным образом. Если мы самонадеянно начнем, как делают некоторые неопытные и горделивые христиане, молить Бога о том, чтобы Он дал какое-то откровение лично нам, то в лучшем случае наша молитва будет безуспешна, а в худшем – мы впадем в бесовскую прелесть. Мы не имеем права дерзать на получение откровений, поэтому будем руководствоваться Священным Писанием. Но здесь надо оговориться: не всякий имеет такую благодать и премудрость, чтобы самостоятельно разобраться в Священном Писании. Часто люди по самонадеянности толкуют его совершенно произвольно, и вследствие этого рождаются всевозможные ереси, секты и расколы. Библию нельзя толковать вне контекста обширного апостольского предания, потому что Писание является лишь частью Предания, пусть и самой главной.

Что входит в апостольское предание? Не только Священное Писание, но и творения святых отцов, догматы, уставы, таинства, обряды – все, что касается жизни Церкви. Может быть, кто-то возразит, что со времен апостолов многое изменилось: на Соборах были сформулированы те или иные догматы, со временем появились те или иные каноны, да и само богослужение выглядит сейчас несколько иначе. Что на

это можно ответить? В течение веков менялась форма – сам сосуд, а содержимое – то прекрасное благоуханное вино, которое в этом сосуде содержится, оставалось неизменным. Допустим, внешняя сторона обрядов и таинств с апостольских времен поменялась, но смысл их остался тот же. Впрочем, и сама форма менялась не произвольно, а с целью все более подробно, точно раскрыть смысл предания. Трудно одному человеку, пусть он даже такой богодухновенный и великий, как апостол Иаков, первый составитель Божественной литургии, сразу все изобразить, все написать. Все развивалось постепенно. Один писатель дополнял другого или наталкивал на какую-то новую мысль. И постепенно, движимые одним духом преданности апостольскому учению, они раскрывали сущность православного предания.

То же можно сказать и о догматах: все важные моменты христианского вероучения остались неизменными с апостольских времен, но доводы в их пользу, доказательства, рассуждения изобретались всё новые – чтобы даже до самого немощного человека донести, в чем состоит сущность учения Христова. Эти доводы и образы развивались, дополнялись и в результате составили целую систему, которая объясняла древнюю простую истину, преподанную Христом Своим апостолам. Остается всегда неизменным и нравственное предание Церкви. Чему Христос научил апостолов, тому апостолы научили своих учеников, и это же учение хранится в Православной Церкви. Но рассуждения о том, как исполнять заповеди, что нужно делать тому или другому человеку с теми или другими греховными наклонностями при тех или других обстоятельствах, – все это подверглось тщательному опытному изучению подвижников благочестия. Свой опыт жизни по Евангелию они также изобразили в многочисленных аскетических и нравственных книгах.

Практически все предание сейчас существует в письменном виде. Есть вещи, которые до сих пор не записаны, но вся Церковь принимает их как нечто само собой разумеющееся, верит и следует им. Если бы сейчас какой-нибудь человек попытался бы то или иное общепринятое мнение Вселенской

Церкви – Русской, Греческой и других Церквей – переменить, то нашлись бы люди, которые защитили бы его. Так оно и было во все века. Появлялся новатор, который желал понимать какие-то вероучительные истины не так, как всегда понимала их Церковь, а в ответ восставали ревнители православия и защищали древнее мнение.

Почему я так подробно говорю об апостольском предании? Потому что на него мы должны ориентироваться во всех наших духовных вопросах, в том числе и в вопросе послушания. Мы должны слушаться только того, кто во всем придерживается предания Церкви. Этим учение Православной Церкви о послушании коренным образом отличается от духовной практики восточных религий. Последователи этих религий повинуются своим учителям, гуру, что бы они ни говорили. Каждый гуру в каком-то смысле является новатором, в этом как бы даже соль какая-то есть. А мы, наоборот, слушаемся того или иного учителя не потому, что он нечто собой представляет, а просто потому, что он православный, что он сообщает нам учение Христово.

Знаменитые подвижники благочестия, например Симеон Новый Богослов, так прямо и говорили: выбирай себе такого духовного отца, который наставляет согласно Священному Писанию и учению святых отцов. И в том, что основано на Священном Писании и святоотеческом учении, проявляй послушание, а то, что с ними не согласуется, отвергай, чтобы не впасть в прелесть. Как это понимать? Конечно, бывают вопиющие случаи, когда человек учит только чему-то своему. Но чаще происходит другое: священник что-то говорит из святоотеческого учения, а что-то – как человек, от себя. И если батюшка, как будто бы проявляя снисхождение и милосердие, разрешает нам, например, пребывать в смертном грехе, то он говорит это от себя и мы должны этим его советом пренебречь. Это не значит, что такого священника нужно осудить как некоего еретика. Он может просто ошибиться по своей неопытности или по какой-нибудь другой причине.

Может произойти так, что наставник, до определенного момента руководивший своими чадами правильно, потом

совратится в ересь или в другой тяжкий грех. Конечно же, тогда также надо перестать его слушаться. Апостол Павел говорит: *Если мы или Ангел с неба будем благовествовать иначе, чем мы благовествовали, анафема да будет*[98]. Ни ангел с неба, ни апостол Павел, конечно же, не будут благовествовать ничего расходящегося с преданием. Святой Павел имел в виду другое: есть люди, которые уподобляют себя апостолам, а учат не так, как они. Бывает даже, что и демоны являются под видом ангелов и учат не тому, чему учили бы истинные ангелы. Поэтому если какой-нибудь человек, даже самой благочестивой наружности, похожий на апостола, будет учить не тому, чему учили святые отцы, значит, и ему да будет анафема. Мы не имеем права его слушать, потому что он говорит не то, чему учил Христос. И его кажущаяся святость – это соблазн, увлекающий нас на путь преслушания. Змий обольстил Еву речами, в которых, как казалось Еве, не было ничего плохого. И эти люди словами, облеченными в прекрасную форму, также увлекают других на путь погибели. Спаситель назвал таких людей волками в овечьей шкуре, то есть теми, которые имеют вид кроткий и праведный, а в сущности являются хищными зверями, пожирающими души людей.

Несомненно, что наилучшим учителем будет тот, кто не только учит правильно, но и живет правильно. Основанием, на котором будет держаться его учение, станет его собственный опыт, совпадающий с опытом святых отцов. Однако даже если человек не имеет собственного опыта, но учит по святым отцам, то это тоже вполне приемлемо. К сожалению, не всегда можно найти наставника, который может сам исполнить все то, чему учит. И если какой-нибудь епископ или священник является проводником апостольского предания, хотя сам исполняет его не в полной мере или лишь в малой степени, то мы все равно должны его принимать и слушаться, потому что он преподает нам учение не свое, а Христово.

Разумеется, для того, чтобы понять, правильно тебя учат или нет, надо самому знать апостольское предание. А для этого необходимо внимательно и усердно читать Священное Писание и книги святых отцов. Тогда у человека постепенно

выработается необходимый навык: он начнет различать, кто высказывает мысли правильные, святоотеческие, а кто – неправильные, в чем нужно проявить послушание, а в чем – осторожность. Мне кажется, современные духовные руководители должны поощрять своих чад к чтению святых отцов: в этом случае и руководить легче. Мне, например, это очень помогает. Приходит ко мне человек с вопросом, а я ему говорю: «Помнишь у святителя Игнатия (Брянчанинова) такую-то статью? В ней он говорит то-то и то-то». Мне проще сослаться на авторитет святителя, на его точно сформулированные мысли, которые всегда убеждают лучше, чем мои рассуждения.

Если у человека опытного духовника нет, то ему тем более нужно изучать святоотеческую литературу. Духовная жизнь в России сейчас оскудела, поэтому не многим из христиан повезет так, что они будут иметь особенного, опытного духовного наставника. По этой причине для верующих людей исключительно важно самостоятельное изучение святых отцов с той целью, чтобы иметь постоянное пособие для духовной жизни и (хоть мне и не хочется этого говорить), чтобы руководить собой самостоятельно. Однако на самом деле это не самостоятельность, а все то же подчинение апостольскому преданию, послушание соборному разуму Церкви.

Итак, нам необходимо читать святых отцов. Но читать тоже надо с умом! Надо напитываться святоотеческим учением, а не выдергивать из него моменты, которые нам по той или иной причине понравились. Иначе мы запутаемся, как часто и происходит. Вот прочитал человек, допустим, творения Макария Великого, или Исаака Сирина, или еще какого-нибудь возвышенного духовного писателя, которые пишут о чрезвычайно строгих подвигах, или пролистал какой-нибудь древний патерик, где рассказывается, как монахи вкушали сухой хлеб раз в несколько дней и пили по нескольку глотков воды, – и приходит к духовнику: «Благословите меня, батюшка, в среду и пятницу ничего не есть». Священник говорит: «Нет, извините, я не могу благословить. Я не знаю, какое у вас здоровье, где вы работаете и сможете ли это исполнить?» Тогда человек думает:

«Батюшка учит не тому, о чем пишется в патериках. Батюшка учит не по святым отцам, как его можно слушаться? Пойду к другому священнику, который будет учить тому же, чему учил Исаак Сирин». Нельзя, поверхностно ознакомившись с малой частью святоотеческого учения, руководствоваться этими осколочными знаниями и делать вывод, касающийся всей своей жизни. Изучать святых отцов надо основательно. Начать лучше с тех аскетических писателей, которые ближе к нам по времени и учат своих современников на основании того, что испытали сами, – прежде всего, с творений святителя Игнатия (Брянчанинова). А потом можно приступать к чтению писаний и древних отцов.

Главный критерий, по которому мы должны выбирать себе духовного наставника, – это согласие его учения с апостольским преданием. Но чтобы человек был настоящим духовником, ему необходимо иметь еще и дар рассуждения. Человек может обладать высокими духовными дарованиями, даже может быть великим чудотворцем, проповедником или пророком, но быть неспособным наставлять других. Для духовного руководства необходим именно этот дар – дар рассуждения. Поэтому не гоняйтесь ни за пророками, ни за чудотворцами, а следуйте за мудрыми людьми. Этому и Библия учит: *Кто мудр, прилепись к тому, и стой у дверей его*[99].

Некоторые люди требуют от духовника слишком многого. За каждую ошибку они строго взыскивают с него и теряют к нему доверие. Это, конечно, неразумно. К ошибкам духовника надо относиться трезво. Надо понимать, что священники – это люди, а человеческое рассуждение имеет границы. Крайне редко можно встретить человека, который проявлял бы равную мудрость во всех отношениях. Приведу такой пример. В эпоху после I Вселенского собора славились два святых отца: Афанасий Великий, ревнитель и защитник православия, церковный деятель, выдающийся богослов, и живший в пустыне Антоний Великий, который был неграмотным. И несмотря на то что Антоний Великий был истинно православным, молитвенником, наставником монахов, он никогда не дерзал участвовать ни в каких богословских диспутах. Правда, чтобы

поддержать православие, он, придя в Александрию, проклял арианскую ересь и прилюдно заявил, что он православный, но этим заявлением и ограничился. Он знал свои способности в этом отношении: исполнил свой долг, поддержал православие своим авторитетом, но рассуждать на эти темы не взялся. Подобным образом поступал и Афанасий Великий: он не брался наставлять монахов относительно внутренней жизни, предоставляя это святому Антонию, житие которого позднее написал. И если святые отцы признавали ограниченность своего духовного рассуждения, то тем более надо признать это относительно обычных людей.

У меня был знакомый мирской священник – добродетельный человек, очень любвеобильный. О его внутренней жизни ничего не могу сказать, если в ней и было что-то особенное, то он это скрывал. Священник он был хороший, люди его любили. Он имел большой житейский опыт, давал здравые житейские советы и в этом отношении был лучше многих и многих. Когда же речь заходила о проблемах сугубо духовных: о внутренней брани, борьбе с помыслами и так далее, – он, как человек семейный, молившийся, конечно, искренне, но без того опыта, который обычно имеют монахи, мог и ошибиться. По своей простоте он не мог быть «экспертом» и в области догматического богословия, потому что хотя и окончил семинарию, но имел только самые общие знания.

Другой пример. Один высокодуховный человек, подлинный подвижник, имел богатый опыт внутренней жизни и в этом отношении был чрезвычайно мудрым, да и в житейском тоже. Хотя иногда проявлял наивность, потому что, долго прожив в монастыре, некоторых вещей не знал просто по своей чистоте. Он приносил пользу многим людям, искавшим серьезной духовной жизни, но поскольку был человеком чрезвычайно смиренным и всех почитал едва ли не святыми, то иногда давал неподходящие советы. Люди либо не могли эти советы исполнить, либо понимали их неправильно, так что его совет мог оказаться и во вред. Он однажды так и сказал о себе: «От меня можно еще и вред получить». Он не мог быть советчиком и в догматических вопросах, потому что был человеком

малограмотным. Как истинного подвижника, некоторые люди считают его святым, и, наверное, справедливо, но когда он говорил на догматические темы, то допускал даже грубые ошибки.

Я ни в коем случае не хочу умалить авторитета тех священников, которых я привел в пример, потому что они прекрасные, духовные люди. Как наставник каждый из них представляет собой нечто значительное. Тем паче я не желаю умалить авторитет Антония Великого или Афанасия Великого. Я просто хочу сказать, что человеческое рассуждение ограниченно и слушаться нужно с умом, а не безрассудно – наподобие того как слушаются йогины своих гуру.

Большинство современных священников, которые отличаются рассудительностью, опираются на здравый смысл. Нельзя требовать от них прозорливости, пророчества и чудотворения. Нам ведь нужен духовный руководитель, а не чудотворец. Представьте себе, что у вас простуда и вы приходите к профессору. А он вам говорит: «Для чего вы ко мне пришли? Для лечения простуды достаточно участкового врача». Мы хотим, чтобы нас лечил непременно профессор. А зачем? У нас ведь болезни простые. При мне, когда я приехал в Псково-Печерский монастырь, был следующий случай: один человек рассказывал о себе отцу Иоанну (Крестьянкину), что он, мол, болеет и не знает, что ему делать. «Я не врач, – ответил отец Иоанн, – идите к врачу». Мы хотим от священника услышать всё: и какой автомобиль купить, и какую запчасть заменить, и какое лекарство принимать от той или иной болезни. Но духовник не может быть таким прозорливым, чтобы открывать нам еще и то, как надо лечиться от каких бы то ни было заболеваний.

Когда меня спрашивают, как поступить в той или иной ситуации, я всегда пытаюсь сначала прояснить для себя эту ситуацию, расспрашиваю человека о ней. Я не надеюсь на то, что помолюсь – и Господь мне откроет все, что нужно. У меня в голове роится так много всяких мыслей, что я не могу разобраться, какая из них от Бога, какая от диавола, какая моя, что я слышал по телевизору и что на улице. Если я в этой

мысленной суматохе буду искать, какая мысль от Бога, то я, безусловно, запутаюсь. И поскольку у меня нет даров прозорливости и пророчества, то я пытаюсь просто здраво рассудить: каковы обстоятельства? Если я некоторых обстоятельств по каким-либо причинам не учел, или что-то просмотрел, или чего-то не знал, или мне этого не сказали, естественно, я могу ошибиться. Ничего особенного в этом нет. Когда некоторые люди пытаются сделать из меня святого, я этому препятствую, потому что вскоре и для меня самого это кончится плохо. Эти люди через некоторое время обязательно увидят, что я не святой, разочаруются и перестанут меня слушаться.

Оттого что мы неразумно относимся к советам священника, ищем от него каких-то откровений и пророчеств, с нами и случаются разные недоразумения. Приходит человек к батюшке и говорит: «Отец Василий, благословите меня купить квартиру». Батюшка благословляет, а квартиру купить не удается. Человек в недоумении: «Что такое, отец Василий благословил, а квартира не покупается?» Батюшка, может быть, благословил покупку просто потому, что он ничего плохого в этом не видит. Но это не значит, что в его благословении проявилась воля Божия. А человек, когда какое-то внешнее дело, которое батюшка благословил, не устраивается, начинает сомневаться в духовности своего наставника. Но духовник о таких делах даже и не должен говорить! Конечно, были такие люди, как преподобный Амвросий Оптинский, которые обладали пророческим даром и открывали истину даже относительно вещей второстепенных. Но такое бывает редко, и мы не должны на это рассчитывать: мы, может быть, недостойны таких руководителей.

Нас должна интересовать самая главная сторона Евангелия и вообще исполнения воли Божией – нравственная, вот этого мы должны искать. А мы все хотим узнать волю Божию относительно каких-то мелочей, а о главном и не спрашиваем. Но не так важно, будет у тебя квартира в этом районе или в другом, станешь ты работать на заводе или на фабрике, – важно то, как ты будешь жить. Неважно, на поезде или на

самолете ты доберешься туда, куда тебе нужно, – важно то, как ты будешь себя вести в дороге: будешь ли, например, раздражаться, нарушать пост и так далее. Неважно, какую дверь ты себе поставишь, железную или деревянную, будет у тебя замок английский или какой-то другой, – важно то, что за этой дверью будет происходить.

Если мы хотим услышать от священника действительно хороший, подходящий нам совет, то должны приложить усилия и со своей стороны: рассказать о ситуации подробно и честно, не лукавить, желая получить у батюшки то или иное благословение. Часто бывает такое, что человек, буквально выпросив благословение на то или иное дело, потом терпит скорби и сетует на священника: мол, я послушался батюшку, а вот как вышло… Но как на самом деле это происходит? Подходит, допустим, ко мне человек и говорит: «Благословите меня поехать в Петербург». Я ему отвечаю: «А зачем тебе ехать в Петербург? Не нужно тебе туда». Подходит второй раз: «Благословите в Петербург…». Я опять отвечаю: «К чему тебе ехать в Петербург? Может быть, и не нужно…» – и пытаюсь объяснить почему. В третий раз подходит. «Ну ладно, – говорю, – поезжай в Петербург». И человек думает, что на его поездку есть воля Божия, но на самом деле никакой воли Божией здесь нет. Просто священник не хочет расстраивать человека и сам не хочет расстраиваться. Вот и все.

Когда человек берет благословение на то или иное дело лишь для формальности, в душе уже приняв решение, это наносит ему большой вред. Человеку кажется, будто он сам все понимает и способен во всем разобраться, но это в подавляющем большинстве случаев не так. Бывает, человек подходит к батюшке и просит: «Благословите на добрые дела». И что будет, если иной добрый батюшка, не разобравшись, благословит? Я в таких случаях стараюсь быть осмотрительным. Ведь даже неизвестно, о каких добрых делах идет речь. Может, под добрым делом кто-нибудь подразумевает кражу у соседа на огороде. Но даже если какой-то поступок действительно кажется добрым, то на самом деле он может

оказаться неразумным, и человек из-за него будет потом терпеть невыносимые скорби.

Я повторю еще раз: слушаться надо с рассуждением. Что это значит? Не надо кидаться из одной крайности в другую: или вовсе никому не доверять и никого не слушаться, или слушаться кого попало в чем угодно. А такое явление в наше время также распространено. Люди, прочитав в книгах святых отцов о пользе отсечения собственной воли, понимают это превратно и готовы исполнять любые абсурдные повеления наставника, который неизвестно чем руководствуется. Но надо понимать, чтó такое отсечение воли и для чего оно нужно. Наша воля почти всегда противоречит воле Божией, и, отсекая свою волю, мы легче можем понудить себя к исполнению воли Божией. Отсечение собственной воли хорошо тогда, когда мы отсекаем ее не бесцельно, а ради того, чтобы исполнить заповедь Божию.

Да, некоторые древние подвижники испытывали своих духовных чад, повелевая им делать вещи абсурдные. Например, преподобный Пимен Великий заставил преподобного Иоанна Колова посадить сухое дерево на горе и поливать его, пока оно не принесет плода. Через некоторое время произошло чудо: дерево расцвело и принесло плод. Но для чего было дано такое странное приказание? Оно было испытанием, проверкой того, сможет ли человек отказаться от своего понимания вещей. Почему мы не хотим слушаться? Потому что всё понимаем по-своему. Ты считаешь, например, что нужно пойти направо, а я думаю – что налево. Для того чтобы научить иноков отказываться от своего мнения, святые отцы упражняли их в исполнении таких, казалось бы, нелепых повелений. Это прием, это исключение, а не правило. И нужен этот прием только для того, чтоб мы в конечном счете делали то, что на самом деле весьма здраво и полезно, то есть исполняли заповеди.

Кроме того, древние святые отцы давали ученикам такие приказания, будучи движимы Духом Святым. Наше время, как я уже сказал, скудно даже просто рассудительными наставниками, а не то что духоносными людьми. Да, можно было бы слепо слушаться во всем человека, подобного отцу

Иоанну (Крестьянкину) или отцу Николаю Гурьянову. Но не может быть вся Россия наполнена такими старцами! Даже в древности таких святых было мало, а сейчас тем паче. Поэтому перед обычным священником отсекать свою волю нужно лишь в той степени, в какой его советы духовны. И не надо думать, что если какой-то духовный руководитель говорит абсурдные вещи, то это признак его святости. Сейчас существует такая мода: найти какого-нибудь несчастного парализованного калеку, вдобавок психически больного, и возвеличить его до святого, вместо того чтобы просто его пожалеть и чем-то ему помочь. Этот человек что-то невразумительное бормочет – а всегда находятся люди, которые эти невразумительные речи принимают за откровения Божии и пытаются его абсурдные повеления исполнять. Сейчас про таких «святых» людей даже книги издают.

Насколько я знаю историю Церкви, среди угодников Божиих не было подобных людей. Правда, были юродивые Христа ради, но они только напускали на себя юродство. А сейчас такое время, что кажется, будто никаких видов святости не осталось, кроме юродства. Больше мы ничего не признаём: если ты не юродивый, значит, тебя и слушать не будем! А что говорят эти «святые»? Почти все одно и то же: «После меня будет конец света», или: «После меня Екатеринбург провалится», или: «Одессу смоет». А под Москвой, оказывается, уже целое море есть, куда она и должна провалиться. Можете себе представить: оказывается, Москва стоит на море! Надо бы посмеяться над этим, но люди, даже здравомыслящие и интеллигентные, настолько склонны к поиску святости, настолько хотят найти нечто особенное, что этому внушению поддаются.

Поэтому в этом выборе своего наставника нужно быть очень осторожным. От всякого священника нужно принимать таинства, исповедь (в смысле действительности разрешительной молитвы), причащение и все прочие таинства, а за советом надо обращаться не ко всякому, даже если он и кажется нам пророком. Что происходит, когда мы хотим непременно иметь духовным руководителем святого? Мы пренебрегаем здравыми

советами, которые пытается нам дать обычный священник, знающий, что не имеет права говорить с такой уверенностью, как говорит пророк. На самом деле мы должны благодарить Бога, если у нас есть духовник, который дает здравые советы, не противоречащие учению святых отцов. Но мы ищем себе пророка. Едем в какие-нибудь дебри, находим в деревне батюшку, которого сослали в глушь за какие-то провинности, и думаем: он пророк. А этот батюшка такие сомнительные речи произносит, таким несообразностям учит людей, что не знаешь, плакать над этим или смеяться. Он в деревне взлохмаченный ходит – и в этом вся его святость!

Я, впрочем, и сам, когда был гораздо моложе и глупее, попался на эту удочку. Встретился как-то с одним дедушкой. Вид у него был очень благообразный: пышная борода, томный взор… Правда, шишка на голове виднелась. И говорил он хорошо: величественно так, не спеша. Он сказал мне, что в 1980 году будет термоядерная война и конец света. И поскольку он мне почему-то показался человеком духовным – по каким признакам я это определил, не знаю: никаких признаков духовности, кроме особенного выражения лица, у него не было, – я и сам этому поверил, и своих друзей стал этому учить. И дошли мы до абсурда: стали собирать мешки с сухарями. Почему-то считается, что если готовиться к концу света, то надо собирать мешки с сухарями. Сам я, правда, понимал, что при конце света сухари не понадобятся. Кроме этого, у нас возникла мысль, что верующих должны в Сибирь сослать, поэтому мы покупали ватные штаны, фуфайки, сапоги и прочее. Потом в сухарях какие-то жучки завелись, пришлось эти мешки выбросить; от ватных штанов впоследствии тоже пришлось избавляться, потому что в Одессе они ни к чему. Но вот наступил последний срок, близится конец света. Мы пошли в церковь, потом к одному из наших приятелей, который жил недалеко от церкви. Сидим, ждем конца, включили радио и слушаем. Последний день, а конец света не наступает… Теперь вы сами видите, что конец так и не наступил, хотя с того времени прошел не один десяток лет.

Итак, вывод из нашей с вами беседы такой: слушаться надо разумно. Мы должны быть сознательными христианами – не слепо верующими, а духовно зрячими. Тогда мы сумеем выбрать священника, который сможет нами руководить, и получим пользу от его наставлений.

* * *

Мне кажется, что у меня слишком суровый духовник. Можно ли попытаться найти себе другого духовного отца?

Если духовник учит правильно, то надо потерпеть его строгость. Мы ищем себе доброго наставника, не понимая, что внешняя доброта совсем не равна настоящей любви. Священники за свою духовническую практику накапливают богатый опыт общения с людьми, поэтому умеют вести себя как до́лжно. Бывают такие «приветливые и любвеобильные» батюшки, которые разрешат тебе делать все что угодно, но не потому, что они на самом деле добрые, а потому, что ты им безразличен. Такой священник ничего от человека не требует, ему все равно: убил ли этот человек кого-нибудь, как убил или когда убил. А если священник к нам требователен, значит, старается нам помочь, а нам, по нашей неопытности, он кажется чрезмерно строгим, неуместно требовательным.

Да, священник действительно может обладать какими-то человеческими немощами – святых среди нас, к сожалению, мало, – и, когда ему рассказывают что-нибудь из ряда вон выходящее, он как человек может возмутиться. Но к этому тоже надо относиться разумно. Мы удивляемся: «Как же так: священник, а сердится!» – и совсем не думаем о том, что мы ему рассказали такие безобразия, из-за которых любой человек может рассердиться.

Вообще, мы не должны оценивать характер священника. Не должны смотреть на то, лукавый у него взгляд или простой, нервный этот батюшка или спокойный, а должны думать о том, получаем мы пользу от его советов или не получаем, то есть исправляемся или нет. Эта ситуация подобна той, когда какой-нибудь вежливый врач не может принести нам пользу, потому что лечит плохо, а другой, невежливый или невнимательный в общении, имеет опыт и может нам помочь.

Как вести себя со священниками и монахами?

Как себя вести? С благоговением. Нравится тебе священник или нет, молод он или стар, есть у него густая борода, или он почти безбородый, красиво он говорит или нет – ты должен почитать его ради той благодати, которая дарована ему через таинство рукоположения. У любого священника ты должен брать благословение, смиряться перед ним. Другое дело, что к советам не всякого священника можно прислушиваться, желательно иметь одного духовника и с ним всегда советоваться.

Должно относиться с почтением и к монахам. Вообще, признак истинного благочестия для мирян – это уважение к священству и монашеству. Монахов надо почитать, опять же, не за то, какие они есть на самом деле. Может, иной монах и недостоин этого имени, но мы почитаем его за то, что он сделал попытку отречься от мира, захотел ради спасения души совершить великий подвиг полного и искреннего служения Христу. Без всяких оговорок, совершенно бескомпромиссно.

Я горжусь своим духовником. Это нормально? Или гордость – это всегда плохо?

Конечно, гордость – это всегда плохо. Я тоже, когда был молодым, по глупости гордился своим духовником. Он был действительно высокодуховным человеком, благодатным подвижником. Но я себя вел так, как будто я – это он. Конечно, я не имел на это совершенно никакого права и думаю, что люди серьезные смотрели на меня с кривой улыбкой. Если у вас опытный духовник, то надо им не гордиться, а слушаться его. Надо показать на себе плоды его руководства, а не просто ходить и хвастаться: какой у меня великий и рассудительный духовник! Мы можем таким образом и опозориться. Духовник-то, может, и хороший, а чада разные бывают. Бывает такое, что духовник святой, а его духовный сын – прельщенный или грешник, просто духовник по любви терпит его около себя.

Почему послушание является основой рассуждения?

Об этом пишет преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Он говорит, что, когда у нас не хватает собственного рассуждения, мы обращаемся к опыту людей преуспевших. Выходит,

послушание – это то же самое рассуждение, только не свое, а человека, который это рассуждение имеет.

Если такой рассудительный человек есть, значит, его нужно слушаться. Если такого человека нет – допустим, у меня неопытный наставник – то как я должен поступить? Я должен слушаться его в вещах нейтральных, но при этом для своего рассуждения должен пользоваться другим источником: либо книгами святых отцов, либо советами другого наставника. В «Лествице» приводится такой случай. Один послушник имел жестокого старца, который его избивал. Время от времени этот послушник приходил к другому старцу, который его подбадривал, учил терпению. Формально наставником этого брата был жестокий старец, а на самом деле руководил им другой.

Повторю: послушание имеет смысл тогда, когда мы слушаемся духовно более опытного человека. Если такого человека нет – тогда, собственно, и слушаться некого. Тогда нужно руководствоваться святыми отцами.

Как в миру стать смиренным, отсечь свою волю, если нет даже духовного отца?

Все-таки желательно иметь хоть какого-то духовного руководителя, по крайней мере более или менее регулярно исповедоваться у одного и того же священника. Нужно, чтобы какой-то здравомыслящий человек тебя знал и помогал тебе разобраться в твоей жизни. Это во-первых. Во-вторых, смирение для человека, живущего в миру, состоит не в отсечении своей воли перед духовником. Даже если человек имеет духовника, то он не может постоянно, в течение дня отсекать перед ним свою волю. Смирение для мирянина состоит в том, чтобы делать не по-своему, а так, как учит Священное Писание, как учат святые отцы. Вот это и будет для него отсечением своей воли – жить не своим разумом, а разумом Церкви. Если же человек, живущий в миру, будет искать такого же послушания, как насельник монастыря, то он его не найдет и может разочароваться. Он должен понимать, что для него такое послушание невозможно и что с него за это не взыщется. Повиноваться он должен, прежде всего, учению

Церкви и в разумных пределах своему духовному отцу – тому священнику, которому он постоянно исповедуется.

В Евангелии от Матфея говорится: *А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос, все же вы – братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник – Христос*[100]. Эти строки из Евангелия служат у иноверцев доводом в пользу того, что православие отступает от евангельских заповедей. Я даже не знаю, что на это отвечать, ведь слово «отец» мы постоянно употребляем, оно для всех православных людей вполне естественно. Как быть?

Если сектанты так последовательны, то пусть они в семье не называют своего отца «папой», а называют его «дядей Петей», например. «Папа» – это ведь то же самое, что отец. Нельзя говорить именно слово «отец» или нельзя никого называть отцом даже в домашнем варианте, допустим «папа»? Или «папа» можно говорить, а «отец» нельзя? Если понимать это буквально, то получается абсурд.

В приведенном вами евангельском тексте речь идет о том, что нам необходимо понимать: в конечном счете у нас один Отец, от Которого происходят все отцы, и дети, и внуки. Все мы являемся для Него детьми и должны повиноваться Ему, а не своим кровным родителям или духовным руководителям. Если же воспринимать этот евангельский текст так, как его воспринимают иноверцы, то как же апостол Павел мог сказать: *Хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием*[101]. Он себя называет отцом. Значит, и апостол Павел нарушает заповедь Спасителя?

Ясно, что и апостол, и все здравомыслящие христиане понимали этот текст в том смысле, что только Бог является для нас высшим духовным авторитетом. А всякий учитель, наставник, духовный отец – неважно, как мы будем называть этого человека, – может быть для нас учителем только потому, что он является проводником Божественной воли и учит нас тому же, чему учил Христос.

Если же какой-нибудь человек претендует на то, чтобы заменить собою Небесного Отца и быть руководителем людей вопреки евангельскому учению, то есть вопреки Божией воле, Божественному Откровению, если этот человек уводит нас от правильного понимания Евангелия, то он как раз и нарушает эту заповедь, несмотря на то что он не называет себя отцом, а только братом. Он по духу нарушает ее, когда претендует на то, чтобы быть единственным руководителем, и когда преподает свое учение, а не Божественное. И хотя баптисты называют друг друга братьями, в том числе и своих пресвитеров и духовных руководителей, но это совсем не означает, что они исполняют эту заповедь. Они, казалось бы исполняя ее внешне, буквально, на самом деле грубейшим образом ее нарушают, потому что уводят людей от Церкви, от истинного понимания христианства.

Мне кажется, в этом случае уместно вспомнить поговорку: «На всякий роток не накинешь платок». Мы не можем всех людей заставить мыслить правильно. Если мы одну хулу опровергнем, они другую изобретут, и так до бесконечности. И не думайте, что если человек не имеет возможности правильно, как мы сейчас, ответить на вопрос и не может объяснить то, что в действительности правильно понимает, то это означает, что он должен в чем-то повиноваться баптистам.

Мы пребываем внутри Церкви и повинуемся ее учению, все постановления Церкви для нас действенны, мы живем по ним. И если мы чего-то не понимаем, то это не очень важно для нашего спасения, не всем дано все понимать. Это даже необязательно. А то бы у нас все стали проповедниками, богословами. Это было бы страшно.

Человек, одержимый страстями, ослепленный, не может здраво видеть внутреннего состояния ближнего, и производимый им суд неизбежно будет погрешительным. А может ли страстный человек здраво судить о самом себе? Насколько необходим такой суд? И в какой степени дóлжно предпочитать своему взгляду на себя мнение духовника?

Конечно, из-за самолюбия нам трудно здраво судить о самих себе. Иногда это бывает трудно даже человеку

духовному. Поэтому если духовник хотя бы в некоторой степени опытный, то, конечно, нужно предпочесть мнение духовника. Я почти уверен, что, если духовник даже и не очень опытный, все равно ему со стороны виднее.

Кроме того, если духовник – человек благочестивый и хоть сколько-нибудь молится и если мы молимся за него и верим, что Господь через него нас спасает, то, когда мы прибегаем к помощи духовника, Господь открывает нам через него Свою волю.

Бывают, конечно, духовники неопытные, но еще преподобный Симеон Новый Богослов дал такой древний совет: надо сравнивать учение и наставления духовника с тем, что говорят святые отцы. Если советы его совпадают с учением отцов, значит, нужно их принять, если не совпадают, значит, нужно их отвергнуть. Если духовник всегда учит не тому, чему учат святые отцы, то, значит, не нужно у такого духовника и окормляться.

В целом же, веря себе больше, чем духовнику, можно зайти в дебри.

Должны ли мы иметь по всем вопросам свое мнение?

Даже если бы мы захотели, мы не смогли бы его не иметь. Каждый человек является особенным существом и имеет на всё свое особенное мнение. Вот сейчас каждый из вас имеет свое мнение о моей внешности хотя бы потому, что все вы смотрите на меня с разных сторон.

В то же время есть вопросы, на которые мы должны иметь мнение, общее с мнением Церкви. Это касается догматического и нравственного предания Церкви, ее истории. Приведу такой пример. Как известно, в XVII веке в России произошел церковный раскол. Как нам на это смотреть? Допустим, нам очень нравится протопоп Аввакум, потому что он хороший писатель, и мы не согласны с тем, что его нужно было сослать. И тем не менее мы должны иметь на это событие правильный, православный взгляд – тот, который принят Церковью, а не тот, который нам хочется.

Невозможно не иметь своего мнения о том, как поступить в определенной жизненной ситуации, когда мы хотим исполнить,

скажем, заповедь о любви к ближнему, иначе мы просто ничего не исполним. Но наше мнение должно формироваться, во-первых, на основании учения святых отцов, а во-вторых, если это возможно, при содействии более опытного, чем мы, человека, прежде всего нашего духовника.

О том, что сварить на ужин: гречневую кашу или рисовую, – можно иметь свое мнение, но только нужно, чтобы оно совпадало с мнением мужа. А иначе может возникнуть совершенно ненужный диспут. В некоторых вопросах лучше отказываться от своего мнения, ради того чтобы сохранить мир.

Помню, в молодости я ужасно ссорился с друзьями по разным глупым поводам. Вот возвращаемся мы с церковной службы – верующие все были, – один говорит: «Идемте на трамвай», а другой: «Нет, на автобус». – «Нет, автобус долго ждать». – «Нет, до трамвайной остановки долго идти». И у нас начинался спор из-за такого пустяка. Понятно, что в таких незначительных житейских вопросах нужно уступать.

Но представьте себе, что ваш ребенок хочет поиграть спичками. Вы, конечно, считаете, что это опасно, а у него на этот счет другое мнение. И если вы уступите, то ребенок обожжется. Я думаю, что в некоторых вопросах уступать невозможно, потому что за этим может последовать какая-нибудь неприятность. В общем, всегда нужно рассуждать. Как сказал отец Иоанн (Крестьянкин) в частном письме к одной рабе Божией: «Никакой духовник никогда не избавит тебя от необходимости думать». Собственно, разум для того и дан, чтобы мы исследовали волю Божию.

Что делать, если при понуждении со стороны наставника охладевает ревность в вере? Нужно ли менять наставника?

Может быть, наставник тут и не виноват. В наше время часто встречаются такие люди, что они не терпят вообще никакого замечания. Мне, как духовнику, приходилось с этим сталкиваться: сделаешь какое-нибудь замечание человеку, а он начинает возмущаться. Он хочет, чтобы его только хвалили все время, даже за грехи. Потому что если уж он пришел каяться, то, значит, он хороший.

Мне одна женщина рассказывала о том, что ее дети, готовясь к исповеди, записывали свои грехи и хвастались друг перед другом, у кого их больше, то есть кто из них лучше исповедуется. Так же и у нас получается, мы как дети. Раз мы пришли и каемся, то нас за одно это нужно наградить. А если духовник каким-то поступком возмутится, мы недовольны, хотя нужно было бы это потерпеть.

Вот мне, честно скажу, кажется возмутительным, когда человек начинает колебаться в истинах православия, приходит и говорит, например: «А что у йогов не так? У них тоже все хорошо». Я не могу этого терпеть. Конечно, не того, что у йогов все хорошо, а того, что православный христианин может так думать. Но люди не хотят потерпеть обличения. К ним нужно проявлять необыкновенное, сверхчеловеческое терпение, им нужно все объяснять, все время радоваться с ними и всегда их хвалить. Если же ты этого не делаешь, то тут уже они возмущаются. Им нужен другой духовник, который их «поймет». А что значит «поймет»? Приходит к священнику человек и кается в том, что он гневливый, батюшка говорит ему, как нужно вести себя, чтобы не гневаться. Тот отвечает: «Вы меня не понимаете». То есть «понимание» состоит в том, чтобы сказать: «Правильно, что ты на него рассердился, тут иначе нельзя, надо было его еще и ударить!».

Если тебе не нравится духовник, то нужно разобраться почему. Может, тебе не нравится, что он, например, спрашивает: «Почему ты не пришел в воскресенье в церковь?» – и ты возмущаешься: «Какое его дело?!». Тут, конечно, духовник ни в чем не виноват, и ты должен обратить внимание на самого себя.

Если тебе кажется, что духовник твой неопытен или имеет какие-то человеческие слабости, то и это не повод сразу от него уходить. Ревностный христианин даже от наставлений недостаточно опытного священника получит пользу. А если человек нерадивый, в особенности если он гордый, то какого духовника он вытерпит? Всякий священник будет ему казаться грешником, а если тот его в чем-нибудь упрекнет, он сразу подумает: «Вот как он со мной горделиво себя ведет! А сам-то он заповеди исполняет?»

Со мной произошел подобный случай. Кстати, через него обнаружилась прозорливость одного старца. Вы, может быть, знаете схиархимандрита Иоанна (Маслова) и читали его книги. Он был и подвижником благочестия, и ученым-богословом. Мой духовник послал меня к нему. А я тогда был очень молод, и гордости во мне было довольно много. Я считал, что духовник меня всему научил и мне никого больше слушаться не нужно. Мы с несколькими друзьями приехали к отцу Иоанну, сидим, слушаем его наставление, и я вдруг подумал: «Сам-то ты это исполняешь или нет?» Я не сказал этого, не знаю, может быть, на лице у меня было что-то написано, хотя я старался не подать виду. А отец Иоанн вдруг говорит: «Ну, вы меня простите, братья, я сам этого ничего не делаю», прекратил разговор и ушел. Потом вернулся, нам всем по Библии подарил – и на этом наша встреча закончилась.

Если мы будем относиться к священнику так, как я по глупости и молодости отнесся к этому великому старцу, то, конечно, не только от обыкновенного священника, но даже и от мудрого, духовно опытного человека мы никакой пользы не получим. Потому что мы не готовы принять ее.

В большинстве случаев в том, что нам не нравится духовник, виноваты мы сами. Но если смущение происходит от того, что священник, например, еретик или учит чему-то явно противному учению святых отцов, то от него, конечно, нужно уйти.

Из-за чего может потеряться духовная связь с духовным отцом?

Из-за непослушания. Иной духовник может откровенно сказать: «Ты меня не слушаешь, иди к другому духовнику, я не желаю тебя больше окормлять», а другой может и не сказать этого. Но когда у человека нет послушания, нет желания понять и исполнить то, что советует духовник, тогда духовная связь разрушается, и собственно руководства нет, а одна только видимость.

Даже при опытных духовных старцах есть такие будто бы духовные чада, а на самом деле совершенно чужие ему люди. Они приходят к духовнику, что-то спрашивают, а он им говорит

только то, что их не огорчает, потому что по доброте жалеет их. Он знает, что если он прямо скажет, чтó с ними происходит, то им будет еще хуже. Поэтому он говорит им что-нибудь мягкое, утешительное, на самом же деле предоставляет им жить по своей воле – им кажется, что они находятся в послушании, однако никакого послушания нет.

Мой духовник тоже видел так много непослушания, что в конечном счете всем говорил то, что им нравилось. Все были довольны, все от него уходили счастливыми, но я-то знал этот секрет и говорил ему: «Отец Андрей, вы только, пожалуйста, со мной построже». И только если настаивали, он говорил, кáк надо поступать, потому что во многих случаях заранее ожидал непослушания.

Бывают прозорливые старцы, которые знают, что человек не исполнит того, что нужно. И они говорят ему то, что он желает услышать, как бы открывают ему его мысли. И он уходит радостный, довольный. Иногда мой духовник прозревал мои мысли и одобрял их, потому что знал, что они безобидные, и позволял мне до некоторой степени поступать согласно моему детскому разуму.

Память смерти или память вечности?

Как правильно готовиться к Страшному суду. – Память смертная неотделима от Иисусовой молитвы. – Ощущение вечности приходит от действия благодати. – Как развивать в себе память смерти. – Способы преодоления окамененного нечувствия. – Молитва Иисусова рождает и укрепляет в нас память смерти. – Об истинной и мнимой смертной памяти. – О благодатных состояниях и бесовских наваждениях в нашей жизни.

Сегодня я хотел бы поговорить на одну очень обширную тему. Даже если бы мы посвящали ей каждую воскресную беседу в течение целого года, то все равно не смогли бы ее исчерпать. Наши беседы носят характер, с одной стороны, схематический, то есть они очерчивают основы духовной жизни, с другой стороны, касаются того, как приложить эти знания в наше время. Как раз это и есть в наших беседах самое интересное, потому что обо всем остальном, в том числе и о предмете нашего сегодняшнего разговора – памяти смертной можно было бы с большей пользой прочитать у святых отцов.

Святые отцы говорят, что память смертная – это та добродетель, которая необходима нам, как хлеб. Но что понимать под этой добродетелью? В чем она заключается? В наше время очень многие, в основном, как мне кажется, неопытные христиане, рассуждают о кончине мира, пришествии антихриста, грядущих бедствиях и наконец о Страшном суде. При этом они позволяют себе высказывать весьма произвольные мнения, иногда свои, а иногда людей, не имеющих в данном отношении никакого авторитета. Конечно, древние христиане, как мы знаем из Священного Писания, размышляли о грядущей кончине мира, но апостол Павел предостерегал их от мыслей, будто день этот уже наступает. В то же время Священное Писание говорит о том, что истинный христианин жаждет пришествия в мир Христа.

Как же совместить две эти вещи: благоразумное отношение к этому событию, которое неизвестно когда наступит, и

необходимость о нем постоянно думать? Память смертная как раз и есть та добродетель, которая заменяет нам бесплодные, а иногда и опасные рассуждения о кончине мира. Когда человек помнит о смерти, он мобилизуется, гораздо более внимательно относится к своей жизни и таким образом готовит себя не только к частному суду, ожидающему каждого по разлучении души с телом, но и к суду всеобщему. И поэтому человек, упражняющийся в памяти смертной, по-настоящему готов к Страшному суду и не нуждается в том, чтобы специально о нем думать.

Многие святые отцы в той или иной мере писали о памяти смертной. Но я не буду подробно пересказывать все, что написано отцами, а поведу речь о таком виде памяти смертной, который, как мне кажется, естественно сочетается с молитвой.

Для начала кратко коснусь того делания, рассуждать о котором я отказываюсь, потому что считаю его не совсем безопасным. Есть такой вид духовной деятельности – богомыслие, и одной из его разновидностей является размышление о смерти. Некоторые подвижники представляли себе весьма подробно, как они будут умирать, мысленно рисовали себе прохождение мытарств и адские мучения. Ради этого они посещали кладбища, гробницы и таким образом пытались привить себе добродетель памяти смертной. К этому же деланию можно отнести и размышления о вечном блаженстве, поскольку это также касается загробной жизни. Подобные раздумья мобилизуют человека: иногда бывает нужно смирить себя страхом вечных мучений, а иногда – приободриться той наградой, которая ждет православного христианина за добродетельную жизнь. Но эти виды богомыслия для нас, неопытных христиан, представляют некоторую опасность, потому что могут развить в нас мечтательность и воображение. Кроме того, сердце человека от отсутствия благодати бывает подчас настолько окаменелым, что даже пребывание у гробов, среди праха умерших оставляет его бесчувственным. Может получиться так, что человек приучит себя мечтать на эту тему, будет рисовать в своем воображении

всевозможные образы: трупы, смерть, муки, демонов, – а сердце его при этом останется каменным.

Поэтому благоразумнее всего соединять память смертную с молитвой Иисусовой, как советует преподобный Иоанн Лествичник. У него есть замечательное изречение: «Иные прославляют больше память Иисусову, иные – память смертную, я же прославляю два естества в одном лице»[102]. Иоанн Лествичник прибегает здесь к аллюзии, то есть намеку на первоисточник. Отсылкой к догмату Боговоплощения он намекает на то, что, как в Господе Иисусе Христе соединены человеческое и Божеское естества в одном Лице, так и добродетель молитвы должна быть соединена с добродетелью памяти смертной. Память смертная касается земного, телесного бытия человека, а молитва – духовного, вместе же они действуют как одна добродетель. И когда нам удастся их соединить, тогда действительно появятся обильные плоды и мы будем свободны от опасности.

В книге «Откровенные рассказы странника» есть такой эпизод. Странник обнаружил одного подвижника, который, хотя был мирянином, подвизался необычайно строго: жил в землянке, питался очень скудно и размышлял о вечных адских муках. Когда-то он был тяжким грешником, но потом Господь призвал его к покаянию, и он, удалившись от людей, пребывал в подвиге. И несмотря на размышления об аде, он поддавался всевозможным греховным помыслам. Хотя страхом вечных мук он удерживался от совершения греха на деле, но очистить свою душу, свой ум, покорить свои страсти он не мог. Причиной тому было отсутствие малейшего понятия об Иисусовой молитве, умном делании. Из этого примера мы видим, что память смертная сама по себе может предохранить человека только от тяжких грехов. А когда мы присоединяем ее к Иисусовой молитве, тогда и молитва приобретает необыкновенную силу и искренность, и память смертная становится безвредной и очень действенной.

Когда я говорил о памяти смертной как о разновидности богомыслия, я упоминал, что от нее может развиться мечтательность. А в соединении с Иисусовой молитвой память

смертная присутствует безвидно, как некое чувство, даже не имеющее конкретного выражения: представлений о гробе, разлагающемся теле, мытарствах, вечных муках и тому подобном, – потому что все это отвлекает от молитвы. В молитве Иисусовой действует само чувство вечности, предощущение того, что ты когда-нибудь переступишь порог этой жизни. С одной стороны, мы и сами должны понуждать себя помнить об этом, но с другой – нам необходимо понимать, что в полной мере ощущение вечности приходит к человеку не столько от собственных усилий, сколько от действия благодати Христовой.

Иногда, взирая на погребение, или на кладбище, или на гробы, мы можем несколько оживить в себе память смертную. Но это только вспомогательное средство. Я уже как-то говорил о том, что люди, профессия которых прямо связана с погребением: могильщики, сторожа, изготовители памятников, работники морга, – часто даже впадают в цинизм. То, что они каждый день по многу раз видят человеческую смерть, отнюдь не побуждает их размышлять о вечности, потому что если у нас нет благодати, то и само пребывание среди предметов, напоминающих о смерти, ничего не дает. Солдаты за время войны привыкают к гибели даже своих близких друзей, но это далеко не всегда рождает в них память смертную. А иной подвижник, который видит смерть лишь изредка, когда в монастыре умирает кто-то из братьев, или даже и совсем не видит людей, ни живых, ни мертвых, – весь погружен в память смертную.

Итак, под памятью смертной подразумевается не столько само воспоминание о смерти, сколько предощущение того, что будет после нее. Мы боимся смерти не потому, что она для нас гибель, исчезновение, – нам страшна, как ни странно это звучит, наша посмертная жизнь. Для нас смерть – дверь, за которой перед нами открывается ужасная, неизвестная область. Ужасная и потому, что загробная жизнь в целом для людей непостижима и страшна, и потому, что мы не знаем, какая участь нас ждет. Конечно, нас пугает не неизвестность: это значило бы, что мы не знаем даже в общих чертах участи

человека за гробом, – а именно наша собственная судьба. Что ждет именно меня: вечное блаженство или вечная мука? Поэтому правильнее было бы назвать память смерти памятью вечности.

Для того чтобы воспоминание о смерти заставляло нас вспомнить о вечности, необходимо иметь веру. Чем больше и тверже в человеке вера, тем сильнее в нем память смертная. Поскольку он верит в загробную жизнь и бессмертие души, то воспоминание о факте смерти словно открывает ему дверь к размышлениям о своей вечной участи. Как сказал Сам Спаситель, демон неверия изгоняется постом и молитвой. Это значит, что вера укрепляется также постом и молитвой. Именно поэтому я говорю, что настоящая память смерти, истинная, глубокая, безопасная, проистекает из молитвы, так как во внимательной, искренней молитве человек умом соприкасается с вечностью.

Еще один источник укрепления веры, а значит, и усиления в человеке памяти смертной, – это чтение Священного Писания, в особенности Евангелия. Каким бы странным ни могло это показаться с первого взгляда, но добродетель памяти смертной очень усиливается от внимательного и обильного чтения Евангелия, ибо ничто не может даровать человеку веру в такой степени, как Евангелие. Кроме того, память смертная развивается в человеке от чтения святых отцов. Даже если они в своих писаниях и не касаются непосредственно этой добродетели, то все равно обращают умственный взор человека на самого себя и заставляют его думать о бессмертии своей души. Но и Евангелие, и святоотеческие писания останутся для него мертвыми, если от молитвы душа в нем не начнет как бы оживать, не начнет воспринимать все с чувством.

Действительно, почти все люди, в том числе и многие православные христиане, часто бывают боримы страстью окамененного нечувствия. Человек – такое лукавое существо, которое может приспособиться ко всему. Он и здесь найдет лазейку для себя, чтобы размышлять о смерти и жить при этом спокойно. Он станет думать о покойниках, о мытарствах, а в душе его будет холодно, сухо и пусто. Никто не хочет сам себя

мучить. Мы всегда отыщем способ выкрутиться, и нам будет казаться, что мы совершаем добродетель, а на самом деле мы будем играть роль. Так мы ведем себя даже в таком, казалось бы, страшном деле, как размышление о своей кончине. Чтобы этого не было, сердце должно ожить. Оживает оно тогда, когда мы чувствуем, что вечность реальна, действительна. Для этого необходима усиленная молитва, необходимо особенное действие Божественной благодати. Когда окамененное нечувствие уходит из сердца, тогда в человеке появляются страх Божий, страх смерти и покаяние. Это бывает неожиданно. Как бы много человек об этом ни читал или, может быть, слышал от своих духовных наставников, это происходит всегда внезапно. Столкновение с духовным миром для любого человека бывает неожиданным, потому что, хотя мы и имеем о нем некоторое теоретическое представление, но при опытном познании он воспринимается нами совсем иначе.

Иногда при чтении Евангелия нас вдруг пронзает чувство вечности, то есть появляется уверенность: все, во что мы верим и о чем мы читаем в Евангелии, – реальность. От этого ощущения нас охватывает страх. Потом это ощущение постепенно начинает развиваться (однако может и угаснуть, если мы будем неправильно себя вести), и тогда на нас начинает действовать любой вид размышлений о смерти: воспоминание о смерти вообще или о кончине кого-то из наших родственников и друзей; чтение святоотеческих писаний о смерти или откровений о мытарствах. Мы живо чувствуем, что наша душа бессмертна и что есть нечто безграничное, непостижимое и в то же время не менее реальное, чем та жизнь, которая нас окружает. В иные моменты, когда мы углубимся в чтение Евангелия или в молитву, это «нечто» может показаться нам даже более реальным, чем наша телесная жизнь.

Некоторые из святых отцов советуют специально упражняться в памяти смерти. Но я из своего отрицательного опыта скажу, что без молитвы Иисусовой на меня ничего не действовало – может быть, потому, что я в отношении окамененного нечувствия человек весьма типичный для нашего

времени. Что я только ни пробовал – но только молитва Иисусова делала меня восприимчивым к чему-либо духовному, все остальное не помогало. Возможно, у меня неправильный опыт, но у меня сложилось мнение, что современный человек настолько изолгался, извратился, испортился, что без молитвы, без чрезвычайного упования во всем (до мелочей!) не на себя, а на Бога он обязательно запутается, в том числе и в памяти смертной. Поэтому я и вам даю совет не заниматься размышлением о смерти отдельно, то есть отдельно от молитвы.

Я бы посоветовал понуждать себя по возможности вспоминать о нашем исходе из этой жизни не в какое-то специально отведенное время, а в час келейного правила. «По возможности», потому что человек не может выжать из себя то, чего в нем еще нет. Поэтому здесь правильнее было бы сказать не «понуждать себя» – понуждать себя надо к внимательной молитве, – а как бы настроиться на память о смерти. И если от действия молитвы в нашем сердце начнет возникать и развиваться воспоминание о смерти, то мы будем знать, что это правильно. Надо постараться усвоить это ощущение, сделать его своим качеством, присущим нам постоянно. Когда же мы чересчур напрягаемся, есть опасность, что память смертная превратится у нас из действительной добродетели в мечту. Нам будет казаться, что мы бежим, а на самом деле мы будем спать. Нам будет представляться, что мы размышляем о смерти с пользой для души, а при небольшом искушении из нашего ума испарится всякое воспоминание о смерти. Понуждать себя нужно, но с большой осторожностью, чтобы не превратиться в актера, играющего роль даже не для других людей, а для самого себя. Надо двигаться с большой осмотрительностью, знать меру своего преуспеяния. Понуждать себя не к памяти смертной, а к молитве, и от нее ожидать памяти смертной. Понуждать себя не к терпению скорбей, а, опять же, к молитве, и ожидать, что через нее мы получим добродетель терпения скорбей. Не играть роль смиренного, ничтожного человека, а понуждать себя к молитве и ожидать, что через молитву мы получим смирение.

Однако мы должны знать, чего нам нужно ожидать от Бога и что отвергать как исходящее не от Него; что есть действительная добродетель и что – кажущаяся, мнимая. Это необходимо различать, потому что в духовном мире действует не только Бог, но и диавол, который всячески обманывает человека. Он прельщает его не только видениями, но и другими способами: например, может под видом смирения подсунуть человеку смиреннословие. Человек начинает о себе смиренно говорить: «Я великий грешник», «я хуже всех», но на самом деле он так не думает, а просто знает, что так себя характеризовать – хорошо. Это лицемерие, то есть тщеславие и гордость, прикрывающиеся смиренными словами. То же и в отношении памяти смертной. Поскольку в нас все извращено, поскольку мы существа очень лукавые, то нам трудно бывает разобраться, где у нас действительно память смерти, а где пустая мечтательность, игра в память смерти. Поэтому лучше, чтобы все это было даровано нам Богом. Дарованное Им, без всякого сомнения, будет правильным, истинным и естественным. Пусть этого будет немного, но, по русской поговорке, мал золотник, да дорог.

Есть много разных прекрасных добродетелей, например самоукорение, терпение скорбей, покаянный плач… Но если мы отделим эти добродетели от молитвы, то сделаем их наигранными. Некоторые вместо молитвы ставят на первое место ту или иную добродетель, например покаяние. Казалось бы, это неплохо. Кто из христиан осмелится порицать покаяние? Но без Иисусовой молитвы покаяние может оказаться ложным, даже истерикой, экзальтацией. Кто из православных христиан скажет, что укорять себя нехорошо? Никто, разве что полный невежда. Но если мы самоукорение обособим от молитвы, то оно превратится в игру: мы будем просто говорить о себе разные обидные слова, ругать самих себя, но никакого истинного смирения не достигнем. Так же можно сказать и о памяти смертной: если мы отделим ее от молитвы и поставим на первое место, то она может сделаться пустой мечтательностью, своего рода мизантропией, мрачностью. Человек будет постоянно думать о гниющих и разлагающихся

трупах, о червях, но ничего духовного в его размышлениях не будет. Многие рокеры ходят с изображениями черепов, но от этого у них отнюдь не появляется память смертная.

Подчеркну еще раз: истинная, неподдельная память смерти происходит, я думаю, прежде всего от молитвы Иисусовой, а другими средствами: размышлением, созерцанием или воспоминанием событий, относящихся к смерти, чтением святоотеческих книг или даже Евангелия – она только укрепляется и усиливается. Несомненно, есть много разных путей, но путь, описанный мною, кажется мне наиболее безопасным. Нам, как людям гордым, лукавым и к тому же часто не имеющим постоянного руководства, нужно избирать пути самые простые и, как выражаются святые отцы, непáдательные, то есть такие, на которых вероятность упасть самая малая.

Это все, что я хотел сказать о памяти смертной. Конечно же, повторю, о ней много написано у Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина и других отцов. У святителя Игнатия (Брянчанинова) есть замечательное произведение – «Слово о смерти», в котором он собрал почти все, что было сказано святыми отцами на эту тему. Но все это останется для нас китайской грамотой, если мы не будем молиться.

* * *

Отец Авраам, однажды мне приснился такой сон. Передо мной стояло существо в монашеском одеянии, его лица и ног я не видела, а только одно стройное тело, опоясанное узким шнуром. Это существо говорило: «Пойдем со мной». Я хотела ему сказать: «Верю в Бога Иисуса Христа» и перекреститься, но мои руки были прижаты к горлу. Потом это существо снова мне говорит: «Пойдем, у нас весело». С кухни я слышала музыку и песни, но не могла понять ни музыки, ни слов. Вырываю руки, крещусь и говорю: «Я верю в Бога Иисуса Христа». Слышу в ответ: «Все равно к нам придешь». Меня очень волнуют эти последние слова. Если можете, объясните их значение.

Я думаю, что не стоит придавать этим словам значения. Диавол нас всячески пугает, смущает и хочет привести в уныние – все равно, мол, ты к нам придешь. А мы должны вести себя независимо, мужественно и не обращать никакого внимания на бесовские пророчества.

Люди часто жалуются, что их тревожат во снах умершие родственники. Как относиться к такому явлению?

Я думаю, что это, чаще всего, бесовское наваждение. Не нужно думать, что души умерших людей, где бы они ни находились – в раю или в преисподней, – имеют возможность покидать свои места и являться, когда захотят. Бывают редчайшие случаи явления умерших. Но при этом есть и соответственные признаки, которые делают эти явления достоверными и убедительными. Я думаю, вы читали об этом. И, конечно, читать об этом полезно. Но верить всем снам нельзя. Мне иногда рассказывают: вот, ко мне во сне приходит умершая бабушка и душит меня. Да при чем здесь бабушка? Почему она должна душить свою внучку, если при жизни ее любила? Это просто бесы принимают вид наших умерших родственников и устрашают нас, для того, чтобы нас как-то запутать. И верить таким снам, как и вообще снам, не нужно. Блаженный Диадох сказал, что «великая добродетель – не верить никаким снам».

У людей, которых воскрешал Господь, было ли какое-то озарение? Становились ли они истинно верующими?

Наверное, их путешествие в загробный мир и опыт воскресения должны были наложить на них какой-то отпечаток. Я думаю, если человек, видевший воскресение мертвых, укреплялся в вере, то, наверное, человек умерший и воскресший тем паче обладал необыкновенной верой.

В 1950-х годах был известен случай, когда одна женщина, умершая при операции, воскресла, душа ее вернулась в тело, и она потом проповедовала. Из совершенно убежденной атеистки она превратилась в верующего человека. Сын ее потом стал священником.

Но какое бы чудесное событие ни пережил человек, он остается свободным. И иной человек, ничего чудесного не

переживший, но имеющий настоящую ревность, пламенную веру и понуждение к добродетелям, может достигнуть больше, чем тот, который имел чудесное видение, но при этом остался спокойным и нерадивым. Иуда Искариотский творил чудеса, как и прочие апостолы, однако это ему не помешало стать предателем.

Нужно ли готовить заранее одежду для погребения?

Можно, конечно, в этом ничего плохого нет. Наверное, полезно даже держать ее на виду, чтобы время от времени на нее смотреть. Если к тебе пришли люди, то это будет неприлично, но иногда, когда тебя никто не стесняет, желательно смотреть на нее, вспоминать о смерти.

Между тем бывало и по-другому. После кончины святителя Димитрия Ростовского из его имущества осталось буквально несколько копеек: он все раздал. Пришлось собирать деньги на похороны такого выдающегося архиерея. Так что к этому вопросу можно относиться по-разному. Но в наше время лучше заранее подготовить все самому, чтобы близкие могли похоронить тебя по-христиански. К сожалению, многие люди не очень-то хотят обременять себя заботой об умерших родственниках, и если бы это было допустимо, то тело усопшего, может быть, и совсем выбросили бы, лишь бы побыстрей от него отделаться. Недавно был такой случай: выбросили тело человека и объяснили, что на погребение нет денег.

Что должен делать новоначальный, чтобы стяжать память смертную?

Новоначальный должен молиться и одновременно как бы настроиться на память смертную. Не фантазировать, а настроиться, словно глядеть умом, духом в эту сторону. Если же он будет подробно размышлять о смерти, то скорее только отвлечется от молитвы и память смертная превратится для него в пустое мечтание.

Трудиться над стяжанием памяти смертной надо с осторожностью, и – я говорил об этом – гораздо лучше ориентироваться на нее как на некую веху, чтобы знать, правильно ты идешь или нет, чем специально предаваться

размышлениям о смерти. Еще раз повторю, что они приносят пользу человеку тогда, когда у него уже есть некоторый опыт общения с вечностью, когда он уже, так сказать, сталкивался с нею. А иначе что для него будут значить эти размышления? Кладбищенские воры тоже в каком-то смысле думают о смерти, им нужно знать, когда кто умер, чтобы могилы грабить. И могильщики, может быть, помышляют: «Хоть бы побольше покойников было, больше заработаем».

Позволительно ли ради стяжания памяти смертной иногда напоминать себе, что внезапно тебя может настигнуть смерть: вдруг ты попадешь в аварию или станешь жертвой убийства?

Если у тебя есть живое чувство вечности, если ты испытал его хоть в какой-то степени, то это может быть полезно. Чувство вечности – это, как я говорил, когда ты при чтении Евангелия чувствуешь, что все описанное действительно было: например, воскресение четверодневного Лазаря или какое-нибудь другое чудо. Или когда во время молитвы тебя охватывает страх от того, что ты приближаешься к Богу. Если христианин испытал такие чувства, то воспоминание о каких-то внезапных, страшных ситуациях, угрожающих человеку гибелью, принесут ему пользу, об этом пишет и Нил Сорский. В противном случае размышление это превратится в игру или даже приведет к отчаянию, так что будешь бояться из дому выйти, думая: «А вдруг я сейчас попаду в аварию, или на меня кирпич упадет, или на меня бандиты нападут?!»

Иногда от памяти смертной не могу находиться с людьми, хочется уединиться и непрестанно молиться, изо всех сил умолять Бога о спасении. Это прелесть?

Думаю, что это не прелесть, а нормальное чувство. Хотя, конечно же, в этой записке сказано слишком мало, чтобы сделать окончательный вывод. Но то, что в ней сказано, не противоречит учению святых отцов. Действительно, память смертная заставляет человека от всего отрешиться, так что ему уже ни до чего нет дела, он будто умирает, ему все кажется пустым, ненужным, эфемерным, призрачным.

Однако мы должны соразмерять свои душевные порывы с обстоятельствами. Приходится подчас смиряться и не делать того, что внушает сердце. Иногда мы вынуждены терпеть общество людей, исполнять свой долг, нести послушание, где бы мы ни жили, в миру или в монастыре.

Прошу в Иисусовой молитве смирения. Может ли вместе со смирением прийти и память смертная?

Безусловно. Благодать, пришедшая в душу человека, оборачивается разными гранями, иногда кажется, что это смирение, иногда – любовь. Все добродетели перемешаны, соединены: не будет смирения – не будет и любви, не будет покаяния – не будет ни простоты, ни смирения и так далее. Конечно, я сейчас выражаюсь неточно, и, возможно, все это приходит не сразу, но, можно сказать, почти в одно время. Одна добродетель влечет за собой другую, так же как и одна страсть вызывает другую, потому со смирением обязательно придет и память смертная.

Много раз возникала перед глазами такая картина: вижу себя на стылой земле замерзшего, с заиндевевшими волосами. Это продолжается уже несколько лет. Имеет ли это какое-то отношение к памяти смертной или это просто какое-то наваждение, как у человека с нездоровой фантазией и маловерующего?

На мой взгляд, это вообще не похоже на память смертную, я предполагаю, что при этом возникает какое-то мрачное чувство. Можно было бы полагать, что в этом образе есть что-то полезное, если бы он заставлял человека молиться, каяться и был как-то связан с воспоминанием вечности. В данном же случае, по-моему, это просто наваждение. Не всякая мысль о смерти – от Бога, иногда и диавол внушает нам какие-либо образы, связанные со смертью, чтобы ввергнуть нас в уныние и отчаяние.

Когда вспоминаю о смерти, например, в транспорте, охватывает страх, что могу умереть без покаяния и причащения. Молитва в этот момент творится не очень внимательно. Если произойдет авария, то с какой душой я предстану перед Богом? Простятся ли грехи, если у меня

такая невнимательная молитва? Это же происходит со мной и в бессонные ночи и иногда в течение дня.

Если все эти размышления не усугубляют молитву, не делают ее более внимательной, истовой, значит, они чисто человеческие. Задумываться о том, что ты можешь умереть без причащения, по-моему, ни к чему. Не всякий, кто перед смертью причастился, спасается, и не всякий, кто не причастился, погибает. Надо просто помнить о покаянии, помышлять, что ты уже как бы умер, предстоишь пред Господом и умоляешь Его о прощении грехов. Понимать, что, когда ты на самом деле предстанешь перед судом Божиим, у тебя уже не будет времени умолять о помиловании и что об этом нужно просить заранее. А где ты умрешь: в аварии или дома на своей кровати – не столь принципиально. Нужно постоянно молиться, а Господь даст время для покаяния, если только мы действительно ищем покаяния.

Иногда при молитве приходит память смерти и размышления о ней, но ненадолго. Что сделать, чтобы продлить это время? Или это только действие благодати, а не результат самопонуждения?

На мой взгляд, это более действие благодати, чем следствие понуждения, и искусственно продлевать это состояние не нужно. Постепенно, постепенно оно будет развиваться. Правильнее воспринимать его, как веху, как ориентир. Понуждать себя к этому надо с некоторой осторожностью.

Верно ли, что человек живет, пока может приносить добрый плод?

Я думаю, что нельзя сказать об этом так однозначно. Иногда совершенно ясно, что человек никакого плода не принесет, но Господь долготерпит, предоставляя ему возможность покаяться. Кроме того, некоторые люди живут ради других, потому что все мы связаны. В Евангелии говорится, что в конце времен Пастух отделит овец от козлищ. Люди вперемешку пасутся в этом мире, как некое стадо; только в будущей жизни мы будем разделены. Поэтому существует некоторая взаимосвязь людей верующих, благочестивых и

неверующих. Она выражается, например, в том, что современники так или иначе влияют друг на друга, или в том, что от нечестивых родителей иной раз рождаются благочестивые дети. Но, вообще, об этом можно только догадываться, это ведомо одному только Богу. Бывает, что люди нечестивые живут на земле в счастье и благополучии, даже в роскоши, ради того чтобы они потом не упрекали Бога за то, что Он им в этой жизни ничего не дал, не предоставил им повода для покаяния и спасения. Ведь само благополучие для немощных людей должно быть поводом благодарить Бога.

Поэтому однозначно сказать, что человек живет до тех пор, пока может приносить добрый плод, нельзя. Возможно, это относится к некоторым людям, а именно к тем, кто духовно развивается: пока такой человек не достигнет, так сказать, пика духовной жизни, Господь оставляет его жить на земле. И иногда кажется, что человек умер преждевременно, а на самом деле он уже находился на вершине своего нравственного развития, и для него самого кончина была полезной. В советское время был известен одесский архиепископ Никон (Петин), человек высокой духовной жизни, милостивый, праведник, истинный святитель. Люди его очень любили. Одной женщине как-то приснился сон, будто на стене Никольского храма – а это был нижний храм, можно сказать подвальное помещение одесского кафедрального собора, – висит виноградная лоза. И она слышит во сне слова: «Виноград уже созрел». Женщина в недоумении: что за виноград созрел? Через некоторое время владыка Никон попал в аварию. Эту аварию, вероятнее всего, подстроили коммунисты, для которых владыка был очень неудобным человеком: он был очень активный, ни в чем не уступал, всегда проводил линию Церкви. После аварии он некоторое время проболел, но не оправился и умер. Похоронили его, по благословению патриарха Алексия I, в нижнем храме – именно на том месте, где женщине привиделась виноградная лоза. И тогда она поняла, что значат слова «виноград уже созрел», и рассказала о своем сне другим. Владыке тогда было всего пятьдесят три года, он был полон энергии. Но Господь его забрал. Почему так произошло, мы

можем только догадываться, наверное, этот человек действительно «уже созрел» – хотя он и сам этого не понимал.

В каком виде восстанет человек на Страшном суде, если его после смерти сожгли в крематории?

В своем человеческом теле. Сожгли ли его, утонул ли он, съели ли его звери – все равно тело будет восстановлено. Если магнит притягивает железо, которое рассыпано в песке, или по чертежу можно собрать машину, то будут собраны и тела всех людей, именно их человеческие тела, а не чьи-нибудь другие.

Где-то читала, что в раю души, находящиеся в одной пажити, не будут видеть тех, кто выше или ниже их по совершенству, чтобы не было зависти. Возможна ли зависть в раю?

Не может быть зависти в раю. Мне кажутся очень правильными слова преподобного Силуана Афонского. Он говорит, что в Царствии Небесном меньшие будут радоваться тому, что они меньше других. Это истинное действие благодати. Человек, исполненный благодати, не ищет высоты положения, но, наоборот, радуется своему смирению, унижению.

Когда благодать, действующая в человеке, обильна, то он считает своих поносителей благодетелями. Если так бывает даже в этой жизни, то в будущей тем более будет именно так. Все будут радоваться большему преуспеянию других людей, их большей духовной высоте. И никакого противоречия в этом нет: человек одновременно будет и стремиться к чему-то большему, и довольствоваться тем, что имеет. Мы не можем объяснить себе такие благодатные ощущения, поскольку мы люди страстные. Мы должны просто принять на веру то, что все именно так.

Почему сказано в притче о богаче и Лазаре, что богачу грех не простится? Ведь мы молимся за умерших и надеемся на их прощение.

Дело в том, что этот богач был крайне жестокосердный. Он, сам пиршествуя блистательно, нищему Лазарю не хотел помочь ничем, даже крохами со своего стола. Для этого богача уже невозможно было покаяние, потому что он вел такую жизнь, при

которой нельзя было найти в нем уже ничего доброго. А Церковь молится за тех людей, которые умерли в покаянии.

Сейчас, правда, у нас утвердился такой обычай, – не знаю, правильный или неправильный, не хочу всех огульно осуждать, – мы молимся за всех крещеных людей. Если человек умер крещеным, мы его отпеваем. А на самом деле, по церковным правилам, человека, в течение всей своей жизни не посещавшего храм, не жившего по-христиански и умершего без покаяния и причащения, даже нельзя предавать христианскому погребению. Человека, который не ходит в храм, нельзя поминать на проскомидии, потому что, как говорит преподобный Симеон Солунский, частицы, вынутые за его здравие, служат этому человеку в осуждение. Вот как Церковь строго подходит к этому вопросу. Мы же эти церковные правила нарушаем, пренебрегая ими, не знаю, правильно ли мы это делаем или неправильно.

Поэтому Церковь молится за тех людей, которые покаялись, но не успели покрыть свои грехи добрыми делами, не успели исправиться по какой-то причине. Может быть, они только в старости покаялись, может быть, им какие-то жизненные обстоятельства мешали, может быть, человек и каялся и грешил. Вот за таких мы молимся, а не за кого угодно. Действительно, труднее, наверное, нераскаянного грешника вымолить, чем мертвого воскресить.

Возможно ли в наше время жить по Евангелию?

Почему Евангелие кажется нам неисполнимым. – Святые отцы помогают нам правильно понимать евангельское учение. – Настоящее знание бывает только опытным. – О внешнем и внутреннем исполнении евангельских заповедей. – Ошибки применения евангельских законов. – Общение с людьми открывает наше нравственное состояние. – Нужно надеяться на Бога и непрестанно молиться. – О духовной брани с самим собой. – Как правильно читать Евангелие. – О светском и церковном понимании некоторых евангельских заповедей.

Тема сегодняшней беседы может показаться вам странной. Для нас, православных христиан, как будто само собой разумеется то, что мы обязаны жить по Евангелию, ведь иначе мы и христианами называться не можем. Однако принято, хотя и неофициально, считать, что Евангелие в наше время неисполнимо. Это некая аксиома, которую принимают почти все верующие люди, не только миряне, но и монашествующие.

Почему же мы думаем, что Евангелие сейчас исполнить невозможно? Во-первых, потому, что мы слишком далеко отстоим от времени первых христиан. Нам иногда представляется, что времена настолько переменились, настолько умножились сейчас соблазны, что устоять против них невозможно, и потому Евангелие к современным обстоятельствам неприложимо. Действительно, Спаситель сказал, что *по причине умножения беззакония во многих охладеет любовь*[103], предсказывая о последних временах и, наверное, о наших временах также. И именно потому, что в нас охладела любовь, охладела ревность, мы дерзаем оправдывать себя тем, будто Евангелие, как ни странно и ни страшно это звучит, уже устарело. Иные сектанты заявляют об этом совершенно откровенно, а мы, православные, не смея говорить об этом вслух, в душе именно так и считаем.

«Во-вторых, – говорим мы в свое оправдание, – мы не избранники Божии». Что на это сказать? Однажды преподобного

Серафима Саровского спросили, чего не хватает современным подвижникам по сравнению с древними. И он ответил: «Только одного – решимости». Это можно отнести, наверное, ко всем христианам. Нам всем не хватает только решимости. Конечно, есть то, что в наше время действительно неисполнимо, например, строгие телесные подвиги. Скажем, сирийские пустынники – воски десятки лет питались одной травой. В наше время едва ли можно найти подобных людей. Мы не располагаем этим средством, но, значит, оно и не является существенным. Другие же средства: непрестанная молитва, внимание к своим помыслам, покаяние – в нашей власти, и если мы их не имеем, то это наша собственная вина. Мы сами не стремимся их приобрести, не учимся пользоваться ими для своего спасения.

Мы должны твердо осознать: Евангелие – это основа нашей жизни. Если мы будем всю свою деятельность основывать на заповедях, то это поставит нашу жизнь на прочный фундамент. А если мы возложим надежду на что-то внешнее, допустим на монашество или сугубое уединение, – то, когда обстоятельства вдруг переменятся, мы окажемся совершенно несостоятельны. Некоторые говорят: «Я могу быть настоящим христианином, только если буду монахом». Это примитивный взгляд на вещи. Иноческий образ жизни, по словам аввы Дорофея, изобретен святыми отцами как более легкий путь исполнения евангельских заповедей, но это не значит, что невозможно исполнить Евангелие, будучи мирянином. Тем более смешно рассуждение монашествующих о том, что жить по-евангельски можно только в лесу или в пустыне. Получается, что возлюбить ближнего как самого себя можно только там, где ближнего нет. Как исполнять заповедь о любви к ближнему и о любви к врагам, когда у тебя нет ни ближних, ни врагов? Евангелие – это универсальное учение, которое можно исполнить везде и всюду. Где бы мы ни находились, какую бы одежду ни носили, мы должны всю свою жизнь – и внутреннюю и внешнюю – строить на Евангелии, как на некоем камне.

Итак, как же исполнить Евангелие, с какой стороны к нему подойти? Если бы мы были настоящими, ревностными

христианами, то конкретные указания к этому нашли бы в самом Евангелии: оно не только учит, как нужно жить, но и указывает способы, как применить это учение в жизни. Но на деле трудно бывает, читая Евангелие, самому в нем разобраться, и поэтому мы обращаемся к опыту тех христиан, которые смогли исполнить заповеди и свой опыт зафиксировали письменно, – к опыту святых отцов. Они писали книги не ради того, чтобы прославиться и изложить какие-то оригинальные мысли, а ради нашей пользы. Они предвидели, что когда-то число наставников оскудеет. Да и просто, движимые любовью, они считали нужным описать путь, который они прошли, чтобы их духовным чадам, и вообще братьям во Христе, не приходилось каждый раз открывать уже открытые истины. И когда мы обращаемся к опыту святых отцов, то понимаем, что это, собственно, и есть евангельское учение. Может быть, нам не всегда удается точно соотнести то или иное святоотеческое изречение с евангельским текстом, но по духу, по сути это то же самое. Одни святые отцы писали преимущественно для монахов, другие – для мирян, иные объясняли, как нужно верить, и соответственно появлялась аскетическая, нравственная, догматическая литература, но в конечном счете вся она имеет своим источником Евангелие.

Впрочем, несмотря на обилие святоотеческой литературы, Евангелие никто никогда не отменит и ничто его не заменит. Чтение Евангелия, размышление над ним, принятие евангельской истины в свое сердце является обязательной стороной христианской жизни. Евангелие – это сама жизнь. В нем естественным образом соединяются и догматы, и нравственные истины, утвержденные живым примером Господа нашего Иисуса Христа. Господь, как Человек, прежде всего Сам исполнил Свое учение. Его поведение, описанное в Евангелии, Его отношение к тем или иным жизненным ситуациям – это образец для всех нас. Спаситель является совершенным Человеком, и мы, взирая на человеческое в Нем, должны Ему подражать – Его смирению, любви, самоотверженности, преданности воле Божией и прочему.

Мы не должны думать, что даже верное святоотеческое знание дает нам право на самонадеянность. Если мы не будем понуждать себя исполнять советы святых отцов, то одно знание не принесет нам никакой пользы; а может быть, нанесет и вред, явившись поводом для гордости, как это всегда бывает с людьми, казалось бы, много знающими. Если мы думаем, что, правильно себе все объяснив, мы тем самым уже почти исполнили Евангелие, то мы трагически ошибаемся. Есть много людей, которые с той или иной целью изучают предание Православной Церкви и являются, так сказать, специалистами в этой области. Но в отличие от практиков, в отличие от людей деятельных («практика» в переводе с греческого означает «деятельность»), они не пытаются применить это в жизни, и знание творений святых отцов лежит у них мертвым грузом. Так может получиться и у нас. Если мы прочитаем у Иоанна Златоуста или Иоанна Лествичника о том, что такое любовь к ближнему, и умом будем это знать, но не станем понуждать себя к этому на деле, то это ничего нам не даст. И само чтение может оказаться для нас лишним поводом вообразить, будто мы чем-то отличаемся от людей незнающих – незнающих только теоретически. Бывает, что люди простые, но ревностные, едва услышав слово истины, изо всех сил прилежат тому, чтобы его исполнить. Но чаще бывает наоборот: люди много слышат и изучают, но никак не хотят перейти от слов к делу.

Настоящее знание – это знание опытное. Одно дело, когда кто-то опишет мне вкус экзотического плода, и я представлю себе, что это нечто среднее между таким-то овощем и таким-то фруктом, и другое дело, когда сам я его попробую. Может быть, я не смогу объяснить его вкус другим, но все-таки буду его знать. Так и Евангелие раскрывается для нас именно тогда, когда мы стараемся его исполнять. Поскольку для нас это только отвлеченное чтение, то оно остается для нас сокрытым. Если же мы углубимся в это чтение и понудим себя к исполнению заповедей, то постепенно мы начнем ощущать жизненность Евангелия, понимать, как на деле можно сделать следующий шаг в своем нравственном развитии. Конечно, здесь

большое значение имеет наша молитва. Но и про нее можно сказать, что она есть одна из евангельских заповедей.

Одни люди, читая Евангелие, говорят, что оно непонятно; другим, наоборот, кажется, что там все ясно. Последних я должен предостеречь. Евангельский текст изложен самыми простыми словами – ведь Спаситель и вслед за ним евангелисты излагали учение, необходимое для нашего спасения, а оно должно быть понятным всякому, – поэтому может сложиться иллюзия, что в Евангелии все понятно. На самом деле это не так. Я бы советовал чаще читать Новый Завет, в особенности Евангелие, на церковнославянском языке, чтобы некоторая неясность смысла, возникающая при чтении на этом языке, не разговорном, а чисто церковном, молитвенном, заставляла нас почувствовать, что на самом деле мы не понимаем Евангелия. При чтении русского текста нам кажется, что мы всё понимаем, а понимаем мы всё превратно или даже просто не осознаём того, что читаем. От этой иллюзии нужно избавиться. Если Евангелие изложено просто, то это не значит, что его просто понять и исполнить. Постижение Евангелия зависит не от умственных способностей, не от изощренности в философии или в какой-нибудь иной науке, а от духовного опыта. А поскольку настоящий духовный опыт – вещь весьма редкая и труднодостижимая, то и получается, что простота Евангелия для многих оказывается только кажущейся. Поэтому лучше обращаться к толкованиям святых отцов, – и не только к тем книгам, которые изъясняют Евангелие буквально по стихам, но и к тем, которые излагают жизненный опыт подвижников, на деле исполнивших Евангелие.

Но даже когда мы приступаем к Евангелию, зная святоотеческое учение, и пытаемся исполнить какую-либо заповедь, то встречаем множество препятствий. Я думаю, что существенными препятствиями являются только те, которые находятся внутри нас самих. Мы должны это принять как аксиому: ничто внешнее не может нам помешать. Считая, что те или иные обстоятельства мешают нам исполнить Евангелие, мы тем самым утверждаем, что его невозможно исполнить никому и

никогда, ибо мир всегда враждебен Евангелию и его законы совершенно различны с законами евангельскими.

Ветхозаветный закон был дан при определенных условиях, и исполнить его, действительно, было возможно только тогда, когда его исполняло все общество верующих. В этот Закон были включены установления и гражданские, и обрядовые, и даже гигиенические; вся жизнь верующего человека того времени была регламентирована. Евангелие не таково, в нем мы не видим излишней конкретности. Оно универсально. Оно предписывает исполнить ту или иную заповедь, но не оговаривает при этом никаких условий, не привязывает это исполнение ни к местности, ни к определенным порядкам, ни к гражданским законам, ни к политическому строю. И это наводит на мысль о том, что Евангелие необходимо и можно исполнять везде.

Действительно, Православная Церковь, проповедующая Евангелие в неискаженном виде, существовала при самых разных общественных порядках. Существовала она и при православных государях, и при гонителях христианства. Существовала и среди язычников, и среди иудеев, и среди магометан – и по сей день существует среди людей, безразлично относящихся к религии. Православные христиане жили и в патриархальные времена, когда люди возделывали почву собственными руками и трудились без помощи особенных технических приспособлений, – живут они и сейчас, когда можно пользоваться всевозможными научными изобретениями и облегчать свой труд. Православие неизменно и пребудет таким всегда. И как мы сейчас слушаем и читаем Евангелие, так и наши духовные предки, являясь людьми других национальностей и придерживаясь совсем других обычаев, так же стремились в своей жизни воплотить евангельские принципы. Одним это удавалось, другим почему-то не удавалось, но внешнее никогда не служило для этого препятствием.

Повторю, главным препятствием к исполнению заповедей является именно внутреннее состояние человека. Сам Спаситель говорит, что из сердца исходят злые помышления, и

они оскверняют человека[104]. То есть грех начинается не из-за внешних соблазнов, а изнутри. Да и как можно было бы соблазнить человека, если бы в нем не было страсти, стремления к тому или иному греху? Если бы человек внутренне был чист, тогда ни мир, ни диавол не смогли бы его соблазнить. Как говорит апостол Павел, *для чистых все чисто*[105]. Поэтому преподобные отцы считали, что лучшее средство для исполнения Евангелия – это очищение своего сердца, своей души.

Евангелие нужно начать исполнять изнутри. Если у нас в сердце живет, допустим, ненависть к ближнему, то весьма трудно внешне проявлять по отношению к нему любовь. Конечно, мы можем с трудом заставить себя делать добро человеку, которого внутренне ненавидим, но это возможно лишь при большой степени самообладания, и все-таки это будет неискренне. В лучшем случае это лишь понуждение себя к исполнению заповеди. Исполнена же заповедь будет тогда, когда человек искренне, от сердца будет делать ближнему добро и будет любить своего врага не глядя на то, как тот к нему относится. Тогда не только ненависть, не только злоба, но и вообще никакой грех не будет иметь власти над человеком. Собственно, и зла тогда не будет.

По учению Церкви, существует только одно зло – это грех, все остальное: болезни, соблазны, скорби или лишения – только называется злом. А грех есть уклонение воли человека от воли Божией. Зла как такового, как некоторой субстанции, которая охватывает того или другого человека, не существует. Зло всегда личное, это искаженная воля, искаженный внутренний порядок духовных существ – демонов или людей. И если бы мы пытались оправдаться: мол, демоны внушают нам злые мысли, а люди пытаются нас соблазнить, то это было бы уловкой. На самом деле, если я внутренне не соглашаюсь с грехом, значит, этого зла для меня нет. Любой соблазн может стать для нас как злом, так и добром, в зависимости от того, как мы на него отреагируем. Допустим, какой-либо человек уговаривает нас совершить кражу, но мы проявляем стойкость и отказываемся от этого преступления. Каков результат? Тот, кто

соблазнял нас на воровство, согрешил. Но для нас самих этот соблазн оказался добром, потому что мы исполнили заповедь и несколько преуспели в доброделании. И если бы на нас ополчились даже все падшие ангелы и все соблазны сего мира, но мы отвечали бы на это так, как должно, то только больше бы преуспели в добре.

Заповеди надо исполнять и внешне, и, главное, внутренне. Как же тогда оценивать такое поведение, когда я не могу преодолеть влечение к тому или иному греху, но внешне стремлюсь вести себя добродетельно? Допустим, я испытываю к человеку ненависть, но не показываю ему этого, стараюсь обращаться к нему приветливо и по возможности делать ему добро. Оценивать это можно двояко: иногда это просто лицемерие, и тогда это, конечно, зло. Но иногда это понуждение себя к любви, и тогда это хорошо. Я стараюсь по крайней мере внешне не выплескивать то зло, которое есть у меня в душе, таким образом понуждая себя перемениться и внутренне. Если же я думаю, что все ограничивается только внешним, а внутреннюю свою жизнь не пытаюсь переменить, то это иллюзия: на самом деле мне только кажется, что я меняюсь и становлюсь лучше. Если внешне я запрещаю себе гневаться, предаваться плотской нечистоте, воровать, но внутри испытываю блудную похоть, зависть, ненависть, то на самом деле я весьма много согрешаю. Я в таком случае становлюсь слепым и совершаю много нравственных преступлений – часто по каким-то внутренним мотивам, для меня неизвестным, потому что я не знаю самого себя, – а в своих глазах выгляжу добродетельным, то есть превращаюсь в фарисея.

Евангельские, так сказать исторические, фарисеи, которые следили за внешними поступками, а о внутренней жизни не радели, послужили прообразом фарисеев на все времена. И Спаситель обличает таких: *Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их*[106]. Конечно, Спаситель говорит здесь не о посуде, а о душе: если мы очистим душу, тогда очистятся и наши поступки. Почему мы, желая исполнять Евангелие, постоянно терпим неудачи и поражения? Потому что, берясь за внешнее, мы

отсекаем только побеги греха, а сам корень его остается нетронутым. Грех произрастает вновь и вновь, и мы не понимаем, что с нами происходит. Мы как будто бы искренне хотим избавиться от греха, искренне хотим исправиться в том или ином отношении, но вновь и вновь падаем, иногда даже сильнее, чем до того, как решили исправляться.

Поэтому святые отцы предлагают нам как самый мудрый и, можно сказать, единственно правильный путь к исправлению – внутреннее внимание, привычку следить за своими помыслами, контролировать себя изнутри. Следить не за той действительностью, которая вне нас, а за той, которая внутри нас, потому что именно она на самом деле формирует нашу жизнь. Все евангельские заповеди: о любви к ближнему, любви к врагам, нищете духовной и прочие – нужно исполнять прежде всего внутренне. Я отнюдь не уговариваю вас перестать следить за своими поступками, я говорю лишь о том, что поступки начинаются изнутри. Конечно же, не может человек, совершенно отвратив внимание от своих поступков, заботиться только о внутреннем. Пока идет внутренняя борьба, человек должен внешне удерживать себя в некоторых рамках и постепенно перестраиваться.

Как происходит эта борьба? Мы применяем к себе евангельское учение: в изначальном виде, то есть Евангелие, Новый Завет, или, если можно так выразиться, в адаптированном виде, то есть святоотеческое учение. А надев на себя это спасительное иго, мы видим, насколько наша душа не соответствует тем требованиям, которые мы добровольно себе предъявляем. Мы видим, что в душе постоянно восстаем против той или иной заповеди и поэтому всегда пребываем в борьбе с самими собой. Если же мы не будем предъявлять к себе евангельских требований, то, естественно, не будем нуждаться ни в каких особенных средствах. Если я скажу себе, что заповедь не гневаться обязательна всегда и всюду и мне не может быть никакого извинения, если я ее нарушу, то буду вынужден искать средства ее исполнить. А если мне кажется, что не гневаться – это, в общем-то, хорошо, но и прогневаться – тоже ничего страшного, все равно эту заповедь никто не

исполняет, то мне нет смысла понуждать себя в чрезвычайной степени к ее исполнению? Поэтому преподобный Серафим Саровский и сказал, что современным подвижникам не хватает только решимости. Может быть, для нас, повторю, не всегда разумна решимость в соблюдении постов или совершении телесных подвигов – тут многое зависит от образа жизни, здоровья и других обстоятельств, – но в ведении внутренней борьбы решимость нужна всем: монах ты или мирянин, семейный человек или одинокий. Без решимости человек просто заранее отступает, заранее сдается.

И если я приобрел эту решимость, то во время борьбы я начинаю с чрезвычайной силой заставлять себя пребывать в границах заповеди – допустим, безгневия. Конечно же, человеческих сил на это не хватает. Евангельские заповеди, как справедливо заметил один подвижник, прежде всего научают человека чувствовать свою немощь, он видит всюду свою несостоятельность. И надо заметить, что, собственно, только тот, кто возложил на себя иго Евангелия, и может по-настоящему смириться. Только он на деле, а не в воображении видит, что он грешник, что он не способен своими силами исполнить заповеди. Такой человек не нуждается в том, чтобы вспоминать какие-то тяжкие грехи, потому что даже если он девственник, даже если он с детства воспитан в чистоте и благочестии, он всегда будет видеть в себе множество мысленных, духовных падений. И он будет каяться, плакать и смиряться больше, чем тот, кто на самом деле совершил тяжкие преступления. Почему человек, совершивший, допустим, убийство, испытывает угрызения совести? Потому что он нарушил тот нравственный закон, который добровольно принял прежде: родители ли его научили или общество, неважно. Почему мы не испытываем угрызений совести, когда гневаемся на человека? Потому что не считаем это для себя обязательным нравственным законом.

Итак, строго применяя к себе евангельский закон, мы познаём свою немощь. Что же нам делать? Кто нам может помочь? По неопытности у нас может быть несколько ошибок. Первая ошибка: мы надеемся либо прочитать в книге, либо

сами изобрести нечто такое, что облегчит нам борьбу с грехом или даже вообще сделает ее ненужной. Не буду далеко ходить за примером, расскажу о себе. Когда я был молодым, то прочел у Иоанна Лествичника, что смирение – искоренитель страстей, и подумал: «Стяжу смирение и сразу все страсти в себе искореню». И давай «стяжевать» смирение! А что такое смирение и с какой стороны к нему подойти, я и понятия не имел. Сейчас я едва умом стал понимать, что такое смирение, а тогда думал, что я уже близок к цели. Можно дойти до смешного, как в моем случае, а можно поддаться этой ошибке более тонко. Например, прочитать святоотеческие книги и подумать: «Вот, они избавят меня от страстей. Буду в точности все делать, как здесь написано, и все будет хорошо». На самом деле это тоже наивно. Если мы будем относиться к творениям святых отцов как к чему-то заменяющему Евангелие, они превратятся для нас в то, чем для иудеев является Талмуд, который не объясняет Моисеева закона, а искажает и затемняет его. И если мы думаем, что в святоотеческом учении заключено все и что, изучив его, мы автоматически можем исполнить Евангелие, то это учение затмевает для нас евангельский закон. Конечно, я не отрицаю того, что читать святых отцов необходимо, но нужно понимать, что спасает человека не само чтение, а исполнение прочитанного, притом исполнение мудрое, с пониманием, а не наивное и, можно сказать, детское.

Вторая ошибка: мы чрезмерно надеемся на духовников, на их советы, полагая, что от самих этих советов в нашей жизни все изменится. В наше время духоносных старцев, подобных древним, можно сказать, почти нет. По крайней мере, на всех не хватит: по всей России нам известно несколько человек. Когда мы приезжаем к этим старцам, то нам едва-едва удается пять минут побеседовать с ними, и мы счастливы. А чтобы они постоянно нами руководили – такого нет, да и, наверное, быть не может. Но даже если бы у нас был духовником святой старец, то ведь его совет сам по себе магического действия не производит. Совет оказывается хорош (если он, конечно, правильный), когда мы его исполняем, а не когда он только достиг наших ушей. Допустим, я на исповеди покаялся в

гневливости, батюшка мне сказал: «Знаешь, ты старайся не обращать внимания на чужие недостатки, а больше следи за своими, и тогда будешь меньше гневаться. Такой совет мне, предположим, подходит, и вот я выхожу окрыленный, у меня от этих слов вся гневливость будто уже прошла. И я уже не думаю о том, что мне нельзя обращать внимания на чужие недостатки. Однако при следующем искушении, конечно же, повторяется то же самое, иногда с большей силой, и я удивляюсь: как же так, почему мне совет не помог? А не помог потому, что я понадеялся на человека и не думал, что мне самому нужно делать то, что говорит мой духовник. Нам кажется, что само общение с духовником, даже без понуждения себя, нас спасает и исправляет.

Кто-то из отцов сказал, что иной послушник мало общается со своим старцем, но когда слышит от него несколько слов, ревностно принимает их к сердцу, исполняет их и получает пользу. А другой постоянно находится при старце, но не радеет о том, чему его учит старец. И от своего по видимости постоянного послушания никакой пользы получить не может. Я говорю это, чтобы напомнить: все зависит от нас. Святоотеческое учение приносит пользу лишь тогда, когда оно является руководством к действию.

Иногда мы допускаем третью ошибку, более тонкую, которую самому бывает трудно приметить: дойдя до главного, до сути дела, мы и здесь уклоняемся. Узнав об умном делании, об Иисусовой молитве, стараемся постоянно ей прилежать, но не заботимся о преуспеянии в молитве, не понуждаем себя к этому. Думаем, что если будем аккуратно исполнять четочное правило и повторять Иисусову молитву в течение всего дня, не понуждая себя при этом к вниманию и отсечению помыслов, то будем от этого преуспевать, так сказать, автоматически. И когда Иисусова молитва нам не помогает, когда мы вновь и вновь поддаемся страстям и падаем, как сказано в псалме, с шумом, то недоумеваем: что же такое?! Иисусова молитва нам не помогает! На самом деле и здесь суть ошибки в том же: нам хочется, чтобы все произошло само собой, каким-то магическим

образом: раз мы исполняем внешнюю сторону, то и внутри нас все автоматически должно меняться.

Итак, избегая этих ошибок, которые сводятся к надежде на что-то внешнее, человеческое, мы должны приобретать надежду на Бога. Прежде всего это выражается в молитве Иисусовой. Когда мы чувствуем свою немощь при исполнении евангельской заповеди, мы вынуждены просить помощи – а просить ее не у кого, кроме Господа. Все остальное: чтение святых отцов, послушание духовнику – это помощь второстепенная. И хороший духовник – тот, который внушает своему пасомому, что только Бог может ему помочь.

Расскажу такой случай. Как-то в молодости у меня было внутреннее тяжелое искушение. К своему духовнику я, по некоторым обстоятельствам, попасть не мог. Я хотел попросить совета у какого-нибудь другого духовника, но один (я думаю, это было промыслительно) был занят, другой тоже никак не мог найти для меня времени… Я в глубочайшем отчаянии сидел на скамеечке напротив храма, а мимо меня проходили люди, о чем-то беседуя между собой. И вдруг одна женщина повернула голову ко мне и сказала: «Если Бог не поможет, то никто не поможет». Я воспринял эти слова так, как если бы они были адресованы именно мне, хотя это, по здравому рассуждению, была просто часть беседы. Я получил то назидание, в котором я тогда нуждался: понял, что действительно мне не поможет ничей совет, мне просто нужно более усердно молиться. И в конечном счете это самое главное. Бывают подвижники, которые по той или иной причине не имеют возможности назидаться у опытных наставников. Бывают такие времена или такие обстоятельства, когда человек не имеет возможности назидаться по святоотеческим книгам: либо их, как это было совсем недавно, вообще нет, либо нет нужной ему книги. Но лишить нас помощи Божией не может никто, нигде и никогда. Итак, опорой в духовной жизни является для нас именно непрестанная молитва.

Святые отцы избрали для непрестанной молитвы слова молитвы Иисусовой как наиболее подходящие для этого делания. Но на самом деле молитва Иисусова – это не только

собственно молитва, а именно внутреннее, или умное делание, то есть борьба с помыслами, понуждение своего ума и сердца к исполнению Евангелия внутри себя и постоянное призывание помощи Божией для того, чтобы победить самих себя. В конечном счете наша цель состоит именно в том, чтобы победить самих себя, потому что мы сами – это единственный враг, который мешает нам жить по-евангельски. Больше нам помешать никто и ни при каких обстоятельствах не может. Понуждая себя внутренне исполнять заповеди, мы просим Бога о помощи, и Он помогает нам настолько, насколько нам не хватает сил. Но некоторые люди почти совсем не понуждают себя, а только мысленно желают жить добродетельно. Они просят Бога о помощи, а ее нет – и нет потому, что на самом деле помогать им не в чем. Помогают только тому, кто что-то делает. И это другая сторона внутренней жизни. С одной стороны, мы должны осознать свою глубочайшую немощь, с другой – понуждать себя настолько, насколько у нас хватает сил, пусть их даже ничтожно мало. И только в этом крайнем понуждении себя человек опытно познаёт свою немощь. Если он не будет до крайности себя понуждать, то и Бог ему не поможет. Как говорит Пимен Великий, «если ты будешь бороться, то и Бог будет поборать за тебя. Если ты не будешь бороться, то и Бог не будет тебе помогать».

Итак, именно умное делание в наше время (да, наверное, и вообще во всякое) является единственно возможным средством для того, чтобы исполнить заповеди. Конечно, у людей существуют разные обязанности. И нужно быть благоразумным: если ты, ведя автомобиль, закрываешь глаза и опускаешь ум в сердце, то это нелепо. Если ты отказываешься от трудового послушания в монастыре под тем предлогом, что тебе нужно углубляться в себя, то это также неразумно. Каждой вещи свое время. Где нам проверять, преуспели мы в исполнении заповедей или нет? И где мы будем в этом преуспевать, если не хотим даже шелохнуться, а только следим за своим умом? На такой образ жизни могут дерзать лишь немногие высокопреуспевшие подвижники. Для нас же весьма подходит наставление аввы Дорофея, которое тот дает подвижникам-

келлиотам: «Находясь в келье, подвизайся и молись. Потом, общаясь с братьями, следи за собой, в чем ты погрешил, потом опять возвращайся в келью, опять кайся и борись с собой».

Для нас общение с людьми всегда является проверкой нашего нравственного состояния. Если бы мы имели возможность уединиться (я думаю, многие из нас с удовольствием бы это сделали), то мы, будучи преисполнены страстей, не видели бы их, ибо страсти обнаруживаются от общения друг с другом. Мы казались бы себе прекрасными, совершенными людьми. И если бы, не дай Бог, нам встретился маленький соблазн, то мы, такие «совершенные», вмиг упали бы. Иногда даже бывает, что люди в таких случаях впадают в самые страшные, смертные грехи.

Поэтому почти для всех людей полезнее общаться друг с другом: именно в этом общении человек и проверяется, и искушается, и, можно сказать, преуспевает в исполнении заповедей, если он, конечно, себя к этому понуждает. Будем дорожить тем небольшим уединением, которое мы имеем, будем употреблять его на духовные занятия, в особенности на молитву. И тогда наше стремление к уединению действительно окажется осмысленным, серьезным, настоящим. А то бывает, что человек как будто стремится к уединенной молитве, но когда ему выпадает возможность уединиться, то он скучает и ищет, чем бы развлечься. Небольшое свободное время в течение дня он тратит на нечто пустое и этим доказывает, что мечта об уединении рождается у него от гордости. А на самом деле он его не желает.

Сейчас я нарисовал перед вами такую картину, что, может быть, в некоторых из вас чрезвычайно возгорится ревность, и они скажут: «Ну, все, теперь мы знаем, что делать. Сейчас же начнем молиться Иисусовой молитвой! С завтрашнего дня будем жить по Евангелию!» Думать так наивно. Нужна борьба. Для того чтобы победить в этой борьбе или хотя бы несколько превозмочь самого себя, необходимо время, иногда длительное, потому что борешься-то ты с самим собой. А человек – существо лукавое и переменчивое. Сегодня ты всей душой стремишься к Богу, завтра ты об этом забываешь и

поддаешься страсти с безоглядным увлечением. И борьба состоит именно в том, чтобы придать своим добрым стремлениям постоянство. Опыт показывает, что для этого, как я сказал, необходимо долгое время – даже если человек себя понуждает. Если же человек нерадив, то, конечно, изменения в нем бывают микроскопические.

Однако я не хочу, чтобы вы сделали такой вывод: «Все равно из нас ничего особенного не получится, мы Евангелие никогда не исполним – это ясно. Конечно, интересно было послушать, но жизнь есть жизнь». Нужно себя всячески, изо всех сил понуждать себя к жизни по заповедям. Не всякий может приобрести бесстрастие, как говорит Иоанн Лествичник, но покаяние необходимо для всех. Вот это покаяние, то есть борьбу с грехом, постоянное осознание своей немощи, ничтожества, своего полнейшего отклонения от Евангелия, каждый из нас должен приобрести. А это возможно, но, как уже сказал, тогда, когда человек считает для себя обязательным исполнять Евангелие во всех его тонкостях, а не думает: вот, мол, заповеди «не прелюбодействуй» и «не убий» я исполнил, и все, хватит с меня, я и так уже чуть не святой.

Кающийся человек – это тот, кто ведет борьбу с грехом. Иногда эта борьба бывает настолько болезненной, что человек плачет о своей греховности, просит у Бога прощения и помилования за то, что не может себя заставить жить по-евангельски. Вот это состояние – пусть не плача в буквальном смысле слова, но сокрушения сердечного, осознания себя нарушителем евангельских заповедей – необходимо всем. А достигнуть состояния евангельского совершенства, бесстрастия, или, иначе говоря, исполнить все заповеди, – это удел немногих. Иногда Господь не допускает человека достигнуть совершенства по разным причинам. В основном для того, чтобы тот не возгордился, потому что гордость – такая страсть, которая находит повод даже в святости. Может быть, еще для того, чтобы этот человек не оставил общения с другими людьми, потому что ему лучше впадать в какие-то малозначительные грехи, смиряться и приносить людям пользу, чем прийти в блаженное созерцательное состояние, когда он

уже ни в ком и ни в чем не будет нуждаться и не сможет общаться с людьми. Может быть, есть и еще какие-то причины.

Большинству людей Господь не дает бесстрастия, но борьбу обязан вести каждый из нас, потому что без нее ни слез, ни сокрушения сердечного появиться не может, все это будет только мечтой. Если я буду говорить о себе, что я самый великий грешник, а в сердце этого не чувствовать, то, как говорится, грош этому цена. А такого сердечного чувства можно достичь только опытом духовной жизни.

Это понятно даже на примере какого-нибудь ремесла. Допустим, мне прекрасно объяснили, как строгать доски, теоретически я все знаю, но на самом деле я узнаю, как их строгать, только когда сам возьму в руки рубанок. Так же и в духовной жизни: есть много людей, которые прекрасно говорят на разные темы, но делать умеет мало кто. А ведь в этой деятельности опыт особенно важен. Не нужно думать, что если духовную жизнь нельзя, так сказать, пощупать, то она уже не конкретна и здесь можно сказать и сделать все что угодно – и это «сойдет», потому что тут ничего не проверишь. Нет, это только кажется неопытным людям. На самом деле здесь прекрасно можно все проверить, причем совершенно точно. Для того, кто имеет опыт, все будет ясно как дважды два четыре: кто духовный, кто малодуховный, кто правильно духовный, а кто в прелести. Все это так же точно и конкретно, как и вся остальная человеческая деятельность. А последствия гораздо более серьезные, чем от ошибок в каком-нибудь ремесле или даже политике.

* * *

Как, находясь среди мира, сохранять внимание и избегать соблазнов?

Это слишком обширный вопрос. Нужно иметь ревность к внимательной молитве, то есть приучать себя, насколько это зависит от человека, молиться, во-первых, непрестанно, во-вторых, по возможности внимательно. Кроме того, стараться ни во что постороннее не вникать, не интересоваться ни тем, что вокруг тебя происходит, ни тем, кто что делает, ни тем, кто как одет. Ни к чему не проявлять никакого любопытства. С точки

зрения падшего человеческого естества, с точки зрения гуманистического представления о том, что такое добро, это кажется нелепым. Но на самом деле весьма полезно относиться ко всему, что вокруг тебя происходит, безразлично, быть эгоистом ради молитвы. Благодаря этому будет сохраняться некоторое внимание. Если же ты, идя по улице, будешь размышлять: «Зачем они матерятся? Сейчас я им сделаю замечание», то пользы все равно не будет. Ты никому не поможешь, ничего не исправишь, никакого добра в действительности не сделаешь, а только рассеешься.

Конечно, нельзя равнодушно проходить мимо человека, который по-настоящему нуждается в помощи. Например, видя упавшего, думать: «Пусть лежит себе, лишь бы я не рассеивался». Есть случаи, когда действительно необходима отзывчивость, хотя в большинстве случаев лишь кажется, что требуется помощь. Надо хранить глаза, слух и уста. Никому ничего не проповедовать и, главное, не вступать ни в какие споры. Тогда, насколько возможно, будешь не рассеян.

Как поступать, если тебя насильно заставляют делать зло, например воровать. Это для меня зло или нет? Может быть, лучше потерять работу?

Нужно посоветоваться с духовником, потому что иногда нам кажется очевидным то, чего на самом деле нет. А если это действительно воровство, то нужно отказаться в этом участвовать и быть готовым к скорби, потому что в чем же иначе состоит исполнение заповеди? Мы будем исполнять заповеди, только когда это легко? А если это связано с какой-то скорбью, то мы сразу отступаем: «Иначе нас с работы уволят, что мы будем дальше делать?» и так далее. Конечно, нужно проявить принципиальность. Я думаю, что и с работы не уволят, – отказаться это делать и все.

Батюшка, я читаю Евангелие со множеством посторонних помыслов. Иногда мне кажется, что через слова Евангелия ко мне обращается Сам Господь, причем чаще всего укоряет. Читаю Евангелие – и такое чувство, что я везде виновата. Не прелесть ли это?

Думаю, что это, наоборот, очень правильно. Как раз, когда мы читаем Евангелие внимательно, слова Спасителя звучат для нас так, будто они обращены именно к нам, и преимущественно обличительные. Плохой признак – если мы, читая Евангелие, отделяем себя от фарисеев, грешников и определяем себя в число праведников, апостолов; если нам кажется, что к нам относятся только похвалы. Это подозрительно и странно. А вот когда мы чувствуем, что нас укоряют, учат, иногда подбадривают, иногда обличают, то это нормально, так и должно быть.

И когда мы читаем внимательно, появляется чувство, будто мы слышим речь Спасителя, следуем за Ним и чуть ли не видим все это, хотя мы и не понуждаем себя ни к какому образному восприятию. Мне кажется, это очень правильное отношение к Евангелию. Вообще, Евангелие нужно читать просто, то есть внимательно. Не нужно никаких мыслей, никаких рассуждений, никаких истолкований – нужно внимательно читать. Ты понимаешь Евангелие не тогда, когда можешь о нем подробно, витиевато и тонко рассуждать, а тогда, когда та или иная евангельская фраза доходит до твоего сердца во всей своей жизненной силе. Вот когда ты почувствовал сердцем, как исполнить заповедь о любви к ближнему, тогда ты понял эту заповедь.

В Евангелии от Луки сказано, что надо садиться ниже, и тогда будешь выше перед Богом. А если кто-то постоянно в храме стоит впереди и старается первым подойти и ко причастию, и ко кресту, значит, он, наоборот, в глазах Божиих стоит ниже, чем другие?

Каждый должен думать о себе, а не о другом. А то начнем всех садить пониже, чтоб они перед Богом были выше… Каждый должен думать о себе, это очень важно. Евангелие – это такое учение, которое нужно применять только к себе. Если мы применяем его к другим людям, то это уже вообще не евангельский подход. В Моисеевом законе было предписание: того, кто нарушал закон, все общество побивало камнями. В Новом Завете такого нет, здесь каждый, как говорится, отвечает сам за себя. А если нам кажется, что мы понимаем Евангелие, и

при этом говорим: «Вот Татьяна того-то и того-то не делает, Алексей вот так-то и так-то нарушает Евангелие, а Людмила хотя и делает, но не так», значит, мы далеки от правильного понимания Евангелия.

Передаются ли по наследству, от родителей детям, страсти и добродетели? Или все это каждый человек приобретает сам?

Я думаю, что страсти и недостатки родителей, действительно, передаются детям, как и добрые качества. Если человек лицом похож на своего родителя, то, конечно же, и внутренне он тоже должен быть как-то на него похож. Иногда это очевидно, иногда нет. Бывает, что дурные и добрые наклонности передаются даже не от родителей, а от дедов. Но в то же время человек свободен. Даже дурная наследственность по отношению к человеческой свободе является чем-то внешним, а все внешнее может быть с Божией помощью преодолено. Поэтому, какие бы страшные грехи и страсти ни были у человека, он может их победить.

При чтении Евангелия чувствую внутреннюю сухость, трудно воспринимать евангельские слова. Как с этим бороться? Как сделать, чтобы чтение Евангелия было более живым?

Здесь самое лучшее средство – это просто усердный труд. Чувствуешь ли ты сухость при Иисусовой молитве, чтении Евангелия или Псалтири, на богослужении – неважно, ты должен преодолевать ее усердием. И в случае с чтением Евангелия нужно просто проявить терпение. Если мы будем внимательно и много читать Евангелие, то постепенно сухость уменьшится и в конечном счете отступит. Когда я говорил своему духовнику, что испытываю при Иисусовой молитве сухость, то он отвечал: «Сухо ли, мокро ли, молись все равно».

Поэтому не нужно усиленно искать каких-то средств против сухости. Достигнуть постоянства в духовных ощущениях очень трудно, это считается уже высоким преуспеянием христианина. Не нужно слишком стремиться к такому постоянству. Трудись как получается, читай больше, внимательнее, и все. А если мы будем рассуждать да вычислять, то в конечном счете

запутаемся и ничего не вычислим, только зря время потратим. Будем сидеть и думать: «Почему у меня сухость в этот раз? А в тот раз почему была?». Да лучше, чем вычислять, больше помолился бы, и сухость бы прошла.

Если есть немного свободного времени, то что предпочесть – чтение Евангелия или святых отцов?

Нужно установить некий минимум: обязательно (конечно, по благословению) читать сколько-то глав Евангелия. И конечно же, нужно читать святых отцов, в особенности новоначальным, потому что мы не можем даже Евангелие правильно воспринять в самой общей форме, если не будем читать святых отцов. Если бы мы были людьми чистыми, такими как Кирилл Александрийский, Григорий Богослов или Афанасий Великий, то нам, может быть, и святых отцов читать не надо было бы. Мы бы все сразу правильно поняли: и догматы, и нравственное учение Евангелия. Но поскольку мы очень немощны и умственно, и нравственно, то с нами, пожалуй, может произойти то, что происходило с еретиками. Они, отвергая церковное предание, понимали Евангелие, так сказать, оригинально (а оригинальность в данном случае – очень опасная вещь) – и вместо тех выводов, которые вся Православная Церковь с апостольских времен делала из чтения Евангелия, они делали свои, особенные выводы. Так возникали и по сей день возникают многие ереси и секты.

Мы должны понимать Евангелие так, как понимают его святые отцы. Если бы в ком-либо постепенно, при помощи чтения святых отцов, выработался абсолютно правильный взгляд на Евангелие, тогда можно было бы допустить, что этому человеку, как Серафиму Саровскому, достаточно читать одно Евангелие. Он все всегда правильно поймет, как приобретший опыт и в святоотеческом понимании Евангелия, и в особенностях действия благодати. Нам же нужно с чрезвычайной осторожностью к этому относиться, чтобы вы не поняли мою похвалу Евангелию в том смысле, что нужно пренебрегать святыми отцами. Ни в коем случае. Просто я предупреждаю, что святые отцы не должны затмевать само

Евангелие. Они являются для нас как бы ступенькой, по которой мы восходим к правильному пониманию Священного Писания.

Когда не могу сосредоточиться при чтении Евангелия, то, чтобы было легче, читаю вслух. Можно ли так? Кажется, так меньше стужают помыслы.

Можно делать и так. Но лучше все-таки понуждать себя вмещать ум в слова Евангелия так же, как при молитве Иисусовой и при других молитвах. То есть не иметь никаких посторонних мыслей, ни хороших, ни плохих. Читать, так сказать, созерцательно. Не пытаться размышлять над тем или иным местом Священного Писания, потому что, во-первых, мы можем понять неправильно, а во-вторых, даже если бы мы получили правильное понимание, то оно ничего не стоило бы по сравнению с пониманием сердечным, жизненным – таким, которое связано со стремлением или умением исполнить евангельское слово. Если есть желание разобраться в евангельском тексте, то я бы очень и очень не советовал делать это самостоятельно. Это чрезвычайно опасно.

Меня смущает один эпизод из жития преподобного отца Кукши Одесского. Перед отъездом отца Кукши с Афона старец спросил его: «Хочешь ли увидеть власть человека над силами природы?», потом перекрестил ночное небо, оно посветлело и разверзлось. Там ученик увидел Господа и пришел в ужас. Разве такое может быть?

А почему не может быть? Мы почему-то считаем, что все чудеса были в прошлом, а сейчас ничего невозможно. Просто мы немощные, и судим по себе. Все может быть, тем паче на Афоне. Там и по сей день есть великие старцы. Еще в XIX веке там были подвижники, которые жили, как звери, вдали от людей, в каких-то пещерах, питались травами, корнями. Кто знает, в каком духовном состоянии они были? Конечно же, эти люди не искали славы, сейчас даже неизвестно, где покоится их прах. Но мы можем ведь предположить, что при таком суровом подвиге у людей была какая-то особенная благодать? Конечно же, можем. А старец Силуан, русский подвижник недавнего времени, умерший лишь в 1938 году, видел Господа преобразившимся в иконе, восхищался умом на небеса,

молился о всем мире. По его молитвам и чудеса были, например, буря прекращалась на море. Хотя он не придавал этому особенного значения, считая, что самое великое чудо – это молитва за весь мир.

Апостол Павел сказал: *Христос вчера, сегодня и во веки тот же*[107]. Но мы этого не хотим помнить. Чтобы оправдать свое нерадение, мы говорим: время переменилось, а что это значит? Стрелки на часах, что ли, стали длиннее или короче? Один мыслитель сказал: «Время – это люди». И если переменилось время – значит, переменились люди, то есть мы. А на самом деле и в наше время чудеса возможны, и в описанном случае я не вижу ничего невероятного. Я сам одессит, родился в 53-м году, а отец Кукша почил в середине шестидесятых годов. Конечно, я был еще тогда неверующим, обратился к вере в 73-м году. Все одесситы ходили на могилу к отцу Кукше, считали его святым и молились ему, некоторые даже с верой брали землю с его могилы и ели. Мне рассказывали случаи, когда от этого исцелялись раковые больные. Все мы его почитали, и прославлен он был сравнительно быстро, через сорок лет после смерти. Многие рассказывали о его прозорливости, о том, как он чудеса творил. Например, остатки пищи он сбрасывал в какую-то кастрюльку, они там протухали, бродили. А потом, когда к нему приходил какой-нибудь больной, он говорил ему: «Съешь». Тот съедал и выздоравливал. Поэтому я в рассказанном эпизоде ничего невероятного не вижу.

Как нужно относиться к своему таланту?

Смотря к какому: если у тебя талант играть в карты, то закопай его в землю, и чем глубже, тем лучше. Если у тебя талант танцевать, то, наверное, его тоже нужно закопать. Но если у тебя есть талант, которым можно послужить людям, допустим какое-то ремесло: шить, например, или петь, то можно петь в церкви, а шить как гражданскую одежду, так и церковную – все это необходимо.

Необходимо рассмотреть с нравственной точки зрения, насколько этот талант действительно полезен. Кроме того, нужно серьезно подумать, а существует ли этот талант вообще.

Может быть, тебе кажется, что у тебя талант петь, а на самом деле только ты запоешь, как люди плакать начнут, но не от умиления, а от огорчения. Человек может вообразить, что у него есть талант, а потом говорить: что же вы не даете мне свой талант реализовать?

Кроме того, даже если бы у какого-либо человека и был талант, то, наверное, ему нужно было бы еще и на Промысл Божий положиться. Неизвестно, угодно ли Богу его талант развить и сделать этого человека известным. Может быть, человеку во вред пойдет его талант, может быть, когда этот талант разовьется и человек получит одобрение от большего или меньшего числа людей, то впадет в гордость и погибнет.

Например, у преподобного Нектария Оптинского был необыкновенно красивый голос. Однажды он, кажется в Великий четверг, на клиросе (у него был прекрасный тенор) очень красиво спел «Разбойника благоразумного». В партесном пении тенор обычно поет соло. Преподобный Нектарий испугался, что его из-за этого переведут в монастырь. Он жил в скиту, где была более строгая жизнь, там всегда были рядом оптинские старцы. Считалось, что духовная жизнь в скиту более интенсивная. Вот он и испугался, что его в монастырский хор из скита заберут, – и стал фальшивить. Сначала его перевели с правого клироса на левый, но он продолжал фальшивить, тогда его вообще из хора убрали. А преподобный делал это для того, чтобы ему беспрепятственно заниматься умным деланием. Так он закопал свой талант в землю, но, я думаю, он ничего при этом не потерял. Это не значит, конечно, что все певчие должны нарочно фальшивить, а иконописцы писать левой рукой и так далее. Я просто привожу пример того, что главное – это духовное, подвижники ставили духовную жизнь выше всего.

Друг святителя Игнатия (Брянчанинова), схимонах Михаил (Чихачев), однажды в гостях у своих петербургских знакомых беседовал со знаменитым итальянским тенором, который приехал в Петербург на гастроли. Зашел разговор о пении, и схимонах Михаил спел так, что тенор был потрясен. Он сказал: «Вам нужно на сцене блистать, вам нужно петь!» Тот ответил: «А я пою – пою Богу моему, до́ндеже есмь». Он, по мирским

меркам, тоже закопал свой талант в землю, но в духовном смысле – только выиграл.

Поясните сказанное вами, что некоторые ошибаются, считая желательным всестороннее развитие. Сказано это было в контексте заповеди: *Лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную*[108]. Что вы имели в виду под всесторонним развитием?

Я имел в виду так называемое гармоническое развитие. Такие взгляды появились с развитием светской культуры, начиная с эпохи Возрождения: человек якобы должен быть всесторонне развитым – и умственно, и физически, и культурно, и духовно. Хотя духовность, как правило, понимается в таких случаях очень расплывчато. Под всесторонним развитием подразумевается то, что человек должен овладеть всевозможными знаниями и умениями, не пренебрегая ничем.

Если Церковь учит отсекать соблазнительные вещи, учит внутреннему и внешнему самоограничению, то здесь мы видим полную противоположность. В связи с этим в жизни возникает, конечно, много разных противоречий.

Понятие о всестороннем развитии нам, православным людям, чуждо. Некоторые пытаются своих детей всесторонне развивать и до того иной раз разовьют, что они потом и в церковь ходить не хотят, потому что уже не желают идти вперед, а только в разные стороны.

«Жертва Богу – дух сокрушен…»

Без покаяния нет православного христианина. – Как приобрести сокрушенный дух. – Евангелие – зеркало нашей совести. – Чем различаются покаяние и уныние. – Покаянной молитвой очищается сердце. – Покаяние для мирянина. – Как правильно исповедоваться. – Не может быть покаяния без борьбы со страстями. – Что такое болезнующее сердце? – О покаянии душевном и духовном. – Как преуспеть в покаянии: советы духовного наставника. – О правильном причащении. – Что значит чистая совесть? – Господь прощает кающемуся всякий грех.

Сегодня мы побеседуем о покаянии. Воспоминание об этом всегда уместно и всегда приносит пользу.

У святителя Игнатия (Брянчанинова) есть замечательная беседа, может быть, с несколько сложным названием: «О различных состояниях естества человеческого по отношению к добру и злу». Она обращена в первую очередь к монахам, но если рассудить, на самом деле относится ко всем христианам. Святитель начинает эту беседу со слов о том, что некоторые люди, поступив в монастырь и пробыв там довольно долгое время, к своему ужасу вдруг обнаруживают, что страсти в них не только не уменьшились, но и умножились. А оглянувшись вокруг, видят, что и в их соработниках на ниве духовной, в их собратьях страсти также умножились. У нас может возникнуть недоумение: как же так? Человек пришел в монастырь для исправления, а стал еще хуже. Но не нужно торопиться осуждать монахов: то же самое часто происходит со многими православными христианами после того, как они обратились к вере и пришли в храм Божий.

Наверное, большинство из нас родились не в христианских семьях и пришли к вере, не будучи воспитаны в ней с детства. Пришли с покаянием, пришли с отречением от своей прежней жизни, с ревностью, желанием пойти по совершенно новому пути. И первое время, когда человек только вступает в христианскую жизнь: оставляет прежние тяжкие грехи,

усваивает церковный устав, начинает исполнять первоначальные требования Церкви, все у него идет хорошо. Он чувствует энтузиазм, воодушевление, утешение от своих духовных трудов, но проходит самое большее несколько лет, и его ревность остывает. Все у него идет теперь уже не с воодушевлением, а с безразличием, в сердце его появляется некоторый холодок, даже пустота. И к сожалению, бывает так, что человек этот не только ничего не приобретает, но даже возвращается к прежним тяжким грехам, именно оттого что потерял свою первую ревность. Почему он ее потерял, что с ним происходит, он не понимает. Все для него стало спокойно, тихо, неинтересно. Многие перестают регулярно посещать богослужения, посты если и соблюдают, то уже не так строго, молятся – лишь бы прочитать правило, так сказать оттарабанить, выполнить свой долг, без всякого вкуса к молитве. К духовному чтению появляется равнодушие, все становится неинтересно, а иногда такой человек, по своей ограниченности, воображает, что он уже все знает. Хотя он ознакомился лишь с элементарными требованиями Церкви к православному христианину, ему кажется, что он уже все усвоил и ни в чем не нуждается.

Итак, святитель Игнатий говорит о монахах, которые почувствовали разочарование в себе, убедились в своей несостоятельности, увидели, что они за много лет только умножили свои страсти. Отчего это произошло? Святитель отвечает: оттого, что они не приобрели покаяния, этой самой главной, самой основной добродетели. В других своих творениях, уча о покаянии, святитель Игнатий утверждает, что это та самая добродетель, которая отличает православных христиан от инославных, то есть тех, которые так или иначе, более или менее отступили от истинного пути, от точной православной веры. Он пишет, что как в храме Божием все пропитано запахом ладана: любая одежда, любой покров, – так и все добродетели должны быть пронизаны духом покаяния.

Рассуждая о покаянии, уместно вспомнить слова пророка Давида из пятидесятого псалма, которые все мы слышим очень часто, ежедневно, может быть, даже по нескольку раз. Он

говорит: *Всесожжения не благоволиши. Жертва Богу – дух сокрушен; сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*[109]. Под всесожжением нужно понимать, конечно, не только всесожжение в буквальном смысле, то есть животное, полностью сжигаемое на алтаре. Всесожжение в духовном смысле – это самые угодные Богу труды, даже готовность чуть ли ни жизнью своей пожертвовать, когда человек живет уже не для себя, а для Бога. Вот такое полное самоотвержение, в каком бы виде подвига оно ни проявлялось, можно назвать всесожжением. Но даже такого самоотвержения Бог не принимает, если мы не имеем сокрушенного духа. *Жертва Богу – дух сокрушен*. Вот что нужно приносить Богу в жертву – сокрушенный дух.

Сокрушенный дух приобретается не какими-то искусственными упражнениями, которые должны привести нас в состояние уничижения. Если это уничижение будет искусственно, надуманно, то оно все равно останется неискренним. Людей таким образом обмануть можно, можно обмануть даже и самого себя, но Бога, конечно же, не обманешь. Бог взирает на сердце и видит сердце человека так, как мы видим его лицо. Подлинное духовное, сердечное сокрушение мы приобретаем тогда, когда начинаем искренне, по-настоящему, перед самими собой, а не перед людьми и не для людей, видеть свои грехи. Созерцая свою греховность, многократно в ней убеждаясь (а для этого необязательно, как кажется некоторым людям, совершать какие-нибудь страшные грехи), мы приходим именно в сокрушение духовное. Само слово «сокрушение» говорит о своего рода уничтожении, разрушении. Если до этого горделивый наш дух высился, как некая громада, то от сокрушения он унижается и смиряется.

Смирение не такая добродетель, которую, как многим по неопытности кажется, нужно искусственно прививать, которую нужно воспитывать в себе путем надуманных упражнений. Смирение есть познание самого себя. Чтобы смириться, не нужно ничего привносить в свою душу извне. Наоборот, надо углубиться в себя и откровенно, честно, непредвзято увидеть себя таким, какой ты есть. Конечно, это бывает горько, страшно,

мучительно, и тут необходимо мужество. Многие, не имея этого мужества, избегают трезвого взгляда на себя, боятся его. Они всячески сами себя обманывают и, так сказать, что-то из себя строят, чтобы утвердиться прежде всего перед самими собой и утешить самих себя: мол, не такие уж мы плохие. Тут идут в ход всякие уловки. Обычно мы сравниваем себя с людьми, которые на вид как будто бы хуже нас и делают более тяжкие грехи, а таких людей всегда можно найти. Часто мы бываем настолько слепы, что, не замечая своих грехов или как-то извиняя себя в совершении их, другого человека за те же самые грехи судим строго. Мы ходим в храм Божий, молимся, соблюдаем посты, не совершаем тяжких смертных грехов, но это не значит, что мы праведники, просто мы не замечаем своих бесчисленных прегрешений. И вот смотрим на какого-нибудь опустившегося человека, пьяницу, и говорим: «Ну я же не такой плохой, как он». И таким образом постоянно утешаем себя, вместо того чтобы укорять себя и искать в себе греховность. Мы, повторю, избегаем трезвого взгляда на себя. Нам страшно увидеть себя такими, какие мы есть.

Как приобрести это сердечное сокрушение? Что для этого нужно сделать? Все зависит от того, какие требования мы к себе предъявляем. Если мы к себе снисходим и предъявляем требования минимальные, тогда, естественно, и сокрушения сердечного у нас не будет. Если я от себя требую, скажем, только того, чтобы не пьянствовать и не воровать, и у меня это легко получается, то я и буду считать себя добродетельным человеком. Если же я предъявлю к себе требования евангельские, если буду желать каждый день, каждое мгновение исполнять заповеди, сделаю для себя это жизненным принципом (на что, к сожалению, почти никто не решается под разными предлогами), если я возьму на себя бремя заповедей – по словам Спасителя, *иго благое*[110], – то я увижу, как мне трудно пребывать под этим бременем, как многократно, почти бесчисленно за день я нарушаю заповеди в мыслях, чувствах, движениях, во всем. Греховность откроется мне, когда я начну предъявлять к себе требования строгие, требования

евангельские – те, собственно, которые я и должен к себе предъявлять, будучи христианином.

В наше время многие имеют на Евангелие такой взгляд: «Кто в наше время исполняет заповеди? Слава Богу, что я тяжких грехов не совершаю: не пьянствую, не ворую, не убиваю, блуд не творю – в наше время и таких людей немного». Так себя оправдывая, человек даже не приступает к исполнению Евангелия, хотя он обязан каждый день его читать – не проформы ради, а для того, чтобы постоянно содержать в уме евангельские заповеди и в повседневной своей жизни применять их даже к самым мелким поступкам. Например, сколько раз на дню полезно было бы вспомнить о заповеди против гнева: *Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду*[111]! То же можно было бы сказать и о многих других заповедях, все они полезны и нужны: и о том, что не нужно презирать своих согрешающих братьев, и о том, что не нужно осуждать… Евангелие – это жизненное руководство. А мы пренебрегаем им, оправдываясь, что в наше время его исполнить невозможно. Естественно, покаяния у нас нет, мы живем спокойно. У на нет слез, да что там говорить о слезах, даже сокрушения сердечного нет.

Если бы мы читали Евангелие и гляделись в него как в зеркало нашей совести, тогда мы увидели бы свое душевное безобразие. Как красавица смотрится в зеркало и следит за каждой своей морщинкой, желая выглядеть перед людьми привлекательно, так христианин должен взирать на свою душу, чтобы, если так можно выразиться, понравиться Господу. Мы предъявляем к себе много разных житейских требований, требований так называемого здравого смысла, для того чтобы к нам хорошо относились соседи, друзья, сотрудники на работе, чтобы мы могли сделать карьеру, чтобы, в конце концов, просто не выглядеть неприличными людьми: чисто одеваемся, вежливо себя ведем… И в нашей душе как бы не остается места для того, чтобы следить за своей нравственностью, за исполнением Евангелия. Скажем, выходя из дома, мы очень заботимся о том, как мы выглядим, и почти не думаем о том, в каком нравственном состоянии мы в этот момент находимся. И

поскольку мы себя не контролируем, находимся в состоянии несобранном, рассеянном, то, сталкиваясь с какими-нибудь искушениями, обязательно согрешаем. Мы не грешим, можно сказать, только тогда, когда соблазнов нет. Как только появляется маленький соблазн, мы сразу поддаемся греху.

Никто не умеет бороться с собой, никто не умеет себе противостоять по одной простой причине: мы не готовы к духовной войне. Как может, по словам Евангелия, царь, который имеет десять тысяч воинов, не посовещавшись, не подготовившись, не обдумав своих действий, выйти против царя, который имеет двадцать тысяч воинов? Да, мы знаем из истории военного искусства, что иногда войска побеждали небольшим числом даже огромные силы противника, но в каком случае? Когда войска были хорошо организованы и обучены, когда военачальник все продумывал. Наш знаменитый русский полководец Суворов сказал: «Побеждают не числом, а умением» – и доказал это в своей жизни. Значит, нужно свои помыслы, свои чувства выстроить как хорошо организованные войска и тогда устремиться на более сильного противника – диавола. Только за счет этой организованности, за счет этого искусства мы можем победить. А если наши войска совершенно не обучены, не имеют боевого духа, если воины думают о постороннем, то какая может быть победа? Конечно, поражение будет неминуемо, что с нами всегда и происходит.

Итак, покаяние возможно только в том случае, если человек предъявляет к себе строгие требования, конечно же, не выдуманные, а извлеченные из Евангелия, то есть заповеди. Иногда это могут быть сами заповеди в их точном словесном выражении, то есть воспоминание в тех или иных жизненных ситуациях евангельского текста, иногда это могут быть святоотеческие писания и истолкования Евангелия. Мы можем даже почти не вспоминать самих евангельских текстов, но руководствоваться наставлениями писателей-аскетов: преподобного Иоанна Лествичника, аввы Дорофея, святителя Игнатия (Брянчанинова) и других. Вспоминая их наставления, хотя в них, может быть, и нет непосредственно евангельских слов, мы также следуем Евангелию. Даже когда святые отцы не

истолковывают Евангелие буквально, то их, казалось бы, отвлеченные рассуждения – это жизненное толкование Евангелия. Это жизненный опыт, приобретенный ими, когда они пытались применить Евангелие к своим обстоятельствам, и записанный ими для пользы других, в том числе и для нас. И вот, если мы примем за руководство евангельские заповеди, то, замечая их нарушение, мы будем приходить в сокрушение, в состояние спасительной печали. Эту печаль нужно отличать от печали неразумной: есть печаль о своих грехах, некая грусть оттого, что мы прогневляем Бога, и есть печаль оттого, что мы как будто бы не спасемся, что Бог нас не простит. Нужно отличать покаяние от уныния (грань между ними может быть очень тонкая), в особенности когда человек стремится к глубокому покаянию – такому, какое проповедовали святые отцы-аскеты. Часто человек переходит эту грань и от покаяния ниспадает в уныние и отчаяние.

В чем разница между покаянием и унынием? Покаяние всегда воодушевляет человека. Покаяние, несмотря на самую глубокую и горькую печаль, чуть ли не кровавые слезы, дает человеку надежду и делает его ревностным к духовным трудам. А уныние обезоруживает, от него у человека опускаются руки, он оставляет и молитву, и все прочие добродетели. От покаяния в душе происходит перемена, появляется сила, помогающая исполнить те добродетели, которые раньше казались трудноисполнимыми, а от уныния, наоборот, человек обессиливает до такой степени, что подчас впадает в прежние, иногда и страшные, грехи под тем нелепым предлогом, что он якобы все равно уже погибает. А иногда человек просто, сам того не понимая, не владея собой и не имея сил противиться греху, как бы плывет по течению и падает в пропасть. Вот в чем различие между унынием и покаянием.

Надо различать также и слезы. Они хотя и истекают из одних и тех же глаз, но в разных случаях имеют совершенно разный смысл, разное значение. Плакать можно от обиды и даже от злости, плакать можно от того, что ты лишился имущества или от того, что ты скорбишь из-за своих неприятностей или из-за болезней своих родственников, – все

это плач Богу неугодный и к покаянию никакого отношения не имеющий. Плакать можно от уныния и отчаяния, когда кажется, что все пропало, никакого выхода нет и ничего никогда не получится – и это также не покаяние.

Признак слез, бывающих от покаяния, – это молитвенность. Покаянный плач – это плач молитвенный. Как я уже сказал, покаяние обнадеживает человека и делает его энергичным в совершении добродетелей, в первую очередь молитвы. Когда у человека появляется покаяние, тем паче покаянные слезы, – а это уже бóльшая степень покаяния, чем сокрушение сердечное, – тогда у него появляется и внимательная молитва. И чем глубже покаяние, тем внимательнее молитва. И иногда бывает такое возвышенное духовное состояние, когда эти две вещи сливаются: уже нельзя отличить покаяние от молитвы или молитву от покаяния. Все покаяние объемлется молитвой, человек как бы весь становится молитвой и кается всем своим существом. Чаще всего это бывает, когда мы молимся молитвой Иисусовой, но это может быть и при других молитвословиях, например псалмах. У священников это может быть при богослужении, в особенности при служении Божественной литургии, но чаще всего такое состояние достигается и проявляется в молитве Иисусовой. Тогда обильная благодать действует в сердце человека, а иногда во всем его существе и очищает, омывает его изнутри. Спаситель сказал: *Блаженны плачущие, ибо они утешатся*[112], – утешатся своим покаянием, слезами и в особенности молитвой. Спаситель сказал: *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят*[113]. Покаянной молитвой очищается внутреннее существо человека, его духовное сердце. И это уже, с одной стороны, высшее проявление покаяния, с другой – плод покаяния.

Нужно сказать еще о том, кому какое покаяние доступно. Я сейчас сказал о высочайшем проявлении этой добродетели, но нужно понимать: то, что доступно людям, ведущим уединенный образ жизни, и то, что считается свойственным монашеской жизни, для мирян чаще всего бывает невозможно. Каждый должен знать свою меру и те добродетели, какие свойственны его званию. Если кто-то из мирян, услышав эту проповедь,

начнет искать огненного покаяния, искать того, чтобы проливать потоки слез, искать такой пламенной молитвы, которая очищала бы его сердце, то, не получив этого, может прийти в отчаяние. Поскольку миряне вынуждены заботиться о пропитании своих семей, то покаяние в такой степени им недоступно, за редчайшим исключением. Но нам не нужно считать себя людьми, достойными этого исключения, то есть особенными. Мы люди самые обычные, подверженные общим законам.

Какое покаяние доступно для мирянина? Мирянин должен следить за собой и понуждать себя к исполнению Евангелия. Он должен замечать все свои преткновения в течение дня и исповедоваться в этом своему духовнику. Желательно ему, конечно, иметь одного духовника – священника, который бы его знал и с полуслова понимал, что с ним происходит. Не должно быть так: то к одному пришел, то к другому. Рассказывать о себе плохое стыдно, боишься, что батюшка тебя осудит, и вот ты одному рассказываешь полгреха, второму полгреха, третьему часть другого греха, и вроде ты хороший человек. Нет! Нужно найти себе такого духовника и так к нему привыкнуть, чтобы у тебя язык не поворачивался что-то утаить; чтобы ты как бы поневоле говорил. Таким образом вырабатывается привычка, некое похвальное бесстыдство. Перед человеком, которого ты не стыдишься, который знает всю твою подноготную, каяться, несомненно, легче. Конечно, желательно, чтобы этот священник обладал некоторой рассудительностью, потому что в духовном руководстве это самая главная добродетель.

Что значит следить за собой? Это значит внимательно относиться ко всем греховным движениям своей души. Можно прибегнуть к такому простому средству: каждый вечер записывать свои грехи. Сесть вечером, вспомнить, как ты провел день, – и все, в чем тебя обличает совесть, записать. Это хорошо делать, даже если ты исповедуешься раз в месяц. Мне кажется, исповедоваться реже – уже плохо, вредно. Нужно это делать не реже раза в месяц, а то и чаще. Впрочем, это зависит от того, как человек живет, какие у него условия, насколько он внимателен и строг к себе… Так что это надо решать с духовником, который тебя знает, общих рекомендаций

тут быть не может. У нас принято исповедоваться, когда готовишься ко причастию, но это не обязательно: исповедоваться лучше чаще, может быть, не каждый раз после исповеди причащаясь. И вот, придя на исповедь даже раз в месяц, ты покажешь довольно длинный список. Если священник будет читать этот список по дням, то он увидит, какие грехи повторяются чаще всего, и сможет сделать некоторые выводы. А если ты не записываешь ежедневно свои грехи, а исповедуешься раз в месяц, то, конечно же, хорошо припомнишь только те грехи, которые сделал в ближайшие несколько дней. Такая исповедь вопреки нашему желанию будет неполной, хотя бы потому, что мы многое забываем. Кроме того, если мы не записываем грехи, то мы сами себя не знаем. Разве что человек уж очень внимателен к себе. Так что лучше либо часто исповедоваться, либо записывать грехи.

Скажу кстати, что записывать грехи тоже надо правильно. Не записывать, например, так, как делают некоторые: «Согрешил раздражением, осуждением» и так далее. Когда мне показывают такую исповедь, я говорю: «Я это в молитвослове читал». Собственно, покаяния в такой «исповеди» нет, есть одни названия грехов. Неужели священнику эти названия неизвестны? Ему нужны не названия грехов, а конкретные случаи, когда ты согрешил. Допустим, ты скажешь, что раздражался на своего соседа за то-то и то-то, и священник уже сможет сделать выводы: в какой степени ты виноват или в какой степени тебя можно оправдать, серьезная была причина для раздражения или пустячная. Может, причины-то вовсе не было, и из этого уже можно сделать вывод о твоей подверженности страсти. А иначе у нас получается какое-то терминологическое покаяние, мы исповедуемся терминами: «Раздражением, осуждением, прекословием, оклеветанием». При таком «покаянии» бывают даже казусы. Иногда человек исповедует что-то вроде «оклеветания», я у него спрашиваю:

– А кого ты оклеветал?

– Да никого я не оклеветал.

– А что же ты написал?

– Ну надо, вот я и написал.

Или говорит: «Согрешил мшелоимством», вот переписал из молитвослова: «мшелоимством».

– А что такое мшелоимство? – спрашиваешь его.

– Не знаю.

– А почему ж ты написал?

– Не знаю.

Объясняешь ему, что мшелоимство, как толкует святитель Игнатий (Брянчанинов), – это пристрастие ко всяким мелким предметам, как бы любостяжание ко всяким мелочам. Тогда только человек начинает приходить в себя и понимать, чтó он, собственно, написал.

С другой стороны, не надо писать очень подробно, как некоторые делают. Священник, когда видит таких исповедников, чуть в обморок не падает. Приходят с большой тетрадкой и начинают читать. Если у батюшки есть терпение, то он сидит и слушает, а ему два часа читают: «Когда я пошел туда-то, был сильный ветер, а когда я пошел обратно, солнце припекало». И рассказывают всякие пустые подробности: кто и во что был одет, когда и где это было… Священник уже просто изнемогает. Да тут и ангел поневоле будет раздражаться, не то что обыкновенный человек. Поэтому чрезмерно подробная исповедь ни к чему, не нужно впадать в излишний натурализм. Это также уводит от настоящего покаяния: все эти подробности затмевают и заслоняют суть поступка, в котором нужно покаяться. Если духовник захочет разобраться в той или иной ситуации, он потребует от тебя подробного описания, тогда ты и расскажешь ему все. Исповедуясь, нужно держаться золотой середины, а золотая середина – это точность. Точное, краткое описание твоего согрешения. Суть его можно передать буквально в нескольких словах, и священник уже будет знать, что с тобой происходит.

Конечно же, очень большое значение имеет то, насколько священник знаком с кающимся. Если он человека первый раз видит, то ему труднее его понять, и на первых порах действительно нужна очень подробная исповедь. А впоследствии, когда батюшка уже знает этого человека, когда ему известны и его характер, и повадки, и слабости, то он

понимает его с полуслова и чуть ли не по лицу может определить, в чем тот согрешил. Но, конечно же, такое бывает, если мы сами стараемся перед священником раскрыться, если мы беспристрастно каемся, а не пытаемся что-то из себя изобразить и заработать у батюшки хорошую репутацию. Допустим, мы будем казаться ему добродетельными, ревностными христианами и он будет к нам хорошо относиться, но на самом деле это не принесет нам никакой пользы, и мы не будем исправляться.

Конечно, нужно стараться приходить на исповедь хотя бы с некоторым сердечным сокрушением, но даже если его нет, если мы по какой-то причине чувствуем холодность, то все равно должны понудить себя прийти к батюшке и все рассказать. И мы не останемся без пользы: это понуждение себя к частой и в разумной степени подробной исповеди постепенно возбудит в нас покаяние. Пусть мы даже не будем чувствовать сильного сердечного сокрушения, особенной благодати, но, тем не менее, польза будет большая. Мы сами видим это, в особенности тогда, когда оставляем это делание: если мы часто исповедуемся, а потом из-за нерадения или даже по уважительной причине (из-за болезни или отъезда) какое-то время не приходим к своему духовнику на исповедь, то замечаем, что в нашей душе происходят перемены к худшему. Когда у нас на душе хорошо, мы этого не замечаем. А когда становится плохо, то по разнице состояний видим, что, когда мы исповедовались часто, нам на самом деле было хорошо, мирно и покойно. И такие чувства – это уже нечто хорошее, они говорят о том, что человек живет христианской жизнью в полном смысле слова. Такой человек если согрешит, то чувствует, что благодать от него отступила, и ищет возможности покаяться, исправиться и вновь вернуть благодать Божию.

Но конечно же, покаяние не ограничивается только исповедью. Исповедь – это ярчайшее проявление, может быть, апогей покаяния. А на самом деле вся жизнь христианина – это покаяние. Он должен постоянно следить за собой, постоянно просить помощи Божией в Иисусовой молитве, чтобы не согрешить, а если согрешил, тут же этой Иисусовой молитвой

каяться. В особенности нужно искать покаянного духа во время уединенной домашней молитвы, будь это четочное правило или какое-нибудь чинопоследование из молитвослова. И не думайте, что если мы читаем, например, благодарственные молитвы, то в них покаяния уже нет. В Православной Церкви все пронизано покаянием. В любом молитвословии, домашнем или богослужебном, часто повторяется сокращенная Иисусова молитва: «Господи, помилуй». Поэтому мы и в самую Пасху также многократно каемся Богу. Некоторые наивные люди говорят, – не знаю уж, откуда они это взяли, – что в Пасху повторять Иисусову молитву нельзя. Одна женщина как-то мне рассказала, что она вместо Иисусовой молитвы беспрестанно про себя говорила: «Христос воскресе!» Но ведь это не принесет человеку пользы, когда его искушает диавол, когда на него нападают те или иные греховные помыслы. Я не умаляю этого пасхального восклицания и его великого значения, но все должно быть разумно и уместно. Покаяние необходимо и на Пасху, и в пасхальные дни. Конечно, в душе нашей в эти дни преобладает радость, но, если мы оставим покаяние, тогда потеряем то, во что мы эту радость принимаем. Если мы отнимем руки, тогда сосуд, который нам вручают, упадет и разобьется. Покаяние является «руками», которыми мы принимаем благодеяния Божии, даже духовные дары.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что покаяние простирается на все время христианского подвига, от новоначалия и до кончины человека. То есть оно обнимает всю жизнь христианина. Другое дело то, в чем оно проявляется. Один человек борется с тяжкими грехами и страстями, находясь на грани падения, другой замечает мельчайшие движения души и плачет о том, что оскорбил Бога мысленным отступлением от Него.

Легче всего, как я уже говорил, покаяние проявляется и действует через молитву Иисусову. Сама эта молитва больше всего приспособлена для выражения покаянных чувств. И действительно, когда человека переполняет покаяние, он уже не может произносить длинных молитвословий, он только восклицает из глубины души о том, чтобы Господь его

помиловал. Он не может много рассуждать и уже ничего не просит – не только земных благ, но и духовных дарований. Он считает себя недостойным всего этого и жаждет одного помилования. И ради такой бескорыстной молитвы Господь дарует этому человеку и земные блага, необходимые ему для совершения его спасения (потому что мы облечены в тело), и духовные дарования. Но не нужно думать, что одно частое механическое повторение молитвы Иисусовой, без всего остального, чему учат святые отцы, говоря о духовном трезвении, умном делании, может человеку принести пользу. Даже если мы очень много внимания уделяем молитве Иисусовой, совершаем большие правила, но не понуждаем себя к вниманию к ней, то она не принесет нам пользы, хотя бы мы так молились в течение многих лет. Если мы, занимаясь молитвой Иисусовой, не будем следить за своими мыслями, словами, поступками, если не будем постоянно себя контролировать и понуждать, так сказать втискивать себя в рамки евангельских заповедей, то будем молиться и двадцать лет, и тридцать лет, и ничего из этого не выйдет. Я встречал человека, который говорил мне, что он уже тридцать лет молится молитвой Иисусовой. Никакого проку для него в этом не было: он был в крайней степени подвержен страстям, в особенности гневу, так что не владел собой и иногда доходил до клеветы, – хотя и понуждать, так ,

хотя он читал Иисусову молитву. Неужели Иисусова молитва плоха? Нет, но нужна была еще борьба с собой.

И вот здесь мы переходим к другой стороне покаяния. Покаяние – это не только сердечное сокрушение о том, что мы нарушаем заповеди, но и борьба за их исполнение. Можно сказать, что покаяние – это ощущение бессилия тогда, когда мы стараемся исполнить заповеди. Если же мы не будем себя понуждать к исполнению Евангелия, то и бессилия не ощутим. Избегая трудных дел, мы не будем утруждаться и, естественно, не будем чувствовать того, есть у нас силы или нет. А при понуждении себя недостаток наших сил проявляется опытно, здесь мы на самом деле смиряемся. Смирение – это, повторю, не есть нечто искусственное, прививаемое снаружи, оно есть

опытное познание самого себя, познание своей греховности, своей немощи. Немощь же познается тогда, когда человек трудится. Как я могу узнать, сколько у меня сил – много или мало? Поднять какую-нибудь тяжесть. И когда мы пытаемся нести эту тяжесть – бремя евангельских заповедей, тогда мы и познаём свою немощь, тогда мы, собственно, и смиряемся по-настоящему. Тогда мы начинаем плакать и просить Бога о помощи, потому что, с одной стороны, знаем, что заповедь необходимо исполнить, с другой стороны, ощущаем недостаток собственных сил. Тогда мы начинаем молиться искренне, молиться со слезами, а если нет слез, то с какой-то тугой сердечной о том, чтобы исправиться. Тогда мы опытно, жизненно смиряемся. Вот это и есть покаяние. Не может быть покаяния без борьбы со страстями, не может быть покаяния без понуждения себя.

Замечательным, так сказать, классическим образцом покаяния для всех нас является покаяние пророка Давида. Этот человек, имея великую благодать, будучи преисполнен даров Святого Духа и своими страданиями и скорбями даже прообразуя Христа, – впал в тяжкие, ужасные грехи. Во-первых, совершил прелюбодеяние, не имея в том никакой нужды: по законам того времени он, как это дозволялось царям, имел уже нескольких жен. Но мало этого, пророк Давид устроил еще и вероломнейшее убийство для того, чтобы скрыть свой грех. Он коварно лишил жизни Урию – мужа той женщины, с которой впал в прелюбодеяние. Какое вероломство, какая низость! Мы, читая Священное Писание, привыкли смотреть на описываемые события отстраненно. Они касаются только нашего слуха, а до сердца не доходят. Но вдумайтесь в то, что тут произошло. Прелюбодеяние царя Давида еще можно как-то понять и объяснить: человек увлекся страстью, не выдержал, тем паче он был царем, которому все можно. Но какое подлое убийство он совершил? И кого? Человека, который был готов за него жизнь положить. Урия был преданный Давиду воин, очень его любивший. Когда Вирсавия забеременела от Давида, и тот хотел скрыть свой грех, то вызвал Урию, чтобы он пошел к своей жене, но Урия сказал: «Разве я могу спать со своей

женой, когда мои друзья сражаются на войне?» – и не пошел ночевать домой. Такой это был чистый, искренний, мужественный и добрый человек. Тогда Давид, не имея возможности скрыть свой грех, велел начальнику своего войска устроить так, чтобы Урия погиб. Тот поставил Урию туда, где было самое яростное сражение, и его убили. Это, конечно, самая ужасная подлость, какая только возможна по отношению к человеку, совершенно ее не заслуживающему.

Царь Давид, совершив этот тяжкий грех, пребывал в нераскаянности и, как это часто бывает, потому что грех лишает человека благодати и ослепляет, опомнился только тогда, когда к нему пришел пророк Нафан и обличил его. У Давида, несмотря на то что он царь, хватило мужества признаться в этом грехе. Он не преследовал Нафана и не причинил ему никакой скорби, но разорвал свою одежду, посыпал голову пеплом и стал каяться. Мы знаем, что благодать Божия вернулась к нему. И, имея перед глазами такой пример, никто из нас не должен отчаиваться. Покаяние совершает самое великое чудо, какое только возможно: оно падшего человека восстановляет в его прежнем духовном достоинстве, возвращает ему полноту благодати, как вернулась благодать Святого Духа к пророку Давиду.

В состоянии покаяния или, может быть, под впечатлением покаяния, Давид написал свой знаменитый пятидесятый псалом, о котором мы сегодня уже упоминали. Может быть, неуместно сейчас истолковывать его полностью, но некоторых его моментов нам нужно коснуться. Он восклицает: *Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей*[114], – то есть по беспредельной милости Твоей, взывает он, помилуй меня. И некоторые святые отцы, толкуя Иисусову молитву, говорят, что слова «помилуй мя» – это начальные слова пятидесятого псалма. Поэтому можно сказать, что Иисусова молитва включает в себя в краткой форме самый лучший образец покаяния, пятидесятый псалом. Можно сказать, что эта молитва причастна двум Заветам – Ветхому и Новому. Если первая часть – это Новый Завет, исповедание пришедшего в мир Сына Божия: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий», то вторая часть – это Ветхий Завет,

потому что средоточием, так сказать квинтэссенцией Ветхого Завета, было покаяние ветхозаветных праведников, которое в краткой и яркой форме выражено царем Давидом в словах «помилуй мя». Вот как в Иисусовой молитве соединяются исповедание апостола Петра: *Ты – Христос, Сын Бога Живого*[115] – и, если можно так выразиться, исповедание пророка Давида, исповедание величайшего из апостолов и удивительнейшего из пророков.

Еще раз говорю, что не нужно впадать в нарочитый примитивизм и говорить, что покаяние ограничивается одной только Иисусовой молитвой и что, повторяя ее беспрестанно, без всего остального, мы очистимся. Это уже было бы своего рода мессалианство. Была такая секта мессалиан, члены которой утверждали, что нужно беспрестанно (в буквальном смысле слова) молиться, таким образом человек постепенно очистится, а больше никаких добродетелей совершать не надо. Это не так. Покаяние выражается не только в трезвении, внимательной молитве, но и в совершении добродетелей. И милостыня, и доброе слово человеку, нуждающемуся в поддержке, и всевозможные другие добрые дела – все это должно быть проявлением покаяния. Не нужно чересчур сужать понятие о покаянии. Нужно понимать, в чем сущность покаяния, и нужно понимать, что относится к покаянию, пусть не как самая главная его сторона, но все же необходимая. Для мирян в особенности уместны добродетели внешние – это, как говорит святитель Игнатий (Брянчанинов), в основном милостыня и супружеское целомудрие. Монашествующие ведут образ жизни более удобный для молитвы, и для них более уместны добродетели внутренние, чисто духовные. Если они начнут отвлекаться на добродетели мирские, то могут рассеяться и причинить себе вред. А миряне могут причинить себе вред, если будут чересчур усердно искать возвышенных добродетелей и оставят то, что им необходимо делать. Каждый должен совершать добродетель покаяния разумно и сообразно своему образу жизни. Если Промысл Божий так устроил, что ты состоишь в браке, то не нужно все бросать: оставить детей, мужа или жену и уйти в монастырь. Если ты не хочешь нести

крест семейной жизни, то почему ты думаешь, что сможешь нести крест гораздо более тяжелый? Надо, по словам апостола Павла, совершать дело своего спасения в том звании, в каком ты призван.

Думать, что брак препятствует спасению, – это ложная ревность. Ни брак, ни вообще семейная жизнь, ни деторождение не являются препятствием к спасению. Скорее наоборот. Может быть, это странно прозвучит, но я думаю, что в этих словах нет никакой ошибки: само чадородие для женщины также является проявлением покаяния. И воспитание детей также должно быть пронизано духом покаяния. Это не значит, конечно, что надо все время плакать, и плакать, и плакать без конца. Одевать ребенка – плакать, кормить его – плакать, гулять идти – и плакать. Я не это имею в виду. Нужно понимать, что если в нашей семейной жизни случаются скорби, то это необходимо нам для спасения, это наказание нам за наши грехи и грехи наших прародителей. Допустим, если наши дети болеют или трудно поддаются воспитанию, то на это нужно смотреть как на скорби, естественно сопутствующие жизни всех, а все мы грешники. Вот в этом действительно будет выражаться покаяние, а не в том, чтобы постоянно рыдать. Я не хочу лишить вас жизнерадостности и энергичности. Не нужно думать, что кающийся человек все время должен ходить с вытянутым от грусти лицом, ни под каким предлогом не позволяя себе даже улыбнуться. Если мы под предлогом покаяния будем все время чересчур грустными, то нам, пожалуй, и трудиться не захочется, все из рук будет валиться. Это просто примитивное понимание дела, и так можно впасть в настоящее фарисейство. В жизни бывают какие-то радости, утешения, и не только у мирян, но и у монахов. Иногда и улыбнешься, и рассмеешься… Если у нас все время была бы только одна скорбь, одна печаль, то, пожалуй, трудно было бы это выдержать. Впрочем, все должно быть умеренно, и радость наша должна быть не какая-то безумная и необузданная, а сдержанная, тогда она не будет противоречить покаянию.

Сущность покаяния – это борьба с грехом. И даже плач или печаль сердечная – это только проявление этой борьбы с

грехом. Правда, святые отцы говорят, что если кто не стяжет болезнующего сердца, то он не преуспеет ни в какой добродетели. Что такое болезнующее сердце? Это усиленная забота о том, чтобы преуспеть в добродетели, переживания из-за того, что у тебя не получается жить по-евангельски. И если у тебя не будет таких переживаний, тогда ты ничего не сделаешь. Так происходит во всем. Если ты за какое-то дело не переживаешь, то будешь делать его с неким безразличием, холодком: не получилось – и ладно. А когда человек очень хочет достигнуть в каком-то деле успеха, то он волнуется, перебирает всевозможные способы исполнить свое желание, ищет разные пути к этому. Без этих переживаний, без болезнующего сердца стяжать какую-либо добродетель невозможно. Я думаю, что именно это имеет в виду пророк Давид, когда говорит: *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*. Именно это сокрушение, смирение, сердечное страдание делает человека способным к восприятию Божественной благодати. Такое сердце Бог не уничижает, но дарует ему силы для того, чтобы совершить ту добродетель, которой оно жаждет.

* * *

Авва Арсений говорит, что надо оплакивать себя в здешнем мире, ибо кто здесь не плачет о себе, тот будет вечно плакать там. Батюшка, а как быть, если слез нет и причины для плача тоже вроде бы нет?

Причина для плача есть, просто мы не видим своих грехов, они нам кажутся мелкими и ничтожными, и мы думаем, что Господь обязательно их нам простит. Если бы мы немного усомнились в своем спасении и поняли, что оно еще не в наших руках, то не пребывали бы в такой прелести, в какой пребывают баптисты, которые считают, что они уже спасены. Поэтому мы должны оплакивать свои грехи и понуждать себя к покаянию. Может быть, не всегда есть слезы, не всем это дано. Плач – это в основном удел монашествующих, да и не всякий монашествующий достигает такого совершенства. А вот сокрушение сердечное, печаль о своих грехах должны быть у всякого христианина, и у православного человека они

обязательно есть. Мне даже кажется, что нравственный признак православия – это покаяние.

Все мы почитаем себя грешниками. Конечно же, если мы делаем это ради приличия, ради того чтобы нас одобряли другие люди, то это ничего нам не дает. Но, по крайней мере, это свидетельствует о том, что считать себя грешником – общепринятое мнение. Мы должны стараться действительно искренне почитать себя грешниками, понуждать себя к этому, видеть свои грехи, каяться в них. Пусть у нас не будет слез, пусть мы просто вздохнем когда-нибудь, и это уже хорошо.

Бывает, люди совершают такие тяжкие преступления, что даже их огрубелая совесть, не выдерживая нагрузки, начинает говорить. В моей жизни был такой случай. Я ехал в поезде, и одна женщина стала просить меня, чтобы я ее исповедовал. Атмосфера была совершенно неподходящая. Я стал с ней беседовать, и выяснилось, что у нее были грехи, которые ее очень мучили. Свою жизнь она переменить не хотела, но ей нужно было облегчить свою совесть от греха, который ее уязвлял. Однако это не покаяние. Как зрение, например, не выдерживает слишком яркого света, мышцы не выдерживают слишком большой тяжести, так и совесть – нравственное чувство – тоже не выдерживает греховного груза и начинает говорить. Но это свидетельствует скорее о природном нравственном чувстве человека, чем о его покаянии. Хорошо, если человек, взяв повод от тяжкого преступления, от нравственного страдания, во всем остальном захочет измениться.

У человека великое множество недостатков, грехов, пороков. За те шестьдесят-семьдесят лет, которые отпускает нам Бог, трудно от них избавиться. Почему нам так мало времени дано на исправление?

Может быть, жизнь человека для того и сокращена, чтобы он не преуспевал во зле. Для исправления этого достаточно, а если мы говорим, что это трудно, то таким образом оправдываем себя. Мы знаем многих и многих людей, которые за время своей земной жизни исправились и стали истинными, совершенными христианами. Если для многих это было

возможно, значит, возможно для всех. А если мы этого не достигаем, то наша в этом вина и оправдываться не нужно. Люди жили по девятьсот лет и не исправлялись. Говорят, что в последние времена люди будут жить лет по сорок.

Батюшка, объясните слова из Евангелия: *Всяк грех и хула отпустится человеком, а яже на Духа хула не отпустится человеком*[116]*.*

Всякий грех отпускается, если человек в нем покается. Часто мы сознаём свою греховность, каемся, но в то же самое время многих своих греховных наклонностей окончательно победить не можем. Допустим, поддаемся гневливости или осуждению, каемся и вновь, к сожалению, поддаемся.

Но если мы будем пребывать в хуле на Бога, тогда это нам не простится. Если мы покаемся и полностью избавимся от этого греха, то он нам простится. То есть всякий грех, допустим раздражительность, блудная страсть, если она, конечно, не к смертным грехам приводит, не к грехам на деле, простится. Осуждение, если мы будем в нем каяться и противится ему, также простится. А вот хула, если мы будем ее придерживаться, хотя бы даже мы и каялись на исповеди, нам не простится. И тут нужно понимать, что одно дело сознательная хула, другое дело – хульные помыслы, которые бес нам внушает, чтобы нас смутить. Хульные помыслы часто возникают в уме против нашей воли. Это бывают какие-нибудь нецензурные слова, это может быть хула на какие-то догматы церковные или на иконы. И даже иногда помыслы неверия, совершено наглые и приступающие вслед за очень внимательной молитвой. Это бывает именно по внушению бесовскому и на это не нужно обращать внимание – это не наши мысли.

Другое дело, когда человек сознательно противится учению церковному. Допустим, содержит какое-нибудь мнение, противное учению Церкви: скажем, иначе думает о Троице или о воплощении Сына Божия, чем учит Церковь. Если бы даже он и ходил в церковь, исповедовался и причащался, но сохранял это заблуждение, то он пребывал бы в состоянии этой хулы на Духа Святого. Если такой человек не покается, то ему не простится. А

если он, скажем, раздражается, но исповедуется и причащается, то ему это простится. Вот как это нужно понимать.

Могут ли бесы покаяться?

Бесы сознательно выбрали зло, сознательно ушли от Бога. Наши прародители, Адам и Ева, и все человечество вслед за ними, отпали от Бога, будучи обмануты диаволом, и поэтому Господь к нам снисходит, дает возможность покаяться. У нас зло распространяется под видом добра, у демонов этого нет, они сознательно отказались от Бога, сознательно выбрали служение диаволу, сознательно предпочли гордость смирению. Сделав свой выбор один раз, они сделали его навсегда.

В чем отличие духовного покаяния от душевного? Что есть что? Как правильно вести борьбу с гневом, раздражением?

Душевное покаяние, можно сказать, вообще не покаяние. Душевное покаяние – это сентиментальность, умиление, слезы, чувствительность. А духовное – это раскаяние в своих грехах, действие благодати Божией.

Душевное, или мнимое, покаяние бывает у многих людей. Это дается легко, в особенности женщинам, поскольку они существа плаксивые – могут заплакать от чего угодно, даже произвольно: сделать легкое движение мышцами лица – и тут же заплакать. Поэтому душевное покаяние – это для них просто, они очень рады возможности так «каяться».

На самом деле это ничего не дает. Истинное, духовное покаяние – это покаяние молитвенное, истинные слезы – те, которые очищают ум и собирают его в молитву. А душевное покаяние – это когда человек хотя и плачет, но одновременно о чем-то мечтает, размышляет и в результате забывает о том, какую молитву он читает или даже о том, что он стоит на службе.

В лучшем случае можно превратить душевный плач в духовный, об этом говорит Нил Сорский. Но я не знаю, как это сделать. Я знаю, что настоящий духовный плач выдавить из себя очень тяжело: слезы вытекают из глаз, как капли крови.

Душевные слезы могут быть вовсе не связаны с покаянием. Вот забили спортсмены гол, обнимают друг друга и тут же

плачут. Или ты смотришь в кино, как партизана схватили фашисты, и плачешь. Или как Карабас-Барабас Буратино схватил – тоже жалко. Но эти слезы не имеют ничего общего с духовными чувствами.

Как сохранить при молитве дух покаяния, сокрушения о своих грехах, часто этого нет, хотя кажется, что молишься внимательно?

Я думаю, что, если человек постоянно следит за своими помыслами в течение дня, у него, безусловно, выработается чувство греховности. Он будет на самом деле, опытно видеть, что он грешник.

В то же время бывают периоды охлаждения, когда человек во время молитвы не чувствует сокрушения. Ничего. Не нужно об этом думать. Вообще, нужно думать только об одном – о внимании. Будешь преуспевать во внимании – естественно, будешь ближе к Богу, больше будет проникать в твою душу Божественная благодать. От этого будет просвещаться твой ум, и ты станешь видеть свои грехи и каяться.

Может ли мирянин за свои грехи накладывать на себя какую-то епитимию?

Епитимию как таковую – допустим, отлучение от причастия – мирянин на себя наложить не может: это будет своеволием, гордостью. А вот мелкие воспитательные меры по отношению к самому себе применять иногда приходится. Поддался ты раздражению или кого-то осудил – и тут же сам себя наказываешь: допустим, читаешь за этого человека три молитвы. Конечно, и такие меры лучше применять к себе с благословения духовника. Ты ведь можешь спросить заранее: «Батюшка, а можно мне, когда я на кого-то рассержусь, читать за этого человека три молитвы?» Батюшка тебе скажет: «Можно». А двенадцать молитв, допустим, уже не разрешит. И ты уже будешь знать, как наказывать себя за те или иные проступки, и будешь себя потихонечку воспитывать.

При подготовке к исповеди сортировать ли грехи по группам или излагать их в той последовательности, в которой они записаны в блокнот?

Можно делать по-разному. Например, вести своего рода дневник: скажем, вечером или в течение дня записывать свои грехи за день. Для духовника это в каком-то смысле удобнее. Если он следит за твоей духовной жизнью, то может видеть ее в развитии: как проходит твое время, каким грехам ты больше поддавался, и так далее. Если ты не ведешь записи по дням, а готовишься к исповеди в конце недели, например в пятницу или субботу, тогда лучше, может быть, записывать грехи по группам. Тогда духовник увидит, каким грехам и в какой степени ты подвержен. Только грехи нужно записывать точно. Не писать: «Я согрешил гневом», а каким гневом: или ты на муху рассердился за назойливость, или хлопнул от раздражения дверью, или хотел кого-то убить, – об этом духовник может только догадываться. Надо называть грехи кратко, но точно, чтобы духовнику было понятно, что с тобой происходит, чтобы он мог судить о степени твоей вины и соответственно давать какие-то назидания. А если ты пришел и сказал: «Согрешил гневом, осуждением, празднословием», то что духовник должен ответить? Я в таких случаях иногда говорю: «Поздравляю тебя!» Чувствуешь себя на такой исповеди чем-то вроде аналоя. Вот стоит аналой с Евангелием, вот стоит духовник. Все, так сказать, принадлежности есть, исповедь прошла.

Когда я в чем-то согрешаю, то начинаю очень переживать: иногда так, что у меня даже болит сердце. Я всегда думал, что это и есть покаяние. Но вы сказали, что покаяние дает силы, а меня такие эмоции, наоборот, психически изматывают. Что у меня неправильно?

Такое бывает у многих. Это не настоящее покаяние, а неразумное, бесполезное переживание о том или ином проступке. Покаяние должно приводить к исправлению, а если сидеть и убиваться о своем согрешении, это ничего не даст. Допустим, ты на кого-то рассердился. Если ты будешь без конца перебирать в уме подробности этого и расстраиваться, то, конечно, у тебя заболит сердце. А ты должен смириться перед Богом: «Да, я грешник, я гневливый человек. Господи, прости меня, в следующий раз постараюсь сдержаться». К своим грехам надо относиться в каком-то смысле спокойно.

Для того чтобы иметь такое могучее сердечное сокрушение, как у святых отцов-пустынников, нужно иметь великую благодать. Когда человек берется за какой-либо подвиг, в том числе покаяние, выше своих сил, то получается не духовная добродетель, а сокрушение плоти в плохом смысле слова. Поэтому мирянам необходимо быть очень умеренными. Если все время причитать, наговаривать на себя и нагнетать тоску и беспокойство, то это не покаяние. Это скорее экзальтация, а может быть, даже уныние и отчаяние. От уныния и отчаяния, действительно, может сердце болеть. При покаянии все наоборот: благодать Божия не только умиротворяет душу человека, но, в некотором смысле, и тело избавляет от болезней – по крайней мере от тех, которые бывают «от нервов». Тогда в душе человека водворяется мир и сердце его успокаивается.

Словом, нужно вести себя спокойно и стараться исправиться. Святитель Игнатий (Брянчанинов) вслед за преподобным Серафимом Саровским говорит, что свои недостатки нужно терпеть так же, как мы терпим недостатки ближних. Слишком убиваться о своих немощах – это признак гордости: хочу больше не грешить; хоть убей меня, больше не буду грешить. Да как ты не будешь грешить-то? Куда же они денутся, твои страсти, если ты с ними не будешь бороться? Терпение нужно. В покаянии необходимо терпение…

Читая «Отечник», видишь, как святые отцы, принесшие при жизни великое покаяние, на пороге смерти трепетали и говорили, что еще не начинали каяться. У меня постоянно возникает мысль, что мне, не имеющей и тысячной доли покаяния святых отцов, не пройти ни одного мытарства. Так хочется зреть свои грехи и ужасаться, а этого и в помине нет. Меня постоянно мучает сильный страх перед смертью. Как преодолеть в себе это чувство?

Трепетать и бояться смерти нужно. Кто ее не боится, тот по-настоящему о ней просто не думает. Но должен быть страх не от демонов, а от Бога. Не тот страх, который лишает надежды, обезоруживает, приводит в уныние и бессилие, а тот, который

мобилизует и делает человека ревностным к подвигам. Вот такой страх необходим.

Посоветовать кому-нибудь, чтобы он не боялся смерти, я не могу. Как я могу сказать человеку, чтобы он, например, смотрел на солнце и не щурился? Или чтобы вышел в мороз на улицу и не мерз при этом? Он же все равно не сможет этого сделать. Так же и тут: как сказать человеку, думающему о смерти, о вечной жизни, чтобы он не трепетал?

Сколько раз нужно прощать ближнему его грехи против тебя?

В Евангелии сказано: семьдесят раз по семь. То есть, если это понимать точно, каждый день нужно прощать своему брату четыреста девяносто раз. Если с тебя потребуется больше, тогда можешь сказать: «А это не соответствует точному смыслу Евангелия!» Если серьезно, то прощать, то есть не иметь на человека зла, нужно бесконечное количество раз. Всегда.

Но, может быть, человек хотел спросить: когда нужно сделать вывод о том, что пора перестать общаться с человеком, который грешит против тебя? Это уже другой вопрос. Нужно прощать бесконечное число раз, но есть грехи, из-за которых с человеком лучше не общаться. Какие это грехи? Наверное, либо те, которые угрожают тебе нравственным падением, либо грехи против Церкви, против веры. В Евангелии об этом говорится так: если брат твой согрешит, обличи его сначала наедине, потом – с одним или двумя свидетелями, а потом скажи Церкви, то есть всему обществу верующих. И если он и здесь не послушается, то пусть *будет он тебе, как язычник и мытарь*[117], то есть как чужой человек. Получается, после трех вразумлений нужно стараться с человеком не общаться. Я думаю, что это не всегда нужно понимать буквально, не всегда у нас получается так все просто, как написано в Евангелии. В каждом конкретном случае это надо решать с духовником.

Может ли человек трезво оценивать свое преуспеяние в покаянии? Или об этом совсем не надо думать?

Мне кажется, что совсем об этом не думать – удел людей чрезвычайно простых по характеру. Приведу пример из «Отечника». Один подвижник рассердился на своего ученика,

когда тот в чем-то его не послушался, и в гневе сказал ему: «Умри!» Тот упал и умер. Подвижник был человек простой и даже не знал, какую великую благодать имеет его ученик. Он испугался и стал просить Бога о том, чтобы Он простил ему этот грех и воскресил его ученика. Господь его услышал и воскресил послушника. Впредь этот подвижник обращался со словами более осторожно. Можно вспомнить и другого подвижника – преподобного Марка Фраческого. Беседуя с кем-то из старцев о вере, он сказал: «Вера должна быть такая, чтобы ты сказал этой горе (при этом он указал на соседнюю гору, а дело было в гористой местности, в пустыне): „Сдвинься с места“, и она бы задвигалась». И как только он произнес: «Сдвинься с места», гора начала шевелиться. А он ей говорит: «Остановись, это я так, для примера сказал». Вот такие люди могут не знать своего преуспеяния. Им это необязательно, и, может быть, даже лучше, что от них скрыто их духовное состояние. Если они узна́ют о своем преуспеянии, то могут загордиться, а так от своей простоты они его не видят. Но это все-таки чрезвычайно редкое явление. Оно было редким даже в древние времена, а сейчас я не знаю, где найти таких простецов, сейчас все уже стали мудрые или, по крайней мере, хотят выглядеть мудрыми.

Поэтому свое преуспеяние желательно оценивать трезво. Как это делать? Прежде всего, советоваться с наставником, хоть в какой-то степени опытным. Если такой возможности нет, необходимо читать святых отцов и соотносить свое состояние с той или иной степенью преуспеяния, которая там описана. Но тут нужно быть осторожным, в особенности при чтении древних писателей: мы можем из-за своей горделивости, неопытности, мечтательности вообразить, будто имеем такую же благодать, как Исаак Сирин. А вот когда мы будем читать сочинения святителя Игнатия (Брянчанинова) или, например, письма оптинских старцев (мне особенно нравится старец Амвросий), то увидим, что́ мы собой представляем, в какой степени мы преуспели.

Вообще, знать свою меру – это в духовной жизни очень важно, особенно для монашествующих. Не только в том смысле, чтобы знать, что ты мало преуспел. Если ты

недооцениваешь свое преуспеяние – это тоже весьма грубая ошибка, мешающая духовной жизни. Допустим, человек преуспел в молитве, но из-за своей простоты и скромности он думает: «Откуда у меня, грешника, может быть такая благодать?» – и отвергает эту благодать, не понуждает себя сохранять эту благодатную молитву. Это также может принести ему большой вред. Поэтому, повторю, надо знать, в чем и до какой степени ты преуспел, тогда тебе будет легче бороться с собой и совершенствоваться. Самому определить меру своего преуспеяния очень трудно; лучше, чтобы кто-то оценил это со стороны, то есть чтобы тебя контролировал наставник.

Сейчас многие люди каются в своем неверии и приходят к Богу. Но ведь несколько поколений русских ушли в вечность, не успев покаяться: они жили при социализме и были лишены ведения Бога, у них почти не было возможности узнать истину. Какова же будет их участь?

Не надо думать, что люди были совершенно лишены ведения Бога. Совесть есть у всякого человека: и у магометанина, и у безбожника, и у буддиста. Нет совести буддистской и совести магометанской – есть просто человеческая совесть. Если какое-то учение противоречит совести, то она об этом говорит человеку, если соответствует – говорит об этом тем более. И если бы человек следовал своей совести, то обязательно пришел бы в православный храм. Может быть, это покажется натяжкой, неким логическим измышлением, но это действительно так и бывает, об этом говорит жизненный опыт. Я почти уверен, что большинство из тех, кто сейчас передо мной находится, не были воспитаны в христианских семьях, однако что-то ведь привело их в церковь. Кто-то от кого-то услышал о вере, кто-то сам захотел что-то узнать, кто-то прочитал какую-то книжку, кто-то робко зашел в храм, стал креститься, смотреть, что другие делают…

Думать, что люди были лишены возможности познать истину – это неверие в Промысл Божий, якобы Бог чего-то недосмотрел. Это поверхностный и очень наивный взгляд на вещи. В Евангелии сказано, что Бог *просвещает всякого*

человека, грядущего в мир[118], то есть всякий родившийся человек уже имеет стремление к богопознанию. Если он на это стремление не отозвался, то в этом вина не тех людей, которые закрыли храмы, – хотя они за свой грех тоже ответят. Пусть бы в стране не было ни одного храма – человек все равно нашел бы какую-то возможность узнать о вере. И такие случаи были!

Так много людей вокруг не имеет ни малейшего представления о своих грехах и покаянии. Я часто думаю: почему Господь не посетит каждого человека так, как посетил Савла? Почему не приведет к Себе Своею благодатью так, чтобы человек почувствовал Его присутствие?

Почему Господь посетил Савла? Потому что тот был избранный сосуд, и Господь знал, что это явление пойдет ему на пользу. Но посмотрите, рядом с Савлом было много воинов, которые вместе с ним шли в Дамаск, чтобы арестовывать христиан. И мы ничего не знаем об их обращении. Значит, на них это явление – пусть они его и не видели полностью, а только слышали голос, – никак не подействовало. Далее: Господь Иисус Христос проповедовал три с половиной года, совершая величайшие чудеса, каких, по Его же словам, не делал никто от сотворения мира. Действительно, о подобных чудесах нет свидетельства во всей Библии. Кто когда воскрешал четвородневного мертвеца? Кто совершал столь великое множество исцелений? И главное, кто из убитых пророков воскресал из мертвых? И тем не менее народ израильский в большинстве своем не принял Спасителя. Так почему же нужно думать, что если бы Господь явился какому-нибудь обыкновенному человеку, как явился Савлу, то этот человек обратился бы к вере? Может, он сказал бы, что это какое-то физическое явление, еще неизвестное науке.

Приведу пример, о котором я прочел в дореволюционной литературе. Один студент, находившийся под влиянием вольнодумства, безбожия, человек практически неверующий, заболел тяжелой болезнью и умер. Он проходил мытарства, видел демонов, которые предъявляли ему хартии с его грехами. Все происходило приблизительно так, как мы читаем

об этом в откровении Феодоры. В какой-то момент шествия на небеса через мытарства, когда демоны уже хотели увлечь его в бездну, некий голос сказал: «Пусть возвратится в тело для покаяния». И этот студент, которого уже едва ли не обмыли, вдруг поднялся и стал с ужасом рассказывать о том, что он видел. Он как будто бы покаялся. Но его друзья убедили его, что это была галлюцинация, и он вновь вернулся к прежним грехам, прежнему образу жизни и мыслей. Не знаю, как долго он прожил после этого, но умер он без покаяния.

В житии преподобного Феодора Студита рассказывается такой случай. В ссылке, где Феодор Студит находился за иконопочитание, тяжело заболел один градоначальник. В отчаянии он обратился к преподобному Феодору, зная, что тот человек святой жизни. Феодор сказал ему помолиться перед иконой Божией Матери. А этот градоначальник был иконоборцем: поскольку императорская власть боролась с иконопочитанием, то чиновники, которые хотели быть на государственной службе, естественно, должны были следовать приказаниям императора. Человек этот нашел икону Божией Матери, помолился перед ней, исцелился и как будто бы покаялся, пришел в православие. Но один епископ-иконоборец убедил его в том, что это случайность, что его исцелил Господь, а икона не имеет к этому никакого отношения. Тот вновь отринул иконы, опять заболел и умер в муках.

В конце концов, давайте вспомним Иуду Искариотского. Он не только видел великие чудеса, но и сам, как и прочие апостолы, совершал их. Тем не менее, он впал в грех сребролюбия, а затем совершил предательство и, можно сказать, богоубийство. Какое же может быть явление, которое сделало бы человека совершенно неподверженным падениям? Нет такого.

Нужно понимать: Господь дает каждому столько, сколько ему необходимо. Если бы человеку было какое-то видение, явление, то не думайте, что он обязательно стал бы от этого лучше. А если бы он не исправил свою жизнь, не сделал ее ревностной соответственно этому явлению, то Бог спросил бы с

него гораздо строже. Нужно верить в Промысл Божий, а не ждать особенных откровений. Это легкомысленно.

Почему апостол Павел призывает всегда радоваться, а святые отцы говорят, что земля – это страна изгнания человека, где нет места для радости?

Смотря о чем мы хотим радоваться. Если о каких-то земных благах, то, конечно же, земля – не место для такой радости. Что говорит апостол Павел? *Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите*[119]. В этом контексте понятно, что означает «всегда радуйтесь». Надо радоваться, когда у тебя есть непрестанная молитва и благодарение о всем. А как может человек за все благодарить? Сколько у нас бывает всяких скорбей! Болезни, неприятности с родственниками, общественные бедствия, да и наши собственные согрешения приводят нас в печаль. Если бы мы за все, по крайней мере земные, скорби благодарили Бога, то могли бы всегда радоваться.

Кроме того, радость не противоречит покаянию. Настоящий покаянный плач приносит в сердце человека именно духовную радость. Святые отцы называют покаянный плач радостотворным, то есть творящим радость. Вот о такой радости, мне кажется, и говорит апостол Павел. Радость бывает тогда, когда человек презирает все земные скорби и за все благодарит; это радость о присутствии благодати Святого Духа в сердце, радость от непрестанной молитвы. Противоречие между изречением апостола Павла и наставлением святых отцов кажущееся, оно видится нам оттого, что мы смотрим на слова, а не на суть явления.

Если человек находится в самом плачевном, страстном состоянии, если от постоянных согрешений у него заснула совесть и не всегда есть силы противостоять помыслам, похотям плоти и старым привычкам, то может ли он все равно надеяться, что Господь его помилует, несмотря на его падения? Или люди слабые все-таки будут осуждены за отсутствие самопонуждения?

Тот, в ком совесть заснула, таких вопросов задавать не будет. Если человека беспокоят такие вопросы, значит, совесть

в нем еще живет.

Я думаю, что человек, пусть даже ничего особенного не достигший, но постоянно понуждающий себя к исправлению, все же может надеяться на милость Божию. Нет такого состояния, в котором покаяние было бы невозможным, иначе это было бы отрицанием Божественного милосердия. Покаяние возможно всегда, когда человек хочет покаяться. Другое дело, что он может прийти в такое состояние, когда уже не захочет каяться. Такого человека Господь призывает различными путями: либо посылает ему скорби, которые заставляют его вспомнить о Боге, либо, наоборот, благополучие, в особенности если это человек немощный, чтобы он, по крайней мере, за земное благополучие возблагодарил Бога и помнил о Нем. Господь не оставляет никакого человека, даже живущего в какой-нибудь Центральной Африке и как будто бы не имеющего возможности прийти к православию; не оставляет его никогда, до самой смерти. Каждого человека Бог старается привести к покаянию разными способами, самыми удобными и, так сказать, лучшими именно для этого человека. Поэтому никто не имеет права терять надежду.

Благодарить Бога за все – доступно ли это новоначальным, хотя бы отчасти?

Доступно в том смысле, чтобы не отвечать недовольством на различные трудности, стараться с ними примириться, терпеть их и при помощи молитвы изгонять всякий ропот из своей души. Вот то благодарение, какое доступно новоначальным.

Преподобный Серафим Саровский учит взирать только на начало и конец жизни, на середину же не обращать внимания. Что это значит?

Это значит благодарить Бога за то, что Он даровал тебе бытие, и помнить о том, что ты будешь отвечать перед Ним на суде, частном и всеобщем. Вот что значит смотреть только на начало и на конец: то есть на то, откуда ты вышел и куда ты идешь.

Я родилась и выросла в Таджикистане, среди мусульман. Я не могу сказать о них ничего отрицательного

и не желаю смириться с тем, что они, как иноверцы, будут в аду.

Мне один священник, который живет в Узбекистане (это, как известно, тоже мусульманская страна), рассказал такую историю. Некая женщина-узбечка сознательно приняла православие, ходила в церковь, молилась, причащалась. Естественно, она это от всех скрывала: если бы она призналась, что она православная, ее просто убили бы без всяких разговоров. И вот у нее умер отец. Она об этом очень скорбела, пришла к священнику и спросила, что ей делать. Тот благословил ей читать по отцу Псалтирь, как мы обычно делаем по усопшим православным. Хотя этого делать было нельзя, но он разрешил – видимо, чтобы как-то ее утешить. Она стала читать по нему Псалтирь, читала сорок дней. И каждую ночь ей снилось, что ее отец идет во тьме, а перед ним как будто горит светильник. На сороковой день она снова видит его во сне и спрашивает: «Папа, где ты находишься?» Он отвечает: «А где я могу находиться? Ты ведь мне ничего не сказала…» Вот и ответ на ваш вопрос, из жизни.

Если спасаются магометане, то почему тогда не спастись, допустим, буддистам – они тоже хорошие, добродетельные люди? А если спасаются и магометане и буддисты, то зачем апостолы шли по всему миру, проповедовали христианство и терпели гонения от буддистов и, в позднее время, от магометан? Сидели бы себе в Иерусалиме, ни о чем не беспокоились и говорили, что надо просто быть хорошим, каждому в своей вере.

Может быть, вы действительно встречались с хорошими людьми, но это не значит, что их убеждения правильны. Хорошие люди бывают и заблуждающимися. К тому же эти люди хороши лишь в определенном отношении. Нравственные законы ислама отчасти заимствованы Магометом из христианства, и люди, следующие этим законам, относятся к ближним лучше, чем безбожники, – впрочем, до определенной степени, пока речь не зайдет о вере. И что же из этого? Моральный кодекс строителя коммунизма тоже предписывает

людям, допустим, честность и какие-то другие нравственные качества.

Кажется, что в великом грехе покаяться и не исполнять его делом сравнительно легко. Каяться, например, в раздражении и других повседневных грехах почему-то труднее.

Это то, о чем я говорил в начале беседы: в нас нет должной строгости к себе. Блуд мы считаем великим грехом, а блудный помысел – невеликим. Убийство нам кажется великим грехом, а гнев, раздражение – невеликим. Спаситель сказал: *Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду*[120]. Если бы мы эту строгость, с какой в древности относились к убийству, отнесли к гневу, тогда бы мы не считали бы раздражение малым грехом, тогда бы мы всеми силами старались исполнить евангельские заповеди. Вот почему нам кажется, что в великом грехе покаяться легче, чем в повседневных.

Покаяние – это дар от Бога или результат осознания своей греховности? Почему некоторые неверующие люди каются и обращаются к Богу, а некоторые – нет?

Если рассуждать отвлеченно, ограничиваясь догматической точкой зрения, то от человека зависит только расположение души. Вот на это расположение души Бог отвечает. И если человек примет тот или иной дар Божий, то Господь дарует ему еще. Если расположение души этого человека в основном не меняется, то он вновь и вновь принимает откровения Божии. Это, так сказать, личные откровения – не обязательно видения, но, может быть, какие-нибудь мысли. Человек узнаёт все больше и больше и в конечном счете приходит к православию. Если благое расположение его души не меняется и впоследствии, то и внутри Церкви он станет совершенствоваться быстро и правильно.

От нас, повторю, зависит только расположение, все остальное – дар Божий. Мы должны понимать: все, что мы имеем, мы имеем от Бога. Но если мы будем этим оправдываться: мол, все от Бога, а самому мне ничего делать

не надо, поэтому я буду сидеть и ждать, то это уже будет лукавство. Мы должны себя понуждать. Этим понуждением мы отвечаем на милость Божию, этим понуждением мы на деле показываем свое душевное расположение. Одно дело – рассматривать вопрос абстрактно, и другое – обсуждать его предмет конкретно, практически. А в жизни расположение души проявляется в определенных поступках. Если этих поступков нет, значит, нет и расположения. Как к покаянию, так и к любой другой добродетели мы должны себя понуждать. Господь, видя наше понуждение, дарует нам благодать. Вооружившись этой благодатью, мы становимся способными к еще большему понуждению себя. Мы понуждаем себя сильнее – и Господь дарует нам еще большую благодать. Если же мы пренебрежем дарованной им благодатью и станем понуждать себя лишь в той степени, в какой делали это раньше, тогда, конечно, благодать не только не увеличится, но, наоборот, отнимется и прежняя. Поэтому я и говорил в беседе, что нужно знать свою меру, и благодать, нам дарованную, усваивать себе и пользоваться ею. Если мы под предлогом смирения будем ее отвергать, значит, не будем понуждать себя так, как должны были бы делать это на данной ступени своего духовного развития.

Если в каких-то помыслах сразу каешься в молитве, то прощаются ли тебе эти мысленные грехи? Нужно ли потом рассказывать о них на исповеди?

Я думаю, что лучше отвергать помыслы при помощи молитвы. Если ты их отверг, то и слава Богу, – собственно, это и требуется. Если они сразу улетучились у тебя из памяти, значит, они не произвели на тебя никакого вредного впечатления. И прекрасно! Зачем их потом вспоминать, зачем мучиться? Наша цель – очистить ум, а не наоборот – накопить как можно больше помыслов, чтобы батюшке было что рассказать. Другое дело, что иные не видят помыслов не потому, что их нет, а потому, что они невнимательны к себе.

Что значит понуждать себя к покаянию и умилению и возможно ли это для новоначального при огрубелости сердца?

Понуждать себя к покаянию – это не значит представлять себе какие-то страшные вещи, или, подобно Игнатию Лойоле, основателю ордена иезуитов, умом переноситься в ад и воображать себе, как мы там горим, или плакать и в то же время радоваться о том, будто бы мы делаем нечто особенное.

Покаяние – это осознание своей греховности. Когда человек за собой наблюдает, он видит свои бесконечные погрешности. Он не может их не видеть, если он ставит перед собой цель соблюдать нравственные нормы. Если мы будем постоянно читать Евангелие и помнить о том, что это не просто книга, на которой основывается наша вера, но это руководство к жизни, то мы будем видеть свои многочисленные отступления от Евангелия и в нас поневоле возникнет сокрушение сердечное. Очень полезно и чтение святоотеческих книг, которые объясняют нам наше состояние и показывают то, насколько мы отстоим от христианского идеала. Это также внушает нам покаяние.

Вот так нужно себя понуждать. А выдавливать из себя слезы, когда нет соответствующего сердечного настроения, или делать с собой что-то особенное – это опасно. Хотя истинное покаяние считается тем средством, которое в наибольшей степени охраняет нас от духовной прелести, в то же время ложное покаяние как раз и может быть той самой прелестью. Диавол может изобразить все, что угодно, в том числе может подражать и покаянию, поэтому здесь необходима осторожность. Для того чтобы правильно это понять, я советовал бы прочитать книгу святителя Игнатия (Брянчанинова) «Приношение современному монашеству». Может быть, с нее стоит начать чтение вообще всех творений святителя, которые очень полезны. В них не запутаешься, а если мы будем читать древних отцов, то по неопытности можем что-то понять неправильно.

В молодости я совершила тяжкий грех – сделала аборт. Как искупить этот грех?

Нельзя сказать, что здесь есть некое универсальное средство, как некоторые считают: нужно прочитать столько-то акафистов, раздарить сорок рубашек, гребешков или еще чего-

нибудь. Это все несерьезно. Это похоже на какие-то, как говорят на Украине, забобоны, то есть вздор, предрассудки. «Забобонам» этим следовать не нужно. Должно быть покаяние. Если женщина находится в таком возрасте, когда она еще способна к деторождению, значит, она должна исправить свою жизнь, то есть если раньше она препятствовала рождению детей, то сейчас должна прекратить это делать. Если она в таком возрасте, когда деторождение уже невозможно, пусть прибегнет к церковному покаянию. Это может быть молитва, чтение каких-то канонов, вообще покаянное настроение души. А сказать человеку, что ты должен столько-то дней делать то-то и то-то и тебе все простится, нельзя. Христианин должен каяться всю жизнь.

К тому же у каждого разная мера покаяния. Например, преподобная Мария Египетская за свою блудную жизнь потом сорок с лишним лет подвизалась в пустыне. И как она жила? Едва-едва верится, что человек может выдержать такую скорбную, постническую, подвижническую жизнь. Можем ли мы так каяться? Нет. Мы не имеем такой силы духа, такой ревности. Если сейчас возложить на кого-то из нас хотя бы малую часть тех трудов, которые несла эта святая или подобные ей подвижники, что из этого выйдет? Уныние, отчаяние и оставление всякого молитвенного подвига. Поэтому все должно быть умеренно.

Если ты покаялась – исправь свою жизнь, живи целомудренно, рожай детей. Совершай добрые дела, ходи в храм, исповедуйся, причащайся, читай утренние и вечерние молитвы. Конечно, желательно было бы всем, не только монашествующим, всегда подвизаться в непрестанной Иисусовой молитве, то есть непрестанно каяться. Нужно читать Священное Писание, бороться со своими страстями: гневом, злопамятством, болтливостью. Вот это и будет покаяние, которое приведет тебя к очищению от грехов. А советовать в этом случае делать что-то особенное было бы неправильно. Если это будет выполнимо и человек это сделает, то успокоится и перестанет каяться. А если возложить на него слишком большой подвиг, он может не понести его и отчаяться. Поэтому

пусть каждый из вас просто приобретет покаянный дух и живет по уставу Церкви.

Скажите, как часто можно причащаться? Иногда говорят, чем чаще, тем лучше.

Да, чем чаще, тем лучше. Но человек должен быть к этому готов, должен всегда иметь чистую христианскую совесть. Для людей, состоящих в браке, существует определенное условие, связанное с супружескими отношениями: перед причастием нужно от этих отношений воздерживаться. У нас в России принято также перед причащением несколько дней попоститься.

Многие духовники в наше время благословляют причащаться даже и мирян каждую неделю. Причащаться нужно как минимум один раз в месяц, а в посты и чаще. Понятно, что если человек сегодня напился и подрался, то завтра ему причащаться нельзя. Если человек впал в смертный грех блуда, потом неделю нес какую-то епитимию, допустим делал сколько-то поклонов, и решил, что ему уже можно причащаться, то причастие будет ему в осуждение. Тут нужен совет опытного духовника. Если у тебя нет смертных грехов, тогда причащаться можно часто. Святитель Иоанн Златоуст говорит так: если ты недостоин причащаться часто, значит, ты вообще недостоин причащаться. А если ты достоин причащаться, то ты достоин причащаться и часто. Если у тебя есть смертные грехи, то тебе ни часто, ни редко нельзя. А если нет, то что препятствует тебе часто приступать к Святым Тайнам?

Но возникает вопрос: как часто? Есть прельщенные, которые и два раза в день причащаются. На самом деле, по правилам можно причащаться не чаще одного раза в день, других ограничений нет. Но так ли мы живем, чтобы быть достойными столь частого причащения, чтобы это пошло нам на пользу? Когда этот вопрос рассматривался на Поместном соборе 1917–1918 годов, то поступали предложения, основанные на святоотеческом предании, разрешить мирянам причащаться ежедневно. Однако было вынесено постановление, что мирянам можно причащаться не чаще раза в неделю. Я считаю, что это нормально: раз в неделю, еще в

двунадесятые и великие праздники, на Светлой седмице и, может быть, по каким-то особенным случаям.

Вообще, надо смотреть на то, как человек живет. А то иной насмотрится телевизора, потом причащаться идет. Прочитал правило ко причастию, потратил часик (и это считается много), а потом пошел и три-четыре часа телевизор смотрел. Он так рассеется, столько вредных греховных впечатлений воспримет, что от причастия ему, наверное, лучше воздержаться.

Я не могу сказать духовнику про одну страсть, которая есть у меня много лет. Что делать, как найти силы, чтобы это исповедать?

Надо усердно помолиться и за себя, и за духовника, если ты боишься, что он проявит к тебе какую-то строгость. Помолиться, чтобы Господь смягчил его сердце, и все-таки найти в себе силы открыть свою страсть. Потому что она может препятствовать твоему духовному развитию и даже твоему спасению. Есть такая русская пословица: «Коготок увяз – всей птичке конец», так и одна страсть может препятствовать человеку в спасении. Как говорит преподобный авва Дорофей, если птица только слегка запуталась в сети, то она уже не взлетит. Поэтому мы должны от этой сети страстей освободиться – прежде всего при помощи исповеди и покаяния.

Если грех на исповеди сказан, но без чувства покаяния, а просто по указанию разума, то будет ли он прощен?

Я думаю, если мы добросовестно исповедуем грех, даже тогда, когда в нас нет должного покаянного чувства, то он, конечно, будет прощен. Но одно дело – прощение греха, а другое – очищение сердца. Одно дело, когда Бог простил тебе блудные помыслы, а другое – когда совсем очистил твое сердце от блудной страсти. Одно дело, когда Бог простил тебе гневное слово или какую-то внутреннюю обиду, а другое – когда Он простил тебя до такой степени, что вообще очистил тебя от страсти гнева. В этом смысле человек может быть и после исповеди не вполне очищен от греха. Очищается он настолько, насколько велика степень его покаяния, сила его покаянного чувства. Это чувство дает человеку силу бороться с грехом, ведь в таинстве исповеди не только прощаются грехи, но и

даруется благодатная сила на то, чтобы бороться с ними, поэтому исповедь и является таинством. Таким образом, хотя грехи при исповеди и прощаются, но нужно бороться и со своей греховностью.

Никак не получается измениться изнутри. Исповедался, причастился – и в тот же день некоторые из исповеданных грехов повторяешь вновь. Такое причастие, наверное, бывает мне в осуждение и благодать от меня сразу отходит?

Я не знаю, кто это спросил, но совершенно уверен, что этот человек подтвердит, что изменения к лучшему в нем все-таки есть, пусть и не такие быстрые, как ему хотелось бы. Может, эти изменения в укреплении нравственности происходят не в течение месяца, а в течение года, но, тем не менее, происходят. Что касается того, что грехи повторяются, то я уже сказал: одно дело – прощение грехов, а другое – очищение от греховности, это чрезвычайно трудно. Кто-то из святых отцов сказал, что бесстрастие не для всех достижимо, а покаяние необходимо для всех. Поэтому мы будем грешить и каяться, грешить и каяться.

Если мы грешим не добровольно, а боремся с грехом, и если грех не смертный, а просто действие какой-то страсти, то, конечно же, причастие в этом случае приносит нам пользу. И благодать при нашем согрешении отходит не вся, какая-то часть ее остается. Каяться нужно всегда, непрестанно: и до причастия, и во время причастия, и после причастия. Не нужно думать, что покаяние – это только то, что нужно нам до причастия, а потом идет уже сплошное благодарение: мы благодарим день или два и уже больше не грешим. Такого не бывает. И не нужно думать, что в то время, когда мы каемся, нам не за что благодарить Бога. В человеке духовные чувства действуют смешанно, и в самом покаянии должно быть благодарение, иначе оно будет соединено с превозношением, гордостью.

Повторю: я думаю, что изменения в этом человеке все-таки есть. Нужно быть терпеливым к себе, быть терпеливым к своим страстям, не ожидать от себя быстрого, мгновенного изменения.

Часто, когда готовишься к исповеди, испытываешь чувство раскаяния и сокрушения о своих грехах, а приходишь к священнику – сухо перечисляешь грехи и того сокрушения, которое было при подготовке, нет. Отчего это?

Не всегда у нас бывает одно и то же духовное состояние, и не всегда именно оно проявляется на исповеди. Если мы будем относиться к себе слишком придирчиво, то, пожалуй, у нас редко будет появляться желание приходить на исповедь. Нам будет казаться, что мы не чувствуем благодати. Но ведь часто мы, и причастившись, тоже как будто бы не ощущаем ничего особенного, а позже наше душевное состояние нам подсказывает, что мы испытали какое-то внутреннее изменение.

Почему у нас может не быть сокрушения сердечного? Во-первых, это сокрушение, возможно, было раньше, когда человек каялся при подготовке к исповеди, и хотя оно по времени, так сказать, отдалено от исповеди, но все же это покаяние. Во-вторых, человек, возможно, пришел на службу усталым. Если ты готовился к службе: читал каноны, мало спал, потом долго ехал до храма, и у тебя появилась усталость, то твоя телесная немощь, как бывает, к сожалению, у всех людей, начинает влиять на душевное состояние. Ты уже не можешь внимательно помолиться или явственно ощутить приток благодати. Но вечером, после дневного отдыха, или на следующий день, после того как ночь отдохнешь, ты чувствуешь какой-то душевный подъем. Не всегда благодатное действие чувствуется сразу, по многим и различным причинам.

Думаю, что от исповеди нужно ждать не столько каких-то субъективных ощущений, сколько чувства облегчения. Это уже зависит не от человека, но является действием Божественной благодати в таинстве. Часто бывает, что у тебя после исповеди как будто некая тяжесть спадает с сердца, с души, так что невольно испускаешь вздох облегчения. Я и сам это испытал, и видел со стороны. Многие люди, которые у меня исповедуются, после прочтения разрешительной молитвы как бы выдыхают: «Уф-ф!» – словно что-то с себя сложили. Это непроизвольное внешнее проявление облегчения, испытываемого на исповеди. Вот что самое главное. Но стремиться нарочно вздыхать и

плакать не нужно. А то начнете перед исповедью изо всей силы и любым способом понуждать себя плакать, а после нее станете облегченно вздыхать. Надо искать внутреннего, духовного результата, а о различных мелких неудачах не очень скорбеть. Не получилось немножко – и ладно, не надо придавать этому особенного значения. Главное, чтобы в основном мы держались правильного направления, не уклоняясь в сторону, чтобы наша жизнь шла по правильному руслу.

Чем отличается чувство вины от чувства греховности?

Мне кажется, что настоящее чувство греховности всегда является одновременно и чувством вины, только перед Богом. Мы должны понимать, что мы согрешили перед Ним. Как говорит пророк Давид: *Тебе единому согреших и лукавое пред Тобою сотворих*[121]. Пророк Давид не совершил греха непосредственно против Бога: не впал ни в какую ересь, не сделал ничего против богослужения. Он совершил прелюбодеяние и убийство и после этого покаялся такими словами: *Тебе единому согреших и лукавое пред Тобою сотворих*. Потому что он понимал, что в конечном счете он виноват именно перед Богом. То есть настоящее чувство греховности – это не какое-то абстрактное чувство, а чувство личной вины перед Богом. Конкретное, живое переживание греховности по отношению к Богу, при котором мы чувствуем, что мы перед Ним виноваты, что нам стыдно и страшно, и есть, как мне кажется, правильное осознание греха и правильное покаянное чувство.

Как сохранить постоянное самоукорение, память о своей греховности, если часто, от рассеянности наверное, это чувство умаляется, если уже почти нет чувства покаяния, сокрушения?

Самоукорение сохранить трудно. Нужно, прежде всего, молиться. Сама Иисусова молитва в каком-то смысле есть самоукорение и понуждение себя к смирению. Если мы говорим беспрестанно в течение дня: «Помилуй мя, грешного», то таким образом заставляем себя помнить о своей греховности, приучаем себя к смиренному о себе мнению. Но самое главное, нам нужно помнить, что самоукорение, покаяние – это плод

духовный, это действие благодати. Если не будет благодати, то, как бы мы ни изощрялись, что бы мы себе ни говорили, как бы себя ни уговаривали, искреннего самоукорения у нас не будет. То есть более всего нужно надеяться на Бога и поэтому непрестанно молиться.

Вы говорите, что надо считать себя великим грешником. А как при этом у человека может быть чистая совесть?

Это общепринятые слова. Всякий человек может назвать себя великим грешником. И тот, кто поддался каким-то нехорошим помыслам, и тот, кто грешит блудом. Убийцей может считать себя и человек, который себя укоряет за то, что он гневается на людей, и тот, кто на самом деле пролил человеческую кровь.

Нет такой объективной оценки, согласно которой человека, совершившего тот или иной грех, можно было бы назвать маленьким, средним или великим грешником. Всякий осознает себя грешником в меру того, как он себя укоряет, насколько он осознает тяжесть своих грехов. И поэтому чистая совесть совсем не противоречит тому, что человек осознает себя грешником. Если человек не осознает себя грешником и при этом думает, что он имеет чистую совесть, то, скорее, можно сказать, что у него есть гордость, но никак не чистая совесть.

Чистая совесть предполагает то, что человек борется с грехом, что он противится своей страстности, но по немощи, к сожалению, преступает нравственные христианские нормы в уме, на словах, может быть в каких-то мелких проступках.

Если понимать это слово буквально, то человека, который имел бы совершенно чистую совесть, в христианстве, в Православной Церкви быть не может. Если в нем нет покаяния, то в нем нет и чистой совести, потому что совесть очищается покаянием. И это совершенно нездоровое душевное состояние, это ослепление своей гордостью.

В чем выражается чистая совесть? Если человек в церковь не ходит и говорит: «У меня нет времени» – или: «Душа меня еще не позвала в Церковь», то у него нечистая совесть. Если человек смотрит часами телевизор, а потом у него остается пять

минут на молитву и он что-то там быстро пробормочет, то у него тоже нечистая совесть.

Я не говорю о тяжких грехах, а говорю о том, с чем мы, к сожалению, повседневно сталкиваемся. Если у нас был маленький скандал с женой или с мужем, а потом мы стали на молитву и у нас в голове продолжает звучать то, что мы недосказали, то это тоже говорит о том, что у человека нечистая совесть. Такого мы допускать не должны, а должны со всем этим бороться. В нашей власти не доводить до этого. Но если мы нечаянно поддались страсти, допустим в семье кто-то долго смотрит телевизор и мы не выдержали и тоже увлеклись, то потом мы в этом каемся. А если ты каждый день регулярно включаешь телевизор и смотришь там всякую пакость, то ты не можешь сказать, что у тебя чистая совесть, что ты это сделал нечаянно, что ты споткнулся.

Мне семьдесят два года. Я три года назад пришла к вере, сейчас посещаю церковь каждую субботу и воскресенье, исповедуюсь, причащаюсь. Но очень скорблю, что своих дочерей, которых сама воспитала в неверии, теперь не могу привести к Церкви. Зачтется ли мне это как грех, если я ничего не смогу изменить и уйду в загробную жизнь?

Конечно, это нехорошо, что вы не воспитали детей в вере, но вы ведь в то время сами были неверующей. Раз вы покаялись, то молитесь за детей, делайте все возможное, чтобы они обратились. Мне кажется, сейчас будет трудно их переубедить: они самостоятельные люди и едва ли будут воспринимать какие-то увещания. Если их убеждать, то нужно делать это мягко и смотреть, принимают они ваши слова или нет. Нужно, повторю, делать все, что в ваших силах, – но больше уповать на Бога, молиться.

Господь прощает кающемуся всякий грех, поэтому будем каяться в своей прошлой нерадивой, греховной, безбожной жизни, будем каяться в том, что и детей воспитали неправильно. Но при этом будем понимать, что милость Божия безгранична, и уповать на эту милость. Повторю: нет такого

греха, даже самого страшного, которого Бог не простил бы нам, если мы искренне в нем раскаемся.

Сказано, что хула на Святого Духа не прощается. Что значит хула на Духа Святого, как ее увидеть в себе? А если в ней покаяться, все равно она не простится?

Наверное, у нас есть множество грехов, которых мы не видим. Я даже думаю, что мы не видим бóльшую часть своих грехов, а можем разглядеть только малую их часть, так сказать верхушку айсберга.

Мне кажется, что речь здесь идет не о том, что нам простится любой грех, если мы в нем покаемся, а хула на Святого Духа не простится, даже если мы в ней и покаемся. Здесь речь идет о другом. Господь проявляет снисхождение ко всяким грехам, которых мы не видим, но в которых каемся, хотя мы даже не называем их и не понимаем, о чем мы говорим, произнося: «Помилуй мя, грешного». Ведь мы понимаем, что множества своих грехов мы даже не замечаем, не сознаем. Но с хулой все обстоит иначе: если мы в ней не раскаемся сознательно, то есть не исправимся, то она нам не простится.

Что такое хула? Откровенная хула – это кощунство, неверие, безбожие; прикровенная хула – это любая ересь. Ведь она тоже в сущности является хулой, потому что богооткровенное учение, апостольское предание, преподано нам Духом Святым. И тот, кто искажает это учение Святого Духа, можно сказать, хулит Его, хотя бы он и не полностью это учение отрицал, а только в чем-то его искажал: поправлял его, как ему кажется, или дополнял. Если этот человек, откровенно или прикровенно хулящий Духа Святого, не покается, то есть не откажется от своего заблуждения, безбожия или ереси, то ему это не простится, хотя бы он и был добродетельным человеком. Мне кажется, здесь это имеется в виду.

Правда ли, что перед крещением нужно исповедовать грехи с шестилетнего возраста?

Человек, готовящийся ко крещению, должен рассказать о всей своей жизни. Это не будет исповедью, то есть таинством прощения грехов, просто человек должен рассказать о всех грехах с сознательного возраста, когда он уже что-то помнит,

для того чтобы священник ему объяснил, что хорошо, а что плохо, и человек осознал грех как грех. А если мы его крестим без такой нравственной подготовки, то он своим невежеством может осквернить великое таинство крещения и по-прежнему совершать страшные смертные грехи. Ради этого необходимо такое собеседование.

Как правильно любить Бога и ближнего?

О трезвом отношении к любви. – *Какая первая из всех заповедей?* – Легко ли исполнить заповедь о любви к Богу? – Любящий Бога любит и ближнего. – Ложная любовь и ее губительные последствия. – Что значит *возлюбить ближнего, как самого себя*? – О правильной любви к себе. – «Ближний есть наша жизнь и смерть». – Виноват ли тот, кто не любит Бога? – В стяжании любви важна постепенность.

Сегодня я хотел бы сказать о том, что апостол Павел называет союзом всех совершенств, – о любви. Христианство даже в сознании людей неверующих ассоциируется прежде всего с этой добродетелью, для всех очевидно, что в любви суть христианства.

Конечно, нам, людям весьма обыкновенным – я надеюсь, искренне верующим, но не каким-то особенным подвижникам, несколько неловко говорить и слушать о любви. Мы, сказать по совести, недостойны рассуждать о ней, так далека эта добродетель от нас, немощных, ежечасно поддающихся по отношению к ближним раздражению, злопамятству и зависти, а по отношению к Богу – равнодушию и нерадению. Казалось бы, зачем нам об этом говорить? Нам бы элементарные вещи исполнить. И тем не менее мы обязаны рассуждать об этом, ради того чтобы знать, к чему стремиться и что, собственно, такое правильная любовь.

Я всегда рассуждаю об этой добродетели с большой осторожностью: многие, говоря о любви с жадностью и ревностью, не имеют трезвого взгляда на то, что такое любовь. И поэтому я вначале вынужден предостеречь людей, желающих преждевременно стяжать христианскую любовь. Не потому, что мы вообще должны охладеть к стяжанию добродетелей, в особенности к этой, а потому, что можем легко ошибиться и споткнуться. Если мы не победили свои страсти или, по крайней мере, не возобладали над ними так, что они уже не действуют в нас с полной свободой и властью, то должны прикасаться к добродетели любви с чрезвычайной осторожностью.

Нельзя по-настоящему, по-евангельски любить ближнего, если мы не очистили себя, например, от блудной страсти. Иначе нам может показаться, будто мы испытываем к ближнему любовь, а на самом деле нами будет двигать некая карикатура на нее, страшное искажение любви, вожделение к чужой плоти. Не всегда это бывает откровенно, часто это происходит скрыто, тонко, человек сам не понимает, что им руководит похоть. Он думает, что проповедует истину из любви к ближнему, а на самом деле влечется к людям противоположного пола тайно действующим блудным чувством. И бывают от этого страшные падения. Видимостью любви могут прикрываться также гордость и тщеславие: человек думает, будто стремится к какой-то должности, особенной деятельности ради любви к ближнему, а им движет честолюбие, жажда славы. Мы можем ошибиться и в отношении любви к Богу: например, якобы стремясь к уединению, угождению единому Богу, начнем пренебрегать ближними, будем относиться к ним равнодушно, как говорил об этом и Спаситель.

Что же такое любовь? В греческом языке есть несколько слов, которые обозначают разновидности этого чувства. Одно из них обозначает преимущественно любовь плотскую, другое, совершенно иное по звучанию, – любовь дружескую, третье – любовь к Богу, и так далее. Русский язык в этом отношении имеет некоторый недостаток: одно и то же слово «любовь» обозначает иногда противоположные вещи, например любовь к Богу и прелюбодеяние. Может быть, отчасти из-за этого происходит и некоторая путаница в понятиях.

Чтобы выяснить, что такое любовь, уместно для начала взять повествование из Евангелия от Марка. Некий книжник, услышав, что Господь Иисус Христос хорошо говорил о воскресении мертвых, *подошел и спросил Его: какая первая из всех заповедей? Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, – вот первая заповедь*! *Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя*[122]. Обратите внимание:

прежде чем любить Бога *всею душею*, нужно понять, что Он есть Господь единый. В первую очередь, конечно же, в том смысле, что Бог один, и только Он один достоин такой любви, которую люди обязаны испытывать к Существу, давшему им даже само их бытие. Но можно подразумевать здесь и некоторый сокровенный смысл. *Господь Бог наш есть Господь единый*, то есть у нас в конечном счете один Господин – Бог. Хотя, конечно же, и законная светская власть, в особенности православная царская власть, и та власть, которая дарована в Церкви патриархам, архиереям, священникам, каждому в своей мере, – в конечном счете восходит к единому Богу. И мы обязаны повиноваться любой государственной власти или как установлению или как попущению Божию, до тех пор, пока это не противоречит нашей христианской совести – не нашим политическим или экономическим взглядам, а христианской совести.

И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, – вот первая заповедь. У евангелиста Матфея говорится: *Сия есть первая и наибольшая заповедь*[123]. То есть в конечном счете все сводится к ней. Даже заповедь о любви к ближнему называется второй, подобной ей. Так же, как человек есть образ Божий, и заповедь о любви к ближнему является образом заповеди о любви к Богу. Что значит возлюбить Господа Бога всем сердцем? Это значит любить Его всеми своими чувствами, со всей искренностью, со всей убежденностью, ибо только то, в чем человек убежден сердцем, и есть его действительное убеждение. Если мы умом что-то знаем, но сердце наше в этом не уверено, с этим не согласно, то это не убеждение, это только сведения, которые мы так или иначе усвоили. И бывает, что умом мы, казалось бы, принимаем какие-либо взгляды, а в сердце живет сопротивление этим декларируемым нами взглядам. Допустим, в уме мы считаем себя сторонниками какой-то политической теории, а на деле нас это не интересует, нам дорого исключительно наше личное благополучие, мы любим только поесть да поспать.

Если честно себе признаться, то нечто похожее с нами происходит и по отношению к Богу. Умом мы принимаем евангельское учение, соглашаемся с ним, а наше сердце часто сомневается в том, в чем мы как будто совершенно убеждены и что можем даже доказать. Если мы посмотрим на себя трезво, то увидим, что на самом деле мы не только не любим Бога *всем сердцем*, но, хоть и страшно это говорить, почти не любим Его даже и малой частью сердца. Бывает, умом мы понимаем, что только Бог достоин того, чтобы любить Его всем сердцем, а на деле имеем привязанность к какой-либо вещи, или к своей квартире, или к какому-нибудь искусству, или к человеку. А ведь заметьте, о ближнем не сказано, что нужно любить его всем сердцем, его заповедуется любить как самого себя. Умом мы понимаем, что нужно любить единого Бога, а на деле можем любить комнатную собачку. И получается, что любовь к домашнему животному в действительности, как это ни страшно и даже ни смешно, замещает в нас любовь к Богу. Если бы нам не пришлось, допустим, пойти в храм, мы отнеслись бы к этому спокойно. А вот если бы что-то случилось с нашей собачкой, у нас была бы великая скорбь. Если бы кто-то при нас хулил Бога, мы отнеслись бы к этому равнодушно, а если бы кто-то ругал обстановку в нашей квартире, нас это весьма и весьма задело бы. Что же получается? То, что любовь к Богу в нашем сердце не имеет почти никакого места. Наше сердце занято, по большей части, земными вещами, недостойными привязанности даже с точки зрения здравого смысла.

Поэтому не думайте, что заповедь о любви к Богу легко исполнить. Некоторые считают, что достигнуть любви чрезвычайно просто. Но такое мнение основано на гордости: человек ослеплен, он не видит своего действительного состояния, не замечает, что на самом деле он тысячекратно в течение одного дня предпочитает Богу нечто земное, какие-то мелочи. Он воображает, что любит Бога всем сердцем по той простой причине, что не знает себя.

Возлюбить Бога всей душой значит не только любить Бога всем своим существом, но и все делать ради Бога, из любви к Нему. Душа – это, с одной стороны, синоним жизни, с другой –

синоним воли. И поэтому любить Бога всей душой значит всю свою жизнь устроить так, чтобы она стала служением Богу. Не думайте, что это невозможно. Не думайте, что если мы трудимся на заводе или дома, то в это время нельзя любить Бога всей душой, для этого нужно обязательно уйти в пустыню. Как раз в пустыне такие неопытные люди, как мы, пожалуй, и не поймут, действительно ли они служат Богу или нет. У них может сложиться иллюзия, что они занимаются исключительно служением Богу, а они будут просто пребывать в праздности. Проверить свою любовь к Богу у них нет возможности. Именно в искушениях, скорбях, препятствиях, которые нам приходится преодолевать, мы видим, насколько мы любим Бога и желаем посвятить Ему свою жизнь. Поэтому мы должны быть благодарны всевозможным скорбным обстоятельствам, а не избегать этих испытаний по той причине, что они якобы мешают нам любить Бога. Они не мешают нам любить Бога – они обнаруживают, в какой степени действительно присутствует в нас эта добродетель.

И возлюби Господа Бога всем разумением твоим. Мы должны любить Бога всеми мыслями, то есть наш ум, как и наше сердце, должен быть убежден в истинах Священного Писания, в истинах веры. Не нужно думать, что мы можем ничего не понимать и пренебрегать рассуждением об этих истинах. Хотя и рассуждать о них можно по-разному. Одно дело – изучать эти истины для того, чтобы усвоить, другое – для того, чтобы все испытывать и во всем сомневаться, так сказать, искушать Бога. Последнее, конечно, это проявление не любви, но, скорее наоборот, желания оправдать свое безразличие и равнодушие. Поэтому пренебрегать изучением вероучительных книг ни в коем случае нельзя. Может быть, не всякий способен понять, например, тонкие рассуждения преподобного Максима Исповедника, но в меру своих сил всякий из нас обязан знать православное вероучение. В этом также проявляется любовь к Богу.

Но кроме этого, конечно же, под словами: *Возлюби Бога всем разумением твоим* – нужно понимать рассуждение о том, как угодить Богу. Ум дан человеку Богом прежде всего для того,

чтобы познавать Его волю. Если бы все было просто, то нам не нужно было бы размышлять, даны были бы нам несколько заповедей – много ли, мало ли, но некоторое ограниченное количество – и мы всегда поступали бы одинаково. Однако, несмотря на то что Священное Писание довольно обширно, все обстоятельства предусмотреть невозможно. И разум нам нужен для того, чтобы понимать, как следовать воле Божией, как в той или иной ситуации исполнить ту или иную заповедь. Итак, возлюбить Господа Бога *всем разумением* означает любить Бога и теоретически, и практически: и усваивать отвлеченные вероучительные истины, и думать о том, как нам жить по Евангелию.

И всею крепостию твоею. Здесь имеется в виду не только телесная крепость, не только то, чтобы мы служили Богу всеми своими физическими силами, допустим соблюдали посты, служили ближнему телесными трудами или при молитве совершали поклоны. Здесь, как мне кажется, в большей степени имеется в виду душевная крепость, сила воли. То есть мы должны любить Бога с чрезвычайным напряжением сил, всей своей крепостью, насколько ее хватит. Конечно, как бы человек ни был могуч духом, а может быть, и телом, всегда найдется искушение, против которого он устоять не сможет. Но только тогда, когда он не будет прибегать к Богу. Не сказано: возлюби Бога с той или иной силой крепости, а *всею крепостию*. Пусть я человек самый немощный, самый слабый и душевно, и телесно, и, может быть, умственно – но я должен возлюбить Бога *всем разумением и всею крепостию* – настолько, насколько хватит у меня ума, душевных и телесных сил.

Некоторые думают: «Я человек немощный, слабовольный, разве могу я сравниться с Антонием Великим или Серафимом Саровским? Мне не исполнить заповедей. Как я могу любить ближнего или, например, поставить себя ниже всех, когда я такой немощный?» Но Спаситель не требует от нас какого-то определенного количества сил или разума – Он требует от нас всю нашу крепость, пусть она по сравнению с другими людьми у нас чрезвычайно мала. Все остальное Он восполнит: и подкрепит нас, и вразумит. Это самооправдание, когда мы

говорим и думаем о том, что нам невозможно исполнить Евангелие. Мы таким образом ставим на себе крест – не потому, что мы разочаровались, а потому, что нам лень трудиться. Что значит, когда человек не хочет напрягать свои силы? Приведем пример из жизни. Один человек трудится изо всех сил, иначе, выражаясь возвышенным языком, со всею крепостью, а другой – вполсилы. Как это называется? Лень. Поэтому Спаситель в другом месте именует таких людей лукавыми и ленивыми рабами. Лукавыми, заметьте, а не просто ленивыми, потому что они при помощи лукавства пытаются оправдать свою лень. Но когда мы лениво трудимся, скажем, на заводе или в какой-нибудь фирме, то нас в худшем случае могут уволить, а в лучшем случае, лишить части заработка. А если мы будем проявлять такую лень в духовной жизни, то мы просто погибнем. И если в нас не хватает любви, то по крайней мере из страха будем думать, что у нас нет иного выхода, как только трудиться изо всех сил. Если мы не будем с напряжением всего своего существа понуждать себя любить Бога, то мы просто погибнем. На самом деле можно было бы сказать, что для спасения человеку нужно стяжать только одну добродетель: не любовь, не смирение, не кротость, а понуждение себя. Вот какая добродетель необходима прежде всего. А понуждение имеет место там, где нет желания: зачем себя к чему-то понуждать, если ты этого и так хочешь? Если бы мы приобрели эту добродетель, то вслед за ней приобрели бы и все прочие добродетели, и даже самую возвышенную, самую великую, которая является как бы синонимом самого христианства и Евангелия – любовь.

Сия есть первая и наибольшая заповедь. Почему первая и наибольшая? Потому что если мы не имеем любви к Богу, то для нас невозможно и правильно любить ближнего. Если мы имеем неправильные представления о Боге, то есть не любим Его *всем разумением*, то мы и ближнему внушим такое же неправильное отношение к Богу и это заблуждение его погубит. Поэтому прежде чем любить ближнего, необходимо возлюбить Бога. Скажу больше того: тот, кто думает, что любит ближнего, а к Богу безразличен – допустим, в молитве, – то в нем нет

настоящей любви к ближнему. Там просто действует тайная страсть, может быть, блудная, может быть, тщеславие или какая-нибудь еще, прикрытая видом любви. Любовь к ближнему естественно происходит от любви к Богу. Один греческий старец сказал слова, которые непонятны для людей, не имеющих духовного опыта, но эти слова совершенно точны: «Кто хочет найти любовь к ближнему, пусть ищет ее в Иисусе». Безусловно, этот старец, как и многие другие истинные подвижники, занимался умным деланием – молитвой Иисусовой. И он на себе испытал, что, соединяясь умом с Господом Иисусом Христом, он находит любовь к ближнему: она рождается от Иисусовой молитвы, от общения с Богом. Где есть любовь к Богу – а не может быть любви без молитвы, без воспоминания о том, кого любишь, – там есть и любовь к ближнему; и где нет любви к Богу, где нет молитвы, там ни о какой любви к ближнему и речи быть не может. Если люди, не знающие истины, не знающие православия: буддисты, атеисты, гуманисты, как бы они себя ни называли, – говорят о себе, что любят ближнего, или даже показывают эту любовь своими делами, то знайте с достоверностью, что здесь присутствует какая-то сильно действующая страсть, прикрытая видом любви. Не обязательно, чтобы сами носители этой мнимой любви действовали с обманом, как некие заговорщики, – нет, они могут быть искренне убеждены в том, что любят человека, хотя на самом деле губят его.

Приведем пример из древности. Принц Гаутама, которого сейчас называют Буддой, после своего мнимого просветления познал, как ему показалось, истину. «Истина» состояла в том, что все существующее – призрак и что нужно стремиться к исчезновению. Счастье человека в том, чтобы раствориться в некой непостижимой субстанции, хотя ее даже и субстанцией нельзя назвать, – в нирване, то есть потерять свою индивидуальность, перестать существовать как личность. Индусы считали это чрезвычайно трудным, невозможным по той причине, что душа после смерти не умирает, но вновь и вновь перевоплощается. И вот Гаутама познал «истину» о прекращении страданий: нужно остановить этот круг

перевоплощений, раствориться. Казалось бы: познал ты, что нужно стремиться к исчезновению, и достаточно. Однако диавол внушил ему мысль о том, что надо думать о ближних, проявлять к ним милосердие. Но какое может быть милосердие к ним, если, по мнению буддистов, ближний со своей индивидуальностью – иллюзия, случайное сцепление некоторых частиц? Зачем мне, самому будучи иллюзией, ходить и убеждать другие подобные «явления», что они тоже иллюзия? Я должен сам убедиться в этом – да и все. Но нет, лукавый внушил Будде, что для него было бы слишком просто – быстро взять и уйти в нирвану, ему нужно еще потрудиться, чтобы помочь и другим людям познать истину. И вот под предлогом милосердия и любви к ближним принц Гаутама стал проповедовать свои взгляды и увлек за собой многие миллионы людей. Конечно, при его жизни это были еще не миллионы, но впоследствии буддизм стал одной из самых распространенных религий мира.

Приведем теперь бытовой пример. Допустим, человек нуждается в материальной помощи. Если я не знаю, в чем его нужда, то и хорошо: подал человеку, и все. Но, наверное, благоразумнее все-таки было бы выяснить, на что он просит: одно дело, если ему не хватает на пропитание или одежду, и другое – если он хочет устроить, выражаясь прилично, вечеринку. Как помочь такому человеку? Помогая ему, я потворствую его греху. Если я дам ему деньги, значит, жалею его, считаю, что развлечение, на которое он просит, достойно уважения. Пусть он напьется со своими друзьями и получит удовольствие. И таким образом я вместо любви потворствую страстям, проявляю человекоугодие. Любовь не может способствовать тому, чтобы человек грешил. Любовь должна желать человеку не только благополучия телесного, но и чистоты душевной. Поэтому, повторю, если я не люблю Бога, если не принимаю Его нравственного учения, то не могу любить и ближнего. Моя мнимая любовь может оказаться для него губительной. И можно было бы привести много разных примеров того, как, допустим, светские благотворительные организации на самом деле не помогают людям, а губят их.

Заповедь о любви к ближнему – вторая. На это нужно обратить особенное внимание: первая и наибольшая заповедь – о любви к Богу, а вторая, подобная ей и неразрывно с ней связанная, – о любви к ближнему. *Возлюби ближнего твоего, как самого себя*. Что это значит? Конечно, всякий человек любит себя. Все мы себя жалеем, кормим, бережем свое здоровье, силы, желаем себе всяких благ. Более мудрые люди желают себе благ не только земных, но и небесных, духовных. Однако, как говорит святитель Игнатий (Брянчанинов), для того, чтобы правильно любить ближнего, нужно сначала научиться правильно любить себя. Если мы любим себя по-христиански, то есть желаем себе прежде всего вечной блаженной жизни, тогда мы можем правильно любить и ближнего. А если мы желаем себе только плотского благополучия и наслаждения, то будем желать именно этого и ближнему. В природе человека заложена любовь к себе подобным. Может быть, в связи с этим человек пытается распространять свои взгляды и приучать людей к удовольствиям, которые ему самому кажутся необходимыми и вожделенными. Например, пьяница не только сам пьет, но ищет еще, с кем выпить. Так же поступают и наркоманы, и люди, имеющие самые нелепые убеждения, скажем сектанты: они пытаются эти убеждения распространить, потому что природная наклонность к любви, вложенная в человека Богом, извращается из-за того, что в человеке нет любви к Богу и правильной любви к самому себе.

Итак, вначале нужно правильно возлюбить самого себя, тогда мы сможем возлюбить и ближнего. А что значит *возлюбить ближнего, как самого себя*? Надо осознать, что все мы одинаковые. Один из нас, может быть, немножко умнее, другой немножко проще, один ростом выше, другой ниже, один здоровый, другой немощный, но на самом деле в нас нет никаких особенных различий. И даже между мужским и женским полом нет такой особенной разницы, как принято об этом говорить и думать. Если же ближний ничем от меня не отличается, то я, любя себя, естественным образом должен любить и его. Если же я думаю, что я более достоин любви, это значит, что я считаю себя лучше, чем он. А это иллюзия:

получается, я лучше, чем ближний, только потому, что это я. Из этого здравого рассуждения мы естественно приходим к выводу, что обязаны любить всякого человека так же, как себя, и доставлять ему те же блага (конечно, блага истинные), которые стремимся доставить и себе, то есть не считать, что мы имеем преимущество перед другими, не предпочитать себя ближнему ни в чем.

Конечно, во всем нужен здравый смысл, и надо понимать, что наши силы ограничены. Но если я и не могу накормить всех людей, то, насколько это в моих силах, все же обязан распространять свою любовь на других. Допустим, я имею возможность, кроме своей семьи, помогать еще и нуждающимся соседям, поддерживать какую-то семью или пенсионера, не имеющего достаточных средств для существования. Если я буду помогать этим людям, то это и будет значить, что я люблю ближнего, как самого себя. Совсем не нужно стараться распространить свою любовь на всех людей, мы не можем этого сделать. Может быть, древние подвижники – да и сейчас, наверное, есть такие люди – молились за весь мир и духовным образом могли распространить свою любовь на всех людей вообще: и на ныне живущих, и на уже умерших, и, может быть, даже на тех, которые должны были родиться. Но мы же не такие великие подвижники. Если какой-нибудь прихожанин вдруг начнет молиться за весь мир, то это не приведет ни к никакому результату, потому что эта молитва не будет, так сказать, ничего стоить. Он, таким образом, намного переоценит свои силы. А вот если он окажет реальную помощь своему ближнему, то есть тому человеку, с которым непосредственно сталкивается в жизни, соседу или сотруднику, то это и будет для него проявлением истинной любви.

Для большинства людей мечты о благе всего человечества – это действительно всего лишь мечты, никакой любви в этом нет. Многие, будучи еще новоначальными в добродетели любви, сидят дома за чашкой чая или кофе и рассуждают о благе всего человечества. Они читают разные книги: святоотеческие или какие-нибудь другие, допустим по политологии или социологии, и опять рассуждают. И вот они мечтают, мечтают… Но как ты

можешь осчастливить хотя бы одного человека? Во-первых, это не в твоей власти, во-вторых, чтобы осчастливить другого, ты должен осчастливить прежде самого себя. Как ты можешь принести другому человеку благо, когда твоя душа сама мучается от страстей? Поэтому не нужно поддаваться мечтательности, а нужно делать конкретные малые дела. И кто знает: может быть, человек, сегодня помогающий старушке соседке, завтра Промыслом Божиим сможет сделать нечто большее, поднимется на новую ступень. Но это тогда, когда Господь этого захочет, а не тогда, когда сам человек будет к этому стремиться.

А бывает и другое. Я приведу пример из Отечника про Евлогия-каменотеса. Он каждый день получал за работу определенную плату и, поскольку у него оставался некоторый избыток, приглашал к себе всех встреченных им странников и нищих, кормил их и сам с ними ел. А на следующий день опять зарабатывал своим тяжелым трудом какую-то сумму и вновь питал людей. Однажды в число нищих, которых кормил этот каменотес, случайно попал некий странствующий подвижник. Он восхитился Евлогием и стал молить Господа послать тому великое богатство: ведь он такой добродетельный и если у него появится больше возможностей, то он сделает гораздо больше добра. В откровении этому подвижнику было сказано: «Не проси этого, потому что ты не знаешь, что из этого выйдет». Но он все-таки умолил Господа, сказав, что он ручается за душу каменотеса. И вот однажды Евлогий, рубя в каменоломне камень, обнаружил клад с золотыми монетами. Он его незаметно вывез, уехал в Константинополь, там купил дом и стал жить роскошно. Так же, как раньше он каждый день делил свою скудную пищу с нищими, он теперь ежедневно пиршествовал с богачами и делил свои обильные яства с ними. Когда же монах пришел в Константинополь в поисках Евлогия, то слуги последнего даже избили его. Подвижник понял, что погубил душу этого человека, и стал молиться, чтобы все вернулось в прежнее состояние. В Константинополе тогда часто происходили дворцовые перевороты, и случилось так, что Евлогия заподозрили в антигосударственной интриге и стали

преследовать. Он бросил свое богатство, переоделся в бедную одежду и бежал к себе на родину, лишившись всего в мгновение ока, чтобы только спасти свою жизнь. Несколько дней он жил впроголодь, а потом нужда заставила его вернуться к прежнему труду. Он стал снова рубить в каменоломне камень и от своего заработка кормить нищих. Когда монах вновь пришел к нему, то, увидев, что тот вернулся к своей добродетели, все ему рассказал. Тот покаялся, а подвижник уже больше не дерзал так настойчиво умолять Бога о ком-либо.

Это поучительная история. Многие из нас желают чего-то великого, а если мы, не дай Бог, этого добьемся, то можем себе навредить. Поэтому Господь и не дает нам того, о чем мы мечтаем. В чем-то малом мы добродетельны, а предоставь нам более широкие возможности – мы воспользуемся ими во вред и себе, и даже ближним. Пусть каждый довольствуется своим положением и не ищет большего, если Господь Сам его не возведет. Не нужно ни мечтать, ни стремиться к каким-то великим делам. Некоторые древние философы говорили о том, что самое счастливое существование для человека – это жить в тишине и безвестности. Даже языческие философы познали эту великую мудрость!

И заканчивается краткое, но емкое учение Спасителя о главных заповедях такими словами: *Иной большей сих заповеди нет*[124]. Эти две заповеди как бы сводятся в одну, и справедливо: нельзя любить Бога, если ты не любишь ближнего, и нельзя любить ближнего правильно, если в тебе нет любви к Богу. Если ты любишь Бога, значит, в тебе обязательно и естественно проявится любовь к ближнему. Даже в тех случаях, когда человек уединяется и почти не общается с людьми, но пребывает исключительно в служении Богу и любви к Нему, все равно от отношения к ближнему зависит все его душевное состояние. Замечательно сказал преподобный Антоний Великий, учитель безмолвников, основатель отшельнического образа жизни: «Наш ближний есть наша жизнь и смерть». Это сказал тот, кто бежал от людей, тот, кто десятками лет не видел человека! И действительно: если бы я и пятьдесят лет прожил в пустыне и не видел ни одного

человеческого лица, то все равно не мог бы не помнить о том, что я человек и что есть мне подобные, населяющие мир. Я же не могу никак к ним не относиться, хотя бы и только в душе. А правильным отношением к ближним, пусть и далеким от меня географически, является любовь. И если я в пустыне не приобрел любви к ближнему, значит, я напрасно подвизался, значит, во мне на самом деле нет и любви к Богу.

Заметим, что заповеди, о которых мы сейчас говорили и которые столь возвышенны, являются только ветхозаветными. Новый Завет, Евангелие призывает нас к еще большему совершенству. Книжнику, который изучал Священное Писание, Спаситель вынужден был ответить так, чтобы тот мог это принять, то есть цитатами из Писания. А в других случаях Он даже противопоставлял свое новое учение Ветхому Завету, о чем мы будем говорить дальше.

Итак, книжник, несмотря на то что, казалось бы, не считал себя еще учеником Спасителя, а испытывал Его, однако теперь настолько убедился в истинности учения Господа, что воскликнул: *Хорошо, Учитель! Истину сказал Ты, что один есть Бог и нет иного, кроме Его; и любить Его всем сердцем, и всем умом, и всею душею, и всею крепостью, и любить ближнего, как самого себя, есть больше всех всесожжений и жертв*[125]. То есть больше всех обрядов. Это не значит, что мы отрицаем обряды. И Спаситель участвовал в обрядах своего времени, пока ветхозаветное богослужение было действительно, пока оно не отменилось, не стало ненужным. Он ходил в храм и совершал все, что было необходимо верующим того времени. Так же должны совершать обряды и мы. Мы должны помнить, что обряды и даже таинства – это средства, а любовь – это цель; чтобы у нас не получилось так, что внешнее у нас препятствует внутреннему.

И в нашей православной среде, к сожалению, существует фарисейство. Люди ходят в храм, всё исполняют и мнят, что от одного этого исполнения, без нравственного совершенствования, они уже спасаются. Для того мы и участвуем в таинствах, в особенности в таинстве евхаристии, чтобы развить в себе любовь к Богу и ближнему. И если обряды

нам не помогают, то получается, что они напрасны. Мы должны всегда помнить, что любовь *больше всех всесожжений и жертв*, то есть как самых уважаемых обрядов в Ветхом Завете, так и самых уважаемых обрядов и таинств в наше время.

Иисус, видя, что он разумно отвечал, сказал ему: недалеко ты от Царствия Божия[126]. То есть когда человек понимает, что таинства и обряды – это лишь средства к стяжанию добродетелей, и что добродетели, в особенности любовь, выше нашего внешнего поведения, тогда он действительно, подобно этому книжнику, недалеко находится от Царствия Божия. Но, еще раз повторю, Спаситель говорил так книжнику, утверждая только ветхозаветные заповеди. Конечно, мы можем и обязаны понимать их в духе Нового Завета, но иногда Спаситель и откровенно показывал, что Его учение выше, чем учение Моисея. Это будет темой нашей следующей беседы о любви.

* * *

Батюшка, своим самым большим грехом я считаю малую любовь к Богу. Я хочу любить Бога так, как Он любит меня. Скажите, иметь это желание в такой крайней форме и просить у Бога такой любви – грех?

Я думаю, что это не просто грех, это безумие и прелесть. Как можно любить Бога в такой степени, в какой Он любит тебя? Так думал Франциск Ассизский – западный святой, а на самом деле прельщенный. Он хотел испытать такую любовь, которую Господь Иисус Христос испытывает к человеческому роду, и молился об этом. Это безумие. Как может ограниченное существо испытать ту любовь, которую источает из Себя Существо безграничное и всесовершенное?

– Я согласна, но как понять призыв: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный*[127]?

– Речь идет не о силе любви или какой-то иной добродетели, а о, так сказать, объеме добродетели, то есть как Отец ни в чем не имеет изъяна, так и мы должны быть совершенны во всем. А усовершенствоваться, уподобиться Богу и стать таким, как Он невозможно, это – дерзость и гордость. Можно понимать эту заповедь как призыв к бесконечному совершенствованию, то есть «никогда не успокаивайтесь, не

будьте довольны тем, чего достигли, потому что Отец ваш Небесный совершен и вы также стремитесь к этому бесконечному совершенству». Можно понимать в том смысле, что надо исполнять не только какую-то одну добродетель, а быть совершенным, как Отец наш Небесный.

Господь говорит так: *Да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный*[128]. Речь идет о том, чтобы любить всех, подобно тому, как Бог изливает Свою благодать на всех людей – на верующих и на неверующих, на грешников и на праведных, так и мы должны свою любить всех людей. И в этом отношении мы должны быть совершенными. А желание быть таким же совершенным, как Бог, – это не просто дерзость, а хула.

Слышала, что при особой скорби или сильном смущении против кого-нибудь хорошо подавать свечу в алтарь. Правильно ли это?

Можно и так. Если мы испытываем по отношению к кому-то нехорошие чувства, то лучше всего, конечно, молиться. Можно сказать этому человеку доброе слово или сделать ему подарок. Если это невозможно, то помолиться за него, подать за него требу – если он, конечно, крещеный. Но можно и свечу поставить, поскольку свеча – это жертва Богу, или подать свечу именно в алтарь.

Главная заповедь – любить Бога всем сердцем. А святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет, что преждевременное стремление к развитию в себе чувства любви к Богу есть самообольщение. Как сопоставить заповедь Божию и предписание святителя Игнатия?

Святитель Игнатий не говорит же, что любить Бога – плохо. Он говорит: «преждевременное стремление»… Поэтому противоречия никакого нет. Все достигается тяжким трудом, и

чем выше заповедь, тем больше нужно потрудиться, чтобы ее исполнить. Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что если кто хочет приобрести добродетель преждевременно, тот и в свое время ее не приобретет. Желая получить все быстро и без труда, мы вместо истинной любви можем действительно приобрести самообольщение, прелесть. Много есть восторженных людей, которые лишь воображают о себе, что они любят Бога.

В известной евангельской притче законник, услышав от Господа, что для спасения надо любить Бога всем сердцем и ближнего, как самого себя, спросил: «А кто мой ближний?» Он не спросил: «А как любить Бога? Как определить, любишь ты Бога или нет?» – считая, что определить, любит ли человек Бога, невозможно. Это как бы внутренняя, невидимая заповедь, такая область, где можно и не оправдываться. Но любовь к Богу проявляется внешне – как любовь к ближнему. Если нет любви к ближнему, нет кротости, нет смирения, значит, нет и любви к Богу. Если нет ревности к православию, значит, нет любви к Богу.

Все надо делать постепенно, чтобы не стяжать вместо истинной любви мечту, прелесть. Вот от чего предостерегает святитель Игнатий. Речь идет не о том, что не нужно исполнять этой заповеди, а о постепенности, о терпении в исполнении как этой заповеди, так и других.

Если все в нас Божие, и любовь – тоже Его дар, значит, тот, кто не очень любит Бога, не виновен.

Господь, хотя и не подает человеку сразу совершеннейший дар любви, но что-то малое все равно ему дает. Если человек принимает это, то Бог дает ему больше, и так постепенно в человеке развивается любовь, дар Божий. Поэтому тот, кто не очень любит Бога, думаю, все-таки виновен, и вина его в том, что он поданный ему дар не принял, не усвоил, не развил в себе и, вообще говоря, не понуждал себя к доброму. Без понуждения не может быть спасения.

Я работаю в храме, и у меня иногда не хватает терпения отвечать на многочисленные, иногда глупые вопросы. Это от недостатка любви к ближнему?

Когда-то и мы приходили в храм с глупыми вопросами, тоже не знали, когда креститься, когда кланяться; не знали к кому обратиться, стеснялись и так далее. Сейчас мы уже знаем, куда поставить свечу за упокой, куда – за здравие, кому поклониться, где перекреститься. Поэтому нужно снисходить друг к другу, сегодня новоначальный ничего не знает, а завтра он, может быть, лучше тебя будет. А гневливым поведением мы людей отталкиваем, соблазняем. Люди же не знают, что в храме подчас работает отнюдь не самый лучший человек. Кажется, раз он в храме стоит и свечи продает, значит, он самый лучший – плохих в храме держать не могут. А этот «самый лучший» человек подчас такое скажет… Человек, впервые пришедший в храм, кротко ведет себя хотя бы потому, что он не знает, как себя вести, и тут же на него выливают ушат холодной воды. Вот уже мы соблазнили человека!

«Заповедь новую даю вам…»

Ветхозаветная заповедь любви к ближнему и ненависти к врагам актуальна и в наше время. – О любви ветхозаветной и новозаветной. – Как на деле проявлять любовь к ближнему. – Любовь к врагам – признак обилия благодати. – Что значит: *ударившему тебя по щеке подставь и другую*? – Чтобы получать благодать, нужно совершать добрые дела втайне. – О любви ложной и истинной. – Нужно стремиться к достижению идеала. – О христианском браке. – Что правильнее: обличить человека или промолчать? – О любви, доброте и человекоугодии.

На прошлой беседе мы говорили о том, что значит любить Бога и ближнего. А на этой мы коснемся другого аспекта этой темы: посмотрим, как понималась любовь к ближнему в Ветхом Завете и почему Христос говорит, что заповедь о любви, которую Он нам дал, – новая.

Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего[129]. Почему Моисей заповедал это? Потому, что люди в то время были столь жестокосердны, что ненавидели не только своих врагов, но и ближних. В те времена израильтян окружали народы, которые приносили своим богам человеческие жертвы, а в самых ответственных случаях приносили в жертву даже собственных детей. Естественно, среди этих народов было распространено всевозможное вероломство и прочие низкие дела. Вспомните хотя бы повествование о Лоте. Когда к Лоту пришли ангелы, жители Содома приняли их за прекрасных юношей и стали приставать к ним с беззаконными притязаниями. И Лот никак не мог уговорить их отказаться от преступного намерения, хотя он много лет прожил с этими людьми в одном городе. Более того, его дядя Авраам, когда Лота вместе с жителями Содома захватили иноплеменные цари, разгромил войско царей и освободил не только своего племянника, но и всех содомлян. Несмотря на все это, они желали совершить над гостями Лота насилие, пренебрегая и дружелюбием и благодарностью. Или

возьмем времена Моисея. Когда фараон испугался, что еврейский народ слишком размножается, то просто-напросто велел убивать всех еврейских первенцев мужского пола. Вот какие нравы были в то время! Поэтому заповедь Моисея о том, чтобы любить ближнего и ненавидеть врага, имела целью заставить израильтян любить хотя бы ближних: если уж вы ненавидите врагов, то любите хотя бы своих соплеменников, единоверцев!

Надо сказать – с сожалением, горечью, – что и для нас эта заповедь весьма актуальна. Если под ближними понимать православных христиан, а под врагами – врагов Церкви, то что мы увидим? Ведь мы, православные, друг друга не любим, мы в лучшем случае друг к другу безразличны. Так ведь? А Моисей понимал под ближним не просто соплеменника, но того, кто исполнял закон Божий, данный ему в Откровении. Если, допустим, какой-нибудь еврей не исполнял закон, то подвергался суровому наказанию, вплоть до побиения камнями. Значит, такой человек ближним не считался. А если какой-то иноплеменник желал вступить в израильское общество, над ним совершались положенные обряды, и он считался равноправным членом этого общества, как и у христиан всякий человек, принявший крещение, считается равноправным членом Церкви. Так что повторю: нам эта ветхозаветная заповедь весьма подходит. Если бы мы возлюбили своего ближнего, то есть всякого православного, и возненавидели бы «врага» – человека неверующего, то и это уже было бы хорошо. А для нас ближний кто? Не единоверец, а дорогой нам человек, например наш единокровный родственник, даже если он безбожник, богохульник или вор. Его мы любим, а человека, который стоит рядом с нами в церкви, можем и локтем толкнуть: мол, зачем ты мне мешаешь молиться, поклоны делать? А ведь если наши дети, братья и сестры – безбожники, то в будущей жизни, при условии что Господь нас помилует, мы будем находиться не рядом с ними, а рядом с теми людьми, с которыми мы стояли в церкви и чьих имен мы, может быть, даже не знали.

Итак, эта заповедь: *Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего*, как это ни странно, относится и к нам. Три с

половиной тысячи лет прошло после того, как эта заповедь была дана Моисею, но до сих пор мы, даже православные христиане, имеющие благодать Христову, не можем ее исполнить. Поэтому не будем осуждать эту заповедь за ее жестокость: мы и сами подпадаем под ее осуждение. Мы, в противность ей, любим своих врагов и ненавидим своих ближних. И врагов любим не по-христиански, любим их за то, что в них есть те же страсти, что и в нас.

А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас[130]. Кто из нас может сказать о себе, что он это исполняет? Кто из нас благословляет проклинающих? У нас бытует даже какой-то страх перед проклятием: ой, что же делать, меня прокляли, поэтому я болею, поэтому у меня неприятности. И какую неприязнь, какое злопамятство мы проявляем по отношению к тем людям, которые желают нам зла, которые нас проклинают! А Спаситель заповедует их благословлять. *Благотворите ненавидящим вас* – мы должны делать добро тем, кто нас ненавидит и приносит нам зло, кто, может быть, лишает нас имущества или здоровья. *Молитесь за обижающих вас и гонящих вас*. Тот, кто, желая преодолеть свое злопамятство и неприязнь к обидевшему его человеку, пробовал за него молиться, знает, как трудно это сделать. Ты, преодолевая себя, молишься за этого человека – и в это же время поносишь его. Все время мысль отвлекается от молитвы и вновь и вновь возвращается к неприязни.

Итак, любить нужно не только ближнего, но и врагов. Под врагами же надо понимать не только личных врагов, но и врагов Церкви и врагов Отечества. Святитель Филарет Московский говорил: «Люби своих врагов, борись с врагами Отечества, гнушайся врагов Божиих». Но одно другому не противоречит. Мы можем бороться с врагами Отечества и врагами Церкви теми средствами, которые необходимы и уместны, и при этом все-таки испытывать к ним любовь и желать им спасения. Может быть, это труднодостижимый идеал, но это необходимо. Трудно, конечно, себе представить, например, как во время боя

можно испытывать любовь к тому человеку, который стремится тебя убить и которого стремишься убить ты. Но приведу в пример Суворова, не только великого полководца, но и необыкновенно ревностного христианина. Незадолго перед смертью он сказал одному художнику, который желал написать его портрет: «Я проливал человеческую кровь ручьями, ужасаюсь. Но я никогда не убил ни одно насекомое и никого не приговорил к смертной казни». То есть на войне он исполнял свой долг, а в жизни проявлял необыкновенное милосердие. Правда, он своих мужиков в деревне, когда они напивались, обливал зимой холодной водой из колодца, говоря: «Любят горячее – пусть попробуют и холодного», но это не значит, что он их не любил. Он их воспитывал, как отец. Вот пример того, как человек всю свою жизнь положил на защиту и славу Отечества и одновременно не испытывал никакой ненависти к своим врагам.

Надо сказать, что русские солдаты вообще отличались раньше добротой и милосердием к своим врагам. Они прославились этим, например, во время войны 1812 года, когда вошли во Францию. Мирные жители их не боялись! Сейчас наши солдаты, безотносительно к тому, справедливые войны они ведут или нет, звереют. Разве было возможно во времена Суворова что-либо подобное «афганскому синдрому», когда человек с войны становится злым, раздраженным, невыносимым? Не было этого, потому что люди были верующие. Они возвращались потом к нормальной жизни, хоть и по двадцать пять лет служили в армии.

Мы видим, что заповедь любить врагов не противоречит знаменитому изречению святителя Филарета, но только нужно истолковывать его слова разумно. А иначе мы дадим волю ненависти и станем похожи на героиню русской поговорки: «Сердилась баба на весь мир три года, а мир про то и не знал». Будем сидеть и пыхтеть на врагов Отечества, а толку от этого никакого не будет.

Да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных[131]. Наша любовь

должна распространяться равно на всех, как и Бог распространяет Свою любовь вообще на всех людей. Конечно, это очень трудно, но мы должны к этому стремиться. Под ближним имеется в виду всякий человек, в чем-либо нуждающийся.

Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный[132]. Если мы делаем добро только тем, кто нам дорог: людям, которые нас любят, своим родственникам или, может быть, даже и соплеменникам, – то мы ничем не отличаемся от самых последних грешников, какие подразумеваются здесь под словом «мытари». Мы ничем не отличаемся и от язычников, иначе говоря от безбожников. Мы должны делать добро всем без различия. К какому возвышеннейшему идеалу призывает нас Господь Иисус Христос!

Но любовь, о которой мы сейчас сказали, – еще не самое высшее проявление любви. О высшем ее проявлении Спаситель говорит в своей новой заповеди. Если заповедь о том, чтобы возлюбить ближнего, как самого себя, есть заповедь Моисеева закона, то Господь дает нам новую заповедь: *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга*[133]. Вот в чем новизна: любить друг друга надо так, как Господь возлюбил нас. А как Он нас возлюбил? Так, что отдал за нас свою жизнь. *По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою*[134] – любовь не ветхозаветную, не такую, чтобы любить ближнего, как самого себя, а новозаветную – любить ближнего больше самого себя. Спаситель заповедует любить ближнего жертвенной любовью: *Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих*[135]. Итак, новая заповедь состоит в том, чтобы возлюбить ближнего так, как возлюбил нас Спаситель; возлюбить его так, чтобы положить душу свою за него.

Вот в чем величие христианства, вот к какой высоте мы должны стремиться! И мы видим, что апостолы эту заповедь исполнили. Они жили только для ближнего. Они странствовали по всему миру, испытывали невыносимые скорби, но до последнего издыхания проповедовали Евангелие, проповедовали Христа. Однако, рассуждая о таком высоком идеале, хочу еще раз призвать вас смотреть на все трезво и здраво. Хочу немножко остудить вас, чтобы вы не стремились сразу к такому возвышенному, недоступному для вас в настоящий момент и потому нереальному идеалу. Конечно, слова «идеализм» и «реализм» противоположны по значению, но на самом деле для христиан идеал должен быть именно реальным, то есть достижимым. И если бы хоть один человек в мире достиг этого идеала, то это уже было бы доказательством его достижимости, а таких людей весьма много: это святые и Русской Церкви, и вообще всей Вселенской Церкви. Поэтому мы обязаны стремиться к этому идеалу и не ставить на себе крест под предлогом, что мы немощные.

Господь сказал: *Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим. Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих; слово же, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшего Меня Отца*[136]. Итак, если мы любим Господа, то вынуждены, так сказать, из самого действия любви соблюдать Его заповеди. Так всякий из нас, желающий угодить дорогому человеку, старается ничего не делать вопреки его желанию, чтобы этим его не огорчить. С точки зрения здравого смысла, это совершенно естественно. Но когда дело касается служения Богу, мы забываем об этом и почему-то думаем, что можем любить Бога, но поступать вопреки Его воле, то есть вопреки Его заповедям. Может быть, нам трудно было бы понять волю Божию, если бы мы узнавали ее только из какого-то личного откровения или внушения совести. Но Господь Иисус Христос, как милосердный и чрезвычайно снисходительный, оставил нам откровение Своей воли в Священном Писании, святом Евангелии. И поэтому каждый из нас, даже и весьма холодный и далекий от Бога человек, если пожелает в действительности

угодить Богу, в действительности стяжать любовь, может открыть Евангелие, прочитать его и стараться ему следовать.

Между прочим, отсюда появится и любовь к чтению Священного Евангелия. Кто хочет исполнять его заповеди, тот, конечно, всегда будет слушать и читать его с удовольствием, как самую последнюю и самую важную новость, потому что это является насущной необходимостью для всякого человека. И мы должны понуждать себя к исполнению Евангелия, но трезво и осторожно, зная свое весьма скромное духовное состояние. То есть делать малые добрые дела: реальные, доступные, конкретные. Помочь нуждающемуся теми скромными средствами, которыми мы обладаем; промолчать в ответ на оскорбление; проявить по отношению к какому-нибудь человеку радушие.

Ведь даже приветливость – это уже доброе дело. Вы посмотрите, какие у нас люди неприветливые, ходят с такими мрачными лицами, что смотришь на кого-нибудь и думаешь: вдруг он бандит? А он, может, совершенно нормальный человек, но вот нужно ему иметь такой вид, чтобы его тоже боялись. Чтобы какой-нибудь другой бандит не напал бы на него. Все хотят выглядеть злобными, сердитыми, и никто не хочет выглядеть добрым и радушным. Мы не обращаем на это внимания, а Спаситель говорит нам: *Если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?* Получается, что относиться друг к другу приветливо – это уже добродетель, это уже исполнение заповеди о любви. А мы мечтаем о благе всего человечества или русского народа, размышляем: как нам выйти из экономического кризиса? Вот так и выйти: если будем приветливыми, радушными, будем жить по Евангелию, то Господь и устроит все, а нет – то, будь мы хоть семи пядей во лбу, ничего у нас не получится.

Я не говорю о том, что мы должны все время как-то фальшиво улыбаться. Можно быть серьезным и, тем не менее, приветливым: иногда улыбнуться, иногда сказать доброе слово. Все это и есть любовь, а не только то, чтобы совершать что-то великое. Да и как может ничтожный совершить великое? А что

мы собой представляем? Обыкновенные люди, ничем не отличающиеся от других. Поэтому мы должны распространять вокруг себя атмосферу любви самыми скромными делами: приветливостью, хорошими поступками, терпением обид. Если мы станем в этом упражняться, то постепенно наше сердце согреется. Конечно же, мы должны и понуждать себя любить Бога – прежде всего молиться, участвовать в церковных таинствах, в особенности в причащении Тела и Крови Христовых, потому что здесь в высочайшей степени проявляется наше стремление и любовь к Богу. Тогда в какой-то момент мы неожиданно для себя обнаружим, что наше каменное сердце начало согреваться и что мы естественно, без всякого понуждения испытываем сочувствие к людям, которые нас окружают. Придя в церковь, мы почувствуем, что пришли к своим братьям и сестрам, а не просто находимся в общественном месте.

Итак, не нужно мечтать о себе и совершать какие-то подвиги. Есть такие неразумные люди: хочет человек совершить добро, берет чье-то имущество и раздает – не свое, а чужое. Вот он уже и добродетельный. А если владелец имущества говорит ему: «Что ж ты делаешь, брат, я же голодный останусь!» – то он начинает его учить, что нехорошо так поступать, надо быть добрым. Бывают и другие неразумные поступки. Допустим, семейные люди примут к себе какого-нибудь странника, бомжа, а он возьмет и заразит детей педикулезом. И больше ничего из этого не получится: ни этому бомжу они не помогут, потому что он так же будет бомжевать, как и раньше, и семью свою подвергнут опасности. А бывает, что под видом странника принимают домой колдуна, чародея. Этот странник или странница потом такой вред семье принесет, что неизвестно, как из этого выпутаться. Я уж не говорю о том, что иной «странник» может и обворовать. Хорошо еще, если обойдется без членовредительства или убийства. Нужно быть благоразумным и осторожным, трезво все оценивая. Не надо думать, что если мы проявляем в таких вопросах некое рассуждение, значит, мы не имеем любви. Нет, это не так. Никогда не будет в жизни человека момента, в который ему не нужно будет думать.

Конечно, хорошо, если у нас есть духовный руководитель, духовник или, может быть, даже опытный в духовной жизни мирянин. Нужно постоянно советоваться и так совершать свой путь. Не впадать в безразличие, не отказываться вообще от стяжания добродетели любви – но и не впадать в крайность, не подвергать опасности своих близких и себя самого.

Надо иметь здравый смысл и в отношении помощи духовной, чтобы, помогая другим, не погубить себя, потому что мы немощные. Один из древних отцов говорил: «Когда тонет человек – не протягивай ему руки, а протяни ему палку». Это не значит, что если кто-то на самом деле будет тонуть, можно оставить его без помощи: мол, палки нет, так пусть тонет. Это притча. Смысл ее таков: когда человек нравственно падает и ты протягиваешь ему руку, то он может и тебя за собой утянуть, как часто бывает. А нужно протянуть ему палку. Тогда, если он не захочет выплыть, ты, по крайней мере, палку отпустишь и сам останешься цел.

А что получается, если мы «протягиваем руку»? Желая помочь ближнему и не имея на это ни духовных сил, ни умственных возможностей, мы проповедуем до тех пор, пока сами не падаем. У меня был знакомый, который любил этим заниматься. Он стал проповедовать одной женщине, которая увлекалась индийскими учениями. Кончилось тем, что он сам перешел в ее религию. Все его друзья удивились: почему так получилось? А все было очень просто. Человек этот занимался только внешним: проповедовал, распространял какие-то религиозные книги, а о внутренней жизни не радел настолько, что даже не понимал, что это такое. В сердце его был холод. Как он потом признавался, он никогда не чувствовал благодати. Он это говорил в свое оправдание, но это было свидетельством его пустоты.

Хочу еще уточнить некоторые важные детали. Спаситель говорит, что *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих*, то есть учит нас жертвенной любви, чтобы мы были готовы в ущерб себе принести пользу ближнему. Как ни странно, есть люди, которые считают, что выражение: *Положить душу свою за друзей своих* – касается именно души в

буквальном смысле слова. Они думают, что ради ближнего можно погубить свою душу: мол, пусть я погибну, зато спасется мой ближний… Совсем не это имеется в виду! Слово «душа» нужно понимать здесь как синоним человеческой жизни. Никакой истинный христианин никогда, даже в фантазии, не предположит того, что можно погубить свою душу для вечности, чтобы таким образом спасти ближнего, потому что это просто невозможно.

Итак, *положить душу свою за друзей своих* означает пожертвовать ради них собственной жизнью. В «Луге духовном» рассказывается такой случай. Подвижник, инок Лев, говорил двум монахам, Иоанну Мосху, который и написал эту книгу, и Софронию, впоследствии патриарху Иерусалимскому: «Я буду царствовать». Они возражали ему: «Никогда не бывало, отец, чтобы кто-нибудь родом из Каппадокии царствовал», но тот стоял на своем: «Нет, дети мои, поверьте, я буду царствовать». Те пытались его убедить, но, видя его твердость, замолчали. Спустя некоторое время на те места напали варвары. Монахи бежали, но нескольких человек варварам все же удалось пленить. Пленники, естественно, хотели получить свободу, и одного из них послали в Иерусалим к епископу с предложением: пусть он внесет варварам энную сумму и тогда монахов отпустят. Но у епископа нашлась только треть этой суммы, и монах вынужден был вернуться обратно. И вот инок Лев, который в то время там находился, взял половину этой суммы, пошел к варварам и уговорил их, чтобы они отпустили тех монахов, так как братья немощны и не могут работать, а вместо них взяли его самого и эти деньги. Те согласились. Спустя некоторое время он обессилел, стал им не нужен, и его казнили. Когда слух об этом дошел до Иоанна Мосха и Софрония Иерусалимского, они вспомнили слова подвижника и поняли, что он пророчествовал о своей мученической кончине, называя ее царствованием. Вот человек, который действительно *положил свою душу за ближних*. Конечно, такое самопожертвование – редкий случай, но если этот подвиг совершил хотя бы один человек, значит, и все способны на него.

Вернемся к изречению Спасителя: *Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас.* Признаком высочайшей истинной любви, признаком обилия необыкновенной благодати является любовь к врагам. Так рассуждает об этом преподобный старец Силуан. Он говорит, что признаком присутствия благодати в человеке является именно любовь к врагам. Причем он не теоретизирует, а опирается на собственный опыт. Он, говоря как бы о другом человеке, рассказывает о себе такой случай. Будучи экономом, он велел одному рабочему выполнить какую-то работу. А тот почему-то оскорбился и назвал его при всех собакой. Старцу Силуану это могло бы показаться большим унижением, ведь в монастыре ему подчинялись многие и многие люди, но он отреагировал на это так: дал рабочему чая и сахара и попросил, чтобы тот всегда называл его собакой. Когда читаешь это, то кажется, что ничего необыкновенного: просто бытовой случай. Но на самом деле тот, кто пытался вытерпеть оскорбление по-христиански, понимает, что в подобном случае необыкновенно тяжело даже просто промолчать, а тем паче так поступить.

И молитесь за обижающих вас. Мы должны искренне чувствовать в своем сердце желание молиться за обижающих нас. Между прочим, это является упражнением в стяжании добродетели любви: испытывая неприязнь к какому-то человеку, весьма полезно понуждать себя к молитве за него до тех пор, пока неприязнь не уйдет из твоего сердца.

Ударившему тебя по щеке подставь и другую[137]. Что это значит? Не всегда возможно исполнить это буквально: редко когда доходит до того, чтобы человека ударили по щеке. Здесь имеется в виду то, чтобы в ответ на оскорбление не защищаться, а смиряться. Терпеть оскорбление так, как будто ты его достоин, не уклоняться от уничижения, которое тебе наносят. Между прочим, кто-то из отцов предлагает следующее толкование этих евангельских слов: одна щека – это собственно щека, а другая – это «внутренняя щека», самоукорение. То есть когда тебя оскорбляют, ты еще внутренне себя укори, и таким образом исполнишь заповедь.

Конечно, настоящее самоукорение должно быть тайным. А когда человек вслух говорит о себе: я грешник, я того-то и того-то недостоин или называет себя унизительными именами: я, дескать, свинья или собака, то это уже не самоукорение. Это, пожалуй, похоже даже на хвастовство, потому что в христианской среде смирение считается добродетелью, и мы, называя себя смиренными словами, выставляем себя хорошими людьми. Надо подставить оскорбляющему именно «внутреннюю щеку», то есть укорить себя так, чтобы об этом никто не знал, тогда самоукорение принесет нам пользу. Самоукорение, как я уже неоднократно говорил, состоит в том, чтобы не оправдывать себя, обвиняя ближнего или обстоятельства, но видеть в нарушении заповедей только свою вину. Но возможно, конечно, и самоуничижение в виде какого-то оскорбления, которое мы сами себе наносим. В этом нет ничего предосудительного, другое дело – насколько это будет мудро и полезно.

Отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку[138]. Эти слова тоже нельзя понимать буквально, потому что такое бывает редко. Имеется в виду: не отвечай злом на зло. Если человек хочет нанести тебе какую-нибудь скорбь, то ты должен это перетерпеть – так, чтобы он сделал тебе все что хочет. Конечно, это удел людей, высоко преуспевших в этой необыкновенной, высочайшей добродетели.

Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад[139]. Мы должны давать в долг или помогать людям, не ожидая от них никакой отдачи и даже благодарности. Хочу сделать здесь некоторые уточнения. *Просящему у тебя давай*. Это не значит, что мы обязаны дать просимое всякому человеку, которому что-то нужно. Если человек просит у нас на грех, то мы не должны ему давать. *Всякому просящему* означает, что нужно помочь всякому нуждающемуся, вне зависимости от того, хороший он человек или плохой, заслужил он эту телесную скорбь или нет. Допустим, мы сами нуждаемся, но все-таки нашли возможность дать человеку в долг. Он не отдает – значит, мы должны смириться и вытерпеть эту скорбь, тогда, исполнив заповедь, мы получим награду от Бога. Но под

отданным нужно подразумевать не только деньги или другую материальную помощь, но и, самое главное, ответную благодарность. Мы не должны требовать взамен за свою помощь благодарности от людей, не должны ожидать человеческой похвалы.

А дальше идет самый главный стих, который необходимо объяснить, потому что он является ключом к добродетели любви для тех, кто желает на самом деле ее совершать, а не только мечтать о ней: *И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними*[140]. Обычно мы поступаем с людьми так, как они поступают с нами. И это считается еще признаком какой-то сдержанности, потому что есть люди, которые на причиненное им зло отвечают злом гораздо большим. В Ветхом Завете было сказано: *Око за око, и зуб за зуб*[141]. Мы сейчас смотрим на эту заповедь через Евангелие, и она кажется нам жестокой. Но нужно учитывать нравы того времени. Мы и сейчас, в христианское время, видим, что некоторые люди за око выбивают два ока, а за зуб – все зубы. А Ветхий Завет через Моисея удерживал это зло в некоторых рамках: око за око и зуб за зуб. На добро отвечать добром, на зло – соответствующим, но не бóльшим злом. Но Спаситель заповедует нам относиться к людям так, как мы хотим, чтобы они относились к нам. И если у нас есть некоторый жизненный опыт и мы трезво на себя смотрим, то знаем, что, совершая какое-нибудь нравственное преступление, мы всегда ожидаем снисходительности к себе и прощения как от Бога, так и от людей, и уверены, что достойны такого отношения. А к другим мы бываем строги. Но заповедь гласит: если мы желаем, чтобы к нам были снисходительны и милосердны, то должны вести себя так же и по отношению к другим людям. Пусть они даже к нам несправедливы, причиняют нам какой-нибудь вред, мы, тем не менее, должны поступать с ними не так, как они, а так, как бы мы хотели, чтобы они поступали с нами.

И если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники любящих их любят[142]. По-славянски слова «какая вам благодарность» звучат как «кая вам благодать». Но русское слово «благодарность» – это просто

благодарность от людей, а славянское «благодать» обозначает скорее даже не просто благодарность, а благодарность от Бога, то есть действие Божественной силы. И если мы просто отвечаем на добро добром, то никакой благодати от Бога не получим. Как в ином месте Спаситель говорит, что человек, совершающий милостыню, молитву или пост ради человеческой похвалы, уже получил свою награду, так и здесь: совершая добродетели и ожидая за это благодарности или совершая добродетели в благодарность за хорошее к нам отношение, мы не можем ждать от Бога никакой благодати. Добродетель должна быть не только нетщеславна, но и бескорыстна, она не должна ждать благодарности или соответствующего взаимного добра.

И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники то же делают[143]. Мы ничем не отличаемся от грешников – от людей, которые живут неправильно и в ином отношении бывают, может быть, и развращенными, но, тем не менее, на добро отвечают добром. В этом нет христианства, это просто действие человеческого естества. Если человек и этого не делает, если он на добро отвечает злом, то он просто недостоин имени человека. Впрочем, есть такая поговорка, описывающая это страшное нравственное состояние: «Не делай добра, не будет и зла». Но мы не можем даже размышлять о возможности такого поведения. Оно, повторю, не только не христианское, но даже и противоестественное.

И если взаймы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники дают взаймы грешникам, чтобы получить обратно столько же[144]. Если мы будем ждать, чтобы нам отдали столько же (не говоря уже о процентах!), то никакой благодати не получим. И даже если будем надеяться, что нам воздадут чувством благодарности или взаимной любви, то также не получим благодати. Поэтому с нами часто и бывает так, что мы, совершая милостыню или другие добродетели, не ощущаем в душе благодати, которой следовало бы ожидать, потому что совершаем добро неправильно – тщеславно и корыстно: мол,

если уж не воздают нам буквально добром за добро, то, по крайней мере, пусть будут благодарны. Мы ждем славы и благодарности от людей, но если мы их получим, то будем мы уже вознаграждены и от Бога нам ожидать нечего. Более того: допустим, наш добрый поступок остался незамеченным или же человек, которому мы сделали что-то полезное, нас не поблагодарил, – но если мы делали добро с желанием получить благодарность и похвалу, то само это намерение уже лишает нас благодати.

Чтобы получать благодать, нужно совершать добрые дела втайне. Вот тогда мы можем ожидать Божественного утешения, Божественного действия в своем сердце. Говорят, что добро делать легко, любить легко. Нет! Очень, очень трудно совершать эту величайшую добродетель. Я сейчас не говорю о том, чтобы делать добро с искренним сердцем, именно с чувством любви – чрезвычайно трудно даже понуждать себя совершать добрые поступки правильно, по-евангельски, трудно даже понять, как это нужно делать. И если я сейчас хорошо вам все объясню, то это не значит, что от одного слышания вы сразу изменитесь и всегда будете правильно всё исполнять. Необходимо необыкновенное, чрезвычайное понуждение себя вообще ко всем добродетелям, а в особенности к этой, высочайшей. Апостол Павел называл ее не просто совершенством, а союзом всех совершенств.

Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и взаймы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым[145]. Что такое *награда великая*? Награда не от людей, но от Бога, то есть обилие Божественного действия. Вот что ожидает людей, которые правильно совершают эту добродетель.

И будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Сначала мы понуждаем себя к любви, а потом благодать сходит в нашу душу, мы усыновляемся Богу и начинаем испытывать любовь и к ближним, и ко всем людям, и даже к врагам без понуждения себя. Мы всех обнимаем своей любовью. Конечно, это действие сверхъестественное, потому

что истинная, евангельская любовь, как, впрочем, и все добродетели, не может совершаться без обильного, могущественного действия в человеке Святого Духа. Мы недооцениваем силу своих страстей и потому переоцениваем собственную силу воли, собственное понуждение. Нам кажется: еще чуть-чуть – и мы приобретем добродетель любви, но, оказывается, здесь требуется не просто чуть-чуть нашего старания и даже не огромное наше усилие, – здесь нужна посторонняя помощь, причем необыкновенная, могущественная. Только этой силой, благодатью Святого Духа, преодолевается наша злоба, и мы из людей понуждающих себя становимся теми, кто уподобляется Богу, кто любит Его, кто любит людей без всякой корысти, всех равно, кем бы они ни были.

Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд[146]. Что такое милосердие? Буквально это замечательное слово означает «милующее сердце», то есть сердце, испытывающее снисхождение, любовь, жалость ко всякому человеку и ко всякому творению вообще. И некоторые подвижники достигали такого состояния, что испытывали это чувство ко всему живому, как говорит об этом преподобный Исаак Сирин. Когда его спросили, что такое «милующее сердце», он ответил: «Это когда человек любит всех: и воров, и блудниц, и разбойников, и самих демонов, и не желает, чтобы даже какому-нибудь пресмыкающемуся был причинен вред».

Может быть, мы не понимаем высоты такой любви, но осознавать, что она существует, хотя бы ради своего смирения, мы должны. Кроме того, если мы с самого начала скажем себе, что для нас это невозможно, что эта добродетель – удел избранников Божиих, то мы тогда и эту добродетель не исполним, и даже меньшего не сделаем. Мы должны стремиться к этой высоте, понуждать себя изо всех сил – и, может быть, Господь поможет, и тогда самый обыкновенный, заурядный человек достигнет такого состояния.

Конечно, здесь не имеется в виду, что мы должны быть милосердными в такой же степени, как наш Отец Небесный. Стремиться к этому было бы прелестью. Один западный подвижник, Франциск Ассизский, которого святитель Игнатий

(Брянчанинов) откровенно и справедливо называет сумасшедшим, молился о том, чтобы Бог послал ему такую любовь, какую Христос испытывал к людям. Это сатанинская гордость. Не может ограниченное, сотворенное существо, хотя бы и преисполненное всевозможных совершенств, вместить Божественного действия во всей его полноте. Любовь – это одно из имен Божиих. Конечно, сущность Божия далеко превосходит все самые возвышенные и прекрасные имена, какие бы Бог ни открывал нам о Себе. Но любовь есть, если так можно выразиться, одно из самых существенных свойств Божиих. И вот некий человек вдруг возомнил о себе, что он может иметь это свойство в такой же степени, как Господь Иисус Христос. Франциску было видение: явился серафим и на этом серафиме изображение распятого Христа. И вот у Франциска открылись раны на руках и ногах, он будто бы испытывал те страдания, которые испытывал Христос, так что от боли даже не мог ступать по земле и был вынужден передвигаться верхом, на осле. Но это прелесть.

Из житий святых мы знаем, что мученики Христовы в страданиях почти буквально уподоблялись Христу, например, мученик Феодор Стратилат был распят, на кресте его всевозможно истязали, стрелами выбили ему глаза. И когда его оставили умирать на кресте, он возопил: «Боже мой, Боже мой, почему Ты меня оставил?» Так велики были его страдания. У него не было и мысли об отречении, он мужественно исповедовал Христа во всех этих страданиях, но, видимо, они превзошли какую-то меру, поэтому он так воскликнул. Явился ангел, снял его с креста и совершенно исцелил, так что воины, которые пришли снимать с креста мертвое тело Феодора, увидели его стоящим возле креста, молящимся и совершенно здоровым. Другому подвижнику поочередно отрубали члены тела: сначала пальцы на руках, потом на ногах. А он на каждое усечение отвечал изречением из Священного Писания. И только когда ему отрубили ногу, он вскрикнул от боли. Его мучители с торжеством сказали: «Разве мы тебе не говорили, что придется испытать ужасные боли?» – а он ответил: «Безумные, я только сейчас почувствовал боль. Это Господь мне показал, что я

терплю не своей силой, а благодатью Божией». Итак, благодать Божия умаляла страдания мучеников, иногда делала их как бы несуществующими, то есть человек просто ничего не чувствовал. Вот как действует благодать в тех, которые уподобляются Христу почти буквально, то есть страдают за Него так же, как Он страдал за нас. А состояние Франциска Ассизского как по настроению, так и по ощущениям, которые он испытывал, обличает явную глубочайшую прелесть. Не может человек испытывать любовь в такой степени, в какой испытывает ее Бог к человеческому роду. Кощунственно даже думать об этом и говорить.

А вот любить людей не с такой силой, но с такой же широтой, как любит нас Господь, – это хотя и удел совершенных людей, но все же это возможно. Любить всех, как самого себя, – это реально. Да, это тяжело, но мы все должны стремиться к идеалу. Если мы начнем все идеалы уничтожать, то стремиться окажется почти не к чему. Отказываясь от стремления к «невозможному», мы не проявляем чрезвычайного усердия, потому и малое не можем исполнить. А стремясь к большему, мы, во-первых, постоянно смиряемся от того, что все-таки не достигаем совершенства, а во-вторых, все же нечто делаем. Может быть, мы этого даже не замечаем: нам кажется, что по сравнению с теми великими идеалами, которые начертаны в Евангелии, мы вовсе ничего не делаем. И это хорошо. И так, в понуждении себя, покаянии и смирении, мы совершаем свой путь, даже если и не достигаем исполнения возвышеннейших заповедей Евангелия.

А начинать мы должны с того, чтобы применять в жизни замечательный принцип: *Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними*. Никто не желает себе зла, никто не хочет, чтобы по отношению к нему проявляли справедливость, если он поступил нехорошо: всякий из нас ищет не строгости, а милосердия.

* * *

В первом послании святого апостола Павла к Коринфянам есть такие слова: *Если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен*

оставлять ее; и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его[147]. Но ведь получается, что такие люди находятся в невенчанном браке и живут в любодеянии?

Апостол говорил это тогда, когда общество было языческим, ведь христианство еще только начало распространяться. Позже, когда общество стало христианским, невенчанный брак рассматривался как сознательное преступление и назывался любодеянием. В Византийской империи для христиан не было гражданского брака, как и в Российской империи. И поэтому, если люди не были обвенчаны в Церкви, значит, они вообще не считались женатыми. Правда, в древности, в первые века Византийской империи, еще существовали римские обычаи, и нечто вроде гражданского брака там было.

В наше время, мне кажется, поневоле приходится вернуться к практике древнейшего христианского общества, о которой говорит апостол Павел. Если бы мы сейчас предъявляли к супругам такие жесткие требования: «Или венчайтесь, или разводитесь», то разрушили бы многие семьи. Правда, некоторые духовники, может быть более строгие, считают, что брак обязательно должен быть венчанным. Но какой смысл совершать таинство венчания над человеком, который, может быть, даже не крещен? Или, если и крещен, то в Бога не верит? Перед таинством бракосочетания, если все делать правильно, молодым нужно исповедаться и причаститься. Как же можно человека почти неверующего или вовсе неверующего заставлять участвовать в таинствах? Не будет ли это кощунством над таинствами? Поэтому я не придерживаюсь такого мнения, что в любом случае нужно венчаться и что гражданский брак[148] – это любодеяние. Гражданский брак – это все-таки не просто связь, хотя, конечно, это не церковный брак.

Можно ли считать действительным церковный брак, если вступившие в него были хотя и крещеные, но неверующие?

Брак, если и был совершен без должного благоговения и веры, все равно будет действительным. И теперь от самих

супругов зависит, чтобы благодать Божия, которая, может быть, оставила их за непонимание того, что такое церковный брак, вернулась к ним и освятила их совместное жительство.

Далеко ли отстоят друг от друга доброта и любовь, если доброта разумная?

Понятие «доброта» растяжимое. Можно сказать, что это одно и то же. Если же рассматривать их как некие стадии, то, наверное, доброта – это начальная степень любви: человек проявляет сочувствие, жалеет своих близких и тех людей, которые его окружают, и, может быть, старается им помочь. Возможно, это начальная стадия любви, если под любовью понимать безграничное стремление помочь ближнему, служить ему. Эти понятия растяжимые, особенно доброта.

Что будет являться любовью к ближнему: если я открыто скажу всю правду, все, что о нем думаю, не совсем в нежной форме, или если я в сердце на него разозлюсь и лицемерно промолчу?

Лучше будет, если в сердце разозлишься и лицемерно промолчишь. Это будет большей любовью, несомненно. Если это даже вообще никакой любовью не будет, то, по крайней мере, человеку вреда не принесешь.

А если ты из любви к ближнему будешь говорить всю правду, то ты, может быть, и будешь всех любить, но тебя все будут ненавидеть. Ты, может быть, будешь пылать ко всем любовью, ходить и всех обличать, а тебя все будут избегать. Поэтому лучше промолчать, лицемерно и как угодно, и внутренне с собой бороться. Потому что в этом случае ты внутри согрешил, но, по крайней мере, не привел этот соблазн в исполнение. А так ты совершишь грех и на деле. Никакой тут любви нет, есть только неумение владеть собой и своим языком.

Если любовь состоит в обличении, то мы все пламенно друг друга любим. Все преисполнены любви, потому что все друг друга ругают и обличают, считая, что это совершенно справедливо. В автобусе поезди, там столько людей, любящих тебя! Они тебя обличат и так и этак.

Что делать, если моя родственница, тяжелобольной человек, не принимает мою помощь, не желает со мной общаться?

Навестить больную можно, но если она не хочет с тобой общаться, то навязываться не нужно. Если это человек психически больной, значит, можно помогать ему: допустим, принести продукты или оказать какую-нибудь другую услугу. А навязывать свое общение и думать, что это в любом случае полезно, совершенно неправильно.

Как отличить служение людям от человекоугодия? В каком случае это будет человекоугодие, а в каком нужно действительно с любовью послужить людям?

Замечательное рассуждение об этом есть у святителя Игнатия (Брянчанинова). Он говорит, что человекоугодие – это когда мы угождаем страстям человека. А любовь – когда мы предпринимаем что-то для его спасения или, по крайней мере, не угождаем его страстям. Чтобы любить ближнего как самого себя, нужно прежде всего правильно возлюбить себя, то есть возлюбить себя тоже спасительно. И если мы любим себя правильно, по-христиански, то есть желаем себе блага в вечной жизни, тогда мы уже можем любить и ближнего как самого себя. А если любовь к себе состоит в том, что мы ублажаем себя, свои страсти, угождаем себе, то, естественно, любовь к ближнему тоже будет неправильной. Это и будет человекоугодием. Если ближний твой любит говорить всякие скабрезности и навязывать тебе отвратительный разговор, то совсем необязательно, что любовь к нему состоит в том, чтобы выслушать его, а не прервать, даже если он и обидится.

Как проявить любовь к человеку, который пришел в храм нетрезвым? Уместна ли здесь снисходительность, не будет ли это потворством страсти, человекоугодием?

Я расскажу вам такой случай. Один мой знакомый работал в храме, был кем-то вроде дневного сторожа. Однажды в храм пришел парень, пьяный вдребезги, встал перед иконой Божией Матери, начал плакать, что-то кричать… Кажется, у него мама была больна раком. А все это происходило во время богослужения, и моему знакомому сказали вывести этого парня

из церкви. Он отнесся к нему снисходительно и человеколюбиво, тихонько его вывел, стал с ним беседовать, хотя тот, повторю, был пьян порядочно. Впоследствии они стали встречаться, в результате мой знакомый обратил этого парня к вере, он стал православным христианином и, более того, священником.

Поэтому не нужно стричь всех под одну гребенку. Может быть, у человека какое-то несчастье или он просто на именинах выпил лишнюю рюмку. Но если он ведет себя нагло, хулиганит, кощунствует – это, конечно, другое дело. У нас должно быть не только некоторое снисхождение, но и благоразумие.

О любви и ненависти

Конфликтны ли заповеди любви к Богу и любви к ближнему? – О малых и больших скорбях. – *И враги человеку – домашние его*. – Борьба – это необходимый признак христианской жизни. – Как христианину относиться к своим родственникам. – Что такое настоящая духовная жизнь? – Отношения с духовником. – О мнимом и истинном милосердии. – Что значит познать Бога? – О смирении, любви и других добродетелях. – Нужно ли молиться за сатаниста? – О разных степенях любви. – Может ли мирянин стяжать высокие добродетели? – Допустима ли для христианина привязанность?

Мы продолжаем беседы по Евангелию и сегодня затронем щекотливую, очень важную тему. Часто бывает, что заповедь любить Бога входит в конфликт с заповедью любить ближнего. Как разрешить это противоречие? Как разрешить его не только теоретически, а практически, для своей жизни? Ведь это существенная сторона нашей жизни, и нам всем в большей или меньшей степени приходится сталкиваться с этой проблемой. Иногда нужно решать ее совершенно кардинально, иногда надо просто правильно построить свои отношения со своими близкими.

Господь наш Иисус Христос говорит: *Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их; и будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется*[149]. Когда мы принимаем Евангелие, когда мы принимаем учение Христово, тогда на нас восстает весь мир, даже наши родственники по плоти. Нам надо это предвидеть и быть к этому готовыми, это не должно быть для нас неожиданным, странным, как будто случайным. Когда мы читаем Евангелие, то должны понимать, что в словах Спасителя – словах Самой Истины, или, как святые отцы иногда называют Господа Иисуса Христа, Само-Истины, – не может быть никакой ошибки. Сказано: если мы будем истинными христианами, нас возненавидят наши родственники, – значит, так оно и произойдет. И не нужно

думать, что именно нас это не коснется, что именно у нас этого конфликта с родственниками не будет. В другом месте Евангелия говорится: *Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам*[150], и мы также не хотим этому верить, нам кажется: может быть, миру и будет горе от соблазнов, но нам – нет. Может, другим и нужно отсекать соблазны подобно тому, как человек отсекает свою руку, а вот мы исполним заповеди с легкостью. Нет, братья и сестры, этого не может быть. Мы не должны под предлогом особой милости Божией к нам искать легкого пути, потому что его просто не существует. Естественный путь к спасению – узкий, тесный путь исполнения заповедей. И если мы не идем этим путем, то сразу, сознательно или бессознательно, становимся на путь широкий, и идем по нему к погибели вместе со многими и многими людьми, – может быть, с большинством людей, живущих на земле.

Итак, если Господь предсказал, что христиане будут претерпевать скорби от родственников за исповедание имени Христова, значит, хотя бы в какой-то степени должны претерпеть их и мы. И все мы это испытываем. В самом лучшем случае наши неверующие родственники (или даже формально верующие, но не имеющие ревности) негодуют на нас за то, что мы слишком часто ходим в церковь, или отдаем много денег на пожертвования в храм, или тратим много времени на молитву вместо того чтобы обращать внимание на них. Это, конечно, малые скорби. Но малые они не потому, что мы лучше других, а скорее потому, что мы слабо угождаем Богу. При ярком свете тень бывает густая, черная, а при тусклом – слабая, расплывчатая. Так и у нас: если мы угождаем Богу, угождаем очевидно, последовательно, тогда и скорби бывают сильными. А если мы едва-едва держимся в рамках нравственных норм, даже не евангельских, а просто норм приличия, то, соответственно, и скорби у нас бывают слабые, бледные, наподобие расплывчатой тени.

Далее Спаситель говорит: *Итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь*

от того и Я пред Отцем Моим Небесным. Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч[151]. Эти слова сказаны Господом Иисусом Христом почти две тысячи лет назад. Тем не менее все мы, читая Евангелие, ожидаем мира, надеемся, что благодаря вере в Господа Иисуса Христа все у нас в жизни успокоится, мы будем здоровыми, богатыми, счастливыми; с родственниками у нас все будет в порядке, мы будем жить бесскорбно и беззаботно, в душе у нас будет радость и рай. Ни духовной борьбы, ни земных скорбей мы терпеть не хотим. Мы желаем мира, а Господь предупреждает нас: *Не мир пришел Я принести, но меч*. То есть должна быть война, должно быть разделение, борьба. Это неизбежно. Те, кто вступил в монашество, может быть, неожиданно для себя узнали, что духовная жизнь – это прежде всего борьба. В миру люди подвержены преимущественно земным скорбям, но и им нужно относиться к этим скорбям по-христиански, быть готовыми их принять. Если они неправильно на них отреагируют, не смогут сориентироваться, как правильно себя вести в скорбных обстоятельствах, то они подвергнутся осуждению так же, как и монахи, впадшие в нерадение. И пусть миряне не думают, что невидимые духовные страдания, которые испытывают монахи, живущие почти одной духовной жизнью, меньше, чем скорби мирские. Иногда они гораздо более страшные и тяжело переживаемые. Конечно, нет правил без исключений, бывает и живущие в миру ведут духовную борьбу, и, наоборот, живущие в монастыре терпят скорби земные. Так или иначе, но борьба – это необходимый признак христианства. И дальше Спаситель поясняет, в чем же эта борьба проявляется, где происходит это разделение.

Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его[152]. Так сказано не потому, что Господь желает возбудить между людьми вражду. Конечно, было бы нелепо понимать эти слова так и думать, что вражда есть нечто вожделенное. Но она неизбежна. Если одни люди следуют за Христом, если Его заповеди для них – непререкаемая истина, от которой они не могут отступить ни при каких обстоятельствах,

то другие люди, не принимающие учения Христова с такой же ответственностью и искренностью, будут, естественно, воспринимать такое поведение первых как некий фанатизм, как вражду против них. Они будут воспринимать любовь к Богу как враждебное к ним отношение. На житейском, бытовом уровне мы все с этим сталкиваемся. Допустим, мы постимся, а наши родственники этим недовольны: они не знают, что же нам приготовить, по их мнению, из-за нас все страдают, к чему эти неудобства и прочее. Или мы, вместо того чтобы в субботу-воскресенье поехать в сад, идем в храм молиться. Это, конечно, примеры житейские и как будто бы смешные, какие-то мелочи. Но мы, под предлогом того, что это мелочи, часто поступаем против заповеди Божией. Мы всё думаем: и это мелочь, и то мелочь, и здесь можно пойти на компромисс, и там – в результате оказывается, что такого случая, когда бы мы проявили свою ревность, свою любовь к Богу, просто не существует. Негде нам показать, что мы действительно любим Бога. Негде нам увидеть, что любовь к Богу приводит нас к вражде с нашими близкими – иногда не только с родственниками, но и с друзьями, потому что бывает дружба столь прочная и, если так можно выразиться, любовная, что она крепче родственных уз.

И враги человеку – домашние его. Между верующими и неверующими, между ревностными и теплохладными неизбежно возникают конфликты. Иногда это конфликты бытовые, иногда они доводят людей до вражды и разрыва семейных уз, а иногда приводят даже и к преследованиям.

Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня[153]. Здесь изложен евангельский принцип отношения к своим родственникам. *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня*. Это не значит, что мы не должны любить родителей, но Бога мы должны любить больше. Если же мы стараемся родителям угодить больше, нежели Богу, тогда мы не достойны Господа Иисуса Христа. И дело не в том, чтобы в душе чувствовать пламенную любовь к Богу и признавать, что ничто не достойно

такой любви, какой достоин наш Творец, – дело в том, чтобы мы проявляли эти взгляды в жизни. Потому что я могу искренне считать, что люблю Бога более всего земного, в том числе и родителей, а на деле предпочитать угождение своим родным, на деле уступать требованиям отца или матери в ущерб заповедям Божиим. Вера без дел мертва. Какие бы искренние намерения ни были у человека, но, пока он не приведет их в исполнение, нельзя быть уверенным в том, что он на самом деле это сделает. Мы также знаем это по себе. Пророк Давид сказал: *Всякий человек лжив*[154]: все мы искренне хотим делать добро, но когда доходит до дела, вдруг пугаемся или совращаемся какими-нибудь соблазнами. Это очевидная истина для тех, кто хоть сколько-нибудь внимательно за собой наблюдает.

И кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня. Надо сказать, что из-за нашей холодности и сердечной окаменелости мы, в большинстве случаев, любим своих родителей меньше, чем своих детей. И часто возникают такие жизненные ситуации, когда из любви к своим детям люди оказывают нелюбовь к своим родителям. Поэтому исполнить эту заповедь – любить Бога больше, чем сына или дочь, – гораздо тяжелее, чем первую часть ее. Обычно родители любят бескорыстной любовью своих детей, а дети редко имеют такую же благодарную любовь к своим родителям. Видимо, здесь проявляется человеческий эгоизм: дети привыкли требовать, чего-то ждать от родителей. И здесь мы вновь видим, что ради детей мы готовы пойти на многие компромиссы с совестью – на деле мы любим Бога меньше, чем своих детей.

Далее Спаситель говорит: *И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее*[155]. Мы должны проявлять бóльшую любовь к Богу по сравнению с любовью к родителям и детям ради того, что мы служим Богу, берем крест. Мы не должны отказываться от своих обязанностей по отношению к родственникам. Конечно, это было бы просто: не помогать ничем родителям, отказаться от обязанностей по отношению к своим детям – и жить в свое

удовольствие. К сожалению, такие люди есть. Но совсем не этому учит Евангелие! Оно не учит полному безразличию, совершенному окаменению по отношению к своим родственникам. Апостол Павел говорит: *Кто не печется о своих близких, тот хуже неверного*[156]. Если мы берем свой крест, то есть готовы пострадать за Христа, если мы и свою душу губим ради Христа, то есть всю свою жизнь посвящаем Христу, тогда мы можем показать к своим родственникам непорочную ненависть – мы делаем это ради Бога, ради вечности, ради Евангелия. А отрекаться от родных ради собственного беззаботного существования, конечно, предосудительно.

В Евангелии от Марка Господь осуждает фарисеев как раз за то, что они не почитали своих родителей, ради того чтобы угождать самим себе: *Вы, оставив заповедь Божию, держитесь предания человеческого, омовения кружек и чаш, и делаете многое другое, сему подобное. И сказал им: хорошо ли, что вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание? Ибо Моисей сказал: почитай отца своего и мать свою; и: злословящий отца или мать смертью да умрет. А вы говорите: кто скажет отцу или матери: корван, то есть дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался, тому вы уже попускаете ничего не делать для отца своего или матери своей*[157]. Некоторые люди, читая Евангелие, по неопытности видят в словах Спасителя противоречие: в одном месте Он говорит: *Кто любит отца или мать больше Меня, не достоин Меня*, а в другом – укоряет фарисеев и книжников за то, что они жертвуют Богу те средства, которыми надо было бы поддержать своих родителей.

Тут тонкость вот в чем. Господь Иисус Христос призывает отречься не только от своих родных (и лишь в том случае, если они препятствуют нам жить по Евангелию), но и от самих себя, то есть не беречь свою душу. Фарисеи же и книжники отказывались от почитания родителей под предлогом служения Богу, но сами жили совершенно безбедно, в свое удовольствие. Мы знаем, например, что и по сей день последователи фарисеев, талмудические иудеи, считают аскетизм,

воздержание от брака нелепым извращением, а брак и многочадие – благословением Божиим, установлением Бога, данным Адаму в раю: *Плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю*[158]. То есть они против какого-то особенного подвига ради угождения Богу. Итак, мы видим, что они устранялись от служения своим родителям и в то же время сами жили полнокровной земной жизнью. В этом проявлялся обыкновенный низменный эгоизм: они думали только о себе. Этот эгоизм присутствует даже в любви к детям, потому что дети воспринимаются как некая часть нашего естества. Вот это Спаситель и запрещает, вот это и грешно.

Поэтому мы должны отдавать себе отчет в том, ради чего мы ведем себя безразлично по отношению к родственникам – из желания угождать Богу или из желания жить свободно? Иногда мотивы непорочной ненависти к близким проявляются просто и очевидно: человек, например, уходит в монастырь. Или родственники ему говорят: «Не ходи в церковь», а он продолжает ходить. Иногда же мы идем на лукавство: живем в миру, но избегаем заботы о своих родственниках под предлогом того, что они мешают нам молиться, вести духовную жизнь. Мы строим из себя аскетов, а на самом деле живем вполне по-мирски. Когда речь заходит о наших собственных удовольствиях, мы об аскетизме забываем, а когда дело касается наших родственников, мы вдруг вспоминаем о том, что нам нужно подвизаться и уединяться. Конечно, бывает, что человек искренне, хотя и безрассудно, ищет одного только духовного преуспеяния, уединения, молитвы, но гораздо чаще это происходит от лукавства и пустой мечтательности.

Для многих «духовная жизнь» – это просто комфортное времяпрепровождение: сидит человек дома, ничего не делает, ни с кем не общается, читает Исаака Сирина или Макария Великого. На самом деле он не ведет не только духовной, но и вообще активной жизни, пребывает в мечтах и всячески избегает людей, чтобы они не мешали. Но что пользы в таком чтении? Один читает любовные романы или научную фантастику, другой – Исаака Сирина, но для него это та же научная фантастика, потому что он на самом деле не знает, о

чем там говорится, и никогда не узнает. И вот он, читая эти возвышенные духовные книги, не хочет пойти купить хлеба соседке, которая заболела и не может выйти из дома. Он говорит: «Она будет мешать мне в уединенной молитве, зачем я буду ходить, я рассеюсь» – и продолжает мечтать о пламенной любви к ближнему, самопожертвовании и мученичестве. Таких людей, на самом деле, очень много, и не дай Бог, чтобы мы поддались этой страсти. Христиане, а в особенности монашествующие, знают, что легко читать духовные книги и мечтать о подвигах, но трудно исполнить хотя бы малую толику из тех советов, которые дают нам святые отцы.

В некотором смысле это лукавство может проявляться и у монашествующих. Скажем, нужно помочь кому-то в монастыре, брату или сестре, а мы под предлогом уединения ведем себя как истуканы, как каменные. И думаем, что этим угождаем Богу. Но ведь если мы безразличны к людям, которые нас окружают, значит, в нас нет благодати Божией. Это совершенно очевидно, потому что Господь есть любовь. Когда Господь пребывает в нас, тогда эта любовь действует через нас и распространяется на прочих людей таким образом, каким Богу угодно. Иногда это может быть просто приветливое выражение лица. Допустим, обращаются к тебе с просьбой, а ты никак этому человеку помочь не можешь, ни нравственно, ни материально, но ты искренне ему улыбнешься, приветливо ответишь, скажешь что-то доброе, – и это уже будет с твоей стороны той любовью к ближнему, которую ты можешь оказать тогда, когда ты, казалось бы, ничем ему помочь не можешь.

В Евангелии от Луки есть слова Спасителя не только о том, что нужно любить Бога больше, чем родственников, но даже и о том, что нужно возненавидеть своих родных: *Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником*[159]. Еще раз скажу, что здесь не имеется в виду порочная ненависть, злобное чувство по отношению к своим родственникам. Здесь в образной, острой форме сказано, как мы должны себя вести. Когда нам говорят нечто неожиданное, мы настораживаемся и

начинаем прислушиваться, искать смысл в том, что нам сказано таким странным и, может быть, обидным образом. Для того чтобы нас эта истина задела за живое, Господь говорит необыкновенными словами – не привычными, а вызывающими недоумение: *Кто не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей…* На самом деле речь здесь идет о таком поведении, которое многие люди, по своей неопытности и неразумию воспринимают как ненависть. Наше безразличное отношение к близким, а иногда даже и забвение их, как делали некоторые угодники Божии, в глазах людей маловерующих выглядит ненавистью. Причем под «маловерующими» я имею в виду не только людей чуждых Церкви, но и тех христиан, которые не имеют такой ревности, какую имеют их родственники, ради Бога проявляющие к ним непорочную ненависть.

Обратите внимание на то, что говорит Спаситель: *Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей…* По-славянски последние слова звучат более емко и мудро: *Еще же и душу свою*… Вот правильное понимание: мы должны возненавидеть не только родных, но и свою душу. А у нас получается, что родных-то мы ненавидим, а душу свою любим. От своей души, то есть от своих желаний, мы не отрекаемся, а от родных отрекаемся с легкостью. Вот если бы мы обнаружили в себе такую пламенную любовь к Богу, что и себя самих возненавидели бы, взяли крест и последовали бы за Спасителем, то есть были бы готовы потерпеть ради Него любые страдания, тогда мы имели бы право проявить и непорочную ненависть к своим родным. А если в нас такой любви нет, тогда наше отречение от родных – это просто лукавство, хитрость, желание жить в свое удовольствие.

Другое дело – человекоугодие, угождение человеческим страстям. Не нужно думать, что служение нашим родным состоит в том, чтобы время от времени приходить к ним в гости, есть и пить, тем более выпивать. Я думаю, что все мы достаточно здравомыслящи, чтобы понимать: любовь состоит не в том, чтобы ублажать страсти и слабости наших близких, а в

том, чтобы действительно помогать им, если они нуждаются, – причем не только материально, но и морально, нравственно. Поддержать, скажем, больного человека, побеседовать с ним, утешить его – это иногда значит больше, чем принести ему какие-нибудь редкие лекарства. Если мы на время отвлечемся от молитвы, пусть даже внимательной и умилительной, ради того чтобы помочь человеку, который действительно нуждается, то это не грех.

Надо оговориться, что в наше время, когда обстоятельства жизни по сравнению с древними временами повсеместно переменились, мы не можем так же последовательно, откровенно отрекаться от своих близких, как это делали, например, египетские монахи. Пимен Великий, когда к нему пришла мать, убежал в келью, заперся и, когда она стучала к нему, сказал ей: «Если ты хочешь увидеть меня в будущей жизни, тогда не увидишь в этой, а если увидишь в этой жизни, то не увидишь в будущей». И она, как верующий человек, ответила: «Хорошо, я хочу увидеть тебя в будущей жизни» – и ушла. Если мы, монахи, сейчас будем так себя вести с нашими неверующими или маловерующими родственниками, то от этого может случиться множество скорбей, неприятностей, непонимания…

Пусть внешняя сторона подвижничества во многом нам уже неподвластна, но по сути ничего не изменилось. Мы не можем, допустим, поститься так строго, как древние отцы, но все-таки должны поститься. Мы не можем удалиться от мира в буквальном смысле слова, потому что сейчас на земле нет такого уединенного места, которое можно было бы назвать пустыней. Придешь в какую-нибудь пустыню – а там нефтедобыча. Мой духовник рассказывал мне такую историю. Когда Глинскую пустынь закрыли, то многие глинские монахи подвизались под Сухуми, в горах. Как-то к нему вдруг подхошли туристы, мужчина и женщина, и женщина вручила ему букет цветов: на, говорит, тебе. А он в недоумевал: «Что я буду с ним делать?» Вот человек, казалось бы, в пустыне жил, но и туда уже добрались туристы – скучно им. Пустыня как таковая нам недоступна, но внутреннее уединение мы обязаны сохранять.

Внешнее ослабело – внутреннее осталось незыблемым. Суть христианства никак измениться не может. Не наша забота – сохранять христианство, Православную Церковь, мы не в силах ее защитить. Но если каждый из нас будет защищать православие в самом себе, и вероучение, и нравственность, то таким образом он, насколько это в его силах, послужит и сохранению православия – как для своих потомков, так и для всех людей вообще.

Вот как, на мой взгляд, нужно отличать истинное отречение от своих родителей от ложного – того, которое осуждает Спаситель. И когда Господь иногда говорит о ненависти к отцу и матери, а иногда – о почитании их, то никакого противоречия в этом нет. Противоречие нам может показаться только из-за нашей неопытности, из-за поверхностного восприятия Евангелия.

* * *

Иногда мой наставник мне видится чуть ли не святым, появляется по отношению к нему такая восторженность, что незаметно примешивается что-то чувственное, хочется, например, его обнять. Как избавиться от неправильных чувств по отношению к духовнику?

Не знаю, что здесь подразумевается под неправильными чувствами. Многие люди не отличают плотское пристрастие от детских проявлений настоящей, чистой любви. Бывает иногда, что любовь к ближним выражается в том, что нам хочется их обнять, но это не означает плотского пристрастия. Такое пристрастие, кроме желания обнять, предполагает и еще какие-то признаки. Конечно, надо об этом советоваться, быть осторожным, но в то же время чрезмерная подозрительность, осмотрительность часто приводит человека к черствости и холодности. Страшась пристрастия к духовнику, мы можем лишиться и настоящей духовной любви: приведем себя в состояние безразличия и будем думать, что это бесстрастие.

Но бесстрастие – это не бесчувствие! Иногда и бесстрастные люди скучают друг по другу. Вспомним апостола Павла. Никто, конечно же, не станет подозревать апостола в плотском пристрастии к кому-либо. Тем не менее, он говорил в

одном из своих посланий, что когда он пришел в Троаду и не нашел там Тита, то дух его очень смущался. Тит был одним из его любимых учеников. Вспомним, что и Сам Господь просил молитвенной поддержки у троих Своих учеников, Петра, Иакова и Иоанна, когда молился в Гефсиманском саду. Что могла сделать молитва троих людей? Однако же Христос нуждался в человеческой поддержке. Значит, не всегда нужно бояться своих чувств. Страшиться надо нечистого пристрастия, а любить некоторых людей, по особой душевной расположенности к ним, больше, чем остальных, не является нарушением евангельских заповедей.

В одном из писем святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет, что человек, имеющий естественное расположение к милосердию, не должен доверять этому чувству, а обязан понуждать себя к милосердию согласно евангельским заповедям, хотя бы это было и сопряжено с насилием сердца. Это значит, что нужно делать добро ради заповеди, даже тогда, когда не хочется, и тому, кому не хочется?

Святитель Игнатий здесь имеет в виду мнимое милосердие, которое рождается от падшего человеческого естества и которое есть у всех нас. Иногда оно бывает сравнительно невинным, иногда – более вредным. Когда мужчины особенно жалеют женщин или, наоборот, женщины мужчин, здесь явно милосердствует плоть и кровь. То же самое происходит, когда люди милосердны к ближним только одной с ними национальности и ненавидят остальных. Вот примеры ложного, нехристианского милосердия – милосердия падшего естества. А милосердие истинное – чисто христианское, то есть евангельское, иногда может выражаться и в евангельской ненависти, как говорит Спаситель: *Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником*[160].

Добро естественное, смешанное со злом, святитель Игнатий называет добром падшего человеческого естества. Оно всегда нечисто, хотя благодаря этому добру, сохранившемуся в нашем естестве, мы способны услышать проповедь о добре

истинном, чистом. Если бы в нас не было остатков добра, мы были бы не в состоянии воспринять евангельскую проповедь. Но само по себе естественное добро всегда действует вместе со злом. Например, человек делает кому-то добро и тут же этим тщеславится, гордится, или к добру примешиваются другие страсти. Может быть, это не во всех случаях очевидно, однако всегда имеет место. Чистое добро – это добро евангельское. Объяснить в двух словах, в чем оно состоит, трудно. Евангельское добро отсекает, отделяет в нас доброе от злого. Оно, как говорит апостол Павел, *проникает до разделения души и духа*[161]. Но без молитвы, в особенности без молитвы Иисусовой, этому чистому добру научиться трудно.

Можно ли посредством любви к своему духовному наставнику прийти к настоящей, истинной любви к Богу?

Мы любим своего старца или духовника, потому что он ведет нас к спасению, потому что через него мы учимся христианским добродетелям, в том числе и любви. Послушание, основанное на доверии и любви, приводит человека к преуспеянию в добродетелях – конечно, если духовник обладает истинным духовным опытом и способен руководить. Не послушание само по себе, как, допустим, абсолютное повиновение гуру у дзен-буддистов и индуистов, а послушание ради опытности, которой обладает наш руководитель, вот что может привести нас к усовершенствованию. Хотя в конечном счете нужно помнить, что у нас единственный Учитель – это Господь Иисус Христос и что все мы: и наставники и наставляемые – ученики Христа. Поэтому вопрос: «Можно ли посредством любви к наставнику достигнуть любви к Богу?» – мне кажется немножко неточным. Правильнее было бы спросить: «Можно ли посредством послушания наставнику прийти к любви к Богу?». На это можно было бы ответить: «Да, можно». А ставить в данном случае любовь на первое место, мне кажется, неуместно.

Как узнать, познал ли ты Бога?

Когда ты пришел в живое богообщение, когда ты молишься так, что беседуешь с Богом, когда умом ты как бы погрузился в Божественную стихию, когда ты ясно ощущаешь присутствие

Божества, а не только веришь в Него, – это значит, что ты познал Бога. И конечно же, такая близость к Богу естественно выражается и в добродетелях внешних, в особенности в любви к ближнему.

Мой ум с трудом вмещает то, что цель христианина – любовь. Мне яснее, ближе слова Силуана Афонского: «Для христианина вся война – за смирение». Кажется, что и смысл жизни состоит в стяжании смирения. А может быть, смирение и любовь – это одно и то же?

Когда я спрашивал своего духовника, отца Андрея, что такое смирение, любовь или простота, он говорил, что это все одно и то же. По своему внутреннему ощущению он эти добродетели отождествлял. Как он чувствовал, так и говорил. Он был человек простой и выражался очень смело, дерзновенно.

Но нам можно было бы употреблять вообще слово «добродетель», как Антоний Великий, и не рассуждать отдельно о смирении, любви или кротости: если душа человека будет чиста и свободна от страстей, то она будет вся одна сплошная добродетель, потому что Бог создал человека добрым. Мы, так сказать, абстрагируем христианские добродетели ради удобнейшего исполнения евангельских заповедей. Ведь и сам Спаситель отдельно говорит о смирении и отдельно – о любви.

Если для человека удобнее думать, что «христианину вся война – за смирение», то, пожалуйста, пусть так и делает. Противоречия тут никакого нет. Но я думаю, что смирение по отношению к любви – это все-таки средство, а любовь – это цель. Если рассматривать смирение с православной точки зрения – как покаяние, то никакого противоречия не будет: через смирение мы приобретаем любовь, а где любовь, там и все добродетели.

Конечно, нужно заботиться о покаянии. Это справедливо, это правильно. Но нельзя забывать и о добродетели любви, а то будешь смиряться, а на ближнего кричать. При этом ни смирения не будет, ни любви.

Я подрабатываю сторожем, и сменщик признался мне, что он служит сатане. Я помолилась за него, как за врага,

мне стало лучше. Но что мне делать дальше? Оставить все как есть, молиться за него?

Попробуйте дать ему какие-нибудь книги; может быть, человек заблуждается по невежеству. Предложите ему почитать апологетические книги, диалоги о вере, неверии и сомнении, какие-то брошюры против оккультизма. Хорошо бы дать ему книгу отца Серафима Роуза «Православие – религия будущего». Но если вы увидите, что он упорствует в своих заблуждениях, то оставьте его в покое, избегайте разговоров на такие темы.

Нельзя ставить на человеке крест, как бы он себя ни называл, но в то же время помогать ему надо с осторожностью. Как я говорил в беседе: протягивать нужно не руку, а палку. А молиться за него, наверное, все-таки тяжело и опасно. Почему вам стало лучше после молитвы за него? Вы, видимо, негодовали на него, осуждали его, но постарались искоренить из своего сердца эти чувства, сделали шаг против неприязни. Вот объяснение того, что с вами произошло. Вам стало легче не потому, что он изменился, а потому что вы сами изменились.

Может ли человек, живущий в миру, стяжать такие высокие добродетели, как смирение, любовь, кротость? Кажется, что очень многое этому препятствует.

Известно, что были некоторые миряне, которых Господь показывал как образец христианства подвижникам благочестия, проводившим десятки лет в необыкновенных аскетических подвигах и в непрестанных молитвах. Например, Антонию Великому был показан кожевник, который стяжал необыкновенное смирение, а где смирение, там, конечно же, любовь и прочие добродетели. Другим аскетам также были показаны люди, ведущие самую заурядную по внешности жизнь, но достигшие высочайшего преуспеяния. Например, две женщины, имевшие мужей, приобрели такую благодать, что неким подвижникам было сказано, чтобы они пошли и пообщались с ними, ради того чтобы подражать их добродетелям. Еще один пример, святителя Спиридона Тримифунтского в Греческой Церкви почитают равно со святителем Николаем, если не больше. А он, как упоминается в его житии, имел детей и, значит, состоял в браке, но это не

помешало ему стяжать великую благодать и сподобиться дара чудотворения. А где чудотворение – там и любовь. Не может быть чудотворец жестокосердным, в христианстве такое сочетание недопустимо. Итак, стяжанию добродетелей препятствует не обыденность нашего образа жизни, а только наше нерадение. Поэтому будем стремиться к высшему – впрочем, разумно, здраво, не теряя того особенного качества, которым отличается православие от других вероисповеданий, то есть трезвенности.

Батюшка, не могли бы вы что-нибудь сказать о таком чувстве, как привязанность? Возможно ли испытывать это чувство к ближним без ущерба для собственной духовной жизни?

Некоторые думают, что любовь – совершенно аморфное чувство и что нельзя никого любить особенным образом. Такие люди очень боятся привязанностей. Но жить на земле и не иметь привязанности к какому-то конкретному человеку почти невозможно, другое дело – какого характера эта привязанность? Если это привязанность к человеку другого пола, то ее, может быть, в каком-то отношении можно назвать любовью, но не в христианском смысле. Чистая эта любовь или нечистая, дозволенная или недозволенная, но она не христианская. Если нам сказано, что мы, любя тех, кто делает нам добро, поступаем не лучше язычников, то и здесь так же: испытывая любовь к своей законной супруге или супругу, мы тем самым не севершаем ничего христианского, ибо такая любовь свойственна и язычникам.

Господь наш Иисус Христос, конечно же, был Всесовершенным Богом и совершенным Человеком не только в смысле природы, но и, безусловно, в смысле нравственности. Он, так сказать, был идеальным человеком. И мы видим, что Господь испытывал к некоторым людям особенную привязанность, любовь. Он, например, любил Лазаря и его сестер, Марфу и Марию, Он по-человечески плакал на могиле Лазаря, скорбел о нем, хотя через несколько мгновений восставил его из мертвых. Более того, надо обратить внимание на то, что в Евангелии несколько раз упоминается об особенной

любви Господа Иисуса Христа к евангелисту и апостолу Иоанну Богослову. О нем так и говорится: *Ученик, которого любил Иисус*[162]. Когда Спаситель сказал, что один из учеников должен Его предать, тогда обнаружилась особенная любовь и привязанность Господа к апостолу Иоанну Богослову и его некое преимущество перед прочими учениками: именно ему Господь открыл, кто предатель. И в этом нет ничего предосудительного, потому что любовь Спасителя к апостолу Иоанну была именно Божественная, не только в том смысле, что она исходила от Бога, но и в том смысле, что была совершенно чиста. Господь любил Иоанна Богослова ради его добродетелей: девственности, чистоты, послушания, ради его преданности Господу и внимания, с которым тот прислушивался к каждому слову и наблюдал за каждым поступком Спасителя. Последнее видно из его Евангелия. Он написал его в конце I столетия, позже всех евангелистов, когда память его должна была бы ослабеть, но апостол ясно и точно описывает подробности тех или иных событий, уточняя и дополняя то, что говорили прочие евангелисты.

Любовь к Богу, любовь к ближним, любовь к животным – это разные степени любви?

Нужно различать степени любви, и, так сказать, выстроить их иерархию. Если ты любишь животных, но при этом не любишь ближнего, то это – извращение душевной жизни.

В первую очередь мы должны любить Бога, во вторую – своих ближних во Христе, потому что это наши братья, члены единого Тела Христова, которые, как и мы, произошли от Христа и живут Христом и во Христе. У нас, к сожалению, бывает так, что на втором месте, в лучшем случае, стоят наши родные по плоти и мы предпочитаем кровную близость духовной. Это говорит о том, что наше духовное чувство чрезвычайно ослаблено. Душа наша очень немощна, поэтому для нас родные по плоти – это реальность, а родные по духу – это нечто эфемерное. Мы, к сожалению, не чувствуем, что люди, которые вместе с нами молятся в храме, – это наши братья и сестры во Христе. На третьем месте должны быть наши родные по плоти, потому что не может человек быть добрым, если он не

заботится о своих близких и родных. Конечно, если только эта любовь не препятствует, во-первых, любви к Богу, а во-вторых, любви к нашим братьям по духу. А уже потом наша любовь должна распространяться по возможности вообще на всех людей. В идеале – на все человечество, а реально – на тех людей, которые нас окружают: на наших соседей, сотрудников, случайных прохожих. Вот по отношению к ним мы и должны проявлять свою любовь, чтобы не получилось так, как это часто бывает – «любить все человечество» и в то же время толкаться локтями в автобусе.

Есть и высшая степень любви. Не знаю, может быть, есть люди, которые должны к этой степени стремиться, но большинству из нас нужно знать о ней только для того, чтобы смиряться, понимая, что мы этого не имеем и едва ли достигнем. Люди, достигшие высочайшего преуспеяния, действительно стяжавшие любовь ко всему человечеству, такие как старец Силуан Афонский, который молился за весь мир, и подобные ему древние и современные подвижники, могут распространить свою любовь и на самих демонов, как говорит об этом Исаак Сирин. А если человек испытывает любовь к падшим духам, то тем более будет испытывать ее и ко всему тому, что мы называем одушевленным творением, – к животным. А такая «любовь» к животным, когда человек из-за своей домашней собачки устраивает скандалы соседям, – ни к чему, лучше бы он был к животным безразличен.

Нужно ли относиться к мачехе, как к родной матери? Мама умерла, когда мне было десять лет, и с того времени я жила с мачехой. Она меня ненавидит, выжила меня из дому. Сейчас я живу с крестной и ее считаю за маму, а на исповеди мне сказали, что я должна мачеху почитать за родителя.

Даже если испытываешь и такую обоснованную неприязнь, надо стараться ее преодолеть. Молиться за свою мачеху, стараться испытывать к ней добрые чувства. Если общение с ней приводит к новым искушениям, скорбям, раздражению, то избегать общения, в то же время в душе примириться с ней и, насколько это возможно, делать ей добро.

Легкое иго смирения

В чем состоит начальное смирение. – Только иго Христово дает покой нашей душе. – Исполнение заповедей учит человека познанию своей немощи. – Кто будет большим в Царствии Небесном? – Презирая человека, мы презираем и его ангела-хранителя. – Без смирения невозможно достичь любви к ближнему. – *Кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом.* – Мечтающий о славе человеческой непременно будет унижен. – О непостижимом смирении Господа Иисуса Христа.

Сегодня мы поговорим о смирении. Я уже объяснял вам, что названия и добродетелей и страстей, в общем-то, условны. Отчасти эта классификация разработана на основе языческой философии, хотя, конечно, видоизменена в связи с требованиями и особенностями христианского учения. Например, у Антония Великого есть слова о том, что добродетель присуща душе человека от природы, то есть он говорит о добродетели в единственном числе. Душа, пребывающая в естественном состоянии, какой ее сотворил Бог, обладает цельной добродетелью, и разделение этой добродетели на смирение и любовь – это условность, хотя и необходимая, по крайней мере облегчающая нам понимание Евангелия как жизненного учения. Поэтому и я, говоря о смирении, пользуюсь этим сравнительно условным понятием ради того, чтобы облегчить понимание евангельского текста. Не нужно абсолютизировать смысл слов. Смиряться мы должны перед Богом, а по отношению к диаволу и греху мы должны быть гордыми, и в этом нет ничего предосудительного.

Господь наш Иисус Христос, говоря об Иоанне Крестителе и призывая израильский народ к покаянию, закончил свою речь учением о смирении. И это естественно: покаяние есть тот вид смирения, который можно назвать истинным, а не ложным и поддельным. Истинное смирение происходит именно от покаяния и не может возникнуть помимо него. *В то время, продолжая речь, Иисус сказал: славлю Тебя, Отче, Господи*

неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам; ей, Отче! ибо таково было Твое благоволение[163]. Не надо думать, что младенец – это всякий, у кого неразвит ум. Человек может иметь слабые умственные способности, быть малообразованным, и при этом считать себя умным, в таком случае и к нему относятся слова Спасителя: *Ты утаил сие от мудрых и разумных*. В сущности, мы отличаемся друг от друга своими знаниями примерно так же, как нищие собранной милостыней. Один нищий насобирал немного больше, другой немного меньше или вовсе ничего не насобирал, и они кажутся себе очень разными, а на самом деле их нищета, если сравнить ее с богатством состоятельного человека, совершенно одинакова. Таковы и наши умственные способности и знания по сравнению с премудростью Божией. Поэтому начальное смирение состоит в том, чтобы почитать себя человеком немудрым, малознающим, малоспособным. Недаром преподобный авва Дорофей определяет гордость прежде всего как то состояние, при котором человек надеется на свой разум. Итак, людям, которые почитают себя мудрыми и разумными, не могут быть открыты Божественные истины. Они открываются лишь тому, кто считает себя в умственном отношении младенцем и смиряется в этом перед Богом.

Все предано Мне Отцем Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть[164]. Постижение Божественных истин зависит не от наших умственных способностей и усилий, а скорее от воли Божией. Если нам *Сын захочет открыть*, то откроет и истины об образе Божия бытия, и все остальное, необходимое для нашего спасения. А если мы надеемся постичь это сами, то, как бы мы ни напрягались, какими бы ни были искренними, умственно способными, изощренно и тонко мыслящими, это ничего нам не даст.

Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас[165]. Кто здесь имеется в виду: в чем труждающиеся и чем обремененные? Я думаю, что здесь нужно понимать не в буквальном смысле сло́ва только людей трудящихся и обремененных заботами, потому что это было бы слишком

мало. Здесь имеются в виду люди, трудящиеся в добродетели, борьбе с грехом, трудящиеся над своим спасением. Лучше даже, наверное, сказать: страдающие, утружденные. И конечно же, в этом смысле все люди являются утружденными: и богатые и бедные, своими руками добывающие себе пропитание, и грешники и праведники – все находятся в постоянном душевном труде. И таких людей Господь призывает к себе, то есть, попросту говоря, Он призывает всех. А кто такие обремененные и чем обременены все люди? Конечно же, грехами, заблуждениями, которые, в сущности, те же самые грехи. Они обременены последствиями собственных злых дел, потому что страдания, скорби, которые мы терпим, – это, по учению святых отцов, только следствия нашей греховной жизни.

Далее Спаситель говорит о том, чтó нам нужно сделать, чтобы найти покой, которого все жаждут и в котором, собственно, и состоит счастье. *Возьмите иго Мое на себя и научи́тесь от Меня*[166]. Что за иго мы должны взять на себя? Это учение Христово. Иго – это рабство, то есть мы должны поработить себя Христу, должны сделать Его заповеди для себя обязательными, такими, чтобы их было невозможно обойти, сделать их строгим, неизменным критерием всех своих поступков и мыслей. *И научи́тесь от Меня.* Только тогда, когда мы берем на себя иго заповедей, мы начинаем учиться у Господа. А когда мы считаем себя свободными от учения Христова, тогда, если у нас не получается исполнить какую-нибудь заповедь, мы без особого огорчения и смущения совершаем то, что нам больше нравится и легче дается. Но, следуя собственной воле, мы ничему не можем научиться у Христа. Если мы и получаем какие-то знания, то это скорее житейский опыт, по большей части научающий нас, как получше устроиться в земной жизни.

Чему же мы учимся у Господа? *Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим*[167]. Когда мы приступаем к исполнению заповедей, то первый опыт, который у нас появляется, – это познание своей немощи. Затем чувство немощи постоянно сопровождает человека, понуждающего себя к деланию заповедей, как бы высоко он в

этом ни преуспел. Он не только умственно признаёт свою греховность и слабость – он познаёт свою немощь на опыте. Кто-то из святых отцов сказал замечательные слова, непонятные для людей, не познавших себя, но близко и искренне принимаемые теми, кто пытается на деле жить по евангельским заповедям. Он сказал, что исполнение заповедей прежде всего учит человека познанию своей немощи. Вот так мы по-настоящему учимся смирению – не тому, которое от ума, а тому, которое от сердца. *Ибо Я кроток и смирен сердцем* – не образом мыслей, не поведением, не внешним видом, а сердцем. *И найдете покой душам вашим*. Справедливо говорит преподобный Силуан Афонский, что наша брань не прекращается до тех пор, пока мы не научимся смирению. Когда мы смиримся, тогда найдем покой. Почему? Потому что смирение – это результат исполнения всех добродетелей, всех заповедей. Один подвижник, когда его спрашивали о том, что такое смирение, говорил: «Смирение – это простота, смирение – это любовь, и, в сущности, все эти разные слова обозначают одно и то же». Я думаю, что истинное, полное и глубокое сердечное смирение – это и есть исполнение всех заповедей.

И найдете покой душам вашим; *ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко*[168]. Действительно, лучше поработить себя Евангелию, чем земным заботам и страстям. Лучше быть под бременем постоянного понуждения себя к тому, чтобы жить по-христиански, чем под бременем грехов. Мы всё равно будем находиться под чьим-либо игом. Апостол Павел говорит, что мы можем быть либо рабами Богу и свободными от греха, либо рабами греха и свободными от Бога[169], чего-то среднего не дано. Но рабство Христу – это благо, в отличие от рабства страстям и суете. И бремя Спасителя, в отличие от бремени греховного, легко, потому что чем больше мы обременяем себя исполнением заповедей, тем нам становится легче. Мы должны выбрать между двумя страданиями. Остаться совершенно без страдания невозможно, поэтому мы либо будем терпеть мучительную борьбу со страстями, либо, удовлетворив свои страсти, будем страдать от угрызений совести.

Ученики Христовы, апостолы, искренне устремились за Господом и полюбили Его всей душой, за исключением того, кто был сыном погибели. Но вместе с искренней любовью к Спасителю в апостолах, до времени их полного очищения в день Пятидесятницы, действовали человеческие страсти. А среди них была, естественно, и такая, которая свойственна всем нам, – гордость. Им казалось, что за свои заслуги, за свою особенную любовь ко Христу они достойны большего почитания, большей чести, большей власти, чем некоторые другие Его ученики. Даже когда апостолы помышляли о том, чтобы быть бóльшими не на земле, а в будущей жизни, то и это порицалось Господом как гордость. *В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное*[170]. То есть человек, который желает быть в Царстве Небесном бóльшим, не только не будет в нем бóльшим, но и вовсе в него не войдет. А у нас часто получается так, что мы к искреннему желанию послужить Богу, к искреннему желанию спасения примешиваем и свои горделивые мысли.

Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное. Мы должны быть просты и искренни, как дети. *Итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном*[171]. По преданию, отрок, на которого указал Господь, был будущий священномученик Игнатий Богоносец. Спаситель поставил апостолам в пример этого малого отрока, как человека, который вообще не думал о том, чтобы занимать какое-то особенное место. Вспомните себя в детстве. Может, мы и страдали оттого, что нас не замечают, нами пренебрегают, но в то же время у нас было естественное смирение, происходившее от нашей беспомощности, нашего малого ума, неопытности и, в конце концов, даже оттого, что мы физически не могли за себя постоять. Мы полностью находились в руках взрослых, исключая, конечно, тех детей, которых совершенно неправильно воспитывали, нарочно прививая им чувство гордости и

собственной значимости. Вот такое детское отсутствие самомнения ставится здесь в пример апостолам. И если апостолы нуждались в том, чтобы Господь их так укорял и смирял, то мы тем более нуждаемся в том, чтобы искренне о себе ничего не думать.

В этой же речи Господа есть еще одно поучение о смирении: *Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного*[172]. Кто такой *малый сей*? Это любой человек, не только на самом деле малый, но и тот, который выглядит ничтожным в наших глазах. Бывает, что мы с презрением относимся, например, к своим начальникам по работе или даже к каким-нибудь знаменитым государственным деятелям и всячески их уничижаем. Не только о тех людях, которые как будто бы очевидно достойны презрения, но и о тех, которые против всякой логики считаются нами презренными, говорится: *Не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного*. Спаситель здесь словно упрекает нас: «Вы презираете этого человека, а забываете, что у него есть ангел, который несравненно более велик, чем вы, и который всегда видит лицо Небесного Бога Отца. Презирая человека, вы презираете ангела Божия, который его хранит». Если бы мы действительно помнили об этом, если бы действительно были убеждены в том, что за каждого, даже совершенно никчемного и, рассуждая по-человечески, презренного человека (допустим, развратника или пьяницу), молится его ангел, то нам, думаю, стало бы страшно и мы бы поостереглись позволять себе по отношению к этому человеку такие нехристианские чувства.

В Евангелии есть еще одно подобное поучение. Оно, в основном, говорит о том, что мы должны проявлять любовь ко всем без исключения, но в нем дается и урок смирения. Господь наш Иисус Христос, пророчествуя в приточной форме о Страшном суде, говорит: *Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от*

козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне[173]*.* Если в первом поучении Спаситель говорит, что у людей, презираемых нами, есть ангелы, которые всегда видят лицо Божие, то здесь уже он сравнивает таких людей с Самим Собой: делая добро меньшим братьям Спасителя, мы делаем добро Ему Самому. Получается, мы должны в каждом ничтожном с нашей точки зрения, меньшем, как здесь говорится, человеке видеть Господа Иисуса Христа.

Между прочим, здесь видно, что смирение приводит к любви. Смирившись перед человеком, мы искренне ему служим. Делаем ему добро не так, как какому-нибудь животному, которое нам просто жалко, а именно служим ему – как слуги, как рабы, видя в нем Господа Иисуса Христа. Человек, имеющий это истинное чувство любви к ближнему, не может рассеяться, даже находясь в толпе людей. Преподобный старец Силуан Афонский говорил об отце Иоанне Кронштадтском и апостолах, что, находясь постоянно среди людей, они не рассеивались, потому что любили их[174]. Я бы даже сказал так: человек, находящийся в состоянии такой любви и смирения, видит в каждом ближнем образ Христов. Он, можно сказать, молится на ближнего. Перед иконой мы крестимся, кланяемся и молимся – подобное чувство испытывает истинный христианин к каждому человеку, на вид

«самому презренному». Невозможно достичь истинной любви без смирения перед человеком.

Ученики Спасителя многократно возвращались к волнующему их вопросу: кто из них будет *больше в Царстве Небесном*[175]*?* И вот в один из таких моментов произошло следующее. *Приступила к Нему мать сыновей Зеведеевых с сыновьями своими, кланяясь и чего-то прося у Него. Он сказал ей: чего ты хочешь? Она говорит Ему: скажи, чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем. Иисус сказал в ответ: не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь? Они говорят Ему: можем. И говорит им: чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься, но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит, но кому уготовано Отцем Моим*[176]. Мать сыновей Зеведеевых, по мнению некоторых, была сестрой Богородицы. Поэтому она с сыновьями обращалась к Господу как к родственнику, рассчитывая получить от Него привилегии. Поскольку они в данном случае воспринимали Его как человека, то словами: *Не от Меня зависит, но кому уготовано Отцем Моим* – Господь сказал, что это зависит не от человека, а от Бога. Поэтому нам не нужно искать доброго отношения людей, от которых зависит наше положение в Церкви: любви духовника или настоятеля, благоволения архиерея или чего-нибудь подобного – все это подходит под запрещение Спасителя. Кто будет выше в Царстве Небесном, зависит не от духовника, не от игумена, не от архиерея, а от Бога. Поэтому нужно искать близости именно к Богу, а не к человеку, даже если сам этот человек духовный.

Пример этому мы находим в Священном Писании. Когда Исаак в старости должен был благословить своих сыновей, он, по человеческой немощи, испытывал большее расположение к Исаву: тот приносил ему дичь и Исаак утешался вкушением ее. Но Богу было угодно, чтобы благословение получил не Исав, хотя он и считался старшим сыном, а Иаков. И Он промыслительно устроил это, благодаря хитрости жены Исаака

Ревекки. Иаков, как известно, притворился Исавом, подошел к почти слепому Исааку, и тот благословил его. Благословил ошибочно, думая, что это Исав. Но когда ошибка обнаружилась, когда пришел Исав и потребовал законного, как ему казалось, благословения, то Исаак ужаснулся и сказал: «Нет, благословение уже отдано». Это говорит о том, что благодать Божия действительно сошла на Иакова. Исаак ошибся, но Бог ошибиться не может. Человеческая хитрость исправила человеческую слабость – неразумное пристрастие Исаака. Хотя Исаак был одним из величайших праведников в истории человечества, хотя он был прообразом Христа, так как Авраам хотел принести его в жертву на горе Мориа, однако же он ошибся: человеческая близость и любовь между ним и Исавом ничего не дала. Благодать Божия сошла на того, кто был ее достоин. Поэтому не нужно искать через человека близости к Богу. Человек – это средство в нашем спасении, кем бы он ни был: духовником, настоятелем, епископом или патриархом. Смирение состоит в том, чтобы не искать возвышения при посредстве людей.

Услышав сие, прочие десять учеников вознегодовали на двух братьев. Иисус же, подозвав их, сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими[177]. В Евангелии от Марка сказано еще более выразительно (прочитаю по-славянски): *Иисус же призвав их, глагола им: весте, яко мнящиеся владети языки соодолевают им и велиции их обладают ими*[178]. Нужно обратить внимание на слова *мнящиеся владети языки*: то есть те, которые мнят о себе, что они владеют народами. На самом деле народами владеет Бог. Тех или иных властителей, президентов или царей, как они ни называются, Он использует как орудие в управлении человечеством. А им кажется, что они владеют народами. На самом деле, скорее, ими самими владеют страсти. Человек думает, что он повелевает народами, а на самом деле он раб страстей, раб диавола, слепо исполняющий его повеления, поддающийся желанию обогатиться или иметь власть над множеством людей. Иногда бывает так, что люди, *мнящиеся владети языки,* бывают одержимы самыми ничтожными,

отвратительными страстями. Например, какой-нибудь человек, обладающий почти беспредельной властью, может быть пьяницей и позорнейшим образом смиряться с этой унизительной страстью.

Но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть бóльшим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом[179]. Мы не должны стремиться к тому, чтобы быть господами, чтобы какими-то способами завладевать людьми. Наоборот, мы должны желать быть слугами и рабами. Если я хочу *быть бóльшим*, то мое превосходство должно состоять в том, что я служу людям. Если я духовник, настоятель монастыря, архиерей, патриарх – кто угодно, я должен понимать, что служу людям для их спасения. Если я мирской начальник, я также должен понимать, что служу своим подчиненным, помогаю им добывать хлеб насущный. Так христианин должен думать о любом начальстве и в Церкви, и вне Церкви, потому что он христианин везде и по отношению ко всем, а не только в храме и по отношению к верующим.

И кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом. Если я хочу стоять выше всех, значит, я должен принадлежать всем как раб и служить всем. Раб – это не просто слуга, а такой человек, который не принадлежит самому себе и делает все, что ему прикажут. Конечно, это не значит, что любой приказ нужно исполнять, – необходимо руководствоваться христианской совестью и духовным рассуждением. Но в то же время надо понимать: кто хочет быть выше всех, тот должен принадлежать уже не себе, а тем людям, над которыми он как будто бы возвышается, вот это будет истинное христианское служение.

Так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих[180]. Господь наш Иисус Христос ставит нам в пример Самого Себя. Конечно, мы не можем подражать Ему как Богу, но подражать Ему как Человеку мы имеем право и даже должны. Он был идеальным, совершенным Человеком и потому достоин подражания.

В Евангелии можно найти и много других уроков смирения, преподанных нам Спасителем. Он использовал ситуации, в которых Ему приходилось «случайно» оказываться, для того чтобы поучать людей, которые вокруг Него находились. Хотя на самом деле ничего случайного вообще не бывает. Тем паче в жизни Спасителя даже самые мелкие события имели, наверное, огромное значение. Как-то, войдя в дом одного из фарисейских начальников, оказавшись в обществе почетных граждан, Он заметил, как званные выбирали первые места. Эти люди были подвержены распространенной человеческой немощи: считали, что благодаря своему положению в обществе они имеют право занимать определенные места, и очень этим правом дорожили. Между прочим, подобное долго было распространено и у нас в России. Русские бояре очень переживали, если на собраниях кто-то садился выше них. Потому что если этот человек один раз садился на почетное место, то потом мог ссылаться, как сейчас говорят, на прецедент и говорить, что тогда он уже сидел ближе к царю, чем такой-то боярин, и поэтому теперь он и все его потомки имеют право сидеть там же. Бояре чрезвычайно дорожили таким проявлением гордости, которое кажется нам смешным. Хотя у нас, может быть, такого нелепого проявления гордости нет просто потому, что мы никому не нужны и у нас нет повода показать свою значимость. Мы настолько незначительны, что нас никто никуда не приглашает и вперед не сажает, вот мы и смеемся над боярами, как плебеи смеялись над своими патрициями. А на самом деле этот смех рождается скорее от ущемленной гордости, чем от действительного превосходства.

Но вернемся к евангельскому эпизоду. *Замечая же, как званые выбирали первые места, сказал им притчу: когда ты будешь позван кем на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званых им почетнее тебя, и звавший тебя и его, подойдя, не сказал бы тебе: уступи ему место; и тогда со стыдом должен будешь занять последнее место. Но когда зван будешь, придя, садись на последнее место, чтобы звавший тебя, подойдя, сказал: друг! пересядь выше; тогда будет тебе честь пред сидящими с тобою, ибо всякий*

возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится[181]. Здесь, конечно, речь идет не столько о выборе места на пиру или в каком-нибудь почетном обществе, сколько о внутреннем смирении перед другими. О том, чтобы, видя в других превосходство над собой в том или ином отношении: умственном, нравственном, духовном или каком угодно, – не уязвляться этим, не завидовать этому, потому что такая зависть происходит от гордости. А отнестись к этому спокойно, посчитать себя достойным такого унижения. К этому надо готовиться заранее: думать о себе, что ты меньше и ниже других, и, образно говоря, усаживать себя на последнее место, а когда обстоятельства нас действительно, как нам кажется, унижают, стараться бороться с собой и смиряться с этим унижением. Надо сесть на последнее место – и тогда Господь устроит так, что мы сядем выше. Но не в том смысле, что нас, допустим, повысят в должности или продвинут в церковной иерархии. Нет, мы будем возвышены пред Богом, возвышены близостью к Нему, а это несравненно дороже, чем одобрение любого человека, не только власть имущего, но даже и духовного. Потому что, как я говорил, и духовные люди могут ошибаться, как ошибся праведный патриарх Исаак. Итак, мы должны всех предпочитать себе, всех считать лучшими себя, и тогда Господь будет нас возвышать, хотя и перед людьми, но невидимо для них, возвышать духовно.

И наоборот, кто будет считать себя достойным духовных благ, духовной высоты, тот будет унижен, будет лишен благодати, которой считает себя достойным и на которую рассчитывает. Так сказано в притче: *Когда ты будешь позван кем на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званых им почетнее тебя, и звавший тебя и его, подойдя, не сказал бы тебе: уступи ему место; и тогда со стыдом должен будешь занять последнее место.* То есть может случиться, что мы, мечтающие приобрести какое-то преимущество даже в самом невинном, духовном смысле, считающие себя достойными обилия благодатных даров или добродетелей, можем быть унижены и поставлены гораздо ниже того человека, которого мы презираем как нерадивого и

неспособного к духовной жизни. Тем более мы будем унижены, если мы мечтаем о высоком положении в обществе или о других земных преимуществах. При этом совершенно неважно, какое положение мы будем занимать в глазах человеческих. Здесь также надо сделать оговорку и предостеречь от слишком буквального понимания Евангелия. Не надо думать, например, что монах, который хочет быть архимандритом, им никогда не станет. Нет, он может действительно стать архимандритом и в глазах человеческих обладать авторитетом, а внутренне оказаться лишенным благодати.

Человек может иметь высокий статус: он епископ, патриарх или знаменитый духовник, а внутренне – пуст и унижен Богом по той причине, что он сам себя возвысил. И тот, кто по видимости всех превосходит, на самом деле ниже всех. Нужно понимать, о каком возвышении и унижении говорит нам Господь. А когда мы понимаем все буквально и ждем видимых результатов, тогда нам кажется, что обетования Евангелия не сбываются и что данный случай – это какое-то исключение. Евангельские законы не допускают исключений. Это нужно обязательно усвоить, потому что иначе жить по Евангелию просто невозможно.

И наконец, перед своими страданиями Господь наш Иисус Христос на Тайной вечери уже не притчей, но самим примером показал, как нужно смиряться. *Во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искариоту предать Его, Иисус, зная, что Отец все отдал в руки Его, и что Он от Бога исшел и к Богу отходит, встал с вечери, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался. Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан*[182]*.* Апостол Иоанн Богослов подчеркивает, что Господь смирился именно в полноте сознания того, что Он Сын Божий и Бог: *зная, что Отец все отдал в руки Его, и что Он от Бога исшел и к Богу отходит*. Спаситель смирился не так, как может смириться всякий человек, унизив себя при своей, так сказать, скромной высоте – но смирился как обладающий неизмеримым, непостижимым, бесконечным величием.

Влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан. Такой обряд был в древности, но обычно это делали младшие старшим. В данном же случае не просто старший, но Учитель и Господь умыл ноги ученикам. *Подходит к Симону Петру, и тот говорит Ему: Господи! Тебе ли умывать мои ноги? Иисус сказал ему в ответ: что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после. Петр говорит Ему: не умоешь ног моих вовек. Иисус отвечал ему: если не умою тебя, не имеешь части со Мною*[183]. Апостол Петр по своему человеческому разумению не мог этого понять, не мог допустить, чтобы Господь умывал ему ноги, и хотел этому воспрепятствовать, не понимая, в чем состоит смирение. А смирение состоит не только в том, чтоб самому унизиться перед кем-то, но и в том, чтобы принять искренне смиренное служение другого человека. *Петр говорит Ему: не умоешь ног моих вовек. Иисус отвечал ему: если не умою тебя, не имеешь части со Мною.* Апостол Петр был настолько уверен, что он не достоин того, чтобы Господь Иисус Христос умывал ему ноги, что даже поклялся: *не умоешь ног моих вовек*. Но Спаситель, желая научить Петра смирению, сказал ему, что если не умоет его ног, тогда тот не будет иметь с Ним части, то есть погибнет. Смиряясь перед апостолом Петром, Господь и его смирял.

Симон Петр говорит Ему: Господи! не только ноги мои, но и руки и голову. Иисус говорит ему: омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь; и вы чисты, но не все[184]. Здесь, конечно, содержится намек на Иуду Искариотского. А ноги омытому нужно умыть, потому что христиане, имеющие искренние намерения и стремления, хотя и чисты, но им необходимо еще и смирение, потому что без смирения вся их чистота не принесет им пользы. Как не принесла бы она пользы апостолу Петру, если бы он отказался от того, чтобы Спаситель перед ним смирился таким образом. То есть в человеке должна быть и чистота и смирение, которое его окончательно очищает. Иначе человек может загордиться и самой чистотой таким образом осквернив свою душу.

Когда же умыл им ноги и надел одежду Свою, то, возлегши опять, сказал им: знаете ли, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам[185]. Если наш Учитель и Господь умыл ноги ученикам, значит, и мы должны смиряться перед теми, кого считаем низшими. Спаситель, конечно, думал только о пользе учеников, а мы должны смиряться, думая не только о пользе других, но и о своем спасении. Ибо смирение приносит пользу и тем людям, которые стоят ниже нас и от нас зависят, и нам самим – оно нас самих спасает и очищает.

Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам. В древности был обряд омовения ног, и христиане, когда к ним приходили гости, в особенности странники, омывали им ноги. Но суть не в буквальном исполнении обряда, а в том, чтобы покрывать естественную немощь ближнего. Почему умывают ноги? Потому что любой человек, передвигаясь, неизбежно пачкает свои ноги, и поскольку он не может летать по воздуху, то всегда будет, если так можно выразиться, не совсем чист. Поэтому омовение ног есть образ покровения этой малой нечистоты, которая есть у всех. Апостол Павел говорит: *Любовь все покрывает*[186]. Можно то же сказать и о смирении: оно все покрывает. Смиренный человек не видит грехов своего брата, понимая, что все мы ходим по земле и все мы загрязняемся. Вот это, мне кажется, и есть образ смирения, который Господь показал своим ученикам: мы должны жалеть друг друга, снисходить к согрешениям друг друга, понимая, что их не избежать и что нельзя строго судить друг друга.

Истинно, истинно говорю вам: раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его[187]*.* Господь наш Иисус Христос не только преподал нам заповеди, не только научил нас, как совершать свое спасение, но и показал пример. И если мы даже не захотим поверить Евангелию, не захотим исполнить заповедь о смирении, то сам пример Спасителя должен нас устыдить и заставить все-таки смиряться друг перед

другом. Потому что только тогда мы действительно можем называться его рабами, Его посланниками, Его учениками. Господь сказал: *Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете*[188]. То есть если мы искренне, на самом деле познáем то, что жить иначе невозможно, и убедимся в этом, то мы будем блаженны, потому что не сможем не исполнить того, что знаем. И тогда смирение друг перед другом будет нас окончательно очищать, делать способными к вечной жизни и действительно смиренными сердцем. Ибо то, что не в сердце, нам еще не принадлежит. *Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем*. Вот к чему мы должны стремиться – к сердечному, искреннему, полному, христоподражательному смирению.

* * *

Святые отцы дают такой совет: когда тебя ругают, поносят, воспринимай бранные слова так, будто они относятся не к тебе. Но мне кажется, что так можно впасть в пренебрежение ближним. Видимо, это применимо не во всяком случае?

Имеется в виду не в буквальном смысле воспринимать поношение так, будто оно относится не к тебе, а сохранять в душе такое же спокойствие, будто обидные слова говорят не тебе. Вот что, мне кажется, имеют в виду святые отцы, иначе это действительно будет пренебрежением. Однако иметь такое восприятие – это скорее результат, чем средство. Средства – молитва, унижение себя, смирение перед ближним, результат же – спокойствие при поношении.

Можно ли говорить: «Значит, так надо» – в любой ситуации, произошло ли что-то хорошее или плохое, угодное Богу или неугодное? Ведь все в нашей жизни совершается или по Промыслу, или по попущению Божию.

Конечно, так говорить не нужно. Допустим, ты согрешила и говоришь: «Значит, так надо». Получается, что грешить надо? Можно ли сказать: «Но для чего-то это было надо», если человек, допустим, украл? Ты ему объясняешь: «Это же плохо, ведь сказано: *Не укради*» (Исх. 20:15). А он тебе возражает:

«Если бы это не было для чего-то нужно, Бог бы этого не допустил».

Получается, что узнать волю Божию можно только из того, что дело получилось, а если не получилось, значит, оно и не нужное. Рассуждая таким образом, можно много глупостей наделать. Это неразумное поведение человека, который не отличает воли Божией от воли человеческой.

Что такое попущение Божие? Это значит, что человеческой или демонической воле в определенных пределах разрешено действовать. Конечно, Бог использует эту злую человеческую или демоническую волю для спасения человеческого рода. Однако необязательно для спасения того человека, через которого совершается это действие Промысла Божия. Есть разумные исполнители воли Божией, действующие сознательно, а есть люди, через которых она совершается, несмотря на их слепоту. Допустим, Иуда Искариотский предал Спасителя, а Понтий Пилат приговорил Его к распятию – через этих людей совершилось величайшее дело спасения, но это не означает, что они сделали доброе дело. Они совершили величайшее зло, богоубийство, но Бог использовал их злую волю для нашего спасения. Однако им самим это на пользу не пошло.

То же самое бывает и в мелких делах: одно бывает для нас спасительным, а другое – предосудительным, содержащим зло, хотя из него, может быть, для кого-то и получится добро. Более подробно я не буду говорить на эту тему, она слишком серьезна. Итак, говорить в любой ситуации: «Значит, так было надо», не следует, потому что мы будем себя все время таким образом оправдывать.

У меня был один очень ленивый знакомый – художник. Ему надо в мастерскую идти, а он сначала выспится, потом не спеша помолится, потом что-нибудь почитает или о чем-нибудь подумает – все, полдня прошло. Они по утрам встречались с другом, а потом вместе уезжали в мастерскую. Вот мой знакомый приходит – друга, который руководил работой, уже нет, он уехал. А мой знакомый говорит: «Ну, значит, так Богу угодно» – и идет домой. Так у него все было угодно Богу, и он был совершенно спокоен, а работы никакой не делал. Чем это

кончилось? Поскольку он совершенно не имел критического мышления – все у него было угодно Богу, – то он впал в прелесть, а она привела к сумасшествию.

Разъясните, мне, пожалуйста, фразу, которую вы сказали на одной из прошлых бесед, что лучше гордым попасть в рай, чем со смирением попасть в ад. Я не понимаю, так как святые отцы пишут, что смирение приводит к спасению.

Я не имел в виду, что гордый человек попадет в рай, а смиренный в ад, но сказал это для того, чтобы мы не абсолютизировали добродетели и не считали, что они имеют значение сама по себе. Мы должны думать о спасении души, а не о духовном совершенствовании как о конечной духовной цели.

Духовное совершенствование – это в конечном счете средство, я и выразил эту мысль в такой абсурдной форме: лучше гордым быть, но в раю, чем смиренным, но в аду. Апостол Павел говорит подобным образом: если бы человек, не имеющий любви, даже чудеса творил и мертвых воскрешал, то не получил бы от этого никакой пользы. Но разве может человек, не имеющий любви, воскрешать мертвых? Конечно же, человек, имеющий такой благодатный дар, как воскрешение мертвых, имеет и любовь. Но это сказано именно с целью противопоставления: даже если бы так было… Подобным образом выразился и я: если бы можно было гордым попасть в рай, то лучше гордым попасть в рай, чем смиренным – в ад.

Но в известном смысле и такое возможно. Если человек будет смиряться перед диаволом, перед злом, то он попадет в ад. Если человек будет гордиться перед диаволом, не будет злу уступать, то он попадет в рай.

Есть желание смиряться, но кажется, что для этого не представляется случая. Это от того, что нет рассуждения или из-за действия страстей?

Тут нужно разобраться. Если ты любишь смиряться, а тебя никто не смиряет, то это одно. Но совсем другое – когда ты везде настаиваешь на своем: мол, здесь нельзя смиряться, нужно быть принципиальным. А того случая, при котором ты с

удовольствием смиришься, тебе не предоставляется. Это, конечно, просто гордость и самооправдание.

А если тебе не перед чем смиряться по той причине, что ты всегда уступаешь и перед всеми смиряешься, что бы тебе ни делали, то это прекрасно. Если ты даже не видишь, что тебе нужно смиряться, значит, ты достиг глубочайшего смирения.

Что такое смиреннословие?

Смиреннословие – мнимая добродетель, когда человек говорит о себе смиренными словами, а на деле таким не является. Этот порок встречается настолько часто, что трудно им не заразиться. Святитель Игнатий приводит один замечательный пример смиреннословия. Некоторый монах обличал себя в каких-то грехах, и так убедительно, что слушатели ему поверили. И тогда монах огорчился. Понимаете? Поставьте себя на его место, ведь все мы бываем в подобной ситуации. Например, мы говорим: «Да, я грешный человек» – или: «Я малограмотный, мало читаю». Но если тот, кому мы это говорим, поверит, что мы на самом деле такие, нам это не понравится, не правда ли? Мы называем себя грешными или малограмотными не потому, что так думаем, а потому, что желаем возвыситься перед теми людьми, которые почитают смирение добродетелью. То есть мы просто хвастаемся с примитивной мужицкой хитростью. Говорим: «Я плохой», а наш собеседник должен сказать: «Наоборот, ты хороший». – «Нет, я плохой». – «Да нет, ты хороший». – «Нет, я грешник». – «Ну что ты, совсем не так!» Нам это приятно, очень трудно от этого отказаться.

Мой духовник, покойный отец Андрей, не говорил так о себе никогда. Не было случая, чтобы он сказал: «Я грешник, такой-сякой». Но когда его оскорбляли, унижали или обращались с ним как с ничтожным человеком, он на это никак не реагировал. Один раз его страшно оскорбили. Однажды ему нужно было ехать причащать больного, а люди, которые должны были его проводить, где-то задержались. Было утро, в монастыре служили полунощницу. Пели тропарь «Се, Жених грядет…» – и все братья выстроились посередине храма. Поскольку отец Андрей собрался на требу, то не взял с собой ни мантии, ни

клобука. Но он очень любил монастырскую жизнь и братьев, отказаться от участия в сходе не мог и тоже вышел на середину храма, без формы. И тут наместник ему сказал: «Ты как Иуда». Представьте себе: он сказал это уже пожилому человеку, в сане игумена, который был с детских лет воспитан в вере, с тридцати лет пребывал в монастыре, имел множество духовных чад. И ему, человеку совершенно безупречной жизни, при всех братьях говорят: «Ты как Иуда». Когда я узнал об этом случае от отца Андрея, то возмутился: «Как же он мог такое сказать?!» А отец Андрей ответил: «Да он немощный», – и не видно было, чтобы он на него сердился. Можно было бы привести много других примеров того, как его в этом монастыре унижали, оскорбляли. Если он иногда и обижался, то ненадолго, обида быстро проходила. Он говорил, что обидеться может и святой, а вот держать зло – уже нехорошо.

Об искреннем смирении отца Андрея свидетельствуют и другие случаи. Как-то я заболел, и мне назначили курс водолечения. Вы, наверное, знаете, как это бывает: заматывают человека в специальную мокрую рубаху, накрывают одеялом, и спустя некоторое время через поры кожи выходят шлаки. Тогда отец Андрей уже служил в другом, женском монастыре, и я к нему приехал. В этой обители была одна сестра, разбиравшаяся в водолечении, она многим помогала, но за мной она, как женщина, ухаживать не могла: ведь меня надо было сначала заматывать, а потом разматывать. И отец Андрей взял это на себя. Кроме того, после такого лечения из организма за короткое время с мочой выходят вредные вещества. И отец Андрей выносил за мной ведро. Он – мой наставник, духовник монастыря, игумен, а главное, человек, неизмеримо превосходящий меня в духовной жизни, не стыдился это делать. Не знаю, был ли способен я сделать для него подобное, а он за мной так ухаживал. И главное, на что следует обратить особое внимание, делал он это совершенно спокойно, без всякой рисовки: просто брал ведро и выносил.

Тем не менее от него никогда нельзя было услышать: «Я грешник», «Я плохой», «Я невежественный». Он не говорил о себе ни хорошего, ни плохого, но когда бывали случаи

смириться, он смирялся. Для меня он навсегда останется примером истинного, неподдельного смирения. Оно, конечно, было у отца Андрея уже не просто человеческим, но даром Божиим.

Я действительно считаю себя грешной и ничтожной тварью. Как узнать, искреннее ли это чувство?

Одно дело почитать себя таким в уме, и другое – искренне, в сердце это чувствовать. Когда преподобный авва Дорофей сказал своему старцу, Варсонофию Великому, что считает себя хуже всей твари, тот ему ответил: «Если твои поступки не соответствуют тому, что ты о себе думаешь, то это не истинная добродетель, а насмешка демонов». Авва Дорофей был человеком умным и сразу понял, о чем идет речь. Он сознался: «Да, отче, я не считаю себя ниже всей твари, но вижу, что должен так о себе думать». Тогда Варсонофий Великий сказал ему: «Вот теперь ты стал на путь смирения». То есть авва Дорофей признался, что просто имеет теоретическое представление о том, что надо было бы ему так думать, но на самом деле такого искреннего о себе мнения у него нет. Это очень важно.

Один монах в подражание авве Нестерою говорил: «Я осел». А старец ему сказал: «Ты не имеешь права так себя называть, потому что когда авва Нестерой именовал себя ослом, то имел в виду, что он, как осел, все вытерпит, а ты ведь ничего не вытерпишь». Надо научиться смотреть на себя трезво, лучше признать, что у тебя нет смирения. И это будет более серьезное, глубокое смирение, чем такая вот игра: «Я ничтожная тварь». Я тоже могу называть себя разными оскорбительными словами и, может, иногда даже называю, когда никто не слышит, но, скорее, я позволяю себе это для утешения. «Ах ты дурак, что ж ты сделал?» Но это же не значит, что я на самом деле считаю себя глупым. Если мы так себя укоряем, то чаще всего делаем это шутя и любя. Не так ли? Очень трудно научиться не играть.

Чем отличается смирение, скромность от комплекса неполноценности?

Скромность – это понятие вообще не аскетическое, а светское. Человек может вести себя скромно потому, что он хорошо воспитан или просто застенчив, но это не значит, что он смиренный. Иной, наоборот, может быть невоспитанным, не знающим правил вежливости, но смиренным. Он, возможно, иногда грубоват в обращении, не всегда говорит «простите» и «пожалуйста» и ведет себя так, что неопытный человек сочтет его дерзким. А на самом деле он просто не обучен правилам приличия. И наоборот, человек внешне скромный на самом деле может быть крайне гордым. Такой, однако, умеет себя вести, знает, кому, когда и где поклониться, когда сказать «спасибо», когда – «пожалуйста», где скромно улыбнуться, где сделать серьезное лицо; он не выставляет себя, не высказывает откровенно своих мыслей, возможно даже хороших и, таким образом, производит впечатление человека смиренного. Но иногда скромность действительно бывает проявлением смирения.

Но если скромность – понятие двусмысленное, то комплекс неполноценности – вполне однозначное. Оно совершенно светское и, если не ошибаюсь, берет свое начало от философии Зигмунда Фрейда. Конечно, ничего общего со смирением комплекс неполноценности не имеет. Иногда он представляет собой обличение совести, а иногда – ущемленную гордость. Допустим, девушка видит, что она некрасивая, и от этого переживает, или человек чувствует, что по своим умственным способностям уступает тем, кто его окружает, и оттого скорбит. Или кто-то завидует своим богатым соседям, друзьям и ощущает себя по сравнению с ними каким-то неполноценным. А иного гложет совесть: он видит свои пороки и чувствует себя ущербным по сравнению с людьми нравственными. Подлинное же смирение, как говорят святые отцы, состоит не в том, что совесть тебя в чем-то упрекает, оно приходит тогда, когда человек примирится с совестью. Поэтому не нужно путать обличения совести со смирением.

Как же психоанализ Фрейда предлагает бороться с комплексом неполноценности? Допустим, некрасивая девочка хочет быть красавицей. Она не желает увидеть себя такой, какая

она есть на самом деле. Она оденется вызывающим образом, как следует накрасится, воспользуется разными духами и дезодорантами – и вот у нее уже нет комплекса неполноценности. Или человек со скромными умственными способностями и скромным образованием научится развязно говорить, вовремя, при ком нужно произносить слова иностранного происхождения и будет казаться очень умным. Так он победит свой комплекс неполноценности. Или человек имеет какие-то страшные пороки, наклонен к противоестественному разврату например. С точки зрения психоанализа это ничего не значит. Такому человеку внушат: «Ничего страшного, чувствуйте себя свободно, это всего лишь особое свойство, просто вы принадлежите к сексуальным меньшинствам». По логике фрейдизма выходит, что люди с самыми разнообразными страшными пороками, с душевным уродством – полноценны. Психоанализ, очень распространенная на Западе разновидность психологии, вместо того чтобы призывать людей к покаянию, внушает им, что, несмотря на все свои недостатки и пороки, они нормальны: «Живите спокойно, не мучайтесь, не страдайте». Психоанализ есть нечто противоположное исповеди.

А вообще, мне кажется, что гораздо страшней комплекса неполноценности – комплекс полноценности. Страшно, когда человек уверен, что он во всех отношениях полноценный: красивый, умный, образованный, богатый… Общаться с подобными людьми очень тяжело. Например, заходит некто с комплексом полноценности в автобус, грубо себя ведет, матерится, и люди неполноценные не знают куда деваться от этого «полноценного».

Добавлю, что я бы посоветовал православному христианину понятие «комплекс неполноценности» выбросить из своего ума и лексикона и никогда, даже в самом расхожем смысле, не употреблять выражений типа: «У меня (или у тебя) комплекс неполноценности». Мы порой сами не знаем, что говорим.

Если я вижу ближнего, который больше меня преуспел в смирении и молитве, то появляется зависть. Каким рассуждением преодолевать это чувство?

Если человек духовный видит, что кто-то превосходит его смирением и молитвой, как он на это реагирует? Он радуется, что кто-то лучше его.

Зависть, как определяет ее преподобный Иоанн Дамаскин, есть страдание от вида чужих благ Ты считаешь себя лучше этого человека, думаешь, что ты более достоин смирения и молитвы – поэтому и завидуешь. Я думаю, это происходит от гордости. Если бы ты думал о себе смиренно, ты бы радовался, что кто-то лучше тебя.

Всем известны слова апостола Павла, которые мы повторяем перед причащением: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога Живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от нихже первый есмь аз». Так что же, апостол Павел огорчался от того, что он первый из грешников и, так сказать, хуже всех? Он же от своего смирения не огорчался.

А какими рассуждениями это преодолевать? Если страсть действует в человеке сильно, никакие рассуждения не помогут. В этом случае необходима усиленная молитва, а не рассуждения. И тогда уже от благодати Божией произойдут и правильные рассуждения. А так чем ты сможешь себя убедить? И так все ясно, без всяких вопросов и ответов, что зависть – это плохо. Как бы ты ни рассудил, диавол, если ты вступишь с ним в беседу, еще больше тебя запутает и все равно выйдет победителем в этом споре.

Когда я молюсь в течение дня, то эта молитва не чиста от суетных помыслов и дневных забот, иногда читаю ее чисто механически. Смущает то, что, привыкнув творить эту молитву без максимального внимания, я уже не смогу на вечернем правиле добиться такой внимательной молитвы, о которой мы всегда говорим и которой желаем.

Как бы механически мы ни молились, это лучше, чем не молиться совсем. По возможности нужно понуждать себя к вниманию, но у разных людей это получается в разной степени. Иное дело, когда понуждает себя к вниманию такой человек, как старец Силуан Афонский, а иное – когда понуждает себя обыкновенный человек. Для старца Силуана понуждение к

вниманию – это восхи́щение ума к Богу, а для нас понуждение ума – это какое-то малое умиление.

Кроме того, во время дневных забот не может не быть мыслей о них. Не могу же я не думать о том, что делаю! По словам преподобного Нила Сорского, от таких мыслей были несвободны даже великие угодники Божии. Ведь и сам Антоний Великий, который занимался плетением корзин, думал, где ему взять для них пальмовые ветви. Не нужно искать такого безмолвия, чтобы никогда ни о чем не заботиться, как ангелы. Здесь уместно вспомнить то, что произошло с преподобным Иоанном Коловом. Однажды он решил молиться, как ангел, не развлекаясь никакими заботами, никакой суетой, в том числе и рукоделием. Скинул с себя одежду и ушел в пустыню в надежде, что Господь о нем попечется. Ему оказалось достаточно одной ночи. В Египте очень резкие перепады температуры: днем жара, а ночью очень холодно. И вот, когда наступила ночь, он не выдержал, пришел к келье, в которой подвизался вместе с родным братом, и стал стучать в дверь. Брат его спрашивает: «Кто это?» – «Это я, твой брат Иоанн». «Нет, – отвечает тот, – мой брат молится вместе с ангелами, а ты демон, уходи отсюда». Иоанн просил его пустить, а тот говорил: «Нет, ты демон, не искушай меня». Но в конце концов брат (а он решил нарочно его проучить) утром принял его и сказал: «Ты человек и поэтому должен трудиться, чтобы иметь пропитание». Тогда Иоанн стал действительно более благоразумен. Рассказываю это для того, чтобы и с нами не случилось такого, как с Иоанном Коловым.

Я живу одна и боюсь будущей старости. В храм хожу редко, устаю стоять на службах. Скажите что-нибудь в утешение.

Старости бояться – это, с одной стороны, естественно, с другой – нужно положиться на волю Божию. Если мы будем молиться и каяться, то Господь как-нибудь все устроит: может быть, найдутся люди, которые будут нам помогать и утешать нашу старость. Но даже если случится так, что за нами некому будет ухаживать и нам придется терпеть лишения, то нужно будет отнестись к этому с верой и считать, что эти скорби

попущены Богом ради нашего спасения. Давайте вспомним евангельского Лазаря, который лежал перед вратами богатого дома и мечтал, чтобы со стола богача ему упали хотя бы крошки. А псы облизывали гной с его ран. Но Лазарь после смерти был восхищен на лоно Авраама, а богач, который имел полное довольство во всем, попал в преисподнюю. Даже лишения часто бывают средством для нашего спасения, поэтому мы должны думать о вечности и все упование возложить на Бога. Пошлет Господь утешение в старости – возблагодарим Его. Не пошлет утешения – будем считать, что эти скорби мы терпим за наши грехи, и главное, чтобы в будущей жизни Господь нас помиловал.

В храм нужно обязательно ходить хотя бы в субботу вечером и в воскресенье утром, а также в канун праздничных и в сами праздничные дни. Если стоять тяжело, можно какую-то часть службы сидеть, но все-таки присутствовать в храме.

У меня есть сильная и давняя страсть, с которой у меня никак не получается бороться, все время падаю. Как быть? Уже начинаю отчаиваться…

Если человека мучает какая-то страсть, к которой он привык, если его вновь и вновь тянет ей поддаться, нужно, конечно же, прежде всего, молиться: читать Иисусову молитву и отсекать эти греховные помыслы. Очень полезно почаще исповедоваться, подробно рассказывать именно эти помыслы, даже не обязательно после этой исповеди причащаться. Просто иногда человек боится, что он не готов к причащению, и поэтому не идет исповедоваться. Нельзя так накрепко связывать причащение и исповедь. Перед причастием действительно всегда должна быть исповедь, но после исповеди не всегда должно быть причащение.

При хульных или блудных помыслах нужно ли усиливать Иисусову молитву с поклонами? Что важнее для отражения помыслов: напряжение ума или телесный подвиг?

При хульных помыслах не должно быть с нашей стороны вообще никакого напряжения и усилия, потому что, борясь с ними, мы тем самым их усиливаем. По отношению к хульным

помыслам полезно полное пренебрежение ими и презрение к ним. Блудные помыслы также нужно презирать, но не в том смысле, чтобы не обращать на них внимания, а в том – чтобы понимать, чувствовать, что Господь нам поможет, если мы проявим хотя бы некоторое усилие. При блудных помыслах полезно усиливать внимание в молитве, делать поклоны.

Относительно того, что полезней – внимательно помолиться или сделать поклоны, то это, я думаю, зависит от здоровья. Если человек очень крепкий, и блудная брань в нем действует просто от избытка здоровья и сил, то ему полезно и поклоны делать. Но если он физически утомлен или болен, то ему, конечно, не до поклонов. Внимание полезно всегда, поклоны – в зависимости от физического состояния человека вообще и в данной ситуации. Конечно же, важнее напряжение ума, поэтому поклоны нужно делать так, чтобы они приводили к вниманию в молитве. Если они к этому не приводят, тогда их незачем и делать, это просто физкультура. Когда человек разумно совершает те или иные телесные подвиги: делает поклоны или постится, – то это физическое угнетение должно вызывать сокрушение в сердце, некое покаянное чувство. Конечно, не всегда это бывает. Например, люди, находившиеся в лагерях, воспринимали телесные скорби по-разному. Новомученики, исповедники российские делали из них выводы, какие должен был делать христианин, и извлекали из них пользу для своего спасения. А многие уголовники и те, кто был заключен в тюрьму без вины, никаких выводов не делали, они были одержимы страстями и совершали всевозможные грехи, в том числе и смертные. Так что утомление только тогда хорошо, когда оно соединено с духовными добродетелями.

Как сохранить смирение, если видишь, что в чем-то начинаешь исправляться, приобретаешь добродетели?

Мы должны стараться быть слепыми к своим добродетелям, не думать о них и, тем паче, не вспоминать о них в молитве. Если мы будем видеть только свои грехи, а добродетели оставлять позади себя, как бы уже ничего не значащие, сделанные между прочим, тогда изречение святого апостола Павла: *Забывая заднее, простираюсь вперед*[189] –

будет относиться и к нам. То есть он пренебрегает сделанным добром, не придает ему значения, не сосредотачивается на нем, а стремится к новым достижениям, к тому, чтобы более и более преуспевать в добре.

Конечно, не всегда мы можем быть слепы к своим добрым делам, которые иногда совершенно очевидны: если я подал милостыню или усердно помолился, я не могу этого не видеть и не помнить об этом. Но я должен не придавать этому значения, считать это чем-то обыкновенным, само собой разумеющимся или даже осквернённым какими-нибудь грехами и потому недостойным Бога. Если я внимателен к себе и вижу, что, совершая милостыню, я несколько потщеславился или мне пришлось преодолевать сребролюбие, то будет мудро сосредоточиться не на доброй стороне своего дела, а на греховной: на сребролюбии, тщеславии или других страстях, которые в этот момент проявились. Это и будет истинным смирением – не видеть своих исправлений.

Царь Давид был богат, много воевал и пролил много крови, но Бог его не оставлял и Дух Святой пребывал в нем. Почему же так?

Потому, что царь Давид исполнял волю Божию. Все очень просто. А царь Саул, например, пожалел одного царя, взятого им в плен и из-за того, что он не убил его, как заповедал ему Господь, он был наказан. Дух Святой пребывает с тем, кто творит волю Божию, а не с тем, кто просто не проливает крови. Ведь если бы святой благоверный князь Александр Невский не проливал крови врагов Отечества и Церкви, то они пролили бы кровь христианскую и уничтожили христиан. Не нужно думать, что убивать – это всегда грех, а снисходить – это всегда хорошо. Лев Толстой, например, говорил, что нельзя сопротивляться злу насилием. И что из этого вышло? Он своей пропагандой разложил армию и в значительной степени способствовал тому, что Россия, могучая держава, потерпела позорное поражение в войне с гораздо менее сильным государством, Японией.

Скажите, как понять, что ты поддаешься мнительности? И как с ней бороться?

Боюсь, чтобы вместо борьбы с мнительностью вы не начали бороться с внимательностью к себе. Их нужно различать. Мнительность, действительно, опасна: она делает человека постоянно неуверенным в себе, постоянно колеблющимся, лишает его той решительности и мужества, которые необходимы в христианской жизни. А внимание, наоборот, необходимо. Часто эти две вещи путают, и люди, стремящиеся научиться внутреннему вниманию, впадают в мнительность. Дать простой совет: «Чтобы избавиться от мнительности, нужно сделать то-то и то-то» – трудно. Наверное, нужно обратиться к какому-то более или менее опытному духовнику, привести ему примеры того, что мы почитаем мнительностью, и отделить мнительность от разумной осторожности.

Могу привести самые очевидные примеры мнительности. Например, человек утром случайно уронил молитвослов, а днем разбил себе колено и решил: вот, это меня Бог наказал. Или у кого-нибудь появились греховные помыслы, а он думает, будто это происходит потому, что он, допустим, не успел у батюшки взять благословения или взял его как-то неправильно. Это, конечно, мнительность. Человек придает особенное значение нечаянным, второстепенным даже не проступкам, а оплошностям. Часто бывает, что такой человек впадает в своего рода фарисейство: грехов он не видит, а видит только мелкие ошибки, даже не нравственного характера, а те, которые могут быть у всякого человека, даже весьма и весьма духовного. И получается у него по предостережению Спасителя: *Горе вам, книжники и фарисеи, ибо вы оцеживаете комара, а верблюда поглощаете*[190]. То есть вы стремитесь к тому, чтобы не проглотить насекомое, и поглощаете верблюда. Этого, несомненно, нужно избегать и бороться с этим: больше думать о нравственности, о своем внутреннем, а не внешнем состоянии, фактически ничего не значащем.

Бывает, впрочем, мнительность и в нравственных вопросах. Допустим, человек подозревает в себе такие грехи, которых в нем нет, или боится искушений, которых миновать невозможно или которых, наоборот, у него не будет. Например, боится заниматься Иисусовой молитвой, думая, что обязательно

впадет в прелесть. Или, скажем, пришел человеку в голову какой-нибудь нелепый греховный помысел и он из-за него считает себя уже недостойным находиться в церкви или думает: «С такими мыслями я не могу находиться в монастыре!». Он забывает о том, что греховные помыслы – это совершенно естественно и что ради борьбы с ними люди и приходят в монастырь.

Но все же трудно объяснить это на абстрактных примерах. Что для одного является мнительностью, то для другого внимательностью, нельзя всех стричь под одну гребенку. Это очень тонкий духовный вопрос. Желательно все-таки обратиться к опытному духовнику и ему рассказать, в чем конкретно выражается твоя мнительность, и если это действительно она, то духовник и подскажет, как с ней бороться.

Как бороться с помыслом: «Я обязательно спасусь»?

Смотря как он проявляется. Если это надежда на милость Божию, то это хорошо. А если в виде уверенности, которая ведет к нерадению, лишает человека покаяния и ревности к духовным занятиям, то это, конечно же, прелесть, это отвратительно, и этого нужно избегать. Это гордость, обычно свойственная сектантам. Иоанн Лествичник говорит: «Неизвестное недостоверно». Поскольку точно неизвестно, помилует нас Бог после смерти или нет, мы должны понять, что это недостоверно. И, усомнившись в своем спасении, должны не прийти в отчаяние, а начать трудиться для того, чтобы действительно сделать спасение возможным для себя, приобрести надежду.

Если забывать свои добродетели не удается, то можно ли считать их чужими, Божиими, к тому же данными на время? Ведь Бог может и забрать то, что дал.

Да, это тоже одно из средств смириться – приписывать все Богу. На самом деле это не какой-то внешний прием, он таков лишь для тех, которые не проникли в суть этого состояния. А человек, имеющий духовный опыт, безусловно, понимает, что все добродетели, которые он имеет, дарованы ему Богом. Он знает, что если загордится, благодать от него отойдет и он лишится того, что казалось ему само собой разумеющимся,

естественным и привычным. Поэтому воспоминание о том, что мы всего лишимся, если благодать от нас отступит, очень смиряет нас и нам полезно.

Если Господь всемогущ, почему же сильный обижает слабого? Ведь Он мог бы создать на земле райскую жизнь, как и на небе? Почему не искореняются плохие люди, которые обижают и обворовывают слабых?

А тому, кто задал этот вопрос, не пришло в голову, что его в таком случае тоже могут «искоренить»? Он, наверное, думает, что у него грехов нет, он человек хороший и поэтому уже вне, так сказать, «искоренения». А может быть, он своих грехов просто не знает или пренебрегает ими, считает, что его грехи ничего не значат, а грехи других людей подлежат наказанию или считает, что он уже исправился. А вдруг бы его «искоренили» за год или за десять минут до того, как он исправился? Даже если мы теоретически допустим, что этот человек никаких грехов не имеет, но родители его могли иметь грехи. И если бы его родителей в свое время «искоренили», он бы тогда не родился. И вообще надо сказать, что этот человек, наверное, невнимательно читал Евангелие.

Спаситель сказал ученикам такую притчу: *Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел; когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Придя же, рабы домовладыки сказали ему: господин! не доброе ли семя сеял ты на поле твоем? откуда же на нем плевелы? Он же сказал им: враг человека сделал это. А рабы сказали ему: хочешь ли, мы пойдем, выберем их? Но он сказал: нет, – чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы*[191]. Если вы выдергаете «плевелы», то есть каких-нибудь грешных людей, то от них не родятся люди, может быть, предназначенные ко спасению, люди праведные. *Оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в снопы, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою*[192]. Что означает эта притча? *И, приступив к Нему, ученики Его сказали: изъясни нам притчу*

о плевелах на поле. Он же сказал им в ответ: сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; поле есть мир; доброе семя, это сыны Царствия, а плевелы – сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы. Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их. Кто имеет уши слышать, да слышит![193].

Собственно, здесь все объясняется. Невозможно на земле просто отделить добрых от злых. Вот, например, мы сами сейчас в Церкви – а вчера находились вне Церкви, были злыми и, может быть, даже врагами Божиими. Во-вторых, людям дарована свобода, которая проявилась еще в Адаме и Еве. И если бы люди были изначально лишены свободы, тогда они уже не имели бы образа и подобия Божия, это были бы уже не разумные существа, способные прославить Бога за Его бесконечную благость, а скорее существа, подобные животным. Человек, отвергающий существующий порядок вещей, жизнь со всеми ее скорбями, трудностями, несправедливостями, таким образом восстает против свободы и даже против существования человека. Может быть, он имел бы право требовать «искоренения» злых, если бы сам всегда свободно выбирал только одно добро. Но, я думаю, ни один искренний и трезвый человек о себе такого не скажет.

Как почувствовать сердцем, что ты великий грешник?

Это, как я сказал, бывает от внутренней борьбы. Чем строже человек относится к себе, чем упорнее борется с собой, тем больше он видит своих мысленных падений, тем больше смиряется – и в конце концов понимает, что, в сущности, он столь же великий грешник, как какой-нибудь убийца, развратник или вор. Он понимает, что если в нем есть нечто доброе, то это от Бога, а сам он ни на что не способен.

Настоящее смирение приходит именно от этой борьбы, а совсем не оттого, что мы должны обязательно совершить какой-

то тяжкий грех. Была такая секта в России – «покаянники», довольно смешная по своему учению. Они считали, что «не согрешишь – не покаешься», есть такая дурная поговорка. Грабили кого-нибудь, потом шли, заявляли на себя в полицию, их ссылали на каторгу, и они полагали, что таким образом несут покаяние. Такое неразумие происходит оттого, что люди не видят своих так называемых мелких прегрешений, которые на самом деле являются грубым, наглым попиранием Евангелия. Они недооценивают эти прегрешения, считают их ничего не значащими и поэтому начинают выдумывать, что для покаяния нужны какие-то особенные грехи.

О терпении скорбей

Христос преподал нам необыкновенный урок терпения. – О неизбежности скорбей. – Душевный мир достигается терпением скорбей и борьбой со своими страстями. – Почему самые близкие люди становятся нашими врагами. – «Без креста не увидишь и Христа». – О терпении и унынии. – *В терпении вашем стяжите души ваша*. – Нужно воспринимать Евангелие живо. – Причины наших искушений. – Об обидчивости, борьбе против страстей, гордости.

Сегодня мы поговорим о терпении скорбей. Конечно, всем известно учение святителя Игнатия (Брянчанинова) на эту тему. Оно основано на его личном опыте, изложено им весьма обстоятельно; прекрасно и тонко аргументировано выдержками из святоотеческих текстов. После святителя Игнатия, наверное, ничего нового на эту тему сказать нельзя, по крайней мере трудно. Но, собственно, цель нашей беседы состоит не в том, чтобы изложить нечто оригинальное и кого-нибудь удивить, а в том, чтобы преподать нравственный урок. Если для вас в беседе ничего нового не окажется, то, я думаю, можно эту беседу терпеливо выслушать и утвердиться в том, что вам уже известно. В этом уже будет польза.

Я буду основываться преимущественно на евангельских текстах, извлекая из памяти, по мере возможности, на этот счет и святоотеческое учение.

Прежде всего, Господь наш Иисус Христос Сам преподал нам необыкновенный урок терпения. Это настолько очевидно, что, казалось бы, бессмысленно об этом подробно рассуждать. Тем не менее мы должны воскресить в своей памяти евангельское повествование о том, как Спаситель терпел поношения, осмеяния, унижения и даже позорную крестную смерть.

В течение всей Своей земной жизни, от рождества и до крестных страданий, Спаситель проявлял необыкновенное терпение. Его терпение было преизобильным; иногда в Евангелии встречаются слова, на которые мы не обращаем

внимания, а они прекрасно характеризуют именно изобилие и преизобилие терпения, которым обладал Господь. Вспомним, например, то, как Он хотел войти к дочери Иаира и воскресить ее, но, из смирения, желая скрыть это чудо, сказал окружающим, что она не умерла, а спит, – тогда над Ним стали смеяться. Спаситель же никак не отреагировал на осмеяние, только сказал, чтобы все вышли, и сотворил чудо. Мы видим, что Господь не порицал этих людей, не уничижал их, Он просто не обратил внимания на их смех. Если мы сравним это со своим поведением, то увидим, что мы немощны и с трудом можем выдержать насмешки. Господь же не вменял их ни во что. Евангелие об этом повествует до такой степени просто, что мы, пробегая глазами текст, не придаем проявленному Им терпению никакого значения. Обо всем остальном, наверное, даже и говорить излишне, потому что терпение, незлобие, кротость Спасителя, проявившиеся в Его страданиях, ни с чем не сравнимы и самоочевидны.

Посылая Своих учеников-апостолов на проповедь, Господь наш Иисус Христос прежде всего преподал им урок терпения: *Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков*[194]. В этом образном выражении уже содержится необыкновенный урок, потому что здесь говорится о беззащитности, кротости истинных христиан и даже о той опасности, которой они подвергаются, находясь среди мира, среди врагов христианства. *Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас, и поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками*[195]. Здесь предсказывается гонение, которому подвергнутся истинные христиане, в особенности проповедники слова Божия, от врагов Церкви.

Когда мы читаем Евангелие, какая-то косность ума мешает нам остро воспринимать его и относить прочитанное к себе. Мы хотим, чтобы его учение, например о терпении скорбей, нас не касалось. Вот апостолов должны гнать, поносить, даже убивать, но к нам это не может относиться. Мы хотим, чтобы то или иное пророчество из евангельского учения обошло нас стороной,

чтобы лично мы были исключением из того порядка вещей, который открывает нам Господь Иисус Христос. Однако этот порядок, как открытый Богом, является незыблемым, и мы не имеем никакого права и основания претендовать на то, чтобы нам в жизни ничего терпеть не приходилось.

Возьмем сравнительно недавний исторический пример. Россия до 1917 года была государством православным, хотя, конечно, в это время уже наблюдалось значительное охлаждение веры. Церковь была под покровительством государства, хотя и здесь можно было бы сделать некоторые оговорки, но на уровне бытовом православие поддерживалось. Казалось бы, ничто не говорило о грядущей катастрофе. Люди жили, спокойно исповедуя православную веру, молились, пользовались всеми благами, предоставленными им в этом отношении православной монархией. Россия в то время была одним из самых могущественных государств в мире. Но произошла катастрофа, и нежданно-негаданно люди, которые полагали, что православная русская держава будет вечной, – увидели, как все рухнуло и православие стало в России религией гонимой. Они увидели, что всякое проявление ревности о православии теперь воспринимается как государственная измена, что христиан, в особенности священнослужителей, ссылают и даже казнят только за то, что они являются служителями Церкви.

Этим людям, привыкшим к благополучию и спокойствию, в одно мгновение пришлось столкнуться с теми явлениями, о которых говорится в Евангелии. Может быть, эти тысячи, даже миллионы людей никак не ожидали, что им все это придется выдержать, что им придется оказаться перед лицом таких же страшных гонений, какие были в первые века христианства и которые, как всем казалось, навеки ушли. Глядя на этих людей, все мы должны извлечь такой урок: мы не имеем права впадать в совершенную беспечность и думать, что времена скорбей миновали: мол, советская власть исчезла и больше ничего страшного не случится. Бог знает, что будет в нашей стране и во всем мире через полгода, год или десять лет.

Кроме того, нужно иметь в виду, что помимо открытых гонений, во время которых, по внушению диавола, заблуждающиеся люди преследуют сторонников истины, могут быть гонения и скрытые, во время которых в среде православия мнимые последователи истины преследуют настоящих ее последователей. Могут быть и гонения, которые выразятся в том, что твои соседи, люди маловерующие или неверующие, будут причинять тебе те или иные скорби. Хотя по видимости они отнюдь не будут восставать против православия, их будет волновать, например, то, что ты якобы несправедливо отрезал у них часть земли. Но это будет только поводом, и сами они, действуя по бесовскому внушению, не будут понимать, что это только повод. Такая беспричинная злоба может действовать с постоянством, на протяжении многих и многих лет.

Повторю, не нужно думать, что наша жизнь будет исключением из евангельского закона. Если Господь открыл нам, что гонения эти обязательны для последователей Христа, значит, мы не имеем никакого права разными способами «выкручиваться» и считать, что с нами будет происходить нечто иное. Законы евангельские открыты Господом Иисусом Христом, Сыном Божиим и Богом, законы эти не человеческие. Это не догадки, а непреложная истина, которая никогда не умалится и не изменится.

Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас. Это говорится не для того, чтобы мы боялись людей, хотя эта осторожность, может быть, тоже не будет излишней, а для того, чтобы мы боялись поддаться людям тогда, когда они потребуют от нас отречения от Христа или хотя бы отречения от тех или иных евангельских заповедей. Здесь мы должны проявить осторожность и бдительность.

И поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками. Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас[196]. Конечно, эти слова более применимы к апостолам, в которых

обильно действует Дух Святой и которые говорят не от себя. Нам же уместно было бы к такой ситуации готовиться: во-первых, молиться, а во-вторых, приобретать некоторые знания о церковном предании.

Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их; и будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется[197]. Смотрите, какие страшные вещи пророчествует нам Спаситель и что говорит Он о тех гонениях, которым подвергнутся истинные христиане: *Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их*. Итак, если мы увидим вражду между родственниками из-за истины Христовой, не будем думать, что происходит нечто исключительное. Так должно быть. Пусть нас не удивляют скорби, которые посещают верующих людей очень часто. В семье происходит разделение, неверующие негодуют и восстают на верующих, потому что верующие не хотят следовать желанию своих неверующих родственников даже ради мира семейного, казалось бы необходимого и оправданного. И это справедливо, потому что, пойдя на один компромисс, мы затем идем на другой, третий. Так мы постепенно охладеваем и можем даже отпасть от Церкви.

Это закономерно, что наша вера воспринимается ими как безразличие к ним, как вражда против них, как нелепый и ненужный фанатизм. Если мы сами едва-едва способны принести какие-то жертвы ради Христа, то они не хотят жертвовать вообще ничем ради того, что им чуждо. Поэтому мы становимся врагами своим самым близким людям и изумляемся, не понимая, что происходит. А происходит то, что давно, еще в начале христианской эры, в начале первого столетия предсказано Господом Иисусом Христом. Мы действительно оказываемся порой ненавидимы всеми за имя Христово: не только явными врагами христианства, не только теми, кто восстает против него, но и мнимыми его последователями: сектантами, всевозможными еретиками и, безусловно, нерадивыми православными. Если в нас видят какую-то особенную ревность, желание послужить единому Богу,

отречься от всего из любви к имени Христову, то это воспринимается такими людьми как нечто нелепое, вредное, пагубное. Они, действительно, начинают нас ненавидеть за имя Христово, ради которого мы готовы отречься от мира. Особенно часто такое случается с людьми, которые стремятся к монашескому образу жизни.

Так должно быть. *Претерпевший же до конца спасется*. Все скорби нужно терпеть, но не просто терпеть, а терпеть до конца, ибо они будут сопровождать христианина на протяжении всего его христианского пути: от времени, в которое он обратился, и до его кончины. Невозможно спасение без скорбей. Даже, как говорит Макарий Великий, скорби – это признак истины. Где нет гонения и преследования, там нет истины.

Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как приидет Сын Человеческий. Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего: довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его. Если хозяина дома назвали веельзевулом, не тем ли более домашних его?[198]. Обратите внимание на эти слова Господа: «Если Меня, вашего Учителя и Господина, назвали вельзевулом, то есть, попросту говоря, сатаной, если Меня называли бесноватым, одержимым злыми духами, то не тем ли более должны называть так вас, Моих последователей?»

Часто окружающие нас люди, не имея духовного опыта и не понимая ревности истинного христианина, расценивают движения нашей души, наши чувства и стремления как действия диавола, а в нас видят людей заблудившихся и даже пытаются приписать нам отсутствие любви. Это тоже в особенности касается монашествующих. Если человек отрекается от своих близких, от обычного человеческого общения ради большего преуспеяния в исполнении евангельских заповедей, ради более удобной жизни по Евангелию – монашества, то его воспринимают как человека, который отрекся от любви и который безразличен к людям. Он якобы оставил свое служение и избрал, как кажется

окружающим, более легкий путь; в его поступках видят даже действие бесовское. Это не должно заставать нас врасплох, и этот упрек не должен затрагивать нашего сердца. Мы должны быть готовы спокойно перенести презрение и ненависть, которую испытывают к нам люди, чуждые евангельского духа.

Итак не бойтесь их, ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано[199], то есть наши намерения когда-нибудь обнаружатся. Обнаружится истинная причина ревности верующих людей, ухода их из мира, отречения от неправильного, поверхностного христианства, и истинная причина действий людей, враждебных евангельскому образу жизни. Откроется о них то, что на самом деле никакой любви они не хотели, ничего доброго не искали, а просто желали спокойной жизни и высокими фразами о любви только прикрывались ради того, чтобы оправдать свое безразличие к вере.

Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях. И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне[200]. Итак, терпеть нужно даже до смерти. Если бы мы были истинными христианами, то не должны были бы и смерти бояться, а должны были бы бояться только Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне, то есть Бога. Теми людьми, которые могут вред причинить только телу, мы должны пренебрегать и относиться к их гонению безразлично.

Обратите внимание на следующие слова Спасителя: *Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц*[201]. Некоторые понимают эти слова таким образом: Господь, дав обещание, что волос с головы нашей не упадет, печется о нас так, что мы не потерпим никакого вреда и не будем испытывать никаких скорбей. Но, чтобы правильно понять эти слова, нужно вернуться к предыдущему поучению Спасителя: *И не бойтесь убивающих тело… у вас же и волосы на голове все сочтены*, то есть речь идет не о том, что мы

будем телесно невредимы (это образное выражение: *Волосы на голове все сочтены*), а о том, что Господь сохранит нашу душу и в конечном счете мы не потерпим никакого вреда, хотя бы и тело наше убили. Вот о чем мы должны думать – о сохранении своей души, о том, чтобы ни один волос не упал с «головы» нашей души. Господь обещает нам безопасность и невредимость именно в этом смысле, а не в том, что мы каким-то особенным образом, в виде исключения из общего порядка, будем всегда целы и невредимы, если правильно будем себя вести.

Итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным. Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его[202]. Спаситель опять говорит: *Не мир пришел Я принести, но меч*. Мы ожидаем мира и спокойствия. Мы молимся Богу о том, чтобы все было благополучно в нашей стране, чтобы все было хорошо в нашей семье, чтобы у нас были добрые отношения с родственниками, сотрудниками, соседями. Мы хотим, чтобы обстоятельства общественной жизни тоже благоприятствовали нашему безмятежию. Нам не хочется ни внешней, ни внутренней борьбы – нет, мы мечтаем о том, чтобы и внутри нас также было полное спокойствие и чтобы нам не приходилось бороться с какими бы то ни было страстями: ни с блудом, ни с гневом, ни с гордостью, ни с унынием. Но об этом спокойствии можно сказать словами апостола Павла: *Когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба*[203]. Когда мы будем совершенно безмятежны, думая, что все вокруг спокойно, тогда в этом спокойствии и будет таиться самая страшная опасность. Святые отцы говорят: кто не в борении, тот в прелести. Истинный христианин всегда должен испытывать скорби. Конечно, можно понять естественное стремление человека к покою, однако ему следует помнить Евангелие. Мы живем не так, как хотим, а так, как приходится

жить. Мы следуем либо законам окружающего нас падшего мира страстей, либо закону Евангелия.

Если мы хотим приобрести мир, при котором можно безмятежно жить на земле, то должны идти на бесконечные компромиссы со своей совестью. Если же мы хотим приобрести душевный мир, то, наоборот, должны следовать своей совести и помнить, что утешительный, благодатный, хотя и неполный мир – ибо полного мира на земле не может быть – достигается терпением внешних скорбей и борьбой со своими страстями.

Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня[204]. Посмотрите, Господь говорит: *Кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня*, то есть тот, кто отказывается от страдания, тот, кто не хочет идти, образно говоря, на свою Голгофу, недостоин Спасителя и не может быть Его учеником. Такой человек не может надеяться даже на то, чтобы милость Божия объяла его и восхитила из греховной бездны, в которой он находится. Об этом говорит и совершенно справедливая, истинно христианская пословица: «Без креста не увидишь и Христа».

Евангелист Матфей повествует о том, что Спаситель предсказал кончину мира и кратко обрисовал всю историю Церкви на земле. При этом Господь вновь говорил о гонениях: как в первые времена христианства, так и в последние – времена антихриста. *Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое*[205]: вы будете ненавидимы не только отдельными людьми, но и всеми народами. К этому нужно быть готовыми. Хотя эти народы по видимости и являются христианскими, следуя отчасти христианским принципам, но они не несут имени Божия в своих сердцах, не живут только ради Христа, не считают этого самым главным в своей народной и личной жизни и потому испытывают ненависть к людям, которые сохраняют имя Христово как некий основополагающий принцип жизни. Мы не должны этому удивляться, ведь и это предсказано Господом.

И тогда соблазнятся многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь[206]. Итак, видите, даже предательство необходимо пережить истинным христианам. А предательство людей, которых ты почитал близкими, которым доверял, перед которыми, возможно, открывал свою душу и которым даже поверял какие-то тайны, – это самое тяжелое испытание. Но так должно быть. И Спаситель, может быть, для того и говорит все это, чтобы мы, когда встретимся со скорбями, предсказанными Им, благодаря Его словам, которые разъясняют нам, что это признак нашего действительного следования истине, утешились.

И, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь. Охлаждение любви в отдельных христианах и во всех христианских народах, в том числе и в Православной Церкви, также предсказано Спасителем: «Беззаконие столь умножится, что охладеет любовь». Ощущение этого всеобщего охлаждения любви, холода, веющего на нас и пытающегося охладить и наши сердца, тоже должно быть нами испытано. Это тоже тяжелое испытание. Это тяжкая скорбь – противостояние холоду, окружающему нас. Холод хочет завладеть нашим сердцем и угасить ту ревность, которая в нас зажглась с нашим приходом в Церковь.

Нужно с этой скорбью, с этим испытанием вступить в борьбу и быть особенно внимательными к себе, потому что это искушение подкрадывается незаметно. Нам кажется, что мы остались теми же, какими были, а мы уже поддались всеобщему охлаждению и потеряли любовь. Поэтому мы и не можем приносить прежних обильных духовных плодов, а может быть, никогда никаких плодов больше и не принесем. Мы только по видимости остались христианами, *имеем вид благочестия*, по словам апостола Павла, *а силы его отреклись*[207].

Претерпевший же до конца спасется[208]. Итак, терпеть нужно до конца: не что-то одно вытерпеть, а другое отринуть, не какую-то одну скорбь, которую мы считаем целесообразной и подходящей для нас, принять, а другую отвергнуть, но все

терпеть от начала и до конца. Мы должны терпеть и великую скорбь, и малую, и ту, которая нам понятна, и ту, которая нам, может быть, непонятна: мы недоумеваем, почему именно она наведена на нас. Спасется только тот, кто до конца все вытерпит, а не тот, кто некоторое время будет вести себя по-евангельски, а потом вдруг решит, что он уже достаточно потрудился. Такой человек не получит награды.

Спаситель говорит еще об одном виде терпения. Вы все помните притчу о сеятеле. Хотя мысль, которую я хотел бы раскрыть, Спаситель приводит в конце толкования этой притчи, но для большей ясности придется все толкование прочитать. *Вот что значит притча сия: семя есть слово Божие; а упавшее при пути, это суть слушающие, к которым потóм приходит диавол и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись; а упавшее на камень, это те, которые, когда услышат слово, с радостью принимают, но которые не имеют корня, и временем веруют, а во время искушения отпадают; а упавшее в терние, это те, которые слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода; а упавшее на добрую землю, это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении. Сказав это, Он возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит!*[209]

Итак, чтобы семя слова Божия принесло плод, то есть чтобы учение христианское, которое мы приняли, действительно принесло плоды добродетели и благодати, необходимо хранить его в добром и чистом сердце (по-славянски – *добрым сердцем и благим*) и взращивать в терпении. А у нас терпения и не хватает. Мы немножко потрудимся, и если плода нет, если мы ничего не чувствуем, то нам кажется, что у нас уже никогда ничего не получится – не стоит и трудиться. Мы думаем, что Бог от нас отвернулся, или мы что-то неправильно делаем, или наш духовник учит нас неправильно, или святые отцы, которых мы читаем, сейчас уже устарели. Враг всячески наводит на нас уныние для того, чтобы мы прекратили трудиться. Однако плод нужно приносить в терпении.

Может быть, именно терпения не хватает и всем прочим *слушающим* слово Божие, которые изображены в этой притче: и тем, у кого семя упало при пути и было восх*и*щено диаволом, и тем, у кого семя упало на камень, и тем, у кого оно упало в терние. Если бы они были терпеливы, то смогли бы всё исправить. Если и говорится, что семя упало на камень, то эти слова не надо понимать буквально: это означает, что это семя попало на каменистую почву. А семя, упавшее при пути, попало на землю, которая была вытоптана, и потому в ней трудно было пустить корни. Семя, упавшее в терние, попало на землю обыкновенную, но заросшую сорной травой, которую можно искоренить. Может быть, и здесь суть только в том, что у этих людей не хватило терпения, они не хотели трудиться и поэтому никакого плода не принесли.

Необязательно это происходит примитивно: допустим, человек узнал истину христианства, начал ходить в храм, не почувствовал никаких изменений в себе и поэтому перестал туда ходить. Нет! Он может всю жизнь продолжать быть прихожанином той или иной церкви, исполнять свой христианский долг, соблюдать посты, регулярно исповедоваться и причащаться, но при этом потерять ревность к стяжанию добродетелей и терпение. Он больше не хочет трудиться, не хочет усиленно молиться, не хочет ломать себя, бороться со своими страстями, со своим своеволием, с теми пороками, которые достались ему от рождения или развились в нем в течение его самостоятельной жизни. Кроме того, человек может потрудиться над какой-нибудь добродетелью, над искоренением какой-либо страсти, но, не видя быстрых результатов, остыть, все бросить, и сказать: «Меня неправильно учат». Таким образом, потеряв терпение, он не может приносить плода.

Но обратите внимание на саму притчу. Спаситель говорит о земледелии. Те люди, которые имеют какое-нибудь отношение к нему или хотя бы к огородничеству, знают, что это очень тяжелый труд. Если трудно обрабатывать огород, то представьте себе, как тяжело возделывать поля, чтобы засеять их пшеницей. Это каторжный труд, самый, наверное, тяжелый из всех – надо учесть, что в древности он был практически ручным

трудом, правда, земледельцы использовали животных. Но в Израиле, наверное, и это не всегда было возможно, потому что земля там была неровная и каменистая. Там делалось многое вручную, мотыгами и прочими сельскохозяйственными орудиями. Из самого приточного образа становится понятно, какое постоянное трудовое терпение нам необходимо. Представьте себе земледельца, который трудился, трудился, а потом все бросил: «Я устал». Поле его зарастет сорняком, и урожай пропадет. Трудиться же нужно на протяжении всего года: в одно время таким образом, в другое – иным. И только тогда, благодаря терпению, поле даст плод и, может быть, плод обильный, если все будет делаться разумно.

Если же мы не проявим терпения, естественно, у нас ничего не получится. Когда речь идет о земных вещах, нам все понятно – необходимо терпение, иначе ничего не выйдет. Когда же мы переходим к духовной жизни, всякий здравый смысл у нас пропадает. Мы не хотим терпеть духовного труда не только на протяжении целой жизни – а нам необходимо трудиться, потому что речь идет о гибели или спасении нашей души, о вечном блаженстве или вечных муках, – но мы не имеем терпения и в течение часа или двух потрудиться в молитве. Нет у нас благодати, не идет у нас молитва – и мы уже ее бросаем, она нам надоедает, нам хочется заняться чем-нибудь другим: в лучшем случае чтением, а в худшем – пустословием или любой работой, лишь бы только не молиться.

То же самое происходит и в отношении страстей. Мы не можем вытерпеть борьбы, скажем, с гневом, раздражительностью на протяжении десяти-пятнадцати минут. Допустим, кто-то нам сказал грубое слово – какой-нибудь пустяк, от этого слова ничего с нами страшного не произойдет, по пословице: «Хоть горшком называй, только в печь не сажай», но мы воспринимаем это как что-то невыносимое, мучительное. С трудом выдерживаем внутреннюю брань в течение нескольких минут, считая это за подвиг, – и тут же взрываемся, говорим в ответ грубости. Зло умножается. Нагрубивший нам человек, скорее всего, отреагирует тоже соответствующим образом – и кончится все разрывом, негодованием, злопамятством, а иногда

даже желанием мести из-за совершенного пустяка. Если кто-то выдержал получасовую брань, то он уже считает себя почти бесстрастным, а если человек терпел целый день, то считает, что ему за это должен быть дан от Бога дар чудотворения.

Здесь уместно вспомнить еще одно изречение Спасителя: *Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е*[210], то есть совершенно очевидно, что человеку необходимо понуждение себя для того, чтобы приобрести Царствие Небесное. При этом здравый смысл говорит нам, что понуждение необходимо там, где нет желания. Когда человек чего-то хочет, то делает это с удовольствием. А нам, людям, у которых греховное естество противится деланию евангельских заповедей, необходимо терпение.

В Евангелии от Луки приводится следующее изречение Спасителя: *В терпении вашем стяжите души ваша*[211]. Если истолковать это мудрое выражение, то оно нам многое откроет. Что такое стяжание? Это приобретение, накопление. Если мы хотим приобрести, например, дом или какое-нибудь имение, землю, недвижимость, то нам нужно накапливать средства, потому что редко получается собрать сразу всю сумму. Или приведем другой пример из жизни, может быть совсем не возвышенный, но более понятный современному слушателю. Допустим, человек хочет купить контрольный пакет акций какой-нибудь компании, чтобы управлять ею. Что он делает? Он покупает сколько-то акций в одном месте, сколько-то – в другом, затем еще где-то, а потом, собрав нужное количество, уже может прийти на собрание акционеров и сказать: «Теперь слушайтесь меня». Вот это называется стяжанием. Таким образом человек постепенно выкупает, допустим, завод, или банк, или еще какое-нибудь предприятие. Так мы должны постепенно выкупать и свою душу, потому что она принадлежит не нам, а демонам, греху, страстям. Если мы хоть сколько-нибудь внимательны к себе, то обязательно должны видеть это. По словам апостола Павла, умом мы знаем, что надо делать, но греховный закон, живущий в нашем теле – под телом апостол подразумевает все наше существо, – противится закону ума. Мы хотим одного, а делаем поневоле другое, потому что

нами руководят страсти. Мы должны у этих страстей постепенно выкупать нашу душу, овладевать ею.

Применим прежний отнюдь не возвышенный образ стяжания: если мы не можем выкупить душу полностью – приобрести все сто процентов акций, чтобы быть бесстрастными и чистыми людьми, то должны по крайней мере купить контрольный пакет, чтобы владеть собой. Пусть страсти действуют, но мы имеем над собой бо́льшую власть, чем они. Допустим, в нас есть блудная страсть, но мы ей не покоряемся, в нас есть гнев, но мы не исполняем его велений. Мы боремся и делаем всё по-своему, потому что нам принадлежит контрольный пакет. Мы должны его обязательно приобрести.

Может быть, подобное сравнение не совсем уместно в отношении Евангелия, зато оно хорошо объясняет такое духовное явление, как стяжание. Я думаю, раз Спаситель не брезговал подобными выражениями и сравнениями, то и мы имеем право их развивать. Он, например, говоря о стяжании, сравнил Царствие Небесное с купцом, который приобрел бисер. Для нас сейчас слово «купец» чуть ли не романтичное. Но мы могли бы сказать «бизнесмен, который покупает драгоценные камни», – и это был бы тот же купец. Мы говорим о крестьянине-сеятеле, который *вышел сеять семя свое*[212], а могли бы сказать о фермере, который вышел обрабатывать свой участок. И все стало бы понятно.

Я не хочу умалить возвышенности Евангелия. Я просто хочу показать вам, как эти слова воспринимали современники Спасителя. Для них-то ведь это были житейские, обыкновенные образы. Для них слово «купец» было тем же самым, что для нас сейчас «бизнесмен». Для них сеятель – это то же самое, что для нас фермер. Мы должны Евангелие живо воспринимать. Евангелие своими притчами взывает к нашему здравому смыслу, поэтому уместно привести даже такое смешное сравнение, как приобретение контрольного пакета акций.

В заключение нужно сказать, что Спаситель предсказывал Своим ученикам, – наверное, это относится и ко всем истинным последователям святых апостолов, – что изгнание, отвержение от собраний и даже убийство будет восприниматься мнимыми

последователями Христа как служение Богу. *Изгонят вас из собраний; даже наступят времена, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу. Так будут поступать, потому что не познали ни Отца, ни Меня. Но Я сказал вам сие для того, чтобы вы, когда придет то время, вспомнили, что Я сказывал вам о том; не говорил же сего вам сначала, потому что был с вами*[213].

Итак, именно для того Спаситель и сказал это, чтобы, когда придут времена скорбей и гонений от демонов, от людей или, может быть, даже от нашего падшего естества, мы помнили, что так должно быть и это предсказано Господом. Те люди, которые гонят нас, либо совершенно не знают Господа Иисуса Христа, либо формально исповедуют Его, но опытно, в душе, в сердце Его не знают. Поэтому всегда истинные последователи Христа будут преследуемы либо от явных врагов Христа, либо от мнимых последователей Его, в сущности Его не познавших.

Часто бывает, что человек, преуспевающий в Иисусовой молитве, терпит скорби даже от близких ему людей, и удивляться этому не нужно. Это естественно. Приведу такой пример. Одна женщина-мирянка, сейчас уже умершая (Царствие ей Небесное!), рассказывала мне, чтó произошло, когда она однажды не успела прочитать утренние молитвы. Она вошла в трамвай и вместо правила читала Иисусову молитву, чтобы успокоить свою совесть. Впереди нее, в другом конце вагона, какая-то пассажирка начала оглядываться, беспокоиться, а потом вдруг вскочила: «Что вы меня трогаете?! Зачем вы меня трогаете?!» – и попыталась на нее напасть. Женщина испугалась и начала молиться еще сильнее. Та еще больше раскричалась, а потом на остановке выскочила из трамвая. Конечно, беспокоившаяся была, скорее всего, душевнобольной, бесноватой. Это очевидный пример того, что мы, совершая добродетели, в особенности молясь, хотя никому и не желаем делать зла, тревожим людей, находящихся в большей или меньшей степени под властью лукавого.

Поэтому, повторю, не нужно удивляться, если на нас нападают, как нам кажется, без всякой причины. Причина здесь простая: мы хотим угождать Богу и это вызывает негодование у

тех людей, которые живут иначе. Может быть, они не понимают ничего, но душа их противится такому образу жизни, их страстная натура не желает принимать его. Их возмущает то, что кто-то живет целомудренно, не пьянствует, не ворует. Их возмущает то, что люди молятся; то, в конце концов, что люди просто имеют радостный, спокойный, мирный дух. Им все это отвратительно, они завидуют таким людям и желают всех сделать подобными себе. Мы должны быть к этому готовы, как говорится, быть начеку и не воспринимать все эти нападения людей как нечто экстраординарное.

По этой же причине нас искушают и демоны. Многие думают – хотя, казалось бы, это логика детская, – что раз они демонов не трогают, то непонятно, почему те на них нападают? Да просто потому, что завидуют нашему спасению; потому, что своей молитвой, своим стремлением жить праведно, покаянно, мы их тревожим. Чем больше мы угождаем Богу, тем большее возмущение вызываем в людях, находящихся под властью демонов, а иногда и в самих демонах, нападающих на нас не только через людей, но и через помыслы, которые возбуждают в нас чрезвычайное действие страстей.

Итак, терпение во всем – это естественное состояние истинного христианина. Только таким образом – научившись владеть собою – мы можем приобрести свои души для вечности.

* * *

Святые отцы говорят, что мы не должны обижаться на тех, кто нас ругает, оскорбляет, так как они являются лишь орудием диавола. Но я в таких случаях все равно обижаюсь. Как быть, как действительно не обращать внимания на обижающего?

Семь бед – один ответ. Нужно молиться Иисусовой молитвой и постепенно победить в себе страсть обидчивости. Совет, как не обижаться, не поможет, если у тебя не будет благодати. Благодать же приобретается через покаяние, через борьбу с греховными помыслами. От того только, что ты прочтешь или получишь от духовника какой-то совет, тебе не

станет лучше. Совет нужно исполнить. А мы хотим выслушать и только, как будто от одного слушания уже меняемся.

Можно ли не просить избавления от страстей? Я ведь не знаю, может быть, избавление от какой-то страсти мне сейчас неполезно.

Я думаю, что, конечно, избавления от страстей просить не нужно, кроме тех случаев, когда страсть уже так действует в нас, что мы едва удерживаемся от смертного греха. Лучше просто бороться против страсти и молиться, каяться. И тогда, может быть, мы от борьбы с этой страстью еще и пользу получим. А просить избавления от страсти – я это не совсем одобряю, кроме крайних случаев, когда есть опасность впасть в смертный грех.

Моя бабушка прожила восемьдесят два года. За всю жизнь она никогда ни с кем не ссорилась, никого не оскорбляла, хотя жила в нужде, в холоде, в голоде. Мы с сестрой часто спорим: такая духовность – это Божий дар или терпение?

Это может быть и действие благодати, и наклонность человека. Это может быть, в конце концов, даже и дарование ему от природы, то есть от родителей. Но в любом случае это пример, достойный подражания. Ведь она пережила очень тяжелые годы: голод, война, много ей пришлось, так сказать, горя хлебнуть. Даже если это природное дарование, сохранить его также нелегко. Человек существо свободное – он может стать лучше, а может и развратиться.

Отец Авраам, терпение болезней приравнивается у Христа к мученичеству, но телесные немощи мешают мне молиться, читать святых отцов, стоять на службе. Я скорблю, и мне кажется, что не только через болезнь ничего для души не приобретаю, но и, наоборот, лишаю ее многого: сколько бы я могла прочитать, запомнить, внимательнее молиться, везде успевать. Я не могу смириться с немощью, только укоряю себя, что плохо сопротивляюсь ей, плохо понуждаю себя. Помогите советом.

Это неправильно, потому что наше стремление преуспеть в чем-то, допустим в чтении святых отцов или в молитве, может быть от гордости. Иметь такое стремление хорошо, но Господь ограничивает это наше стремление болезнями, не дающими нам сосредоточиться или подвизаться так, как мы хотели бы, а также другими разными обстоятельствами, которые, как нам кажется, лишают нас уединения. Всем этим Господь смиряет наш дух, потому что необузданное стремление даже к духовному и доброму может человеку повредить.

Приходится терпеть большие скорби, особенно в последнее время, и наступает уныние, кажется, что терпения может не хватить. Хочется, чтобы наступила передышка. Но все-таки бывает на душе тихо и спокойно и даже радостно. Это защитная реакция организма или действие благодати?

Защитная реакция организма может выражаться, допустим, в юморе, возможно даже в черном. Но когда ты чувствуешь в душе тихую радость, несмотря на тяжелые внешние обстоятельства, то это, конечно, действие благодати. Чем больше ты будешь смиряться перед этими скорбями, тем бо́льшую радость ты будешь испытывать. Некоторые последовательные христиане доходят иногда до такого состояния, что радуются скорбям и боятся, что эти скорби их покинут.

Один подвижник, которого несправедливо осудили собратья-монахи и от которого они отвернулись, переживал это состояние спокойно. Когда же через некоторое время братья переменили свое презрительное отношение к нему на доброе, он начал молиться: «Господи, что же это такое? Ты совсем меня оставил!».

Некий подвижник-пустынник тяжело заболел и провел много дней без всякой помощи. Про него все забыли. Прошел, по-моему, чуть ли не целый месяц. Наконец братья спохватились, что его долго нет в их собрании, и пошли к нему. Когда они открыли дверь его келии, он говорит: «Братья, братья, прошу вас, уйдите отсюда!» Они спросили: «А почему, отче?» Он говорит: «Потому что, пока вас не было, мне ангел

прислуживал, а как только вы вошли, он удалился». Вот как бывает! Конечно, того, чтобы нам ангелы прислуживали, мы едва ли сподобимся, но благодатное утешение у нас может быть.

Вот еще удивительный пример. Некий старец-подвижник, епископ, был схвачен римскими властями и подвергнут страшным пыткам. И что же он говорил своим мучителям? «Благодарю вас, братья, ибо вы обновили мой дух». Видимо, благодать в нем с течением времени умалилась, но, благодаря этим мучениям и проявленному им терпению, она обильно снизошла на него. Благодать Божия из-за его подвига и мужества стала в нем вновь сильно действовать, поэтому он и сказал, что она обновилась в нем.

Как научиться терпеть себя, свои немощи, а не унывать от этого? Иногда появляется чувство ненависти к себе, не хватает сил терпеть свои недостатки.

Это происходит от гордости. Чтобы терпеть свои немощи, нужно смириться прежде всего перед Богом и признать себя грешником. А человек, который не может терпеть свои немощи, – не хочет признаться себе в том, что он грешник, возмущается своей немощью, хочет мгновенно превратиться в праведника. Этого не происходит – и он унывает, а собственно от уныния не может совершать дело своего спасения.

Преподобный Серафим Саровский замечательно говорит о том, что нужно научиться терпеть свои недостатки так же, как мы терпим недостатки ближних. Со страстями нужно бороться, но вместе с тем мы вынуждены их терпеть, – конечно, в определенных пределах. Например, нельзя совершать блуд на деле – в этом смысле терпеть себя нельзя ни в коем случае, но кто хочет достигнуть целомудрия, тот вынужден на протяжении определенного времени терпеть эту страсть и подавлять ее в себе, пользуясь теми средствами, которые для этого предоставляет Церковь.

То же можно сказать и о других страстях. Нужно, действительно, иметь терпение. А терпение происходит от смирения. Возмущение своими мысленными грехопадениями возникает по причине нашей гордости: мы не можем

примириться с тем, что мы такие плохие; мы не согласны с этим, а значит, имеем о себе высокое мнение.

Давно интересует вопрос. Православным мученикам в их страданиях помогала благодать, но в истории человечества было много людей, которых мучили совсем не за веру, а терпели они так же стойко, как и христиане. Кто помогал им?

Вытерпеть человек может все что угодно, но какие чувства он при этом испытывает? Действует ли в его душе благодать Божия, испытывает ли он любовь к Богу и к ближнему, испытывает ли блаженство во время самих мучений – или он проклинает своих мучителей, кипит злобой и исполнен гордости? Вот что определяет цену этих мучений. Ведь есть же разница между двумя разбойниками, распятыми на кресте вместе со Спасителем. Один из них говорил: *Достойное по делам нашим приемлем. Помяни меня, Господи, во Царствии Твоем*, а другой хулил Господа и говорил: *Если ты Христос, спаси Себя и нас*[214]. Второй страдал телесно и душевно, а благоразумный разбойник хотя телесно и страдал, но душевно блаженствовал, раз в нем родилась такая вера, что он сказал: *Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое*. Они испытывали совсем не одно и то же! Да, стойкость была в обоих случаях, но из-за чего? Из-за гордости, злобы или из-за любви – разница огромная.

Что такое бесстрастие

В чем христианский смысл понятия «бесстрастие». – От каких страданий мы должны избавляться. – Господь Иисус Христос проявлял человеческие чувства. – Зол ли вещественный мир? – О двух пониманиях бесстрастия. – Гордость и тщеславие как причина ложного бесстрастия, или окамененного нечувствия. – Возможно ли для нас бесстрастие? – Можно ли христианину смеяться. – Как бороться с сердечным бесчувствием?

Сегодня я хочу рассмотреть понятие бесстрастия: в чем его христианский смысл и как мы должны относиться к этому духовному явлению.

Для того чтобы вас немножко удивить и заинтересовать, я скажу, как слово «бесстрастие» звучит по-гречески. Оно звучит как «апатия». «Пафос» – это страсть, а с отрицательной приставкой «а-» будет «апафос», апатия. Мы сейчас понимаем это слово как равнодушие, безразличие. И действительно, греческие и латинские философы Древнего мира подразумевали под бесстрастием якобы идеальное, блаженное состояние души, при котором человек ко всему относится безразлично. Они говорили, что человек только тогда может быть счастливым, когда он и в радостях и в скорбях пребывает одинаково спокойным. Так понимали бесстрастие, например, философы-стоики, которые особенно интересовались нравственными проблемами, и в этом отношении имели, может быть, более удачное, подробное и разработанное учение, чем другие философские школы.

Многие путают апатию и бесстрастие, а в наше время это стало особенно актуальным: сейчас активно распространяются идущие с Востока аскетические учения буддизма, индуизма, китайской философии, в которых превозносится именно «стоическое» состояние бесстрастия, то есть равнодушие к счастью и несчастью.

Поэтому и нужно точно определить христианское понятие бесстрастия прежде всего для самих себя, чтобы, во-первых, знать, к чему мы должны стремиться, а во-вторых, уметь отстоять христианское учение и объяснить его людям, которые сливают все религии воедино. Часто говорят, что есть разные пути к Единому Богу, и все равно как к Нему идти. На самом деле, если пути разные, то и ведут они, конечно же, совсем к разным целям.

Христианское бесстрастие – это отсутствие страстей. Но каких? В современном русском языке слово «страсть» обычно понимается как сильное чувство, сильная увлеченность чем-либо, пристрастие к какому-либо делу, занятию. А в славянском языке, откуда происходит само слово «бесстрастие», страсть означает страдание. Мы говорим, например, о страстях Господних, имея в виду именно Его страдания. Просто бывают страдания телесные и бывают страдания душевные. Когда демоны оскорбляют нас, наносят нашей душе вред, пытаются вызвать в ней гнев, похоть или еще что-нибудь, то это является страданием, или страстью души. Значит, бесстрастие есть отсутствие этих злых страстей, страданий.

Подчеркну: освобождаться мы должны именно от греховных страданий. Есть страдания, от которых христианин не может избавиться, – а если бы он от них избавился, то это было бы страшно. Например, от сострадания к людям. Чем больше в человеке любви к людям, тем больше он, естественно, будет за них переживать. Он не сможет успокоиться и быть счастливым, если у него все хорошо, а у любимых им людей есть какие-то скорби. Подвижник, имеющий духовных чад, или духовник, или настоятель монастыря, или епископ переживают за людей, которые вверены им Промыслом Божиим. Такие святители, как Афанасий Великий или Василий Великий, переживали за всю свою Поместную Церковь, за тысячи и тысячи людей. Они не могли быть спокойны, когда видели, что их духовные чада находятся в опасности, и защищали их всеми доступными им

способами. Они молились за них, они рисковали жизнью, выступая их заступниками перед царями, как это делали святители Николай Мирликийский и Иоанн Златоуст. Они писали много книг в защиту православия, чтобы их духовные чада не соблазнялись лжеучениями.

Страдание может приносить нам даже сама наша любовь к Богу. Если мы любим Бога, то страдаем, когда не можем в молитве соединиться с Ним. А это бывает часто, ведь даже будь мы совершенно чистыми, ревностными подвижниками, например, такими, как апостол Павел, все равно земная жизнь так или иначе разлучает нас с Богом. И естественно, мы будем от этого душевно страдать, как страдали святые отцы и сами апостолы, о чем говорит апостол Павел: «Я желал бы умереть, чтобы быть со Христом, но должен остаться, потому что это лучше для вас»[215]. Он страдал от разлучения с Господом, и смерть была для него средством, которое навсегда соединило бы его с Ним. Из писаний старца Силуана Афонского мы знаем, что преподобный глубоко мучился, когда после восхищения ума к Богу и необыкновенного духовного утешения, вновь приходил в себя, вновь оказывался в теле. И если это ощущал подвижник, живший уже в конце XIX – начале XX века, то, наверное, в цветущие времена христианства, времена апостольские, многие и многие христиане желали быть со Христом. Смерть для них, как и для апостола Павла, была приобретением, поэтому они и шли на страдания, чтобы через них соединиться с возлюбленным Господом. Итак, мы видим, что бесстрастия в том смысле, в каком понимали его древние философы-стоики и современные восточные аскеты, здесь нет. Здесь есть страдания, но страдания чистые.

Господь наш Иисус Христос также страдал: в Нем отнюдь не было такого неправильно понимаемого бесстрастия. Я сейчас не говорю даже о Его страданиях перед распятием и во время распятия, но еще до наступления страшного момента испытания, до времени искупительной жертвы, Господь уже проявлял чувства, которые с точки зрения высокомерных и гордых аскетов,

будь то философы-стоики или йогины, нельзя назвать бесстрастием. Например, Господь, видя упорство фарисеев, *воззрел на них с гневом, скорбя об окаменении сердец их*[216]. Здесь были и скорбь и гнев. Мы помним о том, как Христос изгонял торгующих из храма, причем, судя по Его поведению, находясь в сильнейшем негодовании. Он сделал бич из веревок и стал изгонять скот. Представьте себе, как животные с ревом бросились к выходу, как реагировали на это их хозяева. Стоял крик, шум, рев. Мало этого, Господь опрокинул столы с деньгами. Представьте: сидит какая-нибудь продавщица, на столе у нее разложены деньги, вдруг кто-то подходит, берет этот стол и опрокидывает. Не может же человек спокойно подойти и вежливо опрокинуть стол! Здравый смысл нам подсказывает, что это было не так. Господь был в сильнейшем негодовании, потому что скорбел об осквернении храма. Скорбел, что в том месте, где необходимо благоговение, внимание, собранность, люди занимаются торговлей и такими делами, которые, казалось бы, оправдываются желанием принести жертву, но на самом деле отвлекают от самого главного – от молитвы. Дело не в том, что там были животные, а в том, что люди занимались не тем, чем должно. Невозможно думать о внешнем и не отвлечься от внутреннего, от молитвы. Поэтому нельзя думать, что если мы стоим в храме и молимся, то мы уже все необходимое исполнили: если мы в это время думаем о суетном, значит, мы подобны тем, на кого гневался Господь.

Господь Иисус Христос плакал о Лазаре Четвородневном. Просто плакал! Он пытался *запретить духу*[217], то есть удержать рыдания, как это бывает с человеком, сдерживающим слезы. Сначала Он крепился, дыхание Его стеснилось, но в конце концов слезы все-таки прорвались, так что даже иудеи, настроенные по отношению к Нему с неприязнью или по крайней мере с подозрительностью, говорили: *Смотри, как Он любил его*[218]. Он был по-человечески так привязан к Лазарю, что откровенно скорбел, когда тот умер. Разве в это время мало было умерших хотя бы только в Израиле, я уже не говорю во всем мире? В Евангелии описано

три случая, когда Господь Иисус Христос воскрешал мертвых: двенадцатилетнюю дочь Иаира, сына Наинской вдовицы и Лазаря Четверодневного, – но плакал Он об одном только Лазаре. Отсюда мы видим, что привязанность к человеку, так же как и гнев, не всегда плоха. Иначе мы вынуждены были бы признать, что Господь Иисус Христос был страстным человеком. Но думать так, конечно, было бы немыслимо и кощунственно. Господь безгрешен, и Он для нас – не только Сын Божий, но и идеальный Человек, Который всегда и во всем поступал совершенно правильно и чисто.

Как известно, Господь Иисус Христос имел искреннюю привязанность к апостолу Иоанну Богослову – такую, что открывал ему тайны, которых не открывал никому. Когда на Тайной вечери Господь сказал о том, что один из учеников предаст Его, все боялись за себя: «Не я ли это?». Иуда Искариотский также говорил: «Не я ли?» – но говорил это лукаво, чтобы скрыть свое намерение. Тогда апостол Петр, который был уверен, что он сам этого не сделает, дал знак апостолу Иоанну, возлежавшему на груди Спасителя. Никто из учеников, в то время уже многократно слышавших от Господа обличения в гордости и желании первенства, не дерзнул бы сам занять такое место. Видимо, Господь пригласил апостола Иоанна, желая в последние минуты Своего пребывания с учениками, в виде утешения, иметь возле Себя любимого ученика. За что Христос любил его: за его девственность, или за простоту, или за юность, или за то, что он, по мнению некоторых толкователей, был Его родственником, – мы можем только догадываться. Но Он хотел быть с ним. Апостол Иоанн Богослов возлежал на груди Спасителя, на Его персях, за что мы сейчас его хвалим, называя наперсником Христовым. И вот апостол Петр через стол сделал апостолу Иоанну знак, – я думаю, что они, как друзья, понимали друг друга с полуслова, – чтобы тот спросил: «Кто это?». Тогда апостол Иоанн припал к груди Спасителя и спросил: «Господи, кто предаст Тебя?» – и Господь то, что не открывал никому, открыл Своему любимому ученику. «Тот, – сказал Он, – кому Я, обмакнув

хлеб, подам». Обмакнул хлеб и подал его Иуде Искариотскому, тем самым указав на предателя. Итак, отсюда явно, что Господь имел к некоторым людям особую привязанность и давал некоторое преимущество тем, кто был Ему наиболее близок. Значит, не всегда человеческая привязанность предосудительна. Я думаю, если бы мы детально исследовали Евангелие, то нашли бы и другие примеры того, что Господь Иисус Христос проявлял «страстность» в том смысле, в каком понимали ее суемудрые философы-стоики.

Понятие о бесстрастии как о таком состоянии, при котором человек не должен испытывать вообще никаких чувств, происходит из ложной вероучительной посылки: мир, материя – это зло, и потому привязанность к чему-либо материальному уже есть грех. Отсюда следует вывод: бесстрастие состоит в совершенном безразличии ко всему земному. Но мы относимся к миру совсем не так! Мы знаем, что в Священном Писании рассказ о каждом дне творения заключается такими словами: *И увидел Бог, что это хорошо*[219]. А повествование о том, как Бог создал человека – воистину венец всего творения, – заканчивается так: *И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма*[220]. Итак, мир хорош. И поэтому чистое, правильное восприятие всего того, что есть в мире, не есть грех. Стоики же считают, что мир зол. Зол не по нашим грехам, не по вине диавола и демонов, а сам по себе, по той простой причине, что он материален. Отсюда у стоиков желание отрешиться от всего вещественного.

Поэтому не нужно путать два понимания бесстрастия, даже если они и называются одним словом. Бывает же, например, что две женщины носят одно имя, скажем Надежда, но это разные люди. Так же и здесь: два состояния называются одним словом, но они совершенно различны. В православной аскетической литературе состояние ложного бесстрастия характеризуется как злейшая, отвратительнейшая и, может быть, даже труднопреодолимая страсть – окаменение сердечное. Мы обязаны с этим бесчувствием бороться. Поддавшись ему,

человек бывает безразличен не только к каким-то превратностям судьбы, но и к делу своего спасения, безразличен и к молитве, и к добрым делам, не боится ни вечности, ни суда Божия и поэтому совершенно бездействует.

Итак, можно сказать, что существуют два бесстрастия: правильное и ложное. И существуют две страстности: добрая и злая. Бесстрастие ложное – это то, что называется в православной аскетике окаменением сердечным, бесчувствием. Бесстрастие истинное – это отсутствие злых страстей: гнева, блудной похоти и тому подобного, но не отсутствие чувств вообще.

Зло не является самостоятельной субстанцией, это искажение человеческого естества. Зло – это паразит, болезнь, а болезнь может существовать только в организме. Поэтому и так называемые страсти – это нарушение естественного порядка чувств в человеке. Гнев, например, должен быть направлен против заблуждения, против греха, а мы направляем его против людей. Любовь, вожделение (конечно, чистое) должно быть направлено к Богу, к душе человека, а оно направлено к человеческому телу. Диавол направляет чувства человека, которые были даны ему при сотворении, к ложным, фантастическим, выдуманным целям. Как замечательно сказал отец Иоанн Кронштадтский, грех – это бесовская мечта. К этой мечте и направляет нас грех, или, скорее, сам диавол направляет нас к этим мнимым, несуществующим целям, призракам. И задача православной аскетики состоит в том, чтобы вернуть чувства человека в их естественное состояние. Вот в чем принципиальное отличие неправильно понимаемого бесстрастия от того бесстрастия, о котором учат святые отцы.

Бесстрастие может быть оценено как истинное или ложное не только по своей сути, но и по тому, какими средствами оно достигается. Как можно научиться безразличному отношению ко всему – стоическому, по названию упомянутой нами философской школы? Что

приводит к такому ложному бесстрастию? Гордость. Она делает человека каменным, ко всему безразличным. Такой «бесстрастный» человек, конечно же, не испытывает гнева: он презирает и людей, и те поводы, которые могут его раздражать. У него нет блудной похоти, потому что и это он презирает. Но в нем нет любви, сочувствия к ближним. В нем нет любви и к истине, и поэтому, естественно, нет гнева против тех, которые уводят его от истины. Он ко всему относится спокойно. Но это спокойствие страшно. Лучше нам иметь некоторые страсти, но вместе с тем – живое сердце, испытывающее какие-то настоящие евангельские, христианские чувства. Пусть у нас вместе с этими чувствами присутствуют в сердце и какие-нибудь грехи. Но все-таки мы живые люди, а не мертвецы духовные. Гордость, как говорит преподобный Иоанн Лествичник, заменяет в человеке все остальные страсти. И этот же отец заявляет, что смирение – добродетель, доступная одним только православным. Святитель Игнатий (Брянчанинов) также говорит, что нравственным признаком православия – не догматическим, не вероучительным, а нравственным – является учение о покаянии. Лучше нам иметь в себе некоторые, конечно нежелательные, но в каком-то смысле извинительные грехи, осознавать их и каяться в них и в то же самое время иметь живое, любящее, истинно христианское сердце, чем, не дай Бог, приобрести это так называемое бесстрастие, это окамененное нечувствие.

Как относиться к тому, что в нас (никакой разумный человек не будет этого отрицать) все-таки действуют греховные страсти? Преподобный Серафим Саровский одному человеку сказал: «Все делай потихоньку, полегоньку: добродетель не груша, ее вдруг не съешь». Сказано просто, как это было свойственно преподобному Серафиму, но, конечно, в этих шутливых словах содержится жизненный духовный опыт. Мы хотим добиться добродетелей, даже достигнуть бесстрастия быстро, в одно мгновение, как грушу съесть. Знаете, бывают такие сочные, спелые груши, такую один раз откусил, смотришь – ее уже и

нет. Так и нам хочется «съесть» добродетель, а если не получается, то мы сразу унываем и опускаем руки. Мы хотим стать бесстрастными через два-три дня, в крайнем случае (если мы очень терпеливы) через несколько месяцев – или вообще все бросить. Но Иоанн Лествичник говорит, что бесстрастие не для всех достижимо, а покаяние необходимо всем. Господь не всем дает бесстрастие. Он мог бы непостижимым, всемогущим, Божественным действием сделать так, чтобы каждый из нас в одно мгновение стал совершенно чистым и святым, как ангел. Но вместе с этой необыкновенной, небесной чистотой в нас могла бы появиться самая злейшая страсть – гордость. И поэтому лучше нам осквернятся некими брызгами греха и смиряться оттого, что наша душевная одежда пребывает в некоторой нечистоте, чем поддаться самой страшной страсти, как поддался ей родоначальник, изобретатель зла – диавол.

Надо сделать еще одно примечание. На одном из Поместных Соборов было принято такое правило: кто говорит о святых отцах, что они, называя себя грешниками, делали это из смирения, а на самом деле в них никакого греха не было – анафема да будет. Как сказано в богослужебных текстах, нет на земле человека, который «жив будет и не согрешит». Всякий человек, даже тот, которого мы называем святым, который, может быть, творил чудеса и вообще совершал великие христианские добродетели, все-таки имел в себе примесь греха. В том числе, между прочим, и гордости. Макарий Великий говорит, что не видел человека, совершенно свободного от гордости. Итак, мы действительно не имеем возможности полностью очиститься от греха, потому что Богу это не угодно и нам не полезно. Наше бесстрастие, даже в тех из нас, кто достиг состояния святости, относительно, условно, небезгранично. Бог оставляет нам лучшее: видеть и чувствовать в себе действие страстей и бороться с ними, лишь бы мы не поддались гордости и тщеславию.

Кто-то из святых отцов, рассуждая об этом, приводит пример из ветхозаветной истории. Когда евреи, в то время богоизбранный народ, вошли в землю обетованную, то не истребили сразу всех иноплеменников. Почему? Если бы они сразу истребили всех иноплеменников, то умножились бы хищные звери и стали нападать на израильтян. Кроме того, израильтяне, пребывая в совершенном мире, не были бы таким воинственным жизнеспособным народом, каким бывает народ, который вынужден постоянно преодолевать какие-то скорби. Так и с нами. Если бы мы сразу победили наших «иноплеменников» – демонов, тогда в нас умножились бы гордость и тщеславие, появилось бы нерадение. Борьба со страстями поневоле мобилизует искреннего христианина, заставляет его молиться. Может быть, он и не молился бы так, если бы не какое-нибудь бесовское внушение, с которым он вынужден бороться. Кроме того, эта борьба полезна и по другой причине. Время от времени оскверняясь бесовскими приражениями, может быть, мысленными падениями, человек смиряется. И потому когда он совершает добрые дела, иногда значительные и даже выдающиеся, то не гордится, постоянно видя свои падения, свою никчемность, немощь, греховность.

Итак, мы должны смотреть на свою страстность благодушно, не унывать от нее, потому что в конечном счете она нам полезна. Конечно, я сейчас говорю о тех людях, которые ревнуют о своем спасении, и совсем не оправдываю тех людей, которые пребывают в нерадении и предается всяким тяжким грехам. Нужно помнить такое святоотеческое изречение: «Смирение не есть осуждение совести». Обвинение совести и смирение – это разные вещи. Смирение процветает как раз у тех людей, у которых совесть чистая.

Еще раз говорю: весьма немногим дано достичь бесстрастия, этого блаженного состояния. Подавляющее большинство людей спасается через покаяние. И от покаяния мы, может быть, получим большую пользу, чем

от бесстрастия, к которому не готовы из-за отсутствия смирения. И вообще, трудно быть смиренным, когда у тебя есть повод для гордости. Мы очень немощные существа. Поэтому, повторю, состояние душевной безмятежности Господь дает только тем, у кого глубочайшее, непобедимое смирение, не колеблемое никакими соблазнами.

Мы не должны смущаться, что в нас действуют страсти, еще и по той причине, что невозможно избавиться от греховных привычек сразу. Для всякого дела необходимо время. Некоторые люди по особенному действию Божественной благодати, можно сказать чудесным образом, получают безмятежное, чистое состояние быстро, но это исключение. Как правило, человеку нужно потрудиться. В борьбе со страстями он приобретает, во-первых, покаяние, а через покаяние – смирение, во-вторых, некоторую опытность: он понимает, как грех приходит, как с ним бороться и как удержать противоположную ему добродетель. Он делает добро уже, так сказать, не бессознательно, но искусно, умело. Этого не могло бы быть, если бы он получил бесстрастие быстро и сразу. Поэтому для христианина нормальным отношением к своим страстям будет, с одной стороны, борьба с ними, сопротивление им, с другой – некоторое терпение, потому что борьба эта продолжается иногда многие годы.

Возможно ли для нас бесстрастие? Предать себя в этом воле Божией, не стремиться обязательно достигнуть высочайшего совершенства – вот самое разумное, именно евангельское отношение к бесстрастию для каждого христианина.

* * *

Часто после исповеди и, в особенности, после причастия ощущаю необыкновенную легкость, радость, все вокруг кажется хорошим, хочется смеяться. Сначала это не мешает помнить о молитве, а потом незаметно начинаю много говорить, шутить, смеяться без меры, от этого рассеиваюсь и согрешаю в помыслах, молитва оставляет и в конце концов возникает какая-нибудь брань. Может быть, мне вообще нельзя смеяться?

От запрещения смеяться человек не перестанет смеяться. Я думаю, что эта радость хорошая, правильная, но она переходит в радость человеческую, чего допускать нельзя. Нужно стараться сохранить молитву. Допустим, после службы, после нескольких часов молитвы, тебе трудно это сделать, хочется отдохнуть – тогда почитай книгу. Таким образом, избегая людей, то есть избегая ненужного общения, занимая ум и душу духовными занятиями, ты и удержишь эту радость. Одна хорошая монашеская поговорка говорит: «Всех люби и от всех беги». Вот тогда радость сохранится и даже, может быть, умножится.

А по поводу того, что вообще нельзя смеяться, скажу: наверное, лучше было бы, если бы мы, подобно Арсению Великому, всегда плакали, но мы для этого слишком немощны. Конечно, излишний смех вреден и опустошает, однако иногда лучше пошутить, чем поддаться какой-нибудь худшей страсти, например унынию, отчаянию или гневу. Но шутки должны быть не колкими, не едкими, не оскорбляющими ближнего. Безобидные, невинные, умеренные шутки в отдельных случаях даже полезны. А то посмотришь на иного, у него такой серьезный, такой чопорный вид, что невольно думаешь: либо он святой, либо совсем отчаявшийся.

У меня настроение меняется как погода: то мир и спокойствие, то уныние. Возможно ли всегда иметь мирное устроение души или это удел только совершенных?

Новоначальному это невозможно, но бороться за это нужно. Мир душевный – это самый первый признак присутствия Божественной благодати в нашей душе, это критерий правильной духовной жизни. Мой духовник, отец Андрей, всегда говорил о том, что главное – это сохранять душевный мир. Когда тебя покидает мир, значит, ты что-то сделал не так. Из-за чего это происходит? Из-за раздражения, уныния, нечистых помыслов – все это лишает нас благодати и таким образом мира.

Что значит предать себя воле Божией в отношении бесстрастия?

Трудиться изо всех сил и в то же время предать успех этих своих трудов на волю Божию. То есть: «Если Богу будет угодно, то я достигну, может быть, даже бесстрастия, а если Богу будет не угодно, – то, по крайней мере, хоть какого-то духовного преуспеяния». Не быть слишком дерзким, не требовать себе от Бога святости. Если мы будем требовать, если будем стремиться к чересчур высоким целям, то, пожалуй, разочаруемся в самих себе, а от этого может возникнуть и уныние, и отчаяние, и полная безнадежность.

Один человек, может быть, достигнет бесстрастия по какой-то причине через несколько лет, другой только перед смертью, а большинство людей может его никогда не достигнуть. Оно дается или не дается нам ради нашего же спасения. А в будущей жизни все, кто здесь трудились, обязательно достигнут этого безмятежного состояния.

Где граница нашего произволения, ведь оно происходит от помраченного ума? Как здесь разобраться?

Если бы у нас был полностью помрачен ум, тогда мы были бы демонами. В человеке есть и злое и доброе. И благодаря тому, что в нас осталось много доброго, наше естество не искажено совершенно, как у демонов, для нас возможно покаяние. У нас есть наклонности как злые, так и добрые. А куда мы направим свое произволение: к доброй части своего естества или к греховной – это зависит от нашего желания.

Если говорить абстрактно, то произволение – это просто желание, смутное влечение к чему-то доброму или злому. Но в жизни оно всегда облекается в какие-то формы: в жизненный опыт, духовные знания и так далее. В какой-то степени в этом произволении уже действует наша добродетель или, наоборот, мешает наша развращенность.

Как разобраться? Трудно, наверное, разобраться. Будем понуждать себя, сколько есть сил, делать добрые дела. По крайней мере, те, что находятся в твоей власти.

Это и будет произволение. А если человек может сделать добро, но не делает, то, по словам апостола Иакова, это будет грех. *Кто разумеет делать добро и не делает, тому грех*[221], – говорит апостол.

Почему Иисус, когда был отроком, жестоко поступил со своей Матерью, когда Он остался в храме, а Мать с беспокойством искала Его три дня?

Господь совсем не поступал жестоко, он заблудился, как мог бы заблудиться мальчик Его возраста. Он не проявлял до времени Своих сверхъестественных способностей и поэтому вел себя так же, как вели бы себя другие дети.

Кроме того, это произошло промыслительно, чтобы Божественность Христа обнаружилась уже в отроческом возрасте и чтобы потом не говорили, как делали это некоторые языческие философы, будто Он ходил в Индию, там обучился каким-то духовным тайнам, и поэтому Он такой необыкновенный. Чтобы было видно, что Он в двенадцатилетнем возрасте проявлял необыкновенный ум, несвойственный детям Его возраста: ведь книжники, с которыми Он беседовал, удивлялись Его мудрости. Обратите внимание, что это единственный эпизод во всех Евангелиях, который повествует об отрочестве Господа, и он для нас очень важен. Он доказывает, что Господь не совершенствовался в мудрости, как обыкновенные люди, приобретая какой-то опыт, знания, развивая гибкость ума и прочие умственные способности, – мудрость была в Нем сразу. Как только Христос с возрастом овладел языком своего народа и смог свободно изъясняться, мудрость его сразу обнаружилась, и все стали ей удивляться.

Поэтому тут проявилась не жестокость Господа, а, скорее, наоборот. Кроме того, как могло случиться такое, что Иосиф и Пресвятая Богородица о Нем на целый день забыли, упустили Его из виду? Это они, можно сказать, проявили некоторую беспечность, потому что понадеялись на родственников и хватились Господа только через день.

Почему мы к Кресту обращаемся как к личности, когда, например, поем на богослужении: «Радуйся, Живоносный Кресте»?

Действительно, мы, как выражаются некоторые богословы, персонализируем Крест, то есть обращаемся к нему как к личности, но не потому, что Крест – разумное существо. Это художественный прием, заставляющий нас рассматривать всю любовь Господа к нам, все дело спасения, которое Он совершил через Крест. В Великом посту мы читаем такую молитву: «Непобедимая, и непостижимая, и Божественная Сило Честнаго и Животворящаго Креста, не остави нас грешных», то есть мы обращаемся уже к силе Креста, а что это? Конечно же, благодать Божия. Надо относиться к этому разумно и не воспринимать все чересчур буквально, иначе это будет своего рода идолопоклонство.

В православном богослужении используются многие художественные приемы, например диалоги, которых на самом деле не было. На Благовещение Божией Матери читается канон, где вместо краткого евангельского диалога, который, несомненно, является абсолютно достоверным, приводится пространный диалог архангела Гавриила с Богородицей: архангел говорит Ей, Она сомневается, тот опять убеждает Ее, Она что-то ему отвечает. Не надо воспринимать это буквально, иначе мы должны будем либо думать, что все так и было, либо решить, что нам навязывают ложь. Это просто художественный прием богослужебной поэзии, призванный раскрыть сущность события.

Нам, людям обыкновенным, привыкшим к примитивному восприятию действительности, обращение к Кресту кажется странным, а для византийцев это было чем-то совершенно естественным. И в то же время никто не понимал это чересчур прямо. Подобные тексты были тогда не только в богослужениях – поучения знаменитых проповедников того времени были настолько сложны и изощренны, что наши современники их бы просто не

поняли, а тогда такие речи слушали с восторгом, еще и рукоплескали. Люди наслаждались красотой всевозможного рода. Они слушали проповеди не только ради содержания, но и ради красоты слога. Когда Иоанн Златоуст говорил свои поучения в Антиохии и Константинополе, горожане бросали все свои занятия, шли и слушали проповедь святителя на богослужении. Блаженный Феодорит Кирский (он жил на Востоке, но также был греком, человеком греческой культуры), епископ небольшого города Кира, рассказывал, что когда он заканчивал проповедь, то люди подходили и целовали ему руки. Вот как они любили все прекрасное!

Я не говорю, что мы хуже. Конечно, у меня такая любовь греков к красоте вызывает, откровенно говоря, восторг, но у каждого народа свои свойства. Когда святитель Димитрий Ростовский был назначен на Ростовскую кафедру, то начал проповедовать великороссам, или, как мы сейчас говорим, русским. Он по происхождению был малоросс, украинец, а в то время украинцы были гораздо более культурным народом, чем русские. Он увидел, что русские люди его не понимают и вынужден был говорить проще. Потому что конечная цель любой проповеди – это, безусловно, принести пользу людям.

Мы обращаемся к Кресту, как бы беседуем с ним для того, чтобы нам яснее понять, чт*о* произошло на Кресте и чт*о* было после этого события.

Когда я был маленьким, мать раз в год водила меня на причастие в один храм. Когда вырос, то скучал по этому храму: там было красиво, мне нравилось, как там поют и читают, и все больше и больше тянуло в церковь. Как это воспринимать? Господь меня привел к Себе таким образом, через красоту церкви?

Конечно. Для того, собственно, и существует красота богослужения, чтобы привлечь человека к Богу. Это все нужно не ради эстетизма, а ради человека: во-первых, чтобы привести его к Богу, а во-вторых, чтобы очистить его

всеми возможными способами, через разум, через чувства: зрение, слух, осязание. Все это – многообразно проявляющаяся любовь Бога к человеку.

Красота богослужения, как говорит митрополит Вениамин (Федченков), многих людей, которые в христианстве ничего, кроме обряда, не знали, удерживала в Церкви, освящала и, можно сказать, спасала. Он рассказывает о том, как простой народ ходил в храм до революции. Люди мало что понимали, мало кто умел читать, если же читали, то жития святых, какая уж там догматика. Но само богослужение делало их истинно верующими людьми – они им жили, и это совсем не мало! Поэтому нет ничего удивительного в том, что красота богослужения и сейчас привлекает людей и удерживает их в храме.

Мне однажды приснилась какая-то икона, я не понял, к чему это. А потом пришел в церковную лавку и увидел точь-в-точь такую же. Конечно, я сразу ее купил. Меня поразило, что сон сбылся, теперь гадаю, что Господь хотел мне этим сказать?

Думаю, лучше не обращать на это внимания. Так один сон сбудется, другой, третий, а потом диавол обманет, и все. Если ты купил иконку, которая тебе приснилась, или ты хотел купить, а тебе приснилось, где она продается, то это совсем не значит, что в этом есть какое-то откровение. Наоборот, таких вещей нужно бояться и быть осторожным.

Правда ли, что когда мы читаем святых отцов, они за нас в это время молятся?

Я слышал об этом. Сослаться на совершенно достоверный, авторитетный источник не могу, не припомню, но подобное мне говорил мой духовник.

Могут ли святые, как Бог, видеть, что происходит у нас в сердце?

Святые видят постольку, поскольку им открывает Бог. Если мы молимся, например, святителю Николаю о том, чтобы он избавил нас от какой-нибудь скорби, житейской или душевной, то, конечно же, он видит, что с нами происходит, потому что Бог ему это открывает. Если в этой

жизни есть люди, которые по внушению Святого Духа знают будущее или прозревают чужие мысли, то в будущей жизни, где люди соединены с Богом, им тем паче может быть открыта истина.

Как бороться с сердечным бесчувствием?

Вот это и есть так называемое ложное бесстрастие. Даже само неверие, в сущности, это бесчувствие. Как можно не верить? Это же дикость, абсурд, нелепость. Человек смотрит на природу и не восхищается, не приходит к мысли о Творце. А воспринимает так: солнце светит, тепло и хорошо. Это разве не бесчувствие?

Как с этим бороться? Возбуждать в себе ревность, сочувствие к духовным истинам. Читать Священное Писание, которое возбуждает в нас веру и страх Божий, читать святых отцов, рассказывающих о духовной жизни. Такие книги не только учат нас, как правильно верить и правильно жить, но и само их чтение возбуждает ревность к правой вере и к праведной жизни. Нужно читать, в конце концов, жития святых. Недаром в монастырях, в основном за трапезой, принято читать именно жития святых, чтобы в нас появлялась ревность подражать им. Ну и, конечно же, бесчувственность прогоняется покаянной молитвой и памятью смертной. Но для начала, чтобы не браться за слишком высокие, недоступные для нас добродетели, такие как память смертная или усиленная покаянная молитва, возьмемся за чтение Священного Писания и святых отцов.

Вы говорили о том, что к себе надо предъявлять строгие требования. Можно ли требовать от себя бесстрастия? И как вообще определить для себя цель преуспеяния?

Не все могут достигнуть бесстрастия, и не только потому, что плохо подвизаются, или по другим причинам, зависящим от самого человека. Иным Господь не допускает прийти в бесстрастие, чтобы они не впали в еще больший грех – гордость. Святые отцы рассуждают о том, что некоторым, даже великим подвижникам, оставляется некая малая страсть, чтобы они смирялись. Святитель Григорий

Двоеслов рассказывает в своих «Собеседованиях…» об одном подвижнике, Исааке Сполетском, который даже чудеса творил, но иногда был чрезмерно весел. Петр, собеседник святителя, спрашивает у него: «Почему этот подвижник был весел, от благодати?» А святитель Григорий говорит: «Не от благодати, но Бог попустил ему некоторую слабость для того, чтобы она его смиряла и он не впал в б*о*льшие грехи», то есть в гордость. Так что бывает и такое. Бесстрастие не всем полезно, поэтому Господь не всех допускает до такого состояния, тем паче в наше страшное время. Мы стали очень горделивыми: имеем одни грехи – и то испытываем необыкновенную гордость. Гордимся чем попало, и добрым и злым: и тем, например, что вообще не пьем, и тем, что можем выпить очень много. Кому нечем гордиться, тот кичится даже своим ничтожеством. Поэтому в наше время Господь не дает людям таких дарований, не дает такой чистоты, чтобы это не послужило к нашему большему падению.

Хотя я не хочу никого отвращать от настоящей ревности, от стремления к высшим духовным состояниям, к бесстрастию, но лучше изо всех сил каяться, а в остальном положиться на волю Божию. Это будет спокойнее. Но, опять же, не должно быть чрезмерного спокойствия: нельзя молиться как бы по привычке и думать, что не нужно никакого подвига, никакого принуждения, Господь и так все даст.

К чему стремиться в духовной жизни – это вопрос очень тонкий, и я думаю, что каждому человеку желательно советоваться об этом с опытным наставником. Одному нужно стремиться к тому, чтобы бросить пить, другому – к тому, чтобы избавиться от тщеславия, а третьему – к тому, чтобы всегда пребывать в Божественном свете, не упускать его из своей души. У каждого своя степень преуспеяния. Каждый должен исследовать свою меру и соответственно этому подвизаться дальше.

Один бесстрастный подвижник, Симеон Христа ради юродивый, мог пройти по городу обнаженным. Почему он не

думал о других?

Это объясняет Иоанн Лествичник, приводя в пример этот его подвиг. Он говорит, что такие люди, совершая поступки соблазнительные, своей пламенной молитвой покрывали всех от соблазна. То есть совершая то, что по видимости могло других соблазнить, блаженный Симеон так усиленно молился, что благодаря его молитве они не соблазнялись, чтобы им это не пошло в осуждение. Так же поступали и другие Христа ради юродивые.

О внутренней борьбе с собой

Как действительность формируется внутри нас. – О градации принятия помыслов. – Очищение себя надо начинать изнутри. – *Царствие Небесное силою берется*. – Что значит повеление Евангелия вырвать себе правый глаз и отсечь правую руку? – Евангельские заповеди обязательны для всех. – Может ли бес войти в душу человека? – Как соблазн действует через чувства. – Каких помыслов нужно особенно остерегаться.

Сегодня мы поговорим о том, какой жестокой должна быть наша борьба с помыслами, и о том, какие усилия требуются от нас в исполнении заповедей.

Начну издалека. Мы верим в реальность действительности, которая нас окружает. Мы не уподобляемся в этом отношении восточным мистикам, которые считают, что мир – это иллюзия, что он нам только кажется и что случайное сочетание неких частиц, дхарм, как говорят буддисты, порождает сознание того или иного субъекта. Нет, мы считаем, что окружающая нас действительность вполне реальна. И в то же время мы понимаем, что эта действительность формируется внутри нас. В каком смысле? В том смысле, что наша деятельность начинается с мысли, чувства.

Об этом говорит и святое Евангелие. Евангелист Марк рассказывает нам, как к Господу Иисусу Христу приступили фарисеи и некоторые из книжников, пришедших из Иерусалима. Надо полагать, они считали себя особенно сведущими в Писаниях по той причине, что жили в духовной столице всего мира. *Увидев некоторых из учеников Его, евших хлеб нечистыми, то есть неумытыми, руками, укоряли. Ибо фарисеи и все Иудеи, держась предания старцев, не едят, не умыв тщательно рук; и, придя с торга, не едят не омывшись. Есть и многое другое, чего они приняли держаться: наблюдать омовение чаш, кружек, котлов и скамей. Потом спрашивают Его фарисеи и книжники: зачем*

ученики Твои не поступают по преданию старцев, но неумытыми руками едят хлеб? Он сказал им в ответ: хорошо пророчествовал о вас, лицемерах, Исаия, как написано: люди сии чтут Меня устами, сердце же их далеко отстоит от Меня[222].

Заметьте, что эти слова: *Люди сии чтут Меня устами,* то есть наблюдают лишь за внешним исполнением закона, относятся, пожалуй, почти ко всем. Мы можем внешне всё исполнять, а сердце наше при этом будет далеко отстоять от Бога.

Но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим. Ибо вы, оставив заповедь Божию, держитесь предания человеческого, омовения кружек и чаш, и делаете многое другое, сему подобное. И сказал им: хорошо ли, что вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание? Ибо Моисей сказал: почитай отца своего и мать свою; и: злословящий отца или мать смертью да умрет. А вы говорите: кто скажет отцу или матери: корван, то есть дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался, тому вы уже попускаете ничего не делать для отца своего или матери своей, устраняя слово Божие преданием вашим, которое вы установили; и делаете многое сему подобное[223]**.**

Фарисеи придумали такую уловку: объявляли, что средства, которые они должны были употребить на содержание престарелых родителей, они жертвуют Богу, и считали себя свободными от обязанностей по отношению к отцу и матери.

И, призвав весь народ, говорил им: слушайте Меня все и разумейте: ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека. Если кто имеет уши слышать, да слышит![224] **Некоторые понимают эти слова в том смысле, что не нужно соблюдать посты. Они оправдывают себя так: раз** *ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его*, значит, скоромная пища в пост меня не осквернит, а осквернит меня, допустим, грубое слово. Это не совсем так. Конечно, никакая пища сама по себе человека не оскверняет, но она производит в

нем определенное душевное движение. Если человек предается чревоугодию, в частности нарушает посты, то из-за невоздержания у него может возникнуть нечистая страсть, а уж она, безусловно, его осквернит. Поэтому, хотя и косвенно, но чревоугодие, пресыщение оскверняет человека. Господь сказал здесь о том, что если человек ест неумытыми руками, то душу это осквернить никак не может.

Но что исходит из него, то оскверняет человека. **А что это? Конечно, не естественные отправления, а греховные мысли и чувства.** *И когда Он от народа вошел в дом, ученики Его спросили Его о притче. Он сказал им: неужели и вы так непонятливы? Неужели не разумеете, что ничто, извне входящее в человека, не может осквернить его? Потому что не в сердце его входит, а в чрево, и выходит вон, чем очищается всякая пища*[225]. То есть нужно различать в человеке телесную природу, по которой он подобен животным, и природу духовную. Ведь человек – это его душа, поэтому оскверняет его не то, что оскверняет тело, а то, что оскверняет душу. *Далее сказал: исходящее из человека оскверняет человека. Ибо извнутрь, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, – всё это зло извнутрь исходит и оскверняет человека*[226].

Смотрите, сначала Спаситель говорит такие примечательные слова: *Потому что не в сердце его входит*, а далее: *Ибо извнутрь, из сердца человеческого, исходят злые помыслы.* Так что же оскверняет человека: то, что входит в сердце, или то, что из него исходит? Противоречия здесь нет: в сердце входит соблазн, а из сердца исходит уже намерение. Наша задача состоит в том, чтобы не впустить соблазн в сердце: если он войдет и сердце с ним согласится, тогда из сердца изойдет решение совершить тот или иной поступок. Господь сказал: *Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем*[227]. Что это значит? Если я принял блудный помысел, согласился с ним в сердце, вообразил себе, как я поступлю, – то я уже

прелюбодействовал в сердце. А после того как я со всем согласился и выработал определенный план действий, тогда я, естественно, уже смотрю на предмет моей страсти с вожделением. Это можно сказать и о любой другой страсти: о гневе, сребролюбии, о чем угодно.

То, что пытается войти в наше сердце, нас еще не оскверняет, но то, что исходит из нашего сердца, благодаря согласию с греховным помыслом, уже оскверняет. То есть если к нам пришел злой помысел – принес ли его диавол, или мы просто увидели или услышали что-нибудь искусительное, – то он вошел еще только в сознание, а не в сердце, мы еще не согрешили. Приняли мы только то, с чем согласились в сердце – своей самой сокровенной части, где мы бываем совершенно искренними. Если мы только посмотрели на какую-нибудь пищу, то мы ее не ели. Так и здесь: когда человек взирает на соблазн, но сердцем не принимает его, значит, он не насытил им свое сердце, душа его не вкусила этого греха.

Святые отцы ввели градацию принятия помыслов: прилог, сочетание, сосложение, страсть и, наконец, грех, совершенный на деле. Конечно, это условно, в жизни такой точной градации не существует. Но основное мы должны помнить: то, что предстает перед нашим умом через чувства или даже через воображение – сами мы вспомнили об этом или диавол нам это принес, – это еще не грех. Если же мы сердцем согласились с помыслом, значит, до какой-то степени усладились им. Согласились мы с ним чуть-чуть или приняли полностью – это, конечно, имеет большое значение, но мы должны определять греховность нашей реакции именно по тому, усладились мы помыслом или нет. Если усладились, значит, мы уже, в широком смысле слова, прелюбодействовали в сердце своем по отношению к Богу. И этот прелюбодейный помысел – не только блуда, но и гнева, сребролюбия, чревоугодия – оскверняет человека.

Прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое

око, богохульство, гордость, безумство, – всё это зло извнутрь исходит и оскверняет человека. **И здесь имеются в виду не грехи, совершенные на деле, а именно помыслы: оскверняет человека не только, скажем, убийство, а самый помысел убийства, не только разорение храма, а даже мысленное богохульство. Мы, как люди здравомыслящие, должны понимать, что не всегда человек имеет возможность исполнить свое намерение. Кто-то, может, мечтает разбогатеть и хотел бы украсть, но не имеет такой возможности или если имеет, то боится наказания со стороны властей. Но фактически, в сердце своем, он уже согрешил. Мы очень часто не исполняем греховных намерений именно по той причине, что боимся последствий или не имеем возможности их осуществить. Если бы мы имели совершенную свободу грешить и знали бы, что останемся безнаказанными, то мы бы много чего себе позволили. Допустим, демонам некоторые грехи невозможно совершить физически. Они хотели бы и блудить, и чревоугодничать, но, как бесплотные, не имеют такой возможности. Поэтому они услаждаются только своими отвратительными помыслами и возбуждают людей к тому, чтобы они предавались этим помыслам или даже самим грехам, и мысленно, духовно соучаствуют в этих грехах.**

Все это зло извнутрь исходит и оскверняет человека. **Зло не субстанция, не нечто самостоятельно существующее. Зло есть отклонение той или иной природы, сотворенной Богом, от своего естественного предназначения. Если речь идет о человеке, то это прежде всего отклонение от его разумной природы. Собственно грехом является отклонение человека от воли Божией. И источником зла является каждое разумное существо: и демоны, и люди, предавшиеся внушениям бесовским. Когда зло входит в наше сердце и мы его принимаем, тогда и сами мы становимся источником зла. Поэтому Спаситель совершенно определенно говорит:** *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят*[228]. Мы должны стремиться к тому,

чтобы наше сердце было чисто. От чего чисто? От злых помыслов.

Мы сами многократно чувствовали, что когда предаемся какой-нибудь греховной мысли, то наша душа опустошается. Мы иногда так и говорим: «Скверно на душе». А если совсем предались рассеянности, пустым, греховным, отвратительным мыслям, тогда признаёмся: «Прямо тошно!». Простой жизненный опыт, известный всякому человеку, подтверждает эту истину: оскверняет человека то, что исходит изнутри его, – его мысли и чувства. И чтобы приблизиться к Богу, мы должны очищать свое сердце, не давать ему источать нечистоту, которая не только оскверняет наши мысли, но и заставляет нас совершать греховные поступки. А если мы попытаемся сначала исправить внешнее поведение, а сердце свое оставим без внимания, то у нас ничего не получится. Господь говорил фарисеям: *Фарисей слепой! Очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их*[229]. Конечно, Он имел в виду *внутренность* не посуды, а человека. И только когда мы очистим себя изнутри, мы сможем исполнять Божественные евангельские заповеди.

Как же нам принудить себя к тому, чтобы наше сердце не помышляло ни о чем греховном? Мы должны не допускать в свое сердце нечистых помыслов и не соглашаться с ними. Правда, некоторые великие угодники Божии позволяли себе рассматривать соблазнительные мысли, но делали это с той целью, чтобы еще более утвердиться в добре. Они вводили внутрь себя соблазн, а их сердце противостояло этому соблазну и еще более укреплялось в той или иной добродетели. Но мы не можем позволить себе этого. Наша задача состоит в том, чтобы не дать соблазнительному помыслу войти в сердце: если он туда войдет, то сердце с ним почти наверняка согласится, и из сердца выйдет уже оформившееся намерение совершить грех на деле.

Что нам делать, чтобы пресечь постоянное действие соблазнов на нашу душу? Поскольку наша природа

искажена, то мы на все смотрим неправильно. Ни в женщине, ни в мужчине нет ничего соблазнительного и греховного, но мы, имея страсти в своем сердце, смотрим на все, так сказать, криво. Мы видим не творение Божие, а тот или иной повод к тому, чтобы уклониться от естественного порядка и действовать разрушительно. И многие, приступая к евангельской жизни, не понимают, что борьбу нужно начинать изнутри. Не понимают, что никогда не смогут жить по-христиански, если не будут постоянно следить за своим сердцем и вести борьбу внутри себя. Сердце есть источник жизни человека. Я сейчас имею в виду не то сердце, которое кровь разгоняет, а духовный орган, который по своему местоположению в теле, вообще в существе человека совпадает с сердцем. Надо отличать орган телесный от духовного: ведь если человеку сделали пересадку сердца, то это не значит, что ему и душу пересадили.

Итак, приступая к евангельской жизни, мы не понимаем, во-первых, того, что исполнять заповеди нужно внутренне, а во-вторых – что к этому нужно себя понуждать. Мы ожидаем, что когда мы хорошо узн*а*ем заповеди или святоотеческое учение по тому или другому вопросу, то после этого у нас все будет получаться само собой, без всяких трудностей. Но это не так. Необходимо крайнее, глубочайшее понуждение себя во всем: и в молитве Иисусовой, и, самое главное, в борьбе с помыслами, с которых всё начинается. Если мы этого не поймем, то у нас никогда ничего не выйдет, хоть бы мы были семи пядей во лбу. Другого пути, кроме того, который перед нами изобразил Господь Иисус Христос, нет. Если мы верим, что Иисус Христос есть Сын Божий, если верим, что Он есть *путь и истина и жизнь*[230], то ни в чем не сможем найти другого пути, другой истины, и жить иначе мы также не сможем. Поэтому нужно, повторю, идти путем, который указал нам Господь в Своем Евангелии, а не изворачиваться и вычитывать в книгах святых отцов что-то особенное, пытаясь таким образом обойти

Евангелие. Святоотеческое учение – это разъяснение Евангелия, а не какой-то окольный путь.

Спаситель сказал: *Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е*[231]. По-русски: *Царствие Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его*, то есть чтобы обрести Царствие Небесное, о котором Спаситель сказал: *Царствие Божие внутрь вас есть*[232], мы должны употреблять усилие. Если мы читаем Иисусову молитву без усилия, без внимания, если мы боремся с помыслами без усилия, если мы, поддаваясь греховным мыслям и имея греховное намерение, не будем сдерживать себя в поступках, то мы никогда не приобретем Царствия Небесного ни внутри самих себя, ни в будущей жизни. И это нужно хорошо усвоить тем, кто желает на самом деле исполнять заповеди.

Наша ошибка, иногда приводящая к трагическим последствиям, страшна и в то же время элементарна – это лень. Недаром Спаситель в одной из притч называет человека, который не исполнил Его повеления, рабом лукавым и ленивым. Все очень просто: лукавство – это самооправдание, а причина неисполнения – лень. Господь все сделал для нашего спасения, и мы должны напрячь все свои силы до крайности. Тогда придет и помощь Божия, которая восполнит нашу немощь, но придет только при том условии, что мы свои силы, пусть и малые, напряжем до предела.

О том, какое усилие от нас требуется, в Евангелии от Матфея говорится даже дважды: один раз относительно блудной страсти, а другой – относительно вообще всех соблазнов. Отсюда мы должны сделать вывод, что борьба с разными страстями протекает совершенно одинаково. Спаситель говорит: *Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от*

себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну[233].

Итак, мы видим: чтобы победить соблазн, необходима необыкновенная жестокость к себе, необыкновенная твердость. Если глаз тебя соблазняет – вырви его и брось от себя. Конечно же, это надо понимать не буквально, ведь люди, лишенные зрения, умом также видят всевозможные соблазны. Здесь говорится о необыкновенной жестокости к помыслам. Если та или иная страсть нам так же дорога, как наш собственный глаз, то мы должны не только вырвать ее, как бы из глубины своего существа, но и отбросить от себя. Вот какая сила духа необходима для того, чтобы бороться с помыслами! Представьте себе: человек вырвал себе глаз, да еще и отбросил его! Это говорит о его ненависти к самому себе. Если мы этого не поймем, мы никогда не победим грех. Что бы мы ни выдумывали, что бы мы ни вычитывали или даже как бы мы ни молились, но если мы не будем к себе так безжалостны, значит, ничего не достигнем. А если мы говорим, что не можем так сделать, то мы лжем, потому что Спаситель не дал заповедей, которые невозможно исполнить.

Мы должны вырвать соблазн из своего существа и как бы с ненавистью отбросить. Если бы мы действительно верили, что существует геенна огненная, и боялись вечных мук, тогда бы мы, конечно же, нашли в себе силы и мужество для такого поступка. Поэтому Спаситель и говорит: *Лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело было ввержено в геенну*. И, я думаю, когда нас борет тот или иной соблазн, та или иная страсть, то весьма уместно вспомнить эти слова Спасителя, вспомнить о вечных муках – это нас отрезвит. Необходимы и молитва, и память смертная со страхом вечных мук, и крайнее понуждение себя.

Если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну[234]**. В другом месте Спаситель, не касаясь конкретной страсти, а рассуждая о соблазнах вообще, говорит то же, но**

подробнее: *Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит*[235]. Соблазнам *надобно придти* не в том смысле, что Спаситель этого хочет, а в том смысле, что от этого не уйдешь. Многие из нас почему-то считают, что можно найти место, где соблазнов нет. Одни думают, что это в монастыре, другие, уже находясь в монастыре, – что это в лесу, а те, которые живут в лесу, думают, что это в каком-нибудь дупле. Но места, где не было бы соблазнов, нет. Спаситель ясно сказал, что *надобно придти соблазнам*, мы от них никуда не уйдем, какими бы мудрыми мы ни были. Мы не можем устроить свою жизнь так, чтобы не сталкиваться с соблазнами, и можем избежать их лишь в том смысле, чтобы не принимать. Поэтому нужно заранее настроить себя не на то, чтобы избегать соблазнов, а на то, чтобы с ними бороться.

Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный; и если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную[236]**. Некоторые говорят, что человек, в том числе и христианин, должен быть всесторонне развит, но не так говорит Евангелие. Евангелие предполагает, что человек с одной рукой или одной ногой входит в жизнь вечную легче, чем человек, обладающий всеми членами. Как же одноногий может войти более удобно, чем здоровый? Конечно же, речь здесь идет не о членах тела, а о душевном состоянии. Перечисление же членов тела наводит на мысль о том, что здесь имеется в виду нечто особенное. Мне кажется, что под глазом подразумевается простой помысел, как бы взгляд на грех, потому что глаз только взирает на предмет. Нога – это стремление совершить какой-то поступок, потому что ногами мы приближаемся к предмету, который нас интересует. А под рукой подразумевается самое дело, потому что руками мы совершаем все свои дела. Итак, мы должны и очистить**

свой ум, и бороться с намерениями, и самих поступков не совершать.

Наиболее подробно эти слова передает евангелист Марк: *Если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает. И если нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее: лучше тебе войти в жизнь хромому, нежели с двумя ногами быть ввержену в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает. И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную, где червь их не умирает и огонь не угасает*[237]. Когда я в молодости читал эти слова, то по наивности думал: «Зачем повторять одно и то же?» А ведь это повторение многое значит: оно как бы троекратно утверждает, что мы, борясь со своими помыслами, должны вспоминать вечные муки – это очень помогает человеку отрезвиться.

Представьте себе человека, которому с одной ногой, одной рукой и одним глазом идти легче, чем человеку с двумя ногами, двумя руками и двумя глазами. Итак, в духовной жизни не должно быть никакого всестороннего развития, наоборот, необходимо чрезвычайное ограничение себя, чрезвычайная борьба с собой. Если что-то в нашей жизни: общение с людьми, то или иное занятие или определенный образ мыслей – дорого нам так же, как член нашего собственного тела, но мешает нам жить по Евангелию, то мы должны это отсечь, потому что иначе не войдем в жизнь вечную. Почему же мы этого не делаем? Потому, что не видим перед своими глазами то место, где червь не умирает, а огонь не угасает, и не верим в это по-настоящему.

Вот такой жестокой должна быть борьба с помыслами, для того чтобы человек духовно развивался. Если такой жестокости к себе не будет, а будет саможаление и неразумная, бесплодная любовь к себе, то человек будет падать и падать без конца. И выхода он никакого не найдет,

и никакой самый мудрый духовник ему не поможет, и никакой великий старец его не вымолит. Если бы даже этот человек так молился, что и мертвых бы воскрешал, но при этом не проявлял бы такой жестокости в борьбе с помыслами, то и молитва ему тоже не помогла бы. Нужно понять простую вещь – нельзя спастись иначе, чем так, как об этом говорится в Евангелии, от этого никуда не денешься. Нравится тебе этот путь или не нравится, любишь ли ты Бога или боишься Его, как жестокого господина, а деться некуда. Либо так, либо никак. Умные мы или глупые, духовные или бездуховные, старые или молодые, в миру или в монастыре – нам все равно нужно жить по Евангелию.

Это не противоречит тому, что у каждого человека должна быть непрестанная молитва и что непрестанная покаянная молитва является сильнейшим оружием в борьбе с грехом. В самой молитве также необходимо крайнее понуждение себя, но одновременно надо понуждать себя к борьбе с грехом. Даже если мы будем очень сильно понуждать себя к молитве, но не будем противиться соблазнам, проникающим в нашу душу через чувства и воображение, то и молитва нам не поможет. Более того, если человек молится и одновременно принимает соблазнительный помысел, то, будучи более склонным к злу, чем к добру, он постепенно обращает все внимание к соблазнительному помыслу, увлекается им, молитва его слабеет, становится невнимательной, а иногда и вовсе пропадает. И в конечном счете зло берет верх. Да, есть редчайшие исключения – люди, которые имеют такую пламенную молитву, такую великую благодать, что, впустив внутрь помысел, молитвой побеждают его и еще более утверждаются в добродетели. Но это удел немногих, необыкновенно высокопреуспевших подвижников. И даже некоторые из таких подвижников не советуют этого делать. Преподобный Пимен Великий и подобные ему могли так поступать, но, я думаю, среди нас таких нет. Впрочем, даже если бы среди нас и нашелся человек, пришедший в меру

Пимена Великого, то и ему мой совет также не повредил бы. Он бы ничего не потерял. Лучше при высоком духовном состоянии проявить некоторую осторожность, чем, наоборот, вообразить, что ты уже чего-то достиг, а на самом деле себя искушать и в конце концов споткнуться и упасть.

Кратко подведу итоги тому, о чем мы говорили в этой беседе. Итак, нас оскверняют помыслы, исходящие из сердца, и потому мы должны с этими помыслами бороться, проявляя к себе необыкновенную жестокость. Это делание святыми отцами названо отсечением помыслов. Однако это лишь звучит так просто и красиво – «отсечение помыслов», на деле же необходима жестокая борьба. Поэтому отцы и говорят, что монашество, при правильном прохождении подвига, превращается в мученичество. Но эти слова можно отнести и ко всем христианам. Ведь кроме обетов безбрачия, нестяжательности и послушания все остальные заповеди общие и для мирян, и для монашествующих. Евангелие для всех одно. Просто есть обязательные вещи, которые должны исполнять все, и есть добровольные дары, как говорит о том авва Дорофей. Он сравнивает христианскую жизнь со служением царю: одни приносят ему обычную подать, то есть налог, а другие сверх этой подати приносят еще и дары. Вот в этом отличие монашествующих от мирян, а все остальные заповеди обязательны для всех.

Многие считают, что мирянину вообще все можно, а монаху ничего нельзя, но это неправда. Древние христиане были очень строгими к себе. Как сказал один ученый-историк, древние христиане были все монахами. Даже семейные люди, постоянно находясь под опасностью пострадать за Христа, в душе своей уже отрекались от всего земного. Принимая крещение, они знали, что идут на смертельный риск, ибо если их арестуют, то они во мгновение ока лишатся всего: состояния, здоровья, близких, а может быть, и жизни. И человек жил в таком самоотречении, исполняя слова апостола Павла о том, что имеющий жену должен быть как не имеющий. Вот каков

был дух древних христиан. Их пример должен всегда быть у нас перед глазами. Может, мы не достигнем такого состояния, но нам необходимо стремиться и по возможности приблизиться к нему. А не оправдывать себя тем, что в наше время, когда люди пьют газированную воду и ездят на троллейбусе, это невозможно.

* * *

По каким признакам священник может распознать в себе дар экзорцизма?

Я не знаю. У меня дара экзорцизма нет. И вообще, это занятие очень опасное для священников. Мой духовник, хотя был высокодуховный человек, никогда не дерзал этого делать. И с большой осторожностью советовал своим духовным друзьям этим заниматься. Он рассказывал про одного своего духовного друга, монаха из Глинской пустыни. Когда тот был еще иеродиаконом и совершал каждение храма, то бесноватые начинали кричать. Вот у него, видимо, действительно был дар изгонять бесов. Может быть, он был очень смиренный или чистый человек – не знаю. В наше время, к сожалению, многие священники дерзают за это браться, не имея на то никаких оснований. Я знаю один случай, когда священник, который совершал отчитки, повредился в уме. Потом он оставил это и пришел в себя.

Еще мне рассказывали такой случай. Один молодой ревностный священник (а у молодых часто бывает неразумная ревность) служил на небольшом приходе в маленьком городе или деревне. И вот привезли к нему бесноватую. Он взялся ее отчитывать. Стал читать этот чин, кажется, ей даже помогло. А ему нужно было на следующий день служить литургию, был какой-то большой праздник. Но на него напало такое расслабление, что он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Даже правило, положенное священнику, он вычитать не мог. Тогда он сказал своей матушке, чтобы она читала правило ко причащению. Та стала вслух читать, и постепенно,

постепенно, когда она закончила читать, священнику стало легче. И впредь он уже не дерзал этого делать.

Может ли бес войти в душу человека? Почему это происходит?

Если говорить об этом буквально, то бес не может войти в душу человека. Внутрь человеческой души может проникнуть только Господь Своим сверхъестественным, Божественным действием. Бес входит в тело человека и живет в нем, овладевая до той или иной степени его душевными или телесными проявлениями. Бывает, что человек изредка подвергается припадкам, а иногда – полностью теряет контроль над собой.

Известны необыкновенные случаи. Однажды в Иоанновский монастырь на Карповке привезли одного бесноватого. Во время пения Херувимской он вырвался из рук нескольких сильных мужчин и по воздуху пролетел к выходу. Представляете, сколько в нем было бесов! И как они не выносили действия благодати от мощей великого угодника Божия – святого праведного Иоанна Кронштадтского!

В переносном смысле слова можно сказать, что бес в нас живет своим действием, внушая нам те или иные помыслы или пожелания. И если мы с ними соглашаемся, как бы содействуем этому бесовскому влиянию, то мы согрешаем в мыслях, допустим, осуждаем, или раздражаемся, или грешим на деле – и это уже больший грех. Наша воля, наше человеческое действие соединяется с бесовским действием. И когда человек подвержен такому сильному влиянию той или иной страсти, скажем блудной или пьянству, он не может себя удержать. Бес им владеет, хотя и не живет в этом человеке. Бывает, что за такое добровольное подчинение демонам, в конце концов, в развращенного человека демоны действительно входят и овладевают им полностью. Случается, что и до самоубийства доводят.

Бес может войти в человека за грехи родителей, за грехи самого человека или под действием колдовства, если

он не прибегает постоянно к помощи Божией, не исповедуется, не причащается, не молится. Я напомню случай из жития Макария Великого. Правда, здесь речь идет не о бесновании, а о колдовстве, но, чтобы показать, в какой защите от бесов мы нуждаемся через Церковь, я приведу этот пример. К одной благочестивой женщине стал приставать распутный египтянин, склоняя ее к сожительству, но она категорически не соглашалась. Тогда он рассердился и прибег к помощи чародея, который сделал так, что всем, кто смотрел на нее, она казалась лошадью. Конечно, это не значит, что тело ее изменилось – это невозможно, но демоны устроили так, что все видели ее лошадью. Пришел муж, смотрит, а у него вместо жены – лошадь. Он повел ее к Макарию Великому в пустыню. Чары были настолько сильны, что даже монахи видели лошадь, а не женщину. И только сам Макарий Великий – благодать в нем была очень обильна – увидел, что это женщина. Преподобный помолился о ней, отогнал беса, и женщина приняла обыкновенный вид. И он сказал ей: «Ты потому подверглась такой напасти, что уже пять недель не причащалась Святых Христовых Таин». Пять недель, то есть чуть больше месяца она не причащалась и уже оказалась беспомощной перед сатанинским действием. О чем это говорит? О том, что необходимо вести напряженную духовную жизнь. Мы причащаемся несколько раз в году и думаем, что мы уже чуть ли не святые. Надо исповедоваться, причащаться, молиться, следить за собой, и тогда действие чародеев окажется против нас бессильным. Благодать Божия нас покроет.

Человек может подвергнуться бесовскому действию за гордость. Николай Мотовилов, близкий ученик и духовное чадо преподобного Серафима Саровского, после кончины старца собирал сведения о его жизни и чудесах. И вот он между прочим нашел повествование о том, как бесноватая девица исцелилась у раки святителя Митрофана Воронежского. Он стал рассуждать: «Как же эта девица, православная христианка, стала бесноватой? Вот в меня

бес никогда не войдет, потому что я часто причащаюсь». И как только он об этом подумал, его окутало темное облако и сквозь стиснутые зубы стало проникать внутрь него. На Мотовилова напало такое оцепенение, что он не мог даже рукой пошевелить. Он подвергся сильнейшему беснованию – на протяжении нескольких дней испытывал различные адские мучения. И потом по молитвам его духовника, архиепископа Антония Воронежского, знаменитого подвижника, и по молитвам всех монастырей и церквей Воронежа (по благословению этого архиепископа) у него эта мука прекратилась. Но окончательно он исцелился только через тридцать лет – в день открытия мощей святителя Тихона Задонского. Святитель Тихон, между прочим, очень страшен для бесов. Я знал одну бесноватую женщину, которую, при упоминании имени Тихона Задонского, сразу начинало корчить.

Некоторым святым отцам были такие откровения: они видели, как бес в виде эфиопа, желая подвигнуть какого-то человека на грех, пускает в него стрелы. Как это понимать?

Думаю, это образ. Чернота беса символизирует его злую сущность, а стрелы – это мысли, которые он пытается нам внушить.

В Отечнике есть такое повествование. Один молодой монах, подверженный блудной брани, но, однако же, мужественно с ней сражавшийся, пошел к старцу. Думал, раз это старец, значит, подскажет, что ему делать. А старец был неопытный, никогда ничего подобного сам не испытывал. И он стал жестокими словами упрекать этого молодого монаха, говоря, что он достоин всякого презрения, и даже посоветовал ему жениться. Тот вышел из его келии в унынии. Промыслительно он встретил авву Аполлоса. Тот спрашивает: «Почему ты в таком унынии?» Монах после некоторого сопротивления во всем ему признался. Тогда авва Аполлос помолился так: «Господи, обрати брань юноши на этого старца!» – и тут же увидел демона в виде эфиопа, который направлял стрелы в сторону келии старца. Вдруг этот старец выскочил из келии

и побежал в ближайшую деревню. Авва Аполлос остановил его и спросил: «Куда ты бежишь, как юный?» А тот не мог дать никакого ответа, но знал, что авва Аполлос был прозорливый, и признался ему. И тогда авва укорил его, сказав: «Этот брат борется много лет, а ты и часа не выдержал. Раньше демоны на тебя не нападали просто из-за твоего нерадения. Теперь иди и подвизайся».

Другое видение. Один прозорливый старец видел, что когда умирал некий затворник – также нерадивой жизни или, может быть, прельщенный, – то явился демон, вонзил в его сердце трезубец и три часа мучил, пока тот не испустил душу. Преподобному Макарию Великому было видение, что демон с разными сосудами шел в пустыню искушать монахов. Такие видения изображают сущность вещей, но не соответствуют буквально этой сущности.

Демонские стреляния, повторю, – это греховные ощущения, чувства, мысли, которые бесы нам внушают. Не нужно думать, что бес ходит с рогами и хвостом и стреляет из лука. Он имеет какой-то вид, но не такой примитивный, как это изображается в сказках. Жизнь духов для нашего ума непостижима. Когда некоторые духовные вещи нам открываются, они приобретают вид привычных для нас земных образов. В данном случае приобретают вид воина, стреляющего из лука. Поскольку демоны против нас воюют, то они часто являются в виде воинов.

Архимандрит Софроний в книге о старце Силуане говорит о том, что на первом этапе подвижник борется с плотскими страстями, на втором с раздражением, на третьем – с гордостью. Что вы об этом думаете? Может ли второй этап быть раньше первого?

Мне нравится изречение Иоанна Лествичника, который говорит о том, какая страсть от какой происходит, и заканчивает рассуждение такими словами: «Впрочем, в злых страстях нет порядка» – и приводит изречение Священного Писания: *Взыщеши в злых разума и не обрящеши* (см. Притч. 14:6). То есть страсти могут быть перемешаны как угодно.

Они ведь у нас разрешения не спрашивают. Тут нет такого благородства: ты с одной страстью сражаешься, победил ее и только тогда другая подступает. Они нападают и спереди, и сзади, и порознь, и одна за другой, и все одновременно. Это беспощадная борьба, в которой нужно быть готовым ко всему и всегда.

Некоторые подвижники думали, что они в старости уже достигли бесстрастия, и от того, что надеялись на себя, падали даже в блудные грехи. Я не буду тратить время на такие примеры, в церковной истории и житиях святых они есть.

Я знаю, что нужно в особенности вооружаться против той страсти, которая в тебе действует сильнее всего. У многих молодых людей в первую очередь действует блудная страсть, поскольку все мы облечены плотью. Но бывает, что человек подвержен страсти гнева и почти не испытывает плотской страсти. Бывает, что человек на вид кроткий и смиренный, но необыкновенно тщеславный. Он все вытерпит, со всеми страстями будет бороться, но если ущемят его тщеславие, то для него это будет мукой. По-разному все происходит: есть, так сказать, общие правила, а есть и исключения, поэтому нужен ко всем индивидуальный подход.

Вот в добродетелях есть некоторая последовательность, хотя и здесь бывают исключения. Одному человеку легко дается целомудрие, а смирение нет. Один человек, скажем, будет чрезвычайно послушен, но только в тех случаях, в которых он уверен, что ему всё говорят правильно. Но если ему покажется, что его мнение более правильное, чем то, которого ему нужно послушаться, он никогда не будет подчиняться и проявит необыкновенное упорство. Окажется, что его послушание – это фактически безразличие.

Думаю, что ступени борьбы со страстями, которые изображены у Иоанна Лествичника, условны, как условно и само деление страстей на восемь главных или на три главные. Если мы будем чересчур надеяться на все эти

условности, то можем не справиться с той реальностью, с которой нас столкнет жизнь. Нам нужно настроиться на то, чтобы живо реагировать на все неожиданные трудности, а не ожидать чего-то определенного.

Все святоотеческие поучения – это вспомогательное, а не единственное, точное и основное руководство. Вот Евангелие более приближено к жизни. Как сказал один духовный писатель, правда, в отношении богослужения, что чтение Евангелия выше любого богослужебного чина. Так же можно сказать, что чтение Евангелия и усвоение евангельского учения – выше применения любой самой мудрой аскетической системы.

Все это очень сложно. Я знаю, что нужно молиться Иисусовой молитвой, каяться, исполнять Евангелие, а об остальных системах, исходя из моего жизненного опыта, могу сказать, что у меня ничего с ними не получается.

Когда подступает помысел разгневаться, ты ощущаешь неприязнь к человеку, нежелание его видеть, но в то же время не хочешь, чтобы это входило в душу, не означает ли это, что ты уже согласился в сердце с этим помыслом, то есть осквернился? Или в этом случае соблазн еще стоит у двери сердца? Как соблазн действует через чувства?

Возьмем для примера ту же страсть гнева. Допустим, я слышу, что человек говорит что-то, как мне кажется, возмутительное – значит, соблазн вошел в мое сердце через слух. Но, конечно, в итоге человек все воспринимает через разум. Разум может воспринять что-то и через чувство, и через воображение.

Если я, услышав чей-то соблазнительный для меня разговор, сразу стараюсь забыть о нем, вытеснить его из сознания с помощью молитвы или как-то иначе, значит, я отвергаю прилог греховного помысла, не хочу с ним собеседовать. Если же я начал в душе возмущаться, значит, до какой-то степени согласился с этим прилогом. Но не надо думать, что если я с ним согласился, то уже все пропало, можно пойти и ударить того, кто меня вывел из себя: мол, я все равно уже согрешил.

Есть разные степени греха. Есть грех мысленный, когда ты удерживаешь, допустим, гнев внутри себя, борешься с ним молитвой и усилием воли, подавляешь его и успокаиваешься. Может быть и другое: ты не выдержал и высказал человеку что-то неприятное, но потом опомнился, попросил у него прощения, и вы помирились. На какой стадии греха мы спохватились, на такой и надо начинать бороться. Пусть мы даже начали кричать – можно же одуматься, сдержать себя, чтобы не пойти дальше. Но желательно отвергнуть самый прилог, когда соблазн только вошел в нас, так сказать, соприкоснулся с нами: через зрение, слух, воображение – не важно.

Как бороться с ленью? Каким святым надо молиться?

Какой бы ни был порок, нужно не только молиться, но и понуждать себя к исправлению. Если я хочу преодолеть, допустим, гнев, то должен не только молиться, но и понуждать себя в случае искушения не принимать помыслов гнева, стараться вести себя кротко. Вот тогда и будет сдвиг. А если мы будем только молиться разным святым, а сами ничего не будем делать, то мы никогда не избавимся ни от лени, ни от какого другого порока. Разве что произойдет какое-то чудо.

Как узнать, правильно ли ты перенес брань?

Если судить по результату, то о правильном перенесении брани свидетельствуют такие признаки: не очень сильно поддался помыслам, сумел уберечься от полного осквернения, в конечном счете не исполнил того, что тебе внушал греховный помысел. Если же судить по действию благодати в душе, то признаки, наверное, будут таковы: молитва сохранилась, усилилось умиление, умножилось покаяние, смирение. Все это значит, что ты перенес брань правильно. А неправильно – если ты проявил нетерпение, малодушие, уныние.

Я думаю, что правильное прохождение браней должно увеличивать в человеке мужество, в этой борьбе он как бы закаляется. Иногда подвижники, ведущие брань с диаволом, приобретают необыкновенное мужество, так что

уже не боятся самой смерти – такого напряжения требует от них духовная борьба. Вообще-то, вопрос этот очень тонкий. Хорошо бы посоветоваться об этом с духовником, рассказать, в чем конкретно ты согрешил, в чем проявил твердость, чему поддался, чему сопротивлялся, каков был результат – все это надо подробно описать.

Если демоны внушают человеку свои мысли, тогда почему иногда слышатся голоса?

Голоса – это тоже мысли. Это те же самые бесовские внушения, но только в более сильной степени. Мне рассказывали, как одному монаху, кажется он ложился спать, демон в ухо как свистнет! Так громко, что тот аж подпрыгнул на кровати. А рядом никто ничего не слышал. Вот и разбери, звук это был или просто внушение, которое воспринималось как звук.

Не думайте, что те мысли, которые внушаются демонами посредством голоса, отличаются от тех мыслей, которые внушаются ими без голоса. Это одно и то же.

Один раб Божий считал, что если слышит голос с одной стороны, значит, это ангел, а если с другой – бес.

Я говорю:

– А что, бес не может перейти на другую сторону?

– Не надо меня учить! – ответил он.

Все ли помыслы одинаково воздействуют на душу человека? И каких из них нужно особо оберегаться?

Оберегаться нужно таких помыслов, которые наибольшую имеют над нами власть. Для молодых или для людей среднего возраста опаснее страсти телесные: чревоугодие, в особенности блудная страсть, для некоторых гнев, потому что гнев тоже считается плотской страстью. А для людей уже преуспевших опасны тщеславие, гордость. Правда, бывает, что на почве гордости благодать оставляет и преуспевшего человека, и в нем начинает действовать блудная страсть. Если он будет бороться только с гордостью, а на блудную страсть не станет обращать внимания, то это может привести в конечном счете к смертным грехам. Значит, необходимо

сопротивляться наиболее опасной в данный момент страсти и в то же время искоренять причину блудной брани, то есть гордость.

Мне кажется, что на меня влияет настроение окружающих. Может ли такое быть? И как этому противостоять?

Человек, даже когда он внешне, казалось бы, никак не проявляет своего внутреннего состояния, создает вокруг себя определенную атмосферу – нравственную, духовную. Он может не говорить о том, что ему грустно, но это проявляется внешне, в телодвижениях, в мимике. А можно предположить – и я думаю, тут не будет никакой в порочном смысле слова мистики, – что на окружающих влияет и непосредственно духовная атмосфера.

Каждый человек должен иметь, так сказать, собственное независимое духовное состояние и заботиться о нем. Нужно быть в напряженном духовном состоянии – молиться, следить за собой, не быть аморфным. В противном случае ты легко будешь поддаваться настроениям тех людей, которые тебя окружают. Если ты чувствуешь, что на тебя распространяется негативное нравственно-духовное состояние твоего соседа, постарайся избегать общения с ним и, если есть возможность, удались от него, потому что иначе, действительно, это может сильно на тебя повлиять.

Мне приходилось такое переживать, когда я беседовал с сектантами. Вокруг них также складывется своего рода духовная атмосфера с определенным зарядом. Когда общаешься с сектантами, то важно не столько найти доводы, чтобы их учение опровергнуть, сколько внутренне противостоять их духовному напору. Если ты поддашься этому напору, то у тебя уже и доводов не найдется. А если не поддаешься этому, то, хотя бы ты и высказывал недостаточно убедительные доводы, они, благодаря твоему духовному состоянию, окажутся более действенными, чем изощренные рассуждения, не имеющие силы духа.

Я приведу пример из истории I Вселенского собора. Один философ, выступавший на стороне ариан, говорил очень убедительно и при помощи диалектики пытался опровергнуть Божество Иисуса Христа. Присутствовавший на соборе святитель Спиридон Тримифунтский, человек очень простой и малообразованный, но обладавший даром чудотворения, попросил слова. Прочие святые отцы удерживали его: «Ты малограмотный. Что ты скажешь ему?». Но святитель настаивал. Тогда они вынуждены были предоставить ему слово, и он очень просто, без всяких доказательств рассказал евангельскую историю о воплощении Сына Божия, о Его жизни, страданиях, воскресении. И в конце своей речи он спросил: «Философ, веришь ли ты всему этому?» И вдруг тот неожиданно для всех говорит: «Да, верю». Все были поражены и спрашивали его: «Почему, когда мы тебе приводили разные доводы, ты не верил нам, а когда тебе говорил Спиридон Тримифунтский, ты вдруг так ответил?» Он сказал: «Потому что я чувствовал, что из его уст исходит какая-то необыкновенная сила, заставляющая меня принять его учение».

Известно, что преподобный Серафим Саровский распространял вокруг себя атмосферу радости и духовного мира, рядом с ним человек всегда чувствовал себя легко.

Вы говорите на духовные темы, в основном опираясь на святых отцов. Но было бы интересно, если бы вы рассказали что-нибудь и о своем личном духовном опыте: например, о том, какие бывают состояния в молитве, и так далее.

Я вам скажу безотносительно к себе, что рассказывать о своем внутреннем состоянии нельзя. Говорить об этом без вреда для себя могут только люди, которые настолько высоко преуспели, что уже не боятся страсти тщеславия. Приведу пример из книги схиархимандрита Софрония (Сахарова). Когда он еще подвизался на Афоне, то ему был дан такой дар: на протяжении двух недель он имел необыкновенную благодать и находился в состоянии духовного созерцания. Всегда видел в своей душе

Божественный свет, что бы он ни делал, какие бы молитвы ни читал. Как-то один из монахов, видимо сравнительно скромного преуспеяния, прочитал в «Божественных гимнах» Симеона Нового Богослова о состоянии, подобном тому, которое испытывал схиархимандрит Софроний. Монах спросил отца Софрония, чтó преподобный Симеон имеет в виду под этим всем? Старец Софроний ответил: «Мне кажется, он имел в виду то-то и то-то». И хотя он не говорил: «Я чувствую то-то и то-то», а рассказал о своем состоянии, как будто просто рассуждая о нем, но после этого благодать от него отошла. Поэтому рассказывать о собственном духовном опыте, я бы даже сказал, безумно. Отец Софроний многие свои книги писал в возрасте около девяноста лет, когда уже смотрел смерти в лицо. Он говорил: «Я настолько стар, что мне, наверное, уже не так страшно рассказывать обо всем».

Кроме того, у нас есть пример преподобного Нила Сорского – замечательный пример, которому надо было бы следовать всем. Преподобный Нил никогда не отвечал на вопрос, пока не находил ответа у святых отцов или в Священном Писании. Из смирения он почитал себя недостойным говорить от себя, своими словами, хотя он был в отличие от меня действительно высокопреуспевший подвижник, достигший высочайших духовных состояний. Поэтому мы в любом случае не имеем права говорить от себя, мы должны говорить так, как учит Церковь. Если бы я хорошо знал святых отцов, то вообще ни одного слова не произнес бы от себя, только цитировал бы и все. Говорил бы так: «Иоанн Дамаскин сказал по этому поводу то-то, Григорий Богослов сказал то-то, а Ефрем Сирин сказал то-то», и это было бы лучше всего, но я, к сожалению, не смогу так быстро подобрать цитаты, да и многого не помню наизусть. Я надеюсь, что я не говорю ничего своего, а рассуждаю в духе святых отцов. Я не хочу никакой оригинальности, никакого особенного личного опыта, я его боюсь.

Все святые отцы всегда опирались, во-первых, на Священное Писание, во-вторых, на опыт предыдущих святых отцов. А чем дальше по времени мы живем от источника апостольского учения, тем больше, к сожалению, оскудевает благодать учения и тем с большей осторожностью мы должны говорить. Более того, существуют церковные правила, согласно которым епископ обязан учить пасомых в пределах, начертанных святыми отцами, чтобы, говоря что-то от себя, он нечаянно не ошибся.

Для меня всегда бывает большой радостью, когда я, прочитав у святых отцов какие-либо мысли, нахожу совпадение с тем, до чего я как будто бы додумался сам. Я не огорчаюсь, что до меня, так сказать, это всё уже открыли, а, наоборот, радуюсь, что я, оказывается, правильно думал. Мне кажется, что это самое наилучшее и для всех необходимое. А оригинальность, из которой сейчас делают культ, – это просто от гордости. Каждый хочет показать, что он представляет собой нечто особенное, что у него особенный опыт, особенное видение мира и прочее, и прочее. А какое может быть особенное видение, когда мы все одинаковые? Ничего особенного на самом деле и быть не может. Если только считать за великую особенность то, что у одного волосы русые, а у другого каштановые или у одного нос крючком, а у другого – картошкой.

В последнее время особенно сильно мучают хульные помыслы. Почему? Что с этим делать?

Почему они мучают? А почему бы им не мучить? Мы хотим, чтобы в нас одна за другой возсиявали добродетели: любовь, мир, смирение, покаяние, милосердие, и далее все лучше, лучше, лучше. А когда же брань будет? Святые отцы говорят: «Кто не в борении, тот в прелести». Отсутствие внутренней борьбы означает, что человек либо прельстился, либо впал в такое глубокое нерадение, что демоны его не искушают.

Когда приходят хульные помыслы, нужно ими пренебрегать, презирать их, как учат святые отцы. Если мы будем обращать на них внимание, размышлять о них, разбираться в них, то они будут только усугубляться и в конце концов совсем нас измучают. Иногда такие помыслы бывают от гордости. Но даже в этом случае необходимо относиться к ним пренебрежительно. Таково лекарство против них.

Как научиться уступать людям? У меня страсть всех поправлять, противоречить. Достаточно ли для борьбы со страстью исповедовать помыслы или все же нужны дополнительные меры?

Дополнительные меры нужны в любом случае. Не думайте, что если вы только рассказали о своих грехах, то этого достаточно, нужно стараться делать наперекор страсти. Тебе хочется что-то сказать – молчи. Хочется возразить – наоборот, согласись или, опять же, хотя бы промолчи. Хочется в чем-то навязать человеку свою волю – помолись и сделай все, как он хочет, противься своему желанию до такой степени, чтобы не поддаться. И, конечно же, если не выдерживаешь, спотыкаешься, то кайся в молитве Иисусовой, проси у Бога прощения и исповедуйся в согрешении. Повторю, бороться с любой страстью – значит не только исповедоваться, но и противоречить ей на деле, совершать противоположные ей поступки и таким образом приобретать навык в добродетели.

О целомудрии

Евангельские повествования о смысле покаяния в блудной страсти. – Принцип истинного покаяния: сердечное раскаяние и прекращение греховного образа жизни. – Почему греховные помыслы являются нарушением заповедей. – О необходимости жестокой борьбы с блудной страстью. – Священное Писание о целомудрии людей одиноких и состоящих в браке. – Как в наших условиях воспитать в детях целомудрие? – О причинах блудных сновидений. – Отношение к ранним бракам и обряду венчания.

Сегодня я хочу обратиться к теме, которая, может быть, покажется деликатной и неуместной для публичного обсуждения, но, тем не менее, она насущна и важна. Мы поговорим о блудной страсти, с которой редко кому не приходится бороться.

Начнем с евангельских повествований, где рассказывается о покаянии людей, в прошлом подверженных этой страсти. Конечно, примеры эти всем нам известны, как, собственно, не представляет для нас чего-то совершенно нового и все Евангелие. Тем не менее мы вновь и вновь обращаемся к нему, и до кончины мира, до тех пор пока истина не откроется вполне, не устанем это делать. Евангелие – это начало и конец как богословия, так и нравственного учения и вообще христианской жизни.

Некто из фарисеев просил Его [Господа Иисуса Христа] *вкусить с ним пищи; и Он, войдя в дом фарисея, возлег. И вот, женщина того города, которая была грешница* (она не называется блудницей, но совершенно понятно, что здесь в деликатной форме говорится о том, что она вела распутный образ жизни. – *Схиархим. А.*), *узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром*[238]. Напомню, как проходили древние трапезы: вокруг стола устраивались ложа, и человек, опираясь левой

рукой на подушку, которую клали ему под бок, свободной правой рукой вкушал пищу. Все лежали головой к столу, а ногами от стола, и получалось, что все располагались, так сказать, веером. Женщина подошла к Спасителю именно сзади, то есть к Его ногам, и *начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей.* По-славянски сказано точнее: *Плачущися, начат умывати нозе Его слезами*, то есть слезы были столь обильные, что омывали ноги Господа. *Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: если бы Он был пророк* (то есть, как сказали бы мы, прозорливый. – *Схиархим. А.*)*, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница*, то есть развратная женщина[239].

Но Господь обнаружил Свою прозорливость совершенно другим образом: Он прозрел мысли этого фарисея, его осуждение. *Обратившись к нему, Иисус сказал: Симон! Я имею нечто сказать тебе. Он говорит: скажи, Учитель. Иисус сказал: у одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят, но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбит его? Симон отвечал: думаю, тот, которому более простил. Он сказал ему: правильно ты рассудил. И, обратившись к женщине, сказал Симону: видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла; ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи её многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит. Ей же сказал: прощаются тебе грехи*[240].

Эта женщина, жившая во времена сравнительно строгих нравов, хотя и вела распутный образ жизни, но проявила дерзновение в покаянии. Не боясь того, что ее выгонят, публично осмеют и унизят перед всеми как опустившегося человека, она омыла ноги Спасителя слезами – и за это получила прощение грехов. Вот, мы видим, что искреннее покаяние делает даже человека развратного и в высшей

степени подверженного блудной страсти чище того, кто не совершил таких страшных грехов. Так и Спаситель сказал: *Прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит*. Между прочим, из последних Его слов можно сделать вывод, что покаяние в блудной страсти приносит человеку больше любви к Богу, то есть из покаяния в блуде можно еще и пользу извлечь. Речь, конечно, идет не о том, чтобы похвалить эти страшные грехи, которые, по словам апостола Павла, в отличие от других оскверняют не только душу, но и тело, а о том, повторю, что покаяние может сделать человека, впавшего в блуд, более чистым, чем тот, кто не подвержен блудной страсти, но не имеет и покаяния.

И возлежавшие с Ним начали говорить про себя: кто это, что и грехи прощает? Он же сказал женщине: вера твоя спасла тебя, иди с миром[241]. Итак, человек, приносящий покаяние как в блуде, так и вообще в блудной страсти, сподобляется прощения грехов, надежды на спасение и даже мира душевного. Спаситель сказал: *Блаженны чистые сердцем*[242]. Прежде всего эти слова имеют прямой смысл, но можно найти в них и намек на некоторую недосказанность: «Блаженны чистые сердцем, а не телом». Человек может быть чист телом, то есть никогда не впадать в плотские грехи, но нечист сердцем. А человек, нечистый телом, на деле совершивший отвратительные плотские грехи, может очиститься сердцем, и он действительно исполнит заповедь блаженства: *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят*.

Если в этом повествовании говорится о женщине, которая сознательно каялась, то в Евангелии от Иоанна есть еще более разительный пример очищения от блудного греха: к Господу привели женщину, пойманную в прелюбодеянии; то есть она не намеревалась проявлять никакого покаяния, а нечаянно оказалась перед Спасителем как подсудимая. *Утром опять пришел в храм, и весь народ шел к Нему. Он сел и учил их. Тут книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставив ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе*

заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень. И опять, наклонившись низко, писал на земле[243]. Есть мнение, что Господь писал на земле десять заповедей, показывая этим, что Он Тот, Кто дал Моисею эти заповеди, и что кроме заповеди «Не прелюбодействуй» есть и другие. И если люди, приведшие эту блудницу, и не совершили греха прелюбодеяния, то виновны в нарушении других заповедей. Читая на земле написанные Господом прочие заповеди закона Моисеева, они устыдились, потому что, как сказано апостолом Иаковом, кто нарушил закон в одном, тот нарушил его во всем[244]. Если человек украл, но не прелюбодействовал, то это не значит, что он праведной жизни.

Они же, услышав то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди. Иисус, восклонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя? Она отвечала: никто, Господи. Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши[245]. Этот суд был для женщины совершенно неожиданным и страшным: она не надеялась ни на какое прощение, а думала, что ее побьют камнями, потому что, как иудейка, знала о том, что предписывает Моисеев закон в таких случаях. Тем не менее она получила прощение, но не так, как мы часто желаем: получить прощение и продолжать вести себя по-прежнему, считая, что наше дело грешить, а Божие дело бесконечно нас прощать. Господь сказал этой женщине: *Иди и впредь не греши*. Вот принцип истинного покаяния: не только раскаяться в своих грехах, но и положить конец прежнему греховному образу жизни. Конечно, это трудно применить к действию самой страсти, но перестать грешить на деле, безусловно, можно и нужно. Не может идти речь о борьбе с блудной страстью, если мы совершаем грех на деле. Сначала мы прекращаем грешить на деле, а потом начинаем вести

борьбу внутреннюю, то есть бороться за очищение своего сердца, *ибо из сердца исходят помышления злая*[246]. А любодеяния и прелюбодеяния, как говорит Евангелие, одни из тех злых помышлений, которые исходят из нашего нечистого сердца.

Надо сказать, что страсти выходят из человеческого сердца не всегда в откровенном виде. Они лукавы и принимают благовидный образ. Блудная страсть часто также прикрывается приличным предлогом, допустим желанием проповедовать лицам противоположного пола или в чем-то им помогать. И если ты видишь, что тебе не хочется помогать лицам своего пола, а по отношению к лицам противоположного пола испытываешь сильнейшее желание делать добро, то это уже подозрительно. И часто люди неопытные, доверяя почему-то влечению своего сердца – а доверять ему никак нельзя до тех пор, пока оно не очищено, – ведут себя неосторожно и оскверняются, а иногда впадают в тяжкие грехи. Они не понимают, что помыслы любодеяния, прелюбодеяния, которые выходят из их сердца, могут иметь вид любви к ближнему, милосердия и прочего. Нужно быть чрезвычайно осторожным и уметь разоблачать лукавые помыслы, надевающие на себя личину добродетели.

Вы, конечно, помните, что в Евангелии есть слова о том, что *если глаз соблазняет тебя, вырви его и брось от себя*[247], – но, наверное, не многие обращали внимание на то, что впервые они сказаны именно в отношении блудной страсти. Почему? Потому, что эта страсть столь жестокая и мучительная, столь страшно владеющая человеком, что в борьбе с ней в первую очередь необходимо необыкновенное мужество, необыкновенная твердость и ненависть к себе. Если мы не проявим к себе такой жестокости, то мы никогда не сможем победить этой страсти.

У Спасителя есть и другие слова об этом: *Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем*[248]. Нам, христианам, нужно не только бояться греха на деле, то есть супружеской

измены или блуда в любом виде, но необходимо очищать и свое сердце, – о чем мы, к сожалению, часто совершенно не заботимся.

Как говорит апостол Павел, мы используем свою свободу как повод к угождению плоти. Господь даровал нам свободу, чтобы мы становились лучше, стремились к большему угождению Богу. Именно этого требует от нас евангельский закон. Образец такого поведения мы видим в преподобных отцах, которые делали многое из того, что Евангелие заповедует как необязательное, например отречение от брака, имущества и подобное. Мы же, наоборот, злоупотребляем милосердием Божиим: не только не очищаем своего сердца, но нарушаем и требование ветхого закона, данное еще в книге Исход: *Не прелюбодействуй*[249].

А Я говорю вам что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Значит, мы должны истреблять вожделения из самого сердца. Что же происходит внутри нашего сердца? От впечатления – может быть, нейтрального – в душе возникает нечистый помысел. Допустим, увидел я женщину. Конечно, женщина сама по себе не несет в себе обязательно какого-то заряда зла, так же как и мужчина. Но потому, что мое око нечисто, потому, что в душе моей есть страсть, это совершенно естественное и простое впечатление вызывает во мне греховный помысел. И я в душе сначала принимаю помысел, соглашаюсь с ним, услаждаюсь им, и только после того, как я таким образом согрешил в помыслах, я начинаю смотреть на женщину с вожделением. И можно совершенно справедливо сказать, что я уже действительно, по словам Спасителя, прелюбодействовал с этой женщиной в своем сердце. Конечно, вы прекрасно понимаете, что хотя слова Евангелия здесь и обращены к мужчинам, но их можно отнести и к женщинам: то есть чтобы они не смотрели с вожделением на мужчин.

И далее Спаситель говорит о жестокости, которая необходима в отношении блудной страсти. Победить ее иначе невозможно: здесь союзником диавола и нашим врагом является, как говорит о том преподобный Иоанн Лествичник,

сама наша плоть. *Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну*[250]. Если мы не будем так жестоко и твердо вести себя по отношению к блудной страсти, то она будет разгораться в нас все более и более. Мы никогда ею не насытимся, будем мучиться круглосуточно. Это мучение – и от упреков совести, и от неудовлетворенной страсти – будет для нас, действительно, геенной огненной. *И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну*[251]. Мне рассказывали такой случай. Конечно, это не пример борьбы со страстями, но пример того, как человек в раздражении, гневе готов совершить даже и абсурдный поступок. Пример того, как мы должны гневаться на себя. Один человек делал топором фигурные деревянные ложки и, задумавшись о чем-то, нечаянно отсек себе часть пальца. Но вместо того чтобы испугаться или закричать, он так на себя рассердился, что схватил палец и отбросил его в сторону. Значит, такое возможно – не говорю, что разумно, но возможно.

В ином месте Спаситель еще более определенно и откровенно говорит о борьбе с блудной страстью. *Приступили к Нему фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею? Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает. Они говорят Ему: как же Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться с нею? Он говорит им: Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими, а сначала не было так; но Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует*[252]. Конечно, здесь нужно сделать оговорку, что целомудрие бывает двух видов:

целомудрие людей одиноких и состоящих в браке. В браке также трудно сохранить целомудрие. Вы видите, что Моисей разрешил древним иудеям разводиться, Господь же запрещает это. Действительно, трудно пребывать в браке и жить целомудренно, мирно, во всем соблюдая христианский образ жизни. Недаром именно брак сопровождается таинством – я думаю, по той причине, что это настолько многотрудный образ жизни, что он нуждается в особенном благословении Божием, особенной помощи Божией. Поэтому люди семейные также должны заботиться о целомудрии и не думать, что им ничего не грозит. Им также предстоит тяжелая борьба, не только с гневом, осуждением и прочими пороками, но и с блудной страстью, чтобы не переступать границы, положенные законом Божиим в отношении супружества.

Говорят Ему ученики Его: если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться[253]. Действительно, необыкновенно трудно прожить с одним человеком всю жизнь. Во-первых, вступив с ним в брак, ты можешь сразу его не узнать – только впоследствии обнаружится его характер. До брака девушки обычно кажутся красивыми и милыми, а парни мужественными и добрыми, потом вдруг обнаруживаются отрицательные черты их характера. Во-вторых, человек может измениться в худшую сторону, и много всяких других превратностей ожидает тех людей, которые вынуждены всю жизнь провести друг с другом. Поэтому ученики сделали простой вывод: *Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться*, то есть если с женой нельзя расставаться, то это столь трудно, что из-за одного этого лучше не жениться.

Но, конечно, тяжесть брака – недостаточная причина для одинокого образа жизни. Для этого необходима особая благодатная помощь, иначе человек просто не выдержит и не сможет жить целомудренно. Об этом далее говорит Спаситель: *Не все вмещают слово сие, но кому дано*[254]. Может быть, иной умом понимает, что тяжело прожить с одной женщиной всю жизнь, но прожить один целомудренно он не может. Вот такому человеку, действительно, *не дано вместить* и лучше ему вступить в брак, а не избегать как трудностей супружеской

жизни, так и трудностей монашеской жизни. Просто вести беззаботный холостяцкий образ жизни нелепо, да и, с точки зрения нравственности, практически невозможно.

Ибо есть скопцы, которые из чрева матернего родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит[255]. Если ранее Спаситель говорил о том, чтобы вырвать глаз и отсечь руку, то здесь уже речь идет об оскоплении. Повторю, нельзя понимать это буквально. Членовредительство запрещено Церковью. Были изуверы, которые понимали повеление оскопить себя в прямом смысле, но они отлучались от Церкви. Речь идет о духовном оскоплении, то есть о таком жестоком отсечении блудной страсти, которое как бы делает для человека невозможным совершение этого греха, подобно тому, как для скопца невозможно общение с женщиной. Поэтому Спаситель и употребляет три образа. *Ибо есть скопцы, которые из чрева матернего родились так* – это люди, от природы неспособные к половому общению. *И есть скопцы, которые оскоплены от людей,* – это те, которые в буквальном смысле слова оскоплены, являются калеками. В древности это было очень распространено. И есть те, *которые сделали сами себя скопцами*, но не просто, а *для Царства Небесного*. Они сделали для себя невозможной самую мысль об общении с противоположным полом, духовно, внутренне себя как бы оскопили, сделали себя бесполыми существами ради Царства Небесного. Не ради того чтобы избежать тяжести брака, не ради спокойной, беспечальной жизни – христианин не должен избегать скорбей, – а ради Царства Небесного. Другая причина не может быть основанием для безбрачия: благодать, поддерживающая подвижника в многотрудной аскетической жизни, ни в каком другом случае человеку не будет дана, и он не сможет совершить свой подвиг.

Кто может вместить, – говорит Спаситель, – *да вместит*. Он не делает эту заповедь обязательной, а предоставляет ее исполнение нашему произволению. Образ жизни совершенно целомудренный, превышающий силы

человеческого естества, справедливо называется ангельским. Из слов Спасителя мы знаем, что такова будет жизнь всех людей в будущем веке. Брак существует для того, чтобы не вымер человеческий род. Бог знал, что люди падут, и для того чтобы диавол и смерть окончательно не уничтожили человечество, Он предусмотрел разность полов. Она стала, так сказать, той хитростью, которая позволила человечеству, несмотря на грехопадение, размножаться и всем человеческим особям прийти из небытия в бытие. Но в будущей жизни, когда восполнится число людей, по Промыслу Божию имеющих необходимость появиться в мире, брак потеряет смысл и будет не нужен.

Еще один эпизод из Евангелия. В тот день приступили к Нему саддукеи, которые говорили, что нет воскресения, и спросили Его: *Учитель! Моисей сказал: если кто умрет, не имея детей, то брат его пусть возьмет за себя жену его и восстановит семя брату своему; было у нас семь братьев; первый, женившись, умер и, не имея детей, оставил жену свою брату своему; подобно и второй, и третий, даже до седьмого; после же всех умерла и жена; итак, в воскресении, которого из семи будет она женою?*[256]. Конечно, это лукавый вопрос: хотя Моисеев закон и предписывал восстанавливать семя брату своему, но никто не взял бы в третий раз жену умерших братьев, видя, что она бесплодна. Этот лукавый вопрос был софистически придуман для того, чтобы уловить противников саддукейского учения, то есть тех, кто верил в воскресение из мертвых.

Иисус сказал им в ответ: заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией, ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах[257]. Спаситель здесь открывает то, что в вечной жизни брака не будет. И кто знает, как мы будем выглядеть? Раз пола не будет, то естественно, что и строение нашего тела изменится. Каким образом? Мы можем только догадываться. Может быть, мы уподобимся ангелам, какими их видели угодники Божии. И то неравенство, которое существует сейчас в мире, – я имею в виду подчинение женщины мужчине, – в будущей жизни,

конечно, также упразднится. Об этом говорит и апостол Павел, что во Христе нет ни мужчины, ни женщины, но новое творение.

Но это в будущем, а сейчас и одинокие, и семейные люди должны тщательно следить за чистотой сердца, за тем, чтобы храниться от помыслов любодеяния и прелюбодеяния, исходящих из человеческого сердца и оскверняющих его.

* * *

Духовник говорит, что у меня нет блудной страсти потому, что я человек слабый и мне ее не выдержать. Правда ли, что блудная страсть – удел преуспевших?

Бывает, что Господь действительно снисходит к немощи человека и оберегает его от этой страсти. А другому, наоборот, эта страсть попускается сразу, чтобы смирить его гордыню. Так что тут не может быть однозначного ответа. В данном случае, может быть, и правильно.

Как в наших условиях воспитать в детях целомудрие? Сыну двенадцать лет, класс и школа хорошие, все дети крещеные, но у всех сейчас на уме одна любовь: записочки, в глазах томление. Когда учительница сказала об этом на собрании, все родители хором: «Это их личное дело». Что же будет дальше и что делать?

Ситуация, конечно, опасная. Если пустить это дело на самотек, то ребенок развратится. Нет, это совсем не его личное дело.

Поскольку у нас, к сожалению, сейчас почти нет православных школ, где можно было бы детей в какой-то степени изолировать от греховного влияния, то мы должны их подготовить, если так можно выразиться, к борьбе с миром, чтобы в них выработалось противоядие. Они все равно узнают о грехе, но узнают так, что это их соблазнит. Значит, нужно им своевременно об этом рассказать. Конечно, не рассказывать о блуде во всех его подробностях – это цинизм. Но нужно объяснить, что такое блудная страсть и как с ней бороться, научить ребенка вести себя целомудренно. Нужно, чтобы он понял, что блуд – это грех, и мог ему противостоять. И начинать, как мне кажется, надо уже с восьми-, девятилетнего возраста, потому что греховных впечатлений у ребенка будет множество.

Вообще, надо делать ребенка воинствующим христианином во всех отношениях: необходимо, чтобы он был готов противостоять и безбожию, и всякому сектантству. Так, чтобы он если и не мог сам сказать что-то против, то по крайней мере в душе знал, что истина на его стороне.

Я могу порекомендовать в помощь родителям две хорошие книги священника Алексия Грачева «Что необходимо знать каждому мальчику» и «Что необходимо знать каждой девочке». В них с православной точки зрения рассматриваются важнейшие вопросы нравственного воспитания ребенка.

Сейчас в жару люди ходят по городу полуголые. Как при этом беречь свой взгляд?

Да, взгляд девать практически некуда. Я думаю, что нужно, конечно, стараться по возможности его отводить, но без молитвы тут не обойдешься.

Мужчинам дам еще такой совет: не нужно слишком пугаться, если видишь на улице нескромно одетую женщину. Этот страх, некий шок уже вызывает своего рода желание соблазниться, и человек теряет самообладание. А надо к этому подходить, так сказать, немножко философски. На самом деле ничего особенного-то нет. Ведь когда ты приходишь на пляж и там все раздетые, то ты относишься к этому совершенно безразлично. Почему? Потому что психологически подход совсем другой. Так и на улице: если мы видим не совсем одетую женщину и воспринимаем это как нечто нормальное, ничего не значащее, то и бываем спокойны. Конечно, это совет дополнительный, второстепенный, но все-таки он может помочь. Самое же главное – это молиться Иисусовой молитвой и беречь, прежде всего, не глаза, а ум. Глаза мы, к сожалению, уберечь не сможем.

Почему могут сниться блудные сновидения? Причем иногда картины настолько яркие, что утром их хорошо помнишь. Особенно смущает, когда такое происходит в ночь после причастия.

Блудные сновидения бывают по нескольким причинам. Первая – в течение дня человек увлекался блудными помыслами или блудными ощущениями, словом, поддался

блудной страсти. Вторая причина – это чревоугодие, объедение, в особенности на ночь и в особенности если человек крепкий, телесно здоровый. Третья причина – презрение к ближним. Эта причина будто бы совершенно не имеет отношения к блудным снам, но на самом деле такие сны часто бывают именно от гордости и презрения к ближним. Четвертая причина – это осуждение.

Что касается того, что блудные сны яркие и утром их хорошо помнишь, то я бы советовал все-таки стараться изгнать их из памяти при помощи молитвы. Диавол нарочно напоминает их нам после пробуждения, чтобы мы этим осквернялись. Бывает, утром проснешься и у тебя стоит перед глазами эта абсурдная, нелепая и отвратительная картина. Это совершенно ни к чему, потом целый день у тебя в голове будет всякая мерзость. Как сказал один подвижник, по своему утру можно узнать, как пройдет весь день.

Если такой сон приснился в ночь после причастия, то это может быть от гордости – вот, мол, я причастился, у меня все хорошо, – или же диавол нарочно устраивает такое искушение, чтобы нас смутить. Бывает, что диавол некоторым людям перед причастием всегда показывает какой-нибудь блудный сон, чтобы они испугались и не причастились. А бывает, что после причастия воздвигает какие-то искушения, чтобы лишить человека полученной благодати, привести в уныние или как-то иначе смутить.

Нужно, конечно, посоветоваться с духовником, но можно и самому проанализировать свое состояние, в чем на самом деле причина этих, скажем так, неприятностей. Но чересчур обращать на это внимание не надо. Некоторые считают, что если им блудный сон приснился, то они чуть ли не блуд на деле сотворили, но это не так. Это не грех, а следствие греха – нужно это понимать. Если мне приснился блудный сон, то это не грех, даже если мне приснилось, что я согрешил. А грех – это то, что было в состоянии бодрствования: допустим блудные помыслы, или гордость, или что-то другое. А мы на причину, то есть на грех, не обращаем внимания, а на следствие греха обращаем особенное внимание и очень от этого унываем.

Если бы Адам и Ева сохранили целомудрие, то как бы появилось человечество?

Во-первых, Господь, как мы знаем, сотворил мириады ангелов без всякого брака. Во-вторых, сами Адам и Ева произошли вовсе не от брака. Адам был сотворен из праха, а Ева из ребра Адама. Значит, как Господь сотворил двух первых людей, так, наверно, мог бы сотворить и всех.

Вообще, это недоумение не всегда добросовестно. Многие люди задают этот вопрос просто для того, чтобы представить интимные отношения как нечто необходимое. На самом деле это не так. Да, после грехопадения действует определенный закон размножения, но это не значит, что если бы грехопадения не произошло, то не мог бы прийти в действие закон, который нам неизвестен.

Верующей женщине грех в жару сходить искупаться?

Сходить искупаться – это понятие растяжимое. Искупаться можно ведь и в ванной, правильно? Если для нас купание в реке или на море – это удовольствие, то надо обсудить такую проблему, как стыд. Если верующая женщина приходит на пляж и раздевается почти донага, то она должна до какой-то степени попрать свой стыд. Или у нее нет стыда.

Кроме того, церковные каноны[258] запрещают мужчинам и женщинам мыться вместе. Конечно, можно сказать, что на пляже мы не совсем нагие, но ведь на самом-то деле – почти нагие.

Я приведу такой пример. Как-то преподобному Пахомию Великому нужно было перейти реку вместе с одним своим сподвижником-монахом. Прежде чем раздеться, они отошли друг от друга на такое расстояние, чтобы не видеть друг друга. Хотя это были мужчины, притом подвижники, постники, совершенно изможденные люди, – как говорится, соблазняться совершенно было нечем – но они, тем не менее, отошли друг от друга. Но и оставшись один, Пахомий Великий не решался обнажиться сам перед собой и помолился Господу, чтобы Он все устроил. Тогда явился ангел и перенес его на другой берег. Значит, Богу была угодна эта стыдливость, раз Он совершил с Пахомием такое чудо. А теперь сравним поведение Пахомия

Великого с отдыхом на пляже: все обнажаются, переворачиваются, как шашлык на вертеле, и вроде все нормально, вроде ничего страшного и не стыдно.

Вообще, из пляжного сезона делают сейчас какой-то культ. Лежишь ты на солнце, и у тебя на коже выделяется пигмент – это, между прочим, не так уж полезно для здоровья. Почему непременно надо поехать на юг и лежать там на солнце, как ящерица? Это просто суеверие нашего времени, и все.

Считайте, что я ничего не говорил, а то вы скажете, что я запрещаю на пляж ходить, что я фанатик и изувер. Я не знаю, что тут посоветовать. Не может человек быть возле воды и не замочиться. Не может человек постоянно смотреть на полуобнаженные тела и при этом не иметь в голове никакой мысли. Это просто невероятно. А там уж как хотите. Может, есть такие бесстрастные люди, что они будут отдыхать на пляже, купаться, загорать и в то же время пребывать в Божественном созерцании.

Может ли быть безопасным от блудной страсти тот, кто по своей природе к ней не склонен?

Думаю, что совершенно безопасным никто себя считать не может. Это будет неразумно. Иоанн Лествичник говорит, что нельзя верить своему телу, пока оно не ляжет в гроб. Это нужно помнить. И тот человек, который думает, что он никогда не согрешит той или ной страстью, как раз может ей и поддаться, как пишет святитель Игнатий (Брянчанинов).

Женщина-грешница, омывшая слезами и отершая волосами ноги Спасителя, получила прощение грехов. Это было полное очищение от нечистой страсти или лишь прощение самого греха? И были ли прощены все грехи?

Я думаю, что, конечно, речь шла о прощении всех грехов, которые представляли собой отступление от Моисеева закона, то есть от обязательных тогда нравственных норм. А была ли очищена эта женщина от самих страстей… Я думаю, что окончательное прощение было даровано ей только тогда, когда она уже приняла святое крещение, после сошествия Святого Духа на апостолов, после проповеди апостолов. Ведь и сами апостолы, также находясь при Господе Иисусе Христе, иногда

погрешали: допустим, гордостью, желанием первенства или неразумной ревностью, как апостол Петр. Если такие люди, также получившие, конечно же, прощение грехов, оставившие все и последовавшие за Спасителем, все-таки погрешали, то, наверное, и в этой женщине сохранилась способность к греху, хотя она и была восстановлена в своей нравственности, получила силу противостоять нечистой страсти. А иначе она представляла бы собой исключение даже из среды апостолов.

Святые отцы советуют для сохранения целомудрия и для борьбы с блудной страстью постоянное воздержание в питье. Каким образом разумно применить этот совет к себе?

Это зависит от телесной крепости. Если человек немощный будет себя ограничивать в пище и питье, это ничего ему не даст. Страсть, может быть, в нем действует больше от гордости, а совсем не от избытка сил, и она, несмотря на такой пост, в нем все равно будет буйствовать. А он только ослабеет до такой степени, что и молиться против страсти не сможет. Но если человек телесно очень крепкий, то ему действительно нужно воздерживаться не только в пище, но и в питье. Если, подчеркиваю еще раз, он очень крепкий, потому что воздержание в питье – это уже чрезвычайный пост. Может быть, такие крепкие люди и есть, но все нужно делать с рассуждением и советом.

Можно ли супругам по обоюдному согласию стать монашествующими в миру?

Это все, скорее, мечта. Враг постоянно нападает, и поэтому такой подвиг чрезвычайно труден. Если супруги хотят вести монашеский образ жизни, то им, пожалуй, лучше разлучиться и пойти каждому в монастырь, тем паче что монастырей сейчас много. Хотя были некоторые люди, которые воздерживались какое-то время или с какого-то времени всю оставшуюся жизнь от супружеских отношений, но это все-таки исключение. Теоретически это можно допустить, но еще раз говорю, это очень тяжело. Чем браться за трудные подвиги, а потом нарушать собственные обеты, смущаться и приходить в

отчаяние, лучше действовать по поговорке «тише едешь, дальше будешь».

Как вы относитесь к ранним бракам?

Лично я приветствую ранние браки. Потому что, чем дольше молодых людей удерживать от брака, тем больше становится опасность их нецеломудренного поведения. Сейчас вернулись времена, в которые, мне кажется, следует разрешать ранние браки. В России от ее крещения и примерно до XV–XVI столетий все были воспитаны в целомудрии, тогда можно было человеку довольно долго воздерживаться от вступления в брак. Соблазнов почти не было.

В наше время родители должны позаботиться о своих детях: либо о том, чтобы ребенок рано вступил в брак, либо о том, чтобы он мог вести монашеский образ жизни. Нельзя чтобы родители думали, что их сын, прежде чем жениться, должен окончить институт, аспирантуру, еще что-нибудь. У него в душе уже Содом и Гоморра будет, пока он аспирантуру закончит. Желание для своих детей земного преуспеяния любой ценой плохо кончается.

Обязателен ли обряд венчания для супругов, если один из них неверующий?

На этот счет нет одинакового мнения. Многие думают, что венчаться нужно обязательно, в любом случае, верующий ты или нет. Я отношусь к этому осторожно. Если человек совершенно неверующий, то как над ним можно совершать таинство? По правилам жениху и невесте положено исповедаться, причаститься, а потом обвенчаться. Ну а как может причаститься человек, который просто не верит в действительность Святых Таин, не верит, что он под видом хлеба и вина принимает в себя Тело и Кровь Христовы? Потом, от безбожника можно ожидать чего угодно. Сегодня он говорит: «Да, давай обвенчаемся». А завтра скажет: «Знаешь что, я встретил другую, гораздо лучше, чем ты, к тому же моложе тебя на тридцать лет. Поэтому я больше не могу с тобой жить. Ты пойми меня, потому что у меня ведь любовь, это не так просто». И все – придется разводиться, несмотря на венчание.

Церковный брак с людьми, не имеющими никаких принципов из-за своего безбожия, чреват всякими последствиями.

Гневайтеся – и не согрешайте

Гнев как чувство, защищающее желания человека. – Священное Писание о гневе Божием. – Необходимость гнева против страсти, ереси и уклонения от истины. – О страсти гнева и о гневе против страстей. – Мир с людьми нужно ставить выше жертвы. – Когда гнев безгрешен и даже необходим. – Как из сердца вырвать обиду? – Средства против гнева: молитва и напряжение собственной воли. – Как правильно гневаться на свои страсти, не поддаваясь унынию?

Сегодня мы продолжим беседы о борьбе со страстями и коснемся того, что говорится в Евангелии о страсти гнева. Эта страсть присуща всем, потому что гнев, по святоотеческому учению, есть чувство, защищающее желания человека. Когда влечение человеческой души, злое или доброе, к тому или иному предмету встречает на своем пути препятствия, тогда в душе появляется гнев.

Поэтому нельзя сказать, что гнев всегда плох. Так, в Священном Писании гнев иногда приписывается Богу. Конечно, Бог вообще не испытывает таких чувств, какие испытывают люди. Он не знает перемены желаний – одно прошло, другое возникло – и не меняет Своего отношения к нам в зависимости от того, что мы делаем. Богу приписываются человеческие чувства, в том числе и гнев, для того чтобы объяснить действие Промысла Божия применительно к нашему пониманию. Когда говорится о гневе Божием по отношению к грешникам, то Бог сравнивается с человеком, находящимся в ярости, как бы опьяненным: *Воста Господь, яко шумен от вина*[259]. Конечно, так сказано для того, чтобы мы поняли, что неправильно себя ведем и сами являемся причиной тех или иных проявлений Промысла Божия о нас. И эта строчка из псалма не означает, что Бог человекообразен в каком бы то ни было смысле: ни в смысле внешнего устроения, ни в смысле душевных свойств. Однако сама возможность приписать гнев Богу говорит о том, что это чувство не всегда является греховным.

Иоанн Креститель, обличая фарисеев и саддукеев, идущих к нему креститься, спрашивал: *Порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева?*[260]. Конечно, он имел в виду гнев Божий. В Евангелии есть и другие изречения, подобные этому. Например, апостол Иоанн приводит слова Спасителя, обличившего неверующих в Него иудеев: *Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем*[261]. Последствия неверия здесь названы гневом Божиим.

Но обратимся сначала к тому поучению Спасителя, которое запрещает нам гнев, и только потом поговорим о том, какой гнев греховен, а какой дозволителен и даже, может быть, необходим. *Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной*[262]. По Моисееву закону запрещалось только крайнее проявление этой страсти – убийство. Только тот человек подлежал суду закона, который убивал под действием гнева, ведь нельзя совершить намеренное убийство, если не испытываешь к своей жертве никакой ненависти. Спаситель же запрещает и самый гнев, то есть то движение страсти, то греховное влечение, которое иногда приводит и к таким крайним последствиям, как убийство.

А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду. Если мы только гневаемся, хотя и не убиваем, то уже подлежим суду. Даже одно это достойно рассмотрения, подобного судебному, а в некоторых случаях и обвинительного приговора. Естественно, что обвинительный приговор тоже может быть разным. Обвинение может быть строгим, а может быть смягчено из-за обстоятельств дела. Однако обратите внимание на следующие слова (я приведу этот же текст по-славянски): *Аз же глаголю вам, яко всяк гневаяйся на брата своего всуе, повинен есть суду*. Итак, повинен суду тот, кто гневается *всуе*. Значит, допустимо предположить, что гнев может быть и не напрасным, не

суетным. О том, когда и по какой причине мы гневаемся не напрасно – не *всуе*, – мы поговорим чуть позже.

Некоторые святые отцы считают, что суетный гнев – это вообще всякий гнев и что не существует причины, по которой он был бы оправдан. По мнению отцов, даже если тебя убивают, то и в этом случае твой гнев будет напрасным. Более того, знаменитый аскетический писатель, учитель Церкви, преподобный Иоанн Кассиан Римлянин полагает, что слово *всуе* внесено в евангельский текст позднее, а в древнейших списках Евангелия этого слова не было. По его мнению, надо было бы читать этот текст так: *Яко всяк гневаяйся на брата своего повинен есть суду*, то есть не может быть никакой причины, оправдывающей гнев. Хотя преподобный Кассиан, мне кажется, и ошибается в своем критическом отношении к евангельскому тексту, но он не ошибается по сути, не ошибается по духу. Действительно, даже если бы нас убивали и если бы мы отвечали на это гневом, то наш гнев был бы напрасным.

Но есть гнев, который нам действительно необходим. Если мы этого гнева лишимся, то лишимся своего естественного свойства и не сможем противостоять греху. Исаия Отшельник, один из авторов «Добротолюбия», считает, что гнев против страсти и против ереси необходим. Если мы не будем гневаться «на всеваемое в нас от врага» и на заблуждения, то примем это. Я встречал людей чересчур, как говорится, спокойных, которые всех оправдывали, всё принимали, в том числе и заблуждения, и сектантские учения. Они не то чтобы соглашались с этими заблуждениями, но относились к ним спокойно и находили во всем некий смысл. Это может привести к тому, что человек потеряет самую великую из обретенных им драгоценностей – истинную веру. Во избежание этого необходимо враждебное, гневное чувство ко всякому уклонению от истины.

Все древние святые отцы были преисполнены этой ревностью и не хотели быть терпеливыми к заблуждениям. Они могли пожалеть еретика, накормить, напоить его, могли оказать ему чисто человеческую помощь, но никогда не оправдывали его уклонения от истины. Они либо, если не было возможности

высказаться против ложного мнения, не касались этого вопроса вообще, либо, если такая возможность была, всегда противостояли заблуждению. Некоторые до того ревновали о точном исповедании веры, даже о точной передаче Священного Писания, что малейшее искажение священного текста вызывало в них негодование. Один подвижник услышал в храме, как некий священнослужитель в проповеди заменил слово «одр», употребленное в Евангелии, на более современное. Этот подвижник вслух обличил священника: зачем, мол, ты стыдишься Евангелия?! – и вышел из храма.

Конечно, я говорю это не для того, чтобы вы тоже прислушивались к каждому слову и, если вам что-нибудь покажется неправильным, с негодованием выходили вон или как-то иначе проявляли свое неудовольствие. Мы не можем вести себя так смело хотя бы потому, что не имеем такого же правильного подхода к Священному Писанию и Церковному Преданию, как упомянутый подвижник. Я привел этот пример только для того, чтобы показать, как гневались святые отцы на всякое, даже малейшее уклонение от истины. Если мы будем иметь такой ненапрасный гнев, значит, сохраним и свое православие, и свою праведность.

Теперь о гневе против страстей. Когда человек чересчур спокойно относится к своим слабостям – хотя слово «слабость» мы употребляем для того, чтобы оправдать себя, – правильнее сказать, к своим страстям, грехам, тогда, конечно же, он легко следует любому своему греховному желанию. Если мы не испытываем к своим страстям чувства ненависти – постоянного сильнейшего гнева, о котором говорит Спаситель: *Кто погубит свою душу, тот приобретет ее* [263] или *Никто не может быть Моим учеником, если не возненавидит душу свою*[264], – то не можем научиться у Спасителя исполнять заповеди, не можем научиться христианской жизни.

Итак, мы должны ненавидеть свою душу и нам необходим гнев против заблуждения, против греха, без него человек перестает быть человеком.

Но вернемся к неправедному гневу. *Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет*

брату своему: «рака», подлежит синедриону. «Рака» означает «пустой человек». Синедрион – это верховное судилище у иудеев, значит, здесь сказано: такой человек подлежит строжайшему высшему суду. *А кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной*. Если мы обратимся к себе, то увидим, что мы часто даже вслух произносим слово «безумный».

Спаситель сказал: *Не то оскверняет человека, что входит в уста, но что исходит из уст*[265]. Из наших уст часто исходят разного рода оскорбительные слова, и мы не придаем им значения. Если же мы удержались и не сказали человеку чего-то в лицо, а только обругали его про себя или позднее перед своими близкими, то считаем, что уже достигли некоего нравственного состояния. На самом же деле, даже если мы только мысленно ругаем людей, оскорбляя их так или иначе, мы уже подлежим отлучению от Церкви, потому что именно это означают слова *подлежит синедриону*. Синедрион употреблял высшее наказание – отлучение от ветхозаветной Церкви. Спаситель говорил о синедрионе, потому что обращался к Своим современникам, но смысл Его слов не устарел и сейчас: если мы, гневаясь, оскорбляем человека хотя бы мысленно, то подлежим отлучению от Церкви. Что это значит? Может быть, Церковь в лице своих иерархов и священнослужителей и снисходит к нам, но внутренне каждый из нас, если он сколько-нибудь к себе внимателен, несомненно чувствует, что гнев, даже не вышедший наружу, но получивший некоторую свободу внутри нас, опустошает нашу душу. Мы невидимо отлучаемся от Церкви, теряя благодать, потому что общение с Церковью – это не просто присутствие в храме или официальное признание того, что мы являемся членами Церкви, а невидимое и таинственное соединение со Христом, ибо Церковь, по учению апостола Павла, есть Тело Христово.

Когда в нас возмущаются те или иные страсти, в частности страсть гнева, тогда наша связь со Христом ослабевает или, может быть, даже вовсе пресекается. Благодать прекращает поступать в нашу душу подобно тому, как кровь прекращает поступать в отсеченный от тела член: он больше не питается

живительными соками и не подчиняется мозгу. Этот отсеченный член погибает так же, как и мы, если сами невидимо отсекаем себя от Тела Христова грехами и лишаем себя благодати. Если мы ощутили в душе такое опустошение, значит, мы теми или иными грехами отдалили и, можно даже сказать, отделили себя от Христа. Мы, конечно же, можем восстановить это единение покаянием. Однако не нужно себя извинять и говорить себе: ничего страшного, я согрешу, а потом покаюсь. Никто не знает, до какой силы может дойти действие страсти.

Если мы не будем противиться страсти гнева, восставать на нее, не будем вновь и вновь подниматься после своих падений, то она может развиться в нас до такой степени, что мы дойдем до ее крайнего проявления – убийства. Если не всегда и не все совершают убийства, то это бывает и по каким-то внешним причинам: например, нет возможности убить или человек просто боится наказания. А если бы он не боялся, то совершил бы этот самый страшный грех. Поэтому не нужно себя оправдывать: мы, мол, таких грехов не совершаем. Если мы в душе имеем желание убить, но нас удерживает только страх, причем не страх наказания Божия, а страх ответственности перед государственным законом, – то в душе мы уже убийцы.

Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим и тогда приди и принеси дар твой[266]. Во времена Спасителя, когда еще были действительны жертвы, учрежденные Моисеем (это были не только животные, но и хлебные колосья, или елей, или вино – жертва должна была быть предметной), иудеи в своей слепоте думали, что они, аккуратно исполняя закон и принося положенные жертвы, обязательно получают оправдание. У нас, к сожалению, тоже такое бывает. Может быть, наши жертвы более символичны, чем жертвы ветхозаветных верующих, но и они бывают предметными. Мы приносим свечи, заказываем молебны или литургии, приходим в храм, отстаиваем службы, соблюдаем посты – все это вещественная, видимая жертва. Но если при этом мы пренебрегаем своим внутренним долгом – борьбой со

страстями, то даже самая правильная и внешне богоугодная жертва не принесет нам пользы, пока мы не искореним в своей душе страсть.

Пойди прежде примирись с братом твоим и тогда приди и принеси дар твой. Конечно, сказанное можно распространить на все страсти. Но особенно важно для нас примирение с ближними: мы не можем проявить искреннюю любовь к Богу, если не любим своего брата. Любовь к ближнему – это естественное проявление любви к Богу, человек любит Бога настолько, насколько он любит людей. Это естественно, потому что человек есть образ и подобие Божие, изображение Бога, сотворенное Им Самим, и мы не можем не испытывать любви к этому видимому образу, если любим невидимого Бога. Если же в нас нет любви к видимому образу Божию, то и не видимого нами Бога мы на самом деле не любим.

Поэтому весьма уместно, прежде чем испросить себе прощение грехов, как учит Спаситель в ином месте, сначала примириться со своим братом. В молитве Господней, «Отче наш», как мы ее называем, есть слова: *И остави нам долги наша, яко и мы оставляем должником нашим*[267]. Я думаю, что эти слова также касаются страсти гнева и показывают нам, как мы должны молиться, прося у Бога прощения: условием этого прощения мы делаем то, что мы сами прощаем должникам. Конечно же, речь идет не только о должниках в материальном отношении, но скорее о должниках в широком, нравственном смысле.

Итак, мы должны примириться с нашими братьями. Под братьями, конечно, нужно понимать не только близких нам людей, родственников или друзей, но и всякого человека, с которым мы сталкиваемся, потому что любой человек, который пространственно оказался к нам близок в данный момент, уже имеет право называться ближним.

Если мы говорим о том, что любим всё человечество, всех жалеем, всем желаем счастья, если мы заботимся об экологии окружающей среды или о будущих поколениях (как, например, коммунисты, которые желали построить рай на земле для каких-то отдаленных поколений), но в то же время ненавидим тех, с

кем непосредственно сталкиваемся, значит, мы лицемерим. Никакой любви у нас нет. Любовь проявляется по отношению к тем людям, с которыми мы вынуждены общаться, пусть это будет даже наш случайный попутчик в автобусе. Я считаю, именно так нужно понимать слово «ближний». В этом смысле каждый человек, с которым мы сталкиваемся, заслуживает наименования «брата нашего».

Мы должны *оставить дар свой пред жертвенником* и *пойти прежде примириться с братом своим*. Конечно, не надо понимать это буквально. Представьте себе человека, который пришел в храм, купил свечу, хочет поставить ее на подсвечник и вдруг вспоминает, что он в автобусе поругался с попутчиком. Неужели он должен бросить свечу и ринуться искать этого человека? Во-первых, это невозможно, а во-вторых, неразумно. Речь идет о том, что мир с людьми нужно ставить выше жертвы. Главное – иметь мир со всеми людьми, а жертва на втором месте.

Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта[268]. Что имеется в виду под словом «соперник»? Можно рассмотреть два варианта толкования. По одному толкованию, речь идет о человеческой совести, которая всегда соперничает с человеком: спорит с ним и обличает его во всех отступлениях от нравственного закона. И пока мы на пути, то есть пока мы еще живы, мы должны примириться со своей совестью. Но, я думаю, возможно и буквальное понимание этого слова: соперник – это всякий человек, с которым мы общаемся. Мы должны мириться со всеми людьми, с которыми в течение жизни так или иначе сталкиваемся и находимся в вынужденном или добровольном союзе. Конечно, они не могут отдать нас Судье в прямом смысле, не имея такого дерзновения перед Богом. Но наши грехи против них, наших соперников, конечно же, сделают нас виновными и подвергнут нас осуждению.

Не может человек жить без человеческого общества. Даже люди, удалявшиеся для спасения своей души в пустыни, где не

было человеческих жилищ, не видевшие никого десятки лет, все-таки так или иначе сталкивались с людьми. Но даже если бы они никогда больше не сталкивались с людьми, всё равно вышли они из человеческого общества: имели родителей, кем-то воспитывались, хотя бы в самом раннем возрасте, с кем-то общались и в душе своей имеют определенное отношение к людям. Поэтому даже удалившийся от всех человек все равно связан с людьми и тоже должен любить ближнего и примириться с ним.

Итак, под словом «соперник» весьма уместно подразумевать каждого человека, с которым мы общались в течение земной жизни. Все люди являются для нас в определенном смысле соперниками, потому что мы, многократно в течение дня или даже в течение всей жизни сталкиваясь с ними, так или иначе реагируем на них: проявляем недовольство, гнев, неприязнь, миримся, вновь испытываем к ним разнообразные чувства – иногда добрые, иногда неприязненные. Мы должны примириться со всеми людьми, с которыми живем, то есть иметь к ним мирное чувство. Нравственное состояние, к которому Господь Иисус Христос призывает нас в Нагорной проповеди, есть мир со всеми людьми, но с одной оговоркой (я уже касался этой темы и еще к ней вернусь): кроме тех людей, на которых должен распространяться праведный гнев. Если мы во всех отношениях примиримся с еретиками, то есть примем даже их заблуждения, то погибнем, так как, примирившись с еретиком, расторгнем наше единение со Христом и, неправильно возлюбив человека, потеряем любовь к Богу.

Истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта. Конечно, это образное выражение – человек никогда не сможет отдать своего греховного долга. Выражение *до последнего кодранта*, то есть до последней мелкой монеты, означает следующее: если мы не примиримся с людьми, то будем отвечать за все свои грехи, даже самые мелкие. По этой причине, мне кажется, благоразумнее было бы для нас – не говоря уже о том, что это

просто хорошо, – стараться со всеми людьми пребывать в мире, кроме тех случаев, о которых я уже сказал.

Теперь я более подробно хочу сказать о тех случаях, когда гнев безгрешен и даже необходим. Прежде всего, обратимся к жизни и поведению Самого Господа нашего Иисуса Христа. Из Евангелия видно, что Спаситель имел чувство гнева. А зная о том, что Он совершенный, безгрешный Человек, мы понимаем, что гнев, который Он испытывал, нельзя назвать греховной страстью. Такой гнев является необходимым чувством, естественным свойством нравственно совершенного человека.

После того как апостол Петр исповедовал Господа Иисуса Христа Сыном Божиим, Спаситель *начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть*. *И, отозвав Его, Петр начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою! Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое*[269]. Конечно, здесь нет слова «гнев», но я думаю, что мы, как люди здравомыслящие, понимаем, что не может человек говорить: *Отойди от Меня, сатана* – и при этом кротко улыбаться. Значит, здесь проявился гнев Господа на апостола Петра, который, не понимая подвига Спасителя, пытался Его соблазнить – уговорить отречься от крестной смерти. Апостол Петр проявил к Господу Иисусу Христу земную, человеческую любовь, а не любовь, просвещенную истинной верой. И гнев Господа не означал вражды и ненависти к апостолу Петру, он был направлен на заблуждение, на непонимание, которое апостол Петр проявил в данный момент, можно сказать к ереси, которую он высказал.

В доказательство того, что этот гнев был праведным, чистым, гневом не против человека, но против заблуждения, я приведу другой эпизод, теперь из Евангелия от Марка. Господь *пришел опять в синагогу; там был человек, имевший иссохшую руку*. *И наблюдали за Ним, не исцелит ли его в субботу, чтобы обвинить Его. Он же говорит человеку,*

имевшему иссохшую руку: стань на средину. А им говорит: должно ли в субботу добро делать, или зло делать? душу спасти или погубить? Но они молчали[270]. Люди, присутствовавшие в синагоге, проявили упорство и, не зная, что ответить, сопротивлялись самим своим молчанием. Теперь обратите внимание на последующие евангельские строки: *И, воззрев на них с гневом, скорбя об ожесточении сердец их, говорит тому человеку: протяни руку твою. Он протянул, и стала рука его здорова, как другая*[271]. Слова: *Воззрев на них с гневом, скорбя об ожесточении сердец их* – говорят о том, что гнев Господа был не против этих людей, а против того нравственного состояния, ожесточения и окаменения сердечного, в котором они находились. Вот праведный, чистый гнев: *Воззрев на них с гневом, скорбя об ожесточении сердец их*. Я думаю, что нечто подобное Господь Иисус Христос испытывал и тогда, когда говорил апостолу Петру: *Отойди от Меня, сатана!* Если Он к людям сравнительно чужим, можно сказать посторонним, испытывал такое чувство и *скорбел об ожесточении сердец их,* то тем более к своему ближайшему ученику Он должен был испытывать любовь. И когда Господь сказал: *Отойди от Меня, сатана*, – то Он обличил лишь душевное состояние апостола Петра, а не окончательно отождествил его со злым духом.

В Евангелии от Иоанна есть еще один пример откровенного гнева, который Спаситель проявил к людям, злоупотреблявшим долготерпением Божиим и нарушавшим благоговейную тишину Иерусалимского храма. *Приближалась Пасха Иудейская, и Иисус пришел в Иерусалим и нашел, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег. И, сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, также и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул. И сказал продающим голубей: возьмите это отсюда и дома Отца Моего не делайте домом торговли*[272]. Предполагать, что это делалось абсолютно спокойно, мне кажется, нелепо. Здесь говорится: *Выгнал из храма всех*. Не думаю, что Он говорил при этом: «Выйдите, пожалуйста». Он выталкивал людей, стегал животных, которые мычали и блеяли. В храме стоял рев,

раздавались недовольные возгласы. Мало того, сказано, что Спаситель *деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул*. В храме стояли столы, на которых обменивалась разная «валюта», потому что евреи съезжались из разных стран мира, а им нужны были именно те деньги, которыми пользовались в Иудее, чтобы можно было пожертвовать их на храм. Господь Иисус Христос опрокинул эти столы с деньгами, а можно ли так поступить в совершенно спокойном состоянии? Конечно же, это было проявлением крайнего негодования, это был, выражаясь современным языком, необыкновенный скандал. Ведь там, наверное, сидело не два-три, а несколько десятков торговцев, рядом с каждым из них стояло по несколько животных, было в храме много и меновщиков со столами, – видимо, это было выгодным делом.

При сем ученики Его вспомнили, что написано: ревность по доме Твоем снедает меня. На это иудеи сказали: каким знамением докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать? Иисус сказал им в ответ: разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его. На это сказали иудеи: сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его? А Он говорил о храме тела Своего[273]. Господь Иисус Христос, совершая этот подвиг благочестия и ревнуя о благоговении к храму, знал, что за этим последует, и предвидел, что вся ненависть иудеев к Нему за обличения кончится Его крестной казнью. И говорил Он о разрушении храма тела Своего, понимая, что Он принесет эту жертву не с ненавистью, а с любовью к тем людям, которые сейчас гонят Его, а впоследствии распнут. Спаситель вполне осознавал, что искупительные страдания Его будут распространяться на всех людей вообще, в том числе и на непосредственных Его гонителей и распинателей. И в храме гнев Спасителя был направлен против нравственного и умственного состояния иудеев, а не против них самих.

Вот пример праведного гнева и доказательство того, что не может совершенный человек быть лишен этого чувства. В жизни, конечно, нам бывает трудно приблизиться к этому идеалу – проявить праведный гнев, совершенно не поддавшись гневу

неправедному. Но в иных случаях лучше проявить праведный гнев с некоторой примесью греховного, чем выказать полное безразличие к тому, например, что нам навязывают какие-либо заблуждения. В других случаях, наоборот, лучше не проявлять праведного гнева, для того чтобы не поддаться сильнейшему неправедному гневу. Здесь необходима большая рассудительность. Нельзя заранее разложить все по полочкам так, чтобы все наперед было ясно. Если бы все было так просто, то Господь не создал бы нас разумными существами и не дал бы нам способности рассуждать и определять, что, когда и в каких случаях нужно делать.

Постараюсь привести типичные ситуации, в которых можно и нельзя проявлять праведный гнев. Скажем, я беседую один на один с сектантом, который навязывает мне свои нелепые убеждения. Неправильность его слов никакого сомнения во мне не вызывает, в правоте своего православного взгляда я уверен. Во мне закипает возмущение нелепостями, которые он говорит, и его хулой на Церковь и православие. Но я вижу, что этого человека переубедить невозможно; если я начну гневно с ним спорить, кричать, убеждать его – это ни к чему не приведет, а только причинит вред моей душе. Я потом буду несколько дней кипятиться, пока у меня в душе не уляжется страсть, а тому человеку моя гневная речь никакой пользы не принесет. Тут можно было бы свой язык придержать и смириться. Конечно, не нужно соглашаться с хулой, которую он выплескивает, а высказаться в нескольких простых словах совершенно определенно: «Я православный христианин и с твоими словами не согласен, ты заблуждаешься». Но в спор с ним не вступать, тем паче в гневное пререкание.

Другой случай. Со мной говорит сектант, и я так же убежден в своей правоте, меня ничем не поколеблешь, но рядом находится еще один человек, который прислушивается к нашему спору и думает: «Кто же из них прав, православный или сектант?» Если в данном случае я буду думать лишь о своем спокойствии, о том, чтобы сохранить внутреннюю уравновешенность, то подвергну опасности свидетеля нашего спора, который колеблется. Я обязан напрячь все силы души и

ума, чтобы вступить в спор с сектантом ради этого колеблющегося человека, стараясь убедить его в правоте православия. Если я не имею необходимых знаний, если у меня не хватает доводов, то я должен просить помощи и вразумления у Бога. В конце концов я должен категорично высказаться: то-то и то-то неправильно, а вот это – правильно. Даже простое высказывание, соединенное с верой, благоговением, может оказаться сильнее самых мудреных доказательств этого сектанта. Мы можем не отличаться особенным умом, спорящий с нами человек может превосходить нас умственными способностями, но он не может превосходить нас благодатью. Потому что благодати у него вообще нет – пусто. Поэтому самое простое слово, которое заключает в себе православное учение, сильнее всех его рассуждений. Мы обязаны в данном случае подробно и точно возразить на все его претензии к православию, на всю его хулу, хотя бы просто пересказав, в чем состоит православное учение. Так сделал в свое время святитель Спиридон Тримифунтский, и слова его, исполненные благодати, переубедили языческого философа и еретика, споривше го с православными епископами на I Вселенском соборе.

Однако я ни в коем случае не одобряю спора, при котором кто-либо станет размахивать руками и кричать: «Ты дурак!» – затем начнет толкать, а потом и бить этого сектанта. Такое поведение только еще больше соблазнит колеблющегося свидетеля, потому что он подумает: какие невыдержанные люди православные, а сектанты – такие спокойные. Сектанты действительно зачастую очень спокойны, ибо считают, что они даже не без пяти минут в Царствии Небесном, а уже в Царствии Небесном. Несмотря на то что они бывают иногда полнейшими невеждами, ведут они себя всегда чрезвычайно самоуверенно.

Я сейчас не хочу подробно рассуждать о том, как нужно спорить с сектантами, это особая тема. Я хочу сказать только о том, как должен выражаться в таких случаях гнев: он должен быть неприятием заблуждений, негодованием на хулу, которую сектант произносит на святое православие. В таких ситуациях можно было бы и поддаться в некоторой степени обычному

гневу, лишь бы только он не помутил наш разум. Мы обыкновенные люди и не можем на практике оказаться совершенно чисты от него. Хотя были угодники Божии, которые достигали такого высоконравственного состояния, что уподоблялись Спасителю и гневались только на заблуждение, на грех, пребывая совершенно спокойными по отношению к людям.

Но, скажу еще раз, приведенные случаи – исключительные, и я их привел вовсе не для того, чтобы разрешить гневаться в любой ситуации. В подавляющем большинстве случаев наш гнев греховен, и нам надо это понимать и бороться с этой страстью, как заповедует нам Евангелие. Мы, читая Евангелие и понимая, что его заповеди являются требованиями, предъявляемыми именно к нашей жизни, а не просто голословными заявлениями, не должны себя оправдывать тем, что сейчас время иное и мы иные. Мы не должны себя успокаивать тем, что мы не святые: куда нам, мы не можем стать такими, как преподобный Серафим Саровский. Такое рассуждение сразу ставит крест на всякой надежде достигнуть хоть какого-то преуспеяния в нравственной жизни. Но ведь спасение наше состоит не в том, что Господь нас спасает, несмотря на то, что мы живем в грехах. Бог спасает нас тем, что обучает жизни по заповедям, и мы через их исполнение приближаемся к Нему. Благодать Божия ведет нас по пути исполнения заповедей – по тому пути, по которому прошел Христос. И если мы стоим на месте, значит, мы не спасаемся. Спасение же состоит в делании заповедей, в том числе и заповеди о том, что *всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду*, то есть спасение состоит и в борьбе со страстью гнева.

* * *

Если человек энергичный, то, получается, что ему труднее приобрести внутреннее спокойствие, чем человеку тихому, скромному?

Это поверхностный взгляд на вещи. Есть очень мудрая и точная русская поговорка: «В тихом омуте черти водятся». Я многократно убеждался в ее правдивости. Поэтому говорить,

что человеку тихому легче приобрести внутреннее спокойствие, неверно. Я думаю, наоборот, человеку энергичному внутреннее спокойствие приобрести легче, если он свою энергию употребит на духовные подвиги – на молитву, покаяние, трезвение.

Всем необходима ревность. Кто раньше достигнет внутренней тишины, не имеет принципиального значения. Человек, энергичный в делах земных, в духовной жизни может быть совершенно бездейственным, ленивым, нерадивым. И, наоборот, какой-нибудь мямля, человек, неспособный ни к какой практической деятельности, бывает очень ревностным в духовной жизни. Хотя, впрочем, случается и наоборот. Все зависит не от добродетели, не от нравственности, не от воспитания, хотя и это тоже имеет значение, но более всего именно от ревности. Ревности, конечно же, к спасению своей души, ревности к духовной жизни.

Как из сердца вырвать обиду? Когда на кого-то обижусь, то, хотя и стараюсь отогнать помыслы, все-таки какое-то чувство обиды в сердце остается.

Есть два способа борьбы. Первый применим не только к обиде, но и ко всем другим страстям: надо молиться и стараться эту обиду не держать в уме. Почему мы не можем ее прогнать? Потому что мы одновременно и молимся, и держим в голове мысль, которая возбуждает в нас обиду. Нужно эту мысль, несмотря на всю ее очевидную «справедливость», выбросить из головы, не рассматривать ее умом, как бы удалиться от нее.

Представим себе, что наш ум – это око, которое может взирать либо на Господа – через молитву, либо на тот или иной греховный помысел. Если мы будем тщательно «смотреть» в молитву, тогда все внимание постепенно уйдет в нее, и греховный помысел, в данном случае обида, исчезнет. Кроме того, в этом случае и благодать Божия будет наш ум как бы притягивать к себе и очищать. Если же мы будем одновременно смотреть и на то и на другое, то, поскольку мы более наклонны к злу, все наше внимание постепенно сосредоточится на помысле обиды, и молитва будет произноситься чисто

формально, а может, мы и совсем ее оставим. Где нет внимания, там нет и молитвы.

Другой способ не столь универсален, он подходит для борьбы именно со страсти обидчивости: молиться за того человека, который тебя обидел. Но иногда страсть настолько сильно действует, что, когда мы даже в молитве вспоминаем про нашего обидчика, в нас вновь начинают кипеть чувства. В таком случае, безусловно, лучше действовать первым способом. Но все-таки порой можно понуждать себя молиться за этого человека, делать ему добро, хорошо о нем отзываться, хотя он, может быть, совершенно этого недостоин. Надо и молиться, и поступать наперекор себе, потому что, если мы будем бороться только внутренне, а внешне будем поддаваться страсти, то пользы от этого не будет.

Когда в твоем присутствии ругаются два человека, а ты знаешь, что один из них неправ, как подавить в себе негодование на него, стерпеть и не усугубить конфликт?

Семь бед – один ответ. Мы должны непрестанно молиться, непрестанно призывать Господа Иисуса Христа на помощь. Если мы только своими силами, только одним напряжением воли начнем противостоять страсти, конечно, мы не выдержим, разве что страсть очень слабая. Поэтому мы умом должны пребывать с Богом и быть соединены с Ним. Когда благодать Божия с нами, мы можем себя победить, когда же она нас оставит, мы обязательно упадем. Поэтому лучшее средство в борьбе со страстью, конечно же, молитва.

Но в то же время не нужно забывать и о другой стороне дела. Мы должны себя понуждать к сопротивлению греху изо всех сил, даже если у нас их очень мало. Конечно, помощи Божией «по количеству» нам необходимо гораздо больше, чем нашего собственного усилия, но, тем не менее, и наше усилие мы должны приложить в полной мере, до предела. Когда мы напряжем все силы для того, чтобы противостоять греху, и при этом будем изо всех сил молиться, тогда помощь Божия будет нам содействовать – мы станем побеждать грех в каждом конкретном случае.

Но нельзя думать, что вот мы один раз напряжемся, победим гнев и после этого уже никогда не будем гневаться. Враг и впредь будет нападать на нас и возбуждать страсть, гнездящуюся в нашей душе, да и сами мы люди непостоянные: сегодня искренне хотим быть праведными, а завтра, даже и не завтра, а через несколько минут, забываем об этом. Причем грешим мы именно таким образом, каким твердо решили никогда больше не грешить. Поэтому мы должны настроить себя на долговременную борьбу. Постоянная борьба со страстью гнева, борьба в каждом отдельном случае постепенно искореняет в нас гнев и насаждает кротость.

Для этой борьбы, как я уже сказал, есть два средства: молитва и напряжение собственной воли. Это значит, что я стараюсь терпеть изо всех сил, чтобы не сказать ничего в ответ человеку, или напрягаюсь изо всех сил, чтобы даже виду не подать, что мне не нравится его поведение, и одновременно молюсь о том, чтобы мне удержаться от резкого слова или иного проявления страсти. Страсть действует в людях в разной степени. Один человек удерживает себя от рукоприкладства, и для него это уже великая победа, а другой борется с собой, чтобы в душе его не возникло даже тени гнева. Второй достиг гораздо большего преуспеяния. Поэтому не нужно отчаиваться, а, в каком бы нравственном состоянии мы ни находились, следует взяться за ум и вступить в борьбу с этой страстью.

На практике человеку возможно себя контролировать во время гнева?

В зависимости от того, в какой степени человек подвержен страсти. Некоторые, может быть, совсем не могут себя контролировать. Со страстью нужно бороться. Если мы будем потворствовать страсти, то мы можем, пожалуй, и до беснования дойти. Если человек себя не сдерживает, – наверное, даже врачи это подтвердят, – то постепенно он может совершенно распуститься. А если сдерживает, то, наоборот, даже и болезненное состояние может постепенно уменьшиться. Это совершенно очевидно. Однако нужно сказать, что без помощи Божией побороть гнев невозможно.

Как это состояние контролировать? Молиться и сдерживать себя каким-то образом; в конце концов, избегать ситуаций, в которых можно разгневаться.

Как понять слова «гнев праведный с примесью неправедного»? Мне непонятно, например, что имеется в виду в случае с сектантом и присутствующим третьим лицом: «Сейчас я буду праведно гневаться»? Как контролировать себя?

В этой ситуации человек не намеревается праведно гневаться, а просто дает себе некоторую свободу. Если он ревнитель православия, то у него не может не возникнуть гнева против того, кто проповедует какое-либо заблуждение. Человек обязательно отреагирует – это естественно. Если у него нет естественной реакции негодования, значит, ему безразлично, где правда, а где ложь; где истина, а где заблуждение.

Я не говорю, что праведный гнев с примесью неправедного – это хорошо, просто так чаще всего бывает. Мы хотим переубедить людей, повлиять на них, чтобы они не заблуждались, но одновременно испытываем тот нехороший гнев, который поневоле примешивается к доброму желанию. Мы вынуждены его в некоторой степени терпеть и быть снисходительными к себе. Вот что я имел в виду.

Это не значит, что я могу дозировать количество неправедного гнева. Если я чувствую, что греховный гнев слишком мною овладевает, лучше, конечно, эту беседу прекратить, иначе дело дойдет до драки.

Если знакомые оскорбительно отзываются о священнике или монахах, а я нахожусь рядом и слышу, то как я должна поступить?

Если эти люди провоцируют вас на ответную реакцию, зная, что вы верующая, и желают вас оскорбить, то нужно коротко сказать, что Бог их за эту хулу накажет, и отойти. Но бывает, что люди, рассуждая, без умысла впадают в осуждение священников. На самом деле, к осуждению человек прибегает для того, чтобы оправдать свое маловерие: мол, мы не ходим в церковь, потому что священники плохие. В таком случае,

безусловно, надо этим людям возразить, если мы имеем необходимые для этого знания.

Конечно же, тогда нам ни в коем случае нельзя не только гневаться, но и что-либо выдумывать, фантазировать, а нужно говорить только то, что мы прочитали у святых отцов. Иначе мы так станем защищать истину, что в еще бо́льшую ересь впадем.

Я каждый раз на исповеди каюсь в грехе гнева и раздражения на мужа, но после исповеди вновь и вновь повторяю свои ошибки. И так без конца. Но муж тоже бывает не всегда прав: смотрит фильмы, не подобающие православному христианину, ленится в домашних делах, разделяет убеждения сектантов. Так дело дойдет и до развода, как быть?

Я думаю, что, когда человек упорно не принимает ваших обличений, тогда, если у вас общий духовник – желательно семейным людям иметь одного духовника, – можно пожаловаться духовнику. И духовник повлияет на него. Если же такой возможности нет, допустим у вас разные духовники, можно узнать, кто его духовник, и пойти ему все рассказать. Если духовник хороший, серьезный, он, конечно, что-то попытается предпринять.

Если же такой возможности нет или если муж маловерующий, редко ходит в храм и никакого влияния через священника на него оказать нельзя, то надо вести себя сдержанно. Впрочем, сдержанно вести себя нужно в любом случае, даже если бы мы и священнику рассказали. От обличений толку никакого не будет – лучше молиться.

Если человек несколько раз в разных обстоятельствах отверг ваши обличения, то ясно, что он и впредь принимать их не будет. Поэтому надо терпеть, смиряться и молиться. Может быть, ради ваших молитв Господь невидимо воздействует на его душу – и он опомнится. А ваши неумелые и неуместные обличения приведут его только в большее раздражение, и он лучше от них не станет. Действительно, брак может расстроиться от навязчивого, неуместного и неразумного «благочестия», а на самом деле просто от неразумной ревности.

Часто гнев оправдывают усталостью или больными нервами. Как к этому относиться?

Бывает болезненная раздражительность – неврастения. Можно, конечно, от нее лечиться, но если мы не будем сдерживаться, то нам и лечение не поможет.

Я думаю, внимание нужно обращать преимущественно на духовные средства: молитву, исповедь, причащение. Конечно, таинства оказывают огромное воздействие на душу и тело человека. Душу умиротворяет также и чтение духовной литературы, в особенности Евангелия и святых отцов.

Если мы будем оправдывать себя усталостью или больными нервами, то это приведет только к тому, что нам некогда будет бороться с собой, потому что мы будем либо «всегда усталыми», либо, хотя и не усталыми, но имеющими «нервы, больные от усталости».

Я думаю, что так оправдывать себя не нужно. Хотя и допускаю, что у человека могут быть расстроены нервы и ему нужно подлечиться.

Из-за своих грехов и проявления страстей появляется чувство ненависти к себе, а от этого рождается уныние, даже отчаяние в своем исправлении. Как правильно гневаться на свои страсти, не поддаваясь унынию?

Гневаться на свои страсти, не поддаваясь унынию, – это просто бороться с ними. Допустим, меня мучает блудная страсть. Гневаться на нее не значит, что я прежде должен привести себя в ярость, а когда у меня глаза выкатятся, лицо покраснеет и слюна забрызжет, тогда начинать молиться, чтобы прошла блудная страсть. Гневаться на блудную страсть – значит ненавидеть ее, ненавидеть эту скверну за то, что она разлучает нас с Богом. И молиться против нее, не принимать ее, не услаждаться ею, не оправдывать того, что мы поддаемся этой страсти.

На практике, человек, преуспевший в этом делании, когда у него появляется греховный помысел, например блудный, гневный или тщеславный, негодует на него, испытывает отвращение к этому отвратительному, чуждому ему помыслу, который пытается осквернить его душу и разлучить его с Богом.

Человек с негодованием «набрасывается» умом на этот помысел, одновременно просит Бога о помощи – и выбрасывает греховный помысел из своего сознания. Вот что такое гнев на страсти.

Как научиться не бояться выговоров? Укорять себя или просто молиться?

Я думаю, что самое лучшее самоукорение – это когда человек постоянно читает Священное Писание, в особенности Евангелие, и видит, что он его не исполняет. И всегда помнит о том, что он нарушает ту или иную заповедь. Это самое мудрое, самое необходимое и самое безопасное самоукорение. Если же человек поносит себя, допустим называет себя «свиньей», то это может быть и искренним и наигранным. Если же он делает это искренне, то, может быть, это ему и полезно, но к этому можно привыкнуть.

Если мы хотим проверить, действительно ли мы искренне называем себя «свиньей» или «собакой», то нужно представить себе, что нас кто-то посторонний так назвал, или действительно оказаться в такой ситуации, когда нас ругают. Если нас назовут «собакой» и мы возмутимся, то нам и самим себя не нужно так называть, потому что это наигранно.

Повторю, что лучше укорять себя разумно: не называть себя оскорбительными словами, а видеть, что ты не исполняешь заповедей, что ты плохой христианин. Необходимо понимать это и придавать этому большое значение. А для этого нужно больше читать Евангелие, помнить о нем и стараться применять его в своей повседневной жизни не только к поступкам, но и к мыслям. И тогда в человеке будет расти сердечное чувство греховности, при котором он всякие поношения и оскорбления будет выносить естественно.

Но нам не нужно огорчаться и в случае, когда мы поддались обиде. Надо смотреть на это просто как на диагноз. Он поставлен – и теперь нужно лечиться.

Я сильно склонен к гневу и часто не могу сдержаться, проявляю его внешне. Где та граница, при которой эта страсть переходит в смертный грех?

Смертный грех – это, например, убийство, или попытка убийства, или месть: допустим, нас кто-то обидел, а мы ему мстим или если не имеем возможности отомстить, то желаем ему зла. Если у него какая-то неприятность, мы злорадствуем, то есть радуемся о зле, если расшифровать это слово буквально. Вот, наверное, все это будет смертным грехом. А граница? Когда мы боремся со страстью, может, иногда поддаемся ей: что-нибудь скажем или подумаем, но на деле не приводим в исполнение то, что она нам велит – это и будет граница, которая делает страсть в каком-то смысле терпимой.

В то же время есть разница между человеком, борющимся со своей страстью, и человеком, который ей поддается. Иной не грешит по той причине, что у него просто возможности нет. Он убил бы, но боится, что его в тюрьму посадят или самого прежде убьют. Нельзя сказать, что этот человек не совершает смертного греха. Или, допустим, один бьет, пока не убьет, а другой кого-то ударил, и тот упал, а первый думает: «А, ладно…». Тут тоже нельзя сказать, что он не сделал смертного греха, ведь он, в принципе, мог бы и убить, если бы нечаянно ударил неловко. Люди, которые так поддаются страсти, находятся, как говорят святые отцы, «под адом», и если они не будут бороться, попадут в преисподнюю. Если же кто борется, но иногда побеждается, то это простительно. Он споткнулся, потом встал и опять продолжает бороться.

Поэтому нам нужно отличать не только смертный грех от не смертного, но и борьбу с грехом от бездеятельности.

Какая печаль спасительна

Евангелие о причинах уныния. – «Мы печалимся, когда мир радуется, и мир радуется, когда мы печалимся»: виды разумной и неразумной печали. – Примеры уныния. – Значение молитвы и покаяния в борьбе с унынием и отчаянием. – Можно ли депрессию назвать унынием? – Как быстрее преодолеть наступившее охлаждение к церковной жизни.

Сегодня я бы хотел поговорить о страсти, которой многие поддаются и которая чрезвычайно опасна в духовной жизни. Часто ее не замечают, и своим тихим пришествием она захватывает душу. Когда человек приходит в себя, то обнаруживает, что страсть уже полностью овладела его душой. Эта страсть – уныние. Как говорит преподобный Иоанн Лествичник, всякая страсть опасна, уныние же есть всепоражающая смерть.

В Евангелии от Луки есть притча, которая говорит о непрестанной молитве. Но она говорит также и о страсти уныния. В жизни не имеют четкого деления ни страсти, ни добродетели, все они, так сказать, смешаны друг с другом и представляют собой один тугой узел, который невозможно развязать: касаясь одной страсти или добродетели, мы вынуждены касаться и другой. Но для того чтобы лучше себе все объяснить, мы пытаемся духовный опыт систематизировать, несколько абстрагируя его от жизни.

Итак, обратимся к Евангелию. Спаситель привел ученикам притчу о том, что *должно всегда молиться и не унывать*[274]. По-славянски говорится *не стужати си*. Вот это «стужение» самому себе по-русски называется уныние. *В одном городе был судья, который Бога не боялся и людей не стыдился. В том же городе была одна вдова, и она, приходя к нему, говорила: защити меня от соперника моего. Но он долгое время не хотел. А после сказал сам в себе: хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь, но, как эта вдова не дает мне покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мне. И сказал Господь: слышите, что говорит судья неправедный?*

Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их?[275]

Это медление на самом деле попускается Богом для нашего спасения, для того чтобы мы за это время, проведенное в борьбе с грехом, приобрели добродетели. Господь мог бы защитить нас в одно мгновение, мог бы без промедления даровать нам бесстрастие, но мы должны приобрести и смирение, мы должны доказать свою любовь к Богу терпением скорбей, в том числе скорбей от борьбы с грехом. А мы воспринимаем это так, будто Бог нас забыл, и впадаем в уныние. Даже во время какой-то, если можно так выразиться, быстротекущей скорби, допустим при брани, которая длится всего несколько часов, мы, не имея терпения, думаем, что Бог нам не помогает невыносимо долго, и начинаем унывать. Тем, кто занимается непрестанной молитвой, нужно в особенности быть настороже, чтобы не поддаться этой необыкновенно вредной страсти. Надо всегда помнить: то, что нам кажется Божиим промедлением, на самом деле есть долготерпение Божие о нас. В славянском переводе (и я думаю, это ближе к оригинальному греческому тексту) так и говорится: *Бог же не имать ли сотворити отмщение избранных своих… и долготерпя о них*.

Святые отцы разделяют две страсти, очень похожие: уныние и печаль. Я нахожу, что разделение это условно и они настолько близки, что можно одновременно говорить и об унынии, и о печали.

В Евангелии об унынии упоминается в связи с непрестанной молитвой, а также в связи с постом. Видимо, потому, что мы, не получая от этих добродетелей немедленной пользы или чувствуя во время их исполнения тяжесть, начинаем унывать. Такое неподобающее чувство вызывают эти добродетели в душе неопытных делателей.

Что говорит Спаситель о посте? *Когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое,*

чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно[276]. Итак, как мы видим, здесь предостерегаются постники, и предостерегаются именно от уныния. Уныние в этом случае может быть лицемерное: человек напускает на себя унылый вид и таким образом в глазах людей, для которых пост является выдающейся добродетелью, выглядит достойным, избранником Божиим. Но может быть и настоящее уныние – уныние от неразумного поста. Если человек берет на себя такой пост, от которого плоть его изнемогает и при котором душа его не выдерживает телесной скорби, тогда он поневоле «принимает на себя мрачное лицо». Да и сравнительно нестрогий пост, если душевное состояние человека оказывается недостаточно развитым, допустим, молится он весьма слабо: невнимательно, рассеянно, без покаяния, – он может не выдержать. Как говорит святитель Игнатий (Брянчанинов), между добродетелями духовными и добродетелями телесными, например постом, должно быть соответствие.

При посте должна быть печаль, но какая? Об этом Спаситель также говорит. *Тогда приходят к Нему ученики Иоанновы и говорят: почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся? И сказал им Иисус: могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених? Но придут дни, когда отнимется от них жених, и тогда будут поститься*[277]. При посте необходима скорбь, печаль о том, что Господь оставляет нас действием Своей благодати. А когда мы начинаем унывать оттого, что ослабеваем, терпим какое-то телесное лишение – это печаль неправильная. Переживание должно быть духовное. Должно быть покаяние, а ни в коем случае не уныние от этой малой ли, большой ли телесной скорби, притом добровольно на себя взятой. Печалиться я должен о грехах, а сам пост, воздержание в пище я должен воспринимать как радость. Я должен радоваться, потому что вступил на поприще покаяния.

Может быть, некоторым кажется, что печаль о пище – это мелочь, зачем о ней и говорить? На самом деле мелочью это

может считать только тот, кто ест и пьет все, что хочет. Когда же человек не имеет такой возможности, то это вызывает в нем большое смущение, скорбь, переживания. Я уже не говорю о голоде. Даже обыкновенные церковные посты при всей своей сравнительной мягкости (в той практике, в которой мы их сейчас соблюдаем) вызывают в душе человека смущение. Многие люди отшатываются от Церкви именно по той причине, что им необходимо поститься. Обязательность поста вызывает в них сильнейшее негодование; они пускают в ход всякие ухищрения, чтобы доказать себе и другим (и таким образом себя успокоить), что пост – это нечто совершенно необязательное, неважное. Но этим они только обличают себя. Показывают, что на самом деле для них это очень важно и очень трудно.

Уныние, печаль бывает у нас и оттого, что мы лишаемся чего-то земного, к чему имеем привязанность, например имущества. Об этом говорит Спаситель в евангельском повествовании о богатом юноше, который подошел к Господу и спросил, что ему нужно делать, чтобы наследовать вечную жизнь. *Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение*[278]. Вот еще один вид неразумной печали. Печаль о грехах нам, повторю, необходима. Печаль о земном: о пище или имуществе – предосудительна, она губит человека.

Радость – вот правильное отношение к земным скорбям, которые обязательно должны быть в жизни христианина, и даже к тем скорбям, которые будут признаком близкого пришествия Спасителя. *И будут знамения в солнце и луне и звездах, а на земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится*[279]. От несчастий, которые наступят в последние времена, уныние овладеет не одним человеком или несколькими людьми, а многими и многими народами, населяющими землю. *Люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную, ибо силы небесные поколеблются, и тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаке с силою и славою великою. Когда же*

начнет это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше[280]. Если маловерующие и неверующие люди от этих бедствий придут в уныние, то истинные христиане должны им возрадоваться: приближается их избавление – избавление от земных скорбей, от власти греха, вообще от этой земной жизни, в которой чрезвычайно трудно, почти невозможно жить праведно. Для истинного христианина ожидание смерти, а также и кончины мира – это ожидание радостное. Я говорю о состоянии людей, достигших совершенства в христианстве. К сожалению, в нас этой радости чрезвычайно мало.

В Евангелии от Иоанна, где приводится беседа Спасителя с учениками на Тайной вечери, есть целое рассуждение о печали, унынии. Господь говорит Своим ученикам, что Он отходит от них: *А теперь иду к Пославшему Меня, и никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? Но оттого, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше. Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не приидет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам*[281]. Раньше Спаситель предсказывал, что ученики Его будут поститься от печали, когда с ними не будет Жениха, и здесь это уже сбывается – печаль овладевает ими. И эта печаль, как я думаю, оправдана, в ней нет никакого греха. Это естественно – печалиться от разлуки с тем, кого мы любим.

Господь предупреждает учеников о грядущей печали и утешает их: *Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет*[282]. Здесь, конечно, в первую очередь говорится о тех событиях, которые вот-вот должны были произойти, то есть о страданиях и смерти Спасителя. Но также это можно перенести и на духовную жизнь человека. Мы печалимся, когда мир радуется, и мир радуется, когда мы печалимся. Иногда бывает даже такое: то, что доставляет радость человеку неверующему, приводит в уныние человека верующего. Например, на работе нам хочется побыть в тишине, помолиться, а мы поневоле должны слушать какую-нибудь современную музыку. Если это доставляет нам скорбь, печаль,

значит, мы в какой-то степени уже отрешились от мира и его радостей, а если мы испытываем от этой нечаянной музыки радость, значит, в нас еще много мирского. Но это самый простой пример. Можно было бы привести гораздо более серьезные. Например, уединение для христианина – это радость. Если он в уединении предается плачу, то его плач и рыдание впоследствии приносят ему утешение. А для человека неверующего уединение – это невыносимая мука. Мой духовник говорил такие слова (из них видно его духовное состояние): «Вот людям скучно быть одним, а мне скучно быть с людьми». Человеку молящемуся, испытывающему действие Божественной благодати, скучно с людьми, потому что люди отвлекают его от общения с возлюбленным Господом.

Вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет. В радость она будет тогда, когда мы будем нарочно доставлять себе печаль – печаль покаянную, печаль о своих грехах ради спасения души. И если бы даже нам привелось терпеть какую-то невольную житейскую скорбь, допустим материальное лишение, то в нашей власти превратить эту печаль в покаянную. Смиримся и признаем, что эта скорбь послана нам за наши грехи, за нашу гордость (если мы не видим других грехов), – и эта житейская скорбь также станет той печалью, которая после претворится в духовную радость.

Спаситель приводит всем понятный пример из жизни: *Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас*[283]. Бывает скорбь, подобная той, какую испытывали ученики, когда они лишились Господа, увидели Его распятым и погребенным. Конечно, вполне мы эту скорбь понять не можем. Мы можем только слегка приблизиться к ней, так сказать, отдаленно почувствовать ее. Но нечто подобное должно быть и бывает в жизни каждого христианина, когда он в борьбе с грехом на время как будто бы лишается общения с Богом или не достигает желаемого общения. Он испытывает

скорбь, подобно женщине, которая рождает. Но потом, когда он вновь видит Господа, когда Господь вновь с ним соединяется, он испытывает такую сердечную радость, что ее уже никто у него отнять не может.

Теперь я хочу привести еще некоторые примеры из Евангелия – примеры уныния, чтобы показать, какой вред приносит эта страсть. Когда Господь наш Иисус Христос ожидал ареста и казни, – как всеведущий, Он знал это, – Он удалился в Гефсиманский сад и там молился о том, чтобы укрепиться перед крестным подвигом. Молился Господь и о том, чтобы чаша эта по возможности Его миновала, то есть, как толкуют святые отцы, Он дал Своему человеческому естеству действовать свободно. И оно – человеческое естество Господа – действовало совершенно свободно, но не переступило рамки того, что можно назвать добродетелью, то есть никакого греха Господь не сотворил. И мы видим, что в жизни бывают такие ситуации, когда мы не можем удержаться от душевной борьбы, однако это еще не значит, что мы согрешили. Господь действительно скорбел. Ученикам, которых Спаситель взял с Собой, Он так и сказал: *Душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте*[284]. Это было необыкновенное борение! Его бороло такое уныние, которое трудно себе вообразить. Представьте человека, приговоренного к казни. Он знает, что казнь эта неминуема и мучительна; знает, что казнь эта будет сопровождаться ужасными душевными страданиями: отречением и бегством учеников; знает, что самые близкие люди в нем разуверятся. И предвидя все это, Господь ужасался и тосковал, скорбел смертельно. Скорбел Он и об отречении израильского народа: тот народ, который Он пришел спасти, Его и предал. Те, кого Он особенно любил и кому должен был принести пользу прежде, чем всем другим, стали Его убийцами.

И, отойдя немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей[285]. Дополню это повествованием из Евангелия от Луки: *И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю*[286]. Представьте, какое это было молитвенное напряжение, если через поры у Господа выступил кровавый пот!

По объяснению некоторых ученых, произошло следующее: от чрезвычайного нервного напряжения мельчайшие капилляры лопались и кровь выделялась вместе с потом. Это говорит о той борьбе, которую переживал Спаситель; и это пример того, как нам нужно себя вести, когда нас ожидают скорби. Как противиться скорбям, если никто и ничто не может нам помочь? Молитвой! Молитвой напряженнейшей. Молитвой пусть не до кровавого пота, – для нас это невозможно, – но, по крайней мере, чрезвычайно собранной, усиленной.

И здесь же мы находим пример того, как вести себя не нужно. *И приходит к ученикам и находит их спящими, и говорит Петру: та́к ли не могли вы один час бодрствовать со Мною?*[287]. Вы знаете, что это повторилось трижды: *И, придя, находит их опять спящими, ибо у них глаза отяжелели*[288]. Чтобы вы поняли, что сон их был не просто сон от усталости, я приведу другую цитату. В Евангелии от Луки говорится так: *Встав от молитвы, Он пришел к ученикам, и нашел их спящими от печали*[289]. Итак, уныние привело учеников к тому, что они не поддержали своего Спасителя в самый необходимый момент – тогда, когда Он просил их об этом. Как Человек, Он желал человеческой поддержки. Но более всего в этой молитве вместе с Господом Иисусом Христом нуждались сами ученики. Он предупреждал их: *Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение*[290], и действительно, они впали в искушение. Вот пример людей, заснувших от печали, поддавшихся унынию.

Действительно, часто уныние действует на человека таким образом, что ему просто хочется спать. Страсти возбуждают в нас и телесное действие. Всем известно, какое волнение плоти вызывает в человеке блудная страсть, какое волнение вызывает в сердце гнев, но многие не замечают того действия, которое вызывает уныние. А это чаще всего некоторая сонливость, грусть и все, что подавляет телесные силы человека. А ведь духовная бодрость – это чрезвычайно важно, ей придавали большое значение даже военачальники. Суворов замечательно говорил, что «побеждает не тело человека, а бессмертная душа», а бессмертная душа пользуется руками и ногами и всем

человеческим телом. Вот как относился к этому Суворов: он заботился прежде всего о том, чтобы у его воинов был именно бодрый дух, чтобы у них было упование на Бога, вера в победу.

Когда Господь наш Иисус Христос по воскресении явился Своим ученикам, Луке и Клеопе, Он также вопросил их, отчего они печальны. Печаль, которую в то время испытывали ученики, была, наверное, смешанная, в ней были чувства и греховные и чистые. Греховная печаль была от разочарования в Иисусе, ибо они теперь думали, что Он, в лучшем случае, великий пророк, но не Сын Божий, не Мессия, как они раньше верили. А чистая печаль происходила от того, что они разлучились со своим возлюбленным Учителем. Печаль эта, вероятно, действовала в них до такой степени, что они даже не узнали явившегося им Господа Иисуса Христа. *Но глаза их были удержаны, так что они не узнали Его. Он же сказал им: о чем это вы, идя, рассуждаете между собою, и отчего вы печальны?*[291]. И только тогда, когда Господь утешил их Своей беседой, растолковал им предсказания о страданиях и воскресении Мессии и потом преломил хлеб, они Его узнали. Конечно, это было прежде всего действие благодатное, но, я думаю, имело значение и то, что уныние учеников сменилось радостью: она открыла им духовные глаза.

Апостол Матфей, рассказывая о судьбе Иуды Искариотского, преподает, пожалуй, самый яркий и страшный пример действия уныния. *Когда же настало утро, все первосвященники и старейшины народа имели совещание об Иисусе, чтобы предать Его смерти; и, связав Его, отвели и предали Его Понтию Пилату, правителю. Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребренников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что́ нам до того? смотри сам. И, бросив сребренники в храме, он вышел, пошел и удавился*[292]. Вот самое страшное действие уныния, перешедшее в крайнее отчаяние. Иуда решил, что спасения для него уже не существует, он во всем разуверился. Мы помним, что апостол Петр согрешил почти столь же страшно, как Иуда, – трижды

отрекся от Христа, но он не потерял веры и потому не потерял надежды. Для Иуды же не было уже ничего святого. Поддержать его было некому: от учеников он отстал, а те, к кому он пристал, оказались безразличны к его переживаниям. И ему казалось, что ничего не остается, как только повеситься. Конечно же, если бы он проявил покаяние и в этот момент опомнился, то милость Божия коснулась бы и его. Есть такое мнение (об этом говорит преподобный Нил Мироточивый), что когда Господь наш Иисус Христос на кресте говорил: «Жажду», то эти слова значили не то, что Он хотел пить, а что Он жаждал покаяния Иуды Искариотского. Но этого не произошло.

А незадолго перед тем, как Иуда принял окончательное страшное решение, Петр, возлюбленный ученик Христов, по преданию любивший Спасителя больше других, трижды от Него отрекся. *Петр же сидел вне на дворе. И подошла к нему одна служанка и сказала: и ты был с Иисусом Галилеянином. Но он отрекся перед всеми, сказав: не знаю, что ты говоришь. Когда же он выходил за ворота, увидела его другая, и говорит бывшим там: и этот был с Иисусом Назореем. И он опять отрекся с клятвою, что не знает Сего Человека. Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя. Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека. И вдруг запел петух. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. И выйдя вон, плакал горько*[293]. Вот что спасло Петра – покаянный плач. Об Иуде же нет и намека на то, чтобы он плакал. В нем было раскаяние, но не то, которое необходимо. Может быть, даже следует отличать слово «раскаяние» от слова «покаяние». Он тоже признал, что согрешил, но не понимал, что для него возможно прощение. Вот примеры всем нам. Апостол Петр – пример покаяния и надежды даже в самых безнадежных обстоятельствах, и Иуда – страшный пример того, что такое отчаяние.

Когда человек в крайней степени поддается отчаянию, ему уже ничего не нужно. И даже страсти, которые раньше им руководили, увлекали его и заставляли совершать те или иные

грехи, которые, может быть, и довели его до отчаяния, – потом отступают, становятся для него как бы совершенно безвкусными и ненужными. Мы видим это в Иуде Искариотском, который был сребролюбцем. Не нужно умалять значение этой страсти. Апостол Иоанн Богослов замечает, что он *был вор*[294] и поэтому скорбел о том, что сребреники, которые могли быть брошены в ковчежец, который он носил, собирая пожертвования для Господа и для Его учеников, и откуда воровал, были потрачены на миро, «бесполезно» излитое на голову Спасителя. Некоторые предполагают, что он и к Господу Иисусу Христу пристал из-за сребролюбия, ожидая, что будет необыкновенно богатым или даже власть имущим. Может быть, Иуда представлял, что Иисус станет царем, и он, как один из первых Его учеников, также будет обладать властью и деньгами. Когда же Иуда во всем этом разочаровался, то решил нажиться хотя бы каким-то малым образом и потому предал Спасителя за деньги. Но поняв, что он согрешил, и вообразив, что прощения ему никакого нет, он уже не нуждался в приобретенных им сребрениках и, бросив их в храме, *вышел, пошел и удавился*. Это также признак отчаяния: страсть эта столь сильная, что она как бы затмевает в нас все другие страсти, и они перестают действовать.

Надо сказать, что любая сильно действующая страсть, когда она овладевает человеком полностью, уже не дает места другим страстям. Можно поддаться отчаянию и при этом не испытывать ни блудной страсти, ни сребролюбия, ни гнева. На кого будет гневаться человек, поддавшийся отчаянию? Ему уже все безразлично. То же бывает, когда человек поддается некоторым другим страстям, например гордости. Великий русский писатель Достоевский в романе «Подросток» изображает мечту этого подростка: когда он разбогатеет, то будет притворяться нищим и не будет свои деньги использовать, но его будет удовлетворять уже одно сознание того, что он может сделать все, что захочет. Вот сребролюбие, которое действует в человеке настолько сильно, что тот даже не нуждается в удовлетворении прочих страстей. А страсти, о которых мы говорили, – отчаяние, уныние – делают

поддавшихся им ко всему равнодушными, даже к жизни, эти страсти поглощают душу человека. Но это совсем не то безразличие к жизни, которое бывает в человеке, когда он отрекается от мира ради Бога. Это нечто совершенно противоположное.

Вернемся к евангельскому повествованию. Мы помним, что когда Господь наш Иисус Христос, желая утешить апостола Петра и восстановить его в апостольстве, трижды вопрошал: «Любишь ли ты Меня?» – то апостол Петр отвечал со скорбью, в особенности в третий раз. *Говорит ему в третий раз: Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Петр опечалился, что в третий раз спросил его: любишь ли Меня? и сказал Ему: Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих*[295]. Апостол Петр скорбел не потому, что обижался на Спасителя, как по неопытности могут подумать некоторые. Он понял, что троекратное вопрошение – это намек на его троекратное отречение. И он как бы говорил: «Господи, несмотря на то что я трижды отрекся от Тебя, я все равно Тебя люблю, и Ты знаешь об этом. И я очень скорблю о том, что я это сделал».

Церковное предание говорит нам, что в последующее время своей жизни апостол Петр, когда пел петух, всегда плакал, вспоминая свое отречение. Его даже на иконах изображают с бороздами от слез на щеках. Он каялся всю жизнь, а не только в самый момент отречения. Хотя ему уже все было прощено, хотя он изобиловал дарами Святого Духа, хотя он воскрешал мертвых, но он не мог простить самому себе отречения. Ему не нужно было напоминать о нем, не нужно было в этом укорять – душа его поневоле отзывалась на совершенный в прошлом грех. Вот такая печаль нам необходима. Она человека очищает и одновременно обнадеживает. А печаль, которая не видит перед собой прощения, губит человека. Замечательно сказал об этом один из отцов: когда покаяние сосредоточено на себе, тогда оно губит человека, когда же оно сосредоточено на Боге, тогда оно спасает его. Когда мы думаем только о себе, жалеем только себя, тогда это отчаяние. Когда же мы думаем о том, что мы

оскорбили Бога, и вообще как-то соотносим себя с Божеством, тогда покаяние бывает для нас спасительным, оно очищает нашу душу и обнадеживает нас, оно делает нас, если можно так выразиться, способными к Царствию Небесному.

Человек должен пребывать в печали о своих грехах. Может быть, не все могут, как древние святые отцы, непрестанно о себе плакать. Это удел, наверное, немногих даже из подвижников. А вот постоянно воздыхать о своем несоответствии евангельскому учению, о своем уклонении от заповедей – это достижимо и даже необходимо. Мы не должны уподобляться сектантам, которые считают, будто они уже в Царствии Небесном. Между прочим, такие люди считают себя достойными рая, несмотря на то что, может быть, и в Бога почти не верят. В Бога человек не верит – а в рай он должен попасть! Как же иначе? «Ведь Бог есть любовь, поэтому, если Он есть, Он меня обязательно возьмет в рай». Книга знаменитого врача Моуди, который исследовал случаи клинической смерти, подтверждает эту всеобщую американскую прелесть, как толкует это явление отец Серафим (Роуз). Действительно, если человек считает, что он, несмотря ни на что, достоин райского блаженства, то это прелесть. Пациентам доктора Моуди, часто даже неверующим, в состоянии клинической смерти казалось, будто они попадают в какое-то блаженное место. Но это не потому, что они на самом деле туда попадали. Просто к чему эти люди были предрасположены в жизни, то они и увидели в состоянии клинической смерти. А демоны, конечно, этому подыгрывали. И сейчас многие думают, что человек едва-едва верующий обязательно должен попасть в рай. А скоро будет распространено мнение (и сейчас уже распространяется), что милосердие Божие состоит в том, чтобы всех простить, чтобы все жили блаженно, все были в раю, кто бы они ни были: буддисты ли, баптисты ли, безбожники ли, грабители, кровопийцы… Это говорит о неправильном отношении к своей душе. Это говорит о том, что из души изгнано спасительное покаяние.

У преподобного Иоанна Лествичника есть замечательное изречение о том, что смирение – это добродетель, которая

присуща одним только православным. Святитель Игнатий (Брянчанинов), как мне кажется, уточняет эту мысль, говоря, что покаяние – это нравственный признак православия. У правильной веры есть как догматические, так и нравственные признаки. Поэтому где нет покаяния, там не может быть истины. Если мы действительно верим от всей души в вечную жизнь, мы не можем не пребывать в некоторой печали, не можем не бояться за свою участь. Если мы не боимся, значит, имеем неправильный взгляд или на будущую жизнь, или на самих себя. А это тоже может быть ересью. Есть учение Церкви о Пресвятой Троице – триадология; есть учение Церкви о воплощении Сына Божия – христология; есть учение Церкви о спасении человека – сотериология. И если человек имеет ложный взгляд на самого себя, значит, он еретик в третьем отношении: он неправильно понимает, что такое спасение человека. Поэтому нравственное состояние обличает взгляды человека, может быть даже скрытые.

Итак, печаль о грехах должна быть, но она не должна простираться до отчаяния. Есть люди, преуспевшие в покаянии и смирении, они имеют право на необыкновенные, чрезвычайные подвиги в этом отношении; подвиги, если так можно выразиться, чисто духовные, умственные. Например, древний подвижник Пимен Великий говорил: «Поверьте, чада, где сатана, там и я буду». Конечно же, он сейчас пребывает не там, где сатана, – он пребывает с Богом. Но смирение его было столь сильно, а душа столь нравственно мужественна, что он мог выдержать такую мысль. Преподобный Антоний Великий научился у александрийского сапожника думать о себе так: «Все за свои добрые дела спасутся, один я за свои грехи погибну». Конечно, мы тоже можем повторять эти слова, но искренне так о себе думать мы не способны. Если мы начнем так о себе думать, то впадем в глубочайшее отчаяние и действительно погибнем оттого, что возьмем на себя непосильную нравственную ношу. Некоторый подвижник, живший уже после Антония Великого, вопрошал: «Кто ныне может носить мысль Антония? Впрочем, я знаю одного человека, который может это делать». Говорил он это о себе. С течением времени людей,

способных к такому смирению, становится все меньше и меньше. Однако же они встречаются. Дело не во времени, а в людях. Время – это люди.

Преподобный Силуан Афонский, живший в XX веке, говорил о себе, что он по смерти своей сойдет в ад и будет там плакать в одиночестве. Это, разумеется, не значит, что он на самом деле должен был сойти в ад и что он сейчас там пребывает. Конечно же, он в раю, потому что он еще при жизни испытывал самые возвышенные духовные состояния. Более того, именно такое смирение – погружение в уничиженное мнение о себе, вплоть до искреннего осуждения себя на адские муки – и возводило его до самых высоких духовных созерцаний. Он, имея эту спасительную печаль, приходил, как и обещает Евангелие, в такую духовную радость, что ее уже никто не мог у него отнять. Нашу малую духовную радость у нас могут отнять те или иные грехи, те или иные страсти, обстоятельства. Вот мы получили какую-то благодать, но тут же или потщеславились, или осудили кого-нибудь: мы ревностные, а вот он нерадивый, или прогневались – и благодать отступила. А преподобного Силуана не могли лишить радости и сами демоны: из-за его глубочайшего смирения она сделалась как бы неотъемлемой. Вот какова сила истинного покаяния, истинного смирения. Но мы должны знать свою меру. Не станем брать на себя в этом отношении чрезвычайного подвига, а станем понуждать себя столько, сколько у нас есть сил.

Некий подвижник на одной стене своей келии написал о вечных муках, а на другой – о вечном блаженстве. Когда на него находила гордость, он читал о муках, когда находило уныние – читал о блаженстве. Мы видим, что подвижники подвизались по-разному и употребляли разные ухищрения, для того чтобы не впасть в уныние. И мы должны двигаться, так сказать, как бы между Сциллой и Харибдой. Уклонишься в одну сторону – пожрет одно чудовище, в другую сторону – другое. Мы должны, как между этими мифическими чудовищами, лавировать между беспечностью, человеческим спокойствием и между отчаянием и унынием. Иногда лучше чем-то успокоить себя, утешить, чем поддаться отчаянию. Если же мы чересчур спокойны и

привязаны к земному благополучию, тогда нужно вспомнить о грехах и о вечных муках и привести себя в состояние духовно работоспособное. Признаки истинного покаяния – желание трудиться ради спасения своей души, ревность по Богу. А признаки уныния – это апатия, нежелание делать что-либо духовное, в худшем случае нежелание делать что-либо вообще.

* * *

Вы сказали, что безразличие ко всему – это неправильно. Я часто переживаю из-за допущенных ошибок или каких-то замечаний и иногда от этого поддаюсь унынию. Как правильно относиться к этому?

Действительно, человек должен печалиться, сожалеть о своих ошибках и греховных поступках. Если он не будет переживать из-за них, то как он будет меняться? Если человек относится ко всему спокойно и ни из-за чего не переживает, то ни о каком покаянии не может идти и речи. Это будет, скорее, цинизм. Но, тем не менее, унынию поддаваться нельзя, надо проявлять здравомыслие, терпение и желание исправиться.

Какое самое главное средство от уныния?

В первую очередь, непрестанная молитва. Лучше всего не давать унынию и подступиться к нам. Когда нас крепко борет какая бы то ни было страсть, мы должны всячески противиться ей силой духа, силой воли и в то же время с крайним напряжением просить Бога о помощи. Кроме того, очень помогает в таких случаях чтение Священного Писания, в особенности Евангелия, а также святых отцов, которые не только вразумляют нас, как бороться со своими страстями, но и внушают ревность к этой борьбе. Всем полезно читать жития святых – подвижников, мучеников: взирая на их подвиги, мы и сами приободряемся. Недаром в монастырях существует традиция за трапезой в основном читать жития святых. Если мы имеем перед собой примеры подвижников благочестия, то нам становится стыдно и мы начинаем им подражать.

Уныние проходит, когда мы добросовестно понуждаем себя к жизни по Евангелию. Я вам приведу такой пример из Отечника. К одному подвижнику пришли монахи и попросили его: «Отец, научи нас, что нужно делать, чтобы спастись». Он

спрашивает: «Вы Евангелие читали?» – они говорят: «Читали», а он им отвечает: «Тогда идите и исполняйте». В следующий раз они опять приходят к нему за советом, он их снова спрашивает: «Вы Евангелие читали?» Они решили на этот раз ответить иначе и говорят: «Нет, не читали». А он им в ответ: «Тогда прочтите и исполняйте». На самом деле, больше и не нужно ничего говорить. Это самый лучший совет – читайте и исполняйте.

Возможно ли в духовной жизни идти медленно и ровно, все время преуспевая, или духовный рост происходит только через периодические падения? Вообще, падения – это обязательное сопровождение духовной жизни?

Падения бывают разные. Одно дело – впасть на деле в какой-нибудь тяжкий грех, другое дело – падение мысленное. Мысленных падений избежать почти невозможно. Если ты поддался гневу, унынию или блудным помыслам, то, конечно, нужно и каяться и бороться. Нельзя ставить на себе крест, надо вставать и вновь продолжать духовную жизнь. В этих случаях можно немножко снисходить к своей немощи. А вот от смертных грехов нужно беречься, их допускать нельзя. Это в нашей власти.

Самое главное, чтобы не было падения в смысле охлаждения. Если мы потеряем ревность и привыкнем к этому, то можем навсегда потерять для себя возможность духовного преуспеяния. Это очень опасно, и нужно стараться как можно быстрее преодолеть это состояние, какими угодно способами – каяться, исповедоваться, просить совета у духовно опытных людей, читать книги, – но только чтобы это духовное равнодушие быстрее закончилось. Привыкнув к нему, мы потом по привычке многие-многие годы будем жить, как говорится, так себе.

Часто мы теряем ревность по причине будто бы не зависящих от нас обстоятельств: когда мне, мол, молиться, если мне в восемь утра на работу, в семь вечера я прихожу с работы, потом надо сделать то и другое... И человек, оправдывая себя, приходит к охлаждению, молится по привычке. В лучшем случае исполняет свой христианский долг:

ходит в храм, исповедуется, причащается, но ничего особенного уже не чувствует. Так бывает часто: человек, пришедший в храм, первые несколько лет испытывает ревность, проявляет усердие, а через двадцать пять лет не только не делается лучше, а становится как бы совершенно безразличным и свою первоначальную ревность забывает абсолютно. Вот этого нужно бояться.

Я в последнее время чувствую, что становлюсь человеком более душевным, чем духовным. Очень много времени стала уделять домашним попечениям. С чего начать свое духовное становление?

Домашними попечениями заниматься тоже нужно, но при этом не надо уклоняться в излишнюю суету. Если ты содержишь дом в чистоте – это одно. А если сегодня вешаешь одну занавесочку, завтра другую, послезавтра третью, то это, конечно, уже ни к чему.

Как начать свое духовное становление? Я обычно советую любому человеку, и очень преуспевшему, и преуспевающему, и только начинающему, в первую очередь прочитать сочинения святителя Игнатия (Брянчанинова). Для того чтобы получить самое общее, начальное представление о духовной жизни, лучше всего начать с книги «Приношение современному монашеству». Она годится как для монашествующих, так и для мирян.

У меня убиенный сын, некрещеный. Горюю о том, что не смогла уберечь своего ребенка и не крестила вовремя. Что нужно сделать, чтобы Господь принял моего сына к Себе?

Вопрос о некрещеных очень тяжелый. На него трудно ответить так, чтобы успокоить человека. Молиться об умерших некрещеных родственниках можно только дома. Может быть, они получат от этого некоторое облегчение – и это уже много значит. А так, чтобы сказать, что они будут спасены… Не знаю.

Когда молятся за умерших, не сподобившихся таинства крещения, то читают канон мученику Уару. В церковной истории был случай, когда мученик Уар для женщины, очень его почитавшей, вымолил сына, который умер некрещеным.

Отчего в миру у людей, преимущественно неверующих, часто бывает состояние, которое врачи именуют депрессией? Можно ли это состояние назвать унынием?

Действительно, часто депрессия – это просто сильнейшее состояние уныния. Люди не умеют с ним бороться. Известны случаи, когда человек, не удовлетворяясь атеистическим мировоззрением, находясь в душевном борении, в поиске истины, до такой степени переживал, до такой степени был ко всему безразличен, что его, как больного, отправляли в психиатрическую больницу. Там ему кололи лекарства. Но как можно вылечить человека от душевного страдания? А когда этот человек обретал истину, становился православным христианином, то его депрессия совершенно улетучивалась. И оказывалось, что он на самом деле не склонен ни к какой депрессии, напротив, очень энергичный, деятельный человек.

Расскажу такой случай. В одной семье отец покончил с собой. И двух его сыновей это так потрясло, что они оба впали в депрессию. Причем младший из братьев (я был с ним знаком) поддался этому состоянию до такой степени, что неделями лежал лицом к стене, ничего ему было не надо. Мать у него была неверующая и своими нравоучениями доводила его еще больше. Кончилось тем, что их соседка, верующая бабушка, пожалела его и уговорила пойти в церковь. Он стал время от времени ходить в храм, хотя мало что понимал и мало что соблюдал. Ему сразу стало значительно легче. Потом он познакомился с нашей компанией и втянулся в нее, а поскольку мы старались вести христианскую жизнь, более или менее строго соблюдать посты, то и он стал вести себя так же. Когда мы рассказали ему об Иисусовой молитве, о том, как бороться со страстями, в частности с унынием, он начал следить за своей душой, молиться и бросил всякие лекарства, стал нормальным человеком. Правда, ему приходилось лгать врачам. Они его спрашивали: «Пьете лекарства?» – «Пью». Если бы он сказал, что не пьет, то они его, может быть, насильно в больницу положили – такое время было. Я ему советовал врачам отвечать так: «Пью лекарство, очень помогает». И они успокаивались. А на самом деле он ничего не принимал. Вот

пример того, что депрессия – это в большинстве случаев просто неправильное душевное состояние человека.

Бывает, что депрессия – это неярко выраженное беснование. Приведу пример. Помещик Мотовилов, сподобившийся видеть преподобного Серафима Саровского в обильном действии благодати, уже после кончины святого, собирая материалы для его жития, за гордый помысел подвергся беснованию. В него вошел бес в виде страшного, холодного облака, он это видел и чувствовал. Сначала бес мучил его просто физически. Потом, по молитвам его духовника, выдающегося подвижника – святителя Антония Воронежского, у него это прошло. Но после этого на протяжении тридцати лет он испытывал время от времени сильнейшее уныние. Лишь к концу этого срока ему явился святитель Тихон Воронежский (это явление Мотовилову предсказал преподобный Серафим) и исцелил его. Уныние Мотовилова было признаком беснования.

Какие самые первые признаки уныния? На что нужно обратить внимание, чтобы попытаться пресечь это состояние в самом начале?

Первый признак уныния – это нежелание заниматься духовными занятиями: не хочется молиться, читать Священное Писание, святых отцов, не хочется (правда, это значит, что уныние уже усилилось) посещать богослужения. Словом, все духовное становится скучным. Уныние может дойти до такой степени, что уже и работать становится лень, а хочется просто лежать.

Когда стараешься молиться, исполнять заповеди, то иногда на душу находит какая-то печаль, вроде как без причины. Как к этому относиться и не унывать?

Во-первых, это может быть просто бесовское наведение. Во-вторых, это может быть оттого, что человек не удовлетворяет свои страсти. Голодный человек, если не дать ему поесть, сердится. Впрочем, это у кого как: один от голода грустный, другой злой. Некоторые женщины так и говорят, что, если мужчина злой, то его надо накормить. Так и страсти в нас голодны: гнев, гордость и вообще какая угодно страсть, и если

мы с ними боремся, не удовлетворяем этого голода и в то же время в нас недостаточно благодати, то мы начинаем испытывать грусть, неудовлетворенность.

Но это бывает, когда человек сопротивляется страсти. Чаще бывает наоборот. Есть, например, такие раздражительные люди, которые, пока на кого-нибудь не накричат, ходят как голодные, а накричат – становятся благодушными, веселыми: дело вроде как сделано. А другие ходят и как бы ждут, что их кто-нибудь обидит. Если такого человека никто не обижает, он прямо сам не свой, но вот на него, как ему показалось, неправильно посмотрели или что-то ему не то сказали, он обиделся и ему сразу же полегчало: «Да, я вижу, что ко мне, как всегда, плохо, несправедливо относятся». И он, довольный, что его обидели, идет к себе и спокойно уже целый день обижается.

Недавно один человек, придя в отличное настроение оттого, что у него все хорошо сложилось, сказал: «Все-таки жить прекрасно!». Меня его слова почему-то очень поразили, и я совершенно искренне ему возразила: «Жить страшно». Я имела в виду страх ответственности за данную тебе жизнь, за каждое сказанное слово, за то, как прожита каждая минута. Наверно, это страх Божий?

Может быть, это и страх Божий, но так отвечать человеку, наверное, не стоило. У него все прекрасно, а ты говоришь: «Нет, страшно». Он опять заунывал. Я думаю, что в наше время все-таки по немощи лучше стараться иметь радостное настроение. Если у тебя есть какое-то сугубое покаяние, то ты уж держи его при себе, а другим не навязывай, а то будешь ходить всех пугать: «Жить страшно, жить страшно». Человек и так еле-еле терпит, чтобы не заунывать, а ты его еще напугаешь, и он уже совсем не будет знать, что делать. Чтобы проповедовать такой страх Божий, надо иметь основание. Нельзя всех стричь под одну гребенку, ко всем надо подходить дифференцированно: одному нужно воспитывать в себе страх Божий, а другому нужно, наоборот, постоянно радоваться, потому что он и так едва-едва не приходит в отчаяние. Зачем в человеке эту радость убивать?

Как быстрее преодолеть наступившее охлаждение к церковной жизни?

Во-первых, делать все то же, что делал и раньше. Допустим, нравилось тебе ходить часто на службу, а потом почувствовал к этому охлаждение – не переставай ходить на службу: как раньше ходил, так и ходи. Охладел к чтению Священного Писания – читай столько же, сколько и раньше, даже еще больше.

Такие перемены во внутренней жизни бывают часто. Перемен нет у того, кто опустился на самое дно. Ему уже падать некуда, у него всегда все стабильно: он всегда одинаково «внимательно» молится, если это можно назвать вниманием, всегда имеет одинаковую «ревность» к посещению храма – у него совершенное однообразие и полное безразличие. А у того человека, для которого духовная жизнь является именно жизнью, а не спячкой, конечно же, будут перемены: будут и охлаждения, и подъемы ревности, иногда какой-то мрак найдет, потом просветлеет… Это естественно, это борьба, и удивляться тут нечему. Преподобный Силуан Афонский сказал, что у того, кто молится по-настоящему, бывает много перемен в молитве, а у того, кто молится по привычке, этих перемен нет.

Поэтому смущаться от охлаждения к духовному не нужно. Когда находит такое охлаждение, иначе говоря уныние, самое главное – не оставлять своего дела, продолжать его так же, как и раньше. И, по возможности, даже усилить, в особенности это касается Иисусовой молитвы. Здесь, может быть, усилить если не количеством, то бо́льшим вниманием. Кроме того, есть и дополнительные средства: чтение Священного Писания, в особенности Евангелия, чтение святых отцов, которые не только назидают тебя, но и возбуждают в тебе ревность. Полезно помышлять о смерти, чтобы от страха наказания возбудить в себе ревность. При этом, конечно, нужно понимать, что память смертная – это не игрушка, а действительно размышления о том, что нас неминуемо ждет. Ну и, конечно же, при унынии приносят пользу исповедь, причащение.

Нужно прибегать к тем средствам, которые помогают больше всего, но главное, еще раз говорю – не оставлять своего прежнего делания.

Уныние есть смертный грех. Как определить, когда его действие является просто искушением, а когда произошло грехопадение?

Грехопадение произошло тогда, когда человек предался отчаянию и совершенно перестал заботиться о своем спасении. Конечно, грехопадения могут быть разные. Действительно, можно впасть в смертный грех, то есть поддаться отчаянию до такой степени, что возникнут мысли даже о самоубийстве или, может быть, даже будет сделана попытка самоубийства. Это, конечно, самое страшное действие уныния. Такому унынию поддался Иуда Искариотский. А вот апостол Петр после того, как отрекся от Господа, не впал в уныние, а покаянием очистился от своего падения.

Когда уныние является искушением? Когда ты в какой-то степени поддаешься ему, но в то же время противишься, пытаешься молиться, совершать иные добродетели, внутренне и внешне стараешься вести себя как должно. Иногда уныние борет человека многие месяцы и даже годы, это особая, тяжкая брань. И не всегда это происходит от человеческого нерадения, часто это бывает страшное сатанинское наваждение. Это самая страшная страсть, которая в особенности борет людей, ведущих уединенный образ жизни: отшельников, безмолвников. Но она, конечно же, свойственна и людям, живущим в миру, и, случается, искушает и нас, живущих в монастыре.

Грехопадение, повторю, происходит тогда, когда человек в той или иной степени поддается этой страсти и оставляет свои обычные занятия, духовные и даже житейские. Насколько ты согрешил, также можно определить по тому, насколько ты впал в нерадение. Если ты совершенно оставил молитву, не заботишься о внимании при ней, перестал читать Священное Писание и святых отцов, значит, ты полностью поддался унынию. Если ты все-таки молишься, но как-то вяло, без внимания, без огонька, значит, ты тоже поддался унынию, но не так сильно, не так страшно. Если ты, несмотря на уныние,

несмотря на сухость при молитве, несмотря на безразличие к духовным занятиям, понуждаешь себя изо всех сил совершать все необходимое, значит, ты не поддался страсти, и это просто время искушения.

У меня часто бывает такое состояние, что я вдруг не могу молиться. Оставляет молитва, оставляет и благодать, я себя чувствую беспомощной, нет сил бороться с помыслами, одолевают ропот, нетерпение, злость. Я не могу найти тому причин, исправить это, начинаю унывать, метаться. До исповеди и причастия далеко, и как жить все это время?

Ничего особенного здесь нет. Понимаешь ты причину, по которой в душе водворилась сухость, или не понимаешь, надо понуждать себя к молитве. Если при каких-то переменах в душе сразу задаваться вопросом: «Как жить?!» – то уже от одного этого вопроса жить не захочется. Будешь заставлять себя молиться – тогда, возможно, Господь тебе и откроет причину, по которой ушла благодать. Пусть даже и не откроет, но ради того, что ты понуждаешь себя к покаянию через молитву Иисусову, благодать может вернуться.

Мамона нашего времени

Заботиться о пропитании необходимо. – Почему мы копим богатство? – *Верный в малом и во многом верен.* – Как через богатство приобрести благодать Божию. – Сребролюбие как совокупность всех страстей. – Евангельские примеры нестяжания и сребролюбия. – Как определить, есть ли в тебе страсть сребролюбия? – **Как нам относиться к ветхозаветной заповеди о десятине.**

В Нагорной проповеди Спаситель сказал: *Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и мамоне*[296]. Под мамоной понимается богатство. Это образное выражение, и сказано так было иудеям для того, чтобы вызвать в них большее отвращение к страсти стяжательства, потому что мамона – это было языческое божество народностей, окружавших иудеев, божество, которое приносило богатство.

Дальше Спаситель развивает эту тему. *Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды?*[297]. Речь идет не о том, чтобы мы не трудились и совершенно не заботились о теле, как понимают это некоторые сектанты и как, может быть, хотят делать некоторые православные, думая, что они этим исполнят заповеди. Если мы будем понимать Евангелие слишком буквально, тогда мы, например, должны будем вырвать себе глаз и бросить его от себя. Речь идет о том, чтобы мы под предлогом заботы о пище и одежде не искали богатства.

Мы должны трудиться. Заповедь в поте лица есть хлеб свой хотя и дана первозданному человеку, Адаму, после его падения, но она не отменяется и сейчас, даже для людей, ведущих монашеский образ жизни. Совершенно не заботиться о теле способны только люди, достигшие высочайшего преуспеяния, редчайшие из подвижников,

такие как Онуфрий Великий и подобные ему. Они даже и одежды не имели и питались тем, что пошлет им Бог. Но это явление исключительное, и равняться на этих избранников Божиих для нас будет гордостью. У Екклезиаста есть слова о том, что если человеку дано есть и пить от трудов своих, то это дар Божий[298]. Действительно, бывает такое, что человек и трудится, но вкусить от трудов своих не может. Значит, трудиться так, чтобы приобретать себе на хлеб, – это тоже дар свыше. Если мы об этом забудем, если будем думать, что все зависит только от нас, то Господь вразумит нас тем, что мы будем трудиться, как выражается другой ветхозаветный пророк, *для дырявого кошелька*[299].

Итак, забота о пропитании необходима, но она должна быть соединенная с упованием на Бога. Эту заботу не нужно делать предлогом для накопления богатств. *Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?*[300]. Но ведь даже самая беззаботная птица хотя и не сеет и не жнет, но все же по-своему трудится для пропитания. То есть у нас не должно быть чрезмерной заботы о пище, как нет ее у птиц, но труд все же необходим. *Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут*[301]. И здесь то же: если мы совершенно перестанем заботиться о своей одежде, то нам придется ходить в лохмотьях или нагими. Однако не все могут носить рубище, как древние подвижники.

Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом[302]**.** Евангелие не говорит, что нам не нужны ни пища, ни одежда, но призывает нас не тревожиться об этом: Бог знает, что мы, Его дети, имеем во всем этом нужду, и как Отец попечется о нас, если мы будем стараться исполнять Его заповеди. Часто это обетование Божие на нас не исполняется по той причине, что мы не ведем себя

соответственно своему званию, то есть нарушаем другие Божии заповеди. Вина здесь наша.

Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам[303]**. Из слов:** *Ищите же прежде Царства Божия* – ясно, что мы должны заботиться и о земных благах, но прежде искать Царства Небесного. Тогда мы сможем приобрести то, что нам необходимо: отчасти потому, что Бог знает нашу нужду и подаст нам, отчасти потому, что мы избавимся от излишних потребностей. Ведь если человек мечтает о роскоши, о наслаждении телесными благами и не получает их, то это не значит, что Бог не исполняет Своего обетования, – это значит, что сам человек стремится к тому, к чему не до**лжно и что на самом деле неважно, то есть он хочет лишнего. Христианство учит не только полагаться на Бога в отношении необходимых потребностей, но и избавляться от потребностей искусственных. Современная реклама часто навязывает нам мысль о том, что мы нуждаемся в той или иной вещи, без которой на самом деле можно спокойно жить. Мы должны смотреть на свои потребности трезво, не поддаваться внушениям ни рекламы, ни наших собственных страстей.**

Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы[304]**. Не нужно слишком далеко заглядывать вперед и, опасаясь лишений, чрезмерно заботиться о завтрашнем дне. Почему мы копим богатство? Потому что думаем, что оно нам пригодится: «Сегодня у нас все необходимое есть, а завтра, может быть, не будет, надо накопить, чтобы хватило и на завтра». Слово «завтра» надо понимать, конечно, образно – оно может означать и всю нашу будущую жизнь, и жизнь наших потомков, и так далее. Эта забота о завтрашнем дне является одним из сильнейших предлогов для накопительства, любостяжания. Святитель Игнатий (Брянчанинов) одним из проявлений сребролюбия называет страх болезней, старости и бедствий. Эти опасения, с одной стороны, вызывают**

желание копить, с другой – оправдывают в наших глазах страсть сребролюбия.

Спаситель говорил: *Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом*[305]. Что это значит? Мы должны быть верны Богу в земном богатстве, которое названо здесь малым. Речь, конечно, идет о людях, действительно имеющих богатство, хотя мы иногда имеем пристрастие даже к ничтожному имуществу. В недавние времена богатым считали человека, который имел квартиру в несколько комнат, скромненькую советскую машину и более или менее прилично одевался. Сейчас, конечно, совсем другие мерки. Все относительно, поэтому богатством можно назвать пристрастие к любому имуществу. Какой-нибудь дикарь на острове собирает красивые ракушки и думает, что он очень богат, потому что у него их целый сундук или хижина. А нам нравится желтый металл или бумажки с изображением американского президента и мы радуемся: «Как много у нас бумажек!» На самом же деле, если посмотреть трезво, все это условности.

*Верный в малом и во многом верен***. Всякое богатство – ракушки ли это дикаря или бумажки цивилизованного человека – все равно богатство малое. И если мы в этом малом будем верны, то есть при помощи вверенного нам богатства будем совершать добрые дела, то мы будем верны и во многом, то есть в духовном служении Богу. И тогда нам будет дарована Божественная благодать, служить Богу в гораздо более высоких и важных делах.** *А неверный в малом неверен и во многом.* Тому, кто использует свое богатство лишь для наслаждения жизнью, не уделяет от своего избытка нуждающимся, кто служит не ближним, а своей плоти (а это «служение» не имеет границ: всегда найдутся охотники изобрести новые развлечения и удовольствия, чтобы выкачать из людей деньги), Бог не вверит и духовного служения, не дарует Своей благодати.

Итак, если вы в неправедном богатстве не были верны, кто поверит вам истинное?[306]**. Неправедным называется всякое богатство здесь не потому, что оно всегда нажито несправедливо. Человек может разбогатеть и честным**

трудом, телесным или умственным. Имущество может достаться человеку по наследству, то есть он получает его честно, не совершив никакого, даже самого малого, преступления. Неправедным богатство называется потому, что оно дается не за нравственные заслуги человека, и в высшем смысле это некая несправедливость. Добрый человек может быть бедным, а другой, не столь добродетельный, – богатым. Можно сказать, что человек наживает богатство сам, благодаря своим умственным способностям. Однако и умственные способности одному даются в большей степени, другому – в меньшей. И тот, кто имеет развитые умственные способности, совсем не обязательно человек нравственный. В высшем смысле богатство даруется людям несправедливо, незаслуженно, и эту несправедливость они должны самостоятельно устранить, то есть помогать тому, кто нуждается и почему-либо не имеет возможности пользоваться материальными благами. И тогда мы этим неправедным богатством приобретем и богатство истинное – благодать Божию. Собственно, только это и есть истинное богатство, потому что все остальное эфемерно, оно будет отнято у нас вместе с жизнью. Духовное же богатство будет нашим преимуществом как здесь, так и в будущей жизни, оно не отойдет от нас никогда. Поэтому оно и называется истинным: во-первых, его в иной жизни уже невозможно потерять, во-вторых, оно достается нам именно по нашим заслугам, зависит не от умственных или каких-либо других способностей, а от нашего собственного произволения.

И если в чужом не были верны, кто даст вам ваше?[307]**. Материальное имущество справедливо называется чужим, потому что оно нам не принадлежит. Оно является частью материального мира – когда мы из этого мира уйдем, то оставим и имущество. Мы не владеем им в собственном смысле этого слова. Наше богатство лишь то, которое внутри нас, то есть духовные блага: добродетели, благодать Божия и, в некотором смысле, Сам Бог, потому что общение с Ним, единение с Ним – это и есть благодать**

Божия. Чем мы ближе к Богу, тем больше в нас действует благодать. Благодать – это не вещь, которую можно взять и с одного места переложить на другое, правильнее ее сравнить с сиянием солнца. Пока солнце светит, сияние через окна естественно будет проникать в дом. Если же окна закроют или на солнце набегут тучи, то сияния видно не будет или оно уменьшится. Благодать – это близость к Богу. Чем ближе мы к Богу, тем больше сияет в нас слава Божия. Богатством, имуществом мы называем благодать образно, приближенно к нашим понятиям, чтобы нам было все ясно.

Никакой слуга не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и мамоне[308]**. Здесь Спаситель вновь повторяет Свое поучение о том, что мы не можем одновременно служить и Богу и мамоне. Это не значит, что христианство запрещает такую деятельность, как бизнес, предпринимательство, – нет, но чем бы мы ни занимались, мы должны понимать, что прежде всего служим Богу, все остальное случайно и необязательно.**

Слышали всё это и фарисеи, которые были сребролюбивы, и они смеялись над Ним[309]**. Их поведение кажется странным, но на самом деле многие люди также смеются над этим поучением Спасителя. Они даже считают, что невозможно угодить Богу, если ты ничего не имеешь: ведь тогда невозможно раздавать милостыню и совершать другие добродетели внешнего характера. Не желая принимать упрек в сребролюбии, такие люди начинают смеяться над учением о нестяжании и бескорыстии. И даже мы, христиане, на деле часто пренебрегаем этим учением. Когда нам говорят, что нужно уповать на Бога, мы все же уповаем на имущество, пусть даже и малое. Мы не хотим верить Богу, не хотим надеяться на Него до такой степени, чтобы ни о чем не заботиться.**

Он сказал им: вы выказываете себя праведниками пред людьми, но Бог знает сердца ваши, ибо что высоко у людей,

то мерзость пред Богом[310]**. Почему Спаситель так сказал? Сребролюбие, по учению святых отцов, есть совокупность всех страстей. Поскольку деньги – это универсальное средство для достижения любых целей, они дают человеку возможность удовлетворять все страсти. Есть даже такая кощунственная поговорка: «Деньги не Бог, но все могут». Раз такая поговорка появилась, значит, есть и люди, наверное их даже много, которые так думают. Человек же, который уверен, что деньги помогут ему достичь любой цели, исповедует своеобразную религию (и апостол Павел говорит, что сребролюбие есть идолопоклонство) – он обожествляет деньги. Конечно, не буквально, как древние язычники, но в нравственном смысле он обожествляет деньги, вообще богатство. Такой человек внешне может быть праведником, а внутренне, в душе своей, он мерзок перед Богом, потому что стремление к накопительству обличает в нем жажду удовлетворять свои греховные пожелания. Святитель Игнатий (Брянчанинов) в своих творениях рассуждает о том, что сребролюбие может заменить в душе человека все прочие страсти, и со стороны он может даже казаться бесстрастным.**

Всем известна притча Спасителя о богаче и Лазаре, которая начинается так: *Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях и желал напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его*[311]. Конечно, в притче все утрированно. В жизни не часто случается, чтобы человек, живя в необыкновенной роскоши, каждый день пиршествовал, а под воротами у него лежал нищий. Чаще бывает, что человек хотя и не пиршествует, но хорошо обеспечен и живет в довольстве, а тот, кто беден, нуждается не до такой степени, чтобы лежать под воротами в струпьях. Поэтому не нужно думать, что если в жизни мы не увидим подобной нужды, то у нас уже нет повода для помощи ближним. Притча изображает все (хотя и на житейских примерах) несколько преувеличенно, чтобы до нас лучше дошел

ее смысл. Вы помните, конечно, что Лазарь за свое терпение был перенесен на лоно Авраамово и наслаждался райским блаженством, а богач за свое жестокосердие был предан адским мукам. И может быть, он был наказан не за то, что одевался в порфиру и виссон и пиршествовал блистательно, а за то, что, имея богатство с избытком, он не заботился о человеке, который нуждался.

Наверное, теперь будет уместно привести из Евангелия яркие примеры как нестяжания, бескорыстия, так и сребролюбия. Вот один из самых ярких примеров нестяжания, связанный непосредственно с деньгами. *Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфея, и говорит ему: следуй за Мною. И он встал и последовал за Ним*[312]. Апостол Матфей, который был мытарем, то есть сборщиком податей, встал с места, где он собирал пошлину, – с мытницы, и оставил все собранные деньги. Здесь не говорится о том, что он как-то распорядился насчет них: как только Господь позвал его и голос совести велел ему следовать за Ним, он ни о чем больше не думал, бросил все свои деньги и пошел. Такой поступок говорит о необыкновенной решительности. Для того чтобы лучше понять Священное Писание, всегда полезно посмотреть на вещи, о которых оно говорит, просто. Понять, что люди, о которых там идет речь, часто такие же, как мы.

Вспомним и Закхея. В ответ на то, что Господь проявил к нему, грешному, презираемому человеку, милосердие и снисхождение, и посетил его дом, Закхей решился половину своего имения отдать нищим, а всем, кого обидел (то есть, собирая подати, взял лишнее), воздать вчетверо. Я думаю, что в результате он остался почти без имущества: половину раздал нищим, а из другой половины отдал каждому, у кого он взял лишнее, в несколько раз больше. Это также пример необыкновенной нестяжательности и покаяния с отречением от своего имущества. Представьте себе семейного человека, который так поступает и семью, которая из богатой превращается либо в нищую, либо в лучшем случае бедную. В Евангелии все описано просто, а

если мы представим себя на месте Закхея, то надо откровенно сказать, что мы бы еще хорошо подумали, прежде чем сделать такой поступок. И мы очень испугались бы такого шага.

Теперь посмотрим на евангельские примеры сребролюбия. Все помнят эпизод о том, как богатый юноша подошел к Господу с вопросом: «Как войти в жизнь вечную?». И когда Господь сказал ему: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение свое, раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах. И приходи, и следуй за Мной»[313], тогда юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение. Этот человек стремился к вечной жизни, умолял о своем спасении и, несмотря на то что он, казалось бы все заповеданное исполнял, чувствовал некоторую неудовлетворенность. Это был, можно сказать, душевно здоровый человек. Однако, когда речь зашла о том, что для совершенства ему нужно все свое имение продать, он опечалился, не смог переступить эту черту. Это говорит о том, что сребролюбие, или любостяжание, вовсе не пустяк. Очень тяжело оставить свой дом, имущество, пусть и самое малое, и, оставшись без ничего, следовать за Господом. Одно дело – читать книги и мечтать о себе, другое – исполнить заповеди Священного Писания в своей жизни.

Самый страшный пример сребролюбия – это предательство Иуды Искариотского. Вспомним известный эпизод. *За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь умерший, которого Он воскресил из мертвых. Там приготовили Ему вечерю, и Марфа служила, и Лазарь был одним из возлежавших с Ним. Мария же, взяв фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его; и дом наполнился благоуханием от мира. Тогда один из учеников Его, Иуда Симонов Искариот, который хотел предать Его, сказал: Для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим? Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор. Он имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали. Иисус же сказал: оставьте ее; она сберегла это на*

день погребения Моего. Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда[314]. Что произошло вслед за этим? *Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребренников; и с того времени он искал удобного случая предать Его*[315]. Вы видите, что предательство было совершено Иудой ради денег. Многие люди пытаются объяснить это как-то иначе, не веря, что из-за денег можно совершить такое страшное преступление. Мне кажется, эти люди просто не знают жизни. В наше время большинство громких убийств совершается из-за денег, все остальное не имеет почти никакого значения. Ради денег некоторые люди могут сделать все что угодно: убить и одного, и несколько десятков человек – и рука не дрогнет. Когда страсть сребролюбия возобладает душой человека, сребролюбие, как и всякая страсть, затмевает его разум. И если человек не может эту страсть удовлетворить, то приходит в состояние аффекта, перестает собой владеть.

Что произошло с Иудой Искариотским? Иуда, как предполагают некоторые толкователи, надеялся, что когда Господь станет царем иудейским, тогда и он сможет занять какое-то место в Его окружении и пользоваться преимуществами приближенного царя. А это тоже своего рода сребролюбие – желание наслаждаться земными благами. Когда Иуда потерял надежду на это, поняв, что Царство Спасителя не от мира сего, что это Царство не над телами, а над душами человеческими, тогда он начал думать о предательстве. Но все-таки некоторое утешение у него оставалось: он носил с собой денежный ящик. Вполне может быть, что он сам захотел его носить. Прочие апостолы, как люди, стремящиеся только к духовному, только к угождению Богу, наверное, не хотели исполнять эту тягостную и суетную обязанность. Он же с удовольствием согласился взять ее на себя, потому что был сребролюбцем и пользовался возможностью воровать, как ему казалось, незаметно для других. Почему ему так казалось? Потому что он разуверился в Господе, не

верил больше в Его пророческий дар и думал, что может красть совершено незаметно. Но когда его обидели и он увидел, что деньги, как говорится, тратятся понапрасну и ему не достанутся, тогда он разгневался и, поняв, что он здесь не только не обогатится, но и вообще ничего не приобретет, пошел и предал Спасителя. Но, поскольку в нем действовала страсть, он сделал это не даром, желая хоть что-то получить за свой отвратительный поступок.

Некоторые толкователи не хотят примириться с тем, что сумма, за которую Иуда предал Христа, была незначительна – тридцать сребреников. Им непонятно: как можно было за такую небольшую сумму совершить такое ужасное преступление? Поэтому я сейчас нарочно загляну в «Библейскую энциклопедию» и прочитаю вам справку о том, какого размера на самом деле была эта сумма. «За тридцать сребреников была продана неповинная Кровь Господа. Вероятно, они были сребряными сиклями. Каждый сребреник равнялся четырем драхмам»[316]. То есть сумма была, в общем-то, незначительная. А сейчас посмотрим, что такое динарий, и поймем, о какой сумме говорил Иуда, когда предлагал продать миро за триста динариев. «Динарий – наиболее употребительная в Палестине во время земной жизни Спасителя римская серебряная монета, составляла одну четвертую сикля, или двадцать одну копейку серебром. Один динарий составлял дневную плату за труд наемника, как видно из притчи Господа о найме рабочих в винограднике». Следовательно, Иуда Искариотский, лишившись возможности получить триста динариев, согласился предать Господа за сумму в два раза меньшую. Видимо, он думал так: «Если уж я не могу получить триста динариев и раз вообще с Этим Человеком невозможно обогатиться, то я, по крайней мере, что-то получу».

Конечно, вы помните из евангельского повествования, что когда Иуда пришел в отчаяние, то он бросил в храме полученные деньги, пошел и удавился. Отчаяние действовало в нем столь сильно, что даже сребролюбие в нем замолчало, ему уже ничего не было нужно. Поэтому не

будем относиться к сребролюбию как к чему-то маловажному, не будем его недооценивать. Когда эта страсть совершенно завладеет душой человека, то может заставить его совершить самые отвратительные, богомерзкие, безумные поступки. Нужно бояться этой страсти и всегда бороться с собой. Если мы не будем за собой следить, чтобы не заботиться о завтрашнем дне, если не будем учиться уповать на Бога, то постепенно можем дойти до такого состояния, что желание обогащения затмит в нас и здравый смысл, и все прочее, совершенно нас ослепит и заставит отпасть от Бога.

* * *

Почему святые отцы называют сребролюбие противоестественной страстью? И если она нам противоестественна, значит, и избавиться от нее должно быть легче?

Деньги мы не едим и не пьем, деньги являются средством для удовлетворения наших страстей. Поэтому страсть сребролюбия, в отличие от блудной или гнева, нам противоестественна, но если она укоренится в нашей душе, то избавиться от нее будет чрезвычайно трудно.

Христос знал, что Иуда Искариотский сребролюбец и вор, почему же тогда Иуде был доверен ящик с деньгами, ведь эта обязанность усугубляла его страсть?

Но ведь Христос знал и то, что Иуда предатель, – почему же Он не изгнал его из числа Своих учеников? Потому что Он сделал все для спасения этого несчастного человека. Может быть, само призвание Иуды в число двенадцати апостолов было средством для того, чтобы его спасти. А может быть, во время призвания он был его достоин, а впоследствии развратился, поддался страсти любоимания.

Господь снисходил к Иуде во всем, в том числе и в его пристрастии к деньгам, терпел все его грехи и только намекал на то, что Он знает о намерении Иуды Его предать. Христос уже в первый год пребывания с Ним апостолов, сказал: *Один из вас диавол*[317]. Если бы Он хотел обличить

Иуду, то сказал бы ему прямо, но Он желал, чтобы Иуда покаялся, поэтому многократно, разными способами напоминал ему о его намерении. Снисходил Он и к другим апостолам, потому что и они всё же проявляли и гордость, и желание первенства, и гнев (вспомним, как Иаков и Иоанн хотели уничтожить самарянское селение, низвести на него огонь с неба). Господь их обличал, удерживал от неразумных поступков, но терпел, зная, что духовно они еще новоначальные, снисходил к ним, ждал, когда благодать Божия их вразумит. И если Он покрывал немощи прочих учеников Своей любовью – как сказано у апостола Павла: *Любовь все покрывает*[318] – то это относилось и к Иуде Искариотскому.

Впрочем, других апостолов Господь иногда и обличал, Иуду же – никогда. Вспомните эпизод, как апостол Петр проявил по отношению к Господу неразумную жалость, как Спаситель ему сказал: *Отойди от Меня, сатана*[319]. Представьте, что я своему духовному сыну или дочери совершенно серьезно скажу: «Отойди от меня, сатана». Этот человек, пожалуй, и вовсе уйдет, сказав: «Отец Авраам такой-сякой, любви у него нет». А апостол Петр принимал такие обличения своим сердцем, каялся и исправлялся. Иуда же Искариотский, как немощный, ничего подобного понести не мог, ему было необходимо сугубое снисхождение, которое Господь и проявлял.

Если не хочешь подавать милостыню, то это сребролюбие или гордыня?

Смотря какая тому причина. Если ты видишь грязных, убогих нищих и тебе противно перед ними унижаться или тебе стыдно пойти к бедному человеку домой и чем-нибудь ему помочь, то это, наверное, гордость. А если тебе просто жалко расставаться со своими средствами, то это, вероятно, сребролюбие.

Скажу между прочим, что многие нищие, которые стоят у церковных ворот или на паперти, недостойны того, чтобы им подавали милостыню. Хотя тут, может быть, о недостоинстве думать не нужно, но, если мы дадим им деньги, они потратят их, скорее всего, на водку. Поэтому

опустившимся людям можно помогать только продуктами или вещами, а не отделываться деньгами, потому что таким образом мы потворствуем их страсти. Если хочешь кому-то помочь, то найди нуждающегося человека, который терпит лишения, но никогда на паперть не выйдет, и помогай ему как можешь.

Иногда просят милостыню люди, как вы говорите, недостойные, но при этом крестятся и просят подать ради Иисуса Христа. Как же в таком случае не подать?

Люди часто спекулируют этим именем. Ты им ради Христа дашь денег, а они пойдут напьются водки. И что это будет за милостыня?

Хочу оговориться: я неправильно назвал людей недостойными милостыни. Конечно же, всякий человек достоин жалости, снисхождения и любви. Я имел в виду, что бывают люди, которые потратят деньги, которые мы им даем, на грех. Поэтому им нужно подавать милостыню в том виде, в каком они смогут употребить ее с пользой: то есть давать им еду или одежду.

Скажите, как определить, есть ли в тебе страсть сребролюбия? В чем она может проявляться, если с деньгами дела не имеешь?

Пристрастие может иметь к самой незначительной вещи. Монах, например, может отречься от большого имущества, но иметь пристрастие к каким-то книжкам, иконам или, допустим, красивым четкам. Об этом говорит святитель Игнатий (Брянчанинов), называя эту страсть мшелоимством. Дело не в ценности имущества, а в нашем к нему отношении. У человека может быть огромное имущество, а он относится к нему беспристрастно (хотя это редко бывает, но такое возможно), как это было с Иовом Многострадальным. А может быть наоборот: человек имеет нечто ничтожное, но испытывает к нему сильнейшее пристрастие.

Если ты огорчаешься, когда у тебя отбирают какую-то вещь, или боишься, что отберут, или боишься ее потерять, значит, в тебе есть эта страсть – может быть, и не

сребролюбие в узком смысле слова, но страсть любостяжания. Но на самом деле, скажем честно, от этой страсти трудно избавиться. Вот порвется у нас какая-то вещь или испачкается – разве мы не огорчимся? Огорчимся. А это говорит о нашем пристрастии к вещам. Хотя мы, казалось бы, не очень-то богатые, а грешим, как люди, которые пристрастны к своему большому богатству. Так что, еще раз говорю, не нужно думать, что нас это не касается. Сребролюбие есть почти у всех. Редчайшее исключение – человек, который не испытывает пристрастия ни к какому земному имуществу.

Как относиться нам к ветхозаветной заповеди о десятине? Обязательна ли она для мирян? Всем ли необходимо отдавать одну десятую часть своих доходов Церкви и нищим?

Это делается, конечно, по возможности. Бывает, что у человека такой маленький доход, что для него отдать десятую часть – значит лишить себя и свою семью необходимого, потому что его дохода едва хватает на пропитание себя и своей семьи. Если же есть возможность, можно давать десятую часть, нет возможности – можно давать двадцатую. Можно сегодня дать десятую часть, завтра – двадцатую, а послезавтра – половину дохода. Здесь строгого предписания нет.

Мы знаем из житий святых, что некоторые праведники делили свое имение на три части. Одну часть давали бедным, вторую – отдавали Церкви, а третьей частью пользовались сами. И это не считалось в прежнее время чем-то особенным, особенным считалось – отдать все.

Мы действительно, по словам апостола Павла, призваны к свободе, лишь бы свобода наша не была поводом к угождению плоти[320]. Одни понимают свою свободу так: можно не десятую часть отдавать Богу, а две трети, другие – можно не две трети, а всё, что имеют; третьи же понимают свободу так – ничего вообще отдавать не нужно, потому что никакого предписания относительно этого нет. Это последнее понимание свободы превратное, не христианское.

А о том, сколько тот или иной человек может жертвовать Богу, нужно рассудить особо. И желательно получить на принятое решение благословение более или менее опытного здравомыслящего духовника.

Где наша слава, там и наше сердце

Что говорит о страсти тщеславия Евангелие. – *Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая.* – Что значит молиться втайне. – Тщеславие приводит к фарисейскому лицемерию. – Ища опору в человеческом одобрении, можно отпасть от Бога. – О ложном стыде. – Примеры нетщеславного поведения и смирения в Священном Писании. – Как, приобретая духовные плоды, не впасть в прелесть?

Мы продолжаем наши беседы о борьбе со страстями, беря за основу Евангелие. Такой подход несколько сужает тему, но он дает и некоторые преимущества: мы начинаем понимать, как применять Евангелие к жизни, начинаем осознавать его актуальность. Очень часто по разным причинам Евангелие остается для нас просто книгой – то ли исторической, то ли, в общем смысле слова, вероучительной, то есть основанием нашей веры, но не является жизненным руководством. Мы – сами по себе, Евангелие – само по себе. Некоторые христиане и вовсе руководствуются житейским здравым смыслом и едва-едва придерживаются основных ветхозаветных заповедей, таких как «не убий», «не прелюбодействуй» и им подобных. А некоторые следуют, что само по себе, конечно, неплохо, святоотеческому учению, но не умеют отождествить его с учением евангельским. И наша задача состоит в том, чтобы показать, что святоотеческое учение проистекает из Евангелия и основано на нем.

Одна из восьми главных страстей – тщеславие. Обычно о тщеславии упоминают после того или перед тем, как рассуждать о гордости. Эти две страсти связывают между собой, и справедливо. Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что никто не станет гордым, если прежде не поддастся тщеславию. В то же время нужно понимать, что эти страсти несколько различаются. Можно, конечно, говорить о тщеславии как о некоторой разновидности гордости, но, я думаю, удобнее рассмотреть эту страсть как нечто отдельное. И Спаситель также говорит о ней особо. В Нагорной проповеди Он довольно много

рассуждает о тщеславии и приводит примеры стремления к суетной, тщетной славе.

Итак, что говорит об этой страсти Господь наш Иисус Христос? *Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас; иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою*[321]. То есть подающий милостыню должен, по возможности, скрывать это от людей. Но поскольку такое не всегда осуществимо, то он должен, по крайней мере, подавать милостыню не для того, чтобы его хвалили. Тут нужно сделать маленькую историческую справку. Некоторые толкователи Библии говорят о том, что у древних иудеев был такой обычай. Когда они желали раздать милостыню, то в людных местах, где обычно бывало много нищих, трубили в маленький рожок, и нищие к ним подходили. То есть слова Спасителя: *Не труби перед собою* – это не просто образ, а действительный обычай. Конечно, обычай совершенно дикий, потому что трубящий человек привлекал к себе всеобщее внимание и показывал, что он добродетельный.

Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. Они получают свою награду в виде человеческой похвалы. Но не нужно понимать это слишком буквально: будто бы, если тебя не похвалили в лицо, значит, все хорошо. Нет, людское одобрение, даже и не высказанное, но вызванное твоими публичными добрыми делами, уже предполагает, что ты стремишься к награде от людей. В то же время нужно сделать и такую оговорку. Не всегда возможно творить добрые дела тайно. На этот счет интересно мнение великого русского праведника, святого Иоанна Кронштадтского. Как-то в беседе с ним игумения Таисия (Солопова) спросила: «Батюшка, как творить добрые дела втайне? Их надо скрывать?» А отец Иоанн ответил: «Нет, творить милостыню втайне – это значит творить ее так, чтобы не тщеславиться». Действительно, большую часть добрых дел утаить не в нашей власти. Допустим, строит человек храм или монастырь – как он может это утаить? Или он

своей милостыней питает многих бедных людей – все равно рано или поздно этим людям станет известно, кто их кормит, и они будут его благодарить. Выходит, этот человек не получит награды от Бога, хотя он и делает добро ради Христа, ради того, чтобы исполнить заповедь? Конечно, это не так. Значит, речь идет не о том, чтобы о наших добрых делах вообще никто не знал, а о том, чтобы, если так можно выразиться, мы сами о них не знали.

Спаситель далее говорит именно об этом: *У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая*[322]. Разумеется, нельзя понимать это буквально: не может наша собственная левая рука не знать, что делает правая. Можно, наверное, истолковать это так: мы должны утаивать свои добрые дела даже от самых близких людей. Но ведь если от посторонних еще как-то получится утаиться, то от членов семьи, друзей или сотрудников скрыть свои добрые дела почти невозможно. Я думаю, что самое правильное толкование этой заповеди – то, которое относится к внутренней жизни. Нужно, чтобы мы сами не давали цены своим делам, чтобы мы исполняли их как долг, а не как нечто особенное и достойное одобрения. В русской святоотеческой литературе есть даже такое слово – «самоцен». Мы должны избегать «самоцена», то есть высокой самооценки.

Возникает вопрос: как это сделать? Конечно, если бы не сверхъестественная помощь Божия, то это было бы невозможно: сделать добро и не потщеславиться. Но если мы будем внутренне молиться и отсекать помыслы «самоцена», то с помощью Божией как раз и добьемся того, что наша левая рука не будет знать, что делает правая, хотя это и трудно себе представить. Но, чтобы этого достичь, нужно вести долгую, тщательную и упорную борьбу.

Тщеславие – это страшный враг. Это страсть, которая крадет у человека благодать, дарованную ему от Бога. Один подвижник рассказывал о себе, что, когда он чувствовал подкрадывающиеся помыслы тщеславия (а он уже знал, что если он их примет или даже только начнет рассматривать, то благодать сразу его оставит), он падал ниц, плакал и молился,

можно сказать вопил к Богу: «Господи! Убийцы приближаются! Сохрани меня». И мы, если хотим жить действительно по-евангельски, должны бороться с тщеславием всеми своими силами.

У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно[323]. Что значит *видящий тайное*? Это значит видящий только чистую, тайную добродетель. Если наша добродетель не тайная, то Бог ее, можно сказать, не видит, потому что мы уже получили за нее награду. Даже если мы сотворили милостыню в буквальном смысле тайно, а внутренне потщеславились, эта милостыня уже не является сотворенной по Евангелию. В действительности она сделана по страсти, она явная – явная для нас самих. И наоборот: пусть многие люди знают о наших добрых делах, но если сами мы стараемся не придавать этому значения, боремся со своим тщеславием – эта милостыня останется тайной, и только за нее Отец наш Небесный воздаст нам, только такую добродетель Он видит.

А что значит *воздаст тебе явно*? Наивно было бы предполагать, что Господь воздаст тебе тем, что прославит тебя перед людьми и все узнают о твоей добродетели. Воздать явно – значит воздать явным действием благодати. Нужно помнить такую простую вещь: если мы правильно совершаем любую добродетель, то воздаяние за нее бывает ощутимым прежде всего для нас самих. Другими словами, мы должны в своем сердце чувствовать действие благодати Божией в большей или меньшей степени, но явно, ощутимо. Некоторые думают: «Бог мне воздаст за мое доброе дело» или «Бог мне уже воздал», а в чем это воздаяние, они не понимают и никак его не чувствуют. Но если не чувствуют, значит, его и нет. Ведь не может человек сказать, что он сыт, когда он этой сытости не чувствует. А душевное состояние столь же реально, как и состояние телесное, если не более. Поэтому, если мы не чувствуем в душе некоторого насыщения благодатью, некоторого утешения, значит, и воздаяния нет. Значит, мы совершаем добродетель неправильно, скорее всего с тщеславием. Воздаяние, то есть

действие благодати, может выразиться в утешении, умиротворении или в чем-то ином. Например, нетщеславно подав кому-то милостыню, мы увидим, что наша молитва после этого стала более искренней и внимательной. Под милостыней я имею в виду не только материальную помощь деньгами или каким-то имуществом, но и любую другую поддержку: добрым словом, разумным советом, если мы способны его дать, помощью в житейских делах.

И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою[324]. Спаситель обличает лицемеров, которые молятся ради человеческого одобрения, то есть перед лицом других людей. Но здесь, опять же, нужно сделать оговорку. Мы, наподобие древних иудеев, которые молились в своих молитвенных собраниях, также собираемся на богослужение для общего моления. И стараемся сосредоточиться, собрать свой дух воедино и принести Богу *жертву хваления*, как говорит Священное Писание[325]. Поэтому не нужно думать, что если мы стоим в храме благоговейно и собранно, то этим обязательно уподобляемся лицемерам. Если наше внутреннее состояние проявляется внешне, то в этом еще нет никакого греха. А вот если мы нарочно напускаем на себя молитвенный вид, принимаем благоговейные позы, как-то особенно кланяемся и делаем все это ради мнения людей, – это уже, конечно же, грех.

Необходимо понимать: можно молиться уединенно в келии и при этом поддаваться тщеславию. Если человек считает свою молитву какой-то особенной, усердной, если он ею доволен, если он совершает ее не ради спасения и покаяния, а ради того, чтобы стать святым и бесстрастным, допустим таким, как Антоний Великий, – то в этом также проявляется желание прославиться: человека никто не видит, но он думает, как люди его оценят. «Может быть, – думает он, – за эту молитву они меня и не прославят, потому что они ее не видят, но зато потом они заметят мое духовное выражение лица, заметят результат этой молитвы и обязательно прославят меня и одобрят мое

поведение». А порой диавол внушает человеку и такие нелепые, безумные и пагубные помыслы: «Придет время, я стану святым, и меня все будут прославлять». И вот человек, молясь наедине и скрывая свои молитвенные подвиги, постоянно как бы имеет перед собой толпу людей, перед глазами которых он все это совершает. И наоборот: человек правильно молящийся, даже если находится в храме, в присутствии других верующих, может внутренне так уединиться, углубиться в молитву и через покаяние отсечь все безумные сатанинские помыслы, что он действительно будет творить молитву тайно. Тайно, потому что не думает о человеческом мнении и, самое главное, потому, что он сам не дает своей молитве никакой цены. Молится не ради славы, а ради спасения своей души.

Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно[326]. Конечно, по возможности надо исполнять заповеди о тайном творении добродетели буквально. Это одно из проявлений смирения, но лишь одно – не единственное и не самое главное. Потому что если бы мы пытались всегда буквально исполнять заповедь о тайной молитве, как делают это некоторые сектанты, то не могли бы и собраться вместе в церкви. Иные люди доходят до смешного: боятся дома всей семьей помолиться под тем предлогом, что они хотят сотворить молитву втайне. Хотя на самом деле семейная молитва очень полезна для всех членов семьи и в особенности благотворно влияет на детей. Другие боятся прочитать при людях перед едой «Отче наш», что тоже нелепо.

Я думаю, что под молитвой в тайной комнате нужно понимать внутреннее уединение, то есть углубление внутрь самого себя, может быть даже и в сердце, хотя последнее, конечно, не для всех возможно. Надо так сосредоточиться, чтобы забыть обо всем внешнем. Тогда мы забудем и о тех зрителях, присутствующих действительно или в нашей фантазии, которые якобы нас оценивают и воздают нам достойную, как нам кажется, славу за нашу усердную молитву.

И когда мы внутренне уединимся, тогда *Отец наш, видящий тайное, воздаст нам явно*. О явном воздаянии за тайную молитву можно сказать то же, что и о явном воздаянии за тайную милостыню. И даже, может быть, более того, потому что через молитву легче стяжать Божественную благодать. Некоторые думают, что Господь воздаст им за их молитву когда-нибудь потом, они ничего не ждут, молятся сухо и безразлично и считают, что это нормально. Нет. Если не чувствуется в душе явного воздаяния, значит, молитва совершается неправильно. Значит, тайной молитвы нет, а есть молитва явная, то есть тщеславная. Если бы наша молитва была тайная, то есть смиренная, то мы обязательно почувствовали бы, что Бог приблизился к нам, а правильнее сказать, что мы духом своим возвысились и приблизились к Богу.

А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны[327]. Иногда тщеславие проявляется в напыщенной, многословной молитве. Желая выразить свои «возвышенные» чувства, неопытный молитвенник придумывает разные высокопарные слова. Неважно, что другим людям они могут показаться смешными, важно, что сам он считает их высокими. Я вообще подозрительно отношусь к людям, которые высокопарно выражаются, потому что, по большей части, это от тщеславия или неопытности. Да, святые отцы иногда говорили возвышенно, но они имели на это право: их слова отображали их возвышенный опыт. А для нас такая речь будет обличением нашего тщеславия. Это будет отображение не нашего опыта, а наших нелепых детских мечтаний о том, что такое духовное. Вообще, нам лучше опасаться молиться своими словами. Лучше молиться либо краткой, покаянной Иисусовой молитвой, либо молитвословиями, составленными святыми отцами. Молясь их словами, мы идем по их пути и через слова святых отцов действительно прикасаемся к их возвышенному опыту. Если же мы имеем нужду попросить что-либо у Бога своими словами, то будем делать это просто и по возможности кратко, например: «Господи, помоги мне, исцели такого-то человека». А

дальше или молиться за этого человека молитвой Иисусовой, или читать какое-то молитвословие, например канон.

Примером молитвы, правильной во всех отношениях, в том числе и нетщеславия, является молитва «Отче наш». Она чрезвычайно проста по форме, и эта простота является высшим проявлением молитвенности. Простота – это качество, в каком-то смысле противоположное тщеславию. Например, мы обращаемся к Богу со словами: «Отец наш», – что может быть проще? Слова эти простые, но в них содержится действительное молитвенное дерзновение. Никто из нас никогда, при всей своей изощренности, ничего такого не придумал бы. Поэтому не будем поддаваться тщеславию, не будем изобретать собственных высокопарных слов. Они наверняка будут выражать недуховные чувства, которые кажутся нам духовными и искренними лишь по нашей неопытности.

Когда-то давно один мой знакомый, который пришел к вере, но еще колебался в истинах христианства, сказал мне, что молитва «Отче наш» неискренняя. Как пример искренней молитвы он привел молитву какого-то индийского аскета, который говорил так: «Вот, я обращаюсь к Тебе и не знаю, как Тебя назвать и Что Ты такое…» На самом деле сомнение моего знакомого говорило о том, что он не понимал настоящей простоты и искренности. Он не дошел до этой простоты, и его лукавство, изощренность, путаница в мыслях делали для него молитву «Отче наш» неискренней, как бы чрезмерно простой. Поэтому наше неправильное внутреннее состояние не может быть критерием того, какие чувства мы должны испытывать в молитве. Нужно ориентироваться на евангельское и святоотеческое учение.

Между прочим, в молитве «Отче наш», по духу молитве покаянной, как вы помните, есть такие слова: *И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим*[328], Господь продолжает: *Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный*[329]. Покаяние, желание испросить у Бога прощение своих грехов как раз препятствует тщеславию. Человек, по-настоящему, глубоко

понимающий, что он погибает и что спасется он только в том случае, если Господь его помилует, уже не будет тщеславиться своей молитвой, не будет думать о славе перед людьми. И вообще, человеческое мнение о нем не будет его тревожить.

Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою[330]. Мы не должны во время поста напускать на себя унылый вид. Конечно, пост – это выражение покаяния, но одно дело – спасительная печаль о своих грехах, и другое – напускное уныние с целью показать, как нам тяжело поститься. На самом же деле разумный, опытный христианин проходит пост радостно. Конечно, иногда поститься бывает тяжело: происходит борьба, преодолевается телесная немощь, человек понуждает себя к подвигу. Но в то же время пост есть духовная радость, духовное освобождение, это делается ради спасения. Тот, кто унывает от поста, этим показывает, что он относится к посту неправильно, обращает внимание на телесную его сторону, а не на духовную.

Поэтому Спаситель дальше говорит: *А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое*[331]. Конечно, речь идет не о том, чтобы никто не заметил, что мы постимся. Некоторые древние подвижники так жестоко постились, что не заметить их телесного состояния было невозможно. Как можно было не увидеть, что люди постятся, если они, как говорит Иоанн Кассиан Римлянин, от слабости едва-едва открывали веки? Если они не могли на службе стоять и поэтому садились? Если они ходили как трость, колеблемая ветром? Но в то же время они, по возможности, скрывали тяжесть своего подвига, подвизались не ради человеческой славы, а ради того, чтобы спасти свою душу, получить прощение грехов. И не нужно понимать слова: *Помажь голову твою и умой лице твое*, – буквально, а то некоторые начнут во время поста употреблять духи, якобы исполняя заповедь Евангелия. Это образное выражение, призывающее нас совершать свой подвиг с радостью.

Чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцем твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно[332]. Обратите внимание на выражение: *Пред Отцем твоим, Который втайне*. Мы постимся перед Богом и для Бога, а не перед людьми. И подражаем в этом Небесному Богу Отцу, Который скрывает Свои дела и как бы тайно совершает управление миром и промышляет о спасении человеческого рода.

Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше[333]. Эти слова можно отнести как к последующему поучению – о том, чтобы не заботиться о земном, так и к предыдущему – о тщеславии. Тщеславие – это также сокровище, собираемое на земле. Где наша слава, там и наше сердце. Если человек ищет славы от Бога, то не помышляет ни о чем земном, а думает только о Боге, только о будущей жизни. Он имеет сердце свое на небесах. Тот же, кто ищет человеческого одобрения, готов ради него пойти на все, даже на грех. Когда люди его за какое-то дело одобряют, то он делает это дело с вдохновением, а если не одобряют, то он огорчается и работа теряет для него всякий смысл. Ему все становится неинтересным.

Господь наш Иисус Христос не только поучал, как правильно совершать основные добродетели – милостыню, молитву и пост, из которых проистекают все прочие, но и обличал тех людей, которые были чрезвычайно подвержены безумной, пагубной страсти тщеславия. Можно было бы привести тому много примеров из Евангелия, но я приведу только одно поучение Спасителя, где Он обличает фарисеев. Слово «фарисей» стало уже нарицательным и означает лицемера, который внутренне совершенно не таков, каким показывает себя перед людьми. *Тогда Иисус начал говорить народу и ученикам Своим и сказал: на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не*

поступайте, ибо они говорят, и не делают[334]. Если мы видим таких лицемеров и они учат нас правильно, то мы должны их слушаться, но по делам их не поступать. Часто пример оказывает гораздо большее действие, чем слова. Посмотрев на поведение лицемера, который учит правильно, а ведет себя неправильно, мы начинаем делать так же: декларировать какие-то высоконравственные истины, а в действительности вести себя так, как нам подсказывает земная выгода, как велят нам наши страсти.

Связывают бремена тяжелые и неудобоносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их[335]. Вот признак лицемера – учить правильно, а самому даже не касаться того, чему учишь. Осуждать других людей за те или иные прегрешения, а самому совершать еще худшие проступки. Такое поведение кажется странным, но, тем не менее, оно встречается сплошь и рядом.

Все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди: расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих[336]. Здесь Спаситель совершенно откровенно обличает и фарисеев, и всех нас, если мы имеем в себе порок тщеславия. Когда мы читаем Евангелие, то не должны отождествлять себя только с учениками Христовыми. Полезно нам бывает иногда увидеть в себе и то, что в нас есть от врагов Христовых, – конечно, не для того, чтобы прийти в отчаяние, а для того, чтобы исправиться и покаяться.

Все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди. То есть тщеславные люди либо вообще ничего не делают, либо делают напоказ. Если никто их подвигов не увидит, то они и пальцем не пошевелят, а если ожидают человеческой славы, то могут сделать все что угодно: и строго поститься, и плакать, и много молиться.

Расширяют хранилища свои. Хранилища – это кожаные коробочки, в которых хранились куски пергамента с изречениями из Писания, в том числе с главной заповедью: *Господь, Бог наш, Господь един есть; и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душею твоею и всеми силами твоими*[337]. Эти коробочки ремнями крепились ко лбу и к

левой руке и должны были напоминать иудеям о завете Бога с Израилем. Когда древний еврей приступал к молитве, он надевал эти хранилища на лоб и на руку. Евреи и сейчас носят такие. Это была заповедь Моисея. Сейчас она, конечно, уже потеряла свое значение, а в то время была справедлива. Но евреи, расширяя эти хранилища, думали не о том, чтобы углубиться в молитву и помнить, что Господь Бог есть Бог единый, не о том, чтобы устремить к Нему весь ум, а о том, чтобы показаться перед другими более благочестивыми. Воскрилия риз у них также имели символическое значение, напоминали им о некоторых истинах закона Божия. Вместо того чтобы принимать эти истины к сердцу, они внешне увеличивали воскрилия, чтобы выглядеть особенно набожными перед своими соплеменниками и единоверцами.

Также любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах[338]. Это распространенный порок, многие страдают им и сейчас. Мы любим, чтобы нам оказывали почет. Мы любим, чтобы наши родственники и друзья воздавали нам честь *на пиршествах*, то есть на вечеринках или праздниках. Мы хотим стоять в церкви на каком-то особенном, почетном месте, чтобы на нас обращали внимание. Я, конечно, не хочу всех огульно в этом обвинить, просто каждый должен трезво на себя посмотреть, нет ли в нем такой черты – желания, чтобы его как-то выделяли из числа других людей.

Также любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учитель![339] Конечно, не многие из нас имеют право называться учителями, но мы, тем не менее, любим, когда нас ценят за то, что мы говорим нечто умное, дельное или даже благочестивое. Если нам эта слава дорога, если нам нравится, что мы такие рассудительные и духовные, значит, в нас действует страсть тщеславия. Спаситель считал ее настолько вредной, что даже запретил своим ученикам называться учителями.

А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос, все же вы – братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и

не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник – Христос[340]. Некоторые сектанты понимают эту заповедь буквально, но это, конечно, неправильно. Человек ведь может и не называться учителем, отцом или наставником, но внутренне чувствовать себя таковым, и тогда это обличение Спасителя будет обращено и к нему. Например, у некоторых сектантов пресвитера называют не «отец», а «брат», у них все братья. Но если такой «брат» любит *председания*, если ему оказывают почет и он этому радуется, если он не исполняет того, чему учит, значит, он уже поддался страсти тщеславия и на самом деле мнит себя отцом, учителем и наставником.

Православная Церковь действительно основана на том, что у нас единый Учитель – Христос. Никто, даже апостолы, никогда не дерзали учить чему-то своему. Высшей похвалой для всех подвижников благочестия, для всех святых отцов было то, что они передавали апостольское учение, что они никак не уклонились от апостольского предания. Во всей Церкви, начиная с древнейших времен, мы видим необыкновенный дух смирения, дух нетщеславия. Да, мы называем святых отцов учителями. Но как нам не называть великими и вселенскими учителями, например, святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста? Они действительно учители Церкви! Но они учили не чему-то своему, и поэтому к ним никак не относится евангельский упрек в тщеславии. И если мы называем отцом того или иного священника, или епископа, или, тем паче, какого-нибудь преподобного подвижника, например Серафима Саровского или Сергия Радонежского, то это не значит, что мы воздвигаем себе кумира, препятствующего нашему поклонению Богу Отцу. Эти люди действительно являются нашими духовными отцами. Они, можно сказать, приводят нас к истинному поклонению Небесному Богу Отцу. Потому что у нас действительно один отец – Отец Небесный, у нас один Учитель и Наставник – Христос, и тот человек, который учит нас почитать этого единого истинного Отца и повиноваться учению Христову, как раз и достоин называться учителем, и наставником, и отцом, как бы являясь образом правильного богопочитания на земле.

Больший из вас да будет вам слуга: ибо кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится[341]. Апостолы считали себя слугами верующих людей и служили им своим словом. Так они сами говорили: *Нехорошо нам оставлять служение слова*[342], то есть воспринимали свою проповедь как служение. Они действительно исполнили эту заповедь. А если человек желает, чтобы ему служили, хотя бы он избегал этих наименований – «учитель», «наставник», «отец», то он на самом деле стремится к тому, чтобы быть бо́льшим, чем другие, а не их слугой. Человек – существо лукавое, он может изобрести много красивых смиренных слов, но эти слова будут только прикрытием его гордости и тщеславия. Поэтому суть состоит не в словах, а в сердечном чувстве.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете домы вдов и лицемерно долго молитесь: за то примете тем большее осуждение[343]. Здесь Спаситель обличает книжников и фарисеев. Почему обличает? Потому что человек, который много знает, который изучает закон, но не исполняет его, достоин большего осуждения. Такие люди своим лицемерным поведением, своим желанием славы человеческой соблазняют других. И сами не входят в Царство Небесное, и других не допускают, препятствуют им приступить к покаянию. Что значит *поедаете домы вдов*? Может быть, здесь имеется в виду насильственное отъятие имущества у бедных людей. А может быть, подразумевается такое поведение фарисеев, которое заставляло нуждающихся людей жертвовать деньги на содержание этих лжемолитвенников, и то, что они прикрывали этот свой тихий, «приличный» грабеж долгой молитвой. Поэтому не всегда долгая молитва – признак благочестия. Конечно, нельзя сказать и то, что это обязательно признак лицемерия. Нужно смотреть и на другие дела человека.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас[344].

Лицемер, хотя бы ему и удалось кого-то обратить к вере, своим соблазнительным поведением делает этого человека еще худшим, еще большим циником, чем сам этот проповедник, и тот погибает. Не всегда активная проповедь является признаком благочестия. Часто люди проповедуют ради выгоды, а еще чаще – ради славы.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять. Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие![345] Фарисеи, исполняя мелкие предписания закона, то есть жертвуя десятину с самых ничтожных доходов, которые и доходами-то назвать нельзя, и это делали ради славы. Им хотелось, чтобы их признали точными исполнителями, ревнителями закона, но в то же время они не имели ни справедливости, ни милосердия, ни веры. Однако без этих добродетелей щепетильное исполнение закона не приносит никакой пользы. Да, надо было проявлять ревность даже в мелочах, но не оставлять и главного. Иначе человек уподобляется тому, кто боится проглотить насекомое и при этом поглощает верблюда.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды[346]. Люди неопытные, может быть, отчасти даже не осознающие своего лицемерия, стараются внешне выглядеть хорошо: исправляют свои нравы, ведут себя внешне прилично, не нарушают грубо заповедей. В то же время внутри они исполнены *хищения и неправды*, то есть явно злобных, несправедливых помыслов. Но нужно понимать, что если мы не очистим себя изнутри, то наше приличное поведение не принесет нам никакой пользы. Исполнение заповедей надо начинать изнутри, иначе оно будет неискренним и превратится как раз в то лицемерие, которое в данном случае обличает Спаситель.

Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их[347]. Конечно, речь идет не о чаше и блюде, а о душе человека. Нужно сначала

очистить себя изнутри, тогда наше поведение станет достойным и внешне. А если мы пренебрегаем внутренним и думаем только о внешнем, то нам нельзя избежать тщеславия. Невозможно! Наши поступки всегда имеют какой-то мотив. Если у нас нет мотива внутреннего, то мы будем искать опору в чем-то внешнем, то есть в человеческом одобрении. А к чему это может привести? Вот пример: до революции вся Россия была как будто бы православная и все считали это нормальным. Потом вдруг «разрешили» в Бога не верить – и значительная часть народа сразу же отпала от веры. Те люди, которые на протяжении многих лет до этого ходили в церковь, исповедовались и причащались, по крайней мере, в посты, – теперь совершали дикие изуверства и кощунства. Потому что жили они человеческим мнением, человеческим одобрением.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты[348]. Вы знаете, что есть обычай, который существует с древности, – украшать гробницы, могилы. Богатые люди делают на могилах своих родственников роскошные памятники. Снаружи все прекрасно, благолепно, почти произведение искусства, а под могильной плитой – разлагающийся труп. Подобное может происходить и с человеком. Снаружи он украшен, а внутри – полное разложение.

Так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония[349]. Нам нужно искренне и мужественно принимать это обличение всякий раз, как мы читаем Евангелие, – и стараться быть праведными не только по наружности, но и изнутри. Нужно бороться с греховными чувствами и движениями души. Человек, который будет взирать на свою внутреннюю жизнь, не сможет загордиться, он всегда будет каяться. И чем больше он будет познавать свою греховность, тем больше будет каяться. Такой человек, с одной стороны, будет избегать тщеславия, с другой – действительно будет совершать добрые дела искренне, от всей души, а не для человеческой славы.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков; таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков[350]. Подобное бывает и с нами. Если мы прославляем угодников Божиих, то это само по себе нас не оправдывает и не делает нас праведными, если мы не совершаем добрых поступков, не имеем усердия в духовном подвиге. Мы думаем, что одним только прославлением праведников, например преподобного Серафима Саровского, Сергия Радонежского или праведного Иоанна Кронштадтского, уже спасаемся. На самом деле мы подчас этим себя обличаем, осуждаем и, так сказать, свидетельствуем против самих себя. Ведь если мы прославляем преподобного Серафима, то почему же не подражаем его делам?

Между прочим, нужно обратить внимание на обращения, употребляемые Спасителем: *книжники и фарисеи*. Книжники – это люди, которые изучали и толковали Моисеев закон и потому мнили, что они, благодаря своему обширному знанию закона и преданий старцев, уже специалисты в законе. Однако на деле они его не исполняли, а только кичились своими отвлеченными знаниями. Это один из видов тщеславия: большие теоретические знания и жизнь, не соответствующая этим знаниям. Другой вид тщеславия – фарисейство. Фарисей в переводе означает «особый», «отделенный». В среде иудеев была такая секта, члены которой отделяли себя от прочих людей. Они щепетильно исполняли закон, тщательно придерживались преданий старцев, то есть знаменитых учителей своего времени, так называемых раввинов (впоследствии эти старческие предания были записаны в Талмуде), и чурались общения с прочими иудеями, которые, как им казалось, не исполняли закон так строго, как подобает.

Вот два вида лицемерия, два вида тщеславия: одно – кичение теоретическим знанием, другое – надменность из-за мелочного исполнения всяких предписаний. Этого мы должны бояться. Не будем думать, что если мы много читали и много

знаем, но не исполняем прочитанного, то это принесет нам пользу. И не будем думать, что если мы в чем-то внешнем, допустим в аккуратном посещении храма, правильном поведении при богослужении и прочем, все делаем как нужно, то мы уже выше других. Я обратил внимание на слова *книжники и фарисеи*, потому что эти наименования можно отнести и к нам. Эти пороки в нас могут жить и действовать так же, как и в древних иудеях, к которым обращался Спаситель.

До этого мы рассуждали о том, что желание человеческой славы губит человека и не приносит ему благодати, и о том, что нужно искать славы от единого Бога. А сейчас я должен сказать о другой стороне тщеславия – ложном стыде. Спаситель говорит об этом так: *Кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда приидет в славе Отца Своего со святыми Ангелами*[351]. Мы не должны бояться позора в том случае, если нам придется потерпеть его ради веры в Господа и ради жизни по Его заповедям. Многие из нас подвержены этой страсти. Может, мы не особенно ищем славы, но зато очень стыдимся, когда нас порицают за наше странное, с точки зрения окружающих, поведение, за нашу самоотверженность в служении Богу. Этот стыд часто препятствует нам совершенствоваться во многих и многих добродетелях. Нужно очень бояться этого ложного стыда, потому что если мы ему поддадимся, то и Господь постыдится нас, *когда придет в славе Отца Своего со святыми Ангелами*. И не только в будущей, но и в этой жизни. Если мы стыдимся исповедовать Христа и жить по Его заповедям, то и Он «стыдится» нас и удаляется от нас Своею благодатью. И когда мы чувствуем, что в душе у нас нет ожидаемого благодатного утешения от молитвы или от участия в церковных таинствах, то это может быть и оттого, что мы человекоугодливо себя ведем.

Обличая фарисеев, Спаситель сказал: *Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от единого Бога, не ищете?*[352] Мы ищем славы друг от друга, это нас поддерживает и укрепляет и в добром и в плохом. Ищем ее, не понимая, что она переменчива. Мы не

можем пользоваться одинаковым авторитетом у всех людей. Один думает о нас так, другой несколько иначе. И вот мы занимаемся бесплодным делом: ищем того, чтобы все имели о нас доброе мнение. Но это невозможно! Это безумная затея, а вот то, что действительно реально и возможно – это приобрести славу от Единого Бога, Который всегда требует от нас одного и того же. Но мы этим пренебрегаем и, постоянно ища славы от людей, как говорит Спаситель, *не можем веровать*. Поскольку мы хотим, чтобы люди нас всегда одобряли, то, естественно, будем бояться откровенно высказывать свое мнение или вообще его иметь.

Часто люди не верят в Бога по той причине, что опасаются выглядеть глупыми. Они стараются в глазах людей неверующих, чуждых христианства, показаться разумными, серьезными, современными. Человек, который хочет в глазах безбожников выглядеть умным, должен фактически отречься от Бога. Часто так и бывает. Многие люди не верят просто из-за того, что желают казаться такими же, как все. Но если даже подобное не происходит так прямо и явно, то тщеславие в любом случае удаляет благодать и вместе с ней веру, потому что вера – это действие благодати. А смирение, наоборот, привлекает благодать, и в сердце человека рождается твердая вера.

Исторический пример неверия ради человеческого одобрения – неверие высшего класса иудейского общества во времена Спасителя. Апостол Иоанн Богослов говорит об этом так: *Из начальников многие уверовали в Него; но ради фарисеев не исповедывали, чтобы не быть отлученными от синагоги, ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию*[353]. Представляете?! Люди уверовали в то, что Иисус есть истинный Христос, помазанник Божий, что Он есть Сын Божий. Но ради того чтобы не опозориться в глазах своих духовных вождей, ради того чтобы не быть отлученными от ветхозаветной Церкви – то есть просто избежать бесчестия, ведь больше никакого вреда им причинить не могли, – они не исповедовали Господа, отреклись от Него. Вот какая сильная, могущественная, губительная страсть – тщеславие!

Я уже не раз говорил и снова повторю, что мы недооцениваем опасность страстей. Тщеславие, сребролюбие, гнев, чревоугодие – эти страсти, как мы видим из евангельского повествования, заставляли людей совершать страшные преступления. То, что Ирод, будучи благоразумен, не мог сделать в трезвом состоянии, он сделал во время пира под действием опьянения и похоти. От его страстей: пьянства, чревоугодия и блудной страсти – погиб Иоанн Креститель. Иуда Искариотский предал Спасителя под действием сребролюбия. Начальники иудейские не исповедовали Господа Сыном Божиим из-за тщеславия. Не будем думать, что страсти – это нечто пустяковое и терпимое и что главное – иметь веру. Страсти могут погубить нас, несмотря на нашу веру. Поэтому будем усердно противиться страсти тщеславия. Пусть мы и не искореним ее до конца, но, по крайней мере, будем с ней бороться, чтобы она не развивалась. И в конечном счете мы ее истребим или почти истребим, чтобы она не руководила нами и не заставляла нас совершать преступления против нашей совести.

Примером нетщеславного поведения в Евангелии служит поступок Закхея. Это повествование всем хорошо знакомо. *И вот, некто именем Закхей, начальник мытарей и человек богатый, искал видеть Иисуса, кто Он, но не мог за народом, потому что мал был ростом, и, забежав вперед, влез на смоковницу, чтобы увидеть Его, потому что Ему надлежало проходить мимо нее. Иисус, когда пришел на это место, взглянув, увидел его и сказал ему: Закхей! сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме*[354]. Представьте себе такое поведение! Богатый, солидный человек на виду у всего города, в котором он живет, желая увидеть Спасителя, не стыдится залезть на дерево, то есть вести себя так, как обычно ведут себя дети. Мы почему-то думаем, что сейчас это было бы неприлично, а в древности было чуть ли не обыкновенно. На самом деле, понятия приличия тогда были приблизительно такими же, как сейчас. Это был дикий поступок. Но этот дикий поступок, поступок человека, который совершенно пренебрег

человеческим мнением, показал в Закхее внутреннюю жажду истины, жажду покаяния. И Господь не презрел его искренности.

Другой пример смелого, дерзновенного поведения показал евангельский слепорожденный. Фарисеи, допрашивая его, требовали, чтобы он за свое исцеление воздал славу Богу, но не прославлял Господа Иисуса Христа, Который его исцелил. Как бы формально воздал славу Богу, а на деле, так сказать, отрекся от Него. Вот этот эпизод. *Итак, вторично призвали человека, который был слеп, и сказали ему: воздай славу Богу; мы знаем, что Человек Тот грешник. Он сказал им в ответ: грешник ли Он, не знаю; одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу. Снова спросили его: что сделал Он с тобою? как отверз твои очи? Отвечал им: я уже сказал вам, и вы не слушали; что еще хотите слышать? или и вы хотите сделаться Его учениками? Они же укорили его и сказали: ты ученик Его, а мы Моисеевы ученики. Мы знаем, что с Моисеем говорил Бог; Сего же не знаем, откуда Он. Человек прозревший сказал им в ответ: это и удивительно, что вы не знаете, откуда Он, а Он отверз мне очи. Но мы знаем, что грешников Бог не слушает; но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает. От века не слыхано, чтобы кто отверз очи слепорожденному. Если бы Он не был от Бога, не мог бы творить ничего. Сказали ему в ответ: во грехах ты весь родился, и ты ли нас учишь? И выгнали его вон*[355].

Этот бывший слепой не побоялся исповедовать истину. Он говорил простые вещи, в которых был совершенно уверен, не захотел лебезить перед людьми, которые считались учителями, но, наоборот, твердостью и искренностью обличил их, сказав: *Это и удивительно, что вы не знаете, откуда Он, а Он отверз мне очи. Но мы знаем, что грешников Бог не слушает; но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает.* Простое рассуждение, на которое фарисеи, при всей своей мудрости и образованности, не смогли возразить.

Вот кому мы должны подражать в своем поведении – Закхею и слепорожденному. Чудеса, подобные исцелению слепого, происходят и с нами, и мы не должны стыдиться их

исповедовать. Может быть, не всегда это должно выражаться в словах, но в поступках должно выражаться всегда.

Спаситель на Тайной вечери перед Своими страданиями сказал ученикам следующие слова: *Когда Я посылал вас без мешка и без сумы и без обуви, имели ли вы в чем недостаток? Они отвечали: ни в чем. Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч; ибо сказываю вам, что должно исполниться на Мне и сему написанному: и к злодеям причтен. Ибо то, что о Мне, приходит к концу*[356]. Это не значило, что нужно действительно купить мечи, как наивно поняли Его ученики. *Они сказали: Господи! вот, здесь два меча. Он сказал им: довольно*[357]. Спаситель сказал «довольно» не в том смысле, что двух мечей им хватит, а в том смысле, что «перестаньте об этом говорить, вы неправильно поняли». Мне кажется, слова Спасителя о мечах можно истолковать так: отныне всякий исповедающий Христа должен вести себя, с общепринятой точки зрения, совершенно бесстыдно, то есть не взирать на человеческое мнение. Потому что если Спаситель был распят как разбойник, то истинные Его последователи также часто будут восприниматься людьми, чуждыми Церкви, как какие-то разбойники. Вот это и значили слова: *Продай одежду свою и купи меч*, то есть: «Ты теперь вне закона. Как Я был сопричтен к злодеям и оказался как бы вне закона, так и всякий желающий идти по Моим стопам также должен вести себя смело и дерзко, думая только о том, чтобы исполнить Мою волю, а не о том, чтобы угодить людям».

Не подумайте, что я учу бесстыдству или дерзости в прямом смысле слова. Я говорю о том бесстыдстве, которое в нашем поведении видится людьми, чуждыми христианства. На самом деле христианство чрезвычайно целомудренно и смиренно, но наше смиренное, целомудренное, кроткое поведение многими людьми воспринимается как вызов, как величайшая дерзость, как необыкновенное бесстыдство.

Вот к какому нетщеславию, презрению человеческого мнения призывает нас Спаситель. Лишь бы мы только во всем следовали своей христианской совести. Мы должны быть всегда

готовы к порицанию со стороны людей, находящихся вне истины.

Нужно сказать здесь и о том примере, который показал нам Господь наш Иисус Христос. Никто из людей не имел большего смирения и большего нетщеславия, никто не вынес большего позора, чем Спаситель. Пророк Исаия сказал о Господе, что Он *был умален паче всех сынов человеческих*[358], то есть уничижен, опозорен больше всех людей, которые когда-либо жили на земле. И Он принял этот позор ради нашего спасения. Еще до Своих страданий Он показал нам образец смирения, умыв ноги ученикам. Мы воспринимаем Евангелие как нечто само собой разумеющееся, не умеем посмотреть на него свежим взглядом. А что произошло на самом деле? Представьте себе: Господь Иисус Христос был в глазах своих учеников великим учителем, пророком; они видели Его бесчисленные чудеса, которых не делал никто от сотворения мира. Наверное, они в то время уже думали, что это Мессия, Сын Божий. И вот Он снимает с Себя одежду и начинает мыть ноги Своим ученикам. Если посмотреть на это свежим взглядом, то действительно можно воскликнуть вместе с апостолом Петром: *Господи, не умоешь ног моих вовек!*[359]. Таким странным и невозможным показался апостолу этот поступок Господа, однако же Господь именно этим самоуничижением показал нам пример, как нам нужно смиряться друг перед другом и не бояться при этом выглядеть униженными и опозоренными.

И конечно же, самый поразительный пример смирения Спасителя – это предание Им Себя на унижения, оскорбления, оплевания и в конце концов распятие. Мы смотрим на крест несколько отстраненно, уже привыкли к этому изображению. Да мы и изображаем его определенным образом, украшаем, чтобы через действительное событие распятия Господня увидеть духовную его сущность. Но представим себе, что такое распятие на самом деле. Обнаженного человека на глазах злорадствующей толпы прибивают гвоздями ко кресту, потом крест поднимают, и этот человек на протяжении многих часов в муках и судорогах умирает. Большего унижения невозможно себе и представить даже для самого обыкновенного человека.

Но если мы вспомним, что распят был Сын Божий, Творец неба и земли, Промыслитель, то изумимся тому непостижимому смирению, которое Он проявил. Спаситель не побоялся никакого позора, как сказано в пророчествах, *не закрывал лица Своего от оплевания*[360]. Недаром святой Исаак Сирин называет смирение одеянием Божества. Действительно, эта непостижимая и, можно сказать, безграничная добродетель, достойна такого названия.

* * *

Какие слова из Евангелия можно вспоминать при тщеславии? Что в Евангелии является заповедями?

Разделение на заповеди условное. Все Евангелие является заповедью, само описание событий, скажем поведение Спасителя в той или иной ситуации, является образцом для нас и поэтому тоже является заповедью. А при тщеславии надо вспоминать шестую главу Евангелия от Матфея, потому что там говорится о том, что нужно тайно творить милостыню, молитву, пост и так далее.

Допустимо ли думать о том, что нами приобретены те или иные духовные плоды, ведь это опасно: можно впасть в прелесть?

Конечно, духовные плоды должны быть, их даже перечисляет апостол Павел в одном из своих посланий. *Плод же духовный есть радость, мир, долготерпение, кротость, милосердие, вера, воздержание*[361]. Во многих местах Священного Писания говорится о плодах духовных. Мы не можем их не чувствовать. Если нам сказано: *Возлюби ближнего твоего, как самого себя*[362]*,* то мы обязаны судить о себе: имеем мы эту любовь или нет, если имеем, то в какой степени. Человек должен уметь судить о себе трезво, – конечно, лучше с помощью опытного духовника. Может быть, допустимо в виде исключения советоваться и просто с опытным христианином. Бывает, что мирянин или монах, не посвященный в духовный сан, имеют духовный опыт. Но желательно, конечно, чтобы это был духовник. Читая святых отцов, советуясь с более опытными христианами, кем бы они ни были, мы таким образом определяем, в каком находимся состоянии.

Если мы больны и лечимся, то должны знать, выздоравливаем или еще нет: лечение только началось, или совсем никаких сдвигов нет, или мы приближаемся к здоровью? А если мы не будем этим интересоваться, то зачем тогда и лечимся? То же и в духовной жизни. Мы должны видеть изменения, происходящие в нашей душе. И надо понимать, что если изменения происходят в нашей душе, значит, это отражается и на нашей жизни. А не так, как бывает: нам самим кажется, что мы очень духовные, но все вокруг стараются нас избегать, потому что мы своей «духовностью» никому проходу не даем – всех заставляем быть духовными, так что они уже трясутся от страха, когда нас видят. Бывает такая «духовность», ложная ревность: чуть-чуть человек изменился в лучшую сторону и уже считает, что все обязаны измениться точно так же, как и он. Если кто-то изменился больше, чем он, это тоже плохо. «В этом, – думает человек, – гордость. А кто изменился меньше, чем я, тот нерадивый». Если другие люди изменяются либо быстрее, либо медленнее, либо, как нам кажется, совсем не меняются, то мы считаем, что это уже достаточный повод, чтобы вести себя с ними агрессивно. Конечно, это неправильно. Но я немного отвлекся.

Прелесть бывает не от того, что мы хотим почувствовать духовные плоды, а от гордости. Что такое духовный плод? Это ведь не то, что во время молитвы у меня лицо сияет, как у Моисея, когда он с Синая спускался, так что надо на лицо набрасывать платок. Плод духовный состоит в том, что человек становится, например, кротким. Плод духовный состоит в том, что в человеке есть смирение, покаяние – я не буду произносить высокие слова, а скажу очень простые, – снисхождение к людям, сочувствие. Когда у нас появляется скромное о себе мнение – это тоже плод духовный. Может быть умиление в молитве. Обо всем этом, повторю, нужно советоваться с духовником, желательно, конечно, опытным. Нужно и святоотеческую литературу читать, в особенности русских подвижников благочестия, поскольку они близки к нам по времени. Может быть, к ним обращаться полезно еще и потому, что они знают наш национальный характер и говорят о духовной

жизни так, что нам все понятно. В первую очередь нужно прочитать сочинения святителя Игнатия (Брянчанинова). Тогда мы сможем судить о себе правильно. А не стремиться ни к каким результатам – значит просто впасть в уныние под предлогом смирения.

Что такое «человек в прелести»? Какие признаки этого состояния, как вразумить такого человека и дать ему понять его состояние?

Это очень сложный вопрос: сложный не потому, что трудно объяснить, а потому что нужно много говорить об этом. Кратко можно сказать так: причина прелести – гордость, признаки прелести – крайняя самоуверенность, иногда даже до безумия, до сумасшествия в самом точном смысле слова. Суть прелести состоит в том, что человек принимает ложные духовные состояния за истинные, иногда сам их изобретая, а иногда следуя демонским внушениям. Прельщенные люди совершенно уверены в том, что они живут особенной жизнью, испытывают благодатные состояния. Они никогда не слушают ничьих наставлений. Вразумить такого человека очень трудно, почти невозможно. Для этого нужно много молиться и иметь великую мудрость и такт: это все равно что с больным человеком говорить. Я думаю, что среди нас людей, способных вразумить прельщенного, нет. Дай Бог, чтобы нас самих вразумлять не пришлось.

Как избежать прелести? Во-первых, делать все в духе смирения и покаяния. Об этом прекрасно пишет святитель Игнатий (Брянчанинов). Во-вторых, читать святоотеческие книги и иметь представление о том, что такое прелесть и в чем она выражается. Для начала я советовал бы прочитать по этому поводу сочинение святителя Игнатия «О молитве Иисусовой. Беседа старца с учеником». Хотя основной предмет статьи – Иисусова молитва, но там подробно говорится и о прелести. Поэтому, прочитав этот труд, вы получите некоторые основы знаний и о молитве Иисусовой, и о том, что такое ложное духовное состояние. Я отвечаю кратко, на самом деле на эту тему нужна особая беседа, а то и несколько бесед.

У меня очень много тщеславных помыслов, в душе я ощущаю гордость, от молитвы она не пропадает. Можно ли, кроме молитвы, прибегать еще к смиренным мыслям, помышлять, что всё от Бога, или надо только терпеть и молиться?

Мысли о том, что всё от Бога, иногда помогают. Мой духовник любил повторять: «Все Божие, и мы тоже». Но он имел право так говорить, я же, судя по себе, еще раз скажу, что, пока нет Иисусовой молитвы, все можно подделать, во всем притвориться. Поэтому с некоторой осторожностью, наверное, позволительно прибегать к смиренным мыслям, но необходимо бояться игры, мечтательности, воображения. Лучше понуждать себя к покаянию. А то, что у новоначального монаха или новоначального христианина появляются помыслы тщеславия, неудивительно. У кого их нет? Нужно молиться, каяться в них, поддался помыслу – кайся, поддался – кайся.

Кроме того, стремление к таким смиренным мыслям иногда может быть и просто от гордости. «Всё от Бога». Конечно, всё от Бога, но что особенного у тебя есть, чтобы ты так говорил? Ты как будто признаешь, что ты уже нечто приобрел, и «смиряешь» себя. Другой со стороны на тебя посмотрит и скажет: «А что у тебя от Бога-то? От диавола я много чего в тебе вижу, а вот от Бога у тебя ничего нет». Приписывать все Богу должен тот, у кого действительно есть какие-то дарования: непрестанная молитва, бесстрастие, явные, великие добродетели. А если человек только начал свою духовную жизнь и весь опутан страстями, то о чем и говорить? Что у него от Бога? Очки красивые или пуховый платок? Больше-то и сказать не о чем. Но если человек гордится очками, то это лишь позволяет сделать вывод о его духовной скудости, при которой он способен превозноситься такими ничтожными вещами.

«Не судите, да не судимы будете…»

Чем отличаются рассуждение и осуждение. – Человека, который никого не осуждает, хранит благодать Божия. – Не зная себя, мы не можем правильно судить о ближнем. – *Какою мерою мерите, такою же отмерится и вам*. – Евангельские примеры неосуждения и милосердия Господа. – Неосуждение спасло благоразумного разбойника. – Хранение ума и Иисусова молитва как главное средство в брани с любыми страстями. – Как быть снисходительным к чужим немощам? – О пользе разумного самоукорения.

Сегодня мы поговорим об очень распространенной и душевредной страсти, с которой мы боремся по большей части безуспешно. Я имею в виду страсть осуждения. О ней довольно много говорится в Священном Писании.

Наверное, уместнее всего начать с того, чему учит относительно этой страсти Спаситель в Нагорной проповеди: *Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить*[363]. Прежде всего нужно оговориться, что речь здесь идет не о том, что нам вообще не следует рассуждать, потому что в таком случае людям и жить оказалось бы невозможно: нельзя же, чтобы люди, занимающие должности начальников, ничего не требовали от своих подчиненных, чтобы родители ничему не учили детей, не наказывали их за нарушение своих запретов и за пренебрежение родительскими советами. Поэтому Спаситель в Нагорной проповеди говорит не собственно о рассуждении, без которого невозможно жить человеку, а именно о страсти осуждения – о восх*и*щении человеком у Бога Его суда.

Правда, Иов Многострадальный утверждает, что *суждение и осуждение – близки*[364]. Действительно, нам бывает очень трудно трезво рассудить о каких-нибудь необходимых, даже просто житейских предметах: скажем, как нам вести себя с тем или иным человеком, не поддаваясь при этом страсти осуждения. Но, несмотря на это, Спаситель, порицая осуждение, не отрицает необходимости суда. Мы к этому еще вернемся и

поговорим на эту тему более подробно. В Нагорной проповеди Спаситель говорит о нравственном осуждении, то есть о порицании нами человека за безнравственное, греховное поведение, за поступки, противоречащие закону совести и прежде всего тем заповедям, которые Господь передал нам через Моисея и которые Сам дал нам во время Своей жизни на земле.

Не судите, да не судимы будете. Что это значит? Это значит, что мы не только не должны выражать кому-либо нравственное порицание, но и внутренне не имеем права выносить человеку приговор. Для того чтобы разделить эти два понятия – необходимое рассуждение и суд, – нужно помнить, что по крайней мере в тех случаях, когда дело не имеет отношения к нашим жизненным обстоятельствам и не касается непосредственно нас, мы не имеем права брать на себя роль судьи. И только тогда я имею право прийти к определенному мнению о человеке: за что-нибудь его порицать, а в чем-нибудь, может быть, оправдывать, когда это непосредственно касается того обстоятельства, при котором мы с этим человеком соприкасаемся. Если же мы позволяем себе судить о ком-либо сверх этого, то мы присваиваем себе суд Божий.

Люди, которые приучают себя к этой добродетели – не судить, сохраняют в себе благодать. Слова: *Не судите, да не судимы будете* – касаются не только будущей жизни, но и настоящей. Если мы воздерживаемся от суда над другими людьми, допустим не говорим о том или ином человеке, что он обманщик, или вор, или блудник, то Господь снисходительно относится и к нашим немощам и грехам. Один человек после малейшего греховного движения чувствует в душе пустоту, а другой, хотя и грешит, не лишается благодати Божией: Господь оказывает снисхождение к человеку, который никого не осуждает, и благодать Божия не оставляет его, даже когда он спотыкается. *Ибо каким судом судите, таким будете судимы*: с такой же строгостью, с какой мы относимся к ближним, нравственный закон спрашивается и с нас. Все это происходит невидимо, мы чувствуем в своей душе только результат – оставление или присутствие благодати.

И какою мерою мерите, такою и вам будут мерить. С какой строгостью и какие критерии оценки мы будем применять к людям, такие же критерии оценки и с той же строгостью будут применяться и к нам, причем это будут делать не окружающие нас люди – невидимый суд Божий будет совершаться над нами в каждое мгновение нашей жизни.

И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: «дай я выну сучок из глаза твоего», а вот, в твоем глазе бревно?[365]. Что значат слова *сучок в глазе брата твоего*? Когда мы смотрим на какую-нибудь вещь издалека, то она кажется нам незначительной по размеру. Так устроено человеческое зрение. Когда же мы рассматриваем эту вещь вблизи, то мы видим ее действительную величину и вещь уже кажется нам большой. Размеры самого огромного предмета словно уменьшаются в перспективе. Поэтому если мы не видим собственной страсти, находящейся вблизи, внутри нас, наподобие бревна в глазу, то как мы можем разглядеть вдалеке что-то небольшое, подобное сучку? Если мы не видим собственной огромной страсти, которая нас мучает и истязает и которая, может быть, очевидна для всех, то как мы можем рассмотреть, грешен ли другой человек в том или ином отношении?

Мы даже и возможности не имеем правильно судить о другом. Потому что человек, ослепленный страстями – а тот, кто имеет в своем глазу бревно, безусловно, слеп, – не может правильно видеть внутреннее состояние другого человека. Он воспринимает все превратно. Может быть, в ком-то действует страсть гнева, а ослепленный человек считает, что так проявляется тщеславие. Может быть, в ком-нибудь действует сребролюбие, а человек с бревном в глазу объясняет это совсем иным образом. Мы не можем понять другого человека, если сами себя не понимаем. Если мы не умеем судить о своем внутреннем состоянии и не можем видеть страстей, действующих в нас могущественно и так явно, как явным было бы для нас бревно в собственном глазу, то, безусловно, думать,

что мы можем что-либо рассмотреть в душе другого человека, – иллюзия.

Когда мы на основании собственного рассуждения приходим к какому-либо мнению о человеке, а тем паче делимся этим мнением с окружающими, пытаясь внушить им его, то это показывает нашу необыкновенную самоуверенность. *Как скажешь брату твоему: «дай я выну сучок из глаза твоего», а вот в твоем глазе бревно?* Как мы можем помочь другому человеку обнаружить его небольшую страсть или грех, если мы не можем исцелить себя от очевидного, как огромное бревно, греха, не можем вынуть это бревно из своего глаза, то есть грех из своей души! *Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего*[366]. Только тогда мы сможем помочь другому человеку, – конечно, если мы искренне хотели ему помочь и судили о нем именно с этой целью, – когда мы прежде сами изымем бревно из своего глаза. Только после того, как мы исцелимся от собственной могущественной страсти, коренившейся в душе, мы сможем понять, как можно помочь ближнему. Иначе все, что мы сделаем для него, будет лицемерием, потому что будет делаться, вероятно, просто ради славы или другой какой-нибудь корысти.

В Евангелии от Луки также приводятся эти слова Спасителя, но с бо́льшими подробностями: *Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете; давайте, и дастся вам*[367]. Если в Евангелии от Матфея говорится просто: *Не судите, да не судимы будете*, то в Евангелии от Луки эта мысль развита.

Сказано: *Не судите*, то есть вовсе не берите на себя обязанности или не оказывайтесь перед необходимостью судить о человеке, выносить ему приговор. Однако бывают такие ситуации в обыденной или духовной жизни, когда кто-либо вынужден взять на себя роль судьи, допустим духовник над своими духовными чадами или родители над своими детьми. Можно много и других примеров привести. Но если уж мы вынуждены судить о ком-нибудь, то, по крайней мере, должны стараться не осудить его: *Не осуждайте, и не будете*

осуждены. Повторю, если мы и судим о человеке, то не должны выносить ему осуждающего приговора, потому что совершаем этот суд по необходимости, ради его пользы или, может быть, даже своей – разные обстоятельства бывают в нашей жизни.

Не осуждайте, и не будете осуждены. Однако бывает и такая ситуация, когда мы не можем не осудить человека: грех столь очевиден, что нельзя за него не порицать, так как, не порицая человека, мы поступили бы лицемерно и взяли бы на себя такую же ответственность, как если бы покрывали его. Итак, мы бываем вынуждены иногда и осудить, но в таком случае мы должны простить. Я не даю вам рекомендацию осуждать, а потом прощать и не говорю о том, что нужно к этому стремиться, а просто описываю положение вещей, при котором невозможно избежать осуждения.

Но бывает, к сожалению, и так, что уже и простить невозможно, не потому, что кто-нибудь лично этого греха не может простить, а потому что есть грехи непрощаемые. Например, кто из православных христиан может простить грехи ереси или кощунства? В случае, когда человека невозможно даже простить, нужно по крайней мере проявить к нему милосердие. Нужно этому справедливо осужденному и недостойному прощения человеку сделать какое-нибудь добро по заповеди евангельской: *Давайте, и дастся вам*. Взамен, в соответствии с тем или иным положением вещей, мы получаем благодать Божью: *Мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплют вам в лоно ваше*[368].

Легче всего просто никого не судить: отвлечь свой ум от того или иного греха человеческого, от того или иного обстоятельства и стараться вовсе об этом никакого мнения не иметь. В таком случае нам дадут *меру добрую*. А что значит *мера добрая*? Раньше отсыпали зерно определенными мерами. *Мера добрая* – это, естественно, большая мера. То есть за то, что мы никого не судим, мы получаем обильное благодатное воздаяние.

Если же мы не будем осуждать тогда, когда не судить о человеке окажется невозможно, тогда нам дадут эту *добрую*

меру еще и утрясенною. «Зерно» перетрясут так, что оно уляжется и его еще больше войдет в мерное вместилище.

Когда же мы, может быть, вынуждены будем осудить человека, потому что невозможно не осудить его за какой-либо проступок, но простим его, тогда нам воздастся мерой еще и нагнетенной, то есть не только утрясенной, но еще и хорошо «утрамбованной», для того чтобы в нее можно было еще больше «насыпать зерна».

Если же все-таки и простить будет невозможно, а мы человеку, недостойному даже прощения, окажем милосердие, тогда наша мера благодати будет еще и переполненной, то есть она опять возрастет.

Отсыплют вам в лоно ваше, то есть мы получим в душе своей благодатное воздаяние, которое по обилию будет зависеть от того, с какой ревностью, с каким усердием и при каких затруднительных, можно сказать соблазнительных, обстоятельствах мы проявим это неосуждение. *Ибо, какою мерою мерите, такою же отмерится и вам*. Иными словами, какое усердие мы проявим в исполнении этой заповеди, такую благодать и получим.

В то же время мы, скажу еще раз, не должны забывать о том, что все же суд необходим: невозможно полностью уклониться от него и не иметь никакого мнения о том или ином человеке. Вот, скажем, в Евангелии, в той же Нагорной проповеди, Спаситель говорит о гневающихся людях: *А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду. Кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной*[369]. Тут ясно говорится о суде, которому подвергается человек, не борющийся со страстью гнева. То есть гневающийся человек подлежит суду, *кто же скажет брату своему: «рака»,* уже *подлежит синедриону* – отлучению от Церкви того времени: он подлежит суду высшего, верховного судилища, каковым являлся синедрион, решавший такие вопросы, как отлучение того или иного верующего человека от общества израильского, от ветхозаветной Церкви.

Итак, Господь не порицает суда вообще, а порицает страсть осуждения. Есть еще один, может быть, даже более убедительный пример того, что судить в определенном смысле все же необходимо. *Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи Церкви, а если и Церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь. Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, тó будет связано на небе; и что разрешите на земле, тó будет разрешено на небе*[370]. Совершенно очевидно, что речь здесь идет о суде. Мы стараемся сделать всё, для того чтобы привлечь к покаянию *брата своего*, и при этом движет нами не что иное, как только любовь к ближнему. В то же самое время если ближний не подчиняется нашему доброму влиянию на него, то мы *связываем* – осуждаем – его до такой степени, что он отлучается от Церкви не только на земле, но и на небе. Это суд страшный, суд духовный. Правом такого суда обладают священнослужители Православной Церкви, и в особенности епископы. Нельзя заповедь Спасителя: *Не судите, да не судимы будете* – понимать буквально и воспринимать как всеобъемлющую, потому что тогда священнослужители не могли бы совершать суд над членами Церкви: не могли бы ни призывать их к покаянию, ни налагать на них какую-либо епитимью, ни отлучать их от Церкви за нераскаянность, в том числе еретиков. Да и определить, виноват ли человек в действительности или нет, совершил ли он грех или нет, мы также не могли бы.

Спаситель, обличая фарисеев, сказал им следующие слова: *Но горе вам фарисеям, что даете десятину с мяты, руты и всяких овощей, и нерадите о суде и любви Божией: сие надлежало делать, и того не оставлять*[371]. Что это значит? Фарисеи исполняли мельчайшие предписания закона, то есть отдавали десятину из урожая даже незначительных растений: мяты, руты, овощей, – и исполнением закона в таких мелочах

хотели угодить Богу, несмотря на то что нерадели, как здесь говорится, о суде и о любви Божией. Под судом здесь понимается рассуждение – правильный, здравый суд о Божественных вещах.

Если я не имею никакого мнения о поведении того или иного человека, то почему бы мне тогда не увлечься тем, что он делает? Я не имею права не понимать, что, например, блуд – это грех, что сребролюбие – это зло. Если я не буду отличать целомудрие от блуда, милосердие от сребролюбия, то не смогу совершать добродетели, поскольку могу увлечься общением со сластолюбивыми и сребролюбивыми людьми и заразиться их страстями. Значит, прежде я должен осудить их поведение как зло, а потом уже избегать этого зла. Здесь под словами *суд и любовь Божия*, имеется в виду именно такой суд. Суд Божий – это здравый взгляд, с позиций закона Божия, на нравственную и вообще на духовную жизнь.

Самым ярким евангельским примером неосуждения является милосердие Спасителя, которое Он проявил к блуднице, приведенной к Нему фарисеями с целью искусить Его. *Иисус же пошел на гору Елеонскую. А утром опять пришел в храм, и весь народ шел к Нему. Он сел и учил их. Тут книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставивши ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедовал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень. И опять, наклонившись низко, писал на земле. Они же, услышавши то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди. Иисус, восклонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя? Она отвечала: никто, Господи. Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь*

не греши[372]. Вот самый поразительный пример неосуждения, которое проявил Господь наш Иисус Христос во время Своей земной жизни, хотя в Евангелии есть и другие примеры, подобные этому.

Обращаясь к этому событию, нужно извлечь урок прежде всего из того, что даже закоренелые лицемеры, которые пришли с целью искусить (найти какой-нибудь предлог к осуждению) Спасителя, а не с целью, получив ответ на свой вопрос, научиться нравственно жить и ко всему правильно относиться, – даже они имели совесть и, обличаемые ею, после слов Спасителя стали уходить один за другим.

Относительно этого евангельского эпизода можно сделать разные предположения. Например, такое: когда Господь писал на земле перстом, то это был не простой рисунок, какой набрасывают в задумчивости некоторые люди, хотя и такое могло быть. Спаситель писал те самые заповеди закона Господня, которые перстом Божиим были высечены на скрижалях и даны Моисею. Этим Иисус Христос показывал, что Он Тот же Законодатель, Который еще Моисею преподал те нравственные истины, те самые заповеди, которые, как мнилось этим фарисеям-лицемерам, они исполняют. Когда Он писал эти заповеди, фарисеи, читая их, видели, какие из них нарушают, – если и не заповедь, запрещающую прелюбодействовать, то какие-то другие, – и совесть их обличила.

Есть еще одно предположение: Господь Иисус Христос письменно перечислял грехи этих людей и показывал тем самым, что Он знает всю их жизнь, – и они, узнавая свои грехи, от стыда уходили. Но, может быть, действительно, было и так: Спаситель просто в задумчивости рисовал на земле, подобно некоторым людям, поглощенным своими мыслями: они набрасывают неопределенные линии, выражающие их настроение. Однако невидимым действием Божиим совесть в фарисеях была разбужена.

Они уходили по одному, потому что не могли выдержать обличения. Если же такие заведомые лицемеры, враги Божии, устыдились, то тем паче мы, христиане, должны с осторожностью и снисходительностью взирать на грехи своих

ближних. Потому что мы, осуждая человека за что-нибудь, сами можем быть виноваты хотя и не в том же грехе, но в другом.

Для всех стало нормой такое противоестественное, но очень распространенное явление: если мы какого-нибудь греха не имеем, то именно за него строго осуждаем других. Например, человек трудолюбивый, но жадный, не видя своей жадности, будет осуждать человека ленивого. Хотя на самом деле сам он трудится только ради собственного блага, ни с кем не желая делиться. Другой человек, скажем развратный, но добрый и снисходительный к окружающим, осуждает людей целомудренных, но, может быть, жестких и несколько равнодушных к ближним. Потому что этот человек не замечает своего разврата, считая его чем-то маловажным, просто пустяком. То же самое происходило и с фарисеями: они грех этой женщины видели, полагая, что он совершенно очевидный и страшный, а свои грехи считали ничтожными.

Поэтому необходимо извлечь из этого евангельского эпизода такой урок: мы не должны осуждать людей, понимая, что к себе мы относимся снисходительно и прощаем себе самые страшные грехи, а с ближних строго взыскиваем за их прегрешения. Иногда случается, что мы, как говорит преподобный авва Дорофей, едва-едва отстав от какого-нибудь греха, вскоре начинаем осуждать за него других. Нужно в этом случае вспомнить слова апостола Иакова о том, что нарушитель одной заповеди Господней является нарушителем всего закона Божия, *ибо Тот же, Кто сказал: не прелюбодействуй, сказал и: не убей*[373].

Поэтому нужно, действительно, стараться увидеть сначала бревно в своем глазу, а потом уже сучок в глазу брата. Допустим, мною владеет страсть сребролюбия, но я ее не вижу – это бревно в моем глазу, а для людей, которые меня окружают, она очевидна. Они видят мою скупость: видят, как долго я раздумываю, прежде чем потратить деньги на что-нибудь, я же этого не вижу, потому что оправдываю себя. Мне кажется, что это не скупость, а просто здравый смысл, что иначе и невозможно, я просто бережливый. Зато сучок в глазу брата своего я вижу. Мне кажется, что, например, этот человек –

пьяница, он деньги просаживает и не жалеет их никогда и ни на что. Он сам виноват в том, что ничего не накопил и не живет благополучно, поэтому я никогда ему ни в чем не помогу.

Примеры того, как мы слепы в отношении себя и как зрячи в отношении ближних, как чрезвычайно остр, по нашему мнению, наш взгляд на них, можно было бы приводить бесконечно. На самом деле может случиться так, что мы как раз ничего в людях и не разглядим. Мы не увидим действительного греха человека и, естественно, сделаем неправильный вывод. Если же захотим дать ему совет, то, пожалуй, и вред причиним. Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что мы таким образом пытаемся вынуть сучок из глаза брата своего при помощи бревна.

Можно вспомнить еще одно действительное евангельское событие и привести пример того, какую пользу приносит неосуждение и какой страшный вред и гибель влечет за собой грех осуждения. Когда Господь наш Иисус Христос был распят, справа и слева от Него, как вы знаете, были казнимы два преступника. Мы традиционно называем одного из них «благоразумным разбойником», а другого – «безумным». В чем же состояло благоразумие одного из разбойников?

Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же, напротив, унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? и мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю[374]. Вот какую великую пользу, спасение, принесло этому разбойнику неосуждение. Что видел перед собою этот разбойник? Он видел Человека, Которого казнят и Который умирает на кресте так же, как и он сам. Разбойник, с точки зрения здравого смысла, не имел никаких оснований, никакой возможности сделать вывод о необыкновенном предназначении распинаемого Человека, тем более о Его Божественности. Даже ученики Спасителя в это время поколебались и потеряли веру в Спасителя: один из них отрекся, другие бежали и только немногие из Его ближайших

учеников, в основном женщины и юноша, апостол Иоанн Богослов, стояли возле креста. Но мы не знаем того, что происходило в их душах. Скорее всего, они все, за исключением Божией Матери, перестали во время казни верить в Господа Иисуса Христа – и тьма воцарилась в их душах. Потому что в то время невозможно было человеку понять такое: Сын Божий позволяет Себя распять, Мессия умирает, – ведь тогда приходит конец всему. Мы видим это по последующему поведению жен-мироносиц, которые пришли ко гробу в полной уверенности, что сейчас они смогут помазать тело Иисуса Христа, – значит, они не понимали, что за смертью Спасителя должно последовать Его воскресение.

Однако именно в это время разбойник обретает веру и говорит: *Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!* Как он мог все понять? Человек возле него умирает в муках на кресте, пригвожденный, обнаженный, опозоренный, а он говорит Ему такие слова. Такое восприятие превосходит здравый смысл, оно выше простого человеческого отношения. Здесь, конечно, на разбойника воздействовала обильная благодать Божия, давшая ему духовный взгляд на события. И получил он такую благодать прежде всего за то, что отказался от осуждения. Если безумный разбойник вместе с прочими врагами Христа злословил Его: *Если Ты Христос, спаси Себя и нас*, то есть требовал от Него, конечно без всякой веры, доказательств Его избранничества через чудо спасения, то благоразумный разбойник унимал безумного.

Представьте себе этот спор: три человека висят на крестах и один из них спорит с другим. Первый злословит Господа, а второй говорит ему: «Зачем ты говоришь так? *или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же?»* И мы должны быть осуждены за те же грехи, которые видим в ближних, но, тем не менее, злословим об этих людях, желаем им зла, радуемся их несчастью, одобряем происходящее с ними и так далее, то есть чаще всего поступаем так же, как безумный разбойник.

А благоразумный разбойник, обратите внимание, сначала не захотел осудить Господа Иисуса Христа, а затем признал, что

сам он осужден справедливо: *И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал.* Почему разбойник пришел к выводу, что Господь Иисус Христос *ничего худого не сделал*? Может быть, просто потому, что никто толком не знал, за что распяли Спасителя. Его приговорили к казни якобы за то, что Он выдавал Себя за царя Иудейского, хотя Он этого не делал. Это – с одной стороны, а с другой – Он действительно является истинным Царем Израильским. Разбойник понимал, что это не причина для того, чтобы казнить человека. Такое простое и здравое рассуждение привело его к оправданию Господа Иисуса Христа.

И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал, то есть мы разбойники, убийцы, грабители и потому достойны такой казни. Он не говорил: «Спаси Себя и нас». Он признал: «Я достоин смертной казни, потому что заслужил ее, а Господь ничего достойного казни не сделал». И в то же мгновение, за неосуждение Спасителя и за осуждение самого себя, благодать сошла в его сердце – и он сказал необыкновенные слова: *Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!* Ясно, почему в нем родилась вера в тот момент, когда все ее потеряли.

Он первым из всех людей, живших на земле, услышал такие утешительные слова: *Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю*. Вот что значит неосуждение и вот какая великая польза от него! Если мы будем воздерживаться от осуждения близких, то и мы почувствуем некоторую благодать в своей душе. Однако, осуждая людей, мы оправдываемся так: «Но это же был Господь, Он ни в чем не виновен, Он действительно свят, легко было Его не осуждать. А как нам не осуждать людей, которые со всей очевидностью, перед нашими глазами совершают те или иные грехи?» Возражением на это являются слова Спасителя о том, что, делая добро ближним, мы делаем это добро Ему.

Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте

Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня, был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне[375]. Итак, вы видите, что, по словам Спасителя – а мы обязаны верить этим словам, – делающий добро нуждающемуся человеку делает его Самому Господу Иисусу Христу. Таким образом, можно сказать, что и человек, не осуждающий ближнего, не осуждает в нем Господа Иисуса Христа.

Преподобный Силуан Афонский говорит: для того чтобы не осуждать ближних и по-доброму к ним относиться, нужно помнить, что в каждом из них живет благодать Христова. Разве это не то же самое, о чем мы с вами сейчас говорим? Только старец Силуан утверждал это не в результате отвлеченного рассуждения, а исходя непосредственно из своего духовного опыта.

Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня. Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе? Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне. И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную[376].

Конечно, в этой притче вопросы к Господу, заданные праведниками, а потом и грешниками: *Когда мы видели Тебя больным?* – приведены прежде всего для того, чтобы

разъяснить нам, каким должно быть наше отношение к людям. Но, рассуждая об этих вопросах, мы можем сказать еще и следующее: если праведники только по смирению не могли понять, когда они делали добро Господу Иисусу Христу, то грешники действительно не делали добра именно из-за осуждения. Как можно делать добро человеку, которого ты считаешь ничтожным и негодным? Таким образом, осуждение препятствует человеку проявлять милосердие к людям: осудив человека, признав его нравственным преступником, мы освобождаем себя от обязанности помогать ему. Зачем помогать тому, кто виноват? Он согрешил – он и должен отвечать за свои грехи. Так мы освобождаем себя от обязанности любить ближнего. Если бы мы отвергли осуждение, тогда бы отнеслись к грешнику воистину так, как будто в нем со своей нуждой пришел к нам Сам Господь Иисус Христос.

Таким образом, к словам о том, что мы приняли в свой дом Господа, когда Он был странником, и одели Его, когда Он был наг, можно добавить слова о том, что мы еще и не осудили Господа, когда Он нуждался в нас. Потому что если человек находится в темнице, а мы пришли к нему, то наш поступок именно это и означает. Ведь люди находятся в темнице не всегда невинно. Часто люди там сидят за страшные преступления. И, проявляя милость к заключенным, мы показываем таким образом, что мы их не осуждаем, не считаем их достойными тех скорбей, которые справедливо выпали на их долю. Поэтому весьма уместно, хотя это странно звучит, как бы добавить неосуждение к притче Спасителя о Страшном суде, например, в таких словах: «Ибо Я нуждался в вашем сочувствии, и вы не осудили Меня».

Через неосуждение ближнего мы действительно получаем свободу в духовной жизни, потому что, осуждая кого-либо, мы постоянно лишаем себя благодати. Так случается, что большинство из нас сталкивается в течение дня с немногими людьми: это члены нашей семьи, несколько сотрудников на работе, возможно, случайные прохожие – всего, может быть, человек десять-двадцать. Но есть множество людей, с которыми мы совершенно не общаемся, однако вырабатываем к

ним какое-то отношение, приходим к какому-то определенному мнению о них. В этом также присутствует осуждение.

Иногда мы осуждаем целые группы людей, города, народы, хотя никакого непосредственного отношения к ним не имеем и с ними не соприкасаемся. Да и те люди, с которыми мы в течение дня столкнулись всего, может быть, минут на десять: скажем, когда ехали в автобусе и кто-то из них что-то не то нам сказал или нечаянно нас толкнул, – иногда заставляют нас переживать в течение целого дня или даже нескольких дней. Из этого видно, что мы связаны невидимыми духовными нитями со многими тысячами, а иногда и с миллионами людей. Не только пустынники, живущие в отдалении от всякого человека, но и вообще любой человек, как будто бы в суете живущий, обязан охранять свою душу от неправильного отношения ко всему человечеству.

Замечательно говорит об этом преподобный Нил Сорский: когда мы живем возле людей, тогда обязаны проявлять к ним любовь словом и делом, когда же мы находимся в отдалении от них, тогда обязаны иметь к ним доброе расположение. К нам это можно применить так: мы должны к тем людям, с которыми сталкиваемся постоянно, относиться если не с любовью, то по крайней мере без осуждения, и показывать им, что мы ничего против них не имеем: у нас не выработалось к ним никакой неприязни. А к тем людям, с которыми мы непосредственно не общаемся, так сказать к дальним, мы должны иметь расположение, стремиться в отношении них к всепрощению. Мы таким образом сможем исполнить заповедь о неосуждении.

Я, безусловно, говорил в прежних беседах о том, что в брани с любыми страстями нужно всегда применять главное средство (как говорится, семь бед – один ответ) – это хранение ума и Иисусова молитва. Так же и в борьбе со страстью осуждения мы должны тщательно охранять свой ум от соприкосновения с чужими недостатками. Мы должны его отвращать от, казалось бы, совершенно очевидных вещей.

В чем состоит сила соблазна? В том, что зло в человеке всегда действует под видом добра. Как змей впервые прельстил наших прародителей обманом – само слово «прельстил» в

переводе на русский язык означает «обманул», – так и по сей день диавол вовлекает человека в грех через обман, то есть придает греху вид добра. Если диавол и демоны согрешили преднамеренно, восстали против Бога сознательно, то человек согрешил, поверив обману. Хотя и существуют люди, которые вполне уподобились демонам, но, я думаю, даже они стараются оправдать свое зло и выдать его за добро.

Итак, соблазн всегда действует под видом справедливости. Например, когда человек поддается страсти гнева, у него возникают такие мысли: «Как же мне не прогневаться, когда этот человек совершает такое очевидное безобразие! Как можно после этого сохранить спокойствие? О какой кротости в этом случае может идти речь? Она здесь совершенно неуместна». А сребролюбивый человек всегда находит оправдание своему сребролюбию – он же печется о своей старости, заботится о своих детях или внуках, беспокоится о своем здоровье и так далее. Он всегда найдет оправдание тому, что он, никому не помогая, копит деньги: это якобы справедливо и иначе поступить невозможно.

Когда мы видим в человеке какой-то очевидный порок, очевидный грех, мы должны усиленно с собой бороться – отвращать умственный взор от его будто бы совершенно очевидного поступка, дела или образа жизни: глазами видеть, а умом не видеть; ушами слышать, а умом не внимать. Это кажется странным, но это можно сделать. Если мы при нашествии помыслов будем молиться, отсекая всякую мысль и рассуждение, то «очевидное» станет для нас неочевидным, а соблазнительное перестанет иметь вид справедливого и достоверного.

Конечно, некоторые высокопреуспевшие подвижники могут пользоваться и другим способом, но я говорю о нем только для предостережения, а не потому, что ожидаю встретить здесь преуспевших подвижников. Когда человек имеет в себе обильную благодать, когда в нем могущественно действует непрестанная молитва, он может принять греховный помысел, конечно же не поддавшись соблазну греховности. Он будет содержать помысел в своем уме – и благодать Божия своим

действием уничтожит соблазнительность и греховность помысла, так сказать, сотрет острие греха. А этот человек еще более укрепится в бесстрастии и чистоте – либо в отношении одной из страстей, либо в отношении всех.

В нас же мало благодати, и, если мы примем такой помысел и будем молиться против него, действие благодати будет слабым. А страсть чрезвычайно могущественна, поэтому страсть «победит» в нас благодать. Произойдет это не потому, что благодать немощна, а потому, что мы слабо прилежим молитве, мало имеем опыта и малодуховны. Страсть побеждает в нас благодать, побеждает молитву – и внимание ослабевает, молитва превращается в формальное произнесение слов или вовсе оставляется нами. Мы полностью увлекаемся соблазном, действием греховного помысла. Надо это запомнить: мы, как немощные, не можем содержать в уме одновременно и помысел и молитву. Если мы позволим себе внимательно рассматривать какой-нибудь помысел, то мы не его истребим действием благодати, а, наоборот, истребим в себе молитву.

Поэтому для нас практически единственным средством является отсечение помысла, в какой бы стадии развития он ни находился: простой ли это прилог, то есть воспоминание слов или какого-нибудь образа без какого-либо к ним отношения, или, может быть, мы уже в большей или в меньшей степени увлеклись этим помыслом. Повторю, в каком бы состоянии мы ни опомнились, нам нужно этот помысел отбросить так же, как мы переключаем свое внимание с одного предмета на другой. Приведу пример для тех, кто не имеет такого опыта.

Допустим, кто-то готовится к поездке. Если этот человек, скажем, едет отдыхать, ему нужно хорошо подумать о том, какие вещи взять с собой, где купить билет, где остановиться по прибытии, сколько ему понадобится на поездку средств, – то есть рассчитать все, что связано с отдыхом. Одновременно его одолевают какие-нибудь, может быть домашние, заботы, или музыка играет, отвлекая его от того, чтобы заниматься серьезными вещами, – и у него создается какое-то легкомысленное, веселое настроение. Однако он знает, что ему необходимо все спланировать, отбрасывает постороннее,

усилием ума погружается в тот предмет, который ему нужен в данный момент, – и все-таки продолжает свои расчеты. И сколько бы раз его мысль ни отвлекалась от них, он понимает, что если ему, например, завтра или послезавтра предстоит ехать, то расчеты сделать необходимо, и он вновь и вновь заставляет себя думать только об этом. Конечно, так поступает человек хотя бы в малой степени ответственный.

Значит, у человеческого ума есть способность собой распоряжаться, направляться, наподобие взора, в ту или иную сторону. В житейских вопросах мы этой способностью пользуемся, а в духовном отношении ведем себя легкомысленно, совершенно ни к чему и никак себя не понуждая. Если бы мы осознали, что в духовной жизни эту способность необходимо применять в первую очередь, то понудили бы себя отвратить ум от осуждения, которого якобы нельзя избежать из-за очевидности греха ближнего, и обратили бы наш умственный взор на молитву, то есть направили бы его на нужный предмет. А Иисусова молитва, поскольку является покаянной, конечно же, смиряет человека, постоянно напоминая ему о его греховности. Человек же, ощущающий свою греховность, так же, как и разбойник на кресте, никого, конечно, не судит, потому что считает себя самого достойным всякого осуждения и не смеет судить другого человека.

В этом смысле борьба с осуждением похожа на борьбу с другими страстями, будь это гнев или блудная страсть – какая угодно. Между прочим, святитель Игнатий, перечисляя страсти со всеми их ответвлениями, относит осуждение к страсти гнева. Еще раз хочу напомнить, что деление на восемь главных страстей является условным и только вспомогательным, оно сделано для того, чтобы было удобнее бороться с ними. На самом деле страстей, наверное, бесчисленное множество, и в каждом человеке они приобретают свои оттенки. Вместе с тем есть между ними и нечто общее. Поэтому мы можем пользоваться этой классификацией для удобства, можем и отступать от нее. Сейчас, говоря об осуждении отдельно, мы тоже не погрешаем, потому что это не принципиально.

Принципиальной является конечная цель – внутренняя чистота, а не какая-то научная или богословская система.

Еще раз подчеркну смысл наших бесед. Я не пытаюсь открыть нечто новое, можно было бы прекрасно обойтись и без меня, если читать святых отцов. Я надеюсь на то, что ничего нового не говорю: я стараюсь именно не произнести ничего нового, сказав все то, что совпадает со святоотеческим учением. Поэтому моя цель самая скромная – показать, что Евангелие и святоотеческое учение являются двумя связанными между собой системами и что Евангелие преподано в учении святых отцов с практической стороны – как на деле исполнить ту или иную заповедь. Вот я и пытаюсь толковать Евангелие, показывая его практическое понимание и применение в свете святоотеческой аскетики.

* * *

Как научиться не оценивать других людей?

Стараться по возможности не допускать свой ум рассматривать поступки других людей. Стараться вообще об этом не думать. Как это может быть? Представьте, что человек о чем-то задумался. Рядом с ним кто-то говорит, или ему самому кто-то что-то говорит, а у него стеклянный взгляд, он ничего не слышит. Если человек на чем-то сосредоточен, то он даже не ощущает того, что вокруг него происходит. И если мы будем внимательно молиться, то не будем обращать внимания на то, что отвлекает наш ум к рассуждению о других людях, к оценке, осуждению. Вот в чем суть. Все зависит от нас самих – дело не в том, что перед нашими глазами что-то происходит, а в том, как мы к этому относимся.

Вот средство, которое помогает не осуждать, оно для новоначальных. Люди совершенные могут всё рассматривать, обо всем рассуждать и при этом не поддаться греху. Но мы такого едва ли достигнем, поэтому лучше при помощи молитвы стараться как бы видеть и не видеть. Глазами видеть, а умом не видеть, ушами слышать, а умом не слышать.

Как быть снисходительным к чужим немощам, с чего начать?

Когда человек пытается изо всех сил неотступно понуждать себя к исполнению Евангелия, он начинает видеть свою нравственную немощь, несостоятельность. Тогда он бывает снисходителен к своему ближнему – и только тогда! Если я вижу, что не могу справиться с собой, допустим постоянно поддаюсь блудным помыслам, то я не смогу осудить и блудника, который согрешает на деле. Если я вижу, что постоянно поддаюсь гневу и обидчивости, то не смогу осудить драчуна или убийцу: для меня будет очевидно, что я, в принципе, такой же. Великие угодники Божии, ведя внутреннюю борьбу, не осуждали никакого грешника, потому что видели в своей душе все те грехи, которые люди совершают на деле, хотя сами совершали их только мысленно. А если я себя не знаю, то как я могу быть снисходительным? Обычно мы снисходим к людям в том, в чем сами чувствуем свою немощь. Если же я чувствую себя твердым, нравственным, умным, то как я буду сочувствовать ближнему в его немощах? Мы на самом деле имеем в себе все страсти и, как говорится, виноваты во всем. Когда мы это на деле при помощи внутренней, умственной борьбы начнем постигать, тогда и будем снисходить к другим, какими тяжкие ни были их грехи.

Когда замечаешь согрешения других, то пытаешься этих людей оправдать и забыть об их грехе. Правильно ли такое отношение и можно ли таким образом пресечь осуждение?

Я думаю, что если помогает, то можно так делать, но при этом надо не забывать и о молитве. Любое самое правильное, полезное рассуждение не поможет, если при этом не будет содействовать благодать Божия.

Как удерживать свой язык от осуждения?

Это все равно что сказать: «Как стать святым?» Апостол Иаков говорит: *Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело*[377]. Это высокая степень духовного преуспеяния, потому что через язык действует сердце, язык – это орудие сердца. Вы помните евангельские слова: *Не то оскверняет человека, что входит в уста, но то, что исходит из уст. Ибо из сердца исходят*

помышления злые, и они оскверняют человека[378]. Исходя из сердца, помышления обнаруживаются через язык. То есть поскольку в нашем сердце есть все страсти, то язык движется сердцем, является как бы органом сердца. Тот, кто может удержать язык, практически уже очистил свое сердце.

А как удержать язык от осуждения? Наверное, язык не удержишь, если в сердце есть осуждение. Нужно понуждать себя к покаянию, стараться, по словам Ефрема Сирина, видеть свои согрешения, и тогда мы действительно сможем не осуждать брата своего.

А как относиться к осуждению самого себя бранными словами, я ведь себе тоже ближний, даже самый ближний?

Добродетель осуждения себя называется самоукорением. Она очень восхваляется святыми отцами. То, о чем вы спрашиваете, не совсем относится к нашей теме, но вообще-то это вопрос нужный, я в своих беседах его уже касался.

Существует явление, о котором замечательно говорит преподобный Иоанн Лествичник: мы часто искренне считаем себя великими грешниками – это, конечно же, самое серьезное самоукорение, – но обличение обнаруживает тайное мнение нашего сердца. То есть когда мы сами себе говорим слова осуждения, то это в самом лучшем и в самом редком случае является попыткой себя смирить. В подавляющем большинстве случаев это игра в смирение. Осуждение себя нам дается легко, потому что мы себя хотя и укоряем, но одновременно и жалеем.

А когда люди нас обличают, обнаруживается наше действительное мнение о себе. Потому что наши помышления исходят не из головы, как мы думаем, а из сердца, как говорит Евангелие. *От сердца исходят помышления злая… и та сквернят человека*, – сказал Спаситель[379]. В чем человек убежден сердцем, в том он убежден и умом, а в чем сердце его не уверено, является для него сомнительным. Я могу говорить все что угодно, а в сердце быть не согласным с этим. Поэтому если вы назовете себя «свиньей», то лишь слегка вздохнете, а если кто-то другой вас так обзовет, то вы сразу начнете пыхтеть от обиды. Это говорит о том, что в душе своей вы себя таким ничтожным существом не считаете.

Значит, нужно трезво на себя смотреть во всех отношениях, в том числе и в отношении смирения. Итак, если вас оскорбляют и вы возмущаетесь, то обнаруживается ваше сокровенное мнение о самом себе, то есть то, что вы не считаете себя ни свиньей, ни собакой, ни прочими животными.

Я бы советовал не обзывать себя разными грубыми словами в качестве самоукорения, потому что это мало что дает. На мой взгляд, серьезное, полезное самоукорение, по крайней мере для новоначальных, состоит в том, чтобы видеть, что мы не исполняем заповедей. Читая Евангелие или вспоминая евангельские заповеди, мы видим, что не имеем ни кротости, ни ненарушимого целомудрия и так далее. Вот это полезное и весьма разумное самоукорение. А называть себя «собакой»?.. Если бы человек искренне от всей души так о себе думал, то это бы говорило о его глубочайшем смирении, ведь собаку всякий может пнуть, она бегает грязная и так далее.

Здесь главное – наша убежденность в истинности этих слов, а если такой убежденности нет, то это пустые слова, а часто даже лицемерие – не перед людьми, я надеюсь, а перед самими собой. Это некая игра, которую мы ведем по нашей наивности. Святые отцы называют эту игру «смиреннословием», чтобы отличить ее от истинного смирения.

Нужно найти в себе некую «точку искренности», оценку себя, в которой мы действительно убеждены. На самом деле великим достижением для всякого будет, если он искренне, от всей души станет почитать себя не собакой, не свиньей и не хуже всякой твари, а просто грешником.

Мы ведь искренне и грешниками себя не считаем, если честно признаться. Мы почитаем себя хорошими людьми. Святые отцы говорят, что это великое духовное преуспеяние, когда человек искренне, от всего сердца начинает понимать, что он грешник. А мы говорим: «Помилуй меня, грешного», а сами считаем себя праведными. Тогда, может быть, было бы искреннее сказать: «Помилуй меня, праведного» или, скажем, «нечаянно или случайно согрешившего», хотя это и нелепо. Нам кажется, что мы случайно согрешили и завтра уже не будем грешить. Мы никак не можем понять, что все наоборот, что мы

утопаем в грехах. Нам кажется, что и это случайность, и то случайность; даже если мы убьем кого-нибудь, нам все еще будет казаться, что и это случайность.

Поэтому если мы достигнем такого состояния, при котором просто будем искренне считать себя грешниками, то это будет действительно великое преуспеяние, настоящее евангельское самоукорение. А использование оскорбительных слов для укорения себя ни к чему нас не приведет, кроме самообмана.

Моя тетушка, приходя к нам в гости, часто рассказывает о том, что происходит в их семье, чаще говорит плохое про свою невестку, про сына-алкоголика и злословит их вроде бы правильно. Эти рассказы у нас вызывают возмущение. Она их осуждает? И мы участвуем в осуждении тем, что слушаем?

Да, я думаю, что это ни к чему. Это не даст ничего хорошего ни тетушке, ни ее семье, ни этому бедному алкоголику, страдающему человеку. В данном случае надо либо вовсе обойти молчанием ситуацию в ее семье, не касаться ее, либо, если ты хочешь помочь, молиться за них. А для того чтобы молиться, нужно иметь благодать. Если мы будем молиться за падших людей, то можем взять на себя искушения и скорби, которые выше наших сил. Нужно либо помогать, либо хотя бы не вредить. А участвуя в злословии, мы, конечно же, только умножаем грех.

Каким образом можно исполнить заповедь не судить? Ты же видишь, что хорошо и что плохо сделано в любой работе: допустим, хорошо вымыта посуда или плохо. Точно так же внутренне судишь и о поступке человека, даже если не высказываешь своего мнения вслух.

Не осуждать – это действительно тяжелый подвиг. Каким образом исполнить эту заповедь? Так же, как и все остальные заповеди: когда видишь соблазн, не принимай его, не вступай с ним в собеседование, не соглашайся с ним в сердце.

Интересно рассмотреть, как соблазн предстает пред нашим мысленным взором. Возьмем такой пример. Спаситель говорит: *Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем*[380]. Но никто ведь не

будет смотреть с вожделением на некрасивую женщину, правильно? Естественно, что с вожделением смотрят на женщину привлекательную. И тогда, если соотнести ваш вопрос с этим евангельским примером, то получится следующее: «Как я могу смотреть на женщину без вожделения, если она красивая? Это же невозможно!» Выходит, что Спаситель сказал нечто абсурдное: либо эту заповедь невозможно исполнить вообще, либо нужно понимать ее так: «Не смотрите на некрасивую женщину с вожделением», потому что это осуществимо. Так же у нас получается и с осуждением: «Как можно не осудить человека, когда он явно сделал что-то плохо?» Но если человек делает хорошо и ты его осуждаешь, то ты уж совсем негодяй. Не судить нужно именно того, кто, как тебе кажется, в том или ином отношении поступает плохо, и ты, может быть, делаешь о нем вывод, что он вообще негодный человек.

Красота женщины воспринимается нами как соблазн, хотя на самом деле это не соблазн – это естественное свойство человека, просто мы из-за своего извращенного внутреннего состояния видим соблазн там, где его нет. Так же и здесь: то, что нам кажется в поступках человека неправильным, мы воспринимаем как соблазн и начинаем это оценивать. Но мы должны либо стараться не замечать этого «соблазна», либо правильно смотреть на то, что нас окружает. Бесстрастный человек смотрит на женщину не с вожделением – наоборот, он прославляет Бога за Его прекрасное создание, как это делал блаженный епископ Нонн (я не говорю, что мы можем ему подражать, просто привожу пример бесстрастия). Если человек что-то неправильно делает, даже совершает тяжкий грех, то мы должны ему как-то посочувствовать, может быть, помочь, чтобы он исправился, или если возможности помочь нет – допустим, он сам этого не хочет, – то, по крайней мере, пожалеть его. Либо стараться вовсе не рассматривать его поступок так же, как мы, боясь согрешить, не смотрим на красивую женщину, чтобы у нас не возникло нечистых мыслей. У святых отцов есть такое выражение – «воздержание глаз». Как мы ограничиваем свободу своих глаз и по возможности стараемся не смотреть на

предметы для нас соблазнительные, так и должны стараться не думать о тех предметах, которые могут привести нас к осуждению. Лучше избегать случаев, в которых мы можем впасть в осуждение, не выслушивать повествования, для нас в этом смысле соблазнительные. А если мы все же столкнулись с кем-то, увидели тот или иной неправильный поступок, то надо стараться об этом вообще никак не думать, ни хорошо, ни плохо.

Этот метод подходит для борьбы со всеми страстями. Любой соблазн предстает пред нами в некоем праведном обличии: «Ну как можно не соблазниться, если эта женщина красива? Как можно не разгневаться, если этот человек поступил так отвратительно? Как его не осудить, если он вор?» – и так далее. Соблазн надевает на себя личину справедливости, и этого нужно бояться. Мы не должны собеседовать с соблазном, рассматривать его, а должны сразу, без всякого раздумья и рассуждения, отвергать его.

То, что мы судим вслух, – это только последствия осуждения внутреннего. Конечно, главное для нас добиться того, чтобы мы не осуждали никого внутренне.

Как поступать, когда втягивают в осудительный разговор?

Я думаю, нужно постараться в мягкой, вежливой форме этот разговор пресечь, как-то удалиться, и всё. А иначе из человекоугодия мы будем поддаваться всевозможным грехам.

О непрестанном единении с Господом

Христиане соединены с Богом, как ветви с лозой. – Действенность таинства зависит от внутреннего расположения того, кто в нем участвует. – Полное единение со Христом осуществляется через непрестанную молитву. – О стяжании благодати Божией. – Если мы не пребываем в Боге, то не приносим никакого плода. – Господь никогда не оставляет нас без помощи.

В одном из своих поучений Спаситель сказал: *Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода*[381]. Обычно толкователи говорят, что под видом виноградной лозы здесь изображена Церковь, и это справедливо, но если мы обратимся к опыту людей, вступивших в богообщение, приобретших опыт истинной христианской жизни, то поймем, что слова эти изображают к тому же тайны Царства Небесного. Речь здесь идет о единении человека с Богом.

Так Господь изобразил наше отношение к Богу: мы пребываем в таком непосредственном, тесном единении с Ним, как едины ветви с лозой. Действительно, Спаситель является лозой, а мы – ветвями, и мы можем принести плод, пока пребываем на этой лозе. И когда мы стараемся принести плод, благодать Божия нас очищает, для того чтобы мы принесли плод еще больший. Вы знаете, что лишние ветви отнимают у растения живительную влагу, и поэтому их отрезают, для того чтобы виноградные грозди получили больше влаги.

Между прочим, апостол Павел приводит другой образ, но эти два образа очень близки. Если Спаситель говорит о Церкви как о виноградной лозе, то апостол Павел говорит о Церкви, как о Теле Христовом, членами которого являются христиане. Так или иначе, речь идет о тесном, неразрывном, органическом единстве. Тем не менее бывает, что больные, неизлечимые части тела приходится отсекать, чтобы они не заразили

остальные члены. И сухую ветвь также приходится отсекать, чтобы она не мешала другим.

Когда мы говорим о единении человека с Церковью, то часто обращаем внимание только на, если можно так выразиться, внешние атрибуты нашей принадлежности к ней: вот, человек крещен, постится, ходит в храм, исповедуется, причащается. Он исполняет свой долг и, значит, пребывает на лозе, думаем мы. Конечно же, все это правильно, и нельзя сказать, что все это ничего не значит. Действительно, через таинства человек соединяется с Богом, и без них невозможно ничье спасение: ни монаха-аскета, ни человека, живущего в миру, ни священника, ни епископа. Но сами эти таинства приносят человеку большую или меньшую пользу в зависимости от его душевного состояния.

Для того чтобы единение с Богом через таинства было действенным, мы должны приложить собственные усилия. Как человек может это единение усугубить? Скажем, чаще ходить в церковь, чаще причащаться. Однако речь идет не только о частоте, но и о степени осознания, о степени переживания человеком того, что он получает в таинствах. А это достигается исключительно внутренним расположением и особенным деланием. На практике это осуществляется при помощи молитвы, в особенности молитвы Иисусовой.

Конечно, всякая молитва соединяет человека с Богом, но одна менее, другая более удобна для этого, в зависимости от нашего душевного состояния. Вместе с тем, мы не должны считать, что Иисусова молитва выше, чем Божественная литургия, и что не нужно ходить на службы и причащаться, а достаточно непрестанно молиться. В древности, между прочим, была секта мессалиан, утверждавших, что человек спасается только непрестанной молитвой, а все церковные учреждения не нужны. Ни в коем случае мы не должны впадать в такую крайность.

Мы сейчас не акцентируем внимание на таинствах не потому, что отрицаем или умаляем их значение, а потому, что всякий православный христианин, само собой разумеется, в них участвует. Кроме того, очевидным и даже историческим фактом

является то, что учителя непрестанной молитвы, как правило, учат и частому, даже непрестанному, то есть ежедневному причащению. Этому учил, например, составитель Добротолюбия преподобный Никодим Святогорец в своей знаменитой книге о непрестанном причащении. Поэтому никакого противопоставления быть не может, разве что кто-то искусственно перетолкует слова о непрестанной молитве в мессалианском духе.

Мы знаем, что те, кто преуспел в умном делании, наоборот, с большим благоговением, с пламенной ревностью, с умилением совершали таинства, так что присутствующие изумлялись той благодати, которая явно обнаруживала себя при их служении. Например, когда преподобный Паисий (Величковский) служил Божественную литургию, многие люди ощущали какой-то необыкновенный, неземной страх, видя его ангельскую ревность и необыкновенное благоговение, и даже со страхом выходили из алтаря, потому что не могли при этом присутствовать.

Действие таинства зависит от внутреннего расположения того, кто в нем участвует. Мы не можем повлиять на совершителя таинства, скажем внушить священнику, чтобы он более истово молился, это дело его совести. Но когда человек приступает к таинству, мирянин ли то, монах или священник, от его молитвенного напряжения и усердия зависит, усугубится ли его единение с Богом. Даже при служении самого нерадивого священника можно почувствовать неизреченную благодать. И наоборот: при самом благодатном, ревностном священнике можно совершенно потерять единение с Богом, – и единство с Церковью при помощи таинств не поможет нам, оно по нашей вине превратится в формальное.

Хочу привести пример того, что человек может и при недостойных священниках пламенно молиться, никто не может помешать ему внутренне приближаться к Богу. У нас в Одессе был Христа ради юродивый Иван Петрович (он умер, по-моему, в начале 1960-х годов). Он всегда, даже зимой, ходил босиком, в расстегнутой рубашке. Некоторых наших нерадивых священников он называл «отцы-карбованцы». «Карбованец» по-

украински «рубль». В то же время он не брезговал ходить на службу к этим «отцам-карбованцам», а когда стоял в церкви и молился, то проливал потоки слез. При этом вытирал не глаза, а пол, который от слез был мокрый. Неизвестно, молился ли он Иисусовой молитвой или как-то иначе, но понятно, что он находился в необыкновенно возвышенном молитвенном состоянии. Этот человек благодаря своему личному подвигу, несмотря на недостатки «отцов-карбованцев», испытывал на богослужении сугубую благодать. Разумеется, он не осуждал их, потому что если человек осуждает служащего священника, то понятно, что благодать от него отойдет.

Итак, мы видим, как важен в христианстве личный подвиг человека, в особенности непрестанная молитва, ибо единение с Богом осуществляется при помощи молитвы непосредственным образом: ум человека соединяется с Богом и может войти в такое тесное общение, такое тесное единство со Христом, что человек чувствует, будто бы Христос и он – одно. Конечно, это происходит не так, как у восточных мистиков, теряющих ощущение собственной индивидуальности. Нет, человек осознает свое «я», свою отдельную, особую ипостась, но в то же время ощущает полное единение с Богом. Так что, как повествуют святые отцы, человек чувствует, что Христос не только в его сердце, но что Он наполняет все его члены, что молится не только дух человека, не только ум, но и каждый член тела воссылает славу Богу. О таких высоких духовных состояниях в особенности дерзновенно повествует подвижник X–XI веков преподобный Симеон Новый Богослов в своих «Божественных гимнах», где описывает то, что он испытал. В близкое к нам время подобное состояние описал в своих записках преподобный Силуан Афонский и его ученик архимандрит Софроний (Сахаров).

По-настоящему и полно единение со Христом осуществляется теми людьми, которые молятся непрестанной молитвой. Они достигают такого глубокого и полного единения, что всегда пребывают с Господом. Хотя это единение иногда несколько ослабляется, иногда усугубляется, но они никогда не разлучаются со Христом. Поэтому мы не можем утешать себя

формальным единством, а должны осознавать, что наше единство с Богом на самом деле очень часто разрывается и пропадает именно из-за нашего нерадения.

Я не спорю, что люди, не занимающиеся умным деланием, искренне причащаются и в какие-то моменты испытывают ощущение единства с Богом и умиляются. Например, в Великий четверг, когда практически все верующие, за редчайшим исключением, причащаются, все как будто соединяются в одну семью, в единый организм, и в особенности ощущают благодать. Но это именно моменты, а потом мы вновь отпадаем и живем совершенно отдельной от Христа жизнью, мы далеки от Него. И для того чтобы понудить себя вновь приблизиться к Богу, нужно прибегать к тем средствам, которые всегда с нами, которые всегда нам доступны. Какие это средства? Чтение Священного Писания? Да, в какой-то степени. Те или иные молитвословия? Да, конечно, и они. Но в особенности – Иисусова молитва, или умное делание. Сама краткость Иисусовой молитвы и, конечно, ее содержание способствуют единению человеческого ума с Богом.

Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. Мы должны стремиться соединиться умом с Богом столь же тесно, как ветвь соединена со стволом. И это возможно. Многие подвижники благочестия описывали разными словами тесное и глубокое богообщение. Это как раз и есть суть христианства. Если мы этого не испытываем, значит, мы только как бы переступили порог Церкви, дальше не идем и всех тех сокровищ, которые содержатся в этом дворце, не используем. Или, скажем, мы пришли в гости, а за стол сесть почему-то стыдимся. То есть той благодати, которую должен испытывать всякий христианин, мы не испытываем.

Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам[382]. До какой-то степени мы уже очищены, потому что отбросили ложные взгляды, заблуждения и приняли вместо них истинные, содержащиеся в Божественном Откровении, в

Евангелии. Но, как мы видим из дальнейшего текста, этого мало.

Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне[383]. Если мы участвуем в таинствах телом, а ум наш где-то витает, то мы не можем принести плода. Мы стремимся не к Богу, а к удовлетворению своих греховных или, как нам кажется, невинных желаний. Поэтому наше участие в церковной жизни, в церковных таинствах является поверхностным и формальным. Для того чтобы оно было истинным, мы должны соединиться со Христом умом.

Пребудьте во Мне, и Я в вас. Это не образ, так происходит в прямом смысле слова. Мы нисходим умом, как учат святые отцы, в верхнюю часть сердца и там соединяемся со Христом, ум наш пребывает в Нем. В то же самое время и Он в нас пребывает. Такое взаимное единение, повторю, и есть цель духовной жизни, а мы, призна́емся себе честно, часто совершенно об этом забываем. Нас наполняют ненужные, нехристианские, неевангельские мысли и ощущения. Мы отвлекаемся от молитвы и думаем о лицах другого пола, о деньгах, о предстоящих покупках. Такое стремление к посторонним, греховным или просто ненужным вещам, разбивает наше с Богом единство.

Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. А если мы не достигнем полного единения с Богом, то духовного плода принести не сможем, что, к сожалению, и происходит: плоды наши в нравственном отношении весьма и весьма скромны. У нас, как правило, получается только то, что нам свойственно от природы. Допустим, один от природы честный – он не ворует, другой от природы добрый – он жалеет людей, снисходителен к ним. А когда нужно перешагнуть через себя, преодолеть какую-то трудность и сделать что-то в ущерб себе, тут мы уже и от природной добродетели отказываемся. Тем более так происходит тогда, когда нам необходимо преодолеть природный порок – недостатки, присущие от рождения или от неправильного воспитания. То доброе, что нам легко дается, мы

делаем, а где у нас нет наклонности к добру, там мы грешим, да еще и оправдываем себя. Таким образом на нас сбываются слова Спасителя о том, что если мы не пребываем в Нем, то не приносим никакого плода.

Важно понять, что плод – это не то, что получается само собой, а то, что мы приобретаем после нашего воцерковления, соединения с Господом. Мы приносим плоды, когда видим, что в нас умножается доброе расположение, появляется кротость, целомудрие, любовь к ближним и даже к врагам. Конечно же, не только в наших мыслях и чувствах – это, безусловно, проявляется и вовне: подлинная добродетель не может не проявиться.

Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего[384]. Сами по себе мы ничего не значим и поэтому должны всячески блюсти единство с Богом. Если мы окажемся вне этого единства, то не сможем сделать вообще ничего: даже не мало или плохо – а вообще ничего. Очень важно усвоить эти слова Спасителя, они говорят не только о нашей немощи, но и о нашем полном, совершенном бессилии. По-славянски эти слова звучат, как мне кажется, более выразительно и красиво, я очень люблю это изречение: *Без Мене не можете творити ничесоже*. Поэтому для нас совершенно естественно молиться непрестанно, то есть просить у Господа помощи во всем и всегда.

Не будем думать, что Иисусова молитва – это то, чем обязаны заниматься только монашествующие. И миряне также должны молиться Иисусовой молитвой. Святые отцы говорили об этом совершенно прямо. Например, святитель Симеон Солунский, живший в XV веке, рассуждая в своих беседах о богослужебных чинопоследованиях, счел своим долгом сказать о том, что всякий христианин: не только монах, но и епископ, и священник, и мирянин – должен молиться Иисусовой молитвой. Об этом же говорил, и с еще бóльшим дерзновением, преподобный Симеон Новый Богослов. Он даже утверждал, что если человек считает, что имеет благодать, а сам ее не чувствует, значит, он ее не имеет.

Безусловно, не всякий христианин испытывает такое же благодатное душевное состояние, которое испытывали древние христиане. Да, мы приняли то же таинство крещения, что и они, но благодать в нас может действовать так слабо, что мы ее практически не ощущаем. Мы порой считаем себя имеющими благодать просто потому, что мы крещеные, – но если мы не чувствуем этой благодати, значит, на самом деле ее нет. Подвиг умного делания как раз и учит приводить в действие ту благодать, которая, к сожалению, из-за нашего нерадения присутствует в нас только как возможность. Может быть, мы не будем такими благодатными, как древние христиане или святой праведный Иоанн Кронштадтский, не будем во время молитвы говорить на иных языках или пророчествовать, но ощущать в душе своей благодать мы должны. Иначе, если этого нет, мы плохие христиане, мы отпали от единства со Христом. Если бы мы были в таком тесном единении с Ним, в каком находятся ветви и лоза, о котором говорит Евангелие, то сок лозы попадал бы в нас.

Часто можно услышать такие слова: «Я ощущаю душевную сухость во время молитвы» – или: «Я чувствую в душе пустоту». Это очень меткие выражения. Действительно, мы ощущаем сухость, потому что живительная влага, благодать Божия, в нас не проникает, и мы подобны высохшим ветвям. Господь нас терпит, мы еще на стволе, но придет такое время, по крайней мере после нашей кончины, когда мы будем отсечены от него и разделим участь неверующих. Потому что мы не жили благодатной жизнью, не были подлинными членами Церкви, не пребывали в умственном, духовном, молитвенном единении со Христом. Напомню вам, что преподобный Серафим Саровский в очень простых словах то же самое говорил в беседе с Мотовиловым. Он повторял древнее учение, которое очень похоже на учение преподобного Симеона Нового Богослова. В книге «Размышления смиренного сердца» неизвестный нам по имени старец, живший в XV веке, говорит о том же.

Симеон Новый Богослов и Серафим Саровский жили в эпохи в чем-то сходные. Во времена Симеона Нового Богослова

говорили, что люди не могут испытывать ту благодать, которая была во времена апостольские, что это удел именно апостолов. Во времена Серафима Саровского – происходило то же самое. Мотовилову говорили: «Ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро – вот тебе и цель жизни христианской, а высших себя не ищи». В периоды упадка люди нерадивые начинают брать верх над остальными и влиять на умы церковного народа, убеждая его, что благодать испытывали когда-то особые избранники Божии, а сейчас это уже невозможно. Но разве сейчас не та же самая Церковь, что была во времена апостольские? Еще раз повторю: если благодать умаляется, то происходит это потому, что мы нерадивы.

В XVIII веке в России появился такой человек, как преподобный Паисий (Величковский). Его не беспокоило то, что благодать умалилась, он искал возможности жить по святым отцам. Он понял, что в духовном учебном заведении этого не узнать, бросил академию и ушел в монастырь. Затем странствовал, везде такой жизни искал, пока не нашел ее в Молдавии. Там он обрел духоносных старцев, которые его наставляли. Потом ушел на Афон и там подвизался. Самостоятельно изучил греческий язык и с греческого стал переводить святых отцов на церковнославянский язык. Преподобный Паисий собрал вокруг себя целый сонм подвижников. Впоследствии в тех монастырях, где были его ученики, возрождалась духовная жизнь. Кроме того, он перевел на славянский язык «Добротолюбие». Эта книга имела потрясающее влияние на все русское монашество. Скажем, Серафим Саровский, хотя и не принадлежал к той ветви, которая произошла непосредственно от Паисия (Величковского), но тоже назидался по «Добротолюбию», и старцы учили его по «Добротолюбию». Вот пример человека, который один пошел против всех, ему и в голову не могло прийти, что в его время стяжать благодать невозможно.

Есть изречение, принадлежащее светскому мыслителю, которое довольно справедливо: «Время – это люди». Действительно, что такое время? Что изменилось? Часы стали ходить быстрее или Земля стала иначе вращаться? Все

изменяется только в нас, в людях. И все, что вокруг нас происходит, – это также плод человеческой деятельности, внутреннего состояния человека. Неблагоприятное время – это «неблагоприятные» люди. Если кто-то будет по своему духовному состоянию подобен Паисию (Величковскому), значит, он уже не будет человеком XXI века. Он будет человеком апостольского века. Преподобный Силуан Афонский в XX веке или Софроний (Сахаров), его ученик, стремились к Богу всей душой и достигли высокого благодатного состояния. И нам неизвинительно нерадение. Мы не можем оправдать себя тем, что в наше время никто не понимает, что человек должен быть умом непрестанно соединен с Господом.

Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают[385]. Если мы не оживотворяемся благодатью, Божественной энергией, которую можем получить только от Господа Иисуса Христа через непрестанное умственное прилепление к Нему, – мы засыхаем и в конечном счете сгораем. Нас начинает жечь огонь наших страстей, ибо мы оказываемся совершенно «сухими», «пригодными» для огня страстей, огня греховности и безнравственности. Тогда даже и таинства не приносят нам пользы.

В одном из посланий апостол Павел говорит, что *кто ест Тело Христово и пьет Кровь Христову без рассуждения, в осуждение себе ест и пьет*[386]. «Без рассуждения» – значит, не подготовившись. Когда человек, будучи в грехах, не покаявшись, не исправившись, причащается, тогда это ему бывает в осуждение. Таким образом, таинство может оказаться нам во вред. Не потому что таинство само вредно, но потому что мы делаем себя недостойными его и благодать Божия нас наказывает. Лучше, конечно, чтобы Бог нас наказал в этой жизни, чем в будущей. Но еще лучше было бы, если бы Бог нас облагодатствовал, усовершил через причастие.

Прочие таинства – крещение, миропомазание, исповедь – также могут быть в осуждение. Если человек неискренне исповедовался, что-то скрыл от священника или обманул его, то разве не будет ему это в осуждение? Так же можно сказать о

любых церковных молитвословиях, чинопоследованиях – все может быть человеку на пользу или осуждение, если он участвует в чем-либо недостойно. А для того чтобы участвовать достойно, чтобы внутренне быть готовым, необходимо непрестанно молиться. Тогда мы ощутим пользу от причащения, осознаем необходимость и важность догматического учения Церкви и всех остальных аспектов церковной жизни.

Если человек не соединен с Богом через молитву, то он, даже изучив писания святых отцов, может при этом впасть в страшный порок гордости. Нечто подобное случилось с книжниками иудейскими. Ведь они тоже все тщательно изучали и знали, но это знание привело их к еще большему осуждению, потому что они, возгордившись и не зная опытно того, чему сами учили, отпали от Христа. Догматическое учение, верное и нужное, может принести вред нам, не имеющим благодати, не имеющим просвещения свыше, не имеющим смирения и покаяния.

В церковной жизни бывает и такое. Человек ходит в храм, строго соблюдает все посты, вычитывает все молитвы, словом, ревнитель православия. Но разве он не может впасть в осуждение тех, которые этого не делают так ревностно, как он? Не ощущая никакой благодати, разве он не гордится тем, что как будто бы делает что-то великое? Не имея неразрывного общения с Господом Иисусом Христом, он повреждается. Кто в этом виноват? Конечно же, он сам.

Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, проси́те, и будет вам[387]. Недостаточно просто помнить о Боге, помнить Евангелие. Слова Господа должны пребывать не только в нашей памяти, но и в нашей деятельности, они должны, так сказать, обнимать нас, руководить нами непрестанно. Но важно и то, чтобы ум наш пребывал в постоянном, неразрывном общении с Богом, потому что только благодаря Ему мы можем приносить *многий плод*, то есть иметь и благодатное утешение, и надежду на вечную жизнь, и вести успешную борьбу с грехом, и приобретать или совершенствовать добродетели.

Если человек истово молится, если он постоянно кается и стремится к своему спасению через непрестанную покаянную Иисусову молитву, то Господь вразумляет его и в отношении догматического учения, и в отношении нравственности, и в отношении участия в таинствах. Вразумляет, конечно, не непосредственным откровением (хотя бывает и так, но мы, как люди грешные, не имеем право на это рассчитывать), а общением с людьми, промыслительно встретившимися нам, или какими-то книгами. Если мы от всей души призываем Бога, неужели Он нам вместо рыбы подаст змею, вместо хлеба – камень, вместо яиц – скорпиона? Понятно, что если мы молимся, Он дает нам то, чего не хватает нам для нашего спасения.

Я на всю жизнь запомнил один случай. У меня было очень тяжелое душевное состояние, сильная брань, к духовнику я поехать не мог. Обратился к одному священнику, но тот почему-то отнесся ко мне безразлично. Пошел к другому, тот тоже сказал, что у него нет времени. Я сел на скамейку. Конечно, я молился Иисусовой молитвой, но был в полной растерянности, потому что не знал, что мне делать, даже толком не понимал, что со мной происходит. Мимо меня по аллее проходили несколько человек, о чем-то между собой беседуя. И одна женщина вдруг повернулась в мою сторону и говорит: «Если Бог не поможет, то никто не поможет». Наверное, это относилось к их разговору, но в тот момент я воспринял эти слова как ответ на мой вопрос и понял, что мне никто не поможет, что нужно самому усиленно молиться. Господь никогда не оставляет человека, хотя нам иногда и кажется, что мы забыты и находимся в безвыходном положении. Он нас не оставит, если только мы сами Его не оставим.

Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода и будете Моими учениками[388]. Чтобы стать подлинными учениками Спасителя, чтобы Бог прославился, нам необходимо усиленно стремиться к неразрывному единению с Господом Иисусом Христом. Если мы придерживаемся догматического учения Церкви, нравственного предания, участвуем в таинствах, но не молимся, то подвергаем себя большой

опасности это единство разорвать или ослабить до такой степени, что практически не будем его ощущать. И тогда мы себя лишим того благодатного утешения, той сладости, которая даруется всякому христианину.

Повторю напоследок главную мысль беседы. Благодать – это Божественная энергия, которая подобна живительной влаге, через ствол поступающей к ветвям, на которых впоследствии появятся плоды. Плоды – наши, но мы никогда их не принесем, если не будем живой ветвью на стволе. Когда мы чувствуем, что теряем благодать, это значит, что разрывается наше единство с Богом. Для всех наших дел, для всех наших добродетелей и вообще для всего, что мы совершаем в этой жизни, необходимо единение с Богом, неразрывная связь через Господа Иисуса Христа с Пресвятой Троицей. Эта неразрывная связь осуществляется всеми теми средствами, которые общепризнанны православными людьми, и тем средством, которым сейчас почему-то многие пренебрегают, – умным деланием. Неразрывная связь со Христом и дарует нам подлинную христианскую жизнь.

* * *

Иногда во время молитвы появляется удивление и желание спросить: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, кто Ты?» Что это за чувство? Правильное ли оно?

Бывает такое состояние, когда человек изумляется от того, что приближается к Богу. Во-первых, если ему хочется спросить: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, Кто Ты?» – значит, он чувствует присутствие Божие, и это уже хорошо. Во-вторых, он начинает понимать, что Иисус Христос действительно Сын Божий и Бог. Потому чувство, описанное в вопросе, наверное, правильное, если осмыслять его так, как я объяснил. Нужно, однако же, проверить. При таком простом объяснении этого внутреннего состояния нельзя понять, экзальтация ли это или подлинное познание Бога и настоящее общение с Ним. Но в любом случае нужно стараться избегать в молитве подобных выражений.

Когда на молитве чувствую Божие присутствие, то становится страшно продолжать углубляться в молитву.

Как быть с этим страхом?

Если ты уверен в том, что это действительно ощущение присутствия Божия, бояться не нужно, а нужно смело идти вперед, углубляться в молитву. Этого ощущения боится наше падшее естество, ветхий человек, для которого молитва, по выражению святителя Игнатия (Брянчанинова), – это смерть.

На правиле, когда я молюсь с закрытыми глазами, начинаются какие-то видения, образы. Как этого избежать?

Конечно, Иисусовой молитвой лучше молиться с закрытыми глазами, потому что так легче сосредоточиться. Но это не является чем-то обязательным, это лишь один из приемов для лучшего сосредоточения.

Когда начинает действовать воображение или дремота, нужно молиться с открытыми глазами, смотреть на иконы, как советует преподобный Серафим Саровский. Опять же, не вызывать в уме никакого воображения. Можно смотреть на горящую лампадку, смотреть в пол.

Молитва Иисусова в миру

Что такое духовная жизнь. – О преимуществах Иисусовой молитвы. – Кто не может заниматься умным деланием. – Мешает ли Иисусовой молитве жизнь в миру? – Иисусова молитва помогает человеку жить по Евангелию. – Примеры преуспеяния в Иисусовой молитве. – Всегда ли мысли во время молитвы от диавола или могут быть и от Бога? – Можно ли молиться молитвой Иисусовой за других людей.

Тема нашей беседы – Иисусова молитва в миру. Можно было бы назвать беседу иначе, например «О духовной жизни в миру». Но для того чтобы не было двусмысленности, мы дали более точное название, потому что, по нашему глубокому убеждению, никакой духовной жизни в наше время без Иисусовой молитвы быть не может. Тем паче, что под духовной жизнью многие современные люди понимают совсем не то, что содержит это понятие.

Так, люди нецерковные под духовной жизнью понимают увлечение искусством, философией и вообще жизнь человека интеллигентного противопоставляют жизни того, кто живет только плотскими интересами, плотскими удовольствиями. В свою очередь люди церковные могут понимать под духовной жизнью тоже нечто неопределенное, абстрактное. Если человек молится и у него возникают какие-то субъективные ощущения, которые, по его мнению, не подлежат никакому истолкованию, никакой классификации, если он испытывает чувства также, с его точки зрения, никак не объяснимые, никак не сопоставимые со святоотеческим учением, – то ему представляется, что он ведет духовную жизнь.

И получается, что, с одной стороны, под духовной жизнью люди иногда ошибочно подразумевают жизнь человека интеллигентного, а с другой – жизнь, скорее, не духовную, а мечтательную, или жизнь в воображении. Скажем, читает человек книги о древних подвижниках и при этом он получает удовольствие оттого, что, при помощи воображения проникнув, как ему кажется, в суть их подвигов, в суть их переживаний,

испытывает нечто подобное. Объясню это на простом примере. В романе Жюля Верна «Дети капитана Гранта» есть герой – Паганель, известный ученый-географ, который никогда не выходил из своего кабинета, когда же отправился в путешествие, то все перепутал. Нечто подобное может произойти и с людьми, которые живут мечтательной жизнью и полагают, что это и есть духовная жизнь.

Духовная жизнь предполагает прежде всего борьбу (не наслаждения или утешения духовные, как ожидают некоторые): борьбу со страстями, борьбу с грехом, борьбу с собственными дурными наклонностями. И когда человек проникает в суть этой борьбы, когда он углубляется в самого себя и погружается в таинственный духовный, внутренний мир, то видит, что там, оказывается, присутствуют некие желания и чувства, совершенно ему чуждые. И тогда он осознаёт, что в этой борьбе участвуют таинственные темные силы, то есть демоны. Таким образом человек проникает в мир духов.

В этой борьбе, во время крайнего напряжения сил, в противостоянии страстям и иррационально-злобному напору искушений человек, во-первых, на опыте осознаёт присутствие посторонних темных сил, а во-вторых, вдруг ощущает сверхъестественную Божественную помощь. И тогда он опытно узнаёт, что такое мир духов. Потому что и демонов мы называем духами, и Бога в полном и единственном смысле слова мы можем назвать духом, потому что только Он обладает свойствами духа в полной мере.

Итак, духовная жизнь есть жизнь духов. Наш дух, проникая в эту область, поневоле вступает в общение с демонами и борется с ними, противостоит им. И, конечно же, вступает в соприкосновение с Богом. В борьбе с лукавыми демонами человек все больше познаёт свою немощь и необходимость сверхъестественной помощи, иначе говоря необходимость в молитве.

Он понимает, что молитва – это добродетель, которую не просто рекомендуют ему как нечто полезное, а без которой никакой другой совершить невозможно. В нем вырабатывается такая форма смирения, которая называется «ненадеяние на

себя», и она в свою очередь порождает другую добродетель – молитву. Причем не просто молитву, а молитву непрестанную. Потому что мы осознаём, что в каждое мгновение нашей жизни происходит невидимое, таинственное противостояние человеческого духа темным духам. Таинственно оно, во-первых, в том смысле, что оно труднообъяснимо, а во-вторых, в том смысле, что оно неизвестно большинству людей. Вместе с тем человеческий дух стремится к духу, который является источником всего существующего, который является духом в полном и единственном смысле слова, то есть к Богу.

Внутри себя человек ощущает действие многих разных сил: и помощь ангелов, и помощь святых угодников Божиих, которые пребывают также в мире духов, я имею в виду прославленных святых, и помощь людей, которые молятся за нас. Постепенно он отождествляет их с теми действиями, которые описаны святыми отцами в аскетических трудах.

И тогда на первое место выходит такая добродетель, как Иисусова молитва. Мы знаем, что многие подвижники не придавали ей первостепенного значения. Они читали псалмы, каноны, тропари, другие молитвословия, но суть молитвы остается одна для всех разнообразных ее форм: она необходима для того, чтобы заполнить ею все время бодрствования человека. Ум всегда должен быть занят, всегда должен трудиться, стремиться к соединению с Богом, как и, наоборот, стремиться к расторжению своего общения с демонами. Средством для этого служат разные молитвы. Но в особенности удобным, сильным средством является молитва Иисусова по нескольким важным причинам.

Первая причина – это то, что Иисусова молитва состоит из призывания всесвятейшего имени Господа Иисуса Христа. Спаситель сказал про будущих верующих в Него Своим ученикам и апостолам: *Именем Моим будут изгонять бесов*[389]. И это касается не только собственно изгнания бесов или, как сейчас называют, вычитывания, но и изгнания бесов в смысле победы над страстями в собственной душе. Спаситель также говорил: *О чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам*[390]*.* Эти слова прозвучали на Тайной вечере во время особо

доверительной беседы Спасителя с учениками-апостолами перед Его страданиями и явились как бы завещанием Господа ближайшим ученикам.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) премудро рассуждает о том, что апостолы Христовы, совершая именем Господа Иисуса многие великие чудеса, не могли не призывать постоянно Его имени. Оно для них было превожделенно и прелюбезно. Апостолы как бы против воли стремились к тому, чтобы постоянно пребывать в созерцании этого имени, через которое на них действовала Божественная благодать, можно даже дерзновенно сказать, что Сам Господь являлся им в этом имени в Своей Божественной славе. Господь сообщил Своему человеческому естеству – и в том числе Своему человеческому имени Иисус – безграничную славу Своего Божественного существа, Божественной природы. И мы, призывая имя Иисуса Христа, – в зависимости от нашего достоинства, от нашей ревности, от нашего преуспеяния, – ощущаем эту славу. Тем паче апостолы опытно знали всё величие имени Иисуса и потому не могли не призывать его постоянно. Это первое и главное преимущество Иисусовой молитвы.

Второе преимущество, кажущееся маловажным, в особенности по сравнению с тем, что я сейчас сказал, на самом деле в практическом отношении имеет большое значение. Это преимущество – краткость молитвы Иисусовой. Когда мы произносим обширные молитвословия, наш ум часто, хотя и получая при этом пользу, отвлекается на рассматривание смысла этих молитвословий и нам бывает трудно удержать ум во внимании. Допустим, читая псалмы, мы волей-неволей рассуждаем о содержании и значении этих многозначительных таинственных текстов. Может быть, нам более понятны новозаветные молитвы, составленные святыми отцами, но и в них также есть много пищи для ума.

Нужно различать созерцательную способность ума, которую мы используем при молитве, и способность ума к рассуждению, так сказать к движению мысли, рассмотрению тех или иных предметов, пусть даже духовного содержания. И вот, читая эти длинные молитвы и начиная рассуждать о них, мы поневоле

отвлекаемся от предстояния пред Господом. А краткая Иисусова молитва, наоборот, постоянно возвращает ум к сосредоточенности на имени Божием и заставляет нас вновь и вновь представать пред Господом невидимо и духовно.

Иисусова молитва учит нас предстоять пред Богом не только в каких-то особенных местах, удобных для этого, но и специально приспособленных для молитв, но и везде, где бы мы ни находились, что бы мы ни делали, и в так называемой мирской суете. Потому что духовная жизнь – это жизнь духа, и она не прекращается ни на одно мгновение, как не прекращает свою жизнь дух. Всегда дух человеческий либо общается с Богом, либо вступает в запретное, но, к сожалению, весьма распространенное или даже всеобщее по своему влиянию, по своей силе общение с демонами. И это общение с демонами мы должны расторгнуть.

Когда мы беседуем друг с другом и предаемся раздражению, или осуждению, или слышим от ближнего что-то неприятное и начинаем при этом обижаться или унывать, то нам кажется, что это – наша собственная душевная жизнь. На самом деле здесь действует не только наше произволение, не только мы сами, но присутствуют своими действиями и демоны, присутствует и Господь.

Преподобный Антоний Великий сказал, что в человеке действуют три воли (хотя сам человек этого не замечает): воля Божественная, воля человеческая и воля бесовская. Человеческая воля склоняется то в одну, то в другую сторону, соединяется то с Богом, то с демонами, и такое изменение ума происходит непрестанно. Не в нашей власти прекратить его одним усилием воли, это выше наших сил, сами по себе мы этого сделать не можем. Здесь нужна сверхъестественная помощь. Если мы это поняли, правильнее сказать, прочувствовали это на собственном горьком опыте, тогда мы осознаём необходимость и важность молитвы Иисусовой.

С помощью краткой Иисусовой молитвы удобнее всего при любых обстоятельствах сохранить внутреннюю свободу – не порабощаться непрестанно нечистыми, греховными, лукавыми

помыслами, а вновь и вновь расторгать общение с ними, вновь и вновь воссоединять свой ум с Господом.

Молитва, как говорит преподобный Иоанн Лествичник, является матерью всех добродетелей. Без молитвы мы ничего исполнить не можем. Как ребенок не может без помощи взрослого сделать никакого дела, потому что, во-первых, не понимает, как нужно делать, во-вторых, собственных сил у него не хватает, – так и нам нужны и вразумление Божие, и помощь Божия.

Кто говорит, что он не надеется на себя, что он смиренный, и в то же время пренебрегает молитвой Иисусовой, тот говорит абсурдные вещи. Потому что из настоящего, подлинного смирения естественно проистекает стремление к непрестанной молитве.

Наконец, Иисусова молитва обладает еще и третьим важным преимуществом – своим всеобъемлющим содержанием, несмотря на свою краткость. Если в первой части молитвы Иисусовой упоминается имя Иисуса Христа – «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий», – то во второй части содержится все наше упование, все наше стремление, все наши чувства, выражающиеся простыми словами: «Помилуй мя, грешного».

Какое слово более емко, чем «помилуй»? Мы просим милости, а в милости заключено все. Допустим, видим мы человека голодного. В чем будет состоять милость по отношению к этому человеку? В том, чтобы дать ему пищу. Видим человека раздетого, значит, нужно дать ему одежду. Видим человека огорченного, значит, милость состоит в том, чтобы его утешить, успокоить. Поэтому, когда мы просим у Бога милости, мы таким образом просим всего, в чем может нуждаться человек. Всего того, чего нам не хватает. В первую очередь это касается нашей души, но не только.

Один древний подвижник, преподобный Марк, говорит, что для истинного подвижника Христос – это всё. Древние отцы, испытывая нужду в пище, одежде, погружали свой ум в молитву и предавали себя в волю Божию. Господь либо утешал их Своей благодатью и заменял Своим присутствием в человеке

все необходимое, либо посылал через людей или каким-либо иным образом, иногда и чудесным, то, в чем они нуждались.

Значит, имя Иисуса Христа и просьба о помиловании могут привлечь к нам великую и неисчерпаемую милость Божию. Лишь бы это было нам полезно. И в этом смысле мы должны вверяться Богу – не только верить в бытие Божие, но и верить Богу так, как мы верим своим родителям. Об этом говорит и Евангелие: *Когда вы попросите у отца вашего хлеба, разве он даст вам камень?*[391]. Так и мы, когда просим у Бога милости, а получаем, как нам кажется, не то, что хотим, должны верить и знать, что это для нашего спасения нужнее, чем то, чего мы по неразумию своему, так сказать по детскости нашего ума, просим у Господа.

«Помилуй мя, грешного». Возможно, некоторым людям, настроенным альтруистически, может показаться, что здесь есть некоторый эгоизм: почему мы просим только о себе? Почему мы не просим о других людях? Ведь в молитве «Отче наш» мы призываем милость на всех людей, мы обращаемся к Богу не «Отче мой», а «Отче наш». «Хлеб наш насущный даждь **нам** днесь, и остави **нам** долги **наша**, и не введи **нас** во искушение». Почему же в молитве Иисусовой мы просим милости для себя?

Подумаем сначала, в чем состоит эта милость. Прежде всего в том, что Господь подает нам благодать, помощь, вразумление для исполнения заповедей. А в чем состоят заповеди? *Возлюби Бога всем сердцем, всей душой, всей крепостью и всем умом*[392], *возлюби ближнего твоего, как самого себя*[393], *будь совершен в любви, как Отец твой Небесный, Который повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми*[394], *не воздавай злом за зло*[395] и прочие. Таким образом, когда мы просим милости, то, прежде всего, мы просим помощи в исполнении заповедей, то есть помощи в том, чтобы приобрести любовь.

Такая форма обращения к Богу – «помилуй мя» – помогает уму все время быть сосредоточенным и не обращаться к посторонним предметам. Ум человека то взлетает к Богу, то вновь возвращается к себе и таким образом как бы возносит человека, поставляет его пред Богом. Ум наш, по свойству

своему непрестанно движущийся, влечется к греху, к всевозможным суетным мирским удовольствиям и предметам и уходит в сторону от молитвы. Словом же «мя» мы его вновь как бы улавливаем и поставляем пред Господом Иисусом Христом, предстаем пред Ним со всеми нашими немощами и грехами. Конечно, не в том смысле, что мы примирились с ними, а в том смысле, что мы их осознаём, каемся, боремся с ними и просим у Бога помощи.

Последнее слово Иисусовой молитвы – «грешного» – помогает нам постоянно помнить о своей греховности. Упражняясь в призывании имени Иисуса Христа, прося Его милости, помощи в борьбе с грехом, мы приобретаем собранность, приобретаем ту форму смирения, которую святитель Игнатий (Брянчанинов) называет наивысшей, то есть ненадеяние на себя[396]. Приобретаем терпение скорбей и память смертную и, самое главное, приобретаем всеобъемлющую добродетель – покаяние. Покаянием, как говорит об этом святитель Игнатий, начинается и заканчивается Евангелие: *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное*[397].

Но тема нашей беседы – Иисусова молитва в миру. Почему в миру? Потому что у многих людей, в особенности интересующихся святоотеческой литературой, складывается неправильное мнение, что Иисусова молитва – это принадлежность монахов. Надо справедливости ради сказать, что есть много монахов, которые говорят, что Иисусова молитва – это принадлежность пустынников. Может быть, даже есть и такие пустынники, которые говорят, что Иисусова молитва – это принадлежность древних святых отцов. И так всякий находит оправдания, для того чтобы не брать на себя иго Христово, иго непрестанной молитвы.

Я думаю, что из предыдущих моих слов можно сделать для себя такой вывод – без Иисусовой молитвы вести духовную жизнь невозможно. И миряне имеют право на Иисусову молитву! Не имеют права заниматься ею – даже не вообще Иисусовой молитвой, а только художественным умным деланием – лишь те, кто пребывает в смертных грехах. В этом смысле умное делание и Иисусова молитва – это несколько

разные вещи. Просто молиться Иисусовой молитвой с покаянием, наподобие мытаря, который бил себя в грудь и говорил: *Боже! Милостив буди мне грешнику*[398], можно любому человеку. Потому что через покаяние он возвращается к Богу, через покаяние он избавляется от своих даже тяжких смертных грехов. А как можно запретить человеку каяться?

Когда же речь идет об умном делании, то есть о художественном сведении ума в сердце, о всевозможных сугубо монашеских приемах преуспеяния в сосредоточении, то тут, конечно же, есть некоторые ограничения. Человек, пытающийся без руководителя заниматься умным деланием со всеми его особенностями и премудростями, и при этом имеющий тяжкие смертные грехи, навлекает на себя гнев Божий. Допустим, кто-то пребывает в блуде или в каком-нибудь ином смертном нераскаянном грехе, то есть вновь и вновь повторяет этот грех, и при этом занимается Иисусовой молитвой, пытаясь достичь духовных результатов, – понятно, что этот человек дерзко, нечестиво оскорбляет благость Божию. И конечно, благодать Божию он не привлечет, но навлечет на себя злобу нечистых темных духов, которые найдут возможность ему повредить. Они могут лишить его рассудка или навести на него тяжкие испытания, расстроив здоровье или наведя невыносимые духовные искушения. Поэтому, повторю, таким людям серьезно заниматься молитвой Иисусовой нельзя.

Да и как человек может вести духовную жизнь, когда он не хочет расстаться со своей безнравственностью? Если у него нет решимости отречься от грубых и явных грехов, то хватит ли у него сил на то, чтобы преодолеть в душе тонкие движения греха и лукавства? Безусловно, пренебрегая исправлением во внешнем, человек тем самым показывает свое безразличие к внутренней жизни. Как можно избавиться, например, от нечистых блудных помыслов, когда ты блудишь? Как можно избавиться от зависти, когда ты воруешь? Как можно избавиться от помыслов чревоугодия, когда ты предаешься объедению и пьянству? Поэтому, приступая к духовной жизни, прежде нужно пресечь действия страстей на деле, а потом уже бороться с мысленными греховными движениями. Понятно, что грех

начинается изнутри, с помыслов. Но в то же время нужно пресечь грубые проявления греха и тогда уже приступить к борьбе с тем, что происходит внутри нас самих.

Миряне так же, как и монашествующие, должны бороться с грехом. То, что миряне состоят в браке, то, что они вынуждены приобретать имущество для содержания своих близких, отнюдь не является препятствием для того, чтобы заниматься Иисусовой молитвой. Существует только одно препятствие, о котором я уже сказал, кратко его можно выразить двумя словами: нечистая совесть. Если у христианина, какое бы он положение в обществе ни занимал, чистая совесть, – значит, он может приобрести дерзновение пред Богом.

Всевозможные обстоятельства: занятость, или работа, которая постоянно занимает ум, или нехватка времени, или утомление, или переутомление – никак не могут быть препятствием к Иисусовой молитве. Это все равно что сказать, что человек, живущий в миру, несвободен: мол, есть свободные люди – монахи, а есть несвободные – миряне, порабощенные своими земными заботами. Это не так. Человек внутренне всегда свободен. Все зависит от его рвения.

Нужно, конечно, приспосабливаться к обстоятельствам. Понятно, что человек, который сидит за рулем автомобиля, не может закрыть глаза и углубиться в сердце, потому что это опасно. Тот, кто занимается напряженной умственной работой у компьютера, также не может углубиться в себя. Нельзя пренебрегать и домашними обязанностями ради молитвы. Допустим, если в семье есть маленький ребенок, а мать скажет: «Я его кормить не могу, мне надо исполнить четочное правило», то это абсурд.

Всякий христианин должен исполнять свой долг, например подчиняться государству, администрации, начальству. Кто внимательно читает Новый Завет, тот знает, что об этом так и сказано: *Начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. Итак отдавайте всякому должное: кому подать,*

подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь[399]. Мы должны подчиняться властям, но настолько, насколько это соответствует нашему христианскому чувству. Мы в этом отношении как бы безразличны: вы хотите, чтобы мы вели себя так, – будем вести себя так, хотите, чтобы иначе, – будем вести себя иначе, как вы требуете. Лишь бы только вы не ущемляли наших религиозных чувств, не мешали нам жить внутренне свободной жизнью.

Итак, исполняя свой долг и перед властями, и перед родственниками, – ибо апостол Павел говорит, что тот, кто не заботится о своих близких, хуже неверного, – мы тем самым нисколько не мешаем молитве, наоборот, располагаем душу к тому, чтобы истово, внимательно, ревностно молиться. Потому что самое главное – это не внешние обстоятельства, а правильное расположение души, чистая совесть, в особенности смирение, любовь к Богу. Вот что делает человека способным к молитве. И вы сами понимаете, что эти чувства ничем внешним удержаны или искажены быть не могут, если мы сами добровольно не поддадимся соблазну.

Но… существуют внешние обстоятельства. Допустим, вечером внезапно появилась срочная работа по дому и человек вынужден прервать правило. Что же делать? Нужно, с одной стороны, проявлять гибкость, с другой – твердость. Гибкость состоит в том, чтобы приспособиться к обстоятельствам и, если необходимость заставляет нас сократить или вовсе оставить правило в обычное время, исполнить его в другое время. Твердость – в том, чтобы не оставлять молитву, не оправдывать себя тем, что нам что-то мешает молиться. Важно то, что мы ищем Бога и находим возможность в удобное для нас время соединиться с Ним умом, соединиться в молитве Иисусовой.

Иисусова молитва удобна еще и тем, что мы можем совершать ее в обстоятельствах самых, казалось бы, неподходящих для молитвы. Трудно в общественном транспорте достать молитвослов и читать, например, правило ко причащению: и толкают, и темно, и трясет автобус, – понятно, что такая молитва будет формальной. Хотя, конечно, это лучше, чем предаваться греховным или суетным помыслам. Однако

гораздо проще в неблагоприятных обстоятельствах читать Иисусову молитву и таким образом собирать свой ум. Ничто нам не помешает это сделать, лишь бы только мы сами стремились к этому. Допустим, нас кто-то толкает или грубит нам – та же самая Иисусова молитва помогает нам, конечно при некотором усилии с нашей стороны, преодолевать гнев и раздражение. Она утешает нас, она же соединяет нас с Богом, и она же помогает победить ту страсть, которая, к сожалению, часто проявляется в общении друг с другом, то есть гнев.

Можно рассмотреть и другие обстоятельства. Вот, скажем, человек находится за рулем. Некоторые приспосабливаются и слушают в автомобиле записи разных текстов, в том числе и молитвы, это, конечно, выход из положения. Но одно дело – слушать, а другое – молиться самому. Если человек ведет машину и повторяет про себя или вслух Иисусову молитву, то даже в такой, казалось бы, совсем немолитвенной ситуации, христианин все же имеет возможность как-то сосредоточиться. Иисусовой молитвой можно заниматься и тогда, когда ты стираешь, и когда готовишь, и когда утюжишь, и при какой-либо иной работе, которая не требует особенного внимания. И даже если мы поглощены серьезной умственной работой, то можем на одно мгновение отвлечься и сказать две-три Иисусовых молитвы, и это также вменится нам в непрестанную молитву.

Но в особенности для приобретения навыка в молитве, для преуспеяния в ней большое значение имеет так называемое четочное правило. Я его называю так потому, что обычно его совершают по счету по четкам. Можно молиться и без четок: просто стараться внимательно, без посторонних мыслей читать Иисусову молитву. Можно делать это в определенное время, вечером или утром, когда есть возможность, а можно, как я уже сказал, приспосабливаться к своим переменчивым обстоятельствам.

В одной из прошлых бесед я говорил о том, что в духовной жизни режим имеет очень большое значение. И в большой степени от нас самих зависит то, как мы планируем свой день. Поэтому мы должны проявить рассудительность и так организовать свой день, чтобы осталось время для молитвы.

Мы находим время для завтрака, обеда и ужина, для беседы со своими домашними, когда приходим с работы, находим время для общения с друзьями, для продолжительных разговоров по телефону, но… не находим времени для молитвы. Почему? Наша неорганизованность тому виной. Мы не придаем должного значения молитве, поэтому так и получается. Но даже если мы всё сделали для того, чтобы у нас осталось время для молитвы и при этом все же случилось нечто неожиданное, препятствующее обычному ходу вещей, тогда мы должны приспособиться и выискать «окно» в течение нашего дня, использовать свободное время для того, чтобы получить пользу, дорожа временем.

Итак, мы видим, что ничто не может помешать нам заниматься Иисусовой молитвой. Но, конечно, найдутся люди, которые скажут: «Да, действительно, если бы мы захотели, то ничто не могло бы этому воспрепятствовать, но неужели нам до такой степени необходимо молиться, что надо прилагать такие усилия? Может, как-то и без Иисусовой молитвы можно обойтись?» Действительно, можно обойтись без Иисусовой молитвы. Можно обойтись и без Церкви. Можно обойтись и без нравственности, и без порядочности… Можно жить как животное и придерживаться одних принципов борьбы за существование, превратиться в хищное животное, которое руководствуется, как говорил Фридрих Ницше, не моралью рабов (под которой он имел в виду христианство), а моралью господ. То есть все можно сделать тому, кто якобы «стремится к высшим целям».

Но что это принесет человеку? Фридриху Ницше это принесло мучительную смерть. Что принесла мораль господ германскому народу, который принял ее (очень талантливому, трудолюбивому народу, который мог бы, как мы видим по современному состоянию Германии, достичь высокого материального преуспеяния)? Прежде всего, неисчислимые бедствия. Я уже не говорю о том, как пострадали от этого многие и многие миллионы людей самых разных национальностей: и славяне, русские в том числе, и евреи, против которых был устроен геноцид, и многие народы

Восточной и Западной Европы. И все из-за того, что немцы приняли эту, казалось бы, правильную мораль – мораль господ.

Нет, мы не должны руководствоваться моралью господ, мы должны принять так называемую мораль рабов, только порабощаться не людям, а Господу Богу, порабощаться тем заповедям, которые Он нам преподал. Будучи последовательными в этом пути, мы встречаем некоторые трудности, связанные с нашей человеческой немощью. Преодолеть эти трудности нам помогает молитва, в особенности молитва Иисусова. И когда человек трудится над ней, он приобретает много прекрасных качеств: и мир душевный, и покой, и власть над собой, и внутреннюю собранность, и кротость, и смирение, и терпение скорбей.

Даже если мы не будем упоминать о том, что все это имеет значение для вечности, для христианского совершенства, а будем говорить только о тех свойствах, которые нужны в практической жизни, то и здесь мы найдем много полезного.

Иисусова молитва учит человека собранности. Она освобождает его от власти страстей, порабощающих его разум, и таким образом дает ему возможность здраво, трезво видеть все вещи, которые его окружают, в том числе и то, что касается чисто житейских интересов.

Иисусова молитва дает человеку терпение. Разве терпение является маловажной вещью? Разве можно чего-либо достичь без терпения?

Иисусова молитва приносит человеку смирение. Как много мы терпим от гордости! Как часто нам препятствует в достижении наших целей гнев!

Можно было бы список добродетелей, которые имеют даже практическое значение, продолжать еще долго.

Что приносит христианину Иисусова молитва? Самое главное, если кратко сказать, она помогает ему жить по Евангелию. Без помощи свыше исполнить евангельские заповеди трудно, если не сказать – невозможно.

Иисусова молитва также является одной из главнейших евангельских заповедей. Об этом есть и притчи Спасителя, и рассуждения в посланиях апостола Павла, которому

принадлежит, между прочим, знаменитое изречение, краткое, но необычайно важное: *Непрестанно молитесь*[400].

Из сказанного можно сделать вывод о том, какую мы получаем пользу от этого упражнения, на первый взгляд кажущегося скучным и неинтересным. Однако если мы проявим некоторое терпение, трудолюбие, то в нашей душе постепенно произойдут изменения: водворится мир, появится ревность, мы почувствуем благодатные утешения, и даже само участие в таинствах приобретет для нас другое значение. Мы осознаем и почувствуем величие и пользу таких таинств, как исповедь и причащение. И всё благодаря Иисусовой молитве. Поэтому мирянину можно молиться, мирянину нужно молиться и мирянину ничто не препятствует молиться Иисусовой молитвой, кроме его собственного нерадения и нежелания.

Это то, о чем вкратце можно сказать в течение одной беседы. Хотя, конечно, об Иисусовой молитве написано очень много весьма обширных и глубоких книг. Я только хотел сказать, что Иисусова молитва необходима для всех мирян. В заключение приведу несколько примеров.

Недавно в Великом посту мы праздновали память святителя Григория Паламы, знаменитого защитника православия, подвижника, делателя молитвы Иисусовой. Его отец, Константин, был сенатором при византийском императоре и, будучи мирянином, имея нескольких детей, упражнялся в молитве Иисусовой. Иногда он так углублялся в нее, что даже во время заседания государственного совета не слышал, как к нему обращался император. Среди придворных были люди, которые завидовали ему и пытались настроить императора против него. «Смотри, государь, – говорили они, – он совсем тебя не слушает, он не обращает на тебя никакого внимания». А царь, который очень любил его и тоже был благочестивым человеком, говорил им: «Не трогайте его. У него есть другой Собеседник, гораздо лучше нас». «Другой Собеседник» – это, конечно, Господь Иисус Христос.

Значит, возможно преуспеть в молитве даже занимая в миру высокую государственную должность. В то время жизнь была довольно-таки неспокойная. В особенности, если учесть,

что в XIV веке Византия была окружена врагами. Тем не менее, Константин понимал, что только в Господе Иисусе Христе он может найти покой, и преуспел, даже служа при царском дворе.

Другой пример. Патриарх Фотий, живший в IX веке, был избран на патриаршество будучи мирянином. Можно себе представить, какая занятость, какой груз ответственности лежит на патриархе. И, тем не менее, ему это не помешало – во время своего служения он стяжал дар непрестанной молитвы.

Более того, святитель Фотий был большим любителем чтения. Причем он читал не только святоотеческую литературу, но и светскую. Он составил труд, который называется «Библиотека». В нем он описывал книги, которые прочитал, и свои впечатления от них, своего рода рецензии. Это сочинение составляет энциклопедию литературы того времени. Некоторые из описанных им книг были утеряны, и мы знаем об их существовании только из «Библиотеки» патриарха Фотия. Когда он был несправедливо низвергнут с патриаршего престола и находился в заключении, то скорбел не о том, что его унизили, несправедливо с ним обошлись, заставили терпеть физические лишения, а о том, что его лишили чтения. Так он любил читать! Чтение, углубление в умственную деятельность также не помешали ему стяжать непрестанную молитву.

Приведу пример из книги «Жизнеописания афонских подвижников благочестия XIX века». Один афонский иеромонах был послан на подворье монастыря, которое находилось близ мирского селения. Придерживаясь правильных взглядов, он проповедовал там, что Иисусовой молитвой должны заниматься все христиане, в том числе и миряне. Прошел год, снова наступила его череда, и вновь он приехал на это подворье. К нему подошел простой крестьянин и сказал: «Вот, я молюсь…» И рассказал ему про то, что у него в сердце действует непрестанная Иисусова молитва. Рассказал ему о таком духовном состоянии, которое считается принадлежностью одних монахов. Иеромонах изумился тому, что его простая, краткая проповедь внушила ревность этому крестьянину и что благодать Божия не презрела этого человека, потому что, как говорит Священное Писание, *Бог нелицеприятен*[401]. И тот получил

такую благодать, такое преуспеяние и совершенство в молитве Иисусовой, которых не имел подвижник с Афона. Потому что мирянин этот, хотя, наверное, и в браке состоял, но имел самое главное, что необходимо для молитвы, – чистую совесть.

Можно было бы привести много других примеров – и древних и современных, – когда люди приобретали преуспеяние в Иисусовой молитве в условиях, казалось бы, совершенно не подвижнических, не будучи ни отшельниками, ни даже монахами, а живя в миру, имея семью, детей. Ничто не может помешать человеку молиться, еще раз говорю и настаиваю, кроме нечистой совести.

Монашествующие, то есть отрекшиеся от мира, имеют более благоприятные условия, и с нас больший спрос, потому что мы более свободны для того, чтобы заниматься умным деланием. Но и мирянам не следует свое нерадение оправдывать объективными обстоятельствами, потому что заповеди нужно исполнять всем одинаково. А как исполнить заповедь без помощи Божией? Да и сама молитва Иисусова – это также заповедь. Почему же мы пренебрегаем ею?

Поэтому, внимая всему тому, что я сейчас сказал, глядя на те примеры, которые я привел, руководствуясь святыми отцами, будем стараться упражняться в молитве Иисусовой.

Как самое первое и необходимое руководство, хотя не единственное и не объемлющее всего учения, советую книгу «Ключ разумения. Беседы о молитве Иисусовой», недавно выпущенную совместно двумя издательствами, Московской Патриархии и Ново-Тихвинского монастыря[402]. В ней содержатся поучения русских подвижников благочестия: святителя Игнатия (Брянчанинова), преподобных Нила Сорского и Василия Поляномерульского. Там есть и повествование о возвышенных молитвенных состояниях известного русского монаха-пустынника, подвизавшегося в наших краях, возле Туринска, преподобного Василиска Сибирского. Хотя, конечно, творения этих отцов адресованы преимущественно монахам, но многое из них с некоторой оговоркой могут принять к сведению и миряне и таким образом приступить к этому необходимому,

важному для всякого христианина – подчеркиваю, для всякого христианина – деланию.

* * *

Как бороться со сном во время совершения Иисусовой молитвы? Пока делаешь поклоны – худо-бедно молишься, а потом сон начинает так одолевать, что нет сил сопротивляться, не помогает даже холодная вода. Если молиться по времени раньше, то это уже не будет считаться молитвой перед сном. Как быть? У меня склонность к пониженному давлению, и мне кажется, что на второй сотне Иисусовых молитв мое давление резко падает. Может ли так быть или это искушение от врага? Что посоветуете?

Я думаю, что это сравнительно частое явление: человек по немощи засыпает на молитве. Если бы его что-то развлекало – разговор, например, или какое-нибудь дело, – то он мог бы еще часами не спать. А когда вниманием собираешься в себе, здесь все, так сказать, выходит наружу: и скука может быть во время молитвы, и немощь телесная. Как помогать себе? Есть много разных способов. Среди них холодная вода, поклоны. Если человек так немощен, что с самого начала молитвы начинает засыпать, то можно все правило совершать с поклонами. Конечно, это может быть тяжело, но можно делать поклоны поясные или класть их, стоя на коленях, что легче. Можно просто стоять на коленях – тебе будет неуютно, неудобно – и ты не заснешь. Холодная вода – средство хорошее, но оно действует недолго. В конце концов, можно выпить кофе или чай. Некоторые считают, что это чуть ли не грешнее, чем водку пить, я с этим не согласен. В греческих монастырях, например, монахи перед бдением для бодрости пьют кофе. По преданию, кофе и чай – это напитки, которые впервые стали употребляться именно монахами. Другое дело, что не нужно делать себе чифирь или пить кофе в таком количестве, чтобы к нему появилось пристрастие. Нужно и о здоровье думать: можно чай пить, а потом от него так заболеть, что уже никогда нельзя будет его употреблять, оттого что испортишь себе печень или кишечник.

Кроме того, в записке сказано: «Если молиться раньше, то это уже не будет считаться молитвой перед сном». Почему же не будет? Зачем все делать чересчур правильно? Чем откладывать молитву напоследок, когда ты совсем устанешь и у тебя не будет сил для совершения правила, лучше помолись раньше. Не жди, когда устанет твой ум и придется, даже имея прекрасное давление, бороться со сном, помолись часов в шесть-семь вечера, а потом читай книгу. Если ты будешь читать жития святых или Священное Писание, то разве в этом будет что-то плохое? Почитаешь и ляжешь спать. Не думаю, что это большое нарушение. Надо искать пользы, а не смотреть на внешнее. Спаситель говорит: *Суббота для человека, а не человек для субботы*[403]. Не человек для правила, а правило для человека.

Теперь относительно того, не является ли такая сонливость искушением от врага. Чтобы определить, искушение ли это или нечто естественное, надо сначала пересмотреть все вероятные причины: состояние здоровья, усталость, много или мало ты спишь. Если ты хорошо высыпаешься, здоровье у тебя прекрасное и никакой усталости нет – можно предположить, что это искушение. Если же есть что-то из перечисленного – значит, скорее всего, причина естественная. Хотя бывает и то и другое: и немощь телесная, и действие диавольское. В любом случае, даже если действует естественная немощь, не нужно ей поддаваться. Когда у человека пониженное давление, то сколько бы он ни спал, никогда не выспится. Я сам страдаю этим много лет. У меня был один приятель, который спал по двенадцать-четырнадцать часов в сутки, всегда хотел выспаться – и все равно не высыпался. Так можно всю жизнь проспать.

Почти каждый день родители допоздна смотрят телевизор, комнаты смежные, звукоизоляции никакой. Как можно сосредоточиться на молитве, если за стеной слышишь пальбу, крики и эмоциональную реакцию?

Я думаю, что деваться тут некуда, надо молиться. Необходимо понять следующее: внимание при молитве зависит не столько от наших усилий, сколько от действия благодати и приходит к нам не оттого, что мы уединяемся,

сосредоточиваемся, вообще стараемся, а скорее от нашего душевного расположения, в особенности от смирения. Если в обстоятельствах, которые от нас не зависят, мы будем смиряться и стараться понуждать себя к молитве, то именно благодаря такому нашему расположению в нас произойдет изменение действием благодати Божией. Мы можем почувствовать благодать тогда, когда, казалось бы, будем находиться для этого в самых неблагоприятных условиях. И наоборот, если мы будем гордиться или впадать в мечтательность, то можем совсем лишиться благодати, даже пребывая в уединении.

Поэтому опираться нужно не на внешнюю сторону, а на внутреннюю – на смирение, на покаяние и на свое душевное расположение. Мы никак не можем изменить ситуацию, не будем же мы скандалить с родителями – от этого только хуже будет. Я когда-то в молодости тоже испытывал нечто подобное, но куда деваться? Если так – пальба только по телевизору, а будешь настаивать на своем – она начнется уже в жизни.

Можно ли к Иисусовой молитве добавлять название того греха, который совершил? Например, произносить молитву так: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную и хитрую»?

Иногда, в виде исключения, можно. Но если мы будем все время прибавлять к молитве разные слова, то это будет мешать нам молиться. Сначала прочтешь пятьдесят молитв: «Помилуй мя, грешную и хитрую», потом: «Помилуй меня, грешную и лукавую», и так будешь беспрестанно развлекаться. Иногда, в чем-нибудь согрешив, можно прибавить один-два раза какое-то слово, чтобы вызвать сокрушение. Но заниматься этим постоянно неполезно.

Всегда ли мысли во время молитвы от диавола или могут быть и от Бога?

Это вопрос серьезный, важный. Человек, который задал этот вопрос, имеет некоторое представление о молитве и предполагает, что то, что отвлекает от молитвы, уже является искушением, и это правильно. Во время молитвы часто и диавол нас искушает, и мы сами, желая оправдать свое

нерадение в молитве, придумываем какие-то предлоги, чтобы ее оставить. Допустим, нам срочно нужно сделать важный телефонный звонок или решить какой-то вопрос. Обратите внимание, что всегда, когда приходит время молитвы, в голове возникают «нужные» мысли. Почему такая странная особенность? Почему не на полчаса раньше молитвенного правила или даже на десять минут, а именно тогда, когда ты встал на молитву? Это уже очень подозрительный признак. И кроме экстренных случаев, таких как пожар, нужно подобными вещами пренебрегать.

Правда, бывают и смешные случаи. Одна благочестивая девушка занималась Иисусовой молитвой. Однажды в общественном транспорте ей пришла в голову мысль, что кто-то лезет в ее сумку. Она думает: «Это искушение, чтобы отвлечь меня от молитвы». Но потом все-таки оглянулась и увидела, что, действительно, лезут в ее сумку. То есть это была не просто мысль, а чье-то реальное прикосновение. Так что благоразумие проявлять тоже необходимо.

Но если мы молимся дома, если все благополучно, спокойно и вдруг нам приходят в голову важные, остроумные решения, то здесь нужно подозревать искушение и быть к этому безразличными. Если мысль здравая, то почему бы не обратиться к ней после окончания правила? Но заметьте: когда правило оканчивается, та же самая мысль нам часто кажется глупой и никчемной. Диавол соблазняет нас видом здравого смысла, даже какого-то открытия. А когда время молитвы проходит, то это открытие оказывается смешным и ничего не значащим.

Но иногда во время молитвы могут появиться мысли и от Бога. Какого они характера? Если человек молится и вдруг чувствует, что он окаянный грешник, что он такой ничтожный и немощный, что одна только милость Божия может его спасти, то, конечно, это мысль от Бога. Что является признаком этой мысли? Усугубление внимания, умиление в молитве.

Могут быть и другие мысли от Бога. Допустим, человек во время молитвы вспомнил, что он с кем-то несправедливо поступил, кого-то обидел, и он тут же внутренне раскаивается. И

вновь признаком того, что эта мысль от Бога, является усугубление внимания в молитве. Казалось бы, простой признак, но очень важный. Как сказал апостол Иоанн Богослов, *испытывайте духов, от Бога ли они*[404]. И еще: *Всякий дух, исповедающий Иисуса Христа, пришедшего во плоти, – от Бога. А дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть дух антихриста*[405]. В послании речь идет об истинных пророках и о лжепророках. А мы можем отнести эти слова к молитве. Если дух усугубляет исповедание Иисуса Христа, пришедшего во плоти, и внимание при молитве усиливается, значит, это от Бога. А если мысль отвлекает от молитвы, точнее сказать уводит от нее, тогда нужно подозревать, что эта мысль не от Бога. В лучшем случае, человеческая, допустим о том, что ноги болят, или спать хочется, или поесть нужно и так далее.

А бывают мысли явно бесовские, например совершенно неуместное раздражение или воспоминания о том, что происходило в течение дня. Часто диавол любит расхищать молитву гневом. Почему? Гнев в одно мгновение ока может лишить нас той благодати, которую мы приобретали долгое время. Диавол старается отвлечь человека от любви к Богу любовью к телу, похотью, то есть одно утешение, одно услаждение – духовное – заменить другим, плотским, которое, как известно, для большинства людей является сильным искушением, препятствующим вниманию. Явно, что это от диавола. Как может быть такое от Бога?

Вразумления, касающиеся практических дел, во время молитвы бывают очень редко. У меня, между прочим, был такой же случай, как у девушки, к которой залезли в сумку. Тогда я был еще мирянином. Помню, стоял я в церкви, молился, а шапку положил в нескольких метрах на радиатор, в общем-то она не очень дорогая была, цигейковая шапка-ушанка. Я так делал всегда на протяжении многих месяцев, может быть и лет, когда приходил в эту церковь. Стою, молюсь, а мне приходит в голову мысль: «Пойди, проверь шапку». Я думаю: «Нет, это искушение. Не буду проверять». «Пойди, проверь шапку!» Так я боролся и себя победил – проверять не пошел, но когда пришел

за шапкой, ее уже не было. Украли цигейковую шапку! Мне даже смешно стало. Правда, была зима, и, конечно, некоторые затруднения были – как идти домой без шапки? Но в конечном счете ничего страшного не произошло. Лучше было бы, конечно, шапку держать в руках. А может, это от диавола нарочно было искушение, чтобы заставить меня впоследствии постоянно чего-нибудь опасаться и думать, что на мысль, которая приходит в голову во время молитвы, нужно обязательно обращать внимание.

Незадолго до этого у меня был разговор с духовником. Я спрашиваю: «А как узнать, что у человека беспристрастие к вещам?» Он говорит: «Если у тебя что-нибудь пропадет, и тебе будет безразлично – значит, у тебя беспристрастие». И буквально на следующий день у меня пропадает шапка. Я вспоминаю его слова и думаю: «Есть у меня беспристрастие или нет?» В принципе, шапка была не очень дорогая, но в то время при моей бедности это было для меня нечто значимое. Оказалось, что пристрастие к вещам имело место, так как неудовольствие все-таки было. Так что, возможно, это была своего рода иллюстрация к поучению духовника.

Можно ли молиться молитвой Иисусовой за других людей, в частности за детей и других родственников?

Иисусовой молитвой за других людей молиться можно. Некоторые подвижники молятся за весь мир. «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных». Но мы за весь мир молиться не должны, потому что мы люди немощные, нам бы за себя помолиться. Пользы молитва за весь мир все равно не принесет, а если мы дерзнем на нее, то, пожалуй, надорвемся, как человек, который хочет поднять слишком большую тяжесть.

Можно молиться за других людей так: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси раба Твоего такого-то, подаждь ему душевный мир и всякое благополучие». Это очень распространенная форма Иисусовой молитвы за других людей, так молились в Глинской пустыни.

В книге про афонских подвижников я читал, что они молились так: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй раба Твоего такого-то». Это самая простая форма Иисусовой

молитвы. Можно даже опустить слова «раба Твоего». «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй Александра». Можно добавить, как я некоторым советую, слова «и мя грешного» или «и мя грешную». «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй Александра и мя грешного». Таким образом, ты упоминаешь имя и этого человека, и за себя молишься.

Единственная оговорка: если мы будем поминать слишком много имен, то это может отвлекать. Все внимание будет уходить на то, чтобы имена не забыть. Одно, два, максимум три имени. Можно сделать так: сначала помолиться за одного ребенка, потом за другого, за третьего и так далее. Так же можно молиться и за мужа, и за отца, и за мать. Мы не можем не молиться за близких людей. Если мы помогаем им телесно, скажем кормим и одеваем детей, воспитываем их, то, конечно же, мы должны за них и молиться. Мы обязаны это делать! Но необходимо осознавать, что молитва за другого человека – это не развлечение, а тяжкий труд.

Когда мы дерзновенно берем на себя труд молиться за человека, пребывающего в тяжких грехах, то подвергаем себя многим опасным искушениям, а мы не способны их вынести. Вот молится человек за какого-нибудь блудника, и ему самому начинают приходить нечистые помыслы; молится за умалишенного, и ему приходят мысли о самоубийстве; молится за наркомана, и не только у него самого, но, глядишь, и в семье происходит какое-нибудь несчастье. Потому что в духовном мире, как и в физическом, существуют свои непреложные законы, существует своего рода ответственность.

Выдающийся русский подвижник XX века преподобный Силуан Афонский очень мудро, исключительно из собственного опыта сказал, что молиться за людей – это кровь проливать. Нам же кажется, что, когда мы, допустим, кирпичи таскаем или землю копаем – это тяжело, а когда повторяем какие-то слова – это пустяк. А это отнюдь не пустяк. Потому что мы не просто слова повторяем, не просто воздух колеблем языком, а берем на себя ответственность, берем на себя груз чужих грехов, скорбей. Можем ли мы его понести? Я думаю, что по большей части нет. И поэтому молитва, в особенности усиленная,

непрестанная Иисусова молитва за человека предполагает то, что нам придется потерпеть в лучшем случае трудности, а может быть, даже испытания и искушения.

За своих родственников мы не можем не молиться. Вот, допустим, у кого-то сын выпивает. Не станешь за него молиться, так он будет продолжать напиваться, драться. А будешь молиться – глядишь, страсть его оставит, хотя и ты, может быть, какие-то искушения потерпишь. Но другого выхода нет, потому что никто другой ему не поможет. Нужно осознавать, что молиться за близких родственников – это наш долг.

А брать на себя добровольно подвиг – молиться за других людей – нужно с большой осторожностью, с благословения опытного духовника, осознавая, какие это может иметь для нас последствия. Я призываю не к эгоизму, а к смирению. Если человек о себе скромного мнения, осознает свое скромное преуспеяние и свои ограниченные возможности, то это не эгоизм, а трезвый взгляд на самого себя.

Ведь помогать человеку можно не только молитвой. Гораздо проще дать ему милостыню. Молитва кажется нам простым делом оттого, что мы не понимаем, что такое духовный мир и какие закономерности в нем действуют, и поэтому так легкомысленно к этому относимся.

Можно ли после вечернего правила мыться и заниматься другими бытовыми делами? Или если уже помолился, то должен идти спать?

Конечно, как нужда заставляет. Можно устроить целый рабочий день после вечернего правила. Часа на четыре. Иногда и такое бывает по той причине, что не у всех есть возможность помолиться прямо перед сном. Допустим, нужно мыть детей, укладывать их спать и тут, как говорится, не до молитвы. Поэтому лучше тогда помолиться раньше. Я уже говорил о том, что нужно приспосабливаться к обстоятельствам. Не уступать им, не оставлять молитвы, а находить свободное время для нее в течение дня.

Можно ли чем-нибудь заниматься? Конечно, желательно перед сном хоть немного напряженно помолиться. Но если нет возможности, значит, нет. Всегда нужно засыпать с Иисусовой

молитвой. Ложишься спать, закрываешь глаза и читаешь Иисусову молитву, пока не заснешь. При этом по четкам молиться не нужно, потому что они могут помешать заснуть. И если мы будем про себя повторять Иисусову молитву, то будем спокойно засыпать.

Можно ли молиться, когда с кем-то общаешься?

Нужно молиться, но, опять же, не до такой степени, чтобы не слышать того, о чем тебе говорят. Если ты беседуешь с кем-то и при этом углубляешься в молитву, а потом спрашиваешь: «Что-что?» – то собеседник может обидеться. В особенности если это происходит на работе. Тут не только коллега может быть обижен, но и начальство. Не всегда может найтись такой начальник, как император, который говорил, что у Константина, отца Григория Паламы, есть лучший Собеседник, и тогда тебя могут наказать за то, что ты не вовремя молишься.

Можно ли молиться Иисусовой молитвой без благословения духовника?

Конечно, все, что делает христианин, нужно было бы делать с совета духовника. Есть такая народная пословица: «Где совет, там и свет». Обо всем нужно советоваться. Святитель Тихон Задонский говорит, что признаком благочестивого христианина является то, что он общается с людьми благочестивыми, естественно, советуется с ними и избегает людей нечестивых. Поэтому когда мы общаемся друг с другом, с духовником или просто с благочестивыми христианами, может быть более опытными, чем мы, раньше пришедшими в Церковь, приобретшими уже собственный духовный опыт, то понятно, что мы с ними советуемся. Хорошо, если это духовник. Но в то же самое время мы должны понимать, что и духовники, и миряне, и монашествующие, и патриархи, и епископы, и архимандриты, и схимники – все руководствуются в Православной Церкви святыми отцами. Все мы должны руководствоваться святыми отцами.

Даже если у нас есть опытный духовник, это не значит, что мы не должны читать святых отцов. Мы должны руководствоваться и советами духовника, и постоянно читать святых отцов, наставляющих молитве и вообще пишущих о

борьбе со страстями, в особенности, если мы занимаемся Иисусовой молитвой.

Лучшими руководителями для нашего времени являются русские подвижники. Более всего по той причине, что они ближе к нам по времени и потому более понятны. Преподобные Нил Сорский, Паисий (Величковский), оптинские старцы, святители Игнатий (Брянчанинов) и Феофан Затворник – у них можно найти много прекрасных полезных наставлений.

Поэтому молиться Иисусовой молитвой нужно, это заповедь евангельская, заповедь новозаветная, и мы не имеем права ее нарушать. Ты же не будешь спрашивать у духовника: «Отец Иоанн, можно мне не прелюбодействовать?» Он, наверное, удивится и скажет: «Как можно прелюбодействовать?!» Но если апостол Павел сказал: *Непрестанно молитесь*, то почему духовник должен сказать: «Нет, ты так не делай»? Или если Спаситель говорил: *Бодрствуйте на всякое время и молитесь*[406], то кто дерзнет сказать: «Нет, не надо бодрствовать и на всякое время молиться»? Тот, кто так говорит, либо имеет серьезные основания, для того чтобы запретить человеку молиться непрестанно (может быть, отклонения в душевной жизни данного человека или, действительно, его тяжкие, смертные грехи, нераскаянность), либо он говорит необоснованно. Поэтому, повторю, для нас неоспоримым критерием истины является одно только святоотеческое учение.

Можно ли, как советует святитель Игнатий, заменить утренние молитвы следующими: Трисвятое, «Отче наш», Символ веры, 50-й псалом, 100 молитв Иисусовых?

Нечто подобное советовал и другой великий подвижник XIX века преподобный Серафим Саровский. Он советовал мирянину читать краткие молитвы: три раза «Отче наш», три раза «Богородице Дево», Символ веры, а потом Иисусову молитву.

Конечно, можно сказать, что преподобный Серафим сокращал молитвенное правило ради нашей занятости, но он же говорил об Иисусовой молитве! И здесь нет сокращения, наоборот, это увеличение молитвенного правила, простирающееся на весь день человека. Святитель Игнатий,

когда говорил о ста Иисусовых молитвах, учитывал немощь человека, а если кто-то чувствовал бо́льшую ревность, то, наверное, он ему не запрещал, а поощрял. А для начала мирянину, занятому человеку, он советовал это, считая, что такое молитвословие может быть более полезным, чем утреннее правило.

Святитель Феофан Затворник пишет, что можно самому подобрать себе молитвенное правило, объясняя это тем, что какие-то молитвы нас более вдохновляют.

Да, есть такое поучение. Святитель Феофан Затворник советует читать те молитвы, которые производят большее впечатление на душу, и читать их спокойно, медленно, не боясь того, что ты сократишь правило по количеству молитв. Поэтому он советует ориентироваться на время. Скажем, выделил ты полчаса или час на молитву, может быть, какие-то молитвы ты и опустил, но остальные спокойно, внимательно прочитал. Это один из способов.

Святитель Феофан также иногда советует запоминать псалмы, которые производят особенное впечатление, и употреблять их при молитвенном правиле. Можно и так делать.

Сам он про себя рассказывает, что когда принял постриг в монашество и уже заканчивал обучение в Киевской духовной академии, то вместе с другими иноками посетил знаменитого старца Парфения Киевского. Тот был человеком малообразованным, потому что ушел из семинарии, для того чтобы подвизаться в монастыре. И он им сказал: «Вот вы, ученые монахи, набравши себе правил, помните, что нужно только одно – непрестанно молиться». Вот в чем суть дела. Есть самое главное – непрестанная молитва, и есть то, что помогает Иисусовой молитве. Когда правило, в чем бы оно ни состояло – пусть это будет чтение какого-нибудь канона, акафиста, псалтири, – помогает Иисусовой молитве, то это прекрасно.

Иисус беседовал с апостолами возлежав. Можно ли читать Евангелие и молитвы лежа?

Иисус, когда возлежал, ведь не молился, Он ел. Все зависит от физического состояния человека. Если человек

больной и стоять во время молитвы или даже сидеть ему очень трудно, то, конечно, ему можно лечь. А если просто разрешить всем лежать, то все сразу и лягут. А потом скажут: «Отец Авраам благословил молиться лежа».

Есть такая пословица: «Поп сидя обедню служит, а миряне лежа Богу молятся». Смысл этой пословицы такой: если священник проявляет нерадение, то миряне, беря с него пример, проявляют еще большее нерадение. Чтобы не получилось так, как в этой пословице, нужно понимать, что молиться лежа можно только больным людям, чрезмерно уставшим, переутомленным. Но не всем подряд и не в любом случае.

Может быть и другая крайность. Некоторые из какой-то особенной ревности считают, что молиться нужно только стоя на коленях или только перед иконами, а лежа молиться нельзя. Понятно, что когда мы стоим перед иконами, то само телесное положение вызывает в нас благоговейные чувства. Но, тем не менее, можно молиться и лежа, если человек болен.

Батюшка, не могли бы вы дать совет тяжелобольным людям, которые не могут молиться стоя? Будет ли их молитва угодна Богу?

Святые отцы, например Нил Сорский, говорят, что человек может оставить телесные подвиги, допустим поклоны или долгое стояние на молитве, но оставить умное делание никто не имеет права, даже человек, лежащий на смертном одре.

Приведу пример, о котором говорится в книге аввы Дорофея. У него был ученик, преподобный Досифей. Это был молодой человек, очень ревностный, чистый. Так случилось, что в юном возрасте, пробыв только пять лет в монастыре, он заболел чахоткой. В то время, в VII столетии, эта болезнь была неизлечима. Ему становилось все хуже, и в какой-то момент он сказал своему наставнику, авве Дорофею: «Отче, я больше не могу держать в уме молитву». Видимо, у него было такое тяжелое состояние, что он уже не мог сосредоточиться. И авва Дорофей разрешил ему просто помнить о Боге. Значит, можно сделать вывод о том, что до этого-то преподобный Досифей

молился. Даже находясь на смертном одре, он не оставил полностью молитву, а старался хотя бы помнить о Боге.

Как быть мирянину, который хочет молиться Иисусовой молитвой, но не имеет наставника? Можно ли ему исповедовать помыслы батюшке, не занимающемуся умным деланием?

Я думаю, что наставника все же можно найти, пусть он будет не великий старец, но хотя бы с некоторым опытом. Можно обратиться к кому-то из монашествующих, кто знаком с этим деланием. Исповедь помыслов батюшке, не занимающемуся умным деланием, не принесет пользы: он просто не будет знать, что тебе сказать, или даже запутает. Как он сможет дать совет в деле, в котором не имеет опыта? Поэтому если вам действительно не удастся найти никакого наставника, тогда нужно читать книги об Иисусовой молитве, в особенности сочинения писателей последнего времени, в первую очередь святителя Игнатия (Брянчанинова). Много полезного о молитве можно найти в письмах оптинских старцев, в творениях святителя Феофана Затворника и праведного Иоанна Кронштадтского. Хотя отец Иоанн в своих творениях касается больше духа молитвы, чем конкретных рекомендаций, но это также очень полезно. Есть различные сборники об Иисусовой молитве

Но время от времени все-таки нужно сообщаться с теми людьми, которые имеют некоторый опыт. Святые отцы советуют также, если нет опытного наставника, советоваться с единомысленным другом, который занимается тем же подвигом. Обсуждать друг с другом то, что с вами происходит. Но всем подряд рассказывать о том, что с тобой происходит, не надо. Мало того, что тебя могут по неопытности запутать, но даже если ты действительно ощущаешь благодать Божию, то, раскрыв лишний раз свое состояние перед другим человеком, ты можешь потерять эту благодать за тонкое, для тебя даже незаметное тщеславие, можешь остаться пустым.

Можно ли молиться Иисусовой молитвой за себя и за мужа? Сам он не молится.

Можно. Но, конечно, надо помнить, что молитва – это дело серьезное, тяжелое и ответственное. А то многие думают, что поскольку молитва не ощутима, не материальна, то ничего за нею не последует. Молиться нужно с осторожностью и, желательно, по благословению духовника. Некоторые этого не понимают. Записывают в свои помянники сотни имен или договариваются со знакомыми на групповое чтение Псалтири: каждый читает по кафизме, поминают всех своих родственников. Обычно, конечно, возникает желание молиться за людей, которые находятся в заблуждении или болеют. Получается огромный список имен, из этих людей кто пьяница, кто наркоман, кто безбожник, кто умирающий больной. И вот женщина, которая, может быть, два года назад в церковь начала ходить, давай всех этих людей вымаливать! А с ней потом начинает нечто непонятное происходить, так что она не знает, к какому врачу бежать или к какому батюшке, не понимая, отчего у нее возникло столько проблем.

От чего бывает страхование, боязнь темноты? От малодушия?

От малодушия, от маловерия. Но боязнь темноты – это не страхование, это просто напрасный страх. Такое явление очень часто бывает: молишься, а тебе кажется, что за спиной кто-то стоит. На самом деле, конечно, никто не стоит, просто это бес тебе внушает, чтобы смутить тебя и отвлечь от молитвы.

Страхование – это когда тебе является какое-нибудь чудовище или происходит что-то в этом роде. Как было, допустим, у преподобного Филарета Глинского: он молился, вдруг появилась какая-то кошка, по мантии заползла ему на плечо, а потом исчезла. Вот это страхование. Или еще пример. Один кавказский подвижник, Иларион, молился в пещере, а ему вдруг явился разбойник и замахнулся на него саблей. Тот не обратил на него внимания, углубился в молитву, тогда разбойник стал пятиться назад и, дойдя до края пещеры над пропастью (подвижник забирался в пещеру по лестнице), стал кричать: «Падаю, помогите, помогите!». Но Иларион помогать ему тоже не стал, и тот исчез. Вот это страхование. А темноты бояться не надо. Иначе скоро будешь бояться и собственного

голоса. Захрапишь во сне и вскочишь от страха: «Ой, зверь зарычал!».

Если утром торопишься на работу и мало времени на молитву, а хочется еще почитать Евангелие, можно ли сократить утреннее правило и прочитать хотя бы одну главу Евангелия?

Думаю, если ты чувствуешь пользу от чтения Евангелия, то справедливо так сделать. Действительно, утром в особенности уместно читать Евангелие, чтобы настроиться на исполнение заповедей. Можно утреннее правило немножко сократить, а, допустим, вечером помолиться побольше. Это естественно. Конечно, лучше советоваться с духовником, но человеку необходима некоторая свобода делать то, от чего он чувствует больше пользы, больше благодати.

«Просите, и дано будет вам…»

Просить Бога о помощи необходимо непрестанно. – Что делать, если мы не получаем просимого? – О похвальном бесстыдстве в молитве. – Почему Бог иногда медлит нам помогать. – *Бдите убо на всяко время молящеся*. – Молитва мытарева и фарисейская. – С каким настроением мы должны молиться. – Как определить, есть ли у человека благодать? – Об оставлении молитвы.

В прошлых беседах мы говорили о том, что сильнейшим, а в наше время, может быть, единственным средством, помогающим нам исполнить евангельские заповеди, является непрестанная молитва.

Само то, что мы должны молиться, есть евангельская заповедь. О непрестанности молитвы Господь наш Иисус Христос говорил многократно – иногда прямо, а иногда в притчах, касаясь той или иной стороны молитвенного делания. Прежде всего приведу известные слова Спасителя из Евангелия от Матфея: *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него*[407]. Вот краткое начертание учения о том, что необходимо непрестанно молиться.

Просите, и дано будет вам. Эти слова Господь говорит в конце Нагорной проповеди и тем самым научает нас тому, что успеха в делании заповедей нам необходимо просить у Бога. То есть умение жить по-евангельски как раз и достигается, в значительной степени, просьбами об этом – и просьбами непрестанными. Нравственную жизнь человек ведет непрерывно. Когда он ест, пьет, спит или работает, и его действия ограничены во времени, нравственность же ничем не ограничена. Что бы человек ни делал, он, как существо

нравственное, всегда должен делать это правильно, каждое мгновение должен за собой следить. В самой нейтральной ситуации, как будто не касающейся Евангелия, можно поступить по-христиански, а можно – и противно Евангелию. И поскольку человек непрестанно находится в состоянии нравственного выбора, то и просить помощи у Бога ему необходимо непрестанно.

Когда мы приступаем к деланию заповедей, то в нас должно быть понуждение, во-первых, к самому деланию добродетели, во-вторых, к молитве. То есть наше спасение слагается из двух частей: из нашей собственной воли, которую, конечно же, необходимо понуждать к добру, и из воли Божией, которую мы должны молитвой склонить к снисхождению, милосердию в отношении нас. Поэтому молитва приобретает огромное значение, она становится чем-то вроде соли, без которой невозможно почувствовать вкус пищи, или чем-то вроде хлеба, без которого, что бы мы ни ели, нам всегда чего-то не хватает.

Просите, и дано будет вам. Из предыдущего евангельского текста ясно, что просить мы должны, прежде всего, не каких-либо земных благ, потому что о них Господь печется прежде нашего прошения, а о духовном, о нравственном, о своем спасении.

Ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает… Если человек пристанет к кому-то с просьбой и не отступит, то тот вынужден будет подать ему просимое не ради, может быть, него самого, а за его неотступность, дерзость, надоедливость. Так и в духовной жизни. Мы не должны стыдиться и избегать такой дерзости. Мы думаем, что, если мы у Бога чего-то попросили, а Он нам не дал, значит, это Богу неугодно и не нужно больше об этом просить. В житейских вопросах мы бываем неотступны, потому что житейские блага кажутся нам совершенно необходимыми. Мы, допустим, не можем не хотеть есть. Если мы и потерпим день-два, то в конце концов терпение наше иссякнет, и мы будем вынуждены любыми средствами добывать себе пищу. Так же и во многих других житейских потребностях. Когда же мы

просим у Бога чего-то духовного, нравственного, евангельского и, не получив этого сразу, успокаиваемся, то этим обнаруживаем, что мы пришли в некоторое духовное отупение, очерствение и сами не понимаем своей нужды. Если бы мы ее понимали, то, конечно, прибегли бы к заповеди Спасителя: *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам.*

Всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. Мы должны непрестанно «стучаться» молитвой к Богу и «надоедать» Ему, пока Он не подаст нам того, что мы просим. Повторю, речь идет о вещах духовных. Что касается просьб житейских, то к ним следует относиться так: если Бог мне этого не подал, значит, это и не нужно, значит, мне это не на пользу. Но требования, которые Господь предъявляет к нам как необходимые к исполнению, то есть Его заповеди, никак не могут быть тем, что нам «в данный момент не нужно». Мы точно знаем, что нам всегда необходимо быть кроткими, не осуждать, видеть свои грехи и, наоборот, не видеть грехов брата. Поскольку мы уверены, что это всегда и всюду нам нужно, то имеем дерзновение просить об этом и не успокаиваться, пока не получим. Некоторые, долго не получая просимого, «смиряются», но такое смирение здесь неуместно. Если мы не получим просимого ни сегодня, ни завтра, ни через год, ни через несколько лет – мы все равно должны просить об этом неотступно всю свою жизнь.

Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею? ***Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него.*** **Если мы, будучи грешными, лукавыми людьми, все-таки умеем любить своих детей, то тем паче Бог, преисполненный безграничной, неизреченной любви, заботится о нас. Среди людей нет такого человека, который подал бы голодному вместо пищи то, что убивает, а не то, что поддерживает жизнь. Тем паче Бог на нашу просьбу о духовном хлебе не ответит тем, что подаст камень, то есть**

вместо освящения не подаст что-то совершенно ненужное человеку, а дарует то, что нам необходимо для поддержания нашей духовной жизни, жизни по Евангелию. И мы, несомненно зная, что это истинное благо, имеем право просить о нем с дерзновением, неотступно – до тех пор, пока не насытим свою душу.

Несколько раньше Господь наш Иисус Христос в той же самой Нагорной проповеди, говоря о молитве, произнес следующие слова: *И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно*[408]. Слова о тайной молитве не нужно понимать буквально, иначе мы вынуждены были бы отменить общественные богослужения и вообще никому, никак и никогда не показывать, что мы молимся, – речь идет о том, чтобы молиться тайно от собственного тщеславия, собственной гордости.

Далее Господь говорит: *А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него*[409]. Язычники, как известно из истории, в своих прошениях были чрезвычайно многословны, каждый день перечисляя все свои обычные житейские нужды. Такое подробное перечисление они считали совершенно необходимым для того, чтобы получить у своих богов просимое. Господь же учит нас не уподобляться им: Он знает, в чем мы имеем нужду еще прежде нашего прошения. Мы должны быть чрезвычайно кратки в перечислении не только житейских нужд (мудрые люди в таких нуждах совершенно полагаются на Бога и ни о чем подобном Его не просят), но и нужд духовных, потому что и о них, конечно, Господь знает. Но если в житейских нуждах мы не должны слишком Богу надоедать, всегда предполагая, что исполнение просьбы для нас может быть не полезным, то в просьбах о духовном мы,

безусловно, должны быть неотступны. Под духовными нуждами, как вы понимаете, имеются в виду не сверхъестественные духовные дарования, а то, что необходимо нам для спасения.

Итак, из приведенных наставлений Господа ясно, что молитва должна обладать двумя качествами – непрестанностью и лаконичностью. А отсюда можно сделать вывод, что Иисусова молитва чрезвычайно подходит к этому евангельскому учению Спасителя.

В Евангелии от Луки есть более подробная притча о том, что молиться необходимо непрестанно. *Положим, что кто-нибудь из вас,* – говорит Господь Иисус Христос, – *имея друга, придёт к нему в полночь и скажет ему: друг! дай мне взаймы три хлеба, ибо друг мой с дороги зашел ко мне, и мне нечего предложить ему*[410]. Если у нас есть близкий человек, друг, то при срочной нужде мы прежде всего обращаемся к нему, зная, что он к нам расположен и поэтому никогда нам не откажет. И Спаситель уподобляет Бога нашему другу, к которому мы можем обратиться в любое время, даже самое неподходящее, как показывают слова: *Придёт к нему в полночь*. Кроме того, эти слова могут означать и наше собственное нравственное состояние: мы можем «прийти» к Богу даже тогда, когда нам так тяжело, будто мы погрузились в полночную тьму.

И скажет ему: друг! дай мне взаймы три хлеба. **Под тремя хлебами можно, конечно, понимать и просто хлеб, в котором мы нуждаемся, и хлеб, поданный с избытком: трех хлебов, безусловно, хватит для того, чтобы накормить одного человека. Можно усмотреть в этих словах и некоторый аллегорический смысл и под тремя хлебами понимать благодать Пресвятой Троицы, подаваемую в молитве: хлеб – это символ благодати, питающей и укрепляющей душу, а число три – символ Бога, единого в трех Ипостасях.** *Ибо друг мой с дороги зашел ко мне, и мне нечего предложить ему.* Что можно понимать под этим образным выражением? Может быть, оно имеет и какое-то конкретное аллегорическое значение – например, молитву о

братьях во Христе или о своих плотских родственниках, но в общем смысле здесь речь идет о какой-то неожиданной нужде.

А тот изнутри скажет ему в ответ: не беспокой меня, двери уже заперты, и дети мои со мною на постели; не могу встать и дать тебе[411]**. То есть: «Ты пришел неожиданно, в совершенно неподходящее время, дети мои со мною на постели, и я не хочу их беспокоить. Не могу ничего тебе дать». Если под другом понимать Бога, то дети – это, наверное, угодники Божии или ангелы Божии, которых Господь не хочет беспокоить ради нас, грешных. Находясь в духовной полночи, во тьме внутренней, мы недостойны того, чтобы Бог посылал к нам на помощь праведников или ангелов:** *Не могу встать и дать тебе.*

Если, говорю вам, **– продолжает Спаситель, –** *он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит*[412]. Здесь Господь учит нас неотступности и даже дерзости. По-русски переведено «по неотступности», а по-церковнославянски – «за безочство», то есть за бесстыдство. В молитве действительно необходимо быть дерзким и бесстыдным, потому что если мы будем проявлять совершенно неуместное здесь смирение, неуместную кротость, то ничего не получим. Обычно человек проявляет в этом случае кротость и смирение по той причине, что не чувствует, не понимает своей острой нужды. Если бы он ее понимал, то презрел бы все приличия. Итак, если мы, по свой греховной жизни, не можем рассчитывать на дружбу с Богом, не можем рассчитывать на то, что Он подаст просимое из любви к нам, то, по крайней мере, будем вновь и вновь приступать к Нему, и Он будет вынужден нам дать по нашей неотступности. В жизни так и бывает.

Конечно, еще раз нужно напомнить, что это притча. Под видом житейских ситуаций она изображает то, что передать в точности человеческими словами невозможно. Разумеется, Бог не спит и всегда готов подать нам то, что мы просим. Просто нам самим кажется, что Бог к нам безразличен – вот в чем вся соль. Нам самим кажется, что Бог нас не любит, что уже темно и Ему не хочется из-за нас

беспокоиться. На самом деле в этой неотступности нуждаемся, скорее, мы сами. Когда мы понуждаем себя к дерзновенной непрестанной молитве, то сам наш дух меняется таким образом, что мы становимся способны воспринять милость от Бога. Господь в любой ситуации мог бы помочь нам в одно мгновение, но мы часто находимся в таком душевном расположении, что не воспринимаем эту помощь. Да и как мы можем ее воспринять, когда даже не понимаем своей нужды, когда нам кажется, будто у нас все хорошо? Именно через непрестанную молитву и понуждение себя мы становимся способны прилепиться к Богу и получить те духовные блага, которые неизреченным образом проистекают от Него на все творение и, в особенности, на человеческий род.

В Евангелии от Луки есть еще одна притча о непрестанной молитве. *Сказал также им притчу о том, что должно всегда молиться и не унывать*[413]. Иногда бывает так, что Господь долго не помогает нам в тяжелой ситуации, например в какой-нибудь сильнейшей брани. Борьба длится у кого-то несколько часов, а у кого-то затягивается на целые годы; и человек, не получая помощи, начинает унывать: «Как же так? Столько лет я молюсь, а Господь меня не поддерживает, я вновь и вновь побеждаюсь грехом». Именно для таких людей, которые почему-то делают неправильный вывод из долготерпения Божия, Господь и сказал эту притчу.

В одном городе был судья, который Бога не боялся и людей не стыдился[414]**. Под этим судьей, конечно, подразумевается Сам Бог. Но почему сказано, что Он и Бога не боится, и людей не стыдится? Бог не может бояться Самого Себя, то есть над Ним никого нет и Он никого не боится. Людей же не стыдится по той причине, что Он выше всякого одобрения или осуждения. Господь совершает какое-либо дело не ради одобрения людей, а делает то, что считает нужным, поэтому иногда допускает и то, что в глазах людей кажется странным и недостойным Бога. В частности, Бог не стыдится того, что мы, христиане, Его чада, побеждаемся страстями: Он попускает это ради**

нашей пользы, ради нашего спасения. Кроме того, можно понимать эти слова: *Бога не боялся и людей не стыдился* – и так: когда Господь нам долгое время не помогает, то мы воспринимаем Его так же, как несправедливого человека, который никак не реагирует на наши законные притязания. Во время тяжкой духовной борьбы многие люди в отчаянии смотрят на Бога именно так, будто Он никогда не помогает и никакой справедливости у Него нет. Но смысл притчи состоит вот в чем: даже если бы Бог действительно казался нам таким – и даже если бы Он таким и был! – мы обязаны просить Его о помощи.

В том же городе была одна вдова, и она, приходя к нему, говорила: защити меня от соперника моего[415]**. Вдова эта – наша душа. Вдова не имеет мужа и совершенно беззащитна перед всеми превратностями жизни, она – символ беззащитности и немощи. Наверное, можно понимать под вдовой душу, лишившуюся благодати и потому одинокую, ибо для человеческой души естественно быть соединенной с Божественной благодатью. А под соперником имеется в виду либо грех, либо диавол, который постоянно докучает беспомощной душе, постоянно с ней «судится» и всячески ее обижает.**

Но он долгое время не хотел. А после сказал сам в себе: хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь, но, как эта вдова не дает мне покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мне[416]**. Конечно же, это образ, Богу не свойственно рассуждать. Рассуждать могут люди и ангелы, как умы ограниченные, которые от одного вывода при помощи рассуждения приходят к другому выводу (правильному или неправильному – это уже другой вопрос). Бог же, как Всесовершенный Ум, сразу объемлет в Себе все в точности и истине. Он постоянен, не изменяет Своего отношения ни к кому и ни к чему и поэтому всегда любит человека и всегда желает ему помочь. Здесь вновь изображено наше собственное неправильное отношение к Богу: нам кажется, что сначала Бог долгое время не хочет нам помочь, а потом, когда мы Ему надоедаем, вдруг**

переменяет Свое отношение к нам и говорит: «Хотя Я не знаю ни стыда, ни страха и совершенно безразличен к людям (как нам кажется в нашем отчаянии), но так как ты, душа, не даешь Мне покоя, то Я защищу тебя, чтобы ты больше не докучала Мне своей молитвой». И Господь неожиданно, казалось бы, без всякой причины, посылает нам Свою благодать и защищает нас от соперника – от греха и диавола. На самом же деле, причина кроется в нас самих. Когда наша душа созревает, на протяжении более или менее долгого времени показывает свою ревность, свое искреннее желание избавиться от власти греха, тогда Господь посылает ей помощь. Вся наша борьба состоит в борьбе с самими собой и идет за постоянство в добродетели, потому что наша воля переменчива, она колеблется от добра к злу и опять от зла к добру.

И сказал Господь: слышите, что говорит судья неправедный?[417]**.** **По-славянски:** *Слышите, что судия неправды глаголет?* Некоторые отцы понимают слова «судья неправды» в том смысле, что Бог есть судья для всякой неправедности. И вообще, описание этого судьи: Бога не боится, людей не стыдится, он судья неправды – говорит о том, что Бог настолько выше человеческих понятий о добре и зле, что, можно сказать, неизмеримо их превосходит и они никак не могут быть к Нему приложимы.

Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их?[418] **Здесь Господь уже открывает смысл этой борьбы, этого нашего отчаяния, когда нам кажется, что если Господь нам помогает, то совершенно неожиданно и только потому, что мы Его умолили. На самом же деле если мы молимся с настойчивостью, то являемся действительно избранными, и это медление, собственно, для того и происходит, чтобы мы усовершенствовались в духовной жизни. Это медление нужно для нас самих: ради нашего непрестанного вопияния мы становимся избранниками Божиими. Славянский перевод этого места исполнен более глубокого смысла:** *Бог же не имать ли сотворити отмщение избранных Своих,*

вопиющих к Нему день и нощь, и долготерпя о них? Итак, то, что кажется нам жестокостью и безразличием, в действительности есть долготерпение Божие, попущенное для того, чтобы наша душа окрепла в искании истины и в любви к Богу.

Сказываю вам, что подаст им защиту вскоре[419]**. «Медление» в помощи – на самом деле скорая помощь и скорая защита. Во-первых, потому, что земная жизнь необычайно скоротечна, а во-вторых, когда мы получаем помощь Божию и сподобляемся вкушения Божественной благодати и близости к Богу, то все скорби, которые казались нам прежде невыносимыми, теперь кажутся совершенно мимолетными, ничтожными и не стоящими того великого благодатного утешения, которое Бог дарует терпеливому в молитве.**

Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?[420]**. Эти слова, на первый взгляд, по смыслу не относятся к притче, но на самом деле они завершают ее, и в них Господь наш Иисус Христос открывает, что непрестанная молитва происходит от веры. Тот, кто верит, что заповеди необходимо исполнить, тот, кто понуждает себя к этому и об этом неустанно просит, несмотря на постоянные неудачи и «безразличие» со стороны Бога, показывает свою веру. Он верит, во-первых, что так нужно жить, а во-вторых – что Господь, ради его непрестанной молитвы, подаст ему просимое. Таким образом, эти слова:** *Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?* – говорят о том, что в последние времена мало будет истинно верующих, мало людей, прибегающих к непрестанной молитве.

Может быть, вам покажется странным соединение как будто бы не связанных между собой вещей: веры и непрестанной молитвы. Но, по мнению святителя Игнатия (Брянчанинова), который обращался к древним текстам, то есть к писаниям мужей апостольских, к житиям древних святых, непрестанная молитва была принадлежностью христиан вообще, все христиане непрестанно призывали имя Господа Иисуса Христа. Как говорит святитель, этого не

могло не быть, потому что, во-первых, они были преисполнены любви к Господу и непрестанно вспоминали Его, во-вторых, видя бесчисленные чудеса, происходящие от имени Иисуса Христа, они, благоговея перед этим великим именем, постоянно призывали его. Естественно, что с ослаблением веры пропадает и желание непрестанно молиться: если мы считаем, что какую-либо заповедь можно исполнить, а можно и не исполнять, то зачем тогда и непрестанно просить? Когда мы считаем, что за неисполнение заповедей никак не будем наказаны, а за их исполнение не ждем особенной награды, то это обличает наше маловерие.

В Евангелии от Луки, кроме этих притч, есть и совершенно определенные слова Спасителя о том, что необходимо непрестанно молиться. Говоря о кончине мира и о Своем втором славном пришествии, Господь наш Иисус Христос заканчивает это пророчество следующими словами: *Внемлите же себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапу день той. Яко сеть бо приидет на вся живущие на лицы всея земли. Бдите убо на всяко время молящеся, да сподобитеся убежати всех сих хотящих быти, и стати пред Сыном Человеческим*[421]. Последнее предложение по-русски звучит так: *Бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих бедствий и предстать пред Сына Человеческого*. Итак, здесь прямо сказано о том, что мы должны непрестанно, *на всякое время,* бодрствовать и молиться. Это заповедь Спасителя. И я не знаю, как могло случиться в наше время то, что мы забыли об этой наиважнейшей и, если так можно выразиться, ключевой, начальной заповеди, без которой, как мы видели из предыдущих толкований, невозможно исполнить и прочие заповеди. Естественно, что из-за нашего забвения этого необходимого делания рождается нерадение, духовное оскудение, а иногда даже безразличие к тяжким грехам.

Бодрствуйте. **Так же, как и в других случаях, когда невозможно словами описать духовное явление в точности,**

Господь прибегает к образам, заимствованным из человеческой жизни. Бодрствование – это нечто противоположное сну. Кто непрестанно молится, тот бодрствует, а кто оставляет молитву – тот погружается в духовный сон. Человек бодрствующий видит истинное положение вещей, а спящий видит сны, которые кажутся ему действительностью. И мы, оставляя молитву, погружаемся не только во тьму, но и в сновидения, и всё воспринимаем совершенно неправильно, не можем трезво смотреть на вещи. Недаром святые отцы духовное делание, умное делание, называют иногда еще и трезвением.

Нужно обратить внимание на слова: *Внемлите же себе*. Это, между прочим, повторение Моисеевой заповеди. Моисей еще в древности сказал иудеям: *Внемли себе, да не будет слово тайно в сердце твоем беззакония*[422]. Человек должен быть внимательным к себе, к своей внутренней жизни.

*Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими***. Конечно, мы должны следить не только за тем, чтобы не поддаваться объедению, пьянству и житейским заботам. Спаситель говорит здесь об этих грехах по той причине, что, увлекаясь ими, мы вообще обо всем забываем и погружаемся в совершенную тьму неведения, – а увязнув в суете, мы уже не можем бороться с собой, следить за собой с той целью, чтобы жить нравственно: все наше внимание уже в другом. И тогда день Страшного суда постигнет нас так же внезапно, как и день нашей собственной кончины. Тогда, хотя бы мы жили и девяносто, и сто лет, смерть окажется для нас неожиданной. И наоборот, для угодников Божиих, таких как, например, святитель Иоанн Златоуст или святитель Игнатий (Брянчанинов), смерть была ожидаемой, хотя они прожили сравнительно недолго, – святитель Игнатий почил в шестьдесят лет, а святитель Иоанн не дожил и до шестидесяти. Они всегда были готовы к смерти. Святителю Игнатию было открыто, что он скончается в воскресенье; он каждый недельный день готовился к**

смерти и, действительно, умер в воскресенье. А святителю Иоанну Златоусту в ночь перед кончиной явился во сне мученик Василиск (святитель был в ссылке именно в том месте, где пострадал этот мученик) и сказал ему: «Завтра ты будешь со мной». На следующий день он отслужил литургию и почил.

А для людей, живущих беспечно, погрузившихся в заботу о земном, какое может быть трезвение, какая может быть молитва? Прежде нужно отстраниться от чрезмерной заботы о земном, иначе мы будем искать благ не духовных, а земных и молитва наша будет формальна и ничего нам не принесет. Тогда *этот день* действительно придет внезапно, даже если мы достигнем глубокой старости. Вместо того чтобы каяться и звать священника, мы вызовем «скорую помощь», чтобы нам сделали укол и чтобы мы в свои сто лет не умерли и прожили еще неизвестно сколько.

*Ибо он, как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному***. Как внезапно явится день Страшного суда, день второго пришествия, так и день смерти для многих приходит внезапно. Казалось бы, мы видим вокруг себя смерть и должны всегда о ней думать, потому что это неизбежная участь каждого человека, тем не менее, день кончины находит как сеть,** *на всех живущих по всему лицу земному*, кто бы что собой ни представлял, именно потому, что люди думают только о земном. И только тогда, когда мы перестанем чрезмерно заботиться о земном – перестанем не совсем, а так, чтобы не отягощаться *объядением и пьянством и печалями житейскими*, – мы сможем по-настоящему бодрствовать над собой, бодрствовать духовно и избежать всех тех напастей, которые Господь перечислил ранее и которые были опущены мною ради краткости. Тогда мы сможем *предстать* духовно *пред Сыном Человеческим* как в будущей, так и в этой жизни, потому что истинная молитва есть предстояние пред Богом. И настоящее, истинное христианство также есть постоянное хождение пред Богом. Как допотопный праведник Енох, по Священному Писанию, ходил пред Богом, так и каждый христианин должен ходить в присутствии Божием;

и тогда, конечно же, он получал бы помощь Божию и от одного только страха более усердно прилежал бы нравственной жизни, евангельским заповедям.

Наконец, коснемся вопроса о том, какие именно слова нужно употреблять в непрестанной молитве. Для этого обратимся к речи Спасителя, обращенной к ученикам, которую подробно описывает апостол Иоанн Богослов: *И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне. Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю*[423]. Немного ранее Он сказал: *Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня* (Ин. 14:6). Итак, никто не может достигнуть близости к Богу, если он не будет прибегать в особенности усердно к молитве Иисусовой. Конечно, можно идти другим путем: некоторые древние подвижники использовали для непрестанной молитвы, например, отрывки из псалмов. Но путь, который одобрил Сам Господь, – это молитва, в которой употребляется Его собственное имя – молитва Иисусова. *Никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня*, то есть никто не приходит к постижению Божества Бога Отца, как только через молитву к Иисусу Христу. В особенности прямо говорится об этом в следующих словах: *Если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне*. Некоторые сектанты понимают эти слова буквально. Молитву они начинают так: «Отче, во имя Господа Иисуса Христа…» – и потом просят о чем-то своими словами. Мы же понимаем эту молитву, согласно с древним преданием Православной Церкви, именно как необходимость призывать Самого Господа Иисуса Христа.

Господь говорит: *И чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне*, а далее продолжает прямо: *Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю.* Здесь Он уже не уточняет: *от Отца*, а ясно говорит о Себе. Итак, если мы соединяем непрестанность молитвы с именем Иисуса Христа, то получаем в молитве великое дерзновение, и действительно получим все, о чем попросим. Но что получим? Что угодно, если только это является благом истинным, а не мнимым; небесным, евангельским, а не земным. Если мы будем

просить того, чтобы жить нравственно, чтобы внутри самих себя победить грех, чтобы очистить свое сердце, если будем просить, в конце концов, того, чтобы в каждый конкретный момент победить то или иное греховное внушение, тот или иной соблазн, – то мы, безусловно, просимое получим, Господь все для нас сделает. Если же мы станем просить чего-то суетного, ненужного, то Господь может этого не исполнить, ибо это может оказаться для нас вредным и погибельным. Поскольку Бог, как Он Сам сказал, *людей не стыдится*, то Он не будет исполнять все, что мы хотим, чтобы показаться нам добрым и благим. Он не постыдится выглядеть в наших глазах жестоким, лишь бы только мы сами не получили вреда, лишь бы только мы сами не выпросили себе что-нибудь ненужное и душевредное.

Чтобы быть плодоносными, – конечно, в смысле духовном, а не земном, – мы, как говорит Спаситель, должны пребывать в Нем. *Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне*[424]. Люди, не имеющие духовного опыта и не читающие святоотеческих книг, в которых этот духовный опыт изложен, могут предположить, что это сказано в переносном смысле и речь идет о том, что мы должны быть близки к Богу. На самом деле слова Господа нужно понимать буквально: мы должны пребывать во Христе – умом. Те, кто это испытал, действительно ощущают пребывание внутри себя Господа. И Господь должен пребывать в нас – испытавшие это также ясно ощущают, что Он действительно пребывает внутри человека, в душе и в сердце. Они ощущают это как совершенно объективную, непосредственную реальность, не нуждающуюся ни в каких доказательствах. Когда мы видим друг друга, то не пытаемся друг другу доказывать свое присутствие, – так и ощущая свой ум внутри Господа Иисуса Христа и ощущая Господа Иисуса Христа внутри своего ума и сердца, мы понимаем, что это действительность, а не притча.

*Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне***. Если мы не будем пребывать умом в Господе, то не сможем принести**

плод. Мы не только должны молиться Господу – мы должны с Ним соединиться. Никто не скажет, что это противоречит учению святых отцов об умном делании, потому что это так и есть: когда мы умом соединимся с Господом, тогда будем получать живительную силу, которая одна и может сделать нас в христианском смысле живыми, живущими.

Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего[425]**. Нам нужно постоянно пребывать во Христе, укорениться в Нем, естественно с Ним срастись. Только во время этой глубочайшей, непостижимой близости и возможно нравственное плодоношение, возможен результат, а иначе у нас ничего не получится – без Господа мы не можем сделать ничего, никакого истинного дела. Да, люди могут преуспевать без Бога в каких-то суетных занятиях, и даже, будучи богопротивниками, в злых, греховных делах, – но все это не истинные делания, а ложь, фикция, призрак. Истинное дело, которое остается с нами навеки и переходит в вечную жизнь, – это делание заповедей, а оно возможно только с Господом, только в единении с Ним.**

Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают[426]**. Если мы привиты на Лозе лишь формально, без внутреннего единства, если живительный сок, то есть Божественная энергия, Божественное действие не проникает в наше существо, то мы начинаем высыхать. Никакого плода мы в таком случае, конечно, приносить не можем и потому, как сухие ветви обрубают от виноградной лозы, так и мы отделяемся от Господа, бываем брошены в огонь и сгораем. И это нужно понимать как в отношении будущей, так в отношении нынешней жизни: как в вечности грешники горят в огне и пребывают в муках, так и в этой жизни они вместо живительного, прохлаждающего сока благодати получают сожигающий и мучающий их огонь страстей. И это, я думаю, многие из нас знают на опыте:**

когда у нас есть благодать – страсти отступают, а когда отступает благодать – тогда страсти начинают нас сожигать.

Хочу привести и еще одну притчу, которая помогает нам понять, с каким настроением, с каким чувством мы должны молиться. Это притча о мытаре и фарисее. Фарисей, как известно, молился так: *Боже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю*[427]. Мы знаем, что Господь эту молитву осудил, и поэтому можем видеть, как не нужно молиться. Это не значит, что нам не нужно благодарить: в Евангелии, например, сказано, что после Тайной вечери апостолы со Спасителем воспели благодарственные молитвы. Значит, благодарить нужно, но не так, как благодарил фарисей, – то есть не благодарить Бога за то, что ты лучше, чем другие люди. Это благодарение горделивое: на самом деле им прикрыто ложное мнение о себе. Если я думаю, что я несомненно лучше, чем *грабители, обидчики и прелюбодеи*, то есть совершенно падшие люди, значит, я уже подобен фарисею. Кто так о себе думает, к кому более или менее часто приходят такие мысли и кто с ними соглашается, тот уже не может преуспеть в молитве, потому что имеет в себе дух превозношения, дух презорства.

Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику![428] **Вот в этих немногих словах содержится молитвенный, покаянный дух: ни с кем себя не сравнивать, не просить чего-то особенного, а только одного – милости, прощения грехов.**

Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится[429]**. Вот такое самоуничижение, смирение и делает человека достойным милости Божией, оно духовно возвышает человека, то есть возносит его ум к Богу. Если же человек возвышает себя над прочими людьми, то каким бы добродетельным он ни казался себе в собственных глазах, на самом деле он будет**

далек от Бога, то есть будет унижен. И этим, если так можно выразиться, духовным унижением он будет отдален от настоящего общения с Богом, Который недаром называется Всевышним.

Итак, молитва непрестанная должна быть молитвой покаянной. *Унижающий себя возвысится.* Как мы можем унизить себя перед Богом? Когда мы, например, преклоняем колени в молитве или говорим о себе, пусть даже весьма искренне, что мы плохие люди, – то это все нечто внешнее. Внутреннее, сокровенное смирение – это именно покаяние, выражающееся в непрестанной молитве. Когда мы постоянно взываем к Богу такими словами: «Помилуй мя грешного», то тем самым постоянно смиряем свой дух, как бы преклоняем его пред Богом. Не может человек бесконечно преклонять колени, а вот бесконечно преклонять дух свой пред Богом – это в наших силах, если мы только захотим.

Если мы соединим все требования к молитве: то, что она должна быть во имя Христово; то, что она должна быть покаянной; то, что она должна содержать в себе правильное исповедание, истину, – то у нас как раз и получится молитва Иисусова, даже по своему тексту. Покаянные слова мытаря: «Боже, милостив буди мне, грешнику!» – безусловно, очень близки словам Иисусовой молитвы: «Господи… помилуй мя грешного». Когда Господь наш Иисус Христос спросил апостола Петра: *За кого вы Меня считаете?* – тот ответил: *Ты – Христос, Сын Бога Живого*[430]. Это, конечно, не дословно, но чрезвычайно точно передано в Иисусовой молитве словами: «Иисусе Христе, Сыне Божий». Апостол Павел говорит: *Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым*[431], назвать не просто устами, а с полным убеждением. Господь на исповедание апостола Петра ответил: *Не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах*[432]. И когда мы с полным убеждением называем Иисуса Господом, то это также не от человека, но от действия Святого Духа.

И, наверное, эту бесконечную тему – о молитве – имеет смысл закончить словами Господа Иисуса Христа, которые

Он по воскресении сказал Своим ученикам: *Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы*[433].

Видите, что сказал Спаситель? *Именем Моим будут изгонять бесов*. Конечно же, эти слова следует прежде всего понимать буквально: апостолы именем Господа Иисуса Христа будут изгонять злых духов из бесноватых, душевнобольных людей – и это совершалось в их время, а впоследствии преуспевшими учениками Христовыми, преподобными отцами, мучениками. И в наше время есть люди, в какой-то степени обладающие этим даром. Но это обещание Спасителя можно понимать и по-другому – в отношении внутренней жизни человека. Все мы в каком-то смысле одержимы бесами. Конечно, они не входят в нас так, как в бесноватых, и не владеют нами, как ими, но и мы подвержены бесовским соблазнам. Мы постоянно колеблемся от демонских внушений и иногда так сильно поддаемся их обаянию, что почти против воли грешим: допустим, не можем себя удержать от гнева или покоряемся блудному вожделению, хотя и осознаём, что это отвратительно. И это, несомненно, признак того, что нас не просто соблазняет наше естество, но что здесь действует посторонняя сила, то есть бесы овладевают нами через свои внушения и непосредственно через свои действия.

И вот Господь Иисус Христос учит нас, что, призывая Его имя, мы можем из самих себя изгнать бесов, очистить свою душу от бесовского влияния. Это даровано нам ради Его крестных страданий. Ради того подвига, который Иисус Христос совершил как Человек, Его имя приобрело необыкновенную силу. А поскольку Он есть и Человек и Бог, вторая Ипостась Пресвятой Троицы, то Его человеческое имя – Иисус – стало как бы именем Божиим, и потому, призывая Иисуса Христа, мы привлекаем и

необыкновенную благодать, необыкновенную силу Божества, действующую через это имя. Само это имя, можно сказать, стало благодатью. Преподобные отцы, испытавшие на себе действие этого имени, говорили: «Бей ратников именем Иисусовым, ибо крепче этого имени нет ни на небе, ни на земле»[434]. Они говорили, что имя Иисуса Христа, даже при невнимательной молитве вслух, освящает окружающий нас воздух и попаляет демонов, в нем находящихся. А если мы углубляемся в молитву, читаем ее внимательно, то через непрестанное призывание имени Иисуса Христа мы соединяемся с Ним так, что становимся, как говорит преподобный Серафим Саровский, «с Господом как бы един дух». Вот то оружие, к которому мы прежде всего должны прибегнуть, чтобы получить помощь в исполнении многотрудных, хотя и просто выраженных евангельских заповедей. И мы тогда только сможем называться христианами, когда будем всячески понуждать себя исполнять заповеди. Непрестанная же молитва есть одна из самых главных, ключевых заповедей. Без нее исполнить все остальное чрезвычайно трудно, а при нашей немощи, развращенности, гордости и лукавстве – практически невозможно.

* * *

Я слышала мнение протестантов об Иисусовой молитве, будто она похожа на медитационное заклинание или мантру и что ее многократное повторение превращает человека в робота, зомбирует.

Спаситель сказал: *Бодрствуйте на всякое время и молитесь*[435]. Апостол Павел повторил вслед за Ним: *Непрестанно молитесь*[436]. Значит, молиться мы должны непрестанно. Это заповедь Спасителя и святых апостолов, а отнюдь не зомбирование. Я даже иногда тем, кто спрашивает, какое правило читать, отвечаю: «Читай правило апостола Павла». Они удивляются: «Какое это правило?!» Я говорю: «Непрестанно молитесь».

Спаситель также учил нас не быть в молитве многословными, как язычники. Что же получается? С одной стороны, надо непрестанно молиться, с другой – не быть

многословными. Молитва Иисусова полностью соответствует этим двум требованиям.

Кроме того, Господь Иисус Христос говорил: *Именем Моим будут изгонять бесов*[437], и еще: *О чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам*[438]. Мы произносим великое и могущественное имя Иисуса Христа, непрестанно молимся и поэтому поступаем по Евангелию. Протестанты этого понять и вместить не могут, потому что у них благодати нет. Даже если они будут непрестанно молиться, то благодати все равно не получат, потому что для этого нужно быть в лоне Православной Церкви.

Протестанты не признают и монашества, ибо у них нет благодати, для того чтобы вести сверхестественный образ жизни, уподобляться ангелам. И вообще, все, что им непонятно из-за их пустоты и безблагодатности, они отрицают и называют человеческими выдумками.

Как определить, есть ли у человека благодать или нет?

Мне кажется, для новоначальных основным признаком действия в них благодати является мир в душе. По отношению к ближнему – это некоторое снисхождение, любовь, всепрощение. В отношении к себе – это покаяние, видение своих грехов, своего убожества, ничтожества.

Признаком благодати у более преуспевших является умиление в молитве, покаянные слезы, а иногда и страх Божий, страх вечных мук. Также признак действия благодати – это ощущение вечности, ощущение бессмертия своей души. Благодатью является также и то, что в нужный момент нам вспоминаются изречения из Священного Писания или из святых отцов, помогающие нам сориентироваться в той или иной жизненной ситуации и не согрешить.

В молитве признаком благодати является в первую очередь внимание. Чем более действует благодать, тем внимательнее становится молитва, потому что настоящее внимание не может быть достигнуто одними человеческими усилиями.

Можно ли иногда в конце Иисусовой молитвы добавлять прошение, например: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную и даруй мне страх Божий»?

Теоретически можно, но лучше было бы в духовных нуждах положиться на Бога, просто просить Его о помиловании, а Он подаст то, что необходимо. Вот мы просим страха Божия – а для нас это, может быть, преждевременно или нам сейчас в первую очередь нужна другая добродетель, скажем целомудрие или смирение. Поскольку мы можем в себе не разобраться, не понять того, что нам на самом деле требуется, то лучше все свои прошения вмещать в эти три слова: «Помилуй мя грешную». Господь знает, как нас помиловать и в чем.

Иногда, например при ропоте, можно сказать: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную, слава Тебе», или просто: «Сыне Божий, слава Тебе». Но наиболее опытные отцы не советуют часто менять слова молитвы, потому что от этого рассеивается внимание.

Мне кажется, что лучше молиться просто, ибо когда мы чего-либо особенного просим, то по немощи можем впасть в гордость, тщеславие, самонадеянность. Начнем думать о себе, что мы лучше разбираемся в своих духовных нуждах, чем, скажем, наш духовник, – и таким образом вступим на почву несколько не безопасную. Лучше держаться выработанной тысячелетиями формулировки: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного» – ею объемлется все. Если бы нужно было просить, допустим, страха Божия или чего-то еще, то Иисусова молитва звучала бы немного иначе. Много разных прошений есть в псалмах и молитвах, составленных отцами. Иисусова молитва – это наиболее универсальный и, я бы сказал, мудрый подход, потому что, молясь ею, мы во всем полагаемся на Бога: что Он считает нужным для нашего спасения, то и подаст, а мы должны просить только о том, чтобы Он был к нам милостив.

Когда у детей случаются в жизни какие-то серьезные трудности, то я молюсь о них так: «Господи, сделай так, как

Тебе угодно, как Ты считаешь нужным поступить с моими детьми». Правильно ли я поступаю или все-таки можно конкретно просить о том, о чем я беспокоюсь?

Думаю, можно просить о чем-то конкретном, даже житейском, земном, только с оговоркой: «Но не так, как я хочу, а как Тебе, Господи, угодно и как спасительнее для этих людей». Потому что иногда мы просим для своих родственников земных благ, а эти блага для них, может быть, бесполезны или даже откровенно вредны. О духовных благах просить, наверное, можно, а о земных – с оговоркой.

Во время домашней работы на кухне, при уборке, стирке, лучше читать Иисусову молитву вслух или про себя?

Если человек преуспел так, что у него легко идет внутренняя или, тем паче, непрестанная сердечная молитва, тогда, конечно, лучше ему молиться внутренне. Но это редкость, и среди нас, думаю, таких мало, если вообще есть. Человеку, который только приступает к Иисусовой молитве и не достиг в ней особенного результата, при всякой работе лучше читать молитву вслух. Тогда она сама будет напоминать человеку о том, что он должен делать: пусть он даже отвлечется и будет произносить слова молитвы рассеянно, но, услышав их, он может опять умом к ней вернуться и начать молиться внимательно. Этой устной, невнимательной молитвой он сам себе напоминает о молитве. К тому же, как я сказал, некоторые святые отцы говорили, что имя Иисуса Христа, поминаемое вслух, попаляет демонов, находящихся в воздухе.

Святитель Игнатий пишет, что оставление молитвенного подвига и промежутки на нем крайне опасны и что лучше не начинать этого подвига, нежели, начавши, оставить. Я же постоянно на долгое время оставляю молитву – не на минуты или часы, а на целые дни. Понимаю, что в молитве важно постоянство, но не получается так молиться. Подступают помыслы: может быть, мне действительно вовсе оставить молитву соответственно словам святителя Игнатия?

Ну, а в Евангелии написано: «Если кто соблазняет ближнего, то лучше ему повесить мельничный жернов на шею и бросить в море»[439]. И что нам делать? Раз мы все иногда соблазняем ближних своим поведением, то надо нам повесить себе на шею мельничный жернов и пойти утопиться? Мы ведь понимаем, что Господь дает эту заповедь не для того, чтобы действительно кого-нибудь утопить, а для того, чтобы мы старались никого не соблазнять. Так и святитель Игнатий говорит о том, что опасно оставлять молитву, не с той целью, чтобы мы прекратили ею заниматься, а затем, чтобы мы имели ревность о непрестанной молитве.

Степени Иисусовой молитвы

Три степени молитвы: устная, умная и сердечная. – О значении устной молитвы. – Пути перехода к умной молитве. – Приемы делания сердечной молитвы и действие благодати. – Мы молимся, постимся и исполняем заповеди ради вечного спасения. – Как избежать крайностей при занятии Иисусовой молитвой. – О смирении, понуждении себя и ревности к молитве. – Две причины, движущие молитву: борьба с греховными помыслами и память смертная. – Как бороться с видениями во время умной молитвы? – Можно ли молиться своими словами?

Тема сегодняшней беседы – степени Иисусовой молитвы. Непрестанная покаянная молитва – сильнейшее средство в борьбе с грехом, но оттого что мы не различаем степеней молитвенного развития, у нас бывают ошибки, приводящие иногда из-за нашей неопытности к серьезным последствиям. То, что я сегодня скажу, наверное, общеизвестно, но, во-первых, повторение – мать учения, а во-вторых, кто-то, может быть, отметит для себя какую-то деталь, на которую раньше не обращал внимания.

Молитва, как известно, делится на три степени: устную, умную и сердечную. Это самое первое, так сказать, элементарное деление. Святитель Игнатий (Брянчанинов), многоопытный подвижник, справедливо разделяет устную молитву еще на два вида: на собственно устную – произносимую устами беззвучно и гласную – произносимую в голос.

Скажу немного об устной молитве. Есть такие неразумные ревнители Иисусовой молитвы, которые считают, что нужно всегда молиться вслух, несмотря ни на что и ни на кого. На самом деле это, конечно, не всегда возможно. Если мы на работе или в общественном транспорте начнем вслух произносить молитву, то этим так или иначе будем либо искушать людей и смущать их, либо даже мешать молиться – например, в церкви. А вот, допустим, в монастыре на

послушании читать молитву в голос полезно, особенно новоначальным, чтобы таким образом напоминать себе о необходимости молиться постоянно. Потому что если они, не имея еще ни достаточного опыта, ни достаточной благодати, будут стремиться к молитве, творимой одним умом, то в результате оставят молитву вообще. Поэтому для новоначального, если есть возможность, весьма уместно творить молитву гласную, а если нет возможности – устную, то есть творимую устами беззвучно.

Однако устная молитва полезна не только новоначальным. Некоторые несправедливо принижают значение такой молитвы. А ведь многие молитвословия, совершаемые в церкви, произносятся именно устами: возгласы священника, диаконские прошения на ектении, чтение на клиросе псалмов или канонов – все это устная молитва.

Некоторые так гоняются за умственной, или умной, молитвой, что делают из нее самоцель. Опытно познав большее внимание при умной молитве, они пренебрегают устной молитвой как бы ничего не значащей. Это ошибка, которая может привести к рассеянности, оставлению молитвы и принятию греховных помыслов. Допустим, мы по какой-то причине не можем полностью сосредоточиться на молитве, например занимаемся рукоделием. В таком случае бывает очень полезно и даже необходимо молиться устно. Пусть пять-десять молитв мы скажем совершено невнимательно – а потом сам наш голос напомнит нам о том, что мы должны молиться, и мы придем в чувство. То же касается и молитвы, произносимой беззвучно: даже если мы в какой-то момент отвлечемся и рассеемся, то потом заметим, что наши уста по привычке шевелятся, и опять возвратим свой ум к внимательной молитве.

Кроме того, у нас, немощных, бывает такое искушение. Поскольку воля наша колеблется, то мы не всегда желаем добра. В глубине души мы стремимся к добру, но у нас, как в некоем озере, в глубине может быть тишина, а на поверхности – буря, нечистые помыслы, бесовское действие. И когда наше произволение начинает колебаться, когда мы чувствуем, что уже принимаем греховные помыслы, поддаемся им и, хотя ясно

осознаем их неправильность, не имеем сил противиться, – тогда весьма уместна и полезна молитва, произносимая вслух или, по крайней мере, устами. Произнесение этой молитвы дает нам возможность опомниться и прийти в себя, напоминает нам о том, что мы христиане, что нужно противиться греху. А если мы при сильном нашествии помыслов будем продолжать молиться умственно, то наше внимание может настолько поглотиться, увлечься грехом, что мы почти не будем внутренне произносить молитву или вовсе забудем о ней. Даже несколько преуспевшие люди могут рассеиваться как от необходимой суеты, так и от увлечения греховными страстями, и в обоих этих случаях для них уместна молитва вслух.

Напомню, что при сильном смущении помыслов, если есть возможность и позволяет телесная крепость, можно помогать себе и другими телесными действиями, скажем делать поклоны. Чтобы опомниться во время бесовского наваждения, во время бури, потемняющей наш ум, хорошо взирать на икону Спасителя или Божией Матери, и все свои чувства: слух, зрение, осязание, – направить к молитве.

Об устной молитве существует еще и такое мнение: поскольку это самая первая, начальная степень молитвы, то она по определению не может быть внимательной. Это неправильно: без внимания и устная молитва окажется совершенно пустой. Конечно, нужно различать невнимательность, рассеянность извинительную, бывающую от неопытности, и ту, которая происходит от нерадения, но в том и другом случае надо понуждать себя ко вниманию. И потом, Господь ведает, как распределять дары и кому что дать. Может быть, иной всю жизнь будет заниматься устной молитвой, и при этом так необыкновенно преуспеет, что будет молиться внимательнее, чем тот, кто занимается молитвой умственной. Бывает, что сердечная молитва несколько рассеянна, и бывает, что устная молитва чрезвычайно внимательна.

Очень важно понимать: на любой ступени молитвы необходимо понуждать себя к вниманию изо всех сил. Что значит понуждать себя ко вниманию? Это значит вмещать ум в слова молитвы. Этот принцип, преподанный нам преподобным

Иоанном Лествичником, настолько универсален, что годится и для начинающих, и для преуспевших, и даже для тех, кто познал сердечную молитву.

Некоторые подвижники всю жизнь не оставляли устной молитвы. Мало того, бывает такая устная молитва, которая даже является высшей степенью умной молитвы. При ней чувства настолько переполняют душу человека, благодать настолько стесняет его сердце, что он не может удержать молитву внутри себя и вынужден произносить ее вслух. Так было с блаженным Андреем, Христа ради юродивым, из уст которого вырывался как бы свист. Люди, не понимавшие его, считали, что он беснуется, а он просто был не в силах удержать молитву внутри, и она выражалась в произнесении слов, пусть невнятном, но идущем от избытка сердца. Один старец мне рассказывал, что он знал афонского подвижника, который не произносил вслух всю Иисусову молитву, а время от времени у него вырывалось из уст: «Иисусе Христе! Иисусе Христе!» Конечно, это высокий дар, которого достигают немногие. Я сказал здесь об этом просто для того, чтобы вы знали истинную цену устной молитвы.

Следующая стадия молитвы – молитва умственная. Переход от молитвы устной к молитве умной, или умственной, то есть произносимой одним умом, происходит не сразу, а постепенно. При этом возможны разные переходные этапы. Вначале мы чувствуем, что в гортани, хотя и при закрытых устах, язык немножко шевелится, потому что речевой аппарат еще откликается на умственную деятельность. Но постепенно это проходит, молитва становится все более и более чистой, все более и более произносимой одним умом. Как скоро совершается этот переход? Это зависит даже не столько от нашего усердия и времени, которое мы посвящаем молитве, хотя в значительной степени и от этого тоже, но более всего от смирения. Бывают люди, только приступающие к молитве, но имеющие искреннее смирение, ничего о себе не мнящие – причем именно в сердце, в глубине души, перед своей совестью, а не напоказ перед людьми, – которые легко и быстро преуспевают и сподобляются высших степеней молитвы.

Это не значит, что мы можем напряжением воли смириться и все это получить. Настоящее, опытное, а не надуманное смирение приобретается подвигом, борьбой с грехом. Именно в этой борьбе человек на деле познает свою ничтожность, немощь, греховность. Может быть, у одних людей от природы наклонность к смирению больше, а у других меньше, этим смущаться не нужно, не нужно думать, что мы обделены. Таких людей, наверно, большинство – не имеющих о себе искреннего смиренного мнения, которое нужно для быстрого преуспеяния в духовной жизни. Будем трудиться, и в самом этом молитвенном труде мы постепенно будем очищаться, совершенствоваться и преуспевать не только в молитве, но, так сказать, попутно и в прочих добродетелях. Это в каком-то смысле, может быть, даже лучший путь. Люди, быстро преуспевающие из-за смирения, обычно не имеют опыта борьбы, и когда они получают благодать, то не знают за что, а когда теряют – не понимают почему. А человек страстный в борьбе с собой становится опытным: начинает понимать, почему и как он теряет благодать, и уже знает, как удержаться от тех или иных грехов, как вести себя при том или ином искушении. Поэтому и этот путь имеет свое преимущество, хотя, конечно, в борьбе с собой человек испытывает иногда невыносимые страдания, невыносимые внутренние мучения. Никто, конечно, этого добровольно не желает, но поскольку мы обладаемы страстями, то должны идти этой дорогой. Мы идем либо путем смирения, либо путем борьбы. Других путей в духовной жизни нет.

Поэтому не нужно смущаться тем, что переход от устной молитвы к умной растягивается иногда на месяцы или даже на годы. У всех это бывает по-разному, и нужно смиренно относиться к Промыслу Божию, который все устраивает для нашей пользы. Схимонах Иларион, написавший знаменитую книгу «На горах Кавказа», много лет занимался устной молитвой, совершенно не думая о том, чтобы она перешла в молитву умную. А она потом как бы сама собой, без всякого понуждения с его стороны, перешла в молитву умную, а потом и в сердечную. Бывает и иначе: человек сразу, только приступив к духовной жизни, вкушает сладость сердечной молитвы, а потом

теряет ее и многие годы стремится вернуть то, что он испытал в самом начале своей духовной жизни.

Знаменитый глинский подвижник, схиархимандрит Серафим (Романцов), в молодости испытал действие сердечной молитвы. Потом во сне ему явилась некая отроковица, причем он каким-то образом понял, что это молитва Иисусова. Эта отроковица сказала ему: «Сейчас я тебя покидаю, но потом, в твоей старости, я вернусь к тебе». И сердечная молитва у него прекратилась. Почему так – одному Богу ведомо. И вот, когда он был уже, можно сказать, на смертном одре, в нем вновь начала действовать непрестанная Иисусова молитва, притом с таким обильным излиянием благодати, что он просто изнемогал. Он начинал бурно дышать и говорил близким духовным чадам, присутствовавшим при этом, что он изнемогает от благодати. Говорил, что к нему вернулось то, о чем он мечтал всю жизнь. Так, в этом благодатном состоянии, он и отошел ко Господу.

Так что, повторю, у всех это бывает по-разному. Бог Сам знает, кому что полезно, в какой мере и в какое время. Наше дело – трудиться. Даже если мы до самой смерти будем молиться устной молитвой, то и это принесет нам большую пользу. Когда человек молится хотя бы в какой-то степени внимательно, тогда он чувствует в душе некоторое благодатное утешение, некоторый мир. И когда он согрешает, допустим поддается осуждению, гневу или какой-либо другой страсти, то чувствует умаление благодати и, конечно, стремится вернуть тот душевный мир, который имел раньше. И пусть он даже молится только устной молитвой, тем не менее борьба за то, чтобы всегда иметь в душе благодатный мир Христов, уже приносит очень-очень большую пользу. Человек таким образом ведет сознательную христианскую жизнь. Он уже отличается от того, кто ведет духовную жизнь как бы вслепую: последний не знает того, что в духовной жизни хорошо и что плохо, или знает это только по книгам. Он чувствует в душе постоянную сухость, до такой степени укоренившуюся и привычную, что никаких изменений, даже при самых тяжких грехах, внутри себя не ощущает. А вот человек, который молится, пусть только устной молитвой, ощущает в душе некоторые колебания и дорожит

своим душевным миром. Конечно же, можно приобрести этот мир и другими способами, скажем читая Псалтирь, каноны или акафисты. Любое молитвословие приносит пользу, но следить за своим внутренним состоянием легче всего при занятиях молитвой Иисусовой.

Но вернемся к разговору об умной молитве. Когда человек чувствует, что во время устной молитвы уста у него как бы сами собой замыкаются, ему неудобно, неинтересно молиться вслух, а хочется молиться умом, то это почти всегда признак того, что наступает переход к молитве умной. И тут нужно вести себя благоразумно. Некоторые люди из ложного смирения боятся более высоких степеней молитвы. Те, кто занимается устной молитвой, боятся молитвы умной, а занимающиеся умной молитвой боятся молитвы сердечной: «Мы этого недостойны, мы этого не заслужили». Да, не заслужили, но ведь благодать Божия дается не по нашим заслугам. Поэтому если мы рассуждаем, достойны мы благодати или нет, то это признак гордости. Если благодать Божия нас посещает, то мы должны разумно принимать ее, не отвергать под предлогом смирения.

Итак, мы чувствуем, что нам стало как-то неинтересно, безвкусно говорить молитву устами, хочется произносить ее умом. Что ж, попробуем перейти к этому состоянию. Если вдруг нам опять станет неуютно, молитва будет произноситься в уме с трудом, «со скрипом», то мы вновь вернемся к устной молитве, ничего страшного в этом нет. Такое происходит, во-первых, от усталости (неопытным бывает трудно молиться умственно), а во-вторых, от того, что мы в чем-то согрешили и благодать умалилась. Творить молитву умом – это зависит не столько от нашего навыка, сколько от благодати, от Божественного действия. Божественное действие умалится – и молитва станет менее внимательной, опустится, может быть, на нижнюю ступень. Поэтому не нужно удивляться, что иногда у нас получается молиться умом, а иногда почему-то нет. Попробуем несколько себя понудить к умной молитве, но если это понуждение окажется бесплодным, не будем унывать, а вернемся к молитве устной.

Молитва умная также имеет много степеней. Я думаю, что преуспеяние в молитве вообще безгранично, потому что истинная молитва – это общение с Богом, и если так понимать молитву, то она продолжится и в будущей жизни. Человек будет все более и более познавать Бога, он будет восходить на высочайшие степени богопознания, о которых мы сейчас даже и помыслить не можем. Апостол Иоанн Богослов говорит замечательные слова: «Сейчас мы чада Божии, но неизвестно, что будем, ибо увидим Бога, как Он есть»[440]. Сейчас мы дети Божии, Бог усыновил нас, сделал Своими детьми, это само по себе необыкновенное звание, великое звание, но в будущей жизни и оно окажется малым: «Неизвестно, что будем». Апостол Иоанн даже не нашел подходящего слова, чтобы наименовать состояние человека в будущей жизни.

Поэтому преуспеяние в молитве, как я сказал, безгранично, и, в частности, каждая степень молитвы также имеет градацию. Конечно, весьма условную, потому что даже само деление молитвы на устную, умную и сердечную относительно. Я уже приводил пример того, как человек молится устами именно от избытка сердечной молитвы, от избытка благодати. Можно было бы сказать еще, например, о молитве священника во время богослужения. Не будем говорить о нас, обыкновенных священниках, а скажем о таком, как праведный Иоанн Кронштадтский. На службе он произносил молитву вслух, иначе и быть не могло, но насколько эта молитва была пламенная, насколько она была вдохновенная!

Постепенно преуспевая, развиваясь в умной молитве, человек может сподобиться и молитвы сердечной. Этому помогает погружение ума внутрь сердца при помощи разных искусственных приемов: взгляда внутрь себя, взгляда, устремленного в верхнюю часть сердца, сведения ума в сердце при помощи дыхания и других. Но, повторю еще раз, более всего преуспеяние в молитве зависит от смирения. Поэтому обращать особенное внимание на эти искусственные приемы, ставить их во главу угла не нужно. Однако пренебрегать ими совсем также было бы неразумно. Многие отцы рекомендовали художественные приемы делания молитвы. Среди них есть

изощренные, есть и более простые; можно применять и те и другие, но при этом надо помнить, что искусственные приемы сведения ума из головы в сердце – ту область, где находится источник человеческого духа, источник человеческих помыслов, – лишь тогда приносят успех, когда этому содействует благодать. Повторю: использовать разные приемы можно, но необходимо при этом смиряться, зная, что успех приходит не только от наших усилий, но более от действия благодати.

Конечно, все это желательно делать под руководством духовника, обязательно прочитав книги святых отцов, которые подробно рассуждают об этом занятии. Из трудов русских писателей, наверное, самые лучшие, и если нет других, вполне самодовлеющие – это труды святителя Игнатия (Брянчанинова). Некоторые из них специально посвящены Иисусовой молитве: в первом томе его сочинений находится статья «О молитве Иисусовой», во втором – «Слово о молитве Иисусовой». Есть у него и статьи, которые более отвлеченно, теоретически описывают занятия умным деланием и в то же время изображают высшие степени духовного преуспеяния: «О поучении, или памяти Божией» и «О молитве умной, сердечной и душевной». Также у него есть краткая статья «Странник», которая описывает обильное действие Божественной благодати, где под видом Странника изображен Дух Святой, как бы странствующий по миру и находящий приют в той или иной человеческой душе.

Хочу здесь заметить еще вот что: мы не должны заниматься Иисусовой молитвой как бы, извините за такое сравнение, неким спортом, то есть стремиться к результатам во что бы то ни стало. Нужный нам результат – это не умная или сердечная молитва сама по себе, а то, что мы овладеваем собой, приобретаем покаяние, силу бороться с грехом внутри себя, то есть научаемся исполнять заповеди. И даже можно сказать, что исполнение заповедей – это тоже средство, а конечная цель – это спасение. Когда мы так серьезно будем относиться к своей духовной жизни, когда начнем понимать, что молимся не ради преуспеяния, не ради достижения каких-то духовных высот, а ради спасения и вечности, тогда у нас будет совсем другое

отношение к молитве. Тогда для нас уже будет не так важно, молимся ли мы устами, умом или в сердце, для нас важен будет конечный результат. А конечный результат будет получен тогда, когда мы окажемся в Царствии Небесном, в раю. До тех пор никто из нас не имеет права успокаиваться, считать, что он достиг какого-то духовного уровня, этим тщеславиться и впадать в самодовольство. Если мы так неправильно подходим к молитве, если думаем, что нам необходимо стать тем-то или достигнуть такого-то состояния, то мы находимся в большой опасности.

В этом отношении все сочинения святителя Игнатия действуют чрезвычайно отрезвляюще, ибо в них постоянно подчеркивается, что мы молимся, постимся и даже исполняем заповеди ради вечного спасения. И когда мы так помышляем о своей духовной жизни, и в особенности о молитве, тогда никакой, даже самый возвышенный духовный результат не может привести нас к кичению, потому что мы знаем, что еще не достигли цели. Есть такое повествование о преподобном Макарии Великом. Когда его душа после смерти была возносима ангелами на небеса и летела мимо мытарств, то демоны на мытарствах кричали: «Макарий, ты ушел от нас!» А он отвечал: «Нет, я еще не ушел от вас». Так было несколько раз, и только тогда, когда преподобный одной ногой ступил в райские врата, он сказал: «Вот теперь я ушел от вас». Таково было смирение великих преподобных мужей, и после смерти не надеявшихся ни на себя, ни на свои подвиги, ни даже на благодать Божию, которая стала для них вторым естеством. И поскольку смирение стало их внутренней сущностью, они не могли превозноситься даже тогда, когда для этого был весьма основательный повод.

Авва Дорофей в «Душеполезных поучениях» повествует, как некий философ-софист спрашивал у знаменитого подвижника, аввы Зосимы, о том, что такое смирение. Тот отвечал, что смирение – это считать себя хуже всех. Тогда софист возразил ему: «Как же ты можешь считать себя хуже всех, когда ты явно видишь, какой ты добродетельный и какие чудеса творишь?» А Зосима по простоте своей сказал: «Не

смущай меня, я только знаю, что я хуже всех, и всё». Тогда авва Дорофей, присутствовавший при этом, попробовал объяснить этому софисту суть смирения таким образом: «Когда человек упражняется в смирении, то это становится его навыком. Человек, преуспевший в смирении, сделал его своим вторым естеством, и поэтому, хотя бы он разумом осознавал, что он лучше других, навык смиряться не позволяет ему этого сделать». Неважно, в каких словах святые отцы говорили о своем смирении, а важно это их душевное чувство, это, можно сказать, самодействующее воззрение на самих себя.

При занятиях Иисусовой молитвой, пусть это будет устная молитва, умная или сердечная, очень важно не уклоняться в две крайности. Одна крайность – чрезмерное спокойствие, то есть когда мы молимся без всякого усердия, не понуждаем себя ко вниманию под предлогом того, что все в руках Божиих и Господь все устроит. Вторая крайность – это, наоборот, чрезмерное понуждение себя, когда мы не знаем своей меры и придаем излишнее значение собственному усердию. Теоретически это сформулировать довольно просто, но на деле нащупать эту золотую середину бывает трудно – ибо ее надо искать не только для каждого отдельного человека, но даже в каждом отдельном случае в течение дня. Состояние настоящего молитвенника каждый день многократно меняется, и ему необходимо понимать: когда нужно смириться и молиться устами, а когда – понудить себя к внимательной молитве, когда нужно примириться с обстоятельствами, а когда – преодолеть эти обстоятельства, мешающие молитве. Тут поневоле будет сделано много ошибок, их не может не быть у человека, внутреннее состояние которого постоянно меняется. Об этом говорит преподобный Силуан Афонский: у того, кто молится по привычке, не бывает никаких изменений в молитве, а настоящий молитвенник знает множество разных перемен. И ему нужно в каждом отдельном случае правильно сориентироваться. Лучше, конечно, если у него есть опытный советчик.

В связи с этим большое значение приобретает такая добродетель, как рассуждение. В наше время, скудное духовными наставниками, очень полезно много читать святых

отцов, именно тех, которые учат добродетельной жизни. Конечно, нужно читать и догматических писателей, но более – нравственных и аскетических, потому что этим мы живем. Постепенно у нас в уме появится некая система, духовная лестница. Необязательно в виде именно той лествицы из тридцати ступеней, которую изобразил в своей книге преподобный Иоанн Лествичник. Я имею в виду вообще систематичность, постепенность перехода от одного духовного состояния к другому как в отдельных добродетелях, так и во всей нашей духовной жизни.

В чем необходимо ориентироваться прежде всего? Знать, в каком ты находишься состоянии, в чем ты должен себя понуждать, а в чем – терпеть свое состояние, смиряться. Если, скажем, человек, только начавший заниматься устной молитвой, мечтает стяжать молитву сердечную и понуждает себя умом войти в сердце (я сейчас нарочно привожу примеры самые очевидные, простые), то, конечно же, он требует от себя невозможного. Его ревность не уравновешивается смирением. И наоборот, если человек, преуспевший в умной молитве, пренебрежет ею под предлогом разных обстоятельств и начнет молиться молитвой устной, то он также потеряет благодать. В этом случае смирение – так называемое смирение, потому что настоящего смирения здесь нет, – перевешивает ревность. Я с такими случаями сталкивался: человек под предлогом смирения считает, что он не должен сосредотачиваться, и, раз у него не получилось в какой-то момент по мимолетной, пустяковой причине молиться умом, значит, ему и вовсе не нужно молиться так. И он теряет благодать. Это также неправильно. Вот то, что необходимо определить для себя прежде всего.

Кроме того, каждый день или даже несколько раз в течение дня также нужно определять, где нужно смириться, а где себя понудить. Скажем, если человек, работая у пилорамы, углубится в сердечную молитву, то он себе отпилит пальцы. Так же неуместно излишне погружаться в молитву водителю за рулем или повару на кухне. Нужно знать, когда необходимо смириться перед обстоятельствами и несколько отступить от

молитвенного делания, которое для тебя уже привычно и является твоим «достижением», твоей принадлежностью. Что я имею в виду? Допустим, в принципе ты уже можешь молиться сердечной молитвой, у тебя есть такая благодать и опыт, но в данной ситуации ты должен смириться. Некоторые этого не понимают и хотят пребывать в созерцании с утра до вечера и с вечера до утра. Но если такую позицию довести до крайности, это может кончиться просто сумасшествием. Надо трудиться, зарабатывать себе на хлеб, будь то в монастыре или в миру, и в этом также выражается смирение. Нужно подкреплять себя пищей, чтобы быть способным и к трудам телесным и духовным, и к самой молитве. Нужно давать себе время и на сон, потому что и наша плоть, и наш ум нуждаются в отдыхе. Если мы будем понуждать себя к самой внимательной, напряженной молитве на протяжении целого дня, то это кончится в лучшем случае головной болью, а в худшем – повреждением ума. Во всем нужна мера, поэтому наши обстоятельства промыслительно устраиваются таким образом, чтобы мы смирялись и всегда имели духовный аппетит.

Промысел Божий устраивает так, что мы всегда имеем жажду к молитве, но не всегда можем ее удовлетворить. И это хорошее состояние. Если бы нам представилась возможность молиться всегда и мы бы ею воспользовались, то кончилось бы это пресыщением, унынием или даже расстройством рассудка. Но когда мы во время правила или во время богослужения, когда нужно прилежать именно к молитве, станем к себе снисходить, жалеть себя, «смиряться», не станем с достаточной силой себя понуждать, то у нас мнимое смирение будет преобладать над ревностью, и мы, конечно же, не преуспеем.

Есть обстоятельства, которые можно преодолеть, и есть обстоятельства, перед которыми нужно смириться. Например, общение с людьми рассеянными, маловерующими, которые мешают нам вести духовную жизнь, можно в известной степени умалить, просто избегая этих людей, но бывает и такое общение, которого мы избежать не можем, допустим на работе, и тут необходимо терпеть. Итак, повторю, важно не уклониться ни в неразумную ревность, ни в мнимое смирение. Понуждать

себя, но понуждать так, чтобы это было действительно возможно. Если я, в своем новоначальном состоянии, буду понуждать себя молиться нерассеянно, без всяких помыслов, то у меня все равно ничего не выйдет. Если я, только придя в Церковь, начну понуждать себя к тому, чтоб ни в чем никогда не согрешить, у меня тоже ничего не получится, а только будет одно уныние от того, что я постоянно падаю.

Вместе с тем не понуждать себя двигаться от худшего к лучшему, от меньшего к большему также неразумно. Как говорится, нельзя сидеть и ждать у моря погоды, нужно найти ту ступень, на которой мы находимся, и пытаться взойти на ступень выше. Не перескакивать через ступеньку, а именно взойти на следующую. Бывают такие ситуации, как в молитве, так и в других добродетелях, когда благодать Божия как бы подхватывает человека на крылья и переносит через несколько ступеней, а иногда, может быть, и возносит его на самую вершину лестницы. Но это исключение, а не правило, на это рассчитывать нельзя, а кто на это рассчитывает, тот уже поддался гордости.

Хочу здесь еще заметить, что мы нередко путаем гордость с ревностью, а нерадение со смирением. Например, говорим: «Мы люди грешные, обыкновенные, мы не избранники Божии. Где же нам стяжать благодать Божию?» – ни к чему особенно не стремимся и заранее ставим на себе крест, делаем для себя невозможным преуспеяние. Нам кажется, что вести себя иначе будет гордостью, а мы ведем себя правильно, смиряемся. Но это совсем не смирение – это теплохладность. Гордость была бы в том, если бы мы сразу хотели достигнуть какого-нибудь возвышенного состояния, хотели бы стать такими, как преподобные Макарий Великий, Антоний Великий или Амвросий Оптинский, но если мы хотим быть немножко лучше и понуждаем себя к этому, то это не гордость. Это именно та ревность, без которой невозможно не только преуспеяние, но и спасение.

Мы должны двигаться, мы должны преуспевать, мы должны себя понуждать, но, повторю, только к тому, чтобы подняться на одну ступеньку вверх. Если будем сразу смотреть на самый

верх лестницы, то можем споткнуться о следующую ступеньку и упасть, а нам лучше смотреть под ноги, но идти. Обычно бывает так: человек, много мечтающий, вообще ничего не делает. Он читает книги, где рассказывается о самых высоких духовных состояниях, и живет этими мечтаниями. А настоящий, истинный подвижник делает, может быть, маленькие шаги, но неуклонно. Если он иногда споткнется или оступится, то не унывает от этого, а встает, оправляется и вновь идет вперед. Такой человек постепенно, постепенно продвигается. Может, у него есть какие-то недостатки, может, чего-то он не дочитывает, не доделывает, но все же он движется. И если он будет делать все правильно, то двигаться будет неуклонно и быстро.

В чем состоит понуждение себя? В том, что человек заставляет себя что-то делать, то есть делает это через силу. Если он молится легко, пусть даже очень внимательно, значит, у него понуждения нет. По какой причине ему легко молиться? Либо у него такое обилие благодати, что он уже собою не руководит, но это исключительный случай, высочайшее духовное состояние восхищения ума, про которое нам, наверное, рано говорить, либо он свыкся со своим теперешним, пусть и благодатным, состоянием. Такой человек преуспевать не будет. Более того, по словам Спасителя: *Кто не собирает со Мною, тот расточает*[441], если мы не приобретаем все больше и больше благодати, то начинаем ее терять, тут же, в то же мгновение. Поэтому привычное нам благодатное состояние мы должны в себе развивать, должны понуждать себя к большему, прикладывать некоторое усилие. Конечно, имеется в виду усилие духовное, а конкретнее – усилие ко вниманию. Правильное прохождение молитвенного правила – то, при котором человек с самого начала понуждает себя ко вниманию и к концу которого его внимание усугубляется. Молитва становится все более чистой от посторонних помыслов, все более внимательной.

Усердие необходимо во всех добродетелях, но особенно в молитве, потому что молитва, по словам святителя Игнатия, добродетель, которая умерщвляет нашего ветхого человека. Понуждая себя к молитве, мы подавляем и уничтожаем свои

греховные страсти, греховные навыки. И поскольку в нас живет два человека: один – христианин, человек духовный, другой – человек греховный, или ветхий, то для ветхого человека, который стал нашим вторым естеством, молитва является смертью, уничтожением. Поэтому во время молитвы мы часто чувствуем некий протест. Нам нудно, неинтересно, иногда отвратительно молиться, мы заставляем себя через силу, и только те люди достигают легкой, беспрепятственой молитвы, которые почти очистили себя от греха. Совершенно чистых от греха людей на земле быть не может.

Полная легкость, полная свобода в молитве бывает у людей высокопреуспевших, и то не всегда, а только в исключительные моменты, когда в них особенно обильно действует благодать Святого Духа, восхищается их дух, и им бывают неизреченные откровения. Во всех же остальных случаях всякий человек, даже очень чистый, должен себя несколько понуждать. Надо иметь это в виду. А то некоторые думают: «Не хочется мне молиться, так и не буду. Нет у меня настроения, так и не стану себя заставлять. Вот появится настроение, тогда я искренне помолюсь». Это наивно. Понуждение не имеет ничего общего с лицемерием и притворством. Притворяется человек ради людей, а понуждает себя ради собственной совести. Хорошо было бы нам научиться такому разумному понуждению, стоящему между неразумной ревностью и мнимым, ложным смирением. И тогда каждый из нас, определив свою меру, ясно осознав степень своего преуспеяния или, наоборот, развращенности, мог бы правильно двигаться вперед. Без осознания своей меры это невозможно.

Не нужно думать, что ощущение своей греховности противоречит сознанию своего преуспеяния в том или другом отношении. Одно другому не мешает. Некоторым кажется, что если они искренне считают себя грешниками, то уже не могут трезво о себе думать. Мол, если они видят в себе некоторое преуспеяние, значит, у них есть гордость. Преуспеяние наше не от нас – это дар Божий. И если мы не будем осознавать своего преуспеяния, то не будем и знать, что нам нужно делать дальше. Конечно, здесь есть опасность впасть в гордость, но,

как говорится, волков бояться – в лес не ходить. А если мы будем говорить только, что мы грешники и в нас вообще ничего хорошего нет, значит, мы добровольно поставим себя на степень самых новоначальных и откажемся от всякого развития, всякого внутреннего изменения.

В любой своей стадии молитва Иисусова: устная ли, умная, сердечная или еще более высокой степени преуспеяния – является оружием. Преподобный Василий Поляномерульский говорит, что есть две причины, движущие молитву, заставляющие нас молиться: борьба с греховными помыслами и память смертная. Когда нас начинают смущать те или иные помыслы, мы противимся им молитвой, то есть поневоле начинаем молиться. А иногда, когда у нас все хорошо, возникает опасность впасть в беспечность, и тогда необходимо помнить о смерти и побуждать себя к покаянию.

Я хочу предупредить: когда у человека нет сильной брани с греховными помыслами, а сравнительно ничтожных, мелких прегрешений он не замечает, то он может впасть в беспечность. Оттого что у него нет нужды напрягать все свои силы ради борьбы с грехом, молитва его ослабевает и становится вялой. Этого нужно бояться и в таком случае особенно понуждать себя к памяти смертной. Да и в борьбе с греховными помыслами, даже и сильно одолевающими нас, полезно соединять молитву Иисусову с памятью смертной, как советует это делать преподобный Иоанн Лествичник. Тогда молитва будет гораздо более сильным, серьезным оружием и против блудной страсти, и против гнева, и против тщеславия, и против гордости, и против уныния – словом, против всякого вида греха.

* * *

Слышала, что Иисусова молитва должна быть в уме своего рода фоном, то есть, даже когда разговариваешь с человеком, читаешь ее. Правильно ли это или Иисусову молитву всегда надо читать со вниманием?

Все зависит от степени преуспеяния. Если человек преуспел в молитве, в особенности если у него уже началась непрестанная сердечная молитва, то он и при разговоре с другими людьми также будет молиться. Впрочем, и всем

необходимо в ходе разговора, пока ты молчишь и слушаешь собеседника, хоть сколько-то, пусть не совсем внимательно читать молитву Иисусову.

Но сравнение молитвы с фоном, то есть с чем-то второстепенным, не совсем верное. Когда человек преуспеет в молитве, тогда она будет его увлекать. Порой молитва становится для нас фоном по необходимости, а вообще она является самым главным. Другое дело, что надо иметь здравый смысл. Надо знать, когда и где углубляться в молитву.

Иногда при молитве Иисусовой возникает ощущение, что ты беседуешь с другом, и не хочется прерывать эту беседу. Правильно ли это?

Да, это правильно, если при этом есть сокрушение сердечное, покаяние. Мы беседуем с Другом, но с таким Другом, Который неизмеримо нас превосходит, Который неизмеримо чище, лучше, возвышеннее нас, однако удостоил нас близкой беседы.

Бывает ли молитва без слов? Нужно ли всегда облекать обращение к Богу в слова, такие плоские и неживые?

Молитва без слов бывает у тех людей, которые достигли высочайшего духовного преуспеяния. Сначала человек, конечно же, молится словами, а потом он Духом Святым увлекается в такое близкое общение с Богом, что уже не владеет своим умом. Вот тогда бывает молитва без слов, но это собственно уже не молитва. Это состояние называется молитвой только потому, что в него приходят из молитвы, на самом же деле это духовное созерцание. Но даже если бы мы были такими высокодуховными людьми, то разве мы смогли бы сразу прийти в такое восх*и*щение ума? Нет, конечно. Мы никогда этого состояния не испытываем и вряд ли испытаем, потому что это удел немногих избранников Божиих.

Нужно ли облекать обращение к Богу в слова? Допустим, мы читаем «Отче наш», а нам слова этой молитвы кажутся плоскими и неживыми. Почему? Неужели Господь Иисус Христос дал плохие слова? Нет. Так происходит потому, что у нас нет внимания. Мы не чувствуем силы этих слов отчасти из-за нашей душевной черствости, отчасти потому, что не умеем

внимательно молиться. Научимся внимательно молиться, и слова для нас оживут.

Расскажите о видениях во время умной молитвы. Как с ними бороться?

Святые отцы предостерегают, что во время молитвы Иисусовой могут быть разные ложные видения, то есть можно увидеть Спасителя или Божию Матерь, ангела, святого и так далее. Можно увидеть свет. Это не значит, что всегда свет, являющийся при молитве, бесовский, но есть определенные признаки, отличающие истинное светоявление от ложного. Самый главный критерий – это наша собственная мера, наше собственное преуспеяние. Если я – новоначальный, только приступил к молитве и мне в молитве явился свет, то это весьма и весьма подозрительно.

Как бороться со всеми этими явлениями? Просто пренебрегать ими, не придавать им никакого значения. Углубляться в молитву, искать при молитве одного только внимания, ревновать о внимании. Все, что не от Бога, препятствует вниманию, и наоборот, внимание при молитве уничтожает все эти ложные видения. Тут ничего особенного нет. Нужно просто вести себя разумно. Иногда бывает, что не только в уме, внутренне, но и перед глазами появляются какие-то вспышки света или что-то привидится, иногда устрашающее, иногда прельщающее. Надо, повторю, не придавать этому никакого значения, осенять себя крестным знамением и продолжать молиться. Такая прелесть не всегда происходит от гордости, а просто диавол, пользуясь нашей неопытностью, пытается отвлечь нас от молитвы.

Бывает, что иногда весьма опытные и преуспевшие подвижники подвергаются опасности прелести. Например, преподобному старцу Силуану Афонскому было видение: купол храма вдруг открылся, небеса разверзлись, оттуда стал изливаться свет, и преподобный Силуан услышал пророка Давида, поющего псалмы. Он долго не мог понять, от Бога было это видение или от диавола, и многие опытные духовники, не испытавшие таких сильных соблазнов, не могли объяснить ему этого, пока он сам постепенно не понял по умножению

бесовских искушений, что это была прелесть. Но если прелесть бывает по неопытности, то Бог не осуждает за это.

Один знаменитый подвижник, преподобный Симеон Столпник, тоже подвергся прелести. Ему явился ангел, а на самом деле демон, на огненной колеснице и сказал: «Ты достоин за свои подвиги быть восхищенным на небеса». Подвиги его и в самом деле были нечеловеческими. Он на протяжении многих десятков лет стоял на башне под открытым небом, молился день и ночь, клал по нескольку тысяч поклонов, вкушал пищу раз в неделю, в Великий пост сорок дней ничего не ел и даже не пил. И конечно же, у него могла возникнуть мысль о том, что он представляет собой нечто исключительное. Диавол воспользовался этим и хотел его прельстить. Преподобный Симеон занес уже одну ногу, чтоб ступить на колесницу, но перекрестился. Крестное знамение его спасло, видение исчезло. Наказывая себя за то, что он едва не поддался искушению, святой целый год стоял на одной ноге – той, которую занес, чтобы ступить на колесницу. Конечно, подражать ему в этом подвиге мы не можем, я просто говорю о том, что демоны пытаются прельстить даже опытных подвижников. Чем он себя оградил, чем спас себя? Крестным знамением.

В народе бытует мнение о том, что диавол не может принять вид Божией Матери по той причине, что Она «демонов язва». Это мнение кажется мне неосновательным. Если Божия Матерь – язва для демонов, то несравненно большая для них язва – Господь наш Иисус Христос, однако же диавол может принять Его вид и принимает. Поэтому, конечно же, он способен принимать вид и Божией Матери, об этом говорит святитель Игнатий.

В «Посмертных вещаниях» преподобного Нила Мироточивого есть такое повествование. Одному подвижнику явились демоны в виде двух архангелов, а потом привели с собой еще одного демона в виде Божией Матери, правда, предупредили: «Не называй ее царицей неба, потому что по смирению своему она хочет, чтобы ее называли только царицей земли». Демон же, принявший образ Божией Матери, сказал

монаху: «За свои подвиги ты достоин сесть на моем престоле» – и уступил ему свой трон. Монах сел, демоны подняли его высоко над землей, а потом сбросили вниз, и он разбился. Так бесславно он погиб, и душевно и телесно. Так что не нужно быть уверенным, что демоны почему-то не могут принимать вид Божией Матери, надо быть весьма осторожным.

Бытует и другое мнение – будто демоны не могут изображать креста. Возможно, люди в последние времена изменились, стали более горделивыми, или есть на это другая причина, но я знаю, что демоны способны прельщать людей и изображением креста. Нам нужно быть чрезвычайно осторожными, поэтому я и говорю, что в молитве нужно искать только внимания. Даже само покаяние имеет своим признаком внимание при молитве. Если покаянная молитва совершается без внимания, то это, вероятнее всего, что-то чувственное, а совсем не духовное.

Почему любая краткая молитва произносится в уме легко, а Иисусова молитва – с трудом?

Мне кажется, если поставить себе целью чрезвычайно внимательно молиться какой угодно молитвой, скажем: «Пресвятая Владычице моя Богородице, спаси мя грешного» – или: «Святый праведный Симеоне, моли Бога о мне грешном», то при таком понуждении будет трудно молиться и этой краткой молитвой. Поскольку при подобных кратких молитвах мы не понуждаем себя с такой силой ко вниманию и произносим их, более обращая внимание на внешнюю сторону, то нам и кажется, что ими молиться легче. Слова Иисусовой молитвы для нас стали привычными, поэтому мы не рассуждаем о смысле самого молитвословия, а сразу устремляемся ко вниманию. Кроме того, молитвой Иисусовой мы молимся всегда, во всех случаях, а краткими молитвами, обращенными к угодникам Божиим или Божией Матери, – в особенных, в основном тогда, когда у нас есть какая-то нужда. К молитве у нас в этом случае присоединяется некоторое постороннее чувство, мы отвлекаемся от молитвы, но не видим своей рассеянности, видимо, поэтому нам кажется, что молиться нам легко.

Когда молюсь устно, бывает, находят помыслы, воспоминания такие яркие, сильные, что они стоят перед глазами и не уходят, хотя при этом с усилием пытаюсь читать молитву. Что делать?

Я думаю, что дело тут не только в устной молитве. Когда человек вообще приступает к молитве, то и наше падшее естество, наш ветхий человек противится молитве, и демоны нас искушают и возбуждают в нас страсти с чрезвычайной силой. Поэтому и находят такие яркие, сильные помыслы. Тут нужно терпеть, просто понуждать себя ко вниманию и терпеть. Рано или поздно это явление начнет уменьшаться, а потом и пройдет. А так, чтобы сразу все это исчезло, испарилось, если ты новоначальный, вряд ли можно ожидать. Кроме того, нужно отличать состояние новоначального от состояния преуспевшего человека. Если ты пренебрегаешь умственной молитвой и молишься устно из-за лени, из-за ложного смирения, значит, ты сам добровольно выбрал меньшую степень внимания, вознерадел о внимании, поэтому у тебя и появились помыслы. А если ты еще не знаешь состояния умной молитвы, для тебя существует только молитва устная, то тут необходимо, как я сказал, терпение и усердие. Постепенно это начнет ослабевать. Это первое, самое обычное искушение, которое бывает у людей, приступивших к занятиям молитвой Иисусовой.

Как вы относитесь к молитве своими словами? Можно ли молиться не по молитвослову, а от себя?

Я думаю, что в большинстве случаев молиться своими словами – это опасно, можно навыдумывать все что угодно и вообще нести всякий вздор не от благодати, не от покаяния или каких-либо духовных чувств, а от страстей, поскольку мы себя не знаем. Если из нашего сердца выходят *помышления злая*[442], так кто знает, может быть, они как раз и сформируют тот или иной молитвенный текст, и мы будем просить у Бога чего-то неугодного Ему и даже богопротивного.

Кроме того, от молитвы своими словами может и в прелесть впасть. Нам кажется, что мы нашли какие-то возвышенные и красивые слова, а эти слова на самом деле будут возбуждать в

нас страсти и отвлекать от предстояния Богу, увлекая весь наш ум к рассматриванию этих новых и интересных для нас слов.

Молиться нужно безвидно, с покаянием, либо Иисусовой молитвой, либо теми молитвословиями, которые составили святые отцы. Изредка, в особенных случаях, можно допустить краткую молитву своими словами, допустим: «Господи, помоги мне» – или: «Господи, вразуми меня», не вдаваясь в многословие, которое запретил Спаситель: *Молясь, не говорите лишнего, как язычники*[443]. Просто и кратко сказать Богу свою просьбу, а потом опять молиться словами святых отцов или молитвой Иисусовой. Это в виде исключения. А постоянно молиться своими словами и что-то говорить от себя не надо. Ты будешь думать, что беседуешь с Богом, а на самом деле будешь беседовать с бесом – словами, которые внушает тебе бес или страсти. Чаще всего это просто тарабарщина и выглядит смешно.

Я расскажу такой случай. Как-то в юности я хотел обратить к вере одного пятидесятника, а пятидесятник, наоборот, хотел к своей вере обратить меня. И вот, я пришел к нему в гости, мы стали спорить. Поскольку он говорил о наитии Святого Духа, то я хотел прочитать ему «Беседу преподобного Серафима с Мотовиловым». Думаю, пусть узнает, что такое настоящее наитие Святого Духа, но он и слушать ничего не захотел. А потом к нему пришли какие-то друзья, они погасили свет и давай за меня молиться. Тут я перепугался не на шутку: думаю, сейчас на меня как что-нибудь сойдет, что же делать? Стоял в уголке и молился от страха, чтобы ничего такого не произошло; но они так смешно молились, что у меня страх быстро прошел. Я сразу успокоился, думаю: ладно, молитесь себе. Так что все это чаще всего, повторю, просто тарабарщина и глупость.

Один мой друг, священник, показывал мне на видеокассете собрание секты «Слово жизни» в Нижневартовске. Собрание было в школе, в спортивном зале, и операторы скрытой камерой засняли, как они молятся. Это выглядело так дико, что там не надо ничего говорить и никого обличать, они сами себя своими действиями обличают. Сначала вышел парнишка, начал играть на электрогитаре, а рядом стояла какая-то девица и как

бы молилась, и одновременно проповедовала, и что-то завывала. И люди тоже вошли в раж, начали пританцовывать, подвывать, кричать что-то вроде: «Аллилуйя, аллилуйя!» Но это еще ничего. Потом они решили изгнать из кого-то беса, видимо, у них был такой обычай. Обступили его, он стоит такой хмурый, положили на него руки и давай «молиться на языках», смысл такой: «Ля-ля-ля, тра-ля-ля». Но и это еще не все. Самое комическое было, когда все встали вокруг этого «бесноватого» на колени, а один буквально встал на четвереньки и лает: «Гав, гав, гав, гав!» – это он так бесов изгоняет. Вот до чего может довести человека желание молиться своими словами по вдохновению свыше! Демоны над ним просто смеются. Человек стоит на четвереньках, лает, как собака, и считает, что в нем так говорит Дух Святой.

Я читал у кого-то из духовных писателей совет не произносить слова молитвословий, смысл которых ты еще не познал. Лучше заменить их на более понятные или вообще опустить. Можно ли так делать?

Я с этим советом не согласен. Я думаю, что мы не имеем права ничего ни опускать, ни добавлять. Если мы не получим пользы от слов, которые не дошли пока до нашего сердца, то и большого вреда это тоже не причинит, а если начнем сами слова заменять, то можем такого там добавить и такое опустить, что получится какая-нибудь ересь. Не знаю, для кого был дан этот совет, может быть, там были особые обстоятельства. Я считаю, что если молитва не доходит до твоего сердца, то лучше заменить ее другой, но что-то опускать и добавлять, да еще при нашей неграмотности…

Мало ли что нам будет непонятно! Допустим, нам неясно, что такое Пресвятая Троица – так неужели это нужно опускать при молитве? Что ж тогда будет?

Для чего при высокой степени преуспеяния Бог дает человеку чувственно видеть демонов?

Это бывает не всегда, и не нужно думать, что в этом состоит преуспеяние. Но иногда Бог дает такое в*и*дение для душевной пользы, для того чтобы человек уяснил, какую борьбу он ведет. А иногда это естественный порядок – просто не может

быть иначе. У человека открываются глаза на духовный мир. Я думаю, что у некоторых подвижников это происходит для того, чтобы они не только верили, но и ясно осознавали, какую они ведут борьбу, чтобы они познавали не только общение с Богом, но и борьбу с врагами нашего спасения, демонами.

Душа молитвы – внимание

О мере телесных подвигов. – Капитал здоровья надо расходовать разумно. – Иисусова молитва – это школа молитвы. – Бог внимает уму: о важности внимания в молитве. – Внимание в молитве достигается не только нашим собственным трудом. – Что значит отвергать помыслы. – Сила греховных помыслов состоит в их правдоподобности. – Молитва – это основная добродетель в борьбе с грехом. – О признаках достойного причащения. – Как вовремя призывать на помощь Бога?

Сегодняшняя беседа будет о молитве, но начну я немного издалека. Когда я в одной из бесед рассуждал о посте, то говорил о том, что пост – это такая добродетель, которая необходима всем, даже больным людям, но в то же время в зависимости от телесной крепости и здоровья человека, он может быть разным: от очень строгого до очень ослабленного. Приблизительно такой же подход должен быть у нас и к остальным телесным подвигам: поклонам, бдению и прочим удручениям тела. Нужно примеряться к своим телесным возможностям, чтобы тело было нам слугой, а не обузой, чтобы оно не восставало против души.

От неразумно строгого подвига тело может ослабеть до такой степени, что не сможет служить душе в духовных занятиях, и, наоборот, от чрезмерного жаления себя, от нерадения может прийти в такое состояние, когда плоть восстанет против духа: блудной страстью, ленью, унынием.

Нужно помнить, что все вообще подвиги, какие бы мы ни совершали: уединение, бдение, пост, коленопреклонения, – делаются ради того, чтобы привести наш дух в должное состояние, для того чтобы нам было легче молиться. Поэтому сегодня, прежде чем говорить о молитве, я хотел бы немного сказать о телесных подвигах.

Самым распространенным из телесных подвигов, который в большей или меньшей степени совершают все, являются поклоны. Суть их состоит в сокрушении плоти ради сокрушения

духа; но если пост просто ослабляет тело, то поклоны имеют еще, если так можно выразиться, психологическую сторону: когда человек становится на колени, он тем самым показывает свое униженное состояние. Нужно всегда об этом помнить: поклон – это выражение смирения, выражение покаяния, и каждый поклон должен быть одухотворен этим настроением. Конечно, в этом отношении может быть большее или меньшее преуспеяние, иногда покаяния больше, иногда меньше, но в принципе всегда нужно к этому стремиться, понуждать себя.

Здесь нужно сделать оговорку, что кроме общей телесной крепости, при поклонах нужно учитывать некоторые особенные болезни: артериальное давление, какие-то болезни головы. Иной человек, физически очень крепкий, в данном отношении может оказаться совершенно немощным: от поклонов у него начнется, например, головная боль, головокружение, случится обморок и так далее. Но если ты не можешь делать поклоны: скажем, у тебя из-за них течет кровь из носа, – то это не значит, что ты вообще не способен к телесным подвигам. Избери себе что-нибудь другое, удручай свою плоть как-нибудь иначе, допустим подолгу стой во время молитвы на коленях или просто стой неподвижно. Стоять не шелохнувшись, не переступая с ноги на ногу на протяжении, скажем, часа, – это очень тяжело, это подвиг, и в то же время тебе, при твоей болезни, это не будет вредно.

Также необходимо сказать и о бдении, то есть ограничении себя во сне. Это ограничение должно совершаться ради духовных занятий, прежде всего ради молитвы, иногда ради чтения Священного Писания или святых отцов. Иоанн Лествичник рассуждает, что, конечно, выше всего бдение ради молитвы, но каждый по своей немощи избирает то, что ему больше подходит. Если кто-то во время молитвы начинает засыпать, то пусть он изберет что-нибудь другое, например чтение, если оно его взбадривает, или поклоны. Некоторые при дремоте выходили на свежий воздух, и знаменитые подвижники, такие как Исаак Сирин, не стыдились об этом писать. А иные даже занимались физической работой. Я говорю обо всем этом как о возможности, это не значит, что все должны

делать одно и то же. При бдении также нужно наблюдать за своим состоянием. Если у тебя хорошо развит мышечный аппарат, то это не значит, что во всех других отношениях ты тоже здоров и крепок. Может быть и так, что из-за каких-то болезней или просто врожденных физиологических свойств человек нуждается в сравнительно продолжительном отдыхе.

Я повторю, что бдение нужно нам не ради бдения, а ради молитвы. Оно должно отрезвлять ум. Если мы чересчур ограничим себя во сне, то потеряем бодрость ума и во время молитвы будем либо сонливыми, либо чрезвычайно невнимательными и вялыми. Но и когда мы будем спать слишком много, у нас также появятся вялость, рассеянность, лень к молитве. Поэтому нужно избрать такое количество сна, какое позволяло бы (именно благодаря бдению) приобрести трезвость ума.

Иногда мы, неразумно предавшись чрезмерным подвигам, допустим усиленно постясь, некоторое время чувствуем как бы бо́льшую интенсивность духовной жизни, будто всплеск, в том числе и в молитве. Но поскольку мы не смотрим вперед, ведем себя нерасчетливо, то через некоторое время ослабеваем и теряем всякую ревность, всякое желание духовной жизни – просто от физической немощи. И, конечно же, прежде всего мы теряем трезвость и бодрость ума. Мы должны беречь свое здоровье, свою телесную крепость не ради угождения плоти, а именно ради духовной жизни. Нужно обращать внимание и на здоровье, и на возраст, и на свои повседневные занятия. Если даже крепкий человек, постоянно занятый тяжелым физическим трудом, будет после работы предаваться усиленным подвигам, то через какое-то время он будет вынужден либо оставить эти подвиги (а если он их не оставит, то будет делать нехотя и вяло), либо прекратить свои труды. Но это бывает невозможно: все мы – хоть послушники в монастыре, хоть миряне – должны трудиться. Поэтому надо рассчитывать свои силы на долгое время, понимать, что впереди у нас, может быть, много лет жизни, и эта жизнь должна пройти в подвиге, в молитве. Это не значит, что нужно чрезмерно жалеть и любить свою плоть, но капитал здоровья надо расходовать экономно и разумно. И все

мерить одним мерилом, для всего иметь один критерий – молитву. Все должно сказываться на молитве, но, повторю, с той оговоркой, что не нужно слишком радоваться моменту: по одному или нескольким дням нельзя судить, правильно ты избрал пост или какой-нибудь другой подвиг. Тут необходимо более длительное время.

О разумности и мере своих подвигов в особенности легко судить по молитве Иисусовой. Святой апостол Иоанн Богослов сказал (правда, в отношении пророческого дара, но я думаю, что в известной степени это можно приложить и к молитве): «Братия, не всякому духу верьте. Испытывайте духов, от Бога ли они. Всякий дух, исповедующий Иисуса Христа, пришедшего во плоти, от Бога; и всякий дух, не исповедующий Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не от Бога, но есть дух антихриста»[444]. То есть если от подвигов у нас усиливается внимание при молитве Иисусовой, если мы начинаем с большей ревностью, большей верой, бо́льшим чувством, а главное, бо́льшим вниманием молиться, значит, эти подвиги идут нам на пользу. Если же молитва от них ослабевает, внимание исчезает, если пропадает и само желание молиться, если мы повторяем молитву просто механически, ничего не понимая, значит, мы что-то делаем неправильно. Но, оговорюсь, и здесь тоже нельзя судить по одному дню.

Бывает, что человек, безропотно исполняя послушание в монастыре или неся крест мирской жизни, зарабатывая на пропитание и смиряясь перед своей участью, чувствует, что он как будто рассеивается, что у него нет внимания в молитве. Но на самом деле это результат временный, промежуточный, и по нему нельзя судить о пользе или вреде тех телесных подвигов, которые человек на себя взял. Потому что в конечном счете послушание приводит к смирению, а смирение привлекает благодать в душу человека, и это, конечно же, обязательно скажется на молитве Иисусовой и вообще на молитве. То есть не нужно торопиться делать выводы. Все надо испытывать временем, по крайней мере не один месяц. Может быть, иной человек будет поститься очень строго несколько дней и выдержит – а воздерживаться пусть не так строго, но на

протяжении долгих месяцев он не сможет. Во всем нужна осмотрительность, нужно время, чтобы разобраться.

Всеми этими вспомогательными, внешними добродетелями мы подготавливаем себя к добродетели самой главной, сугубо внутренней – молитве. Конечно, все православные христиане знают, что молитва необходима, но не придают ей такого значения, какого она заслуживает. Иные считают, что достаточно помолиться утром и вечером, вычитать перед причащением положенные каноны – и этим они уже исполнили свой молитвенный долг. Они часто не понимают, что ценность молитвы, как говорит святитель Игнатий, состоит во внимании, и свои маленькие правила читают очень рассеянно, иногда до такой степени, что даже сами не слышат того, что читают. Иоанн Златоуст на этот счет сказал: «Как Бог может слышать твою молитву, когда ты сам ее не слышишь?»

Поэтому святитель Игнатий говорит, что Иисусова молитва – это школа молитвы. Если человек не может внимательно произнести восемь слов Иисусовой молитвы, то, конечно же, он не сможет внимательно прочитать пространные молитвословия утреннего или вечернего правила, псалмы или каноны.

Иные, имея большую, но часто неразумную ревность, читают огромные правила, добавляют к своему правилу акафисты, каноны; кто-то читает несколько кафизм, иногда даже много кафизм каждый день, и думает, что от одного количества они уже преуспевает. Но если у нас нет внимания, то это уже не молитва: Бог внимает уму. Иногда подобный подход применяют по отношению к молитве Иисусовой: думают, что большое четочное правило принесет пользу само по себе. Мол, если я буду прочитывать пять четок или больше, то, как бы я их ни прочитал, за одно это ежедневное аккуратное исполнение правила я уже получу благодать. По этому поводу я хочу рассказать такую историю. Был один афонский старец, знаменитый духовник. Многие приходили к нему исповедоваться, он славился своей рассудительностью. К нему в послушание напросился один подвижник, занимавшийся умным деланием. Старец, конечно, тоже читал Иисусову молитву, исполнял четочное правило: на Афоне это

общепринято. Каноны или псалтирь афонские монахи читают дополнительно, но определенное количество четок они должны вычитывать обязательно. И этот старец также аккуратно читал их, не придавая значения умному деланию. Когда его ученик это обнаружил, то стал ему с помощью цитат из святых отцов доказывать необходимость особенного отношения к молитве Иисусовой, то есть что необходимо ревновать о внимании, следить за чистотой помыслов. Старец сначала возражал ему, но потом, убежденный свидетельствами из святых отцов, согласился. Вот как странно бывает иногда в жизни: ученик учит учителя. Действительно, по словам Евангелия, один у нас Учитель, Наставник и Отец – Христос, а мы все братья. Так вот, этот послушник научил своего старца углубленно молиться Иисусовой молитвой, и тот незадолго перед смертью вкусил сладость внимательной молитвы.

К чему я это говорю? К тому, что нужно ревновать не просто о молитве, или аккуратном выполнении правила, или даже о непрестанной молитве Иисусовой, а прежде всего о внимании. Не примиряться с тем, что у нас это почему-либо не получается. Не примиряться с тем, что нам мешают разные обстоятельства, скажем работа, невозможность уединяться или даже наш собственный характер: допустим, мы болтливые или раздражительные, и уже примирились с этим, как бы крест на себе поставили. Можно привести много разных и самых уважительных причин того, что у нас нет при молитве внимания, но все они не имеют значения. Допустим, мы оправдаемся перед самими собой, увидим, что, действительно, по разным причинам не можем молиться внимательно, это нас успокоит – но пострадаем от этого мы, а не кто-то другой.

Как бы голодный человек ни убеждал себя в том, что он не может поесть по какой-нибудь серьезной причине, голод от этого не пройдет. Чем дальше, тем больше он будет чувствоваться. И пусть человек приводит себе в утешение самые умные аргументы, но пока он не утолит свой голод, никакие доводы помочь ему не смогут. То же самое в отношении душевного голода. Пока мы свою душу не начнем насыщать Божественной благодатью, она не сможет успокоиться. Если мы не наполним

ее благодатью, то она будет искать пищи в греховных помыслах и вообще греховных занятиях и развлечениях. Но такая пища не насыщает. Блудный сын из евангельской притчи мечтал насытить свое чрево рожцами, пищей свиней, – и не мог, как толкуют это святые отцы, потому, что грехом душу насытить невозможно. Душа насыщается только благодатью.

Значит, мы должны ревновать о внимании. И если мы тщательно, изо всех сил будем понуждать себя к вниманию при всякой молитве и, в особенности, при молитве Иисусовой, то с усилением внимания будет постепенно появляться и покаяние, и страх Божий, и как говорит святитель Игнатий, память смерти. И это естественно: от внимательной молитвы усугубляется вера, человек иногда даже чувствует присутствие Божие, а тот, кто явно ощущает в своем сердце присутствие Божие, не может не испытывать страха Божия, не может не помнить о вечности и, конечно же, о смерти – как о двери, ведущей в жизнь вечную. Иные подвижники пребывали в таком состоянии всегда.

Когда мы говорим о внимании, то имеем в виду не только умственное напряжение, которое нужно для любой сосредоточенной деятельности: и для того чтобы внимательно читать какую-то книгу, и для того чтобы внимательно слушать, и для того чтобы внимательно молиться. Внимание в молитве зависит не только от умственного напряжения, и неопытному, новоначальному христианину это напряжение не всегда приносит пользу. У каждого своя степень внимания, каждый может сосредоточиться лишь в той мере, в какой он преуспел. Это очень важный момент, который многие не учитывают. Я как-то рассказывал вам, что один человек, имея неразумную ревность, пожелал сразу так внимательно молиться, чтобы не принимать ни одного помысла, – и через пять минут после начала молитвы почувствовал сильнейшую головную боль, потому что напрягся изо всех сил. Внимание в молитве зависит не только от твоего собственного напряжения, но прежде всего от благодати Божией, уже, так сказать, тебе усвоившейся, и от навыка. Если человек не имеет ни того, ни другого, то напрасны его труды.

В «Отечнике» приводится такая история. К старцу пришел некий неопытный монах и сказал: «Отец, во время молитвы меня борет множество помыслов». Тот ему посоветовал: «Пойди на гору, распростри полы своей рясы и попробуй удержать ветер». Монах возразил: «Это невозможно». Тогда старец ему ответил: «Так и новоначальному невозможно удержать свои помыслы». Это нужно иметь в виду: во всем нужна постепенность.

Мы должны знать, что ожидает человека, только приступившего к молитве: прежде всего его ожидают суетные помыслы, а иногда – и явно греховные. И он должен быть к этому готов. Он должен быть готов к борьбе, а некоторые, испытав такое необыкновенное нашествие помыслов, вдруг начинают смущаться, удивляться, роптать: мол, когда они раньше читали псалтирь, акафисты или каноны, то у них ничего подобного не было, а теперь такая вот буря помыслов. На самом деле эти помыслы, скорее всего, были и прежде, просто люди их не замечали. Может быть, помыслы отчасти и усилились, оттого что бесы стали больше нападать, больше злиться на этих людей, так как они начали заниматься молитвой Иисусовой. Но нужно быть к этому готовыми и вести себя правильно. Не смущаться – но и в беспечность не впадать. Надо избегать крайностей: с одной стороны, беспечности, с другой — смущения и уныния, держаться середины. А посередине находится мужество – добродетель, которую святые отцы считают одной из главных. Если ты не будешь мужественным, то хотя бы ты был семи пядей во лбу или необыкновенно рассудительным, ты не избежишь преткновений и падений. И пока в тебе это мужество не выработается, тебе будет очень тяжело. Поэтому лучше сразу набираться терпения, твердости и вести себя как положено.

Итак, внимание для новоначального состоит в том, чтобы отбрасывать греховные помыслы, отвергать их. Для многих это кажется странным: как можно отвергать помыслы? Конечно же, не так, как мы отталкиваем от себя какого-нибудь человека. У нас, собственно, и способностей таких нет. «Отвергать помыслы» – это образное выражение, так же как образным

выражением является фраза Иоанна Лествичника о том, что ум нужно вмещать в слова молитвы. Конечно, ум ни во что вместиться не может. Отвергать помыслы – это значит не вступать с ними в собеседование, так сказать, не мыслить этими мыслями.

Допустим, в нашем уме возникает какая-нибудь мысль. Неважно, откуда она пришла: или она, как нам кажется, возникла из нашего естества, или от каких-нибудь мирских впечатлений, или она принесена демонами, – важно то, что мы не должны ее рассматривать, не должны ее развивать. Эта мысль может появиться в виде фразы или какого-нибудь образа и присутствовать в уме как нечто постороннее, существующее помимо молитвы. И мы должны отвращать ум от этого мысленного предмета и обращать его к другому предмету – молитве. Как замечательно выразился один подвижник, вместо любой мысли мы должны произносить молитву.

В нас непрестанно рождаются всевозможные мысли. Это естественно, потому что человеческий ум не может прекратить свою деятельность ни на одно мгновение, как наивно и неразумно утверждают это аскеты других религий, допустим буддисты. Он все равно будет заниматься естественной для себя деятельностью, порождать мысли. Ум должен быть в движении, если он перестал двигаться, значит, он исчез, уничтожился. Но если тело человеческое может прекратить двигаться, может умереть, то с духом этого никогда не произойдет. Бывают, правда, исключительные состояния, когда Дух Святой так восхищает ум человека, что в это мгновение движение ума прекращается, но прекращается оно именно сверхъестественным действием благодати Божией. Это высочайшее состояние, оно от нас не зависит.

Итак, наш дух бессмертен, и он всегда производит свойственную ему деятельность, но деятельность эта может быть какой угодно. Святые отцы сравнивают наш ум с мельницей, которая не останавливается ни на мгновение: засыплешь в нее пшеницу – будет молоть пшеницу, засыплешь сорную траву – будет молоть траву. Поэтому мы должны вместо всякой мысли, естественно в нас возникающей, произносить

молитву, вытеснять ею вообще все мысли. Наша цель – достигнуть того, чтобы наш ум двигался только в молитве, только молитвой. Конечно, это значило бы стремиться к высочайшему, необыкновенному идеалу, труднодостижимому. Понятно, не многие его достигнут, тем не менее к нему нужно идти. Если мы хотя бы несколько продвинемся в этом направлении, то это уже будет очень много. Пусть мы не придем к этой цели в земной жизни, но движение, которое мы совершаем сейчас, продолжится в будущей жизни, и в вечности мы приобретем это сокровище. Если же мы сейчас начнем малодушествовать и свернем с этого пути, то и в будущей жизни не обретем познания Бога.

И не нужно думать, что такое состояние для обыкновенного человека невозможно. Бог раздает Свои дары, как Он Сам хочет. Он может и простому, самому заурядному, незаметному мирянину дать такую благодать, какой и иной отшельник не имеет, если только увидит в этом заурядном человеке готовность принять эту благодать, увидит в нем смирение, простоту и прочие добродетели, но в особенности смирение.

Чтобы отвергать помыслы, нужно их узнавать. Если мы не узнаём греховных помыслов, то как мы поймем, что отвергнуть и что усвоить? Притом нужно осознавать: иное дело помыслы во время молитвы – здесь, пожалуй, нужно отвергать всё, и иное дело помыслы во время наших обычных занятий. Если я, готовя борщ, думаю о том, как его хорошо сварить, то это не значит, что я отвлекаюсь на суетные помыслы, ведь и святые отцы, как говорит Нил Сорский, имели разумные попечения о своих обычных делах. А если я варю борщ и одновременно углубляюсь в молитву, то, пожалуй, у меня все выкипит. То есть вполне понятно, что когда мы во время обычных наших занятий заботимся о том, чтобы хорошо что-то сделать, и отвлекаемся таким образом от молитвы, то в этом греха никакого нет. А вот когда мы мысленно отвлекаемся на житейские заботы во время само*го* правила, то есть времени, специально отведенного на молитву, то это уже бесовское искушение. Во время правила нужно все отвергать, а принимать только то, что связано с покаянием, размышлением о смерти. Принимать только те

мысли, или, правильнее сказать, духовные ощущения, которые усугубляют внимание при молитве.

Преподобный Нил Сорский вслед за древними святыми отцами говорит о восьми главных греховных помыслах. Это гордость, тщеславие, уныние, печаль, сребролюбие, блудная страсть, гнев и чревоугодие. И во время наших занятий мы должны следить за тем, чтобы не поддаться тому или иному помыслу. Допустим, я занимаюсь каким-нибудь делом, при этом стараюсь молиться и вдруг замечаю в себе раздражение. Я должен не оправдывать это раздражение тем, что я сейчас ради дела имею право рассердиться, а должен признать, что раздражение не от Бога, что это бесовское искушение. Или, допустим, я делаю что-то и чувствую, что при общении с человеком этим делом тщеславлюсь. Тогда я должен исполнять и свое дело, если оно действительно богоугодно, и в то же время противиться помыслу тщеславия: стараться, во-первых, на деле не исполнять то, что мне внушает этот помысел, а во-вторых – изгнать из ума саму мысль о том, чтобы кому-то понравиться, в чьих-то глазах выглядеть хорошо. То есть совершать то или иное доброе дело не ради похвалы, а ради своей христианской совести, ради угождения Богу. То же можно сказать и о прочих страстях.

Главным средством в борьбе с греховными помыслами является именно молитва Иисусова. Как происходит в нашей душе соединение ума с греховным помыслом и как ему нужно противиться? Святые отцы говорят, что лучше всего отвергать мысль в самом начале, когда она только возникает. Если в нашем уме только начал изображаться тот или иной помысел, когда мы еще не вступили с ним в собеседование, не стали еще его рассматривать, то в это время нам проще его отбросить. Если же ум вступит в различные степени соединения с этим помыслом, тут уже будет труднее. И иногда очень трудно, чрезвычайно трудно. Как происходит борьба с помыслом, как его отвергать? Я уже говорил, что отвержение помысла – это образное выражение. Мы должны стараться свой отвратить ум от этого помысла, не рассматривать его – и углубляться умом в молитву.

Любая мысль, греховная, добрая или, если такие бывают, нейтральная, питается нашим вниманием. От внимания она, как растение, пышно расцветает. И когда мы отнимаем у нее внимание, то это все равно, что отнять у растения почву, отнять влагу, оживляющую его. От одного этого мысль постепенно засыхает. Вы, наверное, замечали, что иногда человек, задумавшись о чем-нибудь, полностью отрешается от всего вокруг. Вот он стоит или сидит рядом, но взгляд у него стеклянный, он ничего не видит и не слышит. Так бывает, когда человек думает даже об обыкновенных, житейских предметах. Вот до какой степени внимание делает человека, так сказать, независимым от того, что его окружает. Мы же должны стремиться к этому сознательно.

Но между такой «задумчивостью» и сосредоточением в молитве большая разница. Когда приятель рассказывает тебе о чем-то житейском, а ты в это время задумаешься о том, что тебя больше волнует, но тоже житейском, и перестаешь слышать то, что тебе говорят, то в этом случае никакой мысленной борьбы не происходит. Бесу все равно: будешь ли ты слушать пустой разговор или вращать в уме собственные пустые мысли. А когда ты пытаешься молиться, то диавол старается всеми способами отвлечь твой ум от молитвы, как бы некоторым магнитом притягивает его к себе, чтобы ты отреагировал на тот или иной мысленный соблазн. И если бы мы пытались без молитвы отвлечь ум даже на самое прекрасное, возвышенное и именно духовное, а не пустое размышление, то этого было бы мало, потому что диавол сильнее нашего ума. Диавол есть дух, и дух могущественный. Человеческая душа также дух, но по сравнению с диаволом и демонами она слаба и немощна, и ей нужна посторонняя помощь. Какая? Конечно же, Божественная. Поэтому мы, с одной стороны, должны свой ум отвращать от помысла, с другой – углублять его в молитву. Не просто потому, что это другой предмет для размышления, а потому, что в молитве мы просим помощи у Бога.

Некоторые отцы говорят, что нужно молиться против помыслов, когда они нас одолевают. Надо понимать, что это

образное выражение: мы не можем молиться «за» и молиться «против», это было бы как-то странно. Молиться против помысла значит молиться Господу о том, чтобы Он избавил нас от этого помысла, очистил от него наш ум. Допустим, у меня помысел осуждения. Я противлюсь ему, не хочу рассматривать в своем уме того или иного человека и осуждать его. Поэтому, во-первых, я должен отвратить свой ум от этого осуждения, иногда чрезвычайно соблазнительного, то есть убедительного: тут, мол, нельзя не осудить. Во-вторых, должен стараться на эту тему вовсе не думать и, лишая греховный помысел внимания, одновременно углубляться умом в молитву, причем не только углубляться, но молиться именно с той целью, тем настроением, чтобы Господь избавил меня от этого помысла.

Иногда при нашествии помыслов достаточно просто молиться, не обращая на них внимания, и они сами отходят. Иногда же обаяние греховного помысла бывает настолько сильным, что мы тянемся за ним, как загипнотизированные кролики в пасть удава, – некая таинственная сила влечет нас против нашей воли. И если мы при этом будем усиленно молиться, но не отвратим внимания от греховного помысла, может произойти вот что: поскольку страсть в нас действует более сильно, чем благодать, то постепенно наше внимание все больше будет переходить от молитвы к помыслу и в конце концов перейдет к нему полностью, так что мы или вовсе оставим молитву, или будем повторять ее формально, без всякого чувства и поддадимся греху так, что, может, и на деле его совершим.

Итак, нужно не только молиться изо всех сил, но и противиться помыслу, то есть отвращать от него свое внимание. А тут все искусство состоит в том, чтобы не видеть того, что очевидно. Пример этому я вам приводил из жизни: сильно задумавшийся человек не видит, что происходит. Вы, наверное, сами иногда испытывали такое состояние. Значит, это возможно: не видеть очевидного, не верить самому вероятному, самому реальному. А бес все представляет именно как нечто очевидное: как будто в этом случае нельзя не осуждать, нельзя не испытывать вожделения, нельзя не сердиться – иначе

говоря, нельзя не грешить. В этой диавольской хитрости и состоит сила соблазна. Мы же должны эту бесовскую «очевидность» отвергнуть и вести себя с точки зрения здравого смысла безумно. То, что мы видим своими глазами, слышим своими ушами или знаем из своего жизненного опыта, мы должны отвергнуть – и обратиться с молитвой к невидимому Богу, чего никто не видит и о чем никто не знает. Тут нужны мужество и вера.

Некоторые древние подвижники, имевшие великую благодать, совершали такой подвиг: принимали греховный помысел и одновременно усиленно молились. Этой усиленной молитвой они истребляли в своей душе помысел, как бы допускали соблазн внутрь себя и побеждали его там и, таким образом, еще более укреплялись в бесстрастии. Но это, повторю, делали весьма немногие, самые высокопреуспевшие из древних подвижников. Великие подвижники более позднего времени почти никому не советовали этого делать, и уж тем более к нам такое делание никак не относится. Мы должны отвращаться от помысла и усиленно просить Бога о помощи.

Сейчас шла речь о прилоге. Но даже если мы в какой-то степени приняли помысел, начали с ним собеседовать, то это не значит, что остается только плыть по течению. Ни в каком самом страшном, самом отчаянном состоянии нельзя, как выражаются моряки, сушить весла, а нужно оборвать этот мысленный поток, вновь начать изо всех сил понуждать себя к молитве, и Господь может совершить чудо.

Редко кому из новоначальных удается сразу отвергнуть греховный помысел. Почти никому. Поэтому нужно заранее настроиться на то, что придется терпеть от демонов более или менее частые, более или менее сильные поражения. Поражение в борьбе – это еще не окончательная капитуляция. Если ты все-таки отбросил греховный помысел, пусть с большей или меньшей потерей, даже с бо́льшим или меньшим осквернением ума, все равно ты в конечном счете вышел победителем. Из каждого такого, пусть и не совсем удачного сражения человек выносит некоторый опыт и все больше и больше учится вниманию. В конце концов он, может быть, с Божией помощью

научится отвергать бесовские прилоги сразу – а такое поведение в борьбе самое мудрое.

Преподобный Нил Сорский вслед за святыми отцами различает несколько степеней принятия помыслов. Вначале появляется прилог, когда в твоем уме только изображается греховная мысль, ты еще не вступил с ней ни в какое собеседование и не поддался никакому страстному движению. Это еще безгрешно, и лучше всего отвергнуть помысел на данной стадии. Далее идет сочетание, когда человек начинает рассуждать о помысле; это еще не является грехом, но уже опасно. На этой стадии еще можно поспорить с помыслом, попытаться самого себя переубедить. Переубедить не беса – его не убедишь, чтобы он стал хорошим, пожалел тебя и не искушал, – а себя, но все-таки это не очень разумное поведение, которое чаще всего приносит неудачу. Когда греховные помыслы не очень сильны, мы можем самих себя переубедить, но, когда брань сильна, это невозможно, и именно по той причине, что беса не переубедишь.

Сила греховного помысла, кроме его «очевидности», в его своеобразном обаянии. Сам помысел может быть абсурдным и диким, но, поскольку он перекликается с нашей внутренней страстью, нам бывает чрезвычайно трудно с ним бороться. Поэтому внутреннее рассуждение, происходящее именно на стадии сочетания, приносит пользу лишь иногда. Скажем, если я раздражаюсь, но не очень сильно, то могу напомнить себе слова из Евангелия или святоотеческих книг о том, что нельзя гневаться, или просто сказать себе: «Нехорошо я поступаю, что гневаюсь, нужно быть кротким» – и мне удастся себя переубедить. Но если брань сильная, то нам ничего не поможет, никакие рассуждения. Слова преподобного Иоанна Лествичника о том, что бесполезно пытаться победить блудного беса при помощи рассуждения, можно в этом случае приложить и к прочим страстям. Рассуждение на этом этапе тогда только приносит пользу, когда мы воспоминанием того или иного святоотеческого совета, евангельской заповеди или евангельского повествования приводим себя в чувство и тут же начинаем молиться. Допустим, человек предался забвению и

увлекся блудным помыслом, а потом вспомнил о словах Спасителя: *Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем*[445] – и очнулся: «Что же я делаю, я предался нечистым помыслам». Он тут же начинает молиться, и молитва избавляет его от этого бесовского обаяния. Вот при таком поведении уместно вспоминать как святоотеческие советы, так и, в особенности, евангельские заповеди. А просто мысленный спор, без молитвы, чаще всего приводит к поражению.

Однако нередко бывает так, что человек, вместо того чтобы спорить с бесовским внушением, начинает с ним соглашаться. И тогда от стадии сочетания он переходит к следующей – сосложению. Ум уже до некоторой степени соединился, согласился с помыслом. После этого бывает страсть: человек полностью увлекся грехом и думает, как бы его совершить. Если он и здесь не противится, не прекращает, не обрывает это наваждение, то за этим следует уже грех на деле. Это то общее, что касается всех вообще греховных помыслов.

Надо понимать, что молитва – это основная добродетель в борьбе с грехом, все остальные вспомогательные. Даже если человек чрезвычайно строго постится, все равно главное для него – молитва. В одном из патериков есть следующая поучительная история. Некие подвижники нашли в пустыне одного старца, который подвизался там много лет, ел только траву и корни растений и тем не менее был борим нечистыми помыслами. Когда стали исследовать причину этого, то нашли, что он не занимался умным деланием, и поэтому даже такой строгий пост и невероятные подвиги не могли избавить его от страсти. Значит, молитва, и в особенности молитва Иисусова, является главной добродетелью вообще всех христиан.

Но при этом не нужно чересчур уповать на молитву. Молитва помогает не сама по себе – помогает Господь, к Которому мы обращаемся в молитве. А то некоторые начинают кичиться: мол, вот какая у меня молитва, моя молитва помогла. Но ведь это же не заклинание какое-нибудь, не мантра! Помогает именно Господь, это нужно всегда помнить. Если мы поддадимся такой гордости, то благодать Божия от нас отойдет

и в следующий раз, когда мы подумаем, что молитва избавит нас от искушений, ничего у нас не получится, потому что помощи Божией уже не будет. Как говорят святые отцы, мы не должны вместо поклонения истинному Богу делать себе идолов, как израильтяне, когда они вышли из Египта. Вывел их Господь, но, когда Моисея сорок дней с ними не было, они сделали себе золотого тельца, сказав при этом: «Вот Бог, который вывел тебя из Египта», – и вместо истинного Бога стали поклоняться идолу. Так бывает и с нами, когда мы думаем, что благодаря нашим собственным усилиям, нашему собственному усердию, нашим собственным подвигам в нас исчезло или хотя бы умалилось действие страстей. Гордиться же можно не только внешними подвигами: очень строгим постом, бдениями, многочисленными коленопреклонениями или большим молитвенным правилом, но даже и вниманием в молитве Иисусовой. Если мы радуемся: «Вот какая у меня внимательная молитва! Вот как я умею сосредоточиться и отогнать от себя греховные помыслы!» – то это также гордость, и ее нужно бояться.

От этой гордости очень помогает избавиться память смертная. Когда человек памятью смертной отсекает от себя все земное, то вместе с тем пропадает и гордость, потому что и она есть земная страсть, так сказать земное порождение. Если мы будем думать о своей будущей участи, то горделивое мечтание о том, будто мы что-то собой представляем, будто мы чего-то достигли, – испарится, как влага от жаркого солнца, потому что все эти мечтания покажутся нам ничтожными, малыми, пустыми.

Святые отцы древности, имевшие именно такое, настоящее, покаяние даже на смертном одре плакали и каялись. Один подвижник, который даже мертвых воскрешал, творил другие знамения и чудеса и вообще показывал необыкновенные признаки благодати, – лежа на смертном одре, плакал. Ученики спросили его: «Почему ты плачешь? Разве ты боишься, ведь ты достиг такого высокого духовного состояния?». Он им на это ответил: «Иной суд Божий, и иной суд человеческий», то есть: что с человеческой точки зрения имеет какое-то значение, то пред Богом – ничто. Такое

смирение приобретали люди, постоянно помнившие о смерти, постоянно думающие о вечности. Поэтому и мы должны молиться, соединяя с молитвой воспоминание о смерти, суде, о будущей жизни, – и тогда мы избавимся от мнения, будто мы благодаря своим подвигам что-то собой представляем.

Христианин, правильно совершающий свой подвиг, постепенно приходит именно к глубочайшему смирению, то есть уже не может подумать о себе ничего высокого, даже если бы и захотел. Как-то преподобному Моисею Оптинскому начали говорить о том, какой он подвижник, какой он хороший игумен, в общем стали его хвалить. А он стоял, молчал и хотя и не возражал, но как-то недоверчиво улыбался. Это без всяких слов показало его истинное душевное состояние, то есть то, что он относился к чужим похвалам скептически, не верил им.

* * *

Во время молитвы на правиле я то просто молюсь, заботясь о внимании, то направляю ум к верхней части сердца, потом устаю и начинаю просто молиться. Правильно ли это?

Если тебе удается с небольшим понуждением направлять ум к верхней части сердца и от этого внимание усиливается, то можно так делать. А если не получается, то лучше себя не понуждать: это будет напрасной тратой времени. Значит, благодать от тебя почему-то отступила и тебе лучше вмещать ум в слова молитвы. Я думаю, что слишком менять молитву тоже не нужно. Получается у тебя ум направлять в сердце – хорошо, не получается – не заставляй себя. Вот и все.

Как быть, если тебя отвлекли от молитвы или чтения Евангелия: постучали в дверь, позвонили по телефону? Как потом продолжать молитву?

В первую очередь, нужно стараться не поддаться гневу. Телефон можно на время отключать. Позвонили в дверь соседи и что-то спросили – коротко ответь и прекрати разговор. Если будешь полчаса беседовать с соседкой, то ты не только отвлечешься, но и все впечатления от беседы будут с тобой во время молитвы.

В любом случае, прежде всего нужно стараться не сердиться. Если тебя отвлекли, а тебе кажется, что ты внимательно молился или читал, то часто возникает искушение гневом, человек начинает раздражаться. Мало того, что его отвлекли, так он еще и нагрешил. Надо отличать необходимое от совершенно ненужного. То, что необходимо, – делай кратко, а то, что можно оставить, – вовсе оставь, допустим общение с соседями, ненужные звонки друзей, дела, которые можно отложить на следующий день.

В книге «Азы православия» я встретил описание интересного случая: «За Божественной литургией, в воскресенье, во время причащения мирян, небольшой мальчуган, стоявший вблизи алтаря, время от времени заливался звонким детским смехом. Удивленные родители после окончания причащения стали расспрашивать, почему он смеялся. Мальчик ответил: „Когда я смотрел на людей, подходящих к Чаше, то вдруг увидел, как к некоторым подлетает белый голубь. Только дядя или тетя откроет рот, чтобы проглотить Дары, как голубь склевывает их с ложечки и улетает. Они этого голубя не видят, закрывают рот и отходят, думают, что причастились, а на самом деле, только пустую ложечку подержали“». Как узнать, не происходит ли такое со мной? Ведь я проглатываю Святые Дары, беру часть просфоры и запивку?

Конечно, на самом деле того, что видел этот мальчик, не происходит в буквальном смысле, просто это видение показывает духовную сущность явления: человек причащается без благодати.

Я как-то говорил в проповеди, что на литургии Василия Великого после преложения Святых Даров священник молится следующими словами: «Господи, да не возбраниши действию Святаго Духа от преложившихся Даров ради моих согрешений», то есть просит о том, чтобы из-за его грехов благодать не отошла от Святых Даров и не умалилась. И если благодать может не действовать из-за грехов священника, то она может отойти и из-за греховности, неподготовленности причащающихся мирян. Конечно, это тоже образное выражение

– «благодать отходит». Святые Дары – всегда Святые Дары. Таинство действительно в любом случае. Пусть даже причащается какой-нибудь кощунник, безбожник, но тем не менее он принимает истинные Тело и Кровь Христовы, и именно поэтому причащается себе в осуждение.

В книге «Поучения старцев» (там собраны изречения разных греческих старцев конца XIX–XX столетий) приведен рассказ одного подвижника. Когда он причащал, то никогда не смотрел на лица людей, но один раз помысел ему сказал: «Посмотри на лица». Он поднял глаза и увидел, что у одного из причастников морда собаки, у другого – обезьяны… Он ужаснулся: «Господи, что же это такое? Ведь это же люди!» И только у некоторых причастников лица были светлыми, а после причастия их лица начинали даже сиять. Вот как бывает.

В этой же книге перечисляются и признаки достойного причащения: до причащения – сокрушение сердечное, благоговение, страх Божий; после причащения – покой, радость, мир в душе. Не обязательно такая радость, что ты будешь смеяться, как ребенок, а тихая. И может быть, ты ее не ощутишь сразу – от усталости или других причин, – но обязательно почувствуешь в этот день.

В книге преподобного Никодима Святогорца пишется о том, что с памятью и воображением во время молитвы надо бороться. А можно ли представлять себе лик Христа, Матери Божией, каких-либо святых?

Ни в коем случае! Это очень опасно. Представляя себе внутренне даже ту икону, которая находится перед нашими глазами, мы подвергаем себя опасности прелести. Молиться нужно безвидно. В молитве нужно помнить, что Бог есть Дух и Бога не видел никто никогда, и сосредоточиваться на словах молитвы. Больше ничего.

Когда мы читаем Священное Писание, допустим Евангелие, естественно, у нас начинает действовать воображение, но это допустимо в тех пределах, в каких то или иное событие, та или иная речь Спасителя излагается Священным Писанием. Ни в коем случае нельзя выходить за его границы. От внимательного чтения воображение будет развиваться в нужном направлении.

Однако во время молитвы, повторю, ни в коем случае нельзя ничего зримо представлять. Я расскажу о том, что я лучше знаю как священник. Если в словах молитвы заключены какие-то образы, допустим, во время евхаристических молитв говорится, что Богу поклоняются «херувими, серафими, шестокрылатии, многоочитии, возвышающиися пернатии», то я могу вообразить лишь столько, сколько сказано в молитве. Не больше того и с сугубой осторожностью. Я не должен ничего зрительно воображать и отвлекаться от молитвы, но обязан двигаться по тому словесному пути, который указали мне святые отцы, в данном случае Иоанн Златоуст, и не совлекаться с этого пути воображением. Что на этом пути изображается, то и принимать. Но если я на некоторое время остановился мыслью на каком-то образе, значит, я уже прекратил двигаться по нужному пути и стал этот образ в своем воображении развивать. Этого делать нельзя.

Вот что значит бороться с воображением и с памятью. В памяти могут храниться суетные и греховные воспоминания. Поэтому Никодим Святогорец совершенно справедливо говорит, что нужно бороться не только с воображением, но и с памятью.

Батюшка, иногда я не обращаю внимания на помысел, так как он кажется безобидным, пренебрегаю им. Это происходит из-за самоуверенности? Как с этим бороться? Как вовремя призывать на помощь Бога?

Если помысел отвлекает тебя от молитвы, значит он уже не безобидный. Диавол иногда нарочно подкрадывается к нам через безобидные помыслы, для того чтобы мы не вооружились на них сразу. Этим он отвлекает нас от молитвы и уводит в суетные размышления. Иногда же, начиная как будто с безобидных помыслов, постепенно приводит нас к явно греховным. Как с этим бороться? Отсекать все помыслы и все. Как вовремя призывать на помощь Бога? Нужно всегда молиться, нужно научиться бодрствовать над собой. В течение дня надо тщательно обдумывать свои дела, на постороннее не отвлекаться. А во время правила совсем ни о чем не думать, кроме как о спасении своей души, о покаянии, о смерти, но при этом безвидно и безóбразно.

Примечания

[1] - Лк. 11:34.
[2] - См. Быт. 2:15.
[3] - Быт. 2:7.
[4] - Мф. 3:2; 4:17.
[5] - Мк. 9:1.
[6] - См. 2Пет. 1:17–18.
[7] - Ин. 14:23.
[8] - Лк. 12:32.
[9] - Ин. 6:44.
[10] - Мф. 28:2–3.
[11] - См. Мф. 28:14.
[12] - См. Ин. 14:21.
[13] - Мф. 14:31.
[14] - Иак. 4:14.
[15] - 2Кор. 4:18.
[16] - Лк. 23:42.
[17] - 2Тим. 4:3.
[18] - Рим. 10:17.
[19] - Лк. 1:4.
[20] - См. Ин. 18:37.
[21] - Мк. 12:30.
[22] - 1Кор. 14:20.
[23] - Мф. 10:16.
[24] - Мф. 11:25–26.
[25] - См. Деян. 22:3.
[26] - См. Деян. 17:22.
[27] - См. Тит. 1:12.
[28] - Лк. 1:3.
[29] - Лк. 11:52.
[30] - Лк. 2:40.

[31] - Лк. 2:47.
[32] - Лк. 2:52.
[33] - Мф. 7:24–27.
[34] - Мф. 12:42.
[35] - Мф. 23:16–19.
[36] - Мф. 23:24.
[37] - Мф. 23:25–26.
[38] - Мк. 7:20–22.
[39] - Лк. 11:39–40.
[40] - Лк. 11:29.
[41] - Лк. 12:15–21.
[42] - Лк. 14:28–30.
[43] - Лк. 14:31–33.
[44] - См. 1Кор. 1:23.
[45] - Лк. 22:35–36.
[46] - Лк. 22:37.
[47] - Лк. 11:35.
[48] - См. Ин. 12:35.
[49] - См. Мф. 23:26.
[50] - Ин. 15:13.
[51] - 1Кор. 14:20.
[52] - См. Иак. 3:15.
[53] - Мф. 16:6.
[54] - См. Лк. 21:36.
[55] - См. Пс. 17:26–27.
[56] - Лк. 16:10.
[57] - См. Исх. 20:10.
[58] - См. Мф. 12:30.
[59] - См. Мф. 15и 19.
[60] - См. Гал. 3:28; Кол. 3:11.
[61] - См. Мк. 16:17–18.
[62] - См. 1Тим. 5:8.
[63] - 1Фес. 5:21.

[64] - Мк. 4:26–27.
[65] - Мф. 6:13.
[66] - 1Кор. 11:14.
[67] - Лев. 19:27.
[68] - Матфей Властарь. Алфавитная Синтагма. Буква «Т». Глава 9. О том, что волосы на голове не должно украшать.
[69] - См. 1Кор. 11:5.
[70] - См. 1Пет. 3:3–4.
[71] - 1Кор. 11:6–10.
[72] - 1Кор. 7:20.
[73] - Матфей Властарь. Алфавитная Синтагма. Буква «Г». Глава 24. О том, что не должно женщинам одеваться в мужскую одежду.
[74] - Матфей Властарь. Алфавитная Синтагма. Буква «Е». Глава 3. Об обычаях эллинских.
[75] - См. Быт. 6:3.
[76] - Мф. 24:12.
[77] - См. Мф. 23:24.
[78] - Мф. 7:16.
[79] - См. Пс. 143:12.
[80] - Мк. 14:4–5.
[81] - Мф. 15:10–11.
[82] - Мф. 15:17–20.
[83] - Мф. 3:4.
[84] - Мф. 11:18–19.
[85] - Мф. 4:1–2.
[86] - Гал. 5:13.
[87] - Мф. 12:1–4.
[88] - Лк. 5:27–32.
[89] - Лк. 5:30–33.
[90] - Лк. 5:34.
[91] - Лк. 5:35.
[92] - Лк. 5:36.

[93] - Гал. 5:22–23.
[94] - Лк. 5:37.
[95] - Лк. 5:37.
[96] - Быт. 3:7.
[97] - См. 1Кор. 7:14–16.
[98] - См. Гал. 1:8.
[99] - См. Сир. 6:35–36.
[100] - Мф. 23:8–10.
[101] - 1Кор. 4:15.
[102] - См.: Слово 28, п. 46.
[103] - Мф. 24:12.
[104] - См. Мф. 15:19–20.
[105] - Тит. 1:15.
[106] - Мф. 23:26.
[107] - Евр. 13:8.
[108] - Мф. 18:9.
[109] - Пс. 50:18–19.
[110] - См. Мф. 11:30.
[111] - Мф. 5:22.
[112] - Мф. 5:4.
[113] - Мф. 5:8.
[114] - Пс. 50:3.
[115] - Мф. 16:16.
[116] - Мф. 12:31.
[117] - Мф. 18:17.
[118] - См. Ин. 1:9.
[119] - 1Фес. 5:16–18.
[120] - Мф. 5:21–22.
[121] - Пс. 50:6.
[122] - Мк. 12:28–31.
[123] - Мф. 22:38.
[124] - Мк. 12:31.
[125] - Мк. 12:32–33.

[126] - Мк. 12:34.
[127] - Мф. 5:48.
[128] - Мф. 5:45–48.
[129] - Мф. 5:43.
[130] - Мф. 5:44.
[131] - Мф. 5:45.
[132] - Мф. 5:46–48.
[133] - Ин. 13:34.
[134] - Ин. 13:35.
[135] - Ин. 15:12–13.
[136] - Ин. 14:23–24.
[137] - Лк. 6:29.
[138] - Лк. 6:29.
[139] - Лк. 6:30.
[140] - Лк. 6:31.
[141] - Исх. 21:24.
[142] - Лк. 6:32.
[143] - Лк. 6:33.
[144] - Лк. 6:34.
[145] - Лк. 6:35.
[146] - Лк. 6:36.
[147] - 1Кор. 7:12–13.
[148] - То есть брак, зарегистрированный соответствующими органами государственной власти.
[149] - Мф. 10:21–22.
[150] - Мф. 18:7.
[151] - Мф. 10:32–34.
[152] - Мф. 10:35–36.
[153] - Мф. 10:37.
[154] - См. Пс. 115:2.
[155] - Мф. 10:38–39.
[156] - См. 1Тим. 5:8.
[157] - Мк. 7:8–12.

158 - Быт. 1:22.
159 - Быт. 1:22.
160 - Лк. 14:26.
161 - Евр. 4:12.
162 - Ин. 21:7.
163 - Мф. 11:25–26.
164 - Мф. 11:27.
165 - Мф. 11:28.
166 - Мф. 11:29.
167 - Мф. 11:29.
168 - Мф. 11:29–30.
169 - См. Рим. 6:18–20.
170 - Мф. 18:1–3.
171 - Мф. 18:4.
172 - Мф. 18:10.
173 - Мф. 25:31–40.
174 - Проверено.
175 - Мф. 18:1.
176 - Мф. 20:20–23.
177 - Мф. 20:24–25.
178 - Мк. 10:42.
179 - Мф. 20:26–27.
180 - Мф. 20:28.
181 - Лк. 14:7–11.
182 - Ин. 13:2–5.
183 - Ин. 13:6–8.
184 - Ин. 13:9–10.
185 - Ин. 13:12–15.
186 - См. 1Кор. 13:7.
187 - Ин. 13:16.
188 - Ин. 13:17.
189 - См. Флп. 3:13.
190 - См. Мф. 23:23–24.

[191] - Мф. 13:24–29.
[192] - Мф. 13:30.
[193] - Мф. 13:36–43.
[194] - Мф. 10:16.
[195] - Мф. 10:16–18.
[196] - Мф. 10:18–20.
[197] - Мф. 10:21–22.
[198] - Мф. 10:23–25.
[199] - Мф. 10:26.
[200] - Мф. 10:27–28.
[201] - Мф. 10:29–31.
[202] - Мф. 10:32–36.
[203] - 1Фес. 5:3.
[204] - Мф. 10:37–38.
[205] - Мф. 24:9.
[206] - Мф. 24:10–12.
[207] - См. 2Тим. 3:5.
[208] - Мф. 24:13.
[209] - Лк. 8:11–15.
[210] - Мф. 11:12.
[211] - Лк. 21:19.
[212] - см. Лк. 8:5.
[213] - См. Ин. 16:2.
[214] - См. Лк. 23:39–42.
[215] - См. Флп. 1:23–24.
[216] - См. Мк. 3:5.
[217] - См. Ин. 11:33.
[218] - Ин. 11:36.
[219] - Быт. 1:10.
[220] - Быт. 1:31.
[221] - Иак. 4:17.
[222] - Мк. 7, 2–6.
[223] - Мк. 7, 7–13.

[224] - Мк. 7, 14–16.
[225] - Мк. 7:17–19.
[226] - Мк. 7:20–23.
[227] - Мф. 5:28.
[228] - Мф. 5:8.
[229] - Мф. 23:26.
[230] - Ин. 14:6.
[231] - Мф. 11:12.
[232] - Лк. 17:21.
[233] - Мф. 5:28–30.
[234] - Мф. 5:30.
[235] - Мф. 18:7.
[236] - Мф. 18:8–9.
[237] - Мк. 9:43–48.
[238] - Лк. 7:36–38.
[239] - Лк. 7:39.
[240] - Лк. 7:40–48.
[241] - Лк. 7:49–50.
[242] - Мф. 5:8.
[243] - Ин. 8:2–8.
[244] - См. Иак. 2:10.
[245] - Ин. 8:9–11.
[246] - Мф. 15:19.
[247] - Мф. 5:29.
[248] - Мф. 5:27–28.
[249] - Исх. 20:14.
[250] - Мф. 5:29.
[251] - Мф. 5:30.
[252] - Мф. 19:3–9.
[253] - Мф. 19:10.
[254] - Мф. 19:11.
[255] - Мф. 19:12.
[256] - Мф. 22:23–28.

[257] - Мф. 22:29–30.
[258] - Шестой Вселенский собор, правило 77.
[259] - См. Пс. 77:65.
[260] - Мф. 3:7.
[261] - Ин. 3:36.
[262] - Мф. 5:21–22.
[263] - См. Лк. 17:33.
[264] - См. Лк. 14:26.
[265] - См. Мф. 15:11.
[266] - Мф. 5:23–24.
[267] - Мф. 6:12.
[268] - Мф. 5:25–26.
[269] - Мф. 16:21–23.
[270] - Мк. 3:1–4.
[271] - Мк. 3:5.
[272] - Ин. 2:13–16.
[273] - Ин. 2:17–21.
[274] - Лк. 18:1.
[275] - Лк. 18:2–7.
[276] - Мф. 6:16–18.
[277] - Мф. 9:14–15.
[278] - Мф. 19:21–22.
[279] - Лк. 21:25.
[280] - Лк. 21:26–28.
[281] - Ин. 16:5–7.
[282] - Ин. 16:20.
[283] - Ин. 16:21–22.
[284] - Мк. 14:34.
[285] - Мк. 14:35.
[286] - Лк. 22:44.
[287] - Мф. 26:40.
[288] - Мф. 26:43.
[289] - Лк. 22:45.

[290] - Мф. 26:41.
[291] - Лк. 24:16–17.
[292] - Мф. 27:1–5.
[293] - Мф. 26:69–75.
[294] - См. Ин. 12:6.
[295] - Ин. 21:17.
[296] - Мф. 6:24.
[297] - Мф. 6:25.
[298] - См. Еккл. 5:17.
[299] - Агг. 1:6.
[300] - Мф. 6:26.
[301] - Мф. 6:27–28.
[302] - Мф. 6:31–32.
[303] - Мф. 6:33.
[304] - Мф. 6:34.
[305] - Лк. 16:10.
[306] - Лк. 16:11.
[307] - Лк. 16:12.
[308] - Лк. 16:13.
[309] - Лк. 16:14.
[310] - Лк. 16:15.
[311] - Лк. 16:19–21.
[312] - Мф. 9:9.
[313] - См. Мф. 16:21–22.
[314] - Ин. 12:1–8.
[315] - Мф. 26:14–16.
[316] - Никифор (Баженов), архим. Библейская энциклопедия. М., 2006. С. 874.
[317] - Ин. 6:70.
[318] - См. 1Кор. 13:7.
[319] - Мф. 16:23.
[320] - См. Гал. 5:13.
[321] - Мф. 6:1–2.

322 - Мф. 6:3.
323 - Мф. 6:3–4.
324 - Мф. 6:5.
325 - См. Пс. 26:6.
326 - Мф. 6:6.
327 - Мф. 6:7.
328 - Мф. 6:12.
329 - Мф. 6:14.
330 - Мф. 6:16.
331 - Мф. 6:17.
332 - Мф. 6:18.
333 - Мф. 6:19–21.
334 - Мф. 23:1–3.
335 - Мф. 23:4.
336 - Мф. 23:5.
337 - Втор. 6:4–5.
338 - Мф. 23:6.
339 - Мф. 23:6–7.
340 - Мф. 23:8–10.
341 - Мф. 23:11–12.
342 - См. Деян. 6и 4.
343 - Мф. 23:13–14.
344 - Мф. 23:15.
345 - Мф. 23:23–24.
346 - Мф. 23:25.
347 - Мф. 23:26.
348 - Мф. 23:27.
349 - Мф. 23:28.
350 - Мф. 23:29–31.
351 - Мк. 8:38.
352 - Ин. 5:44.
353 - Ин. 12:42–43.
354 - Лк. 19:2–5.

[355] - Ин. 9:24–34.
[356] - Лк. 22:35–37.
[357] - Лк. 22:38.
[358] - См. Ис. 53:3.
[359] - См. Ин. 13:8.
[360] - См. Ис. 50:6.
[361] - См. Гал. 5:22–23.
[362] - Мф. 22:39.
[363] - Мф. 7:1–2.
[364] - Иов. 36:17.
[365] - Мф. 7:3–4.
[366] - Мф. 7:5.
[367] - Лк. 6:37–38.
[368] - Лк. 6:38.
[369] - Мф. 5:22.
[370] - Мф. 18:15–18.
[371] - Лк. 11:42.
[372] - Ин. 8:1–11.
[373] - Иак. 2:11.
[374] - Лк. 23:39–43.
[375] - Мф. 25:34–40.
[376] - Мф. 25:41–46.
[377] - Иак. 3:2.
[378] - См. Мф. 15и 19:20.
[379] - См. Мф. 15и 20.
[380] - Мф. 5:28.
[381] - Ин. 15:1–2.
[382] - Ин. 15:3.
[383] - Ин. 15:4.
[384] - Ин. 15:5.
[385] - Ин. 15:6.
[386] - см. 1Кор. 11:27.
[387] - Ин. 15:7.

[388] - Ин. 15:8.
[389] - Мк. 16:17.
[390] - Ин. 16:23.
[391] - См. Мф. 7:9.
[392] - Мк. 12:30.
[393] - Мф. 22:39.
[394] - Мф. 5:45–48.
[395] - 1Пет. 3:9.
[396] - Не могу найти. И не могу даже упомнить, где у свт. Игнатия говорится хотя бы приблизительно что-то подобное.
[397] - Мф. 3:2.
[398] - Лк. 18:13.
[399] - Рим. 13:4–5 и 7.
[400] - 1Фес. 5:17.
[401] - Деян. 10:34.
[402] - В 2009 году Ново-Тихвинским монастырем выпущен двухтомник «Трезвомыслие» – сборник творений русских подвижников благочестия о молитве Иисусовой.
[403] - Мк. 2:27.
[404] - 1Ин. 4:1.
[405] - См. 1Ин. 4:2–3.
[406] - Лк. 21:36.
[407] - Мф. 7:7–11.
[408] - Мф. 6:5–6.
[409] - Мф. 6:7–8.
[410] - Лк. 11:5–6.
[411] - Лк. 11:7.
[412] - Лк. 11:8.
[413] - Лк. 18:1.
[414] - Лк. 18:2.
[415] - Лк. 18:3.
[416] - Лк. 18:4–5.
[417] - Лк. 18:6.

[418] - Лк. 18:7.
[419] - Лк. 18:8.
[420] - Лк. 18:8.
[421] - Лк. 21:34–36.
[422] - Втор. 15:9.
[423] - Ин. 14:13–14.
[424] - Ин. 15:4.
[425] - Ин. 15:5.
[426] - Ин. 15:6.
[427] - Лк. 18:11–12.
[428] - Лк. 18:13.
[429] - Лк. 18:14.
[430] - См. Мф. 16:15–16.
[431] - 1Кор. 12:3.
[432] - Мф. 16:17.
[433] - Мк. 16:15–18.
[434] - Лествица. Слово 21, п. 7.
[435] - Лк. 21:36.
[436] - 1Фес. 5:17.
[437] - Мк. 16:17.
[438] - Ин. 16:23.
[439] - См. Мф. 18:6.
[440] - См. 1Ин. 3:2.
[441] - Мф. 12:30.
[442] - См. Мф. 15:19.
[443] - Мф. 6:7.
[444] - См. 1Ин. 4:1.
[445] - Мф. 5:28.